

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Социологический факультет
Дальневосточный федеральный университет
Школа гуманитарных наук

ПРОБЛЕМЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ: РОССИЯ И СТРАНЫ АТР

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием

Владивосток

11–13 ноября 2015 г.

Владивосток
Дальневосточный федеральный университет
2015

УДК 316.42

ББК 60.56

П78

Издание материалов конференции осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), договор № НК 15-06-2084045 от 17 сентября 2015 года

Редакционная коллегия:

И.Г. Кузина, канд. ист. наук, профессор (отв. ред);

В.В. Зырянов, канд. экон. наук, доцент;

Е.Ю. Костина, канд. социол. наук, доцент

Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР : материалы Всерос. научно-практич. конф. с междунар. участием, Владивосток, 11–13 ноября 2015 г.) / [отв. ред. И.Г. Кузина]. – Владивосток : Дальневост. федерал. ун-т, 2015. – 368 с.

ISBN 978-5-7444-3666-7

Конференция объединяет исследователей в области социологии и посвящена актуальным проблемам моделирования социальных процессов. Во время работы конференции обсуждались дискуссионные вопросы соотношения качественных и количественных методов социологического исследования, модели социального управления в контексте международной интеграции России со странами АТР, проблемы и перспективы международного взаимодействия в целом.

В рамках конференции проходило выездное заседание учебно-методического совета по социологии, в связи с чем часть материалов затрагивает актуальные проблемы социологического образования в России.

УДК 316.42

ББК 60.56

ISBN 978-5-7444-3666-7

© ФГАОУ ВПО «ДФУ», 2015

Содержание

Раздел 1. Моделирование социальных процессов	8
<i>Арутюнян А.С.</i> Исторические противоречия групп интересов и их роль в моделировании социальных процессов.....	8
<i>Байков Н.М., Березутский Ю.В.</i> Доверие как модель социального взаимодействия: теоретические и эмпирические аспекты	10
<i>Бондаренко М.Н.</i> Трехмерная модель восприятия телевидения региональным телепотребителем	13
<i>Васильев В.П.</i> Фактор человеческого капитала в моделировании социальных процессов	15
<i>Винокурова У.А.</i> Модель арктической личности в системе образования.....	17
<i>Волосков И.В.</i> Сценарии развития системы ценностей российского студенчества в условиях социально-экономического кризиса российского общества.....	19
<i>Давыдов С.А.</i> Использование эвристических процедур при моделировании социальных объектов	20
<i>Долгоруков А.М.</i> Жизненные циклы социальных систем: антропо-социо-культурный сценарий.....	22
<i>Егорова Н.Ю., Кутявина Е.Е.</i> Молодая семья как социальная и познавательная модель.....	24
<i>Извеков И.Н.</i> К вопросу разработки концептуальной модели формирования генеалогической культуры молодежи.....	28
<i>Изосина Е.В., Прошкина К.В.</i> Особенности применения моделирования в современной социологии	31
<i>Ковтун Г.С.</i> Основные концептуальные модели коррупции в отечественной социологии	33
<i>Кукса Л.П.</i> Концептуальная модель социума и национальная идея России	36
<i>Лонцов В.В., Прончев Г.Б., Третьякова И.В.</i> Моделирование процессов защиты конфиденциальной информации в виртуальных социальных средах	40
<i>Маревицева Н.А., Михайлов А.П., Петров А.П., Прончева О.Г.</i> Моделирование информационного нападения и информационного противоборства в социуме	43
<i>Могильчак Е.Л.</i> Опыт моделирования экономической культуры студентов с помощью факторного анализа	45
<i>Савельев А.Н.</i> Социально-экологические особенности демографии человечества в современном обществе	46
<i>Семьянов С.А.</i> Особенности социальных представлений человека, в контексте этнического восприятия	48
<i>Томских М.С.</i> Модель качества жизни как механизм обеспечения достойного качества жизни населения	49
<i>Омуралиев Н.А.</i> Моделирование процессов стабилизации межэтнических отношений в Кыргызской Республике	52
<i>Цэвээний Ц.</i> Методологические принципы построения модели социальных идентичностей.....	56
Раздел 2. Модели социального управления и международная интеграция	59
<i>Амозова Л.Н.</i> Моделирование компонентов организационной культуры современной компании	59
<i>Барков С.А.</i> Социальное управление: формирование наднационального уровня.....	61
<i>Белова Е.И.</i> Актуальные проблемы финансовой грамотности в современном мире.....	64
<i>Бурмыкина И.В.</i> Социологическая диагностика инновационного развития муниципальных образований	66
<i>Бутуева З.А.</i> Проблемы управления системой социальной защиты в условиях демографического старения населения.....	68
<i>Гавриленко О.В., Маркеева А.В.</i> Современные технологии социального прогнозирования (на примере «wildcards»)	71
<i>Желнина Е.В.</i> Методологические принципы социально-управленческого моделирования в сфере инновационной активности: методологический аспект	74
<i>Катаев Д.В.</i> Реформирование традиционных бюрократий в концепциях «Новое государственное управление» в веберовской перспективе	79
<i>Килимова Л.В.</i> Корпоративная культура как элемент управления профессиональной деятельностью персонала	82
<i>Макаров С.Н.</i> Когнитивная культура эксперта при анализе управленческой информации	85
<i>Новичкова В.А.</i> Значение социального анализа в маркетинговой среде	87

<i>Отделкина Т.Н., Саралиева З. Х-М.</i> Социологические исследования как фактор модернизации региональной социальной политики	89
<i>Паначёва А.С.</i> Социальная реклама как коммуникация государства и общества.....	92
<i>Подгорная Ю.Б.</i> Социально-психологические аспекты модели российского частного инвестирования.....	93
<i>Подъячев К.В.</i> Модели организации социального управления в регионах РФ: опыт эмпирического обобщения	96
<i>Пиеничных Е.А.</i> Антикоррупционная политика государства – фактор повышения уровня нравственности на государственной службе	99
<i>Раков С.Е.</i> Общечеловеческие ценности - это созданный природой стандарт восприятия людьми окружающего мира и общения между собой.....	102
<i>Томилов В.А.</i> Социальное управление: фрактальный анализ	106
<i>Тюплина И.А.</i> Трудоустройство выпускников вузов в условиях моногорода как проблема социального управления	109
<i>Щекотин Е.В.</i> Проблема управления в турбулентном социуме.....	111

Раздел 3. Математические методы в качественной социологии114

<i>Ардальянова А.Ю., Кузина И.Г.</i> Количественные и качественные методы социологического исследования феномена молитвы	114
<i>Ардальянова А.Ю., Винокурова А.В.</i> Мигранты и проблемы культурной интеграции в Приморском крае: опыт количественно-качественного анализа	116
<i>Басимов М.М.</i> Межнациональные оценки как следствие выраженности личностных типов.....	120
<i>Бегина И.А.</i> «Религиозная вера» как социальный феномен в жизни саратовской молодежи: по результатам фокус-групп.....	123
<i>Белова Т.П.</i> Особенности социологического изучения процесса воцерковления православных и протестантов	125
<i>Гудина О.В., Старикова М.М.</i> Использование метода контент-анализа тематических форумов для изучения жилищных условий населения	128
<i>Еськова А.В., Филипова А.Г.</i> Институционализация и развитие российской социологии детства: опыт когнитивного картирования (по материалам экспертных интервью)	131
<i>Килимова Л.В., Федосова И.А.</i> Интернет-практики личности в условиях формирования информационного общества	135
<i>Клишина М.Б., Осмачко Н.В.</i> Моделирование языковой личности сотрудников органов внутренних дел: опыт социолингвистического исследования	138
<i>Кривошеев В.В.</i> Фантомы электронной культуры	141
<i>Мальцева А.В., Махныткина О.В., Шилкина Н.Е.</i> Математические методы анализа социально-структурной специфики регионов России	142
<i>Маркова Ю.С., Плотникова Е.Б.</i> Изучение инновационного потенциала населения региона: возможности методики социологического анализа (на примере Пермского края)	143
<i>Немирова Н.В.</i> Методология grounded theory при оценке социальной нагрузки беженцами инфраструктуры региона	145
<i>Тавадова А.В.</i> Свобода и ответственность в фокусе теоретической и практической социологии	148

Раздел 4. Роль социологии в решении актуальных социальных проблем региона152

<i>Аммосова А.К.</i> Имидж города Якутска как фактор его продвижения	152
<i>Архипова Л.Ю., Карташова Е.Н.</i> Проблема ценности семейных установок в современном обществе	153
<i>Бадонов А.М.</i> Опыт оказания мер социальной поддержки семьям с детьми в Республике Бурятия ..	155
<i>Васильева М.В.</i> Республиканская поддержка молодых семей	158
<i>Голик Н.В., Винокурова А.В.</i> Проблемы и перспективы развития дистанционного образования детей с ограниченными возможностями здоровья в Приморском крае: опыт мониторингового исследования	159

<i>Гончарова С.В., Кожуховская А.А.</i> Молодежь на рынке труда и мотивы выбора профессии (на материалах социологического исследования среди школьников г. Владивостока)	161
<i>Гребельных Т.И., Кузьмина Е.С.</i> Экспертно-аналитическая функция социологии в исследовании роли Общественной палаты региона в формировании гражданского общества (на примере Иркутской области)	165
<i>Дементьева И.Н.</i> Исследование общественных настроений в региональном социуме (на примере Вологодской области)	168
<i>Деханова Н.Г.</i> Социальное неравенство в современной России: роль региональной составляющей .	170
<i>Ермилова А.В.</i> Особенности социально-экономического положения пожилых людей: региональный аспект ..	172
<i>Ефимова В.Л.</i> Социология моды: тенденции развития модных прогнозов	174
<i>Исакова И.А.</i> Профилактика насилия в школе: социологический анализ	176
<i>Калашникова С.М.</i> Исследование ценностных ориентаций современных старшеклассников как один из факторов решения региональных проблем	179
<i>Кан В.С.</i> Этносоциальные факторы высокой рождаемости в Республике	182
<i>Кизим В.В., Костина Е.Ю.</i> Трудности организации деятельности интернатных учреждений для детей, оставшихся без попечения родителей, влияющие на внутриинтернатную социализацию воспитанников	185
<i>Клепова М.И.</i> Роль социальной защиты населения в решении проблемы беспризорных и безнадзорных детей в России и Воронежской области	186
<i>Ковалева Г.А.</i> Оценка здоровья и факторов риска жителями города Череповца (по материалам исследования в рамках социологического сопровождения проекта «Здоровый город»)	188
<i>Кузина И.Г., Лободенко А.С.</i> Проблемы функционирования студенческой семьи в условиях трансформации современного российского общества	191
<i>Курносова Л.С.</i> Исследования персонала в ННГУ им. Лобачевского	193
<i>Кучерук А.А.</i> Подростковая беременность как социальная проблема в современном обществе	196
<i>Лазарева М.С.</i> Социальные проблемы Алтайского края	198
<i>Ляхов А.В.</i> Необходимость образования как фундаментальная потребность демократического общества	201
<i>Орлова Н.А., Тимченко О.А.</i> Отношение студентов ДВФУ к реализации государственной молодежной политики (на примере конкретного социологического исследования)	204
<i>Сёмина Т.А.</i> Роль благотворительности в решении социальных проблем на региональном уровне: социологический анализ	206
<i>Стекольщикова А.А.</i> Отношение жителей города Владивостока к проблеме социального сиротства: по материалам социологического исследования	209
<i>Федосова И.А.</i> Феномен интернет-зависимости в студенческой среде	212
<i>Цветкова Г.А.</i> Участие россиян в местном самоуправлении как ресурс социальных преобразований	215
<i>Чернаков А.А.</i> Общественные Советы – как форма непосредственного народовластия?	217
Раздел 5. АТР и Россия в зеркале социальных наук	220
<i>Апрелов Е.А., Костина Е.Ю.</i> Корейский менталитет сквозь призму семейных ценностей жителей Южной Кореи	220
<i>Бийжанова Э.К.</i> Социокультурный потенциал приграничья	222
<i>Ерохин А.К.</i> Базовые основания системы образования Китая	225
<i>Ерохина Л.Д., Трифонова Г.А.</i> Новые маршруты миграции в Приморском регионе	227
<i>Злотников А.Г.</i> Китайская кредитная миграция в Беларуси	230
<i>Ильченко О.Ю.</i> Положение женщин в системе уголовного правосудия	233
<i>Кондратенко Г.В.</i> Внутренняя миграция в Китае: сценарии отказа от институциональных барьеров.....	236
<i>Купряшкин И.В.</i> Развитие неразвитости: Дальний Восток и Россия в мир-экономике	239
<i>Левшин С.В.</i> Анализ ценностей России и стран северо-восточной Азии (Япония, Китай, Корея) по данным «Всемирного обзора ценностей»	241

<i>Летин А.П.</i> Социология в странах Юго-Восточной Азии: постановка проблемы	244
<i>Меремьянина Е.С.</i> Феномен национальной идентичности в контексте социальной интеграции: Россия и КНР	246
<i>Потиль В.А.</i> Обучение специальности «реклама» в вузах КНР: синтез науки и практики	248
<i>Судьин С.А.</i> Особенности функционирования институтов гражданского общества в сфере психического здоровья в современной России	251
<i>Трошкина И.Н.</i> Семья: преодоление «вызова» (с включением материалов по хакасской семье)	254
<i>Чжэн Хайлунь.</i> Происхождение, развитие и концепция городского подземного пространства	256
<i>Шаповалова П.В.</i> «Успешный» провал программы «одна семья – один ребенок»	258
Раздел 6. Проблемы и перспективы взаимодействия России и АТР	260
<i>Бушкова-Шиклина Э.В., Кириллова Е.П., Старикова М.М.</i> Проблемы и перспективы устойчивого развития современного вуза в условиях международной интеграции	260
<i>Гончарова Н.П., Дергунова И.В., Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А.</i> Факторы удовлетворенности программами молодежных обменов между странами ШОС: субъективные оценки участников	262
<i>Казакова А.А.</i> Глобализация рисков: опыт «восходящих стран Юга»	265
<i>Налунина Д.Е.</i> Вовлеченность студентов в международную деятельность ДВФУ в АТР: практика и перспективы (на материалах социологического исследования)	267
<i>Потапнина К.В.</i> Развитие торгово-экономических отношений России со странами Востока в контексте современных тенденций глобализации	270
<i>Самойленко П.Ю.</i> Информационные риски и проблемы восприятия Дальнего Востока России в контексте развития сотрудничества со странами АТР на современном этапе	272
<i>Свердликова Е.А.</i> Изучение динамики ценностей российской деловой культуры в контексте перспектив взаимодействия России и стран АТР	276
<i>Соколова М.М.</i> Академическая мобильность студентов стран АТР: проблемы и перспективы развития	278
<i>Сорокина П.А., Костина Е.Ю.</i> Приграничное сотрудничество России и КНДР как фактор построения добрососедских отношений	279
<i>Хижнякова А.С.</i> Социальная адаптация иностранных студентов в Дальневосточном федеральном университете и Шанхайском университете иностранных языков: сравнительная характеристика	282
<i>Хомченко Т.Э.</i> Современное состояние и перспективы развития торгово-экономических отношений между Россией и странами АТР	285
Раздел 7. Социологическое образование в регионах России	288
<i>Андрощук А.А.</i> Социально-практическая отдача социологии образования в регионах	288
<i>Асадуллина Г.Р.</i> Методологические предпосылки использования причинного анализа в экономической социологии	290
<i>Бадаляню О.В.</i> Социальное знание и социологическое образование: проблема соотношения в аспекте функций воспитания	292
<i>Васильева Е.В.</i> Программа STS как часть социологического образования	294
<i>Воробьева И.В.</i> К вопросу об оценке качества социологического образования и социологических исследований в России	298
<i>Восканян Э.С.</i> Социологическое образование в современном российском обществе	301
<i>Григорьев С.И., Гусякова Л.Г., Говорухина Г.В.</i> Социологическое образование в России: от прошлого к будущему	302
<i>Ерохин А.К., Ерохина Л.Д., Трифонова Г.А.</i> Значение ролевой игры в формировании у иностранных и российских студентов интереса к изучению гуманитарных дисциплин в высшей школе	304
<i>Ждан А.Б.</i> Роль социальных факторов в образовательной траектории студентов	307
<i>Злотников А.А.</i> Некоторые проблемы социологического образования в Республике Беларусь	308

<i>Зырянов В.В.</i> Аспирантура как уровень образования: готовность российских университетов	310
<i>Измоденова Н.Н.</i> Опыт социологического образования в филиале	313
<i>Истомина А.П.</i> Трансформация современного высшего образования: к постановке проблемы	315
<i>Квиткина Л.Г.</i> Социологический практикум как эффективный метод профессиональной подготовки социологов	318
<i>Козлова Л.В.</i> Профессиональный стандарт социолога: проблемы разработки и применения	320
<i>Козырев Г.И.</i> Социологическое образование в условиях сужения границ гражданского общества ...	322
<i>Кривоносова Л.А.</i> Социологическое образование и оценка конкурентоспособности образовательных программ	325
<i>Лазаричева С.Г.</i> Особенности организационной структуры университетов предпринимательского типа	327
<i>Логутова М.А., Логутова Е.В.</i> Роль социологии в изучении сферы образования	330
<i>Малахов Ф.В.</i> Представления о плагиате в научных работах: результаты опроса студентов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова	332
<i>Михайлова А.В.</i> Опыт реализации программы бакалавриата по социологии в федеральном ВУЗе (на примере Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова)	335
<i>Никитенко В.Н.</i> Образование: холистическая парадигма	337
<i>Носкова А.В., Титова М.А.</i> Стандартизация в социологическом образовании: проблемы и перспективы	340
<i>Обрывалина О.А.</i> Перспективы внедрения электронного обучения в профессиональное образование социологов	342
<i>Оганян К.К.</i> Социально-психологический и социально-педагогический аспекты анализа личности в рукописи Стронина А.И.	344
<i>Осмачко Н.В.</i> Прикладные проблемы реализации компетентностного подхода в подготовке студентов направления «Социология»	346
<i>Проказина Н.В.</i> Общественная роль социологического знания	349
<i>Прянишникова О.Д.</i> Формирование системы профессиональных квалификаций: проблемы и перспективы	353
<i>Щукина Н.П., Манчев В.А.</i> Подготовка бакалавров в ракурсе профессиограммы социолога	356
<i>Сведения об авторах</i>	360

РАЗДЕЛ 1. МОДЕЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ГРУПП ИНТЕРЕСОВ И ИХ РОЛЬ В МОДЕЛИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Арутюнян А.С.

К истории вопроса. По мнению отдельных исследователей, четверть века назад Россия вступила в эпоху преобразований и трансформаций. Альтернативная точка зрения, то, что процессы, разворачивавшиеся два десятилетия назад, не имеют ничего общего с прогнозируемыми изменениями, а по существу являются олицетворением форсированного распада социальной, экономической, культурно-этнической инфраструктуры СССР. Значимой, и различной по содержанию, была и роль групп интересов в становлении упомянутых событий. В условиях транзитивной экономики игнорирование действий групп интересов при разработке сценариев и моделировании социальных процессов чревато созданием конъюнктурных научно-практических разработок, а также невозможностью своевременно реагировать на необходимые изменения в экономической, социальной и технологической инфраструктуре государства.

Исторические и социальные предпосылки необходимо учитывать при моделировании социальных процессов. Агрессивное поведение ряда групп интересов, встроенных в систему принятия решений, негативно сказывается как на качестве государственной политики, так и на социальном самочувствии населения.

Экономический интерес как ключевой фактор. Первым и фундаментальным противоречием является то, что на протяжении длительного времени в России уделяется недостаточное внимание социальным конфликтам и противоречиям, которые вызревали, если не столетиями, то, как минимум десятилетиями. В СССР принцип формирования госаппарата, и система управления формировала конкретные ожидания в социальной среде. С одной стороны, распределительная система благ гарантировала лояльность рядовой номенклатуры, с другой, делала крайне зыбким положение политической элиты, в условиях экономической и политической нестабильности. Апогей разочарований пришелся на 80-90 гг. XX века. Спекуляция политической элитой тезисом о неминуемом приходе «светлого будущего» также не упрочила позиций политического строя.

Номенклатура является профессиональной группой управленцев, которые выполняют волю политической элиты. Различие между названными категориями состоит в том, что политическая элита избирается, а принцип пополнения номенклатуры («номенклатурный принцип») – назначение [см., например: Социальные..., 1998]. Перестройка социально-ментальной парадигмы общества, путем импорта клишированных демократических моделей, в основе которых лежал механизм заполнения идеологического вакуума посредством потребления дефицитных товаров, не принес ощутимых результатов. Групповое сознание основной массы населения формировалось в условиях директивного управления. Возможно, именно этим и объясняется:

- Огромная политическая роль бюрократии;
- Патернализм и клиентализм;
- «Выключенность» некоторых народных масс из повседневного политического процесса, ограниченность сферы публичной политики; а, следовательно, массовая политическая инертность;
- Отсутствие цивилизованных (или хотя бы корректных) форм взаимодействия между «верхами» и «низами»; правовой нигилизм и тех, и других [Василик, Вершинин, 1998: 4].

Политическая аморфность и потребность в директивном управлении – эта компонента, с которой придется считаться и учитывать еще не одно десятилетие, при планировании социальных преобразований, в которых все заметней становится роль экономических групп интересов

2) Второе и не менее важное обстоятельство, то, что в результате рыночных преобразований, было положено начало формированию малопонятной политической повестки для большей части населения. Британский философ, экономист, публицист и общественный деятель Дж. Милль в своих

работах указывал, что социальные преобразования возможны на основе перераспределения прибыли через признание необходимости добровольного ограничения потребностей в общественной жизни. Подразумевается, что люди должны учитывать взаимные интересы, тем самым сдерживая и дисциплинируя эгоизм. Группы интересов в постсоветской России, к сожалению, продемонстрировали диаметрально противоположную позицию. Во многом, это поспособствовало укоренению эгоцентризма в рядах групп интересов, дальнейшему «закупориванию» их от общества. Тезис, о том, что экономические ресурсы используются эффективно только тогда, когда они используются способом, который полностью раскрывает все возможности улучшить благополучие каждого, не нашел душевного отклика, соответственно и практической реализации [Кругман и др., 2011].

Корпоративные интересы и интересы сохранения региональных (федеральных) элит – это сфера социальных взаимоотношений, которая может выступить как в роли экономического мультипликатора развития регионов, так, и в роли социального демпфера. Неслучайно интересы крупного бизнеса (корпораций) и так называемых «элит» - высокоресурсных групп, которые, по сути, являются экстерриториальными, не только не ориентированы в гуманистическом секторе, но и весьма ограничены в проявлении социальной ответственности в регионах, на территориях которых они действуют, замыкаясь преимущественно на своих корпоративных интересах [Маркин, 2015].

Теоретический аспект. Обращаясь к структурационной теории Э. Гидденса, допускается, что упомянутая политическая аморфность и экономический эгоцентризм групп интересов – это продукт не только эволюции экономических отношений, но в каком-то смысле политической деградации. Это явление характерно не только для российских групп интересов, но и для зарубежных. Упомянутые процессы можно разделить на два этапа.

1-й этап. В обществах досовременной эпохи время всегда было соединено с пространством, а измерение времени не было точным [Ритцер, 2002]. История XX века нам демонстрирует, что представители старшего поколения мерили эпоху прорывами в различных сферах жизни, массовыми надеждами, как и их потерями. Стоит ли говорить о политических лидерах, чья биография изучается не одним поколением школьников и студентов, и не имеет ничего общего с тем калейдоскопом лиц, который останется в памяти на одно, в лучшем случае на два десятилетия, и то у одного поколения.

2-й этап. Связан с изменением и геополитического и экономического ландшафта СССР, созданием Европейского союза – это можно обозначить наступлением эпохи модернизации. При наступлении модернизации время было стандартизировано, и тесная связь между временем и пространством была нарушена. В этом смысле, как из времени, так и из пространства было «выкачено» содержание; никакое конкретное время или пространство не занимают привилегированного положения; они стали чистыми формами [Ритцер, 2002]. Именно «чистым формам» суждено было стать вместилищем социальных пустот, которые возникли на фоне интенсивной экспансии потребительских моделей и эшелонированной активизации лоббистских групп.

Говоря о роли исторических противоречий групп интересов в моделировании социальных процессов, следует выделить следующее:

- 1) Реализация экономических и социальных преобразований, невозможна без понимания доминирующих образцов поведения и главенствующих мифов в обществе;
- 2) Социальные интересы будут регулярно подвергаться корректировке в угоду экономической конъюнктуры. В этой связи необходимо продумывать компенсаторные механизмы покрытия экономических издержек группам интересов;
- 3) Всестороннее и детализированное моделирование социальных процессов возможно только на основе современных прикладных вычислительных комплексов.

К вышесказанному следует добавить, что искусством моделирования могут овладеть те, кто обладает оригинальным мышлением, изобретательностью и находчивостью, равно как и глубокими знаниями систем и физических явлений, которые необходимо моделировать. Не существует и магических формул для решения при построении модели таких вопросов, как выбор переменных и

параметров, соотношений, описывающих поведение системы, и ограничений, а также критериев оценки эффективности модели [Шеннон, 1978].

В своих трудах академик Л.И. Абалкин неоднократно ратовал за умелое и грамотное моделирование хозяйственно-экономических процессов страны. Неудивительно, что именно ему принадлежит жесткая критика экономистов, игнорировавших природу социальных противоречий. По его мнению, любые программы, не учитывающие исторического своеобразия страны, ее социокультурных особенностей, господствующих стереотипов массового сознания, оказывались в прошлом и окажутся в будущем бесполезными и нереализуемыми [см., например: Абалкин, Иванов, 2007: 9].

Список литературы

1. Абалкин Л.И., Иванов Е.А. Периодизация развития советской экономики // Экономическая история СССР: очерки / Рук.авт. колл. Л.И. Абалкин - М: НИФА. М., 2007.С.9.
2. Василик М.А., Вершин М.С. Российская модель демократического транзита // Моделирование экономических и социальных процессов: Сб. статей / Под ред. проф. Воротилова и проф. Хосе Гарсия Переса. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1998.
3. Кругман П., Веллс Р., Олни М. Основы экономики: Учебник для вузов /Пер. с англ. СПб.: Питер, 2011.
4. Маркин В.В. Консолидация социального пространства России: проблемы, решения и перспективы в социологическом контексте (Вместо заключения)//Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. М.: Новый Хронограф, 2015. С. 595-600.
5. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002.
6. Социальные исследования в России. Немецко-российский мониторинг / Пер. с нем. М.: Полис, 1998.
7. Шеннон Р. Имитационное моделирование систем – Искусство и наука.: М.: Мир, 1978.

ДОВЕРИЕ КАК МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Байков Н.М., Березутский Ю.В.

Проблема доверия является одной из фундаментальных не только в межличностных, но и во властно-общественных отношениях. К проблеме доверия в разные годы обращались как мыслители прошлого, так и современные социальные исследователи. Так, Ф. Тённис, выделяя два идеальных типа общественного устройства считал, что в общности (Gemeinschaft) доверие является побочным продуктом отношений личной дружбы или знакомства (личное доверие), в обществе (Gesellschaft) речь идет о безличном (овеществленном) доверии как результате растущей экономической взаимозависимости и профессионализации людей [11,с.221].

Э.Дюркгейм приходит к выводу, что «договоры основываются на чем-то нерациональном, которое он определяет, как «преддоговорную солидарность». В действительности это означает, что общество основывается на доверии. В работе, посвященной нарастающему процессу разделения труда, Э. Дюркгейм немало внимания уделил распространению доверия в рамках социальных сетей[4]. М. Вебер [1,с.8] и Г. Зиммель [5,с.369.] определяют доверию ведущую роль в формировании общественных связей, одной из наиболее важных интегрирующих сил в обществе.

Структурно-функциональный анализ определяет доверие как одно из условий, обеспечивающих общественную стабильность в рамках взаимобменов ресурсами между подсистемами общества. Общество может быть самодостаточным только в той мере, в какой оно может «полагаться» на то, что деяния его членов будут служить адекватным «вкладом» в его социетальное функционирование [9,с.21].

Между тем в многочисленных научных исследованиях понятие «доверие» в значительной мере рассматривается как психологизированное явление. Так, известные американские исследователи

утверждают, что «доверие – это уверенность. Противоположность доверия – недоверие, неуверенность» [8, с.6].

Отечественный исследователь Ильясов Ф.Н. определяет доверие как совокупность представлений и настроений субъекта: отражающих его ожидания того, что объект будет реализовывать некоторые функции, способствующие увеличению или сохранению ресурсов субъекта; проявляющихся в готовности субъекта делегировать объекту реализацию этих функций [6, с.34].

В последние десятилетия проблематика доверия вновь стала привлекать внимание социологов. Как отмечает Л. Гудков: «нынешний интерес к теме связан не столько с запросом на более точное понимание природы этого явления, сколько с потребностями причинной интерпретации взаимосвязи или взаимообусловленности особенностей доверия и институциональных структур (экономика, политика и т.п.) в разных странах» [3].

Подчеркивая значимость доверия в организации общественной жизни, известный американский социолог А. Селигмен отмечает, что власть, господство и насилие на какое-то время могут решить проблему социального порядка, организации разделения труда, но «они не способны сами по себе обеспечить основу для поддержания этого порядка в долговременной перспективе» [10, с.7.].

Анализ и опыт исследования феномена доверия представлены в значительном числе публикаций, тем не менее, теорию вопроса нельзя считать в достаточной мере, разработанной, равно как и единого понимания феномена доверия/недоверия. В этой связи, не умаляя значимости имеющихся в науке подходов, можно согласиться с тем, что доверие представляет собой «сложный социальный феномен (закрытое социальное взаимодействие), структура которого представляет собой соединение разных смысловых оснований» [3].

Социологические исследования, проводимые как по всероссийским, так и региональным выборкам, показывают многоуровневый и противоречивый характер социального доверия/недоверия в российском обществе. Опросы фиксируют широкое распространение межличностного недоверия среди россиян, высказываемое по отношению к окружающим (малознакомым) людям. Среди респондентов преобладает настороженное отношение к другим людям. Лишь 37% россиян считают, что людям можно доверять («практически всегда или обычно»). При этом две трети опрошенных считают, что осторожность в отношениях с людьми не помешает («практически всегда или обычно») [2].

В современном российском обществе личностное недоверие сопровождается или компенсируется высоким декларируемым институциональным доверием [12] к особо значимым символическим структурам: главе государства; церкви и армии. Больше всего россияне доверяют главе государства В.В. Путину. Если в 2013 году о том, что президент страны «вполне заслуживает доверия», говорили 55% опрошенных, в 2014 году — 79%, то в 2015 году показатель достиг более 80%. Наиболее существенный рост доверия за последние 2 года фиксируется по отношению к армии: в 2013 году Вооруженным силам страны доверяли двое из пяти опрошенных, а в 2015 году – две трети российских граждан. Каждый второй россиянин (50%) доверяет органам безопасности, правительству (45%). Верхняя и нижняя палаты парламента заслужили по 40% доверия. Церковь по-прежнему остается в тройке институтов, которым больше всего доверяют (54% в 2014 г.). Кроме того, с 2013 года россияне стали меньше доверять правительству РФ, СМИ и профсоюзам.

На региональном уровне в тройке лидеров доверия у каждого второго опрошенного жителя Хабаровского края – суды и прокуратура, у двоих из пяти – полиция. Нижнюю часть рейтинга доверия занимают депутаты (14%), политические партии (13%), управляющие компании (12%), религиозные организации (11%). Низкий уровень доверия отмечен и к общественным организациям и объединениям (порядка трети опрошенных выражают свое доверие им). В качестве причин недоверия опрошенные отмечают: «не знаю ничего об их деятельности» (34,5%), «не видно результатов их работы (28,8%)», «они выполняют задания органов власти, а не решают проблемы людей» (12,5%), «они бесполезны, не эффективны, их мнение нигде не учитывается» (9,6%), «вообще не доверяю никому» (16%) [7].

Ключом к формированию доверия в обществе является развитие правовой культуры гражданственности. Этой традиции у нас практически не было, так как богатство нашей драматической истории составляют силовые и административно-командные методы управления. Признание абсолютных прав личности во всем, что не нарушает прав иной личности, закреплено в Конституции РФ, может пропагандироваться СМИ. Однако все это «недорого» будет стоить до тех пор, пока практика доверия и солидарных связей не станет повседневностью и неотъемлемой частью сознания и поведения, как рядовых граждан, так и представителей органов власти.

В этой связи признание важности основных прав и свобод, гарантированных Конституцией РФ, представления об их нарушениях, способах защиты является индикатором зрелости отношений доверия в обществе. По данным опросов среди жителей края не достигнуто согласия во мнениях о соблюдении или несоблюдении прав и свобод. Доля тех, кто утверждает о соблюдении прав и свобод, составляет половину опрошенных, и эта доля даже несколько подросла за последние пять лет, а их оппонентов – сократилась на 10%. При этом только один из десяти респондентов считает, что в России «никакие права и свободы не ущемляются». В рейтинге ущемляемых в России прав и свобод, по мнению опрошенных, лидирует право на охрану здоровья (24,8%) и замыкают рейтинг религиозные свободы и свобода совести (2,5%) [7].

По мнению каждого четвертого опрошенного, чаще всего ущемляются следующие права: на охрану здоровья, на жилище, на защиту своих прав и свобод, на социальное обеспечение. В то же время ущемление этого набора прав ощутил непосредственно на себе или членах своей семьи за последний год лишь один из десяти опрошенных. Две трети респондентов отметили, что никакие права и свободы непосредственно их или членов семей не ущемлялись за последний год.

Вместе с тем устойчивость приобрели представления граждан о том, что основные причины нарушения прав и свобод человека кроются в коррупции, «беспределе чиновников» и чиновников, которые «думают только о себе, а не о гражданах». Можно по-разному относиться к этим представлениям, но очевидно, что в общественном мнении сформировался негативный образ современной власти и стойкий стереотип недоверия к чиновникам. Как следствие, половина опрошенных жителей края устойчива во мнении, что отношение власти к населению ухудшается. Такая же доля респондентов отмечает перемены к худшему ситуации с коррупцией и взяточничеством.

В этой связи не стоит удивляться, что только 39% респондентов считают, что власть действует в соответствии с интересами основной массы населения. Половина респондентов придерживается отрицательного мнения (50,6%) и считает, что у них нет возможности влиять на решения властей (53,8%). Только незначительная часть (7,5%) респондентов считает, что у таких людей как они, есть возможность влиять на решения властей. В отдельных случаях это допускает четвертая часть опрошенных (26%)[7].

Социальную базу одобрения и поддержки действий органов власти составляет всего пятая часть регионального сообщества. Третью часть представляют «приспособленцы», пятую – «сторонние наблюдатели», менее десятой части – «непримиримые». При этом пятая часть опрошенных затруднилась себя идентифицировать и свои реакции по отношению к действиям власти. Протестный потенциал при ухудшении условий жизни демонстрирует третья часть опрошенных, но половина опрошенных считает неэффективным участие в митингах, пикетах, забастовках. Несмотря на явно выраженное нежелание и отчужденность подавляющей части населения быть вовлеченными в общественную деятельность, каждый второй опрошенный считает, что общественные организации могут быть полезными. Только один из шести это отрицает, а третья часть – затрудняется.

Отечественный опыт постсоветских реформ свидетельствует, что общество нуждается в открытом и честном общественном обсуждении всех наиболее острых вопросов его жизнедеятельности. Зоны умолчания ведут к недоверию, а недоверие – к социальным конфликтам, которые могут вызревать годами, но прорываются мгновенно. Следовательно, политика диалога власти с обществом остается одной из важнейших ценностей демократического развития российского общества.

Список литературы

1. Вебер, М. Избранные произведения: пер. с нем. / М. Вебер; сост., общ.ред. Ю.Н. Давыдова. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
2. Волков, Д., Гончаров, С. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем. Сводный аналитический отчет. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.levada.ru/sites/default/files/potencial_grazhdanskogo_uchastiya_0.pdf
3. Гудков, Л. Доверие в России: смысл, функции, структура. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/g25-pr.html>
4. Дюркгейм, Э. Г. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Г. Дюркгейм ; общ.ред. А. Б. Гофмана. – М. : Наука, 1991. – 576 с.
5. Зиммель, Г. Избранное. В 2 т. Т. 2. Созерцание жизни / Г. Зиммель. – М. : Юристь, 1996.
6. Ильясов, Ф.Н. Типы шкал и анализ распределений в социологии// Мониторинг общественного мнения. – 2014. – № 4 (122).
7. Исследование «Социальная активность жителей Хабаровского края», ДВИУ – филиал РАНХиГС, ноябрь-декабрь 2014г. Опрошено 800 жителей Хабаровского края в возрасте от 18 лет и старше. Выборка маршрутная (поквартирная) многоступенчатая, случайная на этапе отбора респондента. Статистическая погрешность не превышает 4%. Научные руководители–д.с.н., профессор Н.М. Байков и к.с.н., доцент Ю.В. Березутский.
8. Кови-мл., С, Меррилл, Р. Скорость доверия: То, что меняет всё// Стивен Кови-мл., Ребекка Меррилл. – М.: Альпина Паблишер.– 2012.– 466 с.
9. Парсонс, Т. Система современных обществ /Перевод, с англ./Т.Парсонс. - М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
10. Селигмен, А. Проблема доверия / Перевод с англ. И. И. Мюрберг, Л. В. Соболевой./А.Селигмен.– М.: Изд-во Идея-Пресс, 2002. – 200 с.
11. Теннис, Ф. Общность и общество // Теоретическая социология: Антология: в 2 ч. – М. : Книжный дом «Университет», 2002. – Ч. 1. – С. 216–248.
12. Институциональное доверие. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.levada.ru/2015/10/07/institutsionalnoe-doverie/> Опрос проведен 18 – 21 сентября 2015 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 134 населенных пунктах 46 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов. Статистическая погрешность данных не превышает 3,4%.

ТРЕХМЕРНАЯ МОДЕЛЬ ВОСПРИЯТИЯ ТЕЛЕВИДЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫМ ТЕЛЕПОТРЕБИТЕЛЕМ

Бондаренко М.Н.

Информационные взаимодействия и средства передачи и обработки массовой информации играют все большую роль в социализации молодежной аудитории, преемственности социально-культурных и духовных ценностей и традиций. Важно выявить, не только, какую роль играет его воздействие на мнение, взгляды и поведение молодежи, формирование ценностных ориентаций, моделей действий в условиях современного общества, но также, каково мнение молодежи о функционировании такого компонента социальной системы, как телевидение, рассматривая его с трех ракурсов: как социальный институт, выполняющий свою функциональную нагрузку; выделяющуюся из него роль агента социализации, адаптирующего индивида к обществу и диктующего ему свои правила игры; и как способ проведения досуга. Именно такой трехкомпонентный взгляд может дать нам полную и наиболее достоверную картину происходящего, сообразно с построенной теоретической моделью мы и будем рассматривать объект нашего изучения.

В данной работе будут приведены результаты авторского социологического исследования, полевой этап которого проводился с июня по август 2012 года по многоступенчатой квотно-районированной бесповторной выборке.

Мнение саратовской молодежи о современном телевидении оказалось сложным многоуровневым конгломератом самых разнообразных оценок и точек зрения. Проанализируем мнение с позиции разделения функционирования телевидения на индивидуальном и социальном уровнях. На индивидуальном уровне место телевидения в досуговых предпочтениях саратовцев неоднозначно, телевидению отведено предпоследнее место в рейтинге, но при этом 79% ответивших являются постоянными телезрителями, проводят у телеэкрана не менее 4 дней в неделю и не менее 3 часов в день.

Выбирая цель телесмотрения, саратовцы отдали приоритет таким как: развлечение - 31,3%, получение информации - 30,8%, заполнение пространства во время деятельности - 26,8%, то есть одинаково востребованы потребности в рекреации и информатизации, а также выявляется новая потребность – в фоновом сопровождении деятельности.

Характерной особенностью саратовской телеаудитории является приблизительно однородное распространение таких способов телесмотрения как фоновое смотрение (37,4%), заппинг (27,9%) и внимательный телепросмотр (28,9%), основными детерминантами выбора которых являются гендерные характеристики и род занятий респондентов. Телесмотрение мужчин отличается большей рациональностью, основной целью является получение информации, а основным способом - внимательное телесмотрение. Специфика женского телесмотрения такова, что в основе лежит приятное времяпровождение и стремление занять время и, как следствие, предпочтение фонового смотрения. По градации занятости телесмотрение приобретает такую особенность - трудоустроенные группы ставят во главе информатизацию, обучающиеся - просвещение и социализацию, остальные - развлечение.

Предпочтения по видам телепередач распределились так: 61% предпочли фильмы, 42% ответивших выбрали информационные передачи, 36% - музыкальные передачи, 30% - научно-познавательные передачи, 28,5% опрошенных - развлекательные телепередачи, спортивные телепередачи - 17% и мультфильмы - 14%. Самым популярным телеканалом для молодежи Саратова является ТНТ – 21,1% опрошенных, за ним следуют с незначительно отличающимися результатами между собой СТС (12,2%), кабельные каналы (11,7%), Пятница (11,5%) – телеканалы с преимущественно развлекательной направленностью. Предпочтения по наполнению телеэфира показывают, что для регионального телезрителя одинаково важными остаются как развлекательная и фоновая функции, так и информационная.

Рассматривая оценку саратовской молодежью существования факта влияния телевидения на формирование ценностей, было выявлено некоторое противоречие в суждениях: 65% признали влияние телевидения на формирование человеческих ценностей и 69,9% при этом отрицают влияние на их собственный ценностный мир.

Социальный уровень рассмотрения телевидения проявляется в оценке саратовцев социальной роли телевидения. По мнению большинства, телевидение должно быть направлено на грамотное воспитание подрастающего поколения – 52% респондентов; 27,7% ответивших считают, что главенствует интеграция общества или государства; для 15% опрошенных телевидение должно стремиться к созданию универсальной индустрии развлечений. Но мнение о фактической ситуации существенно отличается: 78,4% опрошенных приоритетным направлением современного отечественного телевидения признали поднятие рейтингов и кассовость.

По поводу сущности деятельности современного телевидения, мнение саратовцев таково, что фактически телевидение является бизнесом для 32,4% опрошенных, средством развлечения его считают 31,4% опрошенных, средством пропаганды - 21,6%. Хотя, по мнению опрошенных, идеальная направленность деятельности телевидения должна быть следующей: средство информирования, по

мнению 41,5%, средство просвещения для 22,5%, средство развлечения для 20%, искусство для 6,5%, одновременно средство развлечения и информирования - 4%.

После анализа полученных данных была сформирована следующая картина: институциональный уровень и его функционирование идентифицируется как бизнес-структура или развлекательная индустрия, нацеленная на получение прибыли любыми путями, зачастую пренебрегая моральными ценностями, и как оказывающая пагубное влияние на становление ценностей подрастающих поколений.

Раскрывая функциональную нагрузку телевидения как социального института, представления саратовцев таковы, что идеалом является телевидение как источник информирования населения, главная цель которого - грамотное воспитание талантливой личности. Фактическая ситуация по оценкам представителей саратовской молодежи такова, что информационная функция реализуется недостаточно, так же как интегративная и просветительская, а рекреативная функция отмечена как избыточная настолько, что увеличение количества развлечений в телеэфире вызывает отторжение у аудитории. Таким образом, саратовцы видят в телевидении потенциальный мощный агент социализации, но эта потребность не реализуется.

Список литературы

1. Луков А.В. Социология телевидения: становление научной дисциплины. М., 2008, С.121.
2. Климов И. А. Телевидение: модальности существования // СОЦИС, 2005, № 1, С.94
3. Ковалев П.А. Молодежная аудитория телевидения // Знание. Понимание. Умение, 2006, № 1, С. 178-181

ФАКТОР ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В МОДЕЛИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Васильев В.П.

Цель любого моделирования – создание некоего формализованного образа, отражающего социальные практики, с помощью которого можно исследовать влияние каждого из аргументов модели на происходящие процессы, прогнозировать их динамику, определять целевые ориентиры для социального управления, задач социальной политики и устойчивого глобального развития.

В макро моделировании последних 50 лет произошел серьезный прорыв, который нельзя не учитывать в практике государственного управления и стратегии бизнеса. Социальные факторы общественной динамики из затратной области деятельности доказательно стали внутренним фактором знаковых моделей экономической динамики. В моделях на базе классической производственной функции Кобба-Дугласа (труд, капитал) в качестве самостоятельного аргумента исследуются уровень образования и уровень человеческого капитала. Сначала Р.Солоу, основываясь на социологических исследованиях, обосновал включение образования как фактора модели, и она приняла вид. Затем Р. Лукас включил фактор человеческого капитала как фактор экономической динамики, оперируя уровнем человеческого капитала, которым обладает типичный представитель рабочей силы.

Названный подход показывает прямую зависимость экономического роста от динамики социальных процессов, увязывает взаимосвязи производства, инвестиций, перераспределительных процессов и динамики человеческого капитала.

В практике социального управления и прогнозирования РФ формирование человеческого капитала, соответствующие целевые показатели вошли составной частью в Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года в качестве инновационного и форсированного вариантов развития. Следует отметить важный раздел этого прогноза – наряду с развитием образования, здравоохранения и культуры, прогнозирование начинается с исследования перспектив развития рынка труда. Как и всякий накопленный капитал, накопленный человеком личный капитал должен иметь возможность реализоваться и конвертироваться в доход и восходящую мобильность. Здесь возникает серьезный вопрос соответствия потребностей рынка труда и уровня образования, особенно актуальный для регионального развития, межрегиональных связей и

управления. Новое качество образования должно быть востребовано рынком труда. И наоборот, рынок труда, ориентированный внутренними импульсами на инновационные технологии и культуру производства, может давать ориентиры модификации образованию. К сожалению, неразвитость конкуренции в РФ тормозит формирование цивилизованного рынка труда, что ведет с необходимостью к его «ручному» управлению.

Мировая динамика человеческого капитала ведет к модификации универсальной модели социальной политики. Формализованным интегральным критерием в модели Эстинг-Андерсена является доля расходов консолидированного бюджета в ВВП. В 90-е годы характеристика моделей по группе стран была дана в диапазоне 30-60% ВВП. Нижний уровень-США, Япония, верхний-Швеция, Дания, развитые страны Европы-45-50%. Расчеты автора показывают, что в минувшие 5-6-лет это соотношение изменилось. К верхней границе модели добавилась Франция, Швеция сдала позиции лидера. Самые большие изменения произошли в США, где доля расходов в ВВП возросла примерно с 32% до 39-40%. Наблюдается тенденция к универсализации и конвергенции моделей социальной политики.

На протяжении многих лет российская бюджетная и социальная политика были ориентированы на соответствующую модель финансирования США. Однако современные данные показывают, что РФ по рассматриваемому показателю оказалась «либеральнее» США, значительно отставая от таких стран, как Франция и Германия. В результате в российской модели доля государственного финансирования образования, здравоохранения и социальной помощи, т.е. институтов формирования человеческого и, добавим, социального капитала оказалось существенно ниже других высокоразвитых стран. Возникает вопрос, почему это происходит?

Анализ структуры бюджета показывает, что в РФ по сравнению с другими странами беспрецедентно велика доля расходов на содержание государственного аппарата. Это, во-первых, требует проведения новой административной реформы на принципах оптимальности взаимоотношений принципал-агент. Во-вторых, неизбежна налоговая реформа и модернизация механизмов социального страхования. Налоговые новации должны решить две задачи: обеспечение принципа социальной справедливости, адекватности налоговой нагрузки для всех слоев общества, а также стимулирования формирования новой экономики и человеческого капитала как системных элементов современной модели социально-экономического развития.

В условиях глобализации специального рассмотрения заслуживают модели региональных взаимосвязей с внешним миром, что особенно актуально в связи с «восточным поворотом» России и географической близостью Дальневосточного федерального округа со странами АТР.

С точки зрения экономической привлекательности применима десятифакторная модель DoingBusiness. Она имеет, в основном, микроэкономические основания, исходя из анализа функционирования институтов, от которых зависит предпринимательская среда и, следовательно, определенный срез социально-трудовых отношений. Был бы полезен анализ показателей Приморского края, определение его места в диапазоне 19-ой позиции всего АТР до 62-ой в целом по РФ из 189 обследуемых стран. Это позволит рассмотреть модель развития региона, ее динамические характеристики. Отметим, что наряду с объективными статистическими данными в названном рейтинге широко используются социологические измерения.

В 2014 году группой Всемирного экономического форума (ВЭФ) в сотрудничестве с Международной организацией труда (МОТ), Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и консалтинговой компанией MercerHumanResourceConsu впервые разработан индекс развития человеческого капитала. В отличие от ранее публиковавшихся критериев и показателей человеческого потенциала и человеческого развития, критериальная основа данного индекса может быть использована при моделировании социальных процессов как в целом по РФ, так в региональном контексте при соответствующих компаративных исследованиях.

При определении успехов той или иной страны в развитии человеческого капитала учитывается 46 показателей, объединённых в четыре основные группы:

1. Образование (высшее, среднее, начальное) и профессиональная подготовка.
2. Здоровье, физическое и психологическое благополучие.
3. Трудоустройство и занятость.
4. Инфраструктура, правовая защита, социальная мобильность.

В этом году мировыми лидерами по уровню развития человеческого капитала стала Финляндия, которая занимает ведущие позиции по всем основным показателям Индекса. В первую десятку наиболее развитых в этом отношении стран также вошли: Норвегия, Швейцария, Канада, Япония, Швеция, Дания, Нидерланды, Новая Зеландия и Бельгия.

Россия в рейтинге развития человеческого капитала в 2015 году заняла 26 место, поднявшись по сравнению с предыдущим рейтингом сразу на 25 позиций. Однако занимая высокие позиции по всем показателям, связанным с распространением начального, среднего и высшего образования, Россия отстаёт от многих стран с сопоставимым уровнем экономического развития по всем другим критериям, характеризующим реализацию человеческого потенциала, таким как качество рабочих мест, возможности развития на рабочем месте, доступ к повышению квалификации, качество здравоохранения и продолжительность здоровой жизни населения, социальная мобильность. Представляется, что названные проблемы являются существенными рисками в региональном развитии и требуют особого моделирования и прогнозирования для социального управления.

МОДЕЛЬ АРКТИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Винокурова У.А.

Значение факторов масштаба пространства, а также влияния талассократии и теллутократии на модернизацию национальных систем образования особенно чётко осознается при сравнительном изучении особенностей развития человеческого капитала и состояния окружающей среды в разных регионах планеты. По уровню развития человеческого капитала, качеству жизни и благополучию окружающей среды страны Арктического региона, за исключением России, являются лидерами мирового сообщества. На наш взгляд, такой прорыв арктических государств в XX веке оказался возможным благодаря приверженности ценностям глубинной экологии ArneNaess [5] и созданию особого типа локальной цивилизации – арктической циркумполярной цивилизации [2], сочетающей традиционные этические и экологические ценности коренных народов Арктики с современными инновационными технологиями атлантической и тихоокеанской цивилизаций. Глобальное изменение климата, особая хрупкость экологии арктических территорий, природосберегающие ценности коренных народов Арктики, политика коэволюции и взаимопомощи коренных и пришлых народов на основе традиционных ценностей сосуществования человека и природы в суровых природно-климатических условиях Арктики, – все эти наработанные носителями циркумполярной цивилизации ценности стали основой арктической педагогики.

На примере арктических территорий, соединенных с Атлантическим и Тихим океанами, особенно отчетливо проявляется глубинное соотношение талассократии и теллутократии на формирование модели арктической личности. К примеру, такой малочисленный народ, как чукчи, создал систему жизнеобеспечения, построенную на ресурсах моря и суши, освоив морской промысел и оленеводство в суровых условиях Ледовитого океана и прибрежной тундры. У арктических народов веками складывались духовно-нравственные ценности этнической педагогики, нацеленной на приоритет этических норм взаимопомощи, эмпатии, установки на позитивное взаимодействие с окружающей средой и приоритетной миссии человека: оберегать природу как сакральную красоту. Этническая педагогика основывается на живой логике, одухотворяющей земную жизнь, и осмысливает жизнь человека как часть неразрывной сопряженности всего сущего, что формирует мышление человека с позиций пользы для всеобщего блага. Следовательно, модель глобального поколения, предложенная М. Барбером, К. Доннелли, С. Ризви [1], в содержательном и технологическом плане нуждается в дополнении арктическим опытом.

Главной ценной идеей статьи Майкла Барбера, Кейтлин Доннелли, Саада Ризви является разработанная ими модель глобального поколения – личностей, укоренённых в своих культурах, но открытых миру и уверенных в своей способности творить этот мир»[1,с. 178]. Эта модель выражается в формуле - «Хорошо образованный = Э (З+ М + Л)»[1.С.164], где Э – этика, выражающая универсальные ценности осознания «Один мир» (уважение мнений людей, признание многообразия форм жизни на земле, их взаимозависимости, законность и порядок в обществе и т.д.), З – знания, М – мышление, Л – лидерство. «Смысл этой формулы состоит не только в том, что построенный в соответствии с ней учебный план наилучшим образом подготовит учащихся к предстоящей им жизни в XXI веке, но и в том, что сочетание знаний, умения эффективно мыслить и лидерства, подкрепленное этикой, вероятнее всего раскроет в молодых людях качества, которые помогут им придерживаться инновационного подхода в жизни и в работе и конструктивно взаимодействовать с обществом на любом уровне, от локального до глобального» [1,с. 164].

По сути, М. Барбер, К. Доннелли и С. Ризви, имеют в виду этнопедагогические особенности образовательных систем Тихоокеанского региона, аргументируя их эффективность. Понятие этнопедагогизации ввел основоположник науки этнопедагогике, академик РАО Геннадий Никандрович Волков. Этнопедагогизация целостного воспитательного процесса – это естественно организованный процесс интеграции традиционных (народных, национальных, этнических) культур с современными воспитательными системами, идеями, технологиями, создающими воспитательную среду (этнопедагогическое пространство) [3; 4]. На основе обобщения результатов этнопедагогических технологий в системе образования России нами выведена следующая формула:

$$T(KCO) \rightarrow O \Rightarrow \int_p^y \text{УП} \Rightarrow \text{УУД} \Rightarrow L_1$$

$$T(KCO) \rightarrow \text{СПО} \alpha \text{ВПО} \Rightarrow \int_p^y \text{УД} \Rightarrow \text{УУД} \Rightarrow L_2 \Rightarrow \text{ЗР}$$

T(KCO) – технология коллективного способа обучения В.К. Дьяченко;

O – обучение (преподавание; учение);

п – процесс преподавания;

у – процесс учения;

∫ – интеграция процессов преподавания и учения;

УП – учебные предметы (школьные);

УД – учебные дисциплины (профессиональных учебных заведений);

УУД – универсальные учебные действия (требование стандарта);

СПО – среднее профессиональное образование;

ВПО – высшее профессиональное образование;

L₁ – саморазвивающаяся гармоничная личность (выпускник школы);

L₂ – саморазвивающаяся, гармоничная, конкурентоспособная личность (выпускник СПО, ВПО);

ЗР – земной рай (интегральный социокультурный строй).

Предложенная нами формула апробирована на практике в образовательных организациях Якутии и может стать одним из технологических решений задачи, поставленной М. Барбером, К. Доннелли и С. Ризви по воспитанию глобального поколения личностей, укоренённых в своей культуре, готовых служению обществу и открытых миру. Данная формула представляет собой технологическую модель формирования арктической личности в системе образования. Арктика, как зона природосообразной, гуманистически ориентированной педагогики, становится своеобразным партнером Тихоокеанской инновационной педагогики. Она может стать «мостом» диалога между атлантической и тихоокеанской системами образования. Арктическая педагогика займёт свое место в обществе знаний, в международном сотрудничестве социологии образования.

Список литературы

1. Барбер, М., Донелли, К., Ризви, С. Океаны инноваций. Атлантический океан, Тихий океан, Мировое лидерство и будущее образования / М. Барбер, К. Донелли, С. Ризви // Вопросы образования. – 2012. – № 4. – С.109-185.
 2. Винокурова, У.А. Циркумполярная цивилизация: идеи и проекты / У. А. Винокурова. – Якутск, 2011. – 312 с. (на русском и английском языках).
 3. Волков, Г.Н. Этнопедагогика / Г. Н. Волков. – Чебоксары : Чув. кн. изд-во, 1974. – 376 с.
 4. Волков, Г.Н. Этнопедагогизация целостного учебно-воспитательного процесса / Г. Н. Волков. – М., 2001. – 160 с.
 5. The selected works of Arne Naess : Vol. 10 : Deep ecology of wisdom : explorations in unities of nature and cultures : selected papers. – URL: http://download-v2.springer.com/static/pdf/694/bfm%253A978-1-4020-4519-6%252F10%252F1.pdf?token2=exp=1431744923~acl=%2Fstatic%2Fpdf%2F694%2Fbfm%25253A978-1-4020-4519-6%25252F10%25252F1.pdf*~hmac=be9e6d7733b2b796fc812f467c2b1aaaf4f9b255f01a1ad913a8b0f0bdf
24. – Дата обращения: 3.08.2015.

СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Волосков И.В.

Социально-экономический кризис российского общества фиксируется по таким параметрам, как рост безработицы и прожиточного минимума, колебание курса национальной валюты, дефицит государственного бюджета, режим экономии бюджетных денег, сокращение бюджетных мест, выделяемых в высших учебных заведениях. Развитие системы ценностей студенчества, происходящее в процессе профессиональной социализации под воздействием организованной образовательной среды и социальных условий относится к значимым социальным процессам. Студенчество, взрослея, получая профессиональное образование, пополняет ряды интеллигенции и потенциально среднего класса.

Моделирование процесса развития системы ценностей студенчества и построение сценариев развития возможно на основе знания закономерностей развития системы ценностей постсоветского студенчества [1]. В современной социологии молодежи высказываются предположения о доминировании традиционных ценностей семьи в ценностных ориентациях студенчества [3], поисковом характере системы ценностей [4], колебаниях системы в диапазоне традиционное-либеральное [5]. Социологические исследования, проведенные автором на представительной эмпирической базе, сравнение полученных результатов с материалами всероссийских и региональных социологических исследований [1] позволяет выделить ряд этапов в развитии системы ценностей постсоветского студенчества [2]:

1 этап - начало 90-х годов XX века, который характеризуется доминированием либеральных ценностей свободы, власти, карьеры, материального благополучия;

2 этап - середина 90-х годов XX века, свойственно укрепление традиционных ценностей семьи, любви, друзей, здоровья;

3 этап - начало 2000 годов, повышение значимости либеральных ценностей материального достатка и карьеры с доминированием традиционных ценностей семьи, дружбы, любви.

Результаты социологических исследований, проведенных автором в 2008, 2012, 2014 году, когда в полной или иной мере проявлялись кризисные явления в развитии российского общества, показывают, что система ценностей зависит от социально-экономического состояния общества. Стабилизация социально-экономического развития приводит к доминированию традиционных ценностей, росту доверия студенчества к государству. Напротив, кризисные явления, нестабильность социально-экономической ситуации порождают укрепление либеральных ценностей материального

достатка, рельефно обозначают риски социального развития студенчества, стимулируют распространение зоны асоциального поведения.

Полученные закономерности и результаты авторского социологического исследования 2014 года позволяют констатировать доминирование системы традиционных ценностей студенчества, несмотря на расширение зоны риска, связанной с дальнейшей коммерциализацией высшего образования, массовой безработицы в среде молодых выпускников высших учебных заведений. Сохранение доминирования традиционных ценностей создает основу для **позитивного** сценария развития, который базируются на эффекте доминирования традиционных ценностей. Положительное влияние данного эффекта - сохранение преемственности студенчества как группы с другими масштабными группами социальной структуры российского общества, сохранение преемственности поколений и культурной традиции.

Позитивному сценарию противостоит **негативный**, основанный на укреплении в условиях кризисного состояния российского общества либеральных ценностей материального достатка и карьеры и возможность их выхода на доминирующие позиции в системе ценностей. Опасность такого сценария в нарушении преемственности между поколениями и социальных связей студенчества как представительной страты молодежи с другими масштабными социальными единицами структуры российского общества. Опасность также составляет и постепенное размывание культурной традиции, ее ассимиляция со стандартами западной культуры.

Помимо полярных по своей сути негативного и позитивного сценария, существует и нейтральный. Он базируется на сохранении флуктуации между традиционными и либеральными ценностями с повышением значимости традиционных в условиях социально-экономической стабильности и нивелированием доминирования в ситуации кризисных общественных ситуаций. Нейтральность сама по себе затруднительна для прогнозирования развития системы ценностей студенчества, требует проведения постоянных социологических исследований и сопоставления их результатов с данными всероссийских и региональных социологических опросов, однако нейтральность отражает состояние современного социального процесса. Потому наиболее вероятным представляется именно данный сценарий развития системы ценностей российского студенчества.

Список литературы

1. Волосков И.В. Социальные технологии формирования традиционных ценностей российского студенчества. -Saarbrucken: LambertAcademicalPublisching, 2015. -300с.
2. Волосков И.В. Закономерности развития системы ценностей студенчества// InnernationalResearchJournal.-часть 5. Сентябрь 2015.-Екатеринбург, 2015.-С. 48-50
3. Горшков, М.К., Шереги,Ф.И. Молодежь России: социологический портрет.-М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2010.-592с.
4. Смакотина, Н.Л. Основы социологии нестабильности и риска: философский, социологический и социально-философский аспекты [Текст].-М.: Макс-Пресс, 2009.- 242с.
5. Чупров, В.И. Молодежь и кризис: диалектика неопределенности и определенности в социальном развитии [Текст] ./ В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, Е.А. Певцова -М.: Русское слово, 2009.- 174с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭВРИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕДУР ПРИ МОДЕЛИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ

Давыдов С.А.

В современной социологии до сих пор бытует мнение, что эвристические процедуры могут использоваться исключительно при проведении сугубо «качественных» этапов социологического исследования: при обосновании объяснительных гипотез, при концептуализации проблемы, выработке теоретических и методических основ исследования, интерпретации полученных результатов. Эта ошибочная точка зрения служит некоторым социологам, придерживающимся позитивистских взглядов, аргументом для противопоставления себя прочим представителям профессионального сообщества: тем, которые считают измерения в социологии делом второстепенным, используют

исключительно «мягкие» методы сбора и анализа данных и с упоением строчат пухлые тексты с многочисленными объяснениями и без единой формулы. Однако есть основания полагать, что проблема использования эвристических процедур заявляет о себе и при оперировании высокоформализованными методами в исследовании и, в частности, на фазе математического моделирования.

Действительно, математическое моделирование в социологии представляет собой весьма «тонкий» процесс, сочетающий в себе элементы не только научной деятельности, но в равной степени искусства. Во всяком случае, едва ли кто-либо из специалистов возьмется оспорить то утверждение, что оценка результатов научной работы в области моделирования социальных объектов зачастую зависит не только от суммы знаний, которыми располагает исследователь, но и от того, наделен ли он способностью использовать в ходе моделирования накопленный личный опыт и интуицию, обладает ли он воображением и насколько он убедителен в объяснении своих решений.

Здесь следует иметь в виду два обстоятельства.

Обстоятельство первое. Одно из основных правил математического моделирования гласит, что адекватность математической системы эмпирической обеспечивается с помощью использования как можно более адекватной модели восприятия. Это означает, что именно этот воспринимаемый образ реальности, а отнюдь не сама реальность в действительности является образцом, которому в дальнейшем исследователь ставит в соответствие математическую модель. Если мы признаем это и не станем оспаривать, что люди зачастую совершенно по-разному воспринимают одну и ту же реальность – тем более, когда речь идет о реальности социальной – то легко поймем, почему математические модели одного и того же эмпирического объекта оказываются во многих случаях совершенно непохожими друг на друга. Тем самым мы можем отметить для себя, что формирование социологом адекватного образа эмпирического объекта и объяснение, мотивирующее выбор этого идеального образа, является основой, отправной точкой всего процесса моделирования.

Также будет не лишним учитывать, что прохождение этой отправной точки отнюдь не освобождает исследователя от необходимости использовать априорное знание и объяснение. Дело в том, что математические модели в социологии не возникают сами по себе. Они «привязываются» к идеальным моделям социологом с помощью эвристических объяснительных процедур в ходе вербализации и операционализации объекта, его представления набором измерителей. Для этого наблюдатель оценивает все известные ему формализмы на предмет соответствия априорно сформированному образу объекта, выбирает наиболее подходящий математический конструкт, мотивирует свой выбор и описывает исследовательскую задачу в понятиях-индикаторах, адаптированных к выбранному формальному аппарату.

Легко заметить, что и формирование «правильной» модели восприятия, и выбор «подходящего» формализма – суть задачи, не имеющие формального рецепта. Их решение нельзя запрограммировать и заучить, его можно только понять или сконструировать по ходу дела на эвристическом уровне анализа, сопроводив соответствующими объяснениями.

Второе обстоятельство. Сегодня все еще не существует ясных подходов к формированию надежной системы оценки результатов моделирования, на которые мог бы ориентироваться социолог во всяком конкретном случае. В настоящее время мы в значительной мере можем только говорить об адекватности всякой конкретной модели образцу, подразумевая, что существует некая допустимая степень ее несоответствия объекту-оригиналу по определенным существенным свойствам, а также о том, что в данном случае эта степень не была превышена. При отсутствии инструментальных подходов к формированию критериев оценки адекватности нет ничего странного в том, что наука до сих пор не выработала и приемлемого методического аппарата оценки меры соответствия модели объекту.

В этих условиях исследователь практически всегда вынужден на этапе концептуализации объяснять, почему предлагаемая им модель может быть признана адекватной. Исключение составляет достаточно узкий класс исследовательских задач, по отношению к которым применимы высокоформализованные модели – дисперсионные, корреляционные, регрессионные. Эти модели хороши тем, что могут быть легко протестированы на предмет адекватности с помощью формальных

критериев. Но и здесь добросовестный социолог сталкивается с необходимостью объяснять, какие основания у него имелись для того, чтобы отнести его конкретную «содержательную» задачу к классу задач, способных быть адекватно описанных с помощью данных формализмов. Впрочем, к сожалению, на практике оценка адекватности модели, сконструированной конкретным социологом, до сих пор нередко зависит от репутации и символического капитала, которыми он располагает.

Подводя итог сказанному, заключим, что даже позитивистская «заряженность» социолога и его ориентация на всемерное использование формальных методов в исследовании не освобождают его от использования эвристических процедур в процессе практического построения математических моделей социальных объектов. «Содержательные» объяснения сопровождают процесс моделирования на всех его этапах: в ходе формирования адекватной модели восприятия объекта, при его вербализации и операционализации, при подборе измерителей и оценке их численных оснований, а также при оценке адекватности созданной математической модели. В этой связи выглядит закономерным, что эффективные способы построения математических моделей все еще слабо поддаются формализации, оставаясь достоянием личного исследовательского опыта и профессиональной интуиции социолога. А значит, проблема использования эвристических процедур в социологии, по-видимому, могла бы не разъединять, а напротив, объединять представителей различных методологических школ, служить основой для сближения противоположных методологических позиций в социологии.

ЖИЗНЕННЫЕ ЦИКЛЫ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ: АНТРОПО-СОЦИО-КУЛЬТУРНЫЙ СЦЕНАРИЙ

Долгоруков А.М.

Сегодня становится очевидным, репрезентация объектов социологии на основе структурно-функциональных метафор утратила перспективу. В докладе предложена концепция динамического сценария эволюции социальной системы любого масштаба, в которой нет необходимости делать стереотипный выбор между *действием* и *структурой*.

Предлагаемая концепция дает возможность понять, как на всех этапах жизни социальных систем (зарождение, становление, расцвет и деградация (или перерождение) три подсистемы «человек», «структуры», «культура», взаимодействуя сложным образом, порождают определенный ход событий – *закономерность*, исходы которой поддаются вероятностным оценкам и создают основы для осознанного и эффективного социального прогнозирования, и дизайна.

Обобщив соответствующее содержание работ К. Маркса, П.А. Сорокина, И. Пригожина, можно обоснованно сформулировать основные черты антропо-социокультурного сценария эволюции социальных систем (АСК-сценария):

1. Необратимость социального времени[5,6]. Это означает, что с возникновением и достаточно долгой эволюцией относительно обособленных социальных систем (поселений, этносов, семьи и т.д.) для них «закрывается» возможность движения вспять – буквального копирования своего или чужого прошлого.

2. Принципиальное различие *стационарных* и *нестационарных состояний* социальных систем[6]. Это означает, что всем социальным системам присуща динамика, ведущая к состояниям стационарности или нестационарности. В нестационарных состояниях доминирует определенный тип людей; актуальными становятся некоторые черты культуры; деградируют (разрушаются) одни и нарождаются (конструируются) другие социальные структуры. Именно в области нестационарности возможны эффективные инновации. В стационарных состояниях доминируют структуры; определенный тип людей; специфические ценности культуры.

3. Вероятностные законы развития социальных систем («закономерности») – это онтологическая сущность, а не «пробелы» в знаниях о фактах[2, 5, 6, 7]. Это означает, что в реальной жизнедеятельности социальных общностей, представленных в виде стационарных систем, мы можем наблюдать процессы с «одним и тем же», однако, имеющим вероятные исходы, сценарием.

4. Деятельность людей ведет к углубляющемуся разделению труда и, как результат, к различным видам отчуждения[3]. Это означает, что данный процесс, так или иначе, приводит к засилью «социальных форм» (Зиммель), которые на определенном этапе жизненного цикла социальной системы могут доминировать над действиями людей.

Именно построение динамической метафоры для представления социальных общностей как объектов социологической теории представляется мне перспективным и избавляет от многих теоретических проблем.

Развивая теорию социального дизайна, [2, 8] я ввожу два типа людей: *проактивные* (люди, способные действовать) и *реактивные* (люди, способные демонстрировать поведение). Термины, а также их смысл и значение, заимствованы у Антония Сурожского. Проактивный человек «ломает» отжившие структуры на определенных этапах жизненного цикла; на других этапах это невозможно или связано с огромными издержками (моральными или материальными). Реактивный человек или «подавляется структурами», не будучи способным рефлексировать и понимать, что с ним происходит, или подчиняется харизме проактивного человека, закладывая, тем самым, очередную структуру.

На определенных этапах жизнедеятельности социальных систем оба типа людей (проактивные и реактивные) востребованы по-разному – играют различные роли и статусы, и это в итоге определяет динамику социальных систем. Тип ментальности является существенной характеристикой, определяющей проактивность или реактивность [2, 7].

Важна диалектика репрезентации социальных объектов, «действие», например, может быть индивидуальным актом деятельности отдельного человека, статистически незначимым для всей общности, в которой совершается это действие. И оно же (действие отдельного человека) на определенном этапе жизнедеятельности социального объекта может выступать в качестве общественно значимого по своим последствиям акта[2]. Все определяется конкретным состоянием социального объекта и предшествующими этапами его динамики.

АСК-сценарий имеет три фазы; в свою очередь, каждая фаза имеет свое динамическое выражение в виде нескольких этапов[2].

Фаза А. Морфогенез. Данная фаза характеризуется двумя этапами: зарождение новых социальных форм, ведущее к освобождению от устаревших форм и к перерождению социальной системы или к ее радикальному преобразованию. Либо «обратный» этап - активное становление скрытых социальных форм («безучастия человека») и явное введение новых форм самим человеком[2].

В качестве культурной доминанты системы на разных этапах этой фазы закладываются различные виды рациональности. Либо рациональность подчиненных питается *харизмой действующего* (представления о гениальном чутье, малопонятный, но привлекательный образ жизни, оригинальность, мистическое желание «принадлежать и подчиняться», распространяемые мифы о лидере и т.п.). Либо, в основы закладываются *интеллектуальные ритуалы* (планы, обоснования, экспертизы, алгоритмы принятия решений и т.п.) [2, 8].

Фаза В. Действие. Трансформация трансцендентного «акта» в «действие».

В фазе «В» социальная система проходит два этапа: создание символов для окружения, которые придают смысл новому, обеспечивая рождение стратегического замысла и завоевание сторонников.

Дело «обрастает» организацией. В этой фазе жизненного цикла системы, «система» – это тот, кто ее сделал. Если предприниматель принимает нововведение, оно обречено на успех.

Базовая характеристика этой фазы – *однородность*:

- Структуры немногочисленны, со слабовыраженной иерархией («плоские структуры»). Примеры таких структур: «вождь и племя»; «учитель и ученики»; и т.д.
- Упрощенное определение границы «мы и они». Граница определяется как «вечная и нерушимая».
- Отсутствие выраженных рефлексивных структур.
- «Механическая солидарность» [2, 8].

Фаза С. Поведение. Эта фаза наступает неизбежно. Причины могут быть разные (как правило, их несколько): уход или усталость лидера; потеря чувства под влиянием успеха; увлечение наведением порядка; бездуховность руководителей, которая ведет к засилью стереотипов; неграмотное делегирование полномочий или отсутствие ротации элит и т.п.

Вынужденное действие (а поведение – это всегда действие, которое совершенно вынужденно) несет в себе элемент насилия, что провоцирует представление людей о сопутствующих неприятностях и возможных опасностях. Кроме того, для людей, занятых «консервацией» усвоенных понятий, норм, представлений о «правильном действии», сложившемся бренде и т.п., предложение более или менее глубоких изменений вызывает мысли о разрушении («конце света», «посягательстве на святыни», «самоубийстве» и т.п.).

Два перехода системы являются областью ее нестационарности, первый – переход их фазы В в фазу А. Неполноценно прожитые второй и третий этапы могут подорвать жизненную энергию системы, и она, вместо того, чтобы перейти в следующую фазу и развиваться в соответствии со сценарием, проходя этап четыре, «останется» в фазе В и будет кружить в ней, увеличивая вероятность повторов этого разрушительного кружения и уменьшая вероятность выхода на четвертый этап.

Это внешне «очень умное кружение» - постоянно порождаются новые идеи, разрушающие старые формы, однако, эти идеи, лишённые символического воплощения и, как следствие, «энергии масс», умирают, уступая дорогу последующим «однодневкам».

Второй опасный переход – это движение из фазы С в фазу А. Если система слишком деградировала: победили социальные формы; проактивные люди ушли (уничтожены или не дожили до решительного момента), оставшееся большинство (люди с матрицей реактивного поведения) начинают вводить все новые и новые формы (контроля, отчетности, ответственности, поощрений, наказаний и т.п.). Это вырожденный и потому бессмысленный процесс псевдоморфодизайна. Несколько витков «наведения порядка и закручивания гаек» без понимания того, что происходит с системой, и система готова погибнуть.

Чтобы эффективно изменять социальную систему к лучшему, необходимо учитывать *фазу* и *вектор* ее жизненного цикла.

Данные три фазы АСК-сценария выполняются во всех социальных общностях: семье, поселении, этносе, духовной общности, организации, имея свою специфику и особенности реального протекания. [2, 3, 7, 8].

Список литературы

1. Вартофский М. Модели: репрезентация и научное понимание. М.: Прогресс, 1988
2. Долгоруков А.М. Стратегическое управление: замысел, дизайн, инструменты. М.: ДИСКУРС, 2011
3. Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. М.: ИФ РАН, 2000
4. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2002
5. Пригожин И. Конец определенности. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001
6. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.:Эдиториал УРСС, 2001
7. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006
8. Социальный дизайн – создание и развитие жизнеспособных систем. Сборник докладов и выступлений на всероссийской конференции по социальному дизайну. Под научной редакцией Долгорукова А.М.

МОЛОДАЯ СЕМЬЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

Егорова Н.Ю., Кутявина Е.Е.

Термин «молодая семья» довольно широко используется в социальных науках. Он связан с двумя базовыми категориями: «молодежь» и «жизненный цикл семьи». В первом случае основным критерием

является возраст супругов (он не должен превышать 30-35 лет), во втором – значение имеет этап формирования семьи, бездетный период существования пары. Но так как трудности семьи обычно связываются не столько с процессом адаптации супругов, сколько с рождением детей и уходом за ними, то молодой семьей часто называют семью с несовершеннолетними детьми. Таким образом, «молодая семья» используется в социальных науках как познавательная модель, фиксирующая специфику семьи молодых и особый этап усвоения супружеских и родительских ролей.

Термин «молодая семья» также стали использовать в отечественной социальной политике поддержки семьи и стимулирования рождаемости. Существует Программа молодая семья[1], (официальное название – подпрограмма "Обеспечение жильем молодых семей" Федеральной целевой программы "Жилище"). С помощью этой программы молодая семья может получить от государства безвозмездную субсидию на улучшение своих жилищных условий. Участником может быть молодая семья, в том числе семья, где есть дети (один или более) и один из супругов не является гражданином РФ, а также неполная молодая семья, состоящая из одного молодого родителя, являющегося гражданином РФ, и одного и более детей, соответствующая критериям по возрасту, доходам и жилищным условиям. Фактически, поддержка предоставляется молодым работающим родителям. Концепция государственной семейной политики[2] в ст. 3. п. 9 также упоминает молодую семью в контексте обеспеченности жильем. То есть, в социальной политике молодая семья выделяется как особая социальная модель семьи, наиболее перспективная для реализации репродуктивной политики. Содержательно модели молодой семьи в социальных науках и социальной политике в значительной мере совпадают.

Модель молодая семья активно используется при исследовании семейных проблем разными науками: социологией, психологией, культурологией, демографией, экономикой, педагогикой.

Изучению репродуктивной и воспитательной функции молодой семьи посвящены работы А.И. Антонова, И.П. Катковой, В.М. Медкова[3,4,5].

Молодая семья на этапе ее становления, особенности брачного выбора, молодое супружество анализируются в работах Е.В. Антошок [6], Т.А. Гурко, И.В. Игнатова [7,8], С.И. Голода, И.Ф. Дементьевой [9,10], А.Г. Харчева [10], В.Т. Лисовского [11].

Молодая семья в условиях кризиса в постсоветском обществе изучалась в работах Т.А. Гурко, М.С. Мацковского [12,13] и др.

Демографическое поведение и репродуктивные установки молодежи исследуются в работах С.С. Балабанова, Н.Ю. Егоровой, З.Х. Саралиевой [14,15,16], И.С. Аксеновой [17], А.В. Поймалова [18], Л.М. Кузьминой [19], Я.О. Смирнова [20], Е.С. Сорокиной [21], Н.А. Тырновой [22].

Институализация молодой семьи в современной России рассматривается в работах Т.К. Ростовской [23]. Термином «молодая семья» Т.К. Ростовская предлагает обозначить семью в первые 8–10 лет после заключения брака, в которой оба супруга, имеющие детей, не достигли возраста 30-35 лет и состоят в первом браке, а также семью, в которой возраст одного из супругов не превышает 30-35 лет при условии наличия несовершеннолетнего ребенка.

За рубежом этот термин в научной литературе не используется, соответствующее проблемное поле покрывается социологией семьи и социологией молодежи. В социологических исследованиях семьи речь идет о формировании родительских установок [24], качестве партнерских отношений в семье с детьми [25], влиянии безработицы на уровень разводов, установок по отношению к абортам [26], влиянии социальной мобильности на устойчивость семьи и благополучие детей [27,28,29] и другие проблемы семей, в том числе с дифференциацией по возрасту родителей и детей.

С другой стороны, существуют исследования молодежи – ее брачные и семейные установки [30], романтические отношения, ухаживание как этап формирования семьи [31,32], формирование семейных (супружеских и родительских) ролей [33].

Словосочетание «молодая семья» используют европейские общественные организации, связывая его исключительно с наличием в семье детей, не привязывая данную ситуацию к возрасту родителей [34]. Если и уточняются возрастные характеристики супругов или партнеров, то в сочетании

исключительно с патологиями, проблемами, например, в случае рождения детей у несовершеннолетних. Возникает вопрос, насколько целесообразно в отечественной науке сейчас использовать модель молодой семьи и насколько необходимо настаивать на её связи с возрастом?

Социальная политика Российской Федерации привязывает понятие «молодая семья» к возрастным параметрам и динамике развития семьи, не всегда учитывая новые тенденции в семейно-брачной сфере, которые хотя и медленно, но формируют новые альтернативные семейные стратегии, проявляющиеся в увеличении возраста вступления в брак, более позднем рождении детей. Изменяются стратегии формирования семьи: от традиционной (раннее вступление в брак и рождение детей с небольшим сроком ухаживания и без сожительства) к новой (современной): позднее вступление в брак, снижение количества детей в семье, более позднее рождение детей, распространение практики сожительства, увеличение разницы между рождениями детей. Эти тенденции делают проблематичным использование термина «молодая семья» с жестко заданными возрастными рамками.

С одной стороны, размывается смысл понятия «молодая семья», т.к. постепенно возрастает доля людей, которые создают семьи и реализуют репродуктивные установки после 30 лет; с другой стороны, в России сохраняется возможность его использования, т.к. средние показатели вступления в брак и рождения первенца остаются в пределах третьего десятилетия жизни родителей, хотя активный семейный цикл сильно растягивается. Еще один дискуссионный вопрос – момент образования молодой семьи. Следует ли его связывать с официальной регистрацией брака или в качестве альтернативного варианта семьи рассматривать незарегистрированные отношения?

1. В России, как и в большинстве индустриально развитых стран, наблюдается постепенное формирование новой (современной) стратегии выстраивания семейных отношений, которая характеризуется более поздним вступлением в брак, откладыванием первых и последующих рождений, снижением количества детей в семье, увеличением интергенетического интервала, распространением практики добрачного сожительства.

2. Выбор стратегии брачного поведения частично объясняется социально-демографическими факторами. Традиционная стратегия, предполагающая более раннее вступление в брак и рождение детей, больше характерна для низкодоходных групп с невысоким уровнем образования. Наличие высшего образования и принадлежность к группам с высоким доходом чаще ориентирует человека, особенно женщину, на выбор новых альтернативных стратегий выстраивания семейного пути, сочетающегося с карьерой.

3. Тенденции в сфере семейно-брачных отношений приводят к размыванию модели молодой семьи, к затруднению ее использования в контексте российской государственной семейной политики.

Список литературы

1. <http://www.programma-molodaya-semya.ru/> Дата обращения 15.02.2015
2. мониторингсид.рф/materials/download/202 Дата обращения 15.02.2015
3. Антонов А.И., Медков В.М. Второй ребенок. М., 1991.
4. Антонов А.И., Медков В.М., Нетрусов М.А. Демография семьи – проблемы моделирования семейного цикла жизни // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 1997. № 2. С. 97.
5. Каткова И.П. Рождаемость в молодой семье. М., 1999.
6. Антошок Е.В. Становление ролевой структуры молодой семьи и ее восприятие супругами // Вестник МГУ. 1993. № 4.
7. Гурко Т.А. Влияние добрачного поведения на стабильность молодой семьи // Социологические исследования. 1982. №2. С. 88-93.
8. Гурко Т.А., Игнатов И.В. Особенности брачного выбора в России в начале 90-х гг. // Семья в России. 1997. №3.
9. Дементьева И.Ф. Первые годы брака: Проблемы становления молодой семьи. М., 1991.
10. Харчев А.Г., Голод С.И. Молодежь и брак // Соционика, психология и межличностные отношения: человек, коллектив, общество. 1969. № 6. С. 125.

11. Лисовский В.Т. Любовь, брак, семья. СПб. 2003.
12. Гурко Т.А. Мацковский М.С. Молодая семья в большом городе. М.: Знание, 1986.
13. Гурко Т.А. Родительство в условиях современного социального кризиса в России // отчет о НИР № 94-06-19839 (Российский фонд фундаментальных исследований).
14. Дети как жизненная ценность Россиян / С.С. Балабанов, З.Х. Саралиева / Россия реформирующаяся. Ежегодник. Отв. Ред. М.К. Горшков. Вып.8. М.: Институт социологии РАН, 2009г. С. 390-404. (0,6 п.л.)
15. Егорова Н.Ю. Родительско-детские отношения в браках и сожительстве // Женщина в российском обществе. 2008. № 3. С. 23-30.
16. Типология мотивов иметь или не иметь детей / З.Х. Саралиева, Балабанов С.С., Наук Б. // Социологические исследования. 2009. №3. С. 129-136. (0,7 п.л.)
17. Аксенова И.С. Репродуктивное поведение молодежи: социально-экономические аспекты анализа // Автореф. Канд. дисс. ...22.00.03 – Экономическая социология и демография, Саратов 2005.
18. Помайлов А.В. Репродуктивное поведение молодой семьи: социологический анализ // Автореф. Канд. дисс. ...22.00.03 – Экономическая социология и демография, Пенза 2010.
19. Кузьмина Л.М. Демографическое поведение молодежи и поддержка молодых семей в России // Автореф. Канд. дисс. ...22.00.03 – Экономическая социология и демография, Москва 2008.
20. Смирнов Я.О. Факторы реализации воспроизводственного потенциала современной российской семьи // Автореф. Канд. дисс. ...22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы, Нижний Новгород, 2012.
21. Сорокина Е.С. Жизненные стратегии молодой семьи: социологический анализ // Автореф. Канд. дисс. ...22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы, Москва, 2013.
22. Тырнова Н.А. Молодая семья в современной России: Проблемы и тенденции развития // Автореф. Канд. дисс. ...22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы, М., 2006.
23. Ростовская Т.К. Институализация молодой семьи в современной России // Автореф. Докт. дисс. ...22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы, Нижний Новгород, 2006.
24. Ростовская Т.К. Процессы институализации молодой семьи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 2 (26). С. 84-90.
25. William G. Axinn Gender double standards in parenting attitudes / William G. Axinn, Linda Young-DeMarco, Meeso Cap // Social Science Research 40 (2011) 417–432.
26. Arieke J. Rijken, Elizabeth Thomson Partners' relationship quality and childbearing // Social Science Research 40 (2011) 485–497.
27. Paul R. Amato, Brett Beattie Does the unemployment rate affect the divorce rate? An analysis of state data 1960–2005 // Social Science Research 40 (2011) 705–715.
28. Marshall H. Medoff Restrictive abortion laws, antiabortion attitudes and women's contraceptive use // Social Science Research 41 (2012) 160–169
29. Paula Fomby, Christie A. Sennott Family structure instability and mobility: The consequences for adolescents' problem behavior // Social Science Research 42 (2013) 186–201.
30. Leonard M. Lopoo, Thomas DeLeire Family structure and the economic wellbeing of children in youth and adulthood // Social Science Research 43 (2014) 30–44.
31. Yaron Girsh The (late?) modern family: The family's significance for adolescents in Germany and Israel // Journal of Adolescence Volume 37, Issue 6, Pages 771-964 (August 2014) P. 863-870.
32. Melanie J. Zimmer-Gembeck, Wendy Ducat Positive and negative romantic relationship quality: Age, familiarity, attachment and well-being as correlates of couple agreement and projection // Journal of Adolescence Volume 33, Issue 6, P. 783-902 (December 2010).
33. Joe F. Pittman, Jennifer L. Kerpelman, Janet B. Soto, Francesca M. Adler-Baeder Identity exploration in the dating domain: The role of attachment dimensions and parenting practices // Journal of Adolescence Volume 35, Issue 6, Pages 1409-1648 (December 2012).

33. Laura M. Padilla-Walker, Katherine J. Christensen, Randal D. Day Proactive parenting practices during early adolescence: A cluster approach // Journal of Adolescence Volume 34, Issue 2, Pages 203-396 (April 2011) P. 203-214.

34. См., например, Young Families Support Committee <http://www.enable.org.uk/aboutus/about%20ENABLE%20Scotland/Pages/Young-Families-support-committee.aspx> Дата обращения 15.02.2015

К ВОПРОСУ РАЗРАБОТКИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ

Извеков И.Н.

Современная инновационная технология в воспитательной сфере образовательных учреждений на основе приобщения молодежи к изучению микроистории родных истоков в истории Отечества в последние десятилетия набирает популярность и становится духовно-нравственной потребностью осознавать преемственность поколений в формирующемся гражданском обществе регионов РФ. Методологической основой воспитательной инновации выступает ценностно-генеалогический подход в целостной образовательной среде семьи и образовательного учреждения, который формируется на осознании личной (семейной) информации, классифицируемой как генеалогические ценности. Как показывает наше многолетнее исследование, такой подход в воспитании молодежи плодотворно влияет на духовно-нравственное воспитание, гражданское самосознание, толерантность и патриотические чувства молодежи. Относительно целей и задач воспитания в педагогике существуют разные суждения. Не отвергая других целей воспитания, ценностно-генеалогический подход особо вычленяет задачи воспитания качеств личности, раскрывающие ее нравственность.

При сохранении целевой установки на развитие патриотических, гражданских и общечеловеческих (нравственных) качеств личности в оптимизации государственной воспитательной политики, в субъектах РФ все чаще прибегают к научно-обоснованному ценностно-генеалогическому подходу, с целью акцентирования внимания на формировании генеалогической культуры молодежи как инновационной деятельности в духовно-нравственном воспитании учащихся [5]. Проведение исследования истории семьи, ветви рода в аспекте изучения истории Отечества несет в себе огромный потенциал духовно-нравственного воспитания молодежи [2; 3]. Сущность формирования генеалогической культуры личности заключается в целенаправленном приобщении ее к общечеловеческим и семейным культурным ценностям, этике и эстетике поведения, социально и индивидуально значимой творческой деятельности. Установлено, что личность, приобщенная к генеалогической культуре, более восприимчива к осознанию гражданских и социальных компетенций, адекватному восприятию гуманных, патриотических и толерантных качеств личности. Приобщение личности к генеалогической культуре сказывается на ее поведении, что проявляется не только в личностной, но и общественной активности, стремлении делать добро людям, бережно относиться к родительской семье, чтить преемственность поколений, помнить предков, сохранять семейные традиции, быть отзывчивыми, честными, добропорядочными, целеустремленными и проявлять другие нравственные общечеловеческие качества.

Решение проблем развития генеалогической культуры личности в образовательных учреждениях во многом зависит от организации учебно-воспитательной работы в них [4, с. 223-250]. Обращение к ценностно-генеалогическому подходу воспитания молодежи связано с менеджментом формирования генеалогической культуры в образовательных учреждениях, что, в первую очередь, связано с формулированием воспитательных задач:

- воспитание генеалогических и нравственных ценностей личности;
- воспитание генеалогической и нравственной культуры и на этой основе актуализация нравственного становления личности;
- воспитание патриотов России, достойных граждан своей страны, своего края, помнящих

- свое родство, знающих свою родословную, микроисторию семьи в истории Отечества;
- воспитание толерантности, культуры межличностных и межэтнических отношений;
- формирование у молодежи активной жизненной позиции, позитивного отношения к учебе и общественной деятельности на основе осознания семейных традиций, обычаев, поступков родителей, родственников и предков;
- нравственное обогащение личности средствами литературного представления своей семейной истории (воссоздание и систематизация семейного архива, составления монографии, написания биографических очерков, исторического рассказа, повести и др.);
- привитие нравственной культуры, бережного отношения к родительской семье, родным и свойственным корням, породненным семьям, своей будущей семье;
- нравственные проявления в поведении и деятельности в современном гражданском обществе.

В соответствии с психологической структурой личности объектом педагогического влияния становятся взаимосвязанные сферы внутреннего мира личности - нравственные ценности, нравственное сознание, нравственные чувства и нравственные привычки, определяющие линию поведения молодого человека не только в изучении истории семьи, но и в других ситуациях. Это оказывает воздействие на все образующие компоненты генеалогической культуры – целевой, содержательный, деятельностный, результативный.

Введение программы курса «История семьи в истории Отечества» [5] в учебно-воспитательный процесс предполагает использование инновационных образовательных технологий, включение следующих методов обучения и воспитания, направленных непосредственно на духовно-нравственное развитие молодежи средствами генеалогии:

- методы формирования нравственного сознания и нравственных чувств (рассказ, лекция, беседа, диспут, диалог, пример, использование средств массовых коммуникаций и компьютерных технологий; нравственно-эстетического потенциала искусства и другие на материале генеалогической направленности);
- методы формирования нравственных привычек и опыта нравственного поведения (организация воспитывающих ситуаций, игра, индивидуальное проектирование, творческие конкурсы, волонтерская, музейная, краеведческая, природоохранная деятельность, военно-патриотическая поисковая работа и др.).

В контексте ценностно-генеалогического подхода к духовно-нравственному воспитанию молодежи целесообразно руководствоваться следующими модулями, характеризующими индивидуальную генеалогическую культуру личности:

- *ценностно-ориентационный*, отражающий интересы и мотивы изучения истории семьи;
- *научно-познавательный*, характеризующий знания молодежью генеалогических понятий, терминов; постулирующий наличие установки на изучение истории семьи; отображающий умения поисковой деятельности;
- *эмоционально-нравственный*, отражающий сопереживание, эмоциональное отношение к предкам в поколениях и современникам;
- *творчески-созидательный*, включающий поисковую деятельность, творческое оформление результатов генеалогических исследований.

Рассматриваемый ценностно-генеалогический подход в воспитании молодежи в образовательном пространстве семьи и образовательного учреждения педагогический коллектив, как правило, акцентирует внимание учащейся молодежи на приемах формирования абстрактно логического мышления обучаемых, при этом стиль изложения учебной литературы и педагога также ориентированы на данную когнитивную стратегию. С другой стороны, современные исследования на основе внедрения новых информационных технологий находят методологическое противоречие между механизмами психической активности субъекта и существующими технологиями обучения, апеллируя лишь к сфере рационального сознания и игнорирующими возможности формирования

продуктивного поведения, опирающего на устойчивые паттерны психической активности. В данном аналитическом обзоре ценностно-генеалогический подход акцентирует внимание на понятиях «сетевое взаимодействие», «сетевая теория», «сетевая методология» и других синонимов от слова «сеть», под которыми в практике просвещения понимается специфика взаимодействия, общения и активизации познавательной деятельности людей (не исключая систему Интернет). Однако актуальной потребностью сложившейся системы образования является использование инновационных технологий обучения, разработанных на основе современных методологических позиций индивидуальных образовательных траекторий, которые должны быть максимально индивидуализированными и обоснованными с позиции теоретико-прикладного аспекта их психологического содержания (так же, как, например, и технологии компетентностного формата) [1].

В учебно-воспитательном процессе молодежи, нацеленном на формирование нравственной компетентности, практикуются и нетрадиционные подходы для мотивации познавательной активности в контекстном обучении, задействованные через систему сетевого взаимодействия. Такие инновации способствуют развитию интереса не только к профессиональной деятельности, общего гуманитарного, социально-экономического, математического и общего естественнонаучного циклов, но и в большей степени к формированию нравственной воспитанности и гражданской компетентности молодежи. Такое сетевое взаимодействие призвано обеспечить успешность профессиональной подготовки и формирование профессиональной и общей компетентности воспитанников. Взаимосвязь общеобразовательной и профессиональной подготовки, овладение практическими профессиональными умениями и навыками реализуются в процессе всех видов самостоятельных и коллективных работ, учебных и производственных практик, подготовки курсовых и выпускных исследований, участия в научно-организационной творческой деятельности учащейся молодежи.

Без разработки концептуальной модели инновационного процесса по формированию генеалогической культуры молодежи в контексте ценностно-генеалогического подхода в образовательных учреждениях практически не имеет смысла. Во-первых, необходимо на основе моделирования выявлять наиболее существенные структурно-функциональные связи целостной образовательной среды семьи и образовательного учреждения. Во-вторых, не менее существенной оказалась и задача применить теоретическое моделирование при создании промежуточных рабочих моделей для детального и наглядного представления исследуемых фактов, явлений взаимодействия субъектов (преподавателей, учащихся, родителей) в учебно-воспитательном процессе. В целях формирования генеалогической культуры молодежи на основе промежуточных моделей необходимо определить совокупность таких педагогических условий, которые обеспечили бы участие молодежи, преподавателей-предметников, руководителей групп, представителей администрации образовательных учреждений и родителей в совместной целенаправленной деятельности по изучению учащимися семейных историй. В-третьих, наглядно в этой модели должны быть представлены и другие компоненты, отражающие участие в этом важном социальном процессе осознания истории развития гражданского общества и познавательного интереса в экономико-социальном развитии муниципального округа, региона, страны. Комплекс педагогических условий, обеспечивающих эффективность формирования генеалогической культуры молодежи на основе ценностно-генеалогического подхода в целом и в различных его аспектах должен отразить предпосылки овладения учащимися знаниями и умениями, необходимыми для успешной поисковой, исследовательской и творческой деятельности генеалогической направленности, влияющих на формирование их нравственных качеств и свойств [4, с. 254 - 267].

Совокупность педагогических условий должна иметь гибкую структуру и отражать основные изменения в содержании и проявлении генеалогической культуры молодежью. Реализация концептуальной модели предполагает педагогическое обеспечение формирования генеалогической культуры молодежью не только через его цель, содержание, результаты, но и педагогические технологии. Педагогические технологии направлены на формирование комплекса качеств и свойств личности, формируемых при целенаправленном воздействии объективных и субъективных факторов

(истории семьи, структуры и содержания учебных дисциплин, специально разработанных программ по генеалогии), отражающих семейные (генеалогические) ценности и традиции, внутрисемейные и межпоколенные связи, положительный опыт старших поколений и их преемственность.

Список литературы

1. Зимовина О.А. Теоретические основы индивидуализации обучения. – Сочи, 2007.
2. Извеков И.Н., Зимовина О.А. К вопросу оптимизации государственной воспитательной политики в субъектах РФ // Профессиональное образование в современном мире. Новосибирск, 2015. - № 1 (16). – С. 211-225.
3. Извеков И.Н., Зимовина О.А. Развитие генеалогической культуры учащейся молодежи // Профессиональное образование в современном мире. Новосибирск, 2014. - № 4 (15). – С. 140-154.
4. Извеков И.Н. Формирование генеалогической культуры старшеклассников в целостной образовательной среде семьи и школы: дис. док.пед. наук. Сочи, 2011. 443 с.
5. Извеков И.Н. История семьи в истории Отечества: генеалогия в учебном процессе высшей школы: Учеб. Пособие. – М. ИНФРА-М, 2014. - 169 с. – + Доп. Материалы [Электронный ресурс; режим доступа [http: /www.Znanium.com](http://www.Znanium.com)] – (Высшее образование: Магистратура). – DOI 10.12737/1072 (www.doi.org).

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Изосина Е.В., Прошкина К.В.

Моделирование в социологии — это метод изучения, исследования социальных явлений и процессов, в рамках которого происходит замещение изучаемого объекта сконструированной на его подобии моделью в целях получения необходимой информации и нового знания о нем. Модель представляет собой систему материальных или идеальных элементов, различных связей и отношений между ними, характерных для оригинала объекта. Моделирование является методом опосредованного изучения социальных явлений и процессов. Как правило, в моделировании выделяют следующие элементы: субъект, объект-оригинал и модель, построенную на основе подобия моделируемого объекта в поле исследования и отношения к нему субъекта.

Моделирование характеризуется следующими основополагающими принципами.

1. Процесс моделирования предполагает соответствие, подобие объекта оригинала и сформированной на его основе модели.
2. Носящее объективный характер соответствие оригинала и модели находится в исследовательском поле познания субъекта.
3. Замещающая оригинал, модель становится объектом исследования.
4. Модель может иметь упрощенную форму воспроизводимого оригинала.
5. Полученное на основе изучения модели знание переносится на оригинал с указанием возможных ограничений.

Применение метода моделирования во многом связано с трудностями, нецелесообразностью или невозможностью непосредственного исследования объекта-оригинала. Основываясь на онтологическом условии моделирования (диалектико-материалистический принцип единства и взаимосвязи предметов и явлений), оригинал и модель должны иметь объективную сущность. По сути, моделирование представляет собой метод системного исследования, характеризующий его познавательный потенциал.

Моделирование в социальных науках имеет ряд особенностей и во многом определено целями, задачами, предметной областью, способами и приемами исследования. К таким особенностям моделирования можно отнести разнообразие, многофакторность внешней среды и внутренней структуры, взаимозависимость социальных явлений и процессов, способные к динамическому развитию или деградации и др. Моделирование может служить источником познания объективной социальной реальности, явлений и процессов для решения управленческих задач и принятия

управленческих решений в различных сферах жизнедеятельности. Важно соблюдать адекватность построения социальной модели оригиналу, используя естественный для него язык окружающей его реальности.

Многообразие существования социальных моделей разделяется на следующие классы: материальные модели (игровые модели с участием людей); идеальные модели (неформализованные, формализованные); смешанные модели (могут иметь элементы материальных и идеальных моделей).

Идеальные модели получили распространение и в социологии. Существуют различные основания их классификации моделей:

1) по объему исследования: модели социальной структуры общества, социально-демографических процессов, социально-политических процессов и др.;

2) по уровню моделируемой системы: микромодели, макромодели;

3) по воспроизведению различных сторон оригинала: структурные, функциональные, смешанные и другие модели;

4) по способу воспроизведения закономерностей и тенденций развития оригинала: детерминистические, стохастические модели;

5) по степени развития системы: модели с постоянной структурой, модели с изменяющейся структурой;

6) по месту в структуре познания: объяснительные, измерительные, предсказательные и др.;

7) по уровню формализации: концептуальные модели, формально-логические модели.

В социологии можно выделить и другие классы моделей: теоретические и эмпирические; регрессионные, причинные и имитационные; с управлением и без управления и т.д.

Универсальность метода моделирования позволяет социологу применять его на различных уровнях познания: теоретическом и эмпирическом. На теоретическом уровне познания модель характеризуется объяснительной, критериальной и предсказательной функциями. Модель на эмпирическом уровне выполняет описательную, объяснительную и измерительную функции. В зависимости от целей исследования для каждой функции или группы функций может быть построена конкретная модель.

Моделирование предполагает последовательное прохождение следующих этапов: 1) определение проблемной ситуации, постановка целей, задач моделирования и необходимости его применения; 2) проведение системного анализа объекта, выделение предмета исследования; 3) построение концептуальной модели; 4) конструирование формализованной модели; 5) изучение модели в целях получения нового знания; 6) перенесение полученных знаний на объект-оригинал в границах предмета исследования, проверка этих знаний, включение данных знаний в систему теоретического знания об объекте.

Выделенные этапы могут представлять собой циклический процесс, возвращаясь на более ранние этапы, корректируя действия и устраняя ошибки.

В зависимости от их функционального назначения в социологии применяются различные модели. Например, связи между переменными исследуются с помощью моделей дисперсионного, корреляционного и регрессионного анализа; выявлению латентных факторов способствуют модели факторного, латентно-структурного анализа и т.д.

Моделирование в социологии также применяется при исследовании и объяснении различных механизмов функционирования социальных явлений и процессов. Проводится изучение процессов социальной мобильности, миграции, рождаемости, деятельности различных структур и социальных организаций, разнообразных социально-политических процессов.

Список литературы

1. Щеглова С.Н. Социальное прогнозирование, проектирование и моделирование. Учебный практикум.- М.: Социум, 2011.
2. Моделирование экономических процессов; Юнити-Дана – Москва, 2013. - 544 с.
3. Курбатов, В.А. Социальное проектирование / В.А. Курбатов, О.С. Курбатова. - Ростов н/Д: Феникс, 2012. - 412 с.

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ КОРРУПЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Ковтун Г.С.

Социологические исследования коррупции получили распространение в России сравнительно недавно: в конце 1990-х гг. Это было связано, как минимум, с тремя событиями: признанием властью сначала факта существования, а затем и широкого распространения коррупции в стране; осознанием значительной частью научного сообщества узости сугубо юридического (криминологического) подхода к исследованию данного феномена; интенсивной институционализацией отечественной социологии, начавшейся в период перестройки, гласности и рыночных реформ (середина 1980-х – начало 1990-х гг.).

Отметим, что рост числа публикаций, посвященных различным явлениям, входящим сегодня в объем понятия «коррупция» (взяточничеству, должностным преступлениям т.п.), или связанным с коррупцией (организованной преступности, экономической преступности и т.п.), а также самой коррупции, наблюдался в стране с конца 1980-х гг. Однако авторами этих публикаций (статей и монографий) были исключительно юристы, криминологи и экономисты [См.: 11].

Первые социологические публикации появились лишь в конце 1990-х. Среди их авторов А. С. Быстрова, Я. И. Гишинский, И. А. Голосенко, И. М. Клямкин, Я. В. Костюковский, Ю. А. Левада, В. В. Радаев, В. Л. Римский, Р. В. Рывкина, Г. А. Сатаров, М. В. Сильвестрос, Л. М. Тимофеев и др. Общее число этих публикаций невелико: чуть больше 20 из 700 работ по данной тематике, опубликованных в 1986-2002 гг. [См.: 11]. Однако в дальнейшем ситуация меняется: растет общее число публикаций, среди авторов которых появляются новые имена (С. В. Алексеев, С. Ю. Барсукова, Л. Е. Бляхер, Р. В. Вахрушев, Е. Б. Галицкий, В. Я. Гельман, Б. В. Дубин, Ю. Ю. Комлев, Л. Я. Косалс, Ю. В. Латов, А. В. Леденева, М. Н. Макарова, И. В. Мостовая, Н. А. Пегин, А. Е. Чирикова, И. А. Шмерлина и др.); наряду со статьями и монографиями выходит учебная литература (Я. И. Гишинский, В. И. Добренков и Н. Р. Исправникова, Т. Б. Качкин и А. В. Качкина и др.). Различным проблемам коррупции посвящаются диссертационные исследования: в 2000-2015 гг. было защищено 2 диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук (С. В. Алексеев, М. В. Шедий) и 13 диссертаций на соискание ученой степени кандидата социологических наук (Н. А. Ахметова, Е. А. Борисова, З. Б. Дзодзиева, М. Х. Джабраилов, Л. Н. Енгибарян, А. Ю. Коннов, М. В. Кравцова, И. Е. Кузнецов, И. С. Куприянов, Я. А. Макеев, И. В. Мошкина, А. И. Шедоев, М. А. Штепа).

Целью статьи является систематизация знаний о коррупции, представленных в трудах отечественных социологов, направленная на выделение основных концептуальных моделей данного феномена. В самом общем смысле систематизация – это обобщение и упорядочение знаний на определенном основании. В данном контексте концептуальная модель коррупции (как результат систематизации) представляет собой систему понятий, описывающих и объясняющих коррупцию. В качестве основания систематизации знаний о коррупции выступает концепт (понятие), которым ее обозначают: «девиантное поведение», «социальный институт» или «социальная сеть». В зависимости от этого обозначения, концептуальные модели коррупции и получают свое название: «девиантологическая», «институциональная», «сетевая».

Прежде чем приступить к характеристике выделенных концептуальных моделей коррупции, следует отметить, что в современной социологической литературе нет, да и не может быть единого определения термина «коррупция». Чаще всего российские ученые в своих исследованиях опираются на определение, сформулированное в Справочном документе ООН о международной борьбе с коррупцией (1995): «Коррупция — это злоупотребление государственной властью для получения выгод в личных целях». Именно его часто называют универсальным рабочим определением коррупции, которое в России сначала было принято отечественными криминологами, а затем стало активно использоваться и специалистами других отраслей знаний, в том числе и социологами. Кроме этого, отечественные социологи достаточно часто используют в качестве рабочего определение,

предложенное Дж. Сентуриа: коррупция – это «злоупотребление публичной властью ради частной выгоды» [Цит. по: 6, с. 217]. Данное определение представляется более подходящим для понимания современной российской коррупции, поскольку не ограничивает её проявления только сферой государственной власти, а указание на «частный» характер выгоды предполагает, что она может быть получена не только в личных (индивидуальных), но и в групповых целях. Именно на это определение мы и будем опираться при характеристике концептуальных моделей коррупции.

В девиантологической модели коррупция рассматривается, во-первых, как одна из форм девиантного поведения, во-вторых, как социальное явление. В систематизированном виде данная модель представлена в трудах Я. И. Гилинского – признанного авторитета в области социологии девиантного поведения и социального контроля. Можно смело сказать, что без указания на его работы не обходится ни одно серьезное девиантологическое исследование коррупции в России.

Как форма девиантного поведения коррупция представляет собой «поступок, действие человека (группы лиц), не соответствующие официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, субкультуре, группе) нормам и ожиданиям» [7, с. 23]. Очевидно, что данное определение позволяет рассматривать как коррупционные не только действия человека, не соответствующие правовым нормам («официально установленным»), но и действия, не соответствующие нормам морали, обычаям, традициям («фактически сложившимся»). Поэтому в объем понятия «коррупция» входят не только преступления или правонарушения (взяточничество, незаконное распределение и перераспределение общественных ресурсов и фондов, незаконное присвоение общественных ресурсов в личных целях, незаконная приватизация, незаконная поддержка и финансирование политических структур, вымогательство и т.п.), но и отступления от норм морали (фаворитизм, nepотизм, протекционизм, лоббизм, «блат») [6, с. 217-218]. Заметим, что в этом состоит одно из отличий девиантологического подхода к пониманию коррупции от криминологического, в рамках которого к коррупции относятся только действия, не соответствующие нормам права («беловоротничковая преступность»).

Основная трудность социологического осмысления коррупции как формы девиантного поведения состоит в том, что далеко не всегда нарушитель норм (правовых или моральных) воспринимается как девиант (взяточник, коррупционер, вымогатель). Более того, иногда «правильный» поступок рассматривается как девиантный (например, сотрудник ГАИ, который не берет взятку, часто вызывает негативное отношение автолюбителей, которые считают его «ненормальным», а тележурналисты посвящают ему документальные фильмы как «герою дня»). В этом и подобных случаях наиболее эффективен подход, ориентированный на понимание социального контекста поступка (умеренно-конструктивистский подход), приобретающий всё большее число сторонников в отечественной социологии девиантного поведения [9, с. 43-44].

Как социальное явление коррупция выражается «в относительно массовых, статистически устойчивых формах (видах) человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, группе) нормам и ожиданиям» [7, с. 28]. Суть этого сложного и многогранного социального феномена состоит в продажности власти и/или должностных лиц.

Будучи порождением общества, коррупция представляет собой социальную конструкцию, поскольку именно общество определяет, что именно, когда, при каких условиях и с какими последствиями будет рассматриваться как коррупция. Процесс социального конструирования коррупции, по мнению Я. И. Гилинского, включает: наличие множества фактов продажности (взяточничества) различных государственных служащих и должностных лиц; осознание этих фактов как социальной проблемы; криминализацию некоторых форм коррупционной деятельности; реакцию политиков, правоохранительных органов, юристов, средств массовой информации, населения на коррупцию и т.п. [6, с. 218].

Для объяснения российской коррупции в рамках данной модели широко используются классические теории девиантности: теории аномии Э. Дюркгейма и Р. Мертона, теория нелегитимных

возможностей Р. Клаурда и Л. Оулина, теория нейтрализации Г. Сайкса и Д. Матзы, теория сдерживания Т. Хирши, теория этикетирования Г. Беккера, теория дифференцированной ассоциации Э. Сатерленда и теория дифференцированного подкрепления ассоциаций Р. Экерса [См.: 1, 10].

В институциональной модели коррупция предстаёт как социальный институт, элемент системы управления, тесно связанный с другими социальными институтами – политическими, экономическими, культурными [См.: 2, 6, 8, 13, 14]. В данном случае она определяется как совокупность устойчивых, регулярных и долговременных неформальных социальных практик использования должностными лицами своих позиций, возможностей, ресурсов в государственном управлении или политических институтах в целях личного обогащения или получения иных благ.

В качестве критериев институционализации коррупции рассматриваются: выполнение ею ряда социальных функций; наличие вполне определенных субъектов коррупционных взаимоотношений (патрон - клиент); распределение социальных ролей (взяткодатель, взяткополучатель, посредник); наличие определенных правил игры, норм, известных субъектам коррупционной деятельности; сложившийся сленг символика коррупционных действий; установившаяся и известная заинтересованным лицам такса услуг [См.: 2, 6, 14].

Коррупция как социальный институт современного российского общества целым рядом серьезных исследователей рассматривается как часть институционализированной теневой (находящейся вне сферы юридического закона) реальности, которую наряду с ней образуют теневая экономика, теневая политика, теневое право и т.п. [См.: 6, 8, 13]. Будучи частью теневой реальности, коррупция характеризуется не только как неформальный, но и как «подрывной» институт – «институт, порождающий многочисленные негативные явления в политике, экономике, обществе в целом» [5, с. 7].

Для объяснения современной российской коррупции как социального института российскими социологами широко используются идеи представителей неоинституционализма: Э. де Сото, Г. Мюрдаля, Д. Норта, М. Олсона и др. Поэтому более точное название данной концептуальной модели коррупции - «неоинституциональная».

В сетевой модели коррупция предстаёт как сложно уловимая социальная сеть, объединяющая участников коррупционных сделок. Деятельность коррупционных сетей проявляется в формировании взаимосвязей и взаимозависимостей между чиновниками по вертикали и по горизонтали на различных уровнях управления между разными ведомствами и структурами. В их состав входят группы государственных чиновников, обеспечивающие соответствующие решения; коммерческие и финансовые структуры, реализующие получаемые выгоды; представители органов МВД, ФСБ, прокуратуры, налоговой полиции и иных «силовиков», осуществляющие силовое прикрытие («крыша»). Однако коррупционная сеть не является строго организованной, устойчивой иерархической системой. По словам заведующего отделом социологии Фонда ИНДЕМ В. Л. Римского, «если иерархия и есть, то она постоянно разрушается, меняется, никогда не существует долго, чтобы не попасть под уголовное преследование» [4].

Одной из особенностей коррупционных сетей является то, что их образуют только знающие друг друга напрямую или через общих знакомых люди. Поэтому между участниками сети существует «сравнительно высокий уровень взаимного доверия еще до совершения неформального обмена, в частности, из-за того, что принадлежность к общей социальной сети снижает стимулы для разглашения сделки и доноса в правоохранительные органы» [12, с. 3.]. Это, с одной стороны, исключает доступ в коррупционные сети для «чужаков», а, с другой – затрудняет реализацию антикоррупционных мер. Широкое распространение в современной России именно сетевой коррупции нередко рассматривается как ответ на предпринимаемые в стране меры по борьбе с ней.

Для объяснения современной российской коррупции как неформальной социальной сети отечественными социологами широко используются идеи, нашедшие свое отражение в работах таких зарубежных ученых, как М. Грановеттер, Г. Ленц, С. Липсет, Дж. Скотт и др.

Итак, предпринятая нами систематизация знаний, представленных в отечественной социологии, позволила выделить три основных концептуальных модели коррупции, условно обозначенные как «девиантологическая», «институциональная» («неинституциональная») и «сетевая». Данные модели представляют собой своеобразные «идеальные типы», сконструированные автором статьи. В реальной же исследовательской деятельности они дополняют друг друга при описании и объяснении одного и того же объекта исследования (коррупции). Более того, данные модели, безусловно, не исчерпывают всего концептуального разнообразия отечественной социологии коррупции, в которой достаточно широко представлены и другие модели, например, «расширенная агентская модель» Г. А. Сатарова [3], отказаться от рассмотрения которой нас заставили исключительно ограниченные рамки статьи.

Список литературы

1. Алексеев, С. В., Мостовая, И. В. Социальная обусловленность коррупции / С. В. Алексеев, И. В. Мостовая // Вестник ЮРГТУ (НПИ). - 2013. - № 1. – С. 181-190.
2. Алексеев, С. В. Коррупция в переходном обществе: социологический анализ: дис. ... доктора социол. наук / С. В. Алексеев. – Новочеркасск, 2008.- 411 с.
3. Антикоррупционная политика / Под ред. Г. А. Сатарова. – М.: Фонд ИНДЕМ, РА «СПАС», 2004. – 368 с.
4. Возможности социологического изучения коррупции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.liberal.ru/articles/6393> (дата обращения: 25.10.2015).
5. Гельман, В. Я. «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России / В. Я. Гельман // Политика. – 2010. - № 2. – С. 6-24.
6. Гишинский, Я. И. Коррупция: теория и реальность / Я. И. Гишинский // Девиантность, преступность, социальный контроль. Избранные статьи. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – С. 217-226.
7. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., испр. и доп. - СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. - 528 с.
8. Клямкин, И. М., Тимофеев, Л. М. Теневая Россия: Экономико-социологическое исследование / И. М. Клямкин, Л. М. Тимофеев. – М.: Российск. Гос. Гуманит. Ун-т, 2000. – 595 с.
9. Ковтун, Г. С. Концептуализация продажности власти и должностных лиц в истории отечественной социологии / Г. С. Ковтун // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2009. - №1. – С.40-45.
10. Комлев, Ю. Ю. Природа российской коррупции с позиций теории социального научения // Вестник экономики, права и социологии, 2013, № 2. – С. 206-213.
11. Коррупция и взяточничество: Аннотированная библиография российских изданий 1869-2002 гг. / Составители: А. С. Быстрова, М. В. Сильвестрос; Под ред. А. В. Дуки. – СПб.: Социологическое общество им. М. М. Ковалевского, 2004. – 240 с.
12. Кравцова, М. В. Межстрановой анализ рыночной и сетевой коррупции: факторы, последствия, взаимосвязь: автореф. дис. ... канд. социол. наук / М. В. Кравцова. – М., 2014. – 29 с.
13. Тимофеев, Л. М. Институциональная коррупция / Л. М. Тимофеев. – М.: Российск. Гос. Гуманит. Ун-т, 2000. – 365 с.
14. Шедий, М. В. Коррупция как социальное явление: социологический анализ: дисс. ... доктора социол. наук / М. В. Шедий. – Москва, 2015.- 393 с.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СОЦИУМА И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ РОССИИ

Жукса Л.П.

Одним из важнейших методов прогнозирования является так называемый сценарный метод. Он относится к числу неформализованных методов прогнозирования. И хотя не совсем успешно, но активно применяется в последнее время в прогнозировании социально-экономической, демографической, политической, экологической и других ситуациях [3, с.34-35].

Однако исключительно важно такой метод применить к прогнозированию общественных процессов в целом, ибо постановка вопроса о том, что глобализация в современном мире является эпохой неизвестности [4, с. 45], вряд ли может остановить стремление определенной части исследователей остановиться на этой точке зрения.

Решение в определенной мере кроется в построении нового уровня социологического знания, основанного на синтезе всех накопленных за историю его становления аспектов, с учетом подвижек в современном методе познавательных процессов [7, с.151-159].

Методом разработки такой теории является включенность ее в классификацию наук в качестве ее центрального, систематизирующего начала [см. рис. 1]. Это не только дает критерии полезности, эффективности и гуманизации естествознания, математических и технических наук, но и самой социологии предлагает инструментарий для уточнения естественного порядка общественной жизни, поддержание которого составляет содержание организаторской деятельности в статусе социального управления. Так, с этих позиций в качестве объекта управления выступает поддержание определенного устройства любого живого организма. Из этого следует, что и социальное управление есть содержание организаторской деятельности, направленной на поддержание определенного, а именно естественного, порядка в обществе. Такой подход к обществу сосредотачивает внимание сначала на том, как природная форма движения проявляется в обществе, а затем определяет пути синтеза общего как фактора природного со специфическим, т.е. сугубо субъективным, определяя тем самым пути устойчивого развития на основе собственно социального управления и превращения социологии в общую теорию социального управления.

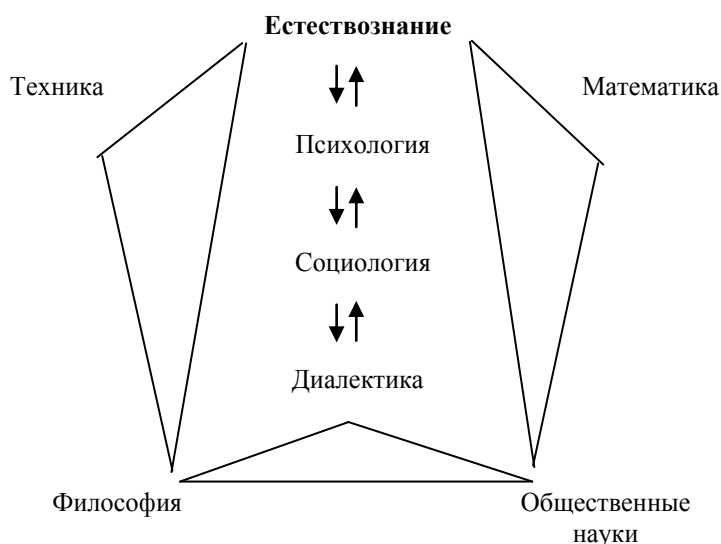

Рис. 1. Социология в классификации наук (Вариант классификации наук на базе марксизма-ленинизма был предложен в свое время Б.М. Кедровым [59])

Основные характеристики социологии как общей теории социального управления, а вместе с тем и как метода социального познания во всех его ипостасях, связаны с воспроизведением социальной системы целиком, т.е. во всем многообразии ее реальных форм и взаимодействий с другими объектами совокупной метасистемной действительности, со всеми ее разнопорядковыми и многомерными отношениями, которые нашли отражение, хотя и в разрозненном виде, во всем прежнем знании об обществе, в том числе и всемирной истории. А использование в качестве методологии диалектики, общей теории систем, синергетики, кибернетики дополняется переходом от моно- к полицентризму, изучением разносистемных единств в современности с реальностью, концентрацией внимания на разнотипных связях, отношениях, взаимодействиях явлений, переходом к процессуальному, конкретно-историческому рассмотрению социальных явлений.

Изложение этого знания требует поиска адекватных ему форм, дать которые в определенной мере способно эвристическое моделирование.

Возможности эвристического моделирования могут быть использованы с учетом принципа изо- и полиморфизма и представлены в так называемой концептуальной модели (образе) социума. Она помогает представить социум как целое, сложноорганизованную систему, включенную в систему более высокого порядка – «Космос – природа – Космос». В рамках этой модели-образа (см. рис. 2) нами выделяются четыре периода всемирной истории в необходимой последовательности:

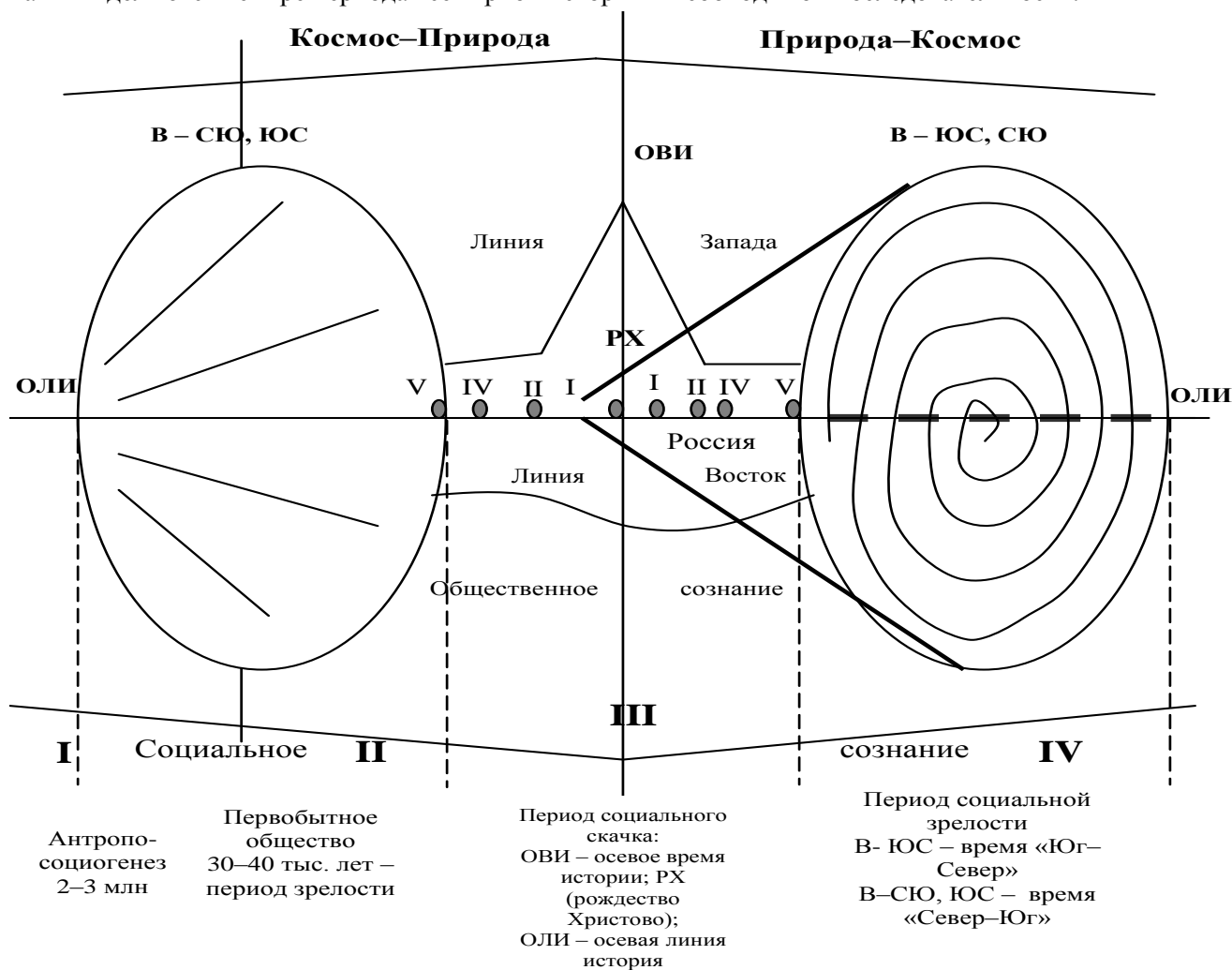

Рис. 2. Концептуальная модель социума.

- 1) антропосоциогенез;
- 2) первобытное общество как результат антропосоциогенеза и сложившаяся в своем качественном определении природно-социальная система;
- 3) период социального скачка, т.е. накопления качеств развитой социальной системы, который приблизительно может быть представлен между тремя тысячелетиями до н. э. и н. э. Его становление просматривается как логическое продолжение линии развития – от многообразия этносов и достаточно однообразного способа производства первобытного общества к многообразию народностей, а затем наций, способов производства, образов жизни и культур, цивилизаций периода социального скачка, и через него – к интегральному единству многообразия всех факторов человеческой жизни, в условиях качественно определившейся природно-социальной системы четвертого периода.

В рамках этой модели просматривается так называемая осевая линия истории (ОЛИ). Она складывается из точек пересечения двух взаимодействующих линий периода социального скачка – линии Запада, характеризующейся становлением индивидуальности, самодостаточности личности посредством различных модификаций государственно-частной собственности, и линии Востока, сохраняющей на протяжении истории в рамках азиатского способа производства коллективные основания человеческого бытия. Осевая линия истории дополняется видением «осевого времени

истории» (ОВИ), которое проходит по высшей точке «распадения» линии Восток – Запад и совпадает с Рождеством Христовым. Оно делит время на то, что было до н. э., и новую эпоху. Осевое время истории дополняется, с одной стороны, временем «Север – Юг», которое связано с движением возникающих этических, культурных и цивилизационных образований древнего мира с юга на север. Присутствует здесь и время «Юг – Север» как результат взаимодействия евразийства с тысячелетними традициями и природно-социальными факторами социума. Время, в которое человечество вступило на пороге XXI века.

«Скелет» социальной системы, представленный в концептуальной модели, наполняется «живым» содержанием на основе использования требований принципа полиморфизма. Тогда в общей структуре этой системы хорошо просматривается множество социальных общностей, состояние каждой из которых, например, России, резко отличается от состояния всех других. Все вместе они создают единство многообразия, находящееся на конкретно- историческом этапе своего движения в направлении накопления качеств целостного и разумного, т.е. включающегося в космопланетарную зависимость на принципах диалектического взаимодействия. Это единство многообразия, очевидно, и есть условие нормального и более или менее равновесного развития каждой из них и социума в целом. Эта сторона всемирной истории подчеркивается Н. Бердяевым в идее неповторимости вклада каждого народа в общую сокровищницу человеческих достижений [2, с.9].

Возникнув на рубеже старой и новой эры по осевой линии истории, славянский этнос, который изначально составлял основу населения России, организованно и содержательно начинает формироваться (этот процесс продолжается и по сей день, но уже на базе суперэтнического образования, каким является российский народ) как интегратор мирового опыта, мировых культур, и цивилизации новейшего времени. Исторически эта ситуация складывалась и в результате использования опыта организации общественной жизни северных племен (исторический факт приглашения Рюрика на правление), влияния культуры Византии и татаро-монголов, трехсотлетнего влияния Запада, особенно Германии, в период царствования рода Романовых и т.д. Отстав от мирового сообщества в своем развитии на целые тысячелетия, Россия стремилась занять свое место в мировой социальной системе, чтобы выполнить роль и функции нового фокуса, сформировав на этой основе свою национальную идею.

Может быть, именно поэтому реформы в России в своей основе носили ускоренный и догоняющий характер, всегда обходились дорогой ценой для народа и страны, приводили зачастую к отчуждению народа от власти. Подсистема социума под названием «Россия» не могла позволить себе осуществление реформ на правовой основе, ибо это дело длительное, требующее вызревания соответствующей культуры народа. Тех 500 лет, которые мог себе позволить Запад затратить для этой цели, у России не было и не может быть в силу ее срединного положения между Европой и Азией, которое обязывает ее к соответствующему социальному поведению, особенно в современный период. Каждая реформа в становлении подсистемы «Россия» играла свою роль. Она давала ровно столько, сколько было необходимо для ее дальнейшего развития в заданном социумом направлении. Возбуждая в сознании передовых людей необходимые идеи и соответствующие действия, развивающаяся система «брала» ровно столько, сколько необходимо для ее становления, отменяя все остальное и жестко разделяясь с реформаторами за неумеренность и стихийность их действий. Именно поэтому, возможно, пора пересмотреть сущностное содержание понятий «реформа» и «революция». Каждое из них обозначает всего лишь меру субъективного вмешательства в объективную логику развития социальной системы или подсистемы, социума в целом. Причем эта мера определяется глубиной преобразований, вызванных потребностями и ходом развития этой системы. Нам представляется, что этот вывод хорошо подтверждается всей прежней историей реформ и революций в России [7, с.151-159], в том числе «демократизацией социализма», которая закончилась полным отказом от него.

Однако наиболее адекватно выразил суть советской действительности Л.П. Карсавин и другие евразийцы, усмотревшие в единстве народа и власти, связанного с ней одной идеологией (мировоззрением), государство особого типа, определяемое ими как идеократическое. В нем, как

заявлял Л.П. Карсавин, «единая культурно-государственная идеология правящего слоя так связана с единством и силою государства, что ее нет без них, а их нет без нее» [6, с.220]. Формирование такого государства на территории России явилось предпосылкой победы советского народа во Второй мировой войне. Ибо за войной людей давала о себе знать скрытая от их глаз борьба тенденций старого и нового в движении социума в будущее – эру новейшую, начало которому положено героизмом и жертвой российского народа. А потому пристраивание одного из фокусов начала новейшей эры в хвост ушедшего времени посредством реформ 1990-х годов есть не что иное, как противодействие природно-социальной эволюции. Ее дальнейшее развитие связано с идеократическим государством и его совершенствованием, а не подражанием главному западническому принципу реформ, основанному на поиске «центра» в результате взаимодействия политических сил. Другое дело, что сама концепция такого государства и опыт СССР должны быть тщательно проработаны в рамках социологии России, исследующей системные качества такой социальной общности, коей Россия является. В рамках такого знания могут быть выявлены и учтены синергетические принципы преобразования скрытых в ней возможностей на основе использования механизмов социального управления и особенно единства ее главной, национальной идеи и соответствующей ей организации.

Список литературы

1. Алексеев В.П. История первобытного общества/ В.П. Алексеев, А.И. Першиц. – М.: Высшая школа, 1990.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990.
3. Бокарев А.С. Метод сценариев как разновидность интуитивно-логического методов прогнозирования. – В.кн. «Пути повышения качества прогнозов». – М. – Л. – 1990.
4. Виедович З. Глобализация, хаотизация и конфликты в современном мире/ Социс, 2005, №4, с. 45.
5. Всемирная история: в 24 т. – Минск: Литература, 1996.
6. Карсавин Л.П. Основы политики. Кн. 5 / Л.П. Карсавин// Европейский временник. – Париж, 1927.
7. Кукса Л.П. Социологический анализ и критерии оценки российских реформ/ в кн. Кукса Л.П. Россия: проблемы переходного периода (XX-XXIвв.), Новосибирск, 2013, с.151-159

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ ЗАЩИТЫ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ВИРТУАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СРЕДАХ

Лонцов В.В., Прончев Г.Б., Третьякова И.В.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 15-03-00435-а) и РФФИ (проект 13-01-00392-а)

Современный этап развития общества характеризуется возрастающей ролью информационной сферы, представляющей собой совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений. В условиях глобального кризиса, охватившего практически все страны мира, и вызванного рядом причин, в том числе и так называемой «санкционной войной», мировое информационное пространство активно влияет на состояние политической, экономической, оборонной и других составляющих безопасности Российской Федерации. В настоящее время перед Россией стоит проблема перехода страны на путь инновационного социально-ориентированного развития, в течение ближайших десятилетий Россия должна стать страной, благополучие которой обеспечивается не столько сырьевыми нефтегазовыми ресурсами, сколько интеллектуальной экономикой, создающей уникальные знания, экспортом новейших технологий и продуктов инновационной деятельности [1].

Интеграция в мировое информационное пространство, интенсивное развитие информационной инфраструктуры, средств и систем связи, а также информатизация практически всех сторон общественной жизни и деятельности органов государственной власти и управления существенно усиливают зависимость функционирования общества и государства от состояния информационной сферы. В связи с ростом и развитием телекоммуникационных технологий, в частности, все более широким распространением компьютеризации и ростом доступности в Интернет российское общество

все больше приобретает отличительные признаки информационного общества, с его направленностью на развитие производства, переработки, хранения и распространения информации среди членов общества.

Важнейший аспект развития Интернета – возможность непосредственного межличностного общения, что предоставляет безграничные возможности для преодоления социальной стратификации и организации социальных групп из индивидуумов, имеющих общие цели, интересы, взгляды, занятия, хобби, место жительства, пол, национальность, проблемы, обстоятельства и т.п. Согласно данным ВЦИОМ [2], сегодня во всемирную сеть каждый день заходят 46% опрошенных, 19% пользуются Интернетом несколько раз в неделю или в месяц, 1% граждан отвечают, что выходят во всемирную паутину крайне редко (менее одного раза в полгода). Интернетом не пользуются около 34% опрошенных. Наиболее активную аудиторию составляют пользователи в возрасте от 18 до 24 лет с хорошим образованием и материальным положением. Большинству россиян сегодня Интернет необходим, прежде всего, чтобы быть в курсе последних новостей о событиях в стране и мире – 82% пользователей.

Широкое распространение за последние годы получили такие социальные сервисы Интернета как форумы, блоги, гостевые книги и в наибольшей степени социальные сети. Согласно данным ряда исследований [3], виртуальные социальные среды – основная причина, по которой сегодня растет количество времени, проводимого пользователями в Интернете. Темпы, которыми развиваются виртуальные социальные среды в России, бьют все рекорды. По данным компании TNS число пользователей Интернета в России по итогам первого квартала 2015 года выросло в годовом выражении на 5% и достигло 82 млн. человек, это 66% активного взрослого населения страны (в возрасте старше 18 лет) [4]. Число уникальных пользователей за год увеличилось на 30% за счет роста количества гаджетов и браузеров. При этом трое из каждых десяти пользователей составляют активную аудиторию – выходят в Интернет хотя бы раз в сутки. В конце августа 2015 года гендиректор социальной сети Facebook на своей странице в социальной сети сообщил, что число пользователей социальной сети за день достигло 1 млрд человек [5]. Впервые каждый седьмой человек на Земле пользовался социальной сетью Facebook.

Внимание к виртуальным социальным средам, а также стремительный рост их количества привлекает к ним работодателей. Аудитория социальных сетей четко сегментирована по возрастным, гендерным, культурологическим и прочим критериям, что позволяет максимально сфокусировать, в частности, контекстную рекламу, на каждый конкретный сегмент целевой аудитории и получить максимальный возврат инвестиций.

В последнее время все чаще появляется информация о том, что социальные сети опасны [6, 7]. Вернее сами сети не опасны, а опасна та информация, которая в них содержится. Очень часто пользователи, регистрируясь на сайтах социальных сетей, оставляют свою личную информацию, которая может стать доступной злоумышленникам.

Для эффективного анализа всех аспектов распространения и защиты информации в социальных сетях в нашей работе предложена описательная информационная модель социальной сети, учитывающая: взаимодействие субъектов и объектов информационных процессов в социальных сетях; возможные уязвимости, факторы риска и угрозы, объективно присущие информационным ресурсам в социальных сетях.

Информационную модель защиты конфиденциальной информации, циркулирующей в социальной сети, в самом общем виде можно представить в виде диаграммы, показывающей механизмы воздействия внешних (из окружающей среды) и внутренних угроз для сети посредством имеющихся реальных или потенциальных уязвимостей, несущих реальные или потенциальные риски для информационных ресурсов. Обобщенная структура социальной сети представляется как взаимосвязь социальной среды и информационного ресурса, имеющего определенную ценность и подлежащего защите от внешних и внутренних угроз.

При оценке информационных процессов в социальных сетях можно выделить следующие основные типы субъектов информационных отношений:

- легальный пользователь (посетитель) сети как гражданин – субъект общественно-политической жизни, носитель определенного мировоззрения, обладатель правосознания и менталитета, духовных идеалов и ценностей, типичных для страны его проживания;
- легальный пользователь (посетитель) сети как личность – индивид, обладающий сознанием и подверженный информационным воздействиям, результаты которых могут угрожать его физическому или психическому здоровью;
- нелегальный пользователь (злоумышленник);
- владельцы или администраторы информационного ресурса.

Можно выделить следующие элементы и виды конфиденциальной информации, разглашение которой может нанести прямой или косвенный ущерб пользователю социальной сети:

Регистрационные данные – информация для идентификации пользователя, предоставленная им при первичной регистрации в социальной сети;

Время посещения ресурса – расписание дня пользователя;

Форум – материальное положение и политические взгляды пользователя;

Фотогалерея – материальное положение, родственные связи, коммерческие и личные связи, безопасность жилища;

Адрес электронной почты – почти все сети требуют ввода адреса электронной почты и проверяют его работоспособность, высылая письмо с кодом активации учетной записи. Такой подход гарантирует до определенной степени уникальность участника, но создает условия для рассылки спама;

Круг контактов – материальное положение, профессиональные и родственные связи;

Настраиваемое окружение – пользователь настраивает внешний вид, дополнительные данные о себе, указывает свои интересы.

Пользуясь услугами социальных сетей, следует учитывать возможные риски, сопровождающие любые действия пользователя. Источниками угроз для легального пользователя могут являться: Владельцы или администраторы информационного ресурса; Пользователи социальной сети – злоумышленники; Нелегальные пользователи – злоумышленники.

При системном рассмотрении различных видов нарушений защиты конфиденциальной информации в социальной сети в соответствии с качественно-количественными характеристиками циркулирующей внутри сети информации, необходимыми для оценки ее уязвимостей, по степени важности для механизмов защиты можно выделить следующие типы основных угроз:

Угроза конфиденциальности информации в социальной сети. При реализации такого типа угроз происходит утечка конфиденциальной информации и причинение прямого или косвенного ущерба пользователю социальной сети;

Угроза целостности информации в социальной сети. При ее реализации происходит модификация обращаемой внутри сети информации и потеря ее адекватности;

Угроза доступности информации в социальной сети. При ее реализации происходит нарушение доступа к сетевой информации и блокирование доступа к ресурсу;

Угроза полноте информации в социальной сети. При ее реализации происходит уничтожение обращаемой внутри сети информации и причинение прямого или косвенного ущерба как пользователю социальной сети, так и ее владельцу;

Угроза актуальности информации в социальной сети. При ее реализации происходит задержка получения легальным пользователем сети информации;

Угроза важности информации в социальной сети. При ее реализации происходит несанкционированное чтение конфиденциальной сетевой информации, что приводит к утрате ее ценностных характеристик;

Угроза адресности информации в социальной сети. При ее реализации происходит

переадресация сетевой информации, что может приводить к снижению ее конфиденциальности;

Угроза избыточности информации в социальной сети. При реализации этой угрозы происходит многократное дублирование сетевой информации.

Предложенная качественная информационная модель носит достаточно общий характер, но учитывает специфику наиболее важных, с точки зрения защиты конфиденциальной информации, параметров социальных сетей, пренебрегая несущественными параметрами и деталями. При последующем изучении и уточнении параметров рассмотренной модели могут появиться предпосылки для более точного установления формальных связей и соотношений между элементами и участниками информационных отношений в социальных сетях.

Список литературы

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации//Российская газета, № 187, 28.09.2000.
2. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) / Режим доступа: <http://wciom.ru>. 01.10.2015.
3. Социальные сети: сплошные убытки / Интернет-ресурсСNews / Режим доступа: <http://cnews.ru>. 01.10.2015.
4. Доля эксклюзивных пользователей мобильного Интернета в России за год выросла на 90% /Интернет-ресурс TNS / Режим доступа: <http://www.tns-global.ru>. 01.10.2015.
5. MarkZuckerberg / Личная страница на Интернет-ресурсе facebook / Режим доступа: <https://www.facebook.com/zuck>. 01.10.2015.
6. Кто стоит за "Одноклассниками" / Интернет-ресурс «Бизнес изнутри»/ Режим доступа: <http://www.rb.ru>. 01.10.2015.
7. Социальные сети опасны для карьеры / Интернет-ресурс @ASTERA / Режим доступа: <http://www.astera.ru>. 01.10.2015.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО НАПАДЕНИЯ И ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА В СОЦИУМЕ

Маревцева Н.А., Михайлов А.П., Петров А.П., Прончева О.Г.

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект 13-01-00392) и РГНФ (проект 15-03-00435)

В настоящее время роль информационной среды выходит на первый план, а потому национальная безопасность любого государства, в том числе и России, всё больше зависит от информационной безопасности. Таким образом, исследование информационных процессов чрезвычайно важно. Среди методов исследования следует отдельно выделить использование математических моделей [Самарский, Михайлов, 2000,2001,2004].

Данная работа посвящена построению и исследованию математических моделей, описывающих процессы информационного нападения и информационного противоборства. Показано, что изучаемые процессы в силу их нелинейности допускают отнюдь не очевидные режимы развития. Тем самым, даже в простейших случаях из анализа математических моделей информационного нападения и информационного противоборства определяются содержательные характеристики, управление которыми может стимулировать протекание этих процессов в нужном для их участников направлении.

В первую очередь рассматривается процесс распространения информации (информационного нападения) в группе взаимодействующих индивидов. В рамках рассматриваемой модели (см. [Самарский, Михайлов 2001; Михайлов, Ключов, 2002]) предполагается, что неохваченный информацией индивид может получить ее либо от СМИ, либо путем межличностной коммуникации от информированного ранее индивида (адепта). Численность адептов в момент времени t обозначим через $X(t)$. Интенсивность распространения информации этими способами описывается положительными параметрами, не зависящими от времени. Заметим, что интенсивность распространения информации через межличностную коммуникацию при этом пропорциональна также числу уже охваченных индивидов. Предполагается, что скорость распространения информации (то есть, число охваченных

индивидов за единицу времени), складывается из скоростей распространения информации каждого из вышеупомянутого способов. Эта скорость пропорциональна числу ещё неохваченных индивидов. Заметим, применительно к распространению информации через СМИ каналу, здесь предполагается, что социум находится в своего рода "всеобъемлющем нелокальном информационном поле", т.е. любой из ещё не завербованных членов общности всегда имеет возможность получить распространяемую информацию и её воспринять. Отметим также, что хотя в отличие от распространения через СМИ, межличностная коммуникация имеет локальный характер (от человека к человеку), но скорость вербовки, как и в первом случае, снова пропорциональна числу ещё не завербованных членов общности. Общая скорость изменения числа adeptов $X(t)$ (т.е. число завербованных в единицу времени) складывается из скорости распространению информации через СМИ и через межличностную коммуникацию.

Перейдём к модели информационного противоборства. Пусть теперь имеется социальная общность, потенциально подверженная воздействию не одного, а двух несовпадающих между собой по содержанию информационных потоков (в частности, может быть, что информация типа 1 (I_1) и типа 2 (I_2) диаметрально противоположны друг другу) [Михайлов, Маревцева, 2011]. Пусть в момент времени $t=0$ два источника разной информации одновременно начинают её транслировать, в результате чего оба информационных потока распространяются среди общности. Поскольку I_1 и I_2 не тождественны друг другу, то данный процесс рассматривается как *информационное противоборство* (конкуренция, соперничество). Модель описывает динамику его развития по времени, (т.е. зависящие от времени t величины $X(t)$ и $Y(t)$ числа «адептов», принявших информацию, распространяемую источниками «1», и «2»), а также определяет её конечный результат – «победителя» или «побеждённого». Победителем считается тот, кто к моменту полного охвата изучаемой общности обеими видами информации сумел распространить свою информацию среди большего, чем соперник, числа членов общности, т.е. величины большей, чем *половина* от общей численности. В этой модели предполагается, что индивид, узнавший информацию от одного из источников, закрыт для второго, то есть исключается "перевербовка". Также делается предположение о том, что каждый из источников характеризуется своими значениями величин, описывающих интенсивность распространения информации. В этой модели скорость распространения путём межличностной коммуникации для каждого из источников пропорциональна числу индивидов, охваченных этим же источником.

На основе рассмотренных выше базовых моделей, в работе [Михайлов и др., 2014] предложена модель информационного нападения, учитывающая ряд более сложных факторов, влияющих на распространение информации в социуме, в частности – забывание информации индивидами, неполный охват социума средствами массовой информации, двухшаговое усвоение и забывание информации.

Расширим базовую модель информационного нападения, учтя забывание информации индивидами, другими словами – возможность перехода из adeptов в неохваченные. Было показано, что в этом случае модель имеет единственное стационарное решение, которое является устойчивым, причём итоговая численность информированных индивидов меньше, чем численность общности. Также модель информационного нападения с добавлением фактора забывания была рассмотрена в следующем аспекте. Предположим, что источник информации может влиять только на интенсивность распространения информации через СМИ, при этом ему известны значения остальных параметров, и этому источнику необходимо, чтобы данной информацией охватилась конкретная доля от всего населения. Кроме того, была проанализирована функция $X(t)$ и были найдены условия наличия ажиотажа.

После этого модель была расширена путём включения в неё предпосылки о делении социума на две группы населения, каждая из которых характеризуется своими значениями параметров. Были проанализированы положения равновесия, все зависимости от параметров, положение равновесия - устойчивый узел. Также был рассмотрен случай двух групп населения отличающихся тем, что они больше доверяют индивидам из своей группы, чем индивидам из чужой группы. В этом случае тоже имеется единственное положение равновесия - устойчивый узел.

Практика показывает, что информационное воздействие является результативным, если оно является не одноразовым, а проводится в виде кампании. Можно предположить, что индивид присоединяется к числу адептов за два шага. Будучи охваченным в первый раз он становится *преадептом*. Это, в частности, означает, что он еще не распространяет информацию далее. Преадепт получает и усваивает информацию по тем же правилам, что и неохваченный ей член группы.

Все вышеупомянутые факторы (неоднородность социума, забывание и двухшаговое усвоение информации) факторы в совокупности включены в модель информационного противоборства. Проведено исследование этой модели с применением численных методов. Особое внимание уделено случаю, когда одна из сторон имеет более сильную пропаганду через СМИ, а другая – более «вирусную» информацию.

Результаты численных экспериментов показывают, что для каждой из групп динамика имеет, в общих чертах, следующий вид: сначала увеличивается и достигает максимума численность преадептов, затем она уменьшается, при этом происходит рост численности адептов. Большинство членов первой группы (т.е. индивидов, пользующихся СМИ) охвачены первым источником (т.е. $X_1(t) > Y_1(t)$ при достаточно больших t), а большинство членов второй группы (т.е. не пользующихся СМИ) – вторым источником (т.е. $X_2(t) < Y_2(t)$ при достаточно больших t). Но если для первой группы "превосходство" первого источника незначительно, то во второй группе разрыв между теми, кто охвачен первым источником и теми, кто верит второму, намного больше. Это происходит из-за того, что «вирусность» информации второго источника сильно влияет на обе группы (так как индивиды из разных групп общаются друг с другом), в то время как первый источник обладает преимуществом только для первой группы.

В случае увеличения значений коэффициентов, влияющих на интенсивность распространения информации через СМИ и межличностную коммуникацию, наблюдается полный "захват" второй группы вторым источником и более сильное преобладание людей из первой группы, охваченных первым источником. При этом, увеличение коэффициентов забывания информации приводит к сдвигу стационарного распределения в пользу второго источника. Причина этого заключается в том, что «забывшие» индивиды в большей степени вербуются вторым источником, чем первым.

Список литературы

1. Михайлов А.П., Ключев Н.В. О свойствах простейшей математической модели распространения информационной угрозы, Математическое моделирование социальных процессов, вып. 4. М.: МАКС Пресс, 2002. С. 115-123.
2. Михайлов А.П., Маревцева Н.А. Модели информационной борьбы // Математическое моделирование, 2011, т.23, №10, с.19-32.
3. Михайлов А.П., Петров А.П., Маревцева Н.А., Третьякова И.В. Развитие модели распространения информации в социуме // Математическое моделирование, 2014, т.26, №3, с.65-74.
4. Самарский А.А., Михайлов А.П. Математическое моделирование. Идеи, методы, примеры. Москва, Наука, 2001 г., 320 с.
5. Самарский А.А., Михайлов А.П. Математическое моделирование в информационную эпоху. Вестник РАН, 2004, N. 9.
6. Самарский А.А., Михайлов А.П. Методологические основы моделирования социальных процессов: пределы возможного // Математическое моделирование социальных процессов, вып. 3. М.: МГУ, 2000.

ОПЫТ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ С ПОМОЩЬЮ ФАКТОРНОГО АНАЛИЗА

Могильчак Е.Л.

Фактор в традициях факторного анализа рассматривается нами как латентная многомерная переменная, проявляющаяся в наблюдаемых переменных. Исходя из методологических оснований

экономической социологии, каждый фактор интерпретировался как латентная установка на освоение экономических ролей в рамках экономической культуры.

Объектом эмпирического исследования являлись студенты-четверокурсники дневного отделения всех государственных вузов г. Екатеринбурга, за исключением творческих вузов и вузов силовых ведомств. Исследование проводилось в период с ноября 2011 года по март 2012 года. Всего было обследовано 10 вузов и 49 факультетов. Тип выборочной процедуры – квотная выборка, квотные признаки – вузовская принадлежность и тип специальности (экономическая - неэкономическая). Объем выборки – 749 человек.

В результате компьютерной обработки данных при помощи программы SPSS.11.0. forWindows было выделено 4 фактора. На основе признаков, относящихся к каждому фактору и получивших максимальные факторные нагрузки, нами были присвоены названия упомянутым латентным переменным. Это фактор опыта, информационный фактор, фактор развития и фактор рациональности.

Укажем наблюдаемые переменные для каждого фактора, а также коэффициенты, фиксирующие тесноту связи фактора и признаков, лежащих в его основе. Нужно отметить, что отрицательные значения некоторых факторных нагрузок отражают не отрицательную корреляционную связь, а разные направления изменения шкальных значений переменных, относящихся к соответствующему фактору.

Фактор опыта

1. Умение выбирать одежду, обувь (0,726)
2. Умение выбирать бытовую технику, аппаратуру (0,809)
3. Выполнение роли покупателя в родительской семье в школьные годы (0,364)

Информационный фактор

1. Индекс информированности о правах работника и потребителя (-0,683)
2. Частота помощи родителям в случае нехватки у них экономической информации (0,729)
3. Число знаний о способах поиска работы (0,499)

Фактор развития (эволюционный фактор)

1. Число запрашиваемых экономических знаний и умений (0, 652)
2. Число выполняемых в студенческие годы экономических ролей (0,533)
3. Знание прав акционеров (0,704)

Фактор рациональности

1. Внимательность при выборе продуктов питания (0,720)
2. Умение обращаться с деньгами (0,695)
3. Число используемых источников информации при выборе товаров (-0,499)

Данные показывают, что фактор опыта предполагает в качестве объекта установки освоение конкретных навыков и умений, информационный фактор— овладение информацией и её распространение, фактор рациональности — оптимальное управление экономической деятельностью, фактор развития — организацию будущей экономической деятельности.

Таким образом, полученные факторы отражают структуру экономической культуры в её практико-ориентированном аспекте. Особо нужно отметить, что информационный, рациональный, «опытный» и эволюционный аспекты развития экономической культуры являются скорее автономными, чем взаимосвязанными. На это указывает отсутствие среди переменных с высокими факторными нагрузками элементов, общих для разных факторов.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Савельев А.Н.

Термин «социальная экология» впервые был применён в 1921 году Р.Парком и Е.Берджесем в работе по теории населения в городской среде. Они вложили в него социальный акцент, а не биологический, впрочем, имеющий и биологические характеристики.[1]

За последние 200 лет население мира возросло в несколько раз, а именно с 1 миллиарда в 1830 году до 2011 года произошло увеличение численности населения в семь раз, когда родился 7 миллиардный человек на земле. На данный момент учёные выделили семь основных факторов, влияющих на демографию: фактор политики государства, экономический, фактор социальной защищённости, фактор войн, национальный и религиозный фактор и фактор эпидемий.

Одним из самых сильных стимулов, повлекших наиболее сильное увеличение числа людей за последние 200 лет, является промышленная революция, ставшая основным толчком к развитию частной собственности, науки, рынка наёмного труда и много другого.

Если ранее население жило в сельской местности, то начиная с девятнадцатого столетия идёт процесс урбанизации. Люди спешат получить работу в городе, так как теперь они свободны от привязанности к земле, а значит, могут распоряжаться своей свободой. Бедные слои населения спешат выбраться из своего бедственного положения, в то время как богатые слои крестьянства получили возможность вложить свои капиталы. Религия теряет былое главенствующее значение и появляется возможность развивать науку в тех сферах, которые раньше были под запретом, например в таких отраслях как химия, физика, биология и другие. Строятся транспортные связи и улучшаются связи между городами и странами. Строительство новых водных, железнодорожных и других видов транспорта предоставили возможность огромному количеству населения перебраться из заселённых уголков Европы в такие слабо развитые и представляющие огромный интерес места, как Америка, Канада. Ведь данные уголки манили слухами многих желающих наживы искателей, например, знаменитая Калифорнийская золотая лихорадка способствовала развитию этого региона за счёт потребности в еде, оборудовании и другом.

Огромное значение имело место быть и развитие законодательства и политики государств по поощрению частных вложений в слабо развитые отрасли, такие как нефте-, газодобыча и угольная отрасль, тяжёлую промышленность и многое другое. Например, в России в 1864 году отменяется принудительный труд приписных крестьян, что способствовало развитию нефтяной отрасли и увеличению притока капитала в эту отрасль, это всё предоставило большое количество мест для бывших сельских жителей, которые жили ещё не полностью оторванными от земли, так как в города отправлялось преимущественно мужское население, оставляя свои семьи в деревнях.

Одним из важнейших стимулов, послуживших увеличению численности людей, стало развитие медицины. Особую опасность представляли такие болезни как грипп, во всех его проявлениях, оспа, полиомиелит, столбняк и другие. Ведь если женщина в начале XVIII века рожала 10-12 детей, то доживало до 18 лет только 5, а то и меньше, так как человечество слабо справлялось с теми заболеваниями, которые научились побеждать в XX веке. Также стоит отметить, что массовые вакцинации в мире способствуют спасению огромного количества людей. Одним из таких открытий является вакцинация против дифтерии в 1913 году, которая спасла не одну тысячу людей. Так, например, если с тысяча девятьсот тридцать шестого по тысяча девятьсот сорок пятый год дифтеритом в среднем заболевали более двадцати одной тысячи человек в год, и из них тысяча восемьсот умирали, то с две тысячи шестого года в США не было зарегистрировано ни одного случая заболевания. Корью в период 1953–1962 года заболевали более пятьсот тысяч человек в год, и четыреста сорок из них умирали. Пятьдесят лет спустя, в 2006 году в США было зарегистрировано лишь пятьдесят случаев этой болезни. [2] А открытие антибиотиков в 1928 году А.Флемингом спасло, как считается современными исследователями, не один миллион человек от смерти.[3]

Немаловажную роль сыграло и появление новых способов выращивания и питания растений. Это, например, появление машин по обработке земли, новых сортов растений, которые более продуктивны, и удобрений, которые увеличивают урожай. Одним из таких способов является гидропоника, позволяющая получать урожай гораздо большего размера, в отличие от традиционного способа выращивания.

Таким образом, можно сказать, что основанием для столь сильного увеличения численности людей явились факторы, которые были приведены выше, а главным толчком выступила

промышленная революция и накопление знаний, открытия в областях, которые способствуют сохранению жизни человека, грамотной политике государства и хорошим условиям существования жителей земли.

Список литературы

1. Социальная экология [http://mguine.narod.ru/soc_ecol/index5.htm] (дата обращения: 18.10.2015).
2. Вакцинация снизила смертность на 99% [<http://www.vokrugsveta.ru/news/2659/>] (дата обращения: 18.10.2015).
3. Факторы, влияющие на демографическую ситуацию [<http://www.ethnowork.ru/rins-175-1.html>] (дата обращения: 18.10.2015).
4. Открытие пенициллина [<http://elementy.ru/trefil/21188>] (дата обращения: 18.10.2015).

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА, В КОНТЕКСТЕ ЭТНИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ

Семьянов С.А.

Как и любой другой социальный феномен, этничность имеет свои границы, актуализируемые в том, или ином контексте. Однако границы эти нестабильны и могут отчетливо выделяться на фоне сравнения или растворяться при обобщении. К примеру: тувинская культура имеет особые отличия от алтайской, однако они вместе могут рассматриваться как проявление сибирской культуры, или французская культура и язык отличающаяся от немецкой, может выступать как проявление европейской и т.п.[1].

То есть в зависимости от используемого контекста пространственный и временной континуумы феномена могут смещаться и расширяться, что свидетельствует, об отсутствии его четкой локализации во времени и пространстве.

Вместе с тем для феномена этничности не столь характерны активные изменения и трансформационные процессы. В отличие от явлений и процессов, естественных наук, социально – культурные феномены не имеют ярко выраженной закономерности проявления. Потому, такое обстоятельство затрудняет их разностороннее изучение[2].

Несмотря на это, логично предполагать о существовании индикаторов свидетельствующих, о проявлениях этничности в том или ином роде. Иначе, при отсутствии других альтернативных признаков, вопрос о ее существовании не имеет место быть. Следовательно, именно благодаря таким индикаторам, существует возможность изучения этноса и феномена этничности. Именно благодаря этим индикаторам мы можем определить границы этноса, признаки которого отличают его от других и выступают факторами идентификации для людей [3].

Наиболее объективно таким характеристикам отвечают – история происхождения, языковая принадлежность, культура и психологические особенности. Именно они выступают теми индикаторами, благодаря которым мы имеем представление об этничности [4].

Этничность есть одно из естественных оснований самоидентификации индивида, позволяющее присоединиться к определенной социальной общности, имеющей свои отличительные признаки.

Присоединение к такой социальной общности влияет на сознание индивида. В процессе социализации мировоззрение индивида развивается под влиянием этнической перспективы мира, что в свою очередь влияет и на его менталитет, и на отношение к миру, поведение, осуществление трудовой деятельности и другие [5].

В процессе этнической идентификации, индивид четко отличает свой этнос от других. Характерные и отличительные признаки, имеющиеся у них, позволяют ему, путем определенной интеграции отдельных выраженных свойств, представлять этносы в виде образов.

Нужно сказать о том что, одной из особенностей нашего восприятия, является способность добавлять необходимые компоненты для создания целостного образа. Скажем, если мы будем смотреть на разорванную окружность, несмотря на отсутствие ее части, мы все равно поймем что это

окружность. Выделяя отдельные черты предмета или процесса, как самые важные и характерные, наше сознание достраивает на их основе образ, в соответствии с задуманной тенденцией. Поэтому образ, сформированный в сознании, всегда имеет целостное содержание, вне зависимости от полноты состава всех его компонентов [6].

Когда мы говорим о формировании образов относительно предметов или явлений материального мира, воздействие которых происходит непосредственно через сенсуальную систему индивида, выделить характерные признаки таких предметов или явлений, составляющих образ, не представляется сложной задачей, так как почти все эти свойства мы можем ощутить. Напротив, когда мы сталкиваемся с образами основанных на идеальных понятиях, выделение их характерных черт, представляется более сложным, так как духовные феномены имеют абстрактную природу, и доступны лишь сознанию индивида [7].

Уникальность феномена этничности состоит в том, что она включает в себя и физические особенности в виде внешних морфологических признаков, предметов быта, культуры и идеальные в виде духовной культуры, особенностей языка, традиций.

Соответственно образ этноса, складывающийся у индивида в первую очередь, будет формироваться за счет тех этнических индикаторов, которые не требуют дополнительной психической активности для их усвоения. Иными словами, те признаки или этнические индикаторы, которые человек может усвоить через свою сенсуальную систему, будут являться основой для формирования этнического образа [8].

Список литературы

1. Сухова Е.И. Зубенко Н.Ю. Психосемантический подход к формированию «образа мира» и образу «я» личности студентов / Сухова Е.И. Зубенко Н.Ю. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2013. – №3. – С. 359-363
2. Сулейманов А.Р. Этносы и нации в стратегии социальной безопасности Российской Федерации: Политологический аспект / Сулейманов А.Р. // Стратегия устойчивого развития регионов России. – 2013. – №17. – С. 83-87
3. Поддубиков В.В. Коренные малочисленные этносы в контексте региональной демографии (на примере Кемеровской области) / Поддубиков В.В. // Социогуманитарный вестник . – 2013. – №21(11). – С. 28-34
4. Пименова О.И. Концептуализация представлений о социальной идентичности в социальных науках / Пименова О.И. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2011. – №4. – С. 65-69
5. Прудникова М.М. Понятие этноса и его методологическое значение (понятие этноса и его соотношение с понятием нации) / Прудникова М.М. // Общество. Среда. Развитие. – 2012. – №3. – С. 86-89
6. Лукин Ю.Ф. Являются ли ненцы вымирающим этносом? / Лукин Ю.Ф. // Арктика и север. – 2013. – №12. – С. 32-50
7. Колоткин М.Н. Балтийские диаспоральные этносы Сибирского региона в 1920 - 1930 гг. / Колоткин М.Н. // В сборнике: Этнография Алтая и сопредельных территорий Материалы международной научной конференции. Под Ред. Щегловой Т.К. – 2011. – С. 103-104
8. Карчевский Л. Этничность как актуальная проблема / Карчевский Л. // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – №4. – С. 143-152

МОДЕЛЬ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ КАК МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТОЙНОГО КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Томских М.С.

В конце XX – начале XXI веков приоритетным направлением социально-экономического развития многих государств было названо повышение качества жизни населения. Само понятие

«качество жизни» было введено в научный обиход американскими учеными в конце XX – начале XXI веков, когда актуализировались проблемы оценки социальной жизни людей.

В 1963 году президент США Дж. Кеннеди в обращении к конгрессу говоря о качестве жизни в своей стране, выдвинул тезис о том, что «качество американской жизни должно идти в ногу с количеством американских товаров» [1, с.235]. Качество жизни в послании Конгрессу Президента США понималось как «достаточный для каждого уровень материальных ресурсов, занятости, жилищных условий, транспортных средств, приятная окружающая среда. «Качество жизни должно включать в себя возможность самообразования, развития способностей и сохранения физического и духовного здоровья в обстановке свободы и справедливости». В 1964 году этот термин использовал президент Л. Джонсон, который заявил о том, что американцы уже достигли такого материального благосостояния, что на повестку дня ставится вопрос об удовлетворении потребностей более высокого порядка: в области образования, здравоохранения, в других социальных услугах. Сегодня цели американского общества «не могут быть измерены размером наших банковских депозитов. Они могут быть измерены качеством жизни наших людей» [3, с.7].

В современных условиях одним из значимых направлений исследования качества жизни становится разработка концептуальных моделей качества жизни как образца, идеала, механизма решения задачи обеспечения достойного качества жизни населения.

Впервые к проблемам создания моделей качества жизни обратились представители международной организации Римский клуб.

Деятели Римского клуба поставили перед собой следующие цели. «Первая цель – способствовать и содействовать тому, чтобы люди как можно яснее и глубже осознали затруднения человечества. Вторая цель – использовать все доступные знания, с тем, чтобы стимулировать установление новых отношений, политических курсов и институтов, которые способствовали исправлению нынешней ситуации» [2, 108].

В основу деятельности этой организации были положены принципы:

- «в человеческих системах все элементы взаимосвязаны между собой; наибольшее значение приобретают именно те, которые непосредственно зависят от человека;
- необходимо определить стороны человеческого бытия, на которые ложится ответственность за глобальный кризис;
- необходимо наметить пути выхода из этого кризиса, которые должен найти сам человек» [2, 114].
- Большое внимание в работах представителей Римского клуба уделялось анализу внешних и внутренних пределов роста. К внешним пределам были отнесены:
- физические (невозобновляемые природные ресурсы, геологические запасы минерального сырья, почва, воздух, вода);
- экологические (отбросы, отравы, мусор);
- биологические (нарушение естественного равновесия между отдельными видами живых организмов) факторы.

К внутренним пределам роста: сфера интеллекта, психическое и социальное здоровье, эгоцентризм корпораций, дух элитарности западной цивилизации, благодушие и беспечность самих людей.

Первыми моделями качества жизни, выполненными по заданию Римского клуба, были математические модели мира («МИР–1» и «МИР–2»), созданные Дж. Форрестером и представленные ученым в работе «Мировая динамика». Члены Римского клуба пытались дать ответы на вопросы, касающиеся будущего цивилизации, найти пути решения глобальных проблем, порожденных самим человеком. По мнению ученого мировая система есть единство человека, социальных систем, технологии и окружающей среды [4, с.13].

Создавая глобальную модель качества жизни, Дж.Форрестер применил метод системной динамики, который дал возможность проанализировать мировую систему в ее целостности, единстве

составляющих элементов, взаимосвязи и взаимообусловленности, выделить индикатор оценки ее состояния и определить прогноз развития. Ученый высказал мысль о том, что мерой функционирования мировой системы является качество жизни, а не уровень жизни, как принято во всех статистических отчетах. По мнению Дж. Форрестера, уровень жизни как «... безразмерная величина, которая описывает степень изменения в сравнении с ее значением в 1970 г.» [4, с. 52], не способен сыграть роль общественного показателя.

Модель качества жизни Дж. Форрестера включала в себя пять элементов: население, капиталовложения, использование невозобновимых природных ресурсов, загрязнение окружающей среды, производство продовольствия. Все эти элементы соединены друг с другом различными связями. В работе был осуществлен подробный анализ механизма взаимодействия всех этих элементов. Кроме того, каждому из этих элементов соответствует определенная переменная: численность населения мира; общий объем капитальных вложений; удельный вес в общем объеме вложений инвестиций, направляемых в сельское хозяйство; мировые запасы природных ресурсов; показатель загрязнения окружающей среды. Население оценивается с помощью такой переменной как численность населения мира. Для оценки капиталовложений используется общий объем капитальных вложений. Использование невозобновимых природных ресурсов оценивается путем применения такого показателя как мировые запасы природных ресурсов. Переменной для оценки загрязнения окружающей среды служит показатель загрязнения окружающей среды. Производство продуктов питания оценивается по удельному весу в общем объеме вложений инвестиций, направляемых в сельское хозяйство.

Мерой функционирования мировой системы Форрестер считает качество жизни. По мнению Дж. Форрестера, уровень жизни не способен дать оценку уровню развития общества.

Рассматривая качество жизни как индикатор уровня функционирования мировой системы ученый, ученый создает формулу оценки качества жизни, которая включает в себя: снабжение и обеспечение продуктами питания; капиталовложения, определяющие уровень жизни; загрязненность окружающей среды; степень роста населения. Формула оценки качества жизни выглядит следующим образом:

$$QL = (QLS)(QLM \times K)(QLC \times K)(QLF \times K)(QLP \times K), \text{ где}$$

QL – качество жизни;

QLS – стандартизованное качество жизни (единица удовлетворенности), оно определяется условиями жизни и приравнивается 1;

QLM – множитель зависимости качества жизни от материального уровня жизни;

QLC – множитель зависимости качества жизни от плотности населения;

QLF – множитель зависимости качества жизни от питания;

QLP – множитель зависимости качества жизни от загрязнения [4].

В процессе создания модели качества жизни ученый пишет о необходимости разработки «среднемирового значения качества жизни», что позволит: во-первых, осуществлять сравнительный анализ качества жизни в разных странах; во-вторых, сравнивать различные сценарии будущего развития общества. В связи с чем становится очевидным, что качество жизни, по мнению ученого, способно быть показателем будущего развития цивилизации.

«Качество жизни зависит от материального уровня, обеспеченности пищей, плотности населения и загрязнения, стрессовых ситуаций» [4, с.22].

Среди условий, оказывающих негативное воздействие на качество жизни ученый, выделяет высокую плотность населения. «Под высокой плотностью здесь подразумеваются все неблагоприятные для людей обстоятельства: психологические эффекты, война и угроза войны, нехватка территории, и даже просто отсутствие места, чтобы побыть одному» [4, с. 82]. Поэтому Дж. Форрестер считает, что необходимо проводить политику, целью которой должно стать ограничение численности населения, остановка роста промышленного производства, загрязнения окружающей среды. Кроме того, необходимо прекратить хищническое использование природных ресурсов. Ученый

считает, что если не решить эти задачи, то качество жизни будущего поколения будет значительно ниже, нежели людей современности.

«Растущее население вызывает рост индустриализации, рост потребности в продуктах питания и распространение населения по все большей территории. Но рост производства продуктов питания, промышленных товаров и занимаемой территории способствует не только поддержанию, но и увеличению количества населения. Рост населения с сопровождающими его индустриализацией и загрязнением является следствием циклических процессов, в которых каждый сектор способствует росту других секторов и обеспечивает свое развитие за счет других. Но со временем рост наталкивается на пределы, налагаемые природой. Почва и природные ресурсы истощаются, а способность биосферы Земли разлагать загрязнения не беспредельна» [4, с.14].

Дж. Форрестер обращает внимание на то, что экспоненциальный рост, противником которого он был, не решает задачи улучшения качества жизни. Последствия этого роста будут видны не сразу. «Население, капиталовложения (фонды), загрязнение, потребление пищи, и уровень жизни экспоненциально возрастает на протяжении всей известной нам истории. Человек исходит из предполагаемого роста, рассматривает его как естественную основу человеческого поведения и ассоциирует рост с «прогрессом». Но экспоненциальный рост не может продолжаться безгранично» [4, с.15].

Главной причиной всего того, что сегодня происходит в мире, ученый считает рост численности населения. Неконтролируемый рост численности населения обязательно приведет к нарушению всех элементов мировой системы, поскольку они взаимосвязаны друг с другом. Необходимо сбалансированное развитие всех пяти элементов, их равновесие, следствием чего станет стабилизация производства, уровня населения, создание технологий, контролирующих процесс загрязнения окружающей среды. «Противоречие между концепцией роста и природными ограничениями может быть разрешено несколькими путями. Человек, если он достаточно хорошо это понимает и действует разумно, может выбрать траекторию развития, которая должна приводить к стабилизации мировой системы. И задача состоит в том, чтобы выбрать наилучший из возможных вариантов перехода от динамического роста к состоянию мирового развития» [4, с.15]. Дав оценку состояния мировой системы, концепции экспоненциального роста, Дж. Форрестер видит выход из сложившейся ситуации в переходе к состоянию глобального равновесия, что возможно только в результате всемирного кризиса. Одним из последствий кризиса станет гибель части населения, наступит равновесие. Человек сможет контролировать все процессы, происходящие в обществе, будут созданы условия для достижения высокого уровня качества жизни. Только сбалансированное развитие мировой системы является условием высокого качества жизни не только нынешних поколений, но и будущих.

Список литературы

1. Митин. М.Б. НТР, образ жизни и идеологическая борьба / Проблемы социалистического образа жизни. – М.: Наука, 1977.
2. Печчеи А. Человеческие качества. – М.: Прогресс, 1980.
3. Попов С.И. Проблема качества жизни в современной идеологической борьбе. – М.: Политиздат, 1977.
4. Форрестер Дж. Мировая динамика. – М.: Наука, 1978.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ СТАБИЛИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Омуралиев Н.А.

Актуальность научного изучения и выявления факторов дестабилизации социальной и межнациональной ситуации и уровня межэтнической напряженности в Кыргызстане стала очевидной, к сожалению, только после Ошского межэтнического конфликта 1991 года. В то время, перед годовщиной со дня межнационального конфликта на юге республики, по заданию администрации Президента Кыргызстана группой ученых было проведено социологическое исследование (экспертный опрос) по

выявлению уровней межэтнической напряженности в Ошском регионе. На основе анализа межнациональной ситуации в области необходимо было составить прогноз событий на будущее и разработать практические рекомендации по стабилизации межнациональных отношений для органов государственного управления[1].

Методика экспертного опроса была ориентирована, прежде всего, на использование многоаспектного компетентного знания экспертов и сосредоточена на выявлении фактически сложившихся проблем и проблемных ситуаций в общественной жизни.

Обычно выделяют три взаимодополняющих источника прогнозной информации: накопленный опыт, основанный на знании закономерностей исследуемых процессов; экстраполяцию существующих тенденций, закономерности развития которых в прошлом и настоящем достаточно хорошо известны; построение моделей исследуемых объектов применительно к ожидаемым или намечаемым условиям. Сообразно этим источникам существуют три взаимодополняющих друг друга способа разработки прогнозов: экспертиза, основанная на опросах экспертов (опросы населения в практике прогнозирования применяются достаточно редко); экстраполяция – изучение предшествующего развития объекта и перенесение закономерностей этого развития в будущее; моделирование – построение и исследование моделей объекта с учетом его возможного или желательного изменения по имеющимся прямым или косвенным данным о масштабах и направлениях изменения[2].

Приведенное разделение способов прогнозирования в достаточной мере условно, потому что на практике эти способы взаимно перекрещиваются и дополняют друг друга. Опыт показывает, что ни один из вышеназванных способов, взятый сам по себе, не может обеспечить в значительной степени достоверности, точности, дальности прогноза, зато в определенных сочетаниях они оказываются в высокой степени эффективными.

Определенные трудности связаны с моделированием – построением и исследованием моделей развития межнациональной обстановки в изучаемом регионе. В этом отношении одной из самых сложных проблем является интерпретация эмпирических индикаторов. Основная сложность заключается в слабой формализуемости социальных явлений. Поэтому при разработке методики исследования особое внимание уделялось определению эмпирических индикаторов социальной и межэтнической напряженности.

К индикаторам социальной напряженности относятся:

- степень недовольства населения социально-экономическими, политическими, экологическими и другими условиями жизни;
- уровень обеспеченности населения товарами первой необходимости;
- уровень занятости населения, безработица среди молодежи;
- уровень преступности;
- уровень доверия населения к органам государственного управления и др.[3]

Предварительный анализ внутренней социальной структуры этнической общности дает возможность выявить потенциальные «группы риска», способные на конфликтные действия задолго до назревания конкретных причин самого конфликта. Каждая этническая общность имеет более или менее устойчивые социальные характеристики, определенную социальную структуру, отражающую социальные различия, которые выделяются и осознаются самими членами группы и могут оказывать воздействие на отношения между людьми[4].

К индикаторам межэтнической напряженности относятся:

- различный уровень материальной обеспеченности основных этнических групп населения;
- наличие неравноправного статуса этнических групп в некоторых сферах общественно-экономической жизни региона (в сфере приложения труда, в доступе к потребительским товарам и т.д.);
- отражение «неравноправного статуса» этнических групп в кадровой политике местного руководства;
- уровень популярности среди населения автономистских и националистических взглядов;

- степень активности националистических объединений, организаций;
- масштабность проявления бытового национализма;
- рост уголовных преступлений на национальной почве;
- формирование вооруженных боевых групп [5].

В настоящее время существует три подхода к построению индикаторов:

1) качественный подход заключается в опросе экспертов, респондентов с целью выяснения: а) существует то или иное явление в общественной жизни; б) если существует, то в какой степени;

2) количественный подход. В данном случае делается попытка придать определенным социальным явлениям, состояниям или тенденциям определенные числовые значения и далее, используя возможности математического аппарата, строить разнообразные зависимости или модели;

3) комбинированный подход. Представляет собой комбинацию качественного и количественного методов; данная комбинация призвана взаимно компенсировать недостатки первых двух подходов. В каждом конкретном случае рассматривается наиболее целесообразная комбинация качественного и количественного методов.

В социологическом исследовании по Ошским событиям необходимо было использовать сочетание количественного и качественного методов. Основу качественного метода составила совокупность оценок экспертов состояния, причин и будущего развития межэтнических отношений в регионе. Основу же количественного метода составила совокупность трех, наиболее важных, на наш взгляд, факторов:

1) степень обеспеченности потребительскими товарами – индикатор экономической напряженности;

2) уровень преступности в регионе – индикатор состояния социальной сферы и законности;

3) субъективное мнение экспертов – индикатор политической нестабильности [6].

Шкала социальной напряженности имеет следующую градацию:

- социальная стабильность
- социальная напряженность
- локальные конфликты
- социальные взрывы в регионах
- массовые социальные взрывы
- степень межэтнической напряженности [7].

В этой модели получили отражение экономические, социальные, политические и этнические индикаторы и показатели межэтнической напряженности. Причем эти показатели рассматриваются не на макроуровне, а на личностном – микроуровне. Так, экономические показатели рассматриваются с точки зрения оценки респондентами своего экономического положения – по величине личного дохода; социальные – с точки зрения оценки ими своего социального положения, по удовлетворенности жилищными условиями и другими социальными благами; политические – с точки зрения оценки политической ситуации в республике и деятельности руководства республики. Наконец, респонденты давали оценку межэтнической ситуации в республике и конкретном ее регионе, при этом особенно учитывались этничность респондентов и мнение свидетелей конфликтов [8].

Верификация выдвинутой научной гипотезы и апробация указанной модели по выявлению межэтнической напряженности привела к выводу, что к межэтническим конфликтам приводит наличие всей совокупности экономических, социальных, политических и этнических факторов, причем межэтническая напряженность постоянно нарастает по мере присоединения к ней социальных, экономических, политических факторов. Но пик напряженности достигается с включением в ситуацию именно политических факторов.

Изучение уровня межэтнической напряженности относится к одному из важнейших, центральных направлений социологического исследования в сфере межэтнических отношений. Следует отметить, что само понятие «уровень межэтнической напряженности» отражает сложное и многомерное явление, определяемое целой системой координат, дающих полную и детальную характеристику всей многоэтнической жизни общества.

В соответствии с такой трактовкой «уровня межэтнической напряженности» в основу системы показателей его состояния и развития были положены такие факторы (блоки вопросов), как[9]:

- оценка современного состояния межэтнических отношений;
- определение факторов дестабилизации межэтнической обстановки,
- выявление факторов стабилизации межэтнических отношений;
- прогноз общественного мнения о тенденциях развития межэтнических отношений;
- определение общественных институтов и структур управления, способных эффективно нормализовать осложнившуюся межэтническую ситуацию;
- анализ причин эмиграционных настроений среди этнических групп населения республики.

Определение системы данных координат или факторов явилось методологической основой для структурализации уровня межэтнической напряженности как объекта научного познания. Один из наиболее сложных моментов в разработке данной методологии состоял в операционализации самого понятия «уровень межэтнической напряженности», в его переложении на конкретные показатели, обеспечивающие в своей совокупности выполнение поставленных исследовательских задач. Наряду с основными блоками вопросов предполагалось выделение дополнительных, характеризующих проблем, по которым требовалась более разносторонняя информация. Для этого необходимо было изучить конкурентную ситуацию в каждом регионе, ибо межэтнические отношения специфичны в каждом из них. Из данного положения логически следует многовариантность путей и методов их изучения. Поэтому, несмотря на единую методику социологического исследования, в ряде случаев возможны отдельные изменения и дополнения, как по существу постановки вопросов, так и в их формулировке.

На современном, постконфликтном, этапе развития страны кыргызстанское общество как никогда нуждается в трезвом, реальном социологическом анализе межэтнической ситуации, в которой количественные изменения и качественные накопления происходят довольно быстро и внезапно. Только постоянно и систематически проводимые социологические исследования могут высветить ситуацию в развитии, в динамике, начиная с причин, ее породивших, выявить очаги напряженности в межэтнических отношениях и способствовать выработке путей и форм их своевременного разрешения.

Список литературы

1. Элебаева А.Б., Джусупбеков А.К., Омуралиев Н.А. Ошский межнациональный конфликт: социологический анализ. – Бишкек, 1991. – С. 20.
2. Развитие межэтнических отношений в новых независимых государствах Центральной Азии. Учебное пособие для вузов /Под ред. А.Б. Элебаевой. – Бишкек, 1995. – С. 296-297.
3. Элебаева А.Б., Джусупбеков А.К., Омуралиев Н.А. Ошский межнациональный конфликт: социологический анализ. – С. 18.
4. Развитие межэтнических отношений в новых независимых государствах Центральной Азии. Учебное пособие для вузов /Под ред. А.Б. Элебаевой. – Бишкек, 1995. – С. 156.
5. Элебаева А.Б., Джусупбеков А.К., Омуралиев Н.А. Ошский межнациональный конфликт: социологический анализ. – С.18.
6. Элебаева А.Б., Джусупбеков А.К., Омуралиев Н.А. Ошский межнациональный конфликт: социологический анализ. – С.18-19.
7. Элебаева А., Джусупбеков А., Омуралиев Н. и др. Межнациональная ситуация в Чуйском регионе. – Бишкек, 1992. – С. 26.
8. Развитие межэтнических отношений в новых независимых государствах Центральной Азии. Учебное пособие для вузов /Под ред. А.Б. Элебаевой. – Бишкек, 1995. – С. 159-160.
9. Омуралиев Н.А., Элебаева А.Б. Современное состояние межнациональных отношений в Кыргызстане (Опыт социологического анализа). – Бишкек, 1993.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

Цэвэний Цэцэнбилэг

Доклад подготовлен в рамках гранта РГНФ и Министерства образования науки Монголии, 2014-2016, №14-23-03003а/Мон, «Процессы социальной интеграции и дезинтеграции в трансформирующихся обществах России и Монголии».

В данном докладе я хотела бы, основываясь на определении З.Баумана сущности современности, рассмотреть трансформации социальных идентичностей и представить концепцию их “относительной масштабности”.

Одной из отличительных особенностей современности З.Бауман называет- *Отделение национальности от территории*, распад "несвятой троицы" и усиливающаяся роль национальных и культурных диаспор.

«Троица» — это единство территории, нации и государства, которое более чем 200 лет определяло политическую карту мира. И вот, похоже, в XX веке оно дало сбой, планета начала преобразовываться в архипелаг диаспор. Все ушло в прошлое, государство и нация существуют сами по себе. На самом деле я верю, что распад "троицы" должен привести нас к чему-то лучшему. Прежде всего, нужно понять, что как раньше не будет: эпоха, в которой наши предки требовали от мигрантов ассимиляции, требовали стать такими же, как они, ушла безвозвратно. Турки, работающие в Германии, хотят быть гражданами этой страны, но вы никогда не объясните им, почему они должны перестать быть турками. Люди больше не готовы отдавать свой культурный капитал в обмен на гражданство. Поэтому нужно придумывать новые способы сосуществования. Представители диаспор страдают грехом двойной лояльности, непростительным в представлениях политиков столетней давности. Они лояльны по отношению к государству, в котором проживают, и лояльны по отношению к стране, из которой прибыли. И нет здесь противоречий.

Характерная для традиционных обществ локальная, малогрупповая идентификация в обществе модерна расширяется до классового, национального и гражданского определения. В состоянии развода могущества и политики, распада “троицы” З.Баумана, закономерен кризис свойственных для индустриального общества механизмов и оснований идентичности, когда люди не могут соотнести себя с такими социальными общностями, как государство, нация, класс и даже пол.

Нынешнее общество характеризуется состоянием крайней неопределенности, “междущарствия”, коллапса и трансформации традиционных социальных институтов, что требует на личностном уровне постоянной готовности к изменениям, гибкости, пластичности, многовариативности возможностей и выбора. Так как же люди ощущают, определяют себя и других в таких условиях зыбкости и неопределенности? Что лучше подходит для определения механизма формирования и изменений идентичностей? Представляется, что вместо системы идентичностей, традиционных и фиксированных, культурно или социально-идеологически заданных, следует говорить о множестве идентичностей с ядром или суб-ядрами, состоящими из соотнесения с референтными группами, людьми, близким кругом общения.

Многолетние исследования В.А. Ядова и Е.Н.Даниловой подтверждают изменчивость социальных идентификаций. “При стабилизации социального самоопределения в кругу близких, вызывающих доверие и чувства некоторой защищенности все иные идентификации, то есть те, что связаны с большими социальными общностями, нестабильны. Обнаружилась крайне важная тенденция в сторону интернальности личности – готовности отвечать за себя, не надеясь ни на власти, ни на других вообще. Мы полагаем, что неустойчивое, лабильное состояние социальной идентичности *становится нормой* современных обществ, российского в том числе, ...наступает эпоха нормализации неустойчивых социально-идентификационных состояний личности. И процесс этот не следует драматизировать, но принимать как социальный факт. В теоретической терминологии можно именовать этот подход становлением контекстуально - лабильной идентификации как нормы самоопределения личности в социальном пространстве сообществ нового тысячелетия. Мы

осмеливаемся предложить формулу предлагаемого подхода - «КЛН- идентификация», т.е. контекстуально- лабильная идентификация как социальная норма [1].

И.С.Кон также подчеркивает естественность неустойчивости и пластичности идентичностей: “В условиях быстро меняющегося общества неустойчивость и пластичность социальной и личной идентичности становятся закономерными и естественными. Если в новое время проблема идентичности сводилась к тому, чтобы построить и затем охранять и поддерживать собственную целостность, то в современном мире не менее важно избежать устойчивой фиксации на какой-то одной идентичности и сохранить свободу выбора и открытость новому опыту” [2].

Соответственно, происходит трансформация и формирование новых идентичностей. Отмечаются как новые следующие пространственно-временные идентичности: территориальные, локальные, региональные, приграничные, потребительские, корпоративные идентичности [3] и так называемые идентичности “селебрити” (отождествление себя индивидом как поклонника избранной им знаменитости (известной персоны или группы) и/или чувство принадлежности к группе поклонников, с принятием или формированием соответствующих представлений и норм поведения)[4].

В социальной психологии на основе многочисленных исследований разрабатываются различные модели и концепции социальной идентичности [5]. Наш интерес в свете рассматриваемого контекста привлекли модель социальной идентичности де-индивидуации и многомерная модель идентичности.

Выделяются направления для изучения социальной идентичности: 1) экспликация значения и функций личностной идентичности и ее связей с социальной идентичностью и прочими формами коллективного Я; 2) переосмысление социальной идентичности в качестве «многополюсного универсума интерактивных сетей», объединяющих тех членов группы, которые связаны особой корпоративной идентичностью внутри самой группы. Тем самым группы и их идентичности рассматриваются не как монолитные и гомогенные, а как феномен, черпающий свою определенность из разнообразия его составляющих различных форм и определяющий это разнообразие; 3) изучение путей и способов влияния групп на составляющих эти группы индивидов [6].

Как показывает множество исследований, гендерная и этническая идентичность являются центральными компонентами в структуре социальной идентичности личности, поскольку именно принадлежность к этническим и гендерным группам представляет собой наиболее очевидные основания для категоризации. Наряду с гендерной и этнической, рассматриваются также возрастная, профессиональная и городская идентичности, которые связаны с важнейшими аспектами социального бытия личности [7].

Предлагаемый нами подход к рассмотрению социальных идентичностей можно назвать реляционное масштабирование (*relativity scaling*). Можно рассматривать социальные идентичности в трех масштабах: крупный, средний, мелкий; переводя на социологическую терминологию: макро-, средний или мезо-, микро уровни. В зависимости от масштаба, можно рассматривать следующие детерминанты или сигнификаторы социальных идентичностей:

На макроуровне историко-политического поля--империализм, колониализм, репрессии-гегемонии, коллективная память как конструирование истории, особенности презентации другим, акцентуации исторических процессов и фактов, модернизация, глобализация, комплекс “недоразвитости”, *being undeveloped*, проводимая государственная политика. На мезо-уровне: социальные движения и общественные институты, идеология как гегемония доминантной группы через восприятие и представление о референтных лидерах, средствах масс-медиа, процессы формирования социальных групп и защита своих интересов. На микроуровне- личностное переживание психофизиологических особенностей, своей принадлежности к тем или иным социальным группам и общностям, оценивание своих социальные связей и принадлежности в терминах «Мы» и «Они», формирование диспозиционных установок, осознание и выбор целей, мотивов и смысложизненных установок, и презентация социальных идентичностей. Если на макроуровне социальные идентичности зачастую являются “вымышленными” конструктами, то на микроуровне ее

осмысление и переживание становится реальностью для личности, ведущей к психологическому комфорту или конфликту, напряженности. Социальная идентичность, конструируемая на макроуровне, спускается вниз через деятельность общественных институтов и участие в социальных группах на микроуровень и интернализируется, и наоборот. Харизматическая личность, находя себе сообщников через активную пропаганду своих идей, формирует группы и легитимизируется, далее добываясь доступа к власти и общественным ресурсам, получает возможность влиять на политику [8].

В реагировании на внешние вызовы значимым представляется способность резильянса (способность быстро восстанавливать душевные силы, упругая деформация, упругость, эластичность, стойкость, жизнестойкость).

Трансформация социальных идентичностей затрагивает все социальные сферы: замена «краткосрочной» ментальности «долгосрочной», частая смена работы и трудоустройства, пространственная мобильность, эпизодичность и спонтанность межличностных отношений, повседневность дистанционных, отдельных браков, жизнь в Интернете, браки и знакомства через Интернет, гендерная относительность, усиление публичности личной жизни с одновременной анонимностью, использованием псевдонимов, вариативность самовыражений различными средствами, начиная от собственных блогов, еды, религиозных предпочтений, моды, определенных брендов, «уход в различные миры», фантазийных в том числе, и т.д. Прежние места поисков партнеров — религиозные учреждения, вечеринки и бары — вытесняются институтами, в которых обитает новое поколение, а именно офисами и Интернетом.

Происходит коренная трансформация социальных идентичностей. На протяжении сотен лет имелось значительное разделение по расовому признаку, однако сейчас оно, похоже, быстро исчезает. Но в то же время теперь люди могут выражать и выбирать индивидуальность, не predetermined расой, вероисповеданием или датой рождения, они могут представить ее как воплощение жизненного опыта и убеждений.

Список литературы:

1. Данилова Е.Н., Ядов В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // Социологические исследования. 2004. №10.
2. Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия. См. Сайт http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/identichnost.html.
3. Пуртов А. Корпоративная идентичность, социальная ответственность и устойчивое развитие. 01.12. 2010 на сайте <http://pourtov.com/contest/>.
4. Крылов А. Н. Селебрити-идентичность как элемент самоидентификации молодежи в условиях постиндустриального общества / Ценности и смыслы, 2011, № 4 (13), С. 54-62.
5. Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008.
6. Hogg Michael, Ridgeway Cecilia (Eds.). Social Identity Theory: Sociological and Social Psychological Approaches. Special Issue of Social Psychology Quarterly. Vol 66 (2), 2003.
7. Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. с. 8-47.
8. Цэцэнбилэг Ц. National Identity of Mongolians: Guest for Chinggis Khaan. // Доклад на 6 Международном конгрессе антропологической и этнологической наук, КНР, г. Кунмин, 2009;
9. Цэцэнбилэг Ц. Национальные идентичности: структуризация и контекстуализация. // Социально-политические трансформации: идентичности и структуризации в меняющемся мире. УБ., 2009.

РАЗДЕЛ 2. МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОМПОНЕНТОВ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ КОМПАНИИ

Амозова Л.Н.

Организационная культура – достаточно абстрактное явление. Сегодня все согласится, что она важна, что является одним из факторов эффективности и успеха в целом. Однако в большинстве случаев затруднительно эмпирически выделить конкретный вклад именно корпоративной культуры в эффективность организации, в то время как количество усилий, требуемое на ее создание очевидно для всех.

Корпоративная культура может принимать бесконечное число форм, каждая организация настраивает ее по-своему, уделяя внимания тем или иным особенностям, которым нет числа. Для иллюстрации этого факта предлагается рассмотреть одну из таких особенностей. Речь идет о взаимопомощи сотрудников. Моделирование данной составляющей организационной культуры может стать значимым направлением менеджмента, нацеленного на повышение эффективности компании за счет ее внутренних социальных и психологических ресурсов.

Команда гарвардских ученых под началом Ричарда Хакмана, профессора социальной и организационной психологии, провела исследование в разведывательной службе США [1]. Они опросили сотни аналитиков в 64 разведывательных группах, чтобы установить, какой фактор обеспечивает высокую эффективность деятельности этих учреждений. Ответ оказался нетривиальным. Мы привыкли, что типичными факторами, выделяемыми всеми учеными и менеджерами, являются работа в команде, стабильный коллектив, значимые и интересные задания или, например, четкое распределение ответственности и стимулирующие вознаграждения. Однако после анализа полученной информации выяснилось, что работники службы в первую очередь отметили помощь, которую сотрудники оказывали друг другу. В командах с самыми лучшими показателями аналитики тратили много времени на наставления, обучение и консультирование своих коллег. Эти действия позволили заполнить пробелы в знаниях и взглянуть на задачи с другой стороны. А в командах с более низкими результатами работы сотрудники почти не уделяли времени помощи и испытывали различные трудности. Используя степень помощи, которую коллеги оказывали друг другу внутри команды, исследователям из Гарварда удалось точно предсказать эффективность практически каждой из рассмотренных групп.

Значимость «вспомогательного поведения» в организации распространяется далеко за пределы работы разведки. Доказательством могут послужить исследования Филиппа Подсакоффа. Они демонстрируют позитивную корреляцию между частотой, с которой коллеги помогают друг другу, и показателями продуктивности в разных отраслях: выручкой от продаж в аптеках и розничных магазинах, уровнем обслуживания в клиентских отделах банков, креативностью в консалтинговых компаниях, операционной эффективностью и удовлетворением посетителей в ресторанах [2].

Различные составляющие культуры обуславливают и различное отношение к взаимопомощи в группах. Существует теория, которая выделяет 2 крайних степени: «дающая культура» и «берущая культура».

В «дающих культурах» работа ведется так же, как и в вышеупомянутой разведывательной службе: члены группы помогают другим, предлагают менторство, делятся знаниями, не ожидая ничего взамен, то есть если организационная выгода больше персональных издержек. В «берущих культурах» нормой же считается помощь только в случае, если персональная выгода от нее будет превышать персональные издержки.

Большинство организаций находятся где-то посередине. Нормой считается помогать тем, кто помогает тебе. Работник как бы сохраняет своеобразный баланс между ее оказанием и получением. Хотя в такой культуре команды работают эффективнее, чем в «берущих культурах», они не используют

часть возможностей, потому что обмениваются знаниями внутри замкнутой цепи. Если сотруднику требуется идеи от кого-то, кто находится в другом подразделении, вряд ли ему посчастливится их получить. Взамен этот сотрудник будет искать того, кто находится с ним в хороших взаимоотношениях, независимо от уровня пригодности знаний и навыков советчика. В «дающей культуре» в свою очередь можно рассчитывать на помощь от самого квалифицированного работника по конкретному вопросу.

В свете того, какие преимущества несет в себе «дающая культура», возникает вопрос, почему же она не представлена во многих организациях. Часто барьером для становления такой культуры являются структуры, которые создают сами руководители. Например, в компании может идти конкуренция между сотрудниками, что связано с системой вознаграждений, основанной на оценке индивидуальных показателей деятельности. В такой ситуации шанс возникновения «дающей культуры» очень невелик, коллегам невыгодно помогать друг другу, если они не получают хотя бы столько же взамен. Работники, которые дают советы и оказывают поддержку, понижают собственную продуктивность труда, поскольку уделяют время и усилия для помощи другим. Таким образом, система оценки труда так же, как и отношение к индивидуальным и групповым показателям, может оказаться решающим фактором в возможности становления культуры, направленной на взаимопомощь.

«Дающие культуры» зависят от сотрудников, которые просят совета у коллег. В ином случае тяжело понять, кто нуждается в помощи, а также в чем она должна заключаться. Надо сказать, что многие люди склонны не просить помощи, даже когда в ней нуждаются.

Теоретически можно создать «дающую культуру», просто установив соответствующую систему вознаграждения, которая стимулирует оказание помощи сотруднику. Однако в реальности все намного сложнее. Исследование Майкла Джонсона из Вашингтонского Университета показало, что награждение члена группы с лучшими показателями деятельности создает конкурентную борьбу внутри коллектива, а она в свою очередь способствует быстрому выполнению работы[3]. В то же время конкурентная борьба влияет на качество работы, потому что сотрудники склонны утаивать друг от друга важную информацию. Когда группу с конкурентным награждением перевели на кооперативную систему, где награждают лучшую команду по общим результатам, поведение работников внутри команды не изменилось: однажды видя в своих коллегах соперников, они не способны были доверять им.

Работа Джонсона показывает, что «дающая культура» может быть создана тогда, когда оценка работы сотрудников выходит за рамки результата, она должна учитывать эффект проделанной работы на другие группы и отдельных сотрудников.

Содействие поиску и оказанию помощи является важным шагом в достижении «дающей культуры», но не стоит забывать и о роли, которую играют сотрудники, больше склонные к принятию помощи, чем к ее осуществлению. Такие индивиды способствуют разрушению «дающей культуры». Как указывают многие эксперты, негативные силы в данном контексте перевешивают позитивные, поэтому выявление работников, действующих по принципам «берущей культуры», становится важной задачей менеджеров. Известно, что многие компании специально не нанимают таких сотрудников, однако возникает вопрос, как определить, кто является «берущим»? В качестве первой отличительной черты поведения может быть выделена привычка персонально присваивать общий успех. В данном случае во время интервью используются вопросы относительно прошлых достижений. Второй чертой является намерение показаться руководству лучше, чем человек есть на самом деле, что обуславливает различные образы поведения с начальством и коллегами. В этой ситуации стоит использовать отзывы и рекомендации от других сотрудников, а не от босса.

Стоит отметить, что, несмотря на свою силу, «дающая культура» очень хрупка, поэтому менеджмент должен постоянно следить за развитием культуры организации.

Несмотря на пользу, которую несет взаимопомощь, менеджерам не стоит забывать об опасностях, которые она представляет. Работники могут так увлечься взаимовыручкой, что у них не

останется времени и энергии на выполнение собственных обязанностей. Со временем у сотрудников будет выбор: либо смириться с упавшими показателями работы, либо переключиться на поведение, свойственное «берущей культуре». Чтобы не доводить ситуацию до подобного выбора, лидеры одной компании создали так называемые «тихие часы», на это время сотрудникам было запрещено отрываться от основной работы. Большинство работников организации показали продуктивность выше среднего уровня после введения этой инициативы. Можно сказать, что наличие четких рамок на взаимопомощь позволяет извлечь максимальную выгоду из «дающей культуры», в то же время минимизируя соответственные издержки.

Также организации могут использовать формальные должности, в чьи обязанности входит помощь другим сотрудникам. Так, в больницах иногда есть работник, который помогает новичками и консультирует их по различным проблемам. Утверждается, что в таком случае люди чувствуют себя более комфортно, обращаясь с просьбой, и имеют больший доступ к мастерству и знаниям советчика. Помимо сферы здравоохранения данный подход применяется и в других отраслях, компании могут нанимать не только экспертов для работы с новыми членами организации, но и так называемых «тренеров лидерства» для менеджеров разных уровней. В целом можно сказать, что создание специальной должности для помощи сотрудникам создает четкое понимание, куда надо обращаться, и снимает дополнительную нагрузку с обычных работников.

Список литературы

1. Hackman, J.R. Collaborative intelligence: Using teams to solve hard problems / J.R. Hackman // In: [Opening chapters]. - San Francisco: Berrett-Koehler. - 2011. – с. 1-17.
2. Grant, A. Givers take all: The hidden dimension of corporate culture // McKinsey Quarterly. – April 2013.
3. Johnson, M. Cutthroat Cooperation: Asymmetrical Adaptation to Changes in Team Reward Structures Academy of Management Journal. – 2006. - Vol. 49, №1. – с. 103-119.

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ФОРМИРОВАНИЕ НАДНАЦИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ

Барков С.А.

В истории человечества сформировались два устойчивых типа социальных взаимодействий. Один из них включает в себя вертикаль власти, благодаря которой субъект управления структурирует множественные взаимодействия объектов управления. Другой - связан со свободным вступлением субъектов общественной деятельности в горизонтальные отношения друг с другом. Данные два типа взаимодействия (архетипа социальности) могут быть названы «организацией» и «рынком» [1]. Наглядно они представляются в виде пирамиды (треугольника) и паутины (сети) Долгое время социальное управление практически целиком связывалось с организационным типом взаимодействия. Но в конце XX века начинает возникать и распространяться понимание того, что создание и регулирование рыночных взаимодействий также может стать важнейшим методом управления социальной реальностью.

Интерпретация организации и рынка как особых, противоположных совокупностей правил поведения людей (социальных институтов) начала утверждаться с 1930-х годов и стало принципиально значимым в последние 25 лет с бурным развитием неинституциональных исследований хозяйственных явлений и процессов [2]. Организация и рынок – это альтернативные механизмы осуществления трансакций, противостоящие друг другу институты. Неинституциональная теория видит в экономическом пространстве некоторый континуум – от рынка до организации – специфические отрезки которого находят свое воплощение в разных отраслях и сферах хозяйственной жизни. При этом различные субъекты общественной деятельности могут выбирать путь, по которому будет осуществляться их взаимодействие с другими агентами – организационный, рыночный или смешанный (с преобладанием первого или второго института в различных пропорциях). В таком понимании организация и рынок становятся альтернативными инструментами социального управления со своими специфическими институциональными особенностями.

Базовыми правилами института организации являются неравенство элементов, составляющих социальную систему (иерархия) и ограничение свободы данных элементов для достижения синергетического эффекта, основанного на четко структурированной кооперации. Базовыми правилами института рынка служат равенство всех элементов системы (исключительно горизонтальные взаимодействия между ними) и их свобода, подразумевающая конкуренцию, которая определяет неструктурированные взаимодействия элементов и служит основой механизма саморазвития.

Постиндустриальная социально-экономическая реальность самым существенным образом изменила соотношение между организацией и рынком как институтами человеческой деятельности. Самое главное изменение произошло в глобальной экономике. Если для индустриального мира на макро-уровне было характерно господство организации как института, выражавшееся в доминировании государства над национальным рынком, в постиндустриальном обществе глобальный рынок заметно сузил возможности отдельных национальных государств регулировать социально-экономические процессы. Возникновение и постоянное усиление наднационального уровня экономики происходит именно в форме доминирования рыночных отношений.

Следует обратить внимание на то, что само по себе наднациональное развитие экономических процессов является объективной реальией сегодняшнего дня. Оно предсказывалось многими на протяжении предыдущих столетий и явилось результатом длительной естественной эволюции мировой экономики, за которой в первую очередь стоял прогресс технологии, позволивший производить экономические трансакции, не взирая ни на какие географические границы. Этот уровень условно можно назвать мета-социальным в противоположность традиционному макросоциальному уровню, ассоциировавшемуся в первую очередь с обществом в границах определенного государства.

Если мета-уровень реально существует и за этим существованием стоят объективные технологические причины, то его возможное функционирование может осуществляться согласно правилам либо организации, либо рынка. Используя известный термин американских авторов [3], можно задать вопрос: почему мета-уровень оказался «метакапитализмом»? Организационные принципы оформления наднациональной общественной реальности подразумевают создание всемирного государства. Такое государство как организация должно как бы «нависнуть» над глобальным рынком и регулировать его, прежде всего, с помощью некоторых законодательных актов по примеру того, как это делало традиционное государство по отношению к национальному рынку. Причем, сегодня во многих областях социальной и экономической жизни существует объективная потребность в наличии единых планетарных органов власти. Однако сколько мы бы не выявляли причин, которые вроде бы должны были бы служить основой движения мира к организационной форме регулирования глобальных социально-экономических процессов, в каждом конкретном случае вместо организации в реальной практике мы обнаружим рыночные системы, основанные на контрактах и не позволяющие использовать приказ как инструмент управления.

Создаются временные коалиции, заключаются международные соглашения. Наконец возникают сетевые структуры (типичными примерами служат «большая восьмерка», «большая двадцатка», «Давосский форум», «Петербургский экономический форум»), но никому в голову не приходит наделить некоторую структуру, типа ООН, организационными функциями и полномочиями отдавать приказы национальным правительствам, а также корпоративным организациям по всему миру.

Как можно объяснить подобную ситуацию? Почему организация сегодня оказывается слабее рынка? В современном мире, как у правящих элит, так и у простых людей изменился стиль мышления. Стоит вспомнить, что даже в рамках региональной интеграции организационные принципы серьезно ограничиваются. Лучшим примером в этом смысле служит Евросоюз. В принципе многие стороны жизни объединенной Европы требуют создания единых министерств и ведомств, способных реализовывать свои инициативы, невзирая на национальные границы и органы власти, сообразуясь с принципами института организации. Однако же ни одного такого центрального министерства создано не было. Даже в тех сферах, где европейцы десятилетиями использовали организационные принципы

экономической деятельности – естественные монополии – при объединении они стали создавать рыночные структуры, основанные на искусственно внедренной в данные отрасли конкуренции.

Следует подчеркнуть, что возможность доминирования организации на мета-уровне социально-экономических отношений представляется весьма опасной и рискованной альтернативой. Организация всегда таит в себе тенденцию к стагнации. Организации – это не саморазвивающийся институт. Тем самым воцарение организации как высшего института на планете может самым существенным образом затормозить развитие человечества. Организация представляет собой хороший инструмент достижения целей в краткосрочной перспективе. И фирмы, и целые экономики, построенные по принципу организации, традиционно хорошо решают ограниченное число поставленных задач за относительно короткое время. Так было и с крупными корпорациями, когда они росли, так было и с советской экономикой в 1930-50 годы и чуть дольше, когда основой успеха были чисто военные победы. Долгосрочное развитие организаций всегда стимулируется извне. Если таких стимулов нет, начинается процесс торможения и некоторый внутренний застой.

Если на Земле все-таки образуется всемирное государство, резонно предположить, что первые десятилетия оно будет радовать человечество рядом побед на вполне понятных направлениях (в экологии, противостоянии международному терроризму, развитию здравоохранения, борьбе с бедностью и ряда других). Затем с неминуемостью наступит застой, и всемирная бюрократия ляжет тяжелым бременем на экономику и социальную сферу планетарной цивилизации. Всемирному государству не с кем будет конкурировать, внешних стимулов к его развитию не существует.

Рынок в этом плане хорош тем, что его спонтанное развитие всегда несет в себе элемент случайности и неожиданности. Такие элементы могут быть как плохими, так и хорошими. Современный однополярный мир, столь многими справедливо критикуемый, но существующий в рамках законов рынка, вполне возможно, изменится. Такой потенциал всегда есть. Долго удерживать лидирующее положение в рамках рыночной системы будет сложно даже такой всемогущей стране, как США. Если же на Земле возникнет единое государство, мир по определению будет однополярным навсегда. И надежд на его изменение не останется.

При этом, хотя и в измененной форме, баланс между институтами организации и рынка сохраняется. Если индустриальное общество виделось прежде всего как социум, основанный на балансе организации в форме национального государства и локального национального рынка, то постиндустриальное общество предстает как баланс между глобальным рынком и организацией в форме национальных государств и многонациональных компаний. При этом данные компании все в большей мере берут на себя те функции, которые ранее выполнялись государствами. Они создают свои образовательные системы, транспортные сети, телекоммуникационные системы (Инtranет) и многое другое, что ранее служило атрибутом государства. МНК обрастают социальными функциями, учреждая пенсионные фонды, специальные программы здравоохранения, вкладывая деньги в рекреацию своих служащих. Но эти внешние явления служат лишь проявлением глубинного сходства между МНК и государствами, основанного на том, что и за теми и другими стоят правила института организации.

В силу вышесказанного организация глобального порядка по рыночным законам представляется наилучшим направлением развития человечества. Если мета-уровень социально-экономической реальности существует, пусть лучше он будет рынком, чем организацией. Сегодняшние антиглобалисты, активно борющиеся с издержками наднационального рынка и «вскрывающие» темные силы, которые за ним стоят, не могут представить, что будет на планете, если глобальный уровень взаимодействия людей организовать по альтернативному пути.

Список литературы

1. Барков С.А. Организация и рынок: противоборство или согласие? – М.: Изд-во МГУ, 2008.
2. Природа фирмы: К 50-летию выхода в свет работы Р. Коуза «Природа фирмы» / Под ред. О.И. Уильямсона, С.Дж. Уинтера; Пер. с англ. М. Я. Каждана - М.: Дело, 2001.
3. Минс Гр., Шнайдер Д. Метакапитализм и революция в электронном бизнесе: какими будут компании и рынки в XXI веке/ Пер. с англ. – М., 2000.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Белова Е.И.

В современном мире финансово-экономическое развитие населения России в условиях новой геополитической ситуации и сложного экономического положения приобретает особую значимость.

Высокие показатели финансовой грамотности, во-первых, способствуют пополнению денежными ресурсами экономики страны, что укрепляет ее нестабильное положение в условиях мирового кризиса. Во-вторых, независимо от возраста, мы являемся потребителями различных финансовых услуг, поэтому современному человеку для благополучной жизни необходимо приобретение базовых знаний в области потребительского поведения, особенностях финансовых продуктов. Как мы знаем, такие вопросы, как «Как правильно распоряжаться деньгами, Как защитить себя от мошенничества и т.д.» являются злободневными и важными для каждого из нас. В свою очередь, отсутствие простых навыков и знаний в данной сфере приводит к тому, что большая часть населения оказывается лишенной возможности улучшить свое благополучие, то есть оказывается «за бортом» экономического процветания. Обратимся к истории, в СССР большая часть населения имела слабое представление о финансовых активах в целом и о предоставлении услуг в экономической сфере, в частности. Было это связано и с особенностями господствующей экономической системы, но в большей степени со стремительным переходом к рыночной системе хозяйствования. Резкий скачок к новой модели экономической системы привел к неумению адаптироваться к меняющимся условиям экономического развития, что вызвало огромное недоверие к экономическим структурам общества. Люди попросту хранили свои денежные накопления дома. Хотя, несмотря на то, что прошли уже больше двадцати лет, уровень финансовой культуры остается невысоким среди населения РФ. Приведем результаты опроса по проблеме финансовой грамотности в области деятельности Центрального банка, проведенного Фондом «Общественное мнение» в июне 2014 года.[5] Респондентами выступали жители городских и сельских населенных пунктов из 43 субъектов РФ, их количество составило 1500 человек. Результаты показали, что большинство опрошенных весьма сомнительно разбираются в деятельности главного финансового института нашей страны: только 32% респондентов ответили, что знают о таком финансовом институте, как Центральный Банк РФ; 30% опрошенных ответили, что только лишь слышали о ЦБ РФ; 11% затруднились ответить; 27% респондентов вообще заявили о том, что слышат о данной финансовой организации в первый раз. Весьма интересным оказывается тот факт, что из 62% опрошенных респондентов, которые осведомлены о существовании Центрального Банка, 21% затруднились ответить на вопрос о функциях и обязанностях данной финансовой структуры. В данном случае, я привела лишь малую часть досадных результатов исследования. Поэтому, прежде всего каждый для себя, для своего «экономического счастья» должен стремиться приобретать и развивать знания, умения и навыки в финансовой сфере, а это будет прочным фундаментом развития экономики России. Весьма правильным здесь будет привести суждение Джона Брайанта в отношении финансовой культуры личности и современного общества в целом: «Финансовая культура в современном развитом и быстро меняющемся мире стала еще одним жизненно необходимым элементом в системе навыков и правил поведения. Финансовая грамотность позволит человеку не зависеть от обстоятельств, от воли других людей, системы. Образованный человек сам станет выбирать те пути в жизни, которые будут для него наиболее привлекательными, создавая материальную основу для дальнейшего развития общества» [3].

На сегодняшний день существует огромное количество подходов к определению понятия финансовая грамотность: нормативный, социокультурный, позитивный, интегральный. В русле экономической социологии в качестве базового подхода мы используем социокультурный подход. Данный подход, разработанный Сорокиным, Э.Гидденсом, А.Туреном, мы считаем наиболее правильным, так как он позволяет наиболее полно раскрыть взаимовлияния условий, факторов, мотивов, определяющих финансовое поведение. В рамках данного подхода мы принимаем

определение М.Ю. Шевякова, который под финансовой грамотностью понимает особую сферу экономики, которая предполагает понимание основных финансовых понятий и использование данной информации для принятия конструктивных решений, способствующих экономической безопасности и развитию материального благополучия граждан [7, 31]. Безусловно, данный подход к определению понятия финансовой грамотности впоследствии был использован большим числом российских ученых. М.Ю. Шевяков в концепции своего исследования финансовую грамотность рассматривает как совокупность трех компонентов: знаний, установки навыков, с помощью которых мы без особого труда сможем рассчитать индекс финансовой грамотности. [6,42] Базисом выступают установки, так как они являются основным мотивом формирования экономических потребностей и потребительской культуры общества. Именно социокультурный подход основывается на социальных установках в финансовой сфере. Далее, немаловажным компонентом являются знания. Действительно, человек, участвуя в основных финансовых процессах общества, должен понимать и учитывать такие категории, как риск, прибыль, инфляция и т.д., иметь представление о природе, структуре и принципах функционирования финансовых институтов. Еще довольно значимым компонентом выступают навыки. Под навыками в финансовой сфере в данном случае мы понимаем умение находить и использовать информацию о финансовых показателях, экономическом положении страны, умение читать документы с финансовой направленностью и понимать содержащуюся в них информацию, сравнивать предложения на рынке различных услуг и принимать осознанные решения и многое другое. Подводя итог вышесказанному, мы можем заметить, что именно социокультурный подход способен объяснить противоречия между отдельными компонентами финансовой грамотности: установками, знаниями и навыками.

В настоящее время наблюдается огромный интерес к изучению проблем финансового поведения и образования, прежде всего в молодежной среде. Более того две трети государственных проектов и программ направлено на повышение уровня финансовой грамотности современной молодежи. Почему именно в данной категории? Ответ простой, молодежь – основной двигатель и неиссякаемый потенциал будущего развития страны. Более того, данная категория населения является основным субъектом потребления товаров и услуг. В данном случае, молодежь для торговых сетей, производителей экономических благ, рекламных услуг является главной целевой аудиторией. В свою очередь, современный рынок труда также заинтересован в молодых специалистах, имеющих не только глубокие знания в своей отрасли, а именно в специалистах, которые имеют знания и опыт применения данных знаний на практике в различных областях, в том числе экономики как основной платформы развития гражданского общества. Поэтому высокая финансовая культура молодого поколения – эффективное средство для оздоровления экономической системы. Следовательно, основной целью, которая стоит перед государством, является повышение уровня финансовой грамотности в молодежной среде. Приведем неутешительные результаты пилотажного социологического исследования финансовой грамотности, проведенного в городе Курске в июне 2013 году среди 5 учебных групп студентов первого курса, из них 4 группы – студенты ЮЗГУ, 1 группа – студенты КГУ. Результаты данного исследования показали, что средний уровень финансовой грамотности, рассчитанный как среднее по всем респондентам, равен 26 (максимальный - 100 баллов) – что соответствует низкому уровню финансовой грамотности [4,121]. В связи с этим на базе нашего университета ежегодно проводится День финансовой грамотности. В рамках данной акции студенты узнают о том, как работают банки и биржи, как инвестировать средства в акции или золото, какие налоги платят физические и юридические лица, для чего нужен личный финансовый план, а также приводится множество примеров успешных идей для бизнеса и алгоритмы реализации своей мечты [1]. Как мы знаем, если уровень финансовой грамотности низкий, возможности экономического подъема резко ограничиваются. Гастрономическое разнообразие предлагаемых экономических услуг все в большей степени от клиента требует определенных установок, знаний и навыков. Рациональное и финансово грамотное поведение потребителя снижает отрицательные последствия кризисных состояний экономики страны. Безусловно, в решении данной проблемы заинтересованы

государственные структуры, так как это обеспечивает экономическую стабильность данным структурам. Но, как не парадоксально, финансовые структуры не менее заинтересованы в повышении общего уровня финансовой грамотности, так как это ослабляет риски, например, банков, и позволяет расширять базу клиентов. Хотя, в данном случае можно привести массу исключений – финансово грамотного потребителя сложнее обмануть или предложить согласиться на нерентабельные для него условия. Это говорит о том, что граждане также должны быть заинтересованы в повышении уровня своей грамотности, чтобы пользоваться экономическими услугами с максимальной полезностью. Финансово-грамотный человек выдвигает особые требования к качеству предъявляемых товаров и услуг, что создает возможность совершенствовать рынок финансовых услуг. Таким образом, невысокий уровень финансовой грамотности приводит, с одной стороны, к ограничению развития экономических и государственных структур, а с другой – ослабляет способность людей принимать рациональные решения по поводу своих финансов.

Список литературы

1. День финансовой грамотности в ЮЗГУ [Электронный ресурс] // Официальный портал Юго-Западного государственного университета. - <http://www.swsu.ru/structura/up/ef/fin-day-swsu-2013.php>
2. О финансовой грамотности [Электронный ресурс] // МОО «Достижение молодых». - <http://www.ja-russia.ru/ru/fl>
3. Отчет по результатам исследования «Критерии финансовой грамотности населения и пути ее повышения» [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение». - <http://fom.ru/search#q>
4. Подгорный, Б.Б. Финансовая грамотность как фактор успешного социально-экономического развития молодежи / Б.Б. Подгорный // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2014. - №2(53). - С.118-125.
5. Стахович, Л.В. Необходимость повышения финансовой грамотности молодежи как важнейший приоритет государственной политики [Электронный ресурс] // Федеральный образовательный портал ЭСМ. - <http://ecsocman.hse.ru/iconf/33372699/participant/27315514.html>
6. Шевяков, М. Результаты проведения научно-исследовательских работ по методологической разработке индикаторов финансовой грамотности населения / М. Шевяков // Бюджет и финансы. – 2011. – № 3–4 (13–14). – С. 40–44.
7. Шевяков, М. Ю. Перспективы изменения финансового поведения в результате повышения уровня финансовой грамотности / М. Ю. Шевяков, Н. Евсеева // Бюджет и финансы: финансовая грамотность. – 2011. – № 1 (10–11). – С. 30–35.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Бурмыкина И.В.

На современном этапе развития России одной из самых острых проблем является построение эффективного и гибкого механизма управления инновационным социально-экономическим развитием территории. Сегодня субъекты Федерации и их муниципальные образования сами активно формируют условия социально-экономической деятельности. Они становятся субъектами предпринимательской деятельности и включаются в конкурентную борьбу за привлечение капитала, что требует создания условий, способствующих производству и внедрению инновационных технологий, наличия высококвалифицированной рабочей силы и высокого уровня жизни. Для обеспечения эффективного управления развитием территории и достижения экономического роста необходимо проанализировать и максимально использовать весь комплекс возможностей, определяющих динамику социально-экономического ее развития.

Данная проблематика освещается в последнее время в научных исследованиях, находит отражение в публицистике. Вместе с тем, в научной литературе преобладает экономический подход к диагностике уровня развития социально-экономического комплекса территории, предназначенный для

разработки и реализации отраслевых проектов и программ. Социологическая диагностика практически полностью отсутствует, ее теоретико-методологические основания также разработаны недостаточно.

Проведенная нами эмпирическая диагностика состояния управления инновационной деятельностью в муниципальных образованиях Липецкой области [1] с использованием метода анализа документов показала, что существующий перечень показателей эффективности муниципального управления не отражает задач инновационного развития муниципального образования (МО), не позволяет в полной мере оценить социальную эффективность и качество управления МО; стратегия развития МО не предусматривает приоритет инновационного развития; инновационная деятельность в структуре социально-экономического развития большинства МО практически отсутствует; уровень социально-технологической культуры муниципальной службы остается крайне невысоким. Кроме того, недостаточна экономическая база, отсутствуют эффективные механизмы финансирования работ и механизмы стимулирования органов местного самоуправления к разработке инновационных программ и социальных технологий их реализации. В том числе, отсутствуют бюджеты развития МО, стимулы к развитию инновационной деятельности и инновационной инфраструктуры на территории МО, к совершенствованию эффективности деятельности органов местного самоуправления, бюджетных отношений и налогового законодательства.

Эффективное управление экономическим развитием территорий в условиях инновационного развития не представляется возможным без процесса целенаправленного сбора, переработки и передачи информации о реальной ситуации социально-экономического положения субъектов РФ, так как без оперативной, достоверной, систематизированной информации затруднено принятие научно обоснованных управленческих решений, направленных на инновационное развитие. На этапе разработки социального проекта инновационного развития оказывается востребованной информация об инновационном потенциале МО. Соответственно необходима разработка социальных технологий диагностики состояния социально-экономического комплекса МО и системы муниципального управления в условиях инновационного развития, которая будет способствовать раскрытию и реализации инновационного потенциала МО, повышению эффективности муниципального управления.

Разрабатываемая нами социальная технология диагностики состояния социально-экономического комплекса МО и системы муниципального управления в условиях инновационного развития состоит из трех блоков: теоретико-методологического, методического и процедурного.

Теоретико-методологический блок содержит научное обоснование социальных технологий диагностики состояния социально-экономического комплекса МО и системы муниципального управления в условиях инновационного развития (социальных технологий диагностики), информационную модель социального пространства муниципального образования, отражающую социально-экономические, кадровые и другие характерные особенности деятельности МО в условиях его инновационного развития. Определена совокупность параметров социально-экономического комплекса МО, характеризующих возможность его устойчивого инновационного развития (в том числе параметры экономические, ресурсные и другие, определяющие возможности реализации инновационных проектов в пределах МО), а также характеристики экономически активного населения, которое имеет интерес заниматься инновационной деятельностью и может быть включено в инновационную деятельность.

Второй блок социальной технологии диагностики включает укрупненный состав процедур и элементов процедур социальных технологий, а также последовательность действий, необходимых для реализации разработанной социальной технологии в условиях конкретных муниципальных образований.

Третий блок – процедурный порядок ее реализации в муниципальном образовании.

Применительно к достижению цели инновационного развития МО, разработка социальных технологий диагностики его социально-экономического комплекса предполагает, во-первых, лучшее

использование ресурсов, выявление неиспользованных возможностей, определение направления поиска резервов и пути их реализации (оптимизация); во-вторых, установление основных закономерностей развития МО, выявление внутренних и внешних факторов, оказывающих влияние на текущую и последующую социально-экономическую ситуацию (информационная функция); в третьих, установление тесного контакта населения и органов власти, понимание необходимости такого взаимодействия (коммуникация); наконец, планирование путей развития территории, формирование социокультурных и экономических сценариев ее развития (функция прогнозирования).

Такой комплекс социальной технологии диагностики позволит решать задачи информационного обеспечения социально-экономического комплекса МО в условиях инновационного развития.

Список литературы

1. Burmykina I.V., Shmarion J.V. Innovative development of municipal unions [Text] – Problems and trends of economy and management in the modern world. Proceedings of the International Conference, Sofia, 24.12.2012. Issue 1. Bulgaria, Sofia: Science and economy; Russia, Kirov: MCNIP, 2012. 736 p. 1 electron. wholesale. disk (CD-ROM).

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СИСТЕМОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В УСЛОВИЯХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Бутуева З.А.

Изменения в управлении системой социальной защиты населения обусловлены демографическими изменениями, происходящими в России. За последние десятилетия углубились процессы постарения населения. Системой социальной сферы России, а вместе с ней и система социальной защиты населения оказалось неподготовленной к демографическим вызовам современности. Существуют противоречия между количеством, качеством и масштабностью проблем в социальной сфере и неподготовленностью кадровых ресурсов и управленческих решений, принимаемых на пути их преодоления. В настоящий момент необходимы структурные изменения, связанные с идеологией системы социальной защиты населения в отношении людей старшего возраста.

Для того чтобы понять ситуацию в сфере управления системой социальной защиты населения рассмотрим изменения социально-экономической и политической ситуации в Республике Бурятия. Значительная удаленность от политической, экономической и культурной активности, суровые природные условия, слабая освоенность территории, малонаселенность, характеризует республику как изолированный регион от основных потоков социокультурного пространства. Вместе с тем, Республика Бурятия, расположенная в южной части Восточной Сибири, имеет выход к границам страны. Удобное экономико-географическое положение республики в центре азиатской части России, находящейся на важнейших путях общероссийского и мирового значения, связывает страны Запада и Азиатско-Тихоокеанского региона. Но из-за слабого развития коммуникаций, социально-экономического развития, малой интегрированности региона в мировую экономику эти преимущества не используются в полной мере.

Демографические процессы в республике, в основном, имеют схожие тенденции с общероссийскими. Возрастной состав населения Республики Бурятия претерпевает определенные изменения: происходит уменьшение доли младенцев и подростков (от 0 до 14 лет) и увеличение людей старших возрастов в общей численности населения. В XXI в. население Бурятии характеризуется как демографически старое, а возрастная структура принимает форму колокола. Такой тип структуры можно назвать неподвижным, или стационарным, где практикуется внутрисемейное регулирование рождаемости при относительно низкой смертности и примерно равном числе детей и прародителей [1, с. 260].

Начиная с 1990 г., демографические процессы, происходящие в Республике Бурятия, выявили сложные тенденции, на которые повлияли многие факторы. Главными из них были снижение рождаемости, повышенная смертность, в особенности, трудоспособной части населения, уменьшение

продолжительности жизни, миграция трудоспособной части населения в другие регионы. Проанализируем основные причины, которые повлияли на постарение населения в республике.

На постарение населения республики оказывает влияние такой фактор, как смертность. Смертность в России замедляет старение, потому что многие не доживают до старости или живут в преклонном возрасте меньше, чем в других странах, добившихся значительных успехов в увеличении продолжительности жизни. Происходит некоторое запаздывание процесса старения, которое объясняется большим числом преждевременных смертей, особенно среди мужчин. Несмотря на высокую смертность, темпы старения населения нарастают, поскольку главным фактором, влияющим на изменение возрастного состава населения, является уровень рождаемости.

Одним из факторов, оказывающих влияние на постарение население республики, является устойчивая миграционная убыль. Обширность территории и удаленность ее от политических и культурных центров России, недостаточное развитие транспортных коммуникаций, суровые климатические условия, слабая заселенность и малая плотность населения, особенности формирования расселенческой сети во многом предопределили региональные особенности демографических, в том числе миграционных процессов в Бурятии [1, с. 262-263].

Неблагоприятная социально-экономическая ситуации и низкое качество жизни негативно влияют на развитие социальной сферы. По данным рейтингового агентства «РИА Рейтинг» в 2014 г. по качеству жизни Республика Бурятия заняла 75 место из 83-х регионов России. Это место занимают регионы-аутсайдеры. По мнению агентства, «Основной проблемой этих регионов по-прежнему остается неспособность региональных бюджетов самостоятельно генерировать достаточный уровень собственных доходов, что ведет к высокой зависимости бюджетов этих субъектов от федерального центра».

В 2014 г. на заседании президиума Госсовета по вопросам развития системы социальной защиты пожилых людей была поднята идея о разработки стратегии действий в интересах пожилых людей. В официальных документах Министерства труда и социальной защиты подчеркивается, что «Стратегия будет включать в себя комплекс мероприятий, направленных на решение проблем пожилых людей и создание условий их активной жизни в различных сферах (здравоохранения, образования, транспорта, спорта, культуры и экономики) [3].

Прошедший 28 марта 2015 г. Всероссийский форум социальных работников обозначил ряд проблем и выделил приоритетные направления деятельности в социальной сфере. Так, в резолюции форума подчеркивалось, что «система социального обслуживания в нашей стране вступила в период глубоких преобразований, определяемых изменением законодательства, модернизацией организационных и технологических основ социальной работы, всесторонней перестройкой идеологии предоставления социальных услуг на основе их адресности, антикризисных механизмов». Внимание резолюции было сконцентрировано на разработке правовых механизмов в решении проблем трудовой занятости, транспортной доступности социальной инфраструктуры в сельской местности, компьютерной грамотности, развитию современных технологий (мобильные бригады, социальное такси) для людей старшего возраста [4].

В 2013 г. принят ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», который внес изменения в систему социального обслуживания и действовавший с 1995 г. Федеральный Закон с точно таким названием [5]. Вводятся новые понятия, такие как: «получатель социальных услуг», «поставщик социальных услуг», «профилактика обстоятельств, обуславливающих нуждаемость в социальном обслуживании».

Новацией Закона является разработка индивидуальной программы предоставления социальных услуг и развития рынка социальных услуг. Для гражданина, нуждающегося в помощи, разрабатывается индивидуальная программа. В программе указывается форма социального обслуживания, виды, объем, периодичность, условия, сроки предоставления социальных услуг, перечень рекомендуемых поставщиков социальных услуг, а также мероприятия по социальному сопровождению. Стандарт

социальной услуги устанавливает основные требования к срокам и условиям их предоставления, к качеству и оценке результатов социальных услуг.

Социальная политика государства в отношении граждан пожилого возраста действует в соответствии с Принципами ООН и Международным планом действия по проблемам старения, и на основе российских законодательно-нормативных актов, регламентирующих права и гарантии пожилых людей. Приоритетными направлениями являются: участие пожилых людей в развитии; обеспечение здравоохранения и благосостояния в пожилом возрасте; обеспечение благоприятных и позитивных условий для людей всех возрастных групп.

Основными индикаторами, характеризующими управление системой социальной защиты в Республике Бурятия, выступают: демографические показатели (рождаемость, смертность, миграция), уровень и качество жизни (доля расходов бюджета на развитие социальной сферы, статистика социального обеспечения, статистика здравоохранения), индикаторы социальной дифференциации (уровень среднемесячной заработной платы в социальной сфере по отношению к заработной плате работников, занятых в сфере экономики республики), социального неблагополучия (доля людей, получающих материальную государственную помощь от общей численности населения, доля людей, пользующихся социальными услугами системы социального обслуживания от общей численности населения) [2]. Количественные характеристики индикативных показателей, принятые в системе социальной защиты, не всегда точно отражают уровень и качество жизни населения.

Реформы в управлении системой социальной защиты населения принесли положительные изменения в развитии, финансировании, материально-техническом и кадровом обеспечении социальных служб, совершенствовании применяемых форм помощи. На этапе становления социальных служб на первый план выходили проблемы социально-экономической поддержки граждан старшего возраста. В настоящий момент наиболее востребованными оказываются следующие виды услуг: социально-бытовые гарантированные, социально-бытовые дополнительные, «хоспис на дому», услуги, не относящиеся к социальным, приёмная семья для пожилого человека, мобильные службы, социальный туризм, университеты третьего возраста и т. д.

Итак, необходимость решения проблем управления в системе социальной защиты населения обусловлена модернизационными процессами, произошедшими за последние двадцать лет в России. Изменения в пенсионной системе, появление новых социальных институтов, современные технологии в медицине, образовании, технический прогресс, новые средства связи повлияли на образ и качество жизни людей старшего возраста. Результатом данной деятельности стала технологическая модернизация управления системой социальной защиты населения.

Список литературы

1. Бутуева З.А. Постарение населения Республики Бурятия: история вопроса и современная ситуация / З.А. Бутуева // Вестник Бурятского государственного университета. Вып.5 Психология, социальная работа. – 2011. – С.260-265.
2. Индикаторы Министерства социальной защиты населения Республики Бурятия за 1 полугодие 2014 года. - [Электронный ресурс]. – URL:<http://minsoc-buryatia.ru/plan/active> (дата обращения: 14.06.2015).
3. Проект Стратегии действий в интересах граждан пожилого возраста будет внесен в Правительство РФ 1 июня 2015 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.garant.ru/news/585933/#ixzz3Y1LakAG4> (дата обращения: 14.06.2015).
4. Резолюция Всероссийского форума социальных работников от 28 марта 2015 г. [Электронный ресурс]. - URL: <http://er.ru/news/130240> (дата обращения: 14.06.2015).
5. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. N 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/2013/12/30/socialka-dok.html> (дата обращения: 14.06.2015).

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ «WILDCARDS»)

Гавриленко О.В., Маркеева А.В.

Технологии социального прогнозирования сегодня рассматриваются как эффективный инструмент социального предвидения, исследования и разрешения социальных проблем современного мира. Согласно классическому определению, социальное прогнозирование – это определение вариантов развития социального объекта и выбор наиболее приемлемого, оптимального варианта, исходя из ресурсов, времени и социальных сил, способных обеспечить их реализацию. Это всегда работа с альтернативами, глубокий анализ степени вероятности событий и многовариантность возможных решений. Это «будущее в вариантах». Будущее стремятся предвидеть, предсказать, предвосхитить, **прогнозировать**. Но будущее также можно планировать, программировать, **проектировать**. Во втором случае подчеркивается более активная роль субъекта воздействия. Еще в начале 20 века советский экономист В.А. Базаров пришел к выводу, что невозможно предсказывать будущее состояние процессов и явлений, которые поддаются изменению средствами управления и планирования [1]. Прогнозистам приходится принимать во внимание тот факт, что прогнозирование социальных явлений и процессов и управление ими тесно взаимосвязано. Неслучайно говорят о двух возможных эффектах: эффекте «Эдипа» (сделав негативный прогноз развития социального процесса, мы можем его (процесс) остановить или видоизменить так, что он не проявит своих отрицательных качеств) и эффекте «Пигмалиона» (спрогнозировав позитивный процесс, мы можем активно содействовать его развитию). Прогнозирование и проектирование тесно связаны, как связаны между собой два типа прогнозов: поисковый и нормативный. Поисковый прогноз – это такое предвидение социальной ситуации в определенной точке будущего, которое основывается на анализе состояния социального явления или процесса в прошлом и настоящем. *Что вероятней всего произойдет при условии сохранения существующих тенденций?* Поисковый прогноз важен для оценки жизнеспособности социального проекта (прогноз тенденций, выявление потенциала нововведения, предупреждение о негативных последствиях). Нормативный прогноз – это предвидение будущих состояний социального явления (процесса) при условии, что по отношению к нему осуществляются активные действия в соответствии с заранее установленными целями, правилами и показателями. *Какими путями можно достичь желаемого?* Это оптимизация управленческого решения (выбор лучшего варианта в соответствии с поставленной целью). При осуществлении социального прогнозирования эти два метода используются последовательно, сначала мы получаем некий набор сценариев (поисковый прогноз), а затем способствуем реализации наиболее желаемого сценария (нормативный прогноз).

Существует множество методов социального прогнозирования, основными из которых являются экстраполяция, моделирование и метод экспертной оценки. Последний используется чаще остальных, например, в виде мозговой атаки, метода Дельфи, экспертной панели, деловых игр, SWOT-анализа, технологических дорожных карт и др. Говоря о системе методов экспертной оценки стратегических направлений социального, экономического, технологического развития, о разработке новых прорывных технологий, которые способны кардинально изменить будущее, мы выходим на более комплексный подход, нежели традиционное прогнозирование – на **Форсайт**. Форсайт предполагает участие экспертов из самых разных сфер деятельности, связанных с тематикой проекта, а также привлечение других, более широких групп населения, заинтересованных в решении поставленных задач. Форсайт нацелен на разработку практических мер по достижению заявленных в рамках проекта целей. Форсайт всегда связан с технологическими прорывами, с поиском тех методов и технологий, которые способствуют инновациям, радикальным изменениям экономики и общества в целом. На основе Форсайта разрабатываются долгосрочные (на 25-30 лет) стратегии развития экономики, науки, технологий, направленные на повышение конкурентоспособности и эффективности развития социально-экономической сферы [6].

Сегодня довольно остро стоит проблема совершенствования методологических знаний в области комплексных поисковых прогнозов. Набирающей популярностью среди социальных прогнозистов становится технология выявления потенциальных либо мнимых джокеров («wildcards») – маловероятных событий, происходящих внезапно и имеющих серьезные последствия[4]. Интерес к выделению джокеров («wildcards») в отдельную технологию прогнозирования был обусловлен реализацией в условиях сверхдинамичной внешней среды сценариев развития, которые на этапе прогнозирования оценивались экспертным сообществом как маловероятные и не учитывались при разработке управленческих программ и стратегий. В последние десятилетия мир стал свидетелем реализации джокеров в различных сферах: в политической сфере джокером является переход последней «цветной» революции на Украине в гражданскую войну; в экономической сфере – резкий обвал и последующее банкротство глобальных финансовых институтов (FannieMae, FreddieMac и др.) в 2008, приведших к глобальному финансовому кризису во всем мире; к ним же относится череда глобальных экологических катастроф (трагедия Фукусимы, наводнение в Новом Орлеане и др.). Растущая тенденция реализации «диких карт» привела к необходимости формирования методологии и инструментария, позволяющих аккумулировать разнообразные данные, выпадающие из анализа форсайтных технологий; проводить раннее диагностирование слабых сигналов и джокеров, значительно повышая адаптивность разрабатываемых компаниями, организациями, государствами стратегий к внезапным изменениям.

Наибольшую популярность в связи с развитием информационных технологий получили два варианта выявления джокеров: первые основываются на специализированном программном обеспечении, которое в полуавтоматизированном состоянии сканирует блоги, вики-ресурсы, другие типы социальных медиа; второй вариант предусматривает сочетание полуавтоматизированных систем сканирования слабых сигналов, глубинных методов анализа текста, проводящихся в ручном режиме, банков знаков и ставших уже классическими методов прогнозирования как мозговые атаки, только проводимых в формате онлайн-конференций и сессий. Первый вариант наиболее часто используется в сфере обороны и безопасности. По второму варианту построены проекты **сканирования горизонтов**. Это системы раннего оповещения, предполагающие систематическую оценку проблем, угроз, возможностей и тенденций, которые могут проявляться в будущем, включая те из них, которые находятся на пределе текущего мышления и планирования. К такого рода проектам относятся iKnow, FarHorizon, SESTI, Sigma и др., которые реализуются как частными исследовательскими компаниями (программа TEKESFinishFundingAgencyofTechnologyandInnovation), так и государственными органами (Horizon 2020 в ЕС). Сканирование горизонтов позволяет специалистам формулировать прогнозы, описывающие варианты развития социальных, экономических, политических и иных трендов под влиянием джокеров. Так, анализ слабых сигналов в Великобритании в рамках проекта iKnow показывает, что падение мотивации достижения, снижение вовлеченности в получение высшего образования среди молодых людей, выросших в приютах, к 2025 году приведут к масштабным негативным последствиям для системы социальной защиты и обеспечения страны: существенному росту судебных исков со стороны данных молодых людей к государству за неспособность подготовить их к взрослой жизни [8].

Сканирование горизонтов позволяет государственным учреждениям и коммерческим компаниям разрабатывать стратегии с учетом реализации превентивных мер, которые не позволят негативным джокерам осуществиться и привести к катастрофическим последствиям. Выявление джокеров позволяет определять новые вызовы будущего и формировать «повестку будущих исследований»; стимулировать внедрение инноваций; способствует разработке комплексных мер по социально-экономической, экологической, культурной и политической безопасности. Например, в современных условиях глобальные города, становясь основным центром экономической активности, значимой частью мировой экономики[2; 3], должны учитывать результаты проектов сканирования горизонтов при разработке долгосрочных стратегий городского развития. Так, российским городам будет полезен опыт Центра технологического Форсайта Организации Азиатско-Тихоокеанского экономического

сотрудничества, который провел ряд проектов по выявлению джокеров в условиях нарастающей урбанизации и меняющихся социальных структур Восточной Азии, сумев не только наладить систему стратегического анализа, но и повысить осведомленность политиков о грядущих вызовах, создать развитую сеть взаимодействий между экспертами-аналитиками в регионе.

Несмотря на все преимущества новой технологии социального прогнозирования, ее внедрение связано с рядом прикладных и теоретико-методологических проблем. Во-первых, результаты сканирования горизонтов часто игнорируются лицами, ответственными за принятие ключевых решений, вследствие ментальных препятствий, связанных с конвергентностью их мышления. Большинство ученых сходятся во мнении, что реализация джокеров обусловлена не тем, что это события, которые мы не можем, а скорее не хотим предвидеть. Согласно исследованию У. Шульца, эксперты часто не воспринимают признаки зарождающихся перемен, опрокидывающие действующие парадигмы, существующие структуры и устоявшиеся принципы социальной экспертизы [10]. То же касается и управленцев. Современные исследования показывают, что к результатам сканирования горизонтов в частном секторе, как правило, прибегают аутсайдеры, так как они заинтересованы в «прорывных инновациях», приводящих к смене принципов, правил игры, в то время как организационные лидеры часто не заинтересованы в изменении действующего порядка, связывая их с высокими финансовыми, репутационными и иными рисками. Это отчасти обуславливает неспособность организаций-лидеров учитывать результаты горизонтов сканирования в разрабатываемых долгосрочных стратегиях. Поэтому для активного внедрения инструментов сканирования горизонтов необходима, прежде всего, ментальная перестройка ученых и управленцев, развитие дивергентного мышления, способности выходить за пределы имеющихся парадигм и совершенствование в умении предвидеть «невообразимое». Только выход из существующего «культурного тупика» позволит организациям, компаниям и государствам обрести конкурентоспособность в новых условиях.

Во-вторых, развитие навыков и умений по предсказанию джокеров должно быть сопряжено с совершенствованием образовательных программ и более широким информированием общественности, ученых, лиц, принимающих решения, о проектах по сканированию горизонтов, полученных в рамках этих проектов результатов. В этой связи необходимо отметить, что в высших учебных заведениях как в России, так и за рубежом пока мало, либо полностью отсутствуют курсы по сканированию горизонтов; существует слабая информированность общественности и руководителей, ответственных за принятие решений относительно результатов подобных проектов.

В-третьих, существует ряд нерешенных теоретических и методологических проблем. В частности, в зарубежной научной литературе существуют несколько подходов к классификации джокеров, попыток систематизации причин их формирования, однако данные подходы имеют существенные внутренние противоречия, недостатки, что не позволяет операционализировать критерии, показатели выявления джокеров. Также необходимо указать на существующие проблемы с инструментами и критериями оценки внедрения данной технологии, надежности полученных результатов.

Несмотря на отмеченные проблемы, турбулентность внешней среды будет обуславливать распространение технологии социального прогнозирования с использованием джокеров (wildcards), поскольку она предоставляет возможность оперативного, а при наличии эффективной системы взаимодействий, согласованного реагирования на возможную реализацию джокеров, которые, как правило, имеют масштабные последствия, и требуют комплексных превентивных мер со стороны различных субъектов: специалистов, организаций, компаний и государств.

Список литературы

1. Бестужев-Лада И.В., Наместникова Г.А. Социальное прогнозирование: курс лекций. М., 2001.
2. Вершинина И.А. Социология города: истоки и основные направления исследований // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2012. № 1.

3. Вершинина И.А., Гавриленко О.В. Драйверы развития мегаполиса: по итогам IV Московского урбанистического форума // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2.
4. Ван Рай В. Зарождающиеся тенденции и «джокеры» как инструменты формирования и изменения будущего // Форсайт, 2012, №1.
5. Рингланд Дж. Будущее как неизведанное пространство: интеграция Форсайта в принятие стратегических решений // Форсайт. 2013. Т.7, № 4,
6. Соколов А.В. Форсайт: взгляд в будущее // Форсайт. 2007. №1.
7. Талеб Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости М.: КоЛибри, 2009
8. iKnow[электронный ресурс] <http://wiwe.iknowfutures.eu/iknow-description/>
9. Schultz W. The cultural contradictions of managing change: Using horizon scanning in an evidence-based policy context // Forecasting. – 2006, Vol.8, № 4.
10. Zaichen Lu, Katherine Booth, Rafael Popper, etc. The technology horizon: preliminary review on technologies impacting the future health and social care workforce. CfWIHorizonscanningreport. October 2013.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Желнина Е.В.

Сегодня в современной науке возникает вопрос о необходимости разработки и использования гибких социальных технологий управления инновационной активностью субъектов, соответствующих постоянно меняющимся условиям их (социальных субъектов инновационной активности – прим. автора) функционирования. Удобно выстраивать данные технологии на основе моделей, показывающих взаимодействие и взаимовлияние факторов, наиболее существенно проявляющихся в инновационных процессах.

Основной задачей рассматриваемого нами метода является на основании сходства с существующим объектом воспроизвести другой (модель), который заменил бы его в целях упрощения дальнейшего изучения и анализа. Модель может быть определена как некий (с определёнными допущениями) аналог оригинала. Особо необходимо сказать об указанных допущениях, касающихся схожести оригинала и модели. Во-первых, модель должна иметь конкретное сходство с оригиналом, но в то же время, не повторять его. В последнем случае сама процедура моделирования непременно потеряет всякий смысл. Во-вторых, совершенно недопустимо моделирование без учёта определённых тенденций, топологических характеристик и свойств объекта, поскольку в данном случае модель не даёт должного представления об оригинале.

Что касается моделирования, то оно представляет собой очень продуктивный, многофакторный метод исследования объекта. Можно утверждать, что моделирование является одним из способов познания, изучения посредством подробного описания и дальнейшего анализа изучаемых объектов: предметов, явлений, социальных процессов, систем. Такой большой спектр перечисленных объектов моделирования говорит о том, что, по существу, сферы применения этого метода познания не ограничены, им могут быть охвачены практически все процессы, которые необходимо исследовать. Но, важно заметить, несмотря на то, что моделирование органично присуще познавательному процессу, его не следует считать единственным и достаточным методом познания.

Моделирование в сфере социальных процессов и отношений может выполнять большой круг различных целей и задач. Наиболее важными и практически полезными являются возможности определения оптимальной структуры социального объекта и предсказания его будущего поведения и развития (например, определение оптимального количества уровней иерархии социальной организации в целях сокращения времени и устранения дублирующих функций или выявление

наиболее эффективных направлений социальной коммуникации на предприятии, обеспечивающих транспарентность (прозрачность) его функционирования).

Применительно к социологии, моделирование представляет собой метод исследования социальных объектов на основе их моделей. Другими словами – это опосредованное изучение, в процессе которого во вспомогательной системе (модели) отображаются социальные объекты. Данная модель замещает в познавательном процессе оригинал и позволяет получать новое знание о предмете исследования. Моделирование как метод познания действительности достаточно широко применяется в исследовании разнообразных социальных процессов, явлений и объектов. Для того, чтобы обеспечить эволюцию, развитие общества, необходимо изучать его, определяя его структуру, анализируя имеющиеся тенденции, выстраивая прогнозные сценарии и отслеживая их. Наличие информационной базы социальной информации об обществе будет способствовать повышению качества эффективности его исследования. Часть наблюдаемых проблем, легко поддающихся количественному исчислению, может быть формализована, выражена в цифровом формате и проанализирована посредством методов математического моделирования. Но, важно отметить, что далеко не все социальные процессы и явления могут быть измерены и проработаны в количественных показателях. Сложность заключается в том, что данный тип моделируемых объектов отличается высокой вариативностью, зависимостью от большого числа разнообразных факторов, которые в различных условиях воздействуют неоднозначно, а также наличием подвижных причинно-следственных связей различной интенсивности. Кроме того, необходимо учитывать, что субъектом социальных процессов является человек, мысли, потребности, чувства и поступки которого также не поддаются числовому отображению. В связи с этим, при изучении социальных объектов незаменимыми становятся методы, позволяющие проводить анализ качественного содержания исследуемого процесса или явления. Поэтому необходимы особые модели, которые позволили бы осуществить более глубокое познание исследуемых объектов и на основе этого выявить основные их характеристики и возможности последующего их развития.

При рассмотрении моделирования как исследовательского процесса необходимо определить его основные цели. Принимая во внимание сложность, тонкость и остроту социальных объектов, на основе анализа многочисленных теоретических источников и отчетов практических работ можно выявить следующие цели их моделирования:

- адекватное отображение существующего состояния социального объекта, описание его основных свойств, ключевых параметров и специальных характеристик;
- выявление основных противоречий, определение возможных проблем в функционировании социального объекта и оценка их последствий;
- выявление факторов, воздействующих на социальный объект проводимого моделирования, определение их направленности (конструктивной или деструктивной), силы влияния на объект, а также их последствий для функционирования и жизнедеятельности социального объекта;
- определение тенденций развития социального субъекта моделирования на основе анализа выявленных условий, проблем и факторов, разработка сценариев будущего развития исследуемого объекта;
- поиск оптимальных путей развития, а также исследование наличия наиболее эффективных и приемлемых способов и методов выполнения социальных задач, поиск альтернатив разрешения социальных противоречий и конфликтов.

Активизация деятельности происходит в результате демонстрации проблемных зон в развитии объекта моделирования и путей выхода из них. Знание возможностей преодоления кризисных ситуаций, как правило, мотивирует исполнителя на активность.

Методы создания моделей изучаемых объектов выполняют многочисленные функции: познавательная, эвристическая, прогнозная, целеполагание, управленческая, иллюстративная.

Кроме того, метод моделирования при исследовании социальных процессов выполняет значимые эвристические функции. Во-первых, в процессе построения модели могут быть выявлены структурные и функциональные связи элементов объекта, которые до этого никак себя не проявляли, находились в невидимой, латентной зоне. Во-вторых, построенную модель можно подвергнуть дальнейшему анализу (в том числе и эксперименту), который позволит выявить тенденции в развитии объекта.

Моделирование посредством разработки сценариев дальнейшего развития объекта позволяет выполнить функции социального прогнозирования.

Функции целеполагания играют значимую роль в функционировании объекта моделирования. Во-первых, происходит нормализация организационных процессов: проясняется, как должно быть, что происходить, к чему необходимо стремиться. Во-вторых, определение качественной цели способствует дополнительной мотивации к её реализации. В-третьих, выявление целей подразумевает мобилизацию необходимых для её осуществления ресурсов.

Управленческие функции моделирования сводятся к тщательному обоснованию принимаемых решений, системному управленческому воздействию, упрощению процессов контроля исполнения заданий и реализации целей, осуществлению корректирующего воздействия.

В соответствии с выполняемыми функциями (указанными выше/ранее), достаточно условно, можно выделить несколько видов моделей: дескриптивные; эвристические; прогностические (варианты возможных состояний); целевые (желаемого состояния); алгоритмические (дорожные карты); иллюстрация.

Тем не менее, процесс создания моделей сложных социальных объектов, как правило, совмещает в себе все виды моделей и стремится выполнить все основные функции. Именно поэтому мы можем говорить лишь о направленности модели, её тяготении к определённому виду. Эффективность социального моделирования зависит от многих факторов, таких, как цель построения модели, выбранный способ моделирования, социальный объект и его характеристики, уровень компетентности исследователя.

Существуют и требования, предписанные для соблюдения в целях улучшения эффективности метода, к самим моделям. Условно выделяют три ключевых условия создания моделей. Во-первых, модель должна предоставлять исследователю возможности для её анализа, упрощать аналитические манипуляции, быть способной выдавать новую информацию об объекте исследования, способствовать выявлению условий для оптимизации функционирования исследуемого объекта, его усовершенствованию. Во-вторых, модель должна способствовать выявлению вариантов дальнейшего развития исследуемого объекта, то есть должна быть годной для составления прогнозов и проигрывания различных прогнозных сценариев. В-третьих, модель должна быть адаптивной, гибкой. С одной стороны это должно быть выражено в возможности последующей оптимизации методов, способов и средств её построения в целях управления процессом познания, исследования. С другой стороны, модель должна предоставлять возможность быстро и легко менять её характеристики при их изменении в реальной действительности.

Рассматривая критерии эффективности модели, можно выявить два её аспекта, наличие оптимального баланса между которыми и будет свидетельствовать о её качестве. Достаточно правомерно при разработке модели руководствоваться её чётким подобием объекту-оригиналу, при котором автор-исследователь строго придерживается свойств и параметров объекта. Но, с другой стороны, должна быть обеспечена некая «свобода» модели от оригинала. Это расхождение необходимо для того, чтобы можно было в зависимости от изменения условий и обстоятельств менять параметры модели. Альтернативность как непереносимое свойство модели способствует вариативности методов изучения объекта и выявлению большего спектра прогнозов его развития.

В ходе создания модели инновационной активности промышленного предприятия (во время проведения теоретических и эмпирических исследований, направленных на обоснование концепций, факторов и требований) важное значение имеет оценка эффективности применения полученной

модели в возможных реальных условиях функционирования современного промышленного предприятия. Необходимо отметить, что оценка эффективности является неперенным этапом, присутствующим в общепринятом и универсальном алгоритме процесса моделирования. Важность обеспечения реальности прогнозных вариантов развития и интенсификации инновационной активности с учётом этапов его разработки, адаптации и внедрения обуславливает необходимость прогнозирования возможных изменений не только в функционировании самого предприятия, но и его ближайшего и даже отдалённого окружения (рынок и конкурентная среда, социальная сфера, политическая обстановка и т.д.). Прогнозы даже на долгосрочную перспективу (более 10 лет), разработанные в определённых предсказуемых и формализованных условиях и для стабильной среды, характеризуются высокой степенью надёжности. Но современное общество (динамичное, многофакторное и полисубъектное) не предоставляет исследователю такой возможности. Таким образом, и процессы инновационной активности в функционировании промышленного предприятия характеризуются высокой степенью неопределённости, то есть в данном случае принятие решений происходит в ситуации, когда промежуточные и конечные цели, воздействующие факторы и последствия действий доподлинно не известны. В связи с тем, что ключевая задача интенсификации инновационной активности промышленного предприятия тесно связана с долгосрочным прогнозированием, возникают существенные трудности в процессе однозначного, точного и полного описания исследуемых процессов. Поэтому целесообразно вести речь о представлении лишь приблизительной модели инновационной активности, учитывающей наиболее важные факторы, воздействующие на неё, ключевые условия её интенсификации, раскрывающей возможные варианты и тенденции развития инновационных, производственных, управленческих, организационных и иных процессов в функционировании промышленного предприятия.

Несмотря на это, традиционно понимание процессов функционирования промышленных предприятий отождествляют с возможностью их точного количественного анализа, результаты которого вполне укладываются в плановые и фактически полученные показатели эффективности хозяйственной деятельности. Подтверждением этого является применение для моделирования таких методов исследований как марковские случайные процессы, метод динамики средних, метод статистических испытаний (метод Монте-Карло) [1, 2, 3, 4], которые широко используют математический аппарат теории вероятностей. Если рассматривать в ретроспективе, то теория вероятностей явилась первым инструментом математики, представляющим неопределённости в математических моделях. Именно поэтому любая неопределённость достаточно длительное время признавалась стохастической и ей присваивались, иногда искусственно, свойства случайного события. Помимо этого, стохастическая неопределённость проявляется в ситуациях, когда определённое исчерпывающе описанное событие в стабильных условиях имеет два варианта: может произойти, а может не произойти[5]. Важно отметить, что в ходе развития степень неопределённости, связанная с изучаемым событием, может измениться. В итоге – результат любого частного осуществления вероятностного события является исключительно вопросом случая, и, следовательно, предсказать последовательность событий не представляется возможным. Для любого вероятностного процесса является допустимым лишь точное описание статистических параметров усреднённых характеристик.

Указанные выше обстоятельства обусловили необходимость проведения анализа возможностей существующих методов моделирования инновационной активности промышленного предприятия на долгосрочную перспективу. В результате проведения анализа установлено, что при использовании вероятностно-статистических методов для моделирования процессов интенсификации инновационной активности промышленного предприятия наиболее приемлемое решение состоит в том, что дефицит данных, фактов и информации об изучаемом процессе возможно компенсировать получением большого количества фактического материала. Однако будущие успехи в сфере промышленных инноваций мы склонны отнести к уникальным, неповторимым событиям, поэтому достаточное количество фактического материала, необходимого для получения «неограниченное количество раз, притом в неизменных условиях» [3, С. 113], как правило, получить не удаётся. В связи с этим

некоторые исследователи отмечают, что «... только при очень большом числе наблюдений элементы случайности сглаживаются, и проявляется ясно видимая закономерность, присущая прогнозируемому процессу. Однако на практике число наблюдений, как правило, является ограниченным и приходится решать вопрос о выборе данного эмпирического распределения теоретической кривой распределения, характеризующей закономерные черты прогнозируемого процесса ...» [3, С. 113].

Для реализации целей нашего исследования (создание модели инновационной активности промышленного предприятия) могут быть с высокой долей эффективности применимы следующие виды моделирования:

- концептуальное моделирование. В данном случае вся имеющаяся в ведении автора-исследователя информация, совокупность данных и фактов об изучаемом объекте интерпретируется посредством естественного или искусственного языков, а также с помощью специальных знаков, символов, операций над ними;
- физическое моделирование. В результате данного процесса модель и познаваемый объект являются действительными предметами, системами или процессами, обладающими общей или разной физической основой;
- структурно-функциональное моделирование. Модель данного формата представляет собой схемы, блок-схемы, графики, чертежи, диаграммы, таблицы, рисунки, выполненные в соответствии со специальными правилами их объединения, преобразования и анализа;
- имитационное (программное) моделирование. В ходе программного моделирования создаётся алгоритм функционирования изучаемого объекта-оригинала, который реализуется в виде программного комплекса для компьютера, который в дальнейшем в целях проверки и накопления статистики воспроизводит данный алгоритм и выдаёт различные варианты дальнейшего развития событий.

Принципиально важно отметить, что все виды моделирования, перечисленные выше, «не являются взаимоисключающими и могут применяться при исследовании сложных объектов либо отдельно, либо в некоторой комбинации» [6].

При проведении исследования инновационной активности современных промышленных предприятий мы использовали практически все указанные методы моделирования. Так, физическая модель может быть обнаружена в сформированных выборках проведённых авторских социологических исследованиях. Созданные в данном случае физические модели являются основой для изучения свойств и показателей, характерных для всей генеральной совокупности. В ходе проведённых исследований модели и познаваемые объекты являются действительными социальными объединениями.

Что касается проведённого концептуального моделирования исследуемого понятия «инновационная активность», то основной моделью является данное авторское определение. Кроме того, сделанные выводы по текущему состоянию социального объекта, корреляционный анализ взаимовлияния различных показателей (факторов) а также разработанные автором научно обоснованные рекомендации в своей совокупности представляют концептуальную модель инновационной активности современного промышленного предприятия.

Структурно-функциональное моделирование представляет основу проведённого авторского комплексного исследования. Именно на базе созданной структурно-функциональной модели разрабатывался социологический инструментарий последующего исследования инновационной активности.

Подводя некоторые итоги, можно выделить следующие основные принципы, в соответствии с которыми необходимо разрабатывать модель инновационной активности современного промышленного предприятия: принцип дескриптивной (описательной) полноты; принцип адекватности; принцип гибкости; принцип абстрактности; принцип надёжности; принцип темпоральности; принцип реалистичности; принцип эвристичности; принцип терминологической идентичности; принцип репрезентативности; принцип эволюционности. При соблюдении указанных

требований модель может получить достаточно высокую оценку. Процедура оценки качества модели социального объекта представляет собой очень сложную, многоступенчатую задачу. Единой, универсальной системы оценки моделей не существует. В зависимости от целей моделирования параметры оценки моделей очень сильно различаются. Для исследования инновационной активности промышленных предприятий очень важен критерий прогрессивности модели. Прогрессивность модели определяется характеристиками свойств модели, применимой в той или иной сфере в зависимости от целей и задач исследователей.

Список литературы

1. Квейд, Э. Анализ сложных Систем /Э. Квейд. – М.: Советское радио, 1969. – 520 с.
2. Вентцель, Е. С. Исследование операций / Е. С. Вентцель. – М.: Советское радио, 1972. – 552 с.
3. Чуев, Ю. В. Прогнозирование в военном деле/ Ю. В. Чуев, Ю. Б. Михайлов. – М.: Воениздат, 1975. – 279 с.
4. Абчук, В. А. Справочник по исследованию операций / В. А. Абчук, Ф. А. Матвейчук, Л. П. Томашевский. – М.: Воениздат, 1979. – 368 с.
5. Леоненков, А. Нечеткое моделирование в среде MATLABIFuzzyTECH/ А. Леоненков. – СПб.: БХВ-Петербург, 2003. – 716 с.
6. Гуц, А. К., Коробицын, В. В., Лаптев А. А. Социальные системы. Формализация и компьютерное моделирование. – Омск: Омский государственный университет, 2000. – 160 с.

РЕФОРМИРОВАНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ БЮРОКРАТИЙ В КОНЦЕПЦИЯХ «НОВОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ» В ВЕБЕРИАНСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Катаев Д.В.

Продуктивными, с точки зрения применения творческого наследия Вебера, представляются концепции реформирования аппарата государственной службы «Новое государственное управление», которые показали свою эффективность во многих западных странах.

Целью реформы являются структурные и управленческие изменения государственной бюрократии в индустриальных странах и, прежде всего, в Англии, Новой Зеландии, Канаде, Австралии и США. В основе концепций реформы находится теория В.Нисканена [1], согласно которой эффективное функционирование государственного управления должно основываться на рыночных принципах. Такая идеологическая трансформация проводилась вначале консервативными правительствами, — Тэтчер в Великобритании (1979-1991), Рейган в США (1980-1988), Малроуни в Канаде (1984-1993) — и были продолжены лейбористскими или либеральными партиями: Палмером в Новой Зеландии (1984-1993), Клинтон в США (1992-2001), Блэром в Великобритании [2].

Если обратиться к М. Веберу, то это означает, что традиционные либеральные и социал-демократические партии адаптировали рациональную экономическую этику для государственного бюрократического аппарата управления, в то время как экономические цели заменяют политические. В этом, как отмечает немецкий социолог, заключается процесс рационализации и, прежде всего рациональная ориентация «научного менеджмента»[3].

Концепциям «нового государственного управления» предшествовали многочисленные неудавшиеся попытки рационализации государственного сектора через функциональные, структурные и штатные реформы. Среди этих концепций рационализации управления следует отметить PPBS (планирование, программирование и составление бюджета систем), MBO (менеджмент объектов), TQM (тотальный качественный менеджмент), CQI (непрерывное усовершенствование качества) и др. В большинстве своём они основываются на методах аудита и финансового контроля и большого успеха не имели. Практические неудачи реформирования бюрократии обусловили появление целого ряда академических работ по государственному управлению и менеджменту, которые вошли в общую концепцию «нового государственного управления». В этих и других теориях бюрократия подвергается резкой критике в двойном аспекте: как государственное управление и как статусная группа. Среди основных подходов к реформе «новое государственное управление» следует выделить следующие:

1. Применение нового стиля управления через «персонализацию» государственного сектора.
2. Усиление политического контроля над бюрократией: «дебюрократическая» и «пост бюрократическая» реструктуризация.
3. Введение экономических, рыночных принципов управления в государственном секторе.

Несмотря на различие этих подходов к рационализации управления, они способствовали уточнению и точной дефиниции основных принципов «нового государственного управления»: децентрализация монархической организационной модели через замену на конкурирующие корпоративные единицы, усиление политического контроля, мониторинг и тестирование государственной службы, применение экономических методов и отчётных механизмов в государственном секторе, ориентация на снижение себестоимости [4].

Таким образом, рационализация государственного управления представляет собой внедрение организационных моделей из частного сектора экономики, которые по отношению к государственному сектору обнаруживают господство формально-рационального начала. Это означает в веберовской терминологии рациональную калькулируемость (*Rechenhaftigkeit*), которая проявляется, прежде всего, в экономической сфере.

Противопоставление рационального и традиционного управления находится в диалектической взаимосвязи с типами управляющих и их этическими убеждениями. Выше было рассмотрено сравнение М.Вебером двух идеальных типов чиновников (патримониальной бюрократии и рационально-легальной). Им соответствуют два типа этик: этика убеждения (*Gesinnungsethik*) и этика ответственности (*Verantwortungsethik*).

Как и в теории рационализации бюрократии М.Вебера, в современных концепциях «нового государственного управления» также противопоставляются два идеальных типа: тип менеджера рационального управления и тип мандарина традиционной бюрократии.

Основными целями менеджера в государственном управлении являются теми же, что и в частном секторе экономики: достижение результатов, быстрое обслуживание клиента, снижение себестоимости. К характеристикам идеального типа менеджера относятся высокий уровень квалификации и управленческих знаний, инициативность, владение технологиями учёта, операционного мониторинга и стратегического планирования.

Принято обозначать таких менеджеров как «техническую интеллигенцию». Это проявляется в формальной рациональности процессов и технологий. В отличие от литературно образованного мандарина, менеджер владеет практическими знаниями для достижения целей в государственном управлении и государственной службе, с ударением на стратегическом планировании, целеполагании, эффективности затрат, исследования рынка, и т. д.

Политические ценности в государственном управлении уступают место «духу менеджеризма». В. Плауден считает, что «завтрашний менеджер из Уайт-холла (правительственная улица в Великобритании) будет знать цену всему, но не будет иметь никаких ценностей» [5]. Возрастающая роль науки, в данном случае научного управления, свидетельствует по М.Веберу о нарастающем процессе рационализации: «возрастающая интеллектуализация всех сфер жизни» привела к тому, что «принципиально не осталось больше таинственных, непредвиденных сил, следовательно, все вещи можно подчинить своему влиянию посредством рационального, предварительного расчёта. Это означает: разволшебствление мира» [6]. «Дух менеджеризма» приводит к ослаблению политического контроля и его замены на модель «предпринимательского руководства». Следовательно, происходит замена традиционных политических ценностей экономическими, направленными на анализ соотношения стоимости и прибыли.

Таким образом, современный тип менеджера в концепции «нового государственного управления», с одной стороны, во многих своих чертах отклоняется от идеально-типовых характеристик бюрократического чиновника М.Вебера, с другой стороны, в определённых чертах совпадает с веберовской теорией экономического действия. Это проявляется, прежде всего, в «персонализации» управления, которая заключается в индивидуальной ответственности менеджеров

за достижение целей, в отличие от традиционной «министерской подотчётности» бюрократии. Это выражается также в доминировании «иерархии знания» над «иерархией власти», с ударением на управленческих знаниях и компетенции, в мобильности внутри и между отделами, в открытом рекрутировании из внешних источников, в дифференцированной оплате труда в зависимости от достигнутых результатов.

Акцент на личных качествах менеджера и его практических знаниях руководства рассматривается в современной литературе как «харизматическое лидерство» в управлении [7], понятие, которое впервые в научный оборот вводит Вебер. Опираясь на веберовское толкование харизмы, современные политологи развивают это понятие и трактуют его как совокупность управленческих знаний и компетенций, а также экономической эффективности. В качестве таких качеств следует отметить коммуникабельность, инновационность, гибкость, интегративное и стратегическое мышление.

Традиционный тип государственного служащего рассматривается как тип мандарина. Впервые статусную группу мандаринов исследовал М.Вебер в рамках анализа экстра-патримониального господства и конфуцианства как «сословной этики и профессиональной морали традиционного китайского чиновничества»[8].

Чиновник мандарин представлял идеал литературно образованного джентльмена. Они рекрутировались из всех социальных страт на основании сданных конкурсных экзаменов. Решающими были не профессиональные знания и компетенция, а классическое литературное образование, которое включало в себя, прежде всего, знание традиций и ритуалов, зафиксированных в письменных источниках. Получившие образование пользовались высоким престижем вне зависимости от социального происхождения, которые представляли собой статусную группу, сохранявшую единство китайской культуры.

В современной социологии организации и управления тип мандарина во многих своих чертах совпадает с идеальным типом чиновника патримониальной бюрократии Древнего Китая, как он представлен в трактовке М. Вебера. Традиционные государственные служащие также образуют привилегированную статусную группу, имеют элитное гуманитарное образование, проходят конкурсные экзамены, «социальный долг» превалирует над экономическими интересами. Такой тип чиновника В.Нисканен обозначает как «максимизирующего бюджет бюрократа»[9].

Наиболее часто мандарины критикуются из-за консерватизма и традиционализма, которым присущи стандартизированные модели поведения, действий и механизмы принятия решений. Мандарины как статусная группа изолированы от экономики, социальных образований и общества в целом. В качестве негативных характеристик типа мандарин называют также некомпетентность, неэффективность, коррумпированность, статичность, которым противопоставляются позитивные характеристики предпринимательского стиля менеджера в государственном управлении.

Такое противопоставление соответствует веберовской диалектики материальной и формальной рационализации управления, его трактовке «дилетантизма» и «профессионализма» (традиционного и рационально-легального господства). Важнейшим фактором рационализации управления, т. е. процессов смены случайных, неплановых, традиционных и связанных с обычаями форм действия на продуманные, просчитанные и соответственно организованные, системно запланированные формы действия, выступает по М. Веберу замена традиционных этических убеждений «этики убеждения» на рациональную «этику ответственности».

В концепциях «нового государственного управления» веберовская трактовка рационализации управления трансформируется в замену традиционной этики мандаринов на экономическую предпринимательскую культуру. В качестве средств реформирования государственного сектора управления выделяют следующие: 1) депривилегизацию государственной службы; 2) политизацию должностей; 3) общественный и политический контроль [10].

1) Депривилегизация включает в себя введение контрактной системы, временного назначения на должность, дифференцированной оплаты труда в зависимости от достигнутых результатов, неполную

занятость. Несмотря на это, традиционная бюрократия сохранила свои позиции, приспособилась к данной реформе и модифицировала её основные положения в свою пользу. Это подтверждает веберовский тезис о непоколебимости бюрократии: «там, где раз прошла бюрократизация управления, там создана практически настолько эффективная, насколько и непоколебимая форма господства»[11].

2) Политизация государственной службы означает замену бюрократических принципов управления на меритократические (от лат. *meritus* - достойный и греч. *kratos* – власть). В отличие от обычно подразумеваемой «политизации» как принадлежности к определённой партии, это означало индивидуальную менеджерскую ориентацию или «персональное» назначение на государственные должности политическим руководством из частного сектора в уже упомянутых западных странах. Это стало эффективным противовесом традиционной власти мандаринов [12].

3) Политический и общественный контроль. Усиление контроля над бюрократией различными ветвями власти (в США исполнительной власти, в Великобритании законодательной), усложнило сохранение «административной секретности» бюрократий, благодаря чему бюрократический аппарат стал более открытым и подотчётным. В постоянном контроле и подотчётности бюрократии политике и обществу заключается веберовская трактовка ограничения власти бюрократии: «бюрократия должна быть подвержена постоянному систематическому, перекрёстному допросу (Kreuzverhör) парламентских комиссий»[13].

Эти тенденции обусловили широкое применение концепции «нового государственного управления» для реформирования государственного сектора, заключающейся в замене традиционной бюрократической этики мандаринов рациональной этикой менеджеров. Такое видение реформирования государственного управления во многом совпадает с трактовкой М.Вебера в концепциях «Нового государственного управления». На наш взгляд, недостаточно много внимания уделяется замене традиционной бюрократической этики чиновников рациональной этикой менеджеров, которая доказала свою эффективность во многих странах мира.

Список литературы

1. Niskanen W. *Bureaucracy and Representative Government*. – Aldine Transaction, 2007.
2. Savoie D. *Thatcher, Reagan, Mulroney: In Search of a New Bureaucracy*. – Pittsburgh, 1994. – P. 10.
3. Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. – Tübingen: Mohr, 1980. – S. 686, 687.
4. Aucoin P. *Administrative Reform in Public Management: Paradigms, Principals, Paradoxes and Pendulums*. // *Governance* 3. – 1990. № 2. – P. 115-137.
5. Plowden W. *What Prospects for the Civil Service?* – *Public Administration* 63. – 1985. – № 4. – P. 408.
6. Weber M. *Op. cit.* – S. 308.
7. Beyer J. *Taming and Promoting Charisma to Change Organizations*. // *Leadership Quarterly* 10. – 1999. – № 2. – P. 307-330.
8. Weber M. *Op. cit.* – S. 608.
9. Niskanen W. *Op. cit.*
10. Samier E. *Op. cit.* 2001. P. 253-257.
11. Weber M. *Op. cit.* – S. 590.
12. Aucoin P. *Op. cit.* 1990. – P. 94.
13. Weber M. *Op. cit.* – S. 855.

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА КАК ЭЛЕМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПЕРСОНАЛА

Килимова Л.В.

В современной экономике бизнес сталкивается с довольно сложными условиями успешного осуществления деятельности, сопряженными со значительной конкуренцией на рынке, быстро меняющимися факторами внешней среды, растущими потребностями общества и т.д. Условия функционирования предприятий и организаций становятся неустойчивыми и требуют изменения ключевых принципов деятельности организации, реорганизации управленческих стратегий и

программ. Корпоративная культура выступает мощным ресурсом в процессе управления персоналом организации.

Формулировку термина «корпоративная культура» впервые дал в XIX в. немецкий фельдмаршал Мольтке, используя его при характеристике взаимоотношений в офицерской среде [1]. Начиная с 20-х годов прошлого столетия термин «культура» неоднократно использовался социологами при исследовании различных процессов в организациях. Во второй половине XX века в США публикуются работы нескольких исследователей, посвященные корпоративной культуре. В них ученые выявляют и изучают элементы корпоративных культур, начинают обосновывать теории об уровнях организационных культур, рассматривают их признаки, формулируют различные определения. Перед учеными встает новая задача: обосновать гипотезу, гласящую, что организации, сознательно занимающиеся созданием своей корпоративной культуры, будут более успешны на рынке, получая более высокие прибыли.

Концепция корпоративной культуры заняла одно из ведущих мест в теории организации и социологии организации благодаря Шейну Э., Дилу Т. и Кеннеди А., Смирничу Л., Мартину Дж. и др. Существует достаточно большое количество определений данной дефиниции. Например, Базаров Т.Ю. под корпоративной культурой понимает систему материальных и духовных ценностей, проявлений, взаимодействующих между собой, присущих данной компании, отражающих ее индивидуальность и восприятие себя и других в социальной и вещественной среде, проявляющаяся в поведении, взаимодействии, восприятии себя и окружающей среды [2, с. 112]. Радугин А. А. и Радугин К. А. представляют корпоративную культуру как специфическую, характерную для данной организации систему связей, взаимодействий и отношений, осуществляющихся в рамках конкретной предпринимательской деятельности, способа постановки и ведения дела [3, с. 86]. Спивак В. А. определяет данный термин как набор наиболее важных положений, принимаемых членами организации и выражающихся в заявляемых организацией ценностях, задающих людям ориентиры их поведения и действий [4, с. 32]. По Фегану Б.: «корпоративная культура – это идеи, интересы и ценности, разделяемые группой. Сюда входят опыт, навыки, традиции, процессы коммуникации и принятия решений, мифы, страхи, надежды, устремления и ожидания ... Это клей, который держит, это масло, которое смягчает... Это то, почему люди занимаются различной работой в рамках компании. Она проявляет себя открыто в шутках и шаржах на стенах, либо держится взаперти и объявляется только своим». В то же время Занковский А. Н. определяет: «Корпоративная культура представляет собой приобретенные смысловые системы, передаваемые посредством естественного языка и других символических средств, которые выполняют репрезентативные, директивные и аффективные функции и способны создавать культуральное пространство и особое ощущение реальности»[5].

Анализ термина «корпоративная культура» позволяет утверждать, что это система ценностей, норм, традиций, связей и отношений, поведенческих моделей внутри организации, разделяемых ее членами. Особое значение при исследовании имеют символы – девизы и лозунги, выражающие ценности компании и подчеркивающие ее важные ориентиры и установки; мифы и легенды, сформированные как сознательно руководителями организации, так и сложившиеся стихийно внутри коллектива. К подобным символам относят понятные только членам коллектива истории, анекдоты, которые передаются от давно работающих сотрудников к другим, вновь прибывшим в компанию. Они затрагивают историю возникновения организации, ее становление, жизнь и деятельность ее основателей. Задача таких историй — в живом образном виде донести до сотрудников перечисленные корпоративные ценности, закрепить традиции.

Термины «корпоративная культура» и «организационная культура» не следует использовать как синонимы, т.к. последняя складывается стихийно в процессе развития организации, включая в себя ценности и прошлый опыт персонала, и является более широким по отношению к первому. Корпоративная культура более точно отражает деятельность коллектива, содержит систему ценностей, норм, предписаний, традиций, моделей поведения, а так же философию, складывающуюся в организации.

Корпоративная культура, ориентируясь на внутреннюю среду организации, проявляется в организационном поведении персонала. В корпоративном поведении персонала можно выделить внутрисистемные организационные связи, дисциплину и культуру их исполнения, адаптивность к инновациям и развитие организации, стиль управления, самоорганизацию и все то, что находит свое отражение в соответствии с принятыми нормами и признанными ценностями в организации, ее философией, целями и интересами. Ядром корпоративной культуры являются признанные коллективом ценности и принятые нормы. В процессе развития организации корпоративная культура как бы отделяется от своего носителя – персонала организации – и становится ее атрибутом, элементом управления профессиональной деятельностью работников, изменяющим их поведение в соответствии с ее ядром. Активно используя этот инструмент в управленческой деятельности, руководство может добиться определенных успехов в мотивации и стимулировании деятельности членов коллектива, добиться определенных моделей их поведения.

Задачи корпоративной культуры сопряжены, во-первых, с обеспечением внутреннего единства организации, интеграцией коллектива в профессиональную деятельность согласно целям организации, а, во-вторых, с адаптацией организации к изменениям внешней среды в целях повышения эффективности ее деятельности. Действия по решению этих задач напрямую связаны с управлением персоналом и становятся неотъемлемой частью деятельности менеджеров различного уровня. Первая группа задач решается в ходе разработки коммуникативной системы внутри организации с определением формальных и неформальных норм поведения членов коллектива, учитывая уровни иерархии. Вторая – с учетом внешней конкуренции, социально-экономических и политических условий [6, с. 543]. Задачи корпоративной культуры будут успешно выполняться наряду с ее функциями, среди которых можно выделить наиболее важные в процессе управления производственной деятельностью персонала, относящиеся к функциям внутренней интеграции и обеспечивающие целостность организации: а) интегрирующая, объединяющая коллектив путем формирования у его членов чувства причастности к общим достижениям. Этого можно добиться, вовлекая каждого в дела компании, развивая внутриорганизационную коммуникативную систему и приобщая к корпоративным традициям и ценностям; б) нормативно-регулирующая, формирующая систему самоуправления и устанавливающая внутренние нормы и модели поведения; в) управленческая, связанная с непосредственным воплощением и реализацией на практике сложившихся в ходе жизнедеятельности коллектива или разработанных моделей поведения, способствующих мотивации персонала к эффективной профессиональной деятельности и достижению целей компании. Данная функция заменяет некоторые функции управления персоналом; г) адаптивная, обеспечивающая рекрутирование новых сотрудников и их успешную интеграцию в коллектив с уже устоявшимися традициями и сложившимися внутренними связями; д) охранная, препятствующая проникновению нежелательных тенденций внешней среды; е) мотивирующая, позволяющая создать эффективную систему мотивации персонала к профессиональной деятельности. Это одна из основных функций управленческой деятельности, от успеха реализации которой зависит эффективность деятельности организации.

Для реализации данных функций и решения поставленных задач руководство использует различные методы позитивной и негативной мотивации, которыми можно воздействовать на персонал, как прямо, так и косвенно [7, с. 328]. Очень важно раскрывать возможности корпоративной культуры как элемента управленческой деятельности в процессе профессиональной социализации студентов [8].

Корпоративная культура тесно связана с развитием организации и ее жизненными циклами. В современных условиях важной ценностью корпоративной культуры становится способность к быстрым изменениям. Готовность к изменениям – элемент мыслительной деятельности менеджера. Трансформация организационных структур, обеспечивающая конкурентоспособность организации, является залогом успешного функционирования организационной системы. Фазы трансформационных изменений организации включают поэтапное изменение организационной культуры. Адаптируясь к изменениям внешней среды, компания вынуждена трансформироваться, обеспечивая свой рост.

Менеджер компании, применяя различные методы воздействия на поведение персонала, должен способствовать преобладанию групповых и базисных культурных ценностей и артефактов. Достигнув расцвета организации, менеджеры применяют стратегии управления, направленные на обеспечение качественного и количественного роста и обновления. В данный период появившиеся различные влиятельные субкультуры вызывают диффузию всей корпоративной культуры и, с одной стороны, способствуют утрате значимости процессов интеграции, а с другой, - делают компанию более конкурентоспособной. Управляя профессиональной деятельностью персонала, следует обоснованно использовать ценности субкультур как фундамент культурных трансформаций в организации [9, с. 113].

Корпоративная культура показывает, насколько успешна организация. Современный руководитель должен грамотно диагностировать состояние организации, выявлять проблемы в ее развитии, оперативно принимать решение о трансформации как структуры, так и корпоративной культуры, способствующей развитию новой модели организации. Корпоративная культура, непосредственным образом участвующая в развитии организации, представляет собой инструмент управления деятельностью коллектива, основанный на закономерностях перехода от одной модели управления к другой и внутренней логике развития организации. Продуманная корпоративная культура способна не только быть залогом успешности организации в современных условиях, но и способствовать развитию ее конкурентоспособности как социально-экономического агента.

Список литературы

1. Ветчанова О.В. Корпоративная культура организации // МЦФЭР «Культура»: портал информационной поддержки руководителей учреждений культуры. URL: <http://www.cultmanager.ru/magazine/archive/96/2530/> (дата обращения 23.10.2015).
2. Управление персоналом. /Под ред. Базарова Т.Ю., Еремина Б.Л. - М.: ЮНИТИ, 1998.
3. Радугин А. А. Радугин К. А. Введение в менеджмент: социология организаций и управления. - Воронеж, 1995.
4. Спивак В. А. Корпоративная культура: теория и практика. - М.: Питер, 2001.
5. Понятие и сущность корпоративной культуры // Manageweek Информационный менеджмент. URL: <http://www.manageweek.ru/maws-599-2.html> (дата обращения 23.10.2015).
6. Яковлева А.С., Килимова Л.В. Корпоративная культура как залог успешности организации в условиях современности // Приоритеты системной модернизации России и ее регионов: сборник статей II Международной научно-практической конференции/ редкол.: Е.В. Харченко (отв. ред.) [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2014. С.539-544.
7. Килимова Л.В. Корпоративная культура как фактор мотивации персонала в современных организациях // IX Международная научная конференция «Сорокинские чтения»: Приоритетные направления развития социологии в XXI веке: К 25-летию социологического образования в России. Сборник материалов. Электронное издание. – М.: Издательство Московского университета, 2014. С. 327-329.
8. Федосова И.А., Килимова Л.В. Профессиональная социализация студентов ЮЗГУ в условиях модернизации системы высшего профессионального образования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. №4. С. 114-121.
9. Килимова Л.В., Пахомова О.А., Нишнианидзе О.О. Взаимосвязь жизненных циклов организации и трансформации организационной культуры // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. 2015. №1. С. 108-115.

КОГНИТИВНАЯ КУЛЬТУРА ЭКСПЕРТА ПРИ АНАЛИЗЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Макаров С.Н.

Построение автоматизированных социально-управленческих систем как способа предоставления информации для анализа и принятия решений представляют собой оболочку, в которой пользователь априори выступает в роли эксперта [1]. Такая роль реализуется исходя из запроса

организатора подобного рода информационного процесса, и поэтому, предоставляя данные для анализа, участник взаимодействия с экспертной системой это всего лишь носитель информации, опыта, который он передает для обработки. Алгоритмы анализа при этом заложены в самой системе и выстроены таким образом, чтобы на выходе получать информационный продукт определенной конфигурации.

В этой связи логичным становится вопрос о том, кто же выступает в роли инициатора процесса использования социально-управленческих экспертных систем, каков социально-психологический портрет пользователя и самой системы и информации, поставляемой ею.

Рассматривая этот вопрос, уместно вспомнить о таком социологическом феномене как «культура». Эта категория традиционно операционализируется как устоявшийся набор норм, ценностей и моделей поведения [2]. В нашем случае уместно говорить о когнитивной культуре эксперта, использующего в своей работе информацию управленческого профиля. Номинатив «когнитивная» - это познавательная направленность субъекта деятельности, детерминируемая его уникальными социально-психологическими ориентациями в процессе управления [3].

Методология самой социально-управленческой системы позволяет сделать анализ по индикаторам, заложенным в алгоритмы обработки информации, при этом в качестве таких показателей выступают пол, возраст, стаж работы в организации, а также показатели, описывающие управленческие предпочтения инициатора работы экспертной системы [4].

Гендерная составляющая всегда ориентирует исследователя на поляризацию данных. В ситуации анализа когнитивной культуры эксперта гендерное распределение выглядит следующим образом: 23% респондентов – женщины и 73% респондентов – мужчины. Это позволяет сделать вывод о гендерной доминации как следствии повышенного внимания руководителей мужчин к вопросам, связанным с получением аналитической информации, касающейся управленческой деятельности.

Возрастной диапазон имеет также важное значение при составлении портрета потребителя аналитической информации, предоставляемой экспертной системой. В нашем случае для исследования были выбраны следующие возрастные диапазоны: 1. 25-30 лет; 2. 31-35 лет; 3. 36-40 лет; 4. 41-45 лет; 5. 46-50 лет; 6. 51-55 лет; 7. 56-60 лет; 8. свыше 60 лет. Максимальные пики значений приходятся на возрастные диапазоны 25-30 лет и 31-35 лет, которые набирают 23% и 27% соответственно. Такое распределение обусловлено большей предрасположенностью этой категории респондентов к использованию в практике управления инновационных технологий.

Для рассмотрения предпочтений экспертов в разрезе их стажа работы в организации были определены следующие интервалы: 1. 1-3 года; 2. 4-10 лет; 3. 11-15 лет; 4. 16-20 лет; 5. свыше 20 лет. Пиковые значения приходятся на интервалы 4-10 лет (41%) и 11-15 лет (36%). Во многом это обусловлено корреляционными зависимостями между стажем работы и возрастом, так как в этих промежутках наблюдается наложение данных друг на друга в 94% распределений.

Таким образом, рассматривая демографические характеристики экспертов, которые в своей деятельности уделяют внимание анализу управленческой информации при помощи социально-управленческих экспертных систем, можно сделать вывод, что основные потребители это мужчины, в возрасте от 25 до 35 лет, которые работают в организации от 4 до 15 лет.

Однако портрет эксперта не может быть полным если ориентироваться исключительно на демографические показатели. Инструментарий исследования позволяет сделать выборку типологических характеристик, связанных исключительно с взглядами на процесс управления и роль управленческой информации при практическом осуществлении данного процесса. В качестве исходной базы выступали 24 индикатора, которые описывают процесс управленческих взаимодействий с различных позиций, в которые входят как формальные, так и неформальные аспекты управления, а также блок психологических характеристик [5]. В ситуации анализа когнитивной культуры эксперта не все индикаторы получили статистически значимые показатели, эмпирически репрезентативными являются только 12 индикативных конструкций.

Описание индикаторов:

1. Использование нестандартных вариантов деятельности, обеспечивающих наиболее оптимальное решение текущих организационных задач.
2. Умение использовать во взаимодействии разносторонний контроль, который включает в себя внимание к целям организации, целям группы (неформальный аспект), к целям профессиональной сферы в целом.
3. Умение находить логически связанные аргументы для аргументации решений.
4. Умение соотносить организационные цели с групповыми целями и целями индивидуальными.
5. Умение добиваться высокого уровня слаженности действий сотрудников при реализации организационных целей.
6. Умение планировать свои действия, с целью увеличения эффективности работы.
7. Использование передового опыта и технологий, необходимых для реализации организационных целей.
8. Умение планировать свои действия и/или действия сотрудников, с целью увеличения эффективности работы.
9. Умеренная степень выражения статусных отличий в ходе организационных взаимодействий в процессе управления.
10. Последовательные действия, направленные на стимулирование трудовой активности сотрудников.
11. Умение заботиться о качестве результатов труда.
12. Умение своевременно и самостоятельно принимать решения.

Таким образом, типологический портрет эксперта - носителя когнитивной культуры имеет сложную природу и складывается из демографических характеристик и характеристик, описывающих управленческие предпочтения самого пользователя социально-управленческой экспертной системы.

Список литературы

1. Макаров С. Экспертные системы в государственном управлении. Монография. – Смоленск: «Универсум», 2014. – 248 с.
2. Саймон Г. Модели человека. – М.: Мажестик, 2010. – С. 44-54
3. Сбитнева А. Когнитивный стиль «ригидность-гибкость» в структуре межличностного восприятия представителей различных типов субъект-объектных ориентаций. – СПб.: Издательство НИИРРР, 2011. – С. 145-149
4. Макаров С. Экспертные системы в государственном управлении. Монография. – Смоленск: «Универсум», 2014. – С. 53-120
5. Макаров С. Экспертные системы в государственном управлении. Монография. – Смоленск: «Универсум», 2014. – С. 100-101

ЗНАЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО АНАЛИЗА В МАРКЕТИНГОВОЙ СРЕДЕ

Новичкова В.А.

Развитие современных рынков предоставляет потребителю широкий спектр различных товаров, которые имеют различные свойства и параметры. Узнать об отношении потребителя к товару можно лишь путем установления контакта с потенциальными покупателями. Именно такой инструментарий включает в себя социологический анализ.

Социологический анализ - изучение сложного объекта (общества, региона, отрасли предприятия и др.) как единого социального организма, жизнедеятельность которого осуществляется путем взаимодействия различных его сфер. Основу социологического анализа составляет системный подход в виде конкретизации принципов диалектики применительно к исследованиям объектов как систем. Позитивная роль такого подхода состоит в том, что он, во-первых, предполагает исследование объекта как многоцелевой системы (причем, соотношение целей отдельных подсистем и степень их

расхождения служит источником социальных противоречий); во-вторых, ориентирован на поиск конкретных механизмов целостности объекта и выявление достаточно полной типологии его связей [1].

Актуальность данной темы заключается в том, что в рыночной среде происходят постоянные изменения, которые предполагают увеличение продаж одного продукта и потерю популярности другого за счет каких-либо факторов. Для этого необходимо анализировать маркетинговую среду.

Динамичные изменения, постоянно происходящие во всех сферах общественной жизни, делают управление маркетингом весьма сложным занятием. Происходящие за пределами предприятия процессы в той или иной мере сказываются на изменениях и процессах, происходящих внутри фирмы. Совокупность этих субъектов и отношений составляет понятие маркетинговой среды, которая во многом определяет характер деятельности фирмы и является объектом внимательного изучения.

Маркетинговая среда фирмы - совокупность активных субъектов и сил, действующих за пределами фирмы и влияющих на возможности руководства службой маркетинга устанавливать и поддерживать с целевыми клиентами отношения успешного сотрудничества [2].

Поставщики и клиенты, маркетинговые посредники и клиенты, финансовые круги и средства массовой информации, государственные учреждения и общественные организации, динамика численности, структуры населения и законодательная база предпринимательской деятельности, технический прогресс и состояние природной среды, культурная среда и внутренняя культура организации – это далеко не полный перечень субъектов и факторов, действующих на предприятии и влияющих на эффективность его функционирования.

При сборе социологических данных используют четыре основных метода, каждый имеет по две основные разновидности:

1. Опрос (анкетирование и интервьюирование);
2. Анализ документов (качественный и количественный);
3. Наблюдение (не включенное и включенное);
4. Эксперимент (контролируемый и неконтролируемый);

При изучении маркетинговой среды самыми популярными методами считаются опрос и анкетирование. Опрос позволяет охватить необходимый объем выборки из генеральной совокупности, а правильно составленные вопросы помогут узнать достоверную информацию от первоисточника.

Анализ документов проводится для извлечения из документальных источников социологической информации при изучении социальных процессов и явлений в целях решения определенных задач.

Социологический анализ в маркетинговой среде при правильном использовании может решать множество как мелких задач, так и находить пути выхода при возникновении крупномасштабных проблем.

Изменяется мир, развивается экономический рынок, потребности общества динамично прогрессируют и вынуждают производителей изменять курс, по которому движется компания. Покупатель и производитель неразрывно связаны между собой, так как без одного не существовало бы другого и обе эти категории образуют две социальные группы с различными желаниями, целями и задачами. Именно социологический анализ позволяет этим двум категориям удовлетворять потребности друг друга и способствовать развитию не только экономики, но и научно-технического прогресса во всех сферах деятельности человека.

Список литературы

1. Национальная Энциклопедическая служба [Электронный ресурс]: Режим доступа - <http://voluntary.ru/dictionary/1019379/word/analiz-sociologicheskii>
2. Библиотека «Полка букиниста» [Электронный ресурс]: Режим доступа - http://polbu.ru/kotler_marketing/ch20_all.html

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Отделкина Т.Н., Саралиева З.Х.-М.

Семья является одним из основных структурных элементов любого общества и представляет собой сложный динамически развивающийся социальный организм, который требует всестороннего подхода к его изучению со стороны исследователей. Как малая социальная группа, семья объединяет в себе целый комплекс отношений: эмоциональных, духовных, сексуальных. В то же время, являясь социальным институтом, семья включает в себя систему норм, ценностей, образцов поведения и деятельности в рамках социокультурного процесса, которые реализуются в социальных ролях и статусах. В соответствии с этим исследование данного социального организма требует комплексного и многоуровневого подхода, в рамках которого рассматривается многомерность функционирования семьи и тесная взаимосвязь семейно-брачных отношений и социального контекста [1].

Несомненно, это позволяет говорить не только о научной значимости реализации социологических исследований и многоаспектного анализа семейно-брачной сферы, но и о практическом применении результатов данных изысканий, которое находит свое отражение в создании новых технологий социальной работы с различными категориями семей, позволяющих формировать эффективную систему помощи, а также в развитии региональных программ, совершенствующих государственную семейную политику.

Семья всегда находится в центре демографических процессов, поэтому для смягчения демографических проблем общества необходимо осуществление активной государственной политики для минимизации социальных факторов, негативно влияющих на подрастающее поколение. Трансформационные процессы позволяют говорить о том, что консервативные представления об институте семьи как форме зарегистрированного брака с совместным проживанием супругов и их детей устаревает. На смену им приходит новое многообразие форм семейно-брачных и детско-родительских отношений. Подобные тенденции далеко не всегда имеют положительные последствия и могут характеризовать современное состояние семьи как кризисное. В связи с этим одной из главных задач государственной семейной политики является преодоление неблагоприятных последствий данной трансформации. В этом контексте практическое применение социологической науки позволяет не только изучить и обосновать причины трансформационных процессов, их взаимосвязи и взаимовлияния на институт семьи и изменение системы взглядов на сферу семейно-брачных отношений, но и на ранних этапах спрогнозировать последствия актуальных тенденций общества и разработать систему мер для реализации эффективной семейной политики.

Определение основных направлений государственной семейной политики субъекта РФ невозможно без учета специфики региона и социологического анализа его демографических характеристик. Нижегородская область – один из первых и немногих регионов, где совместно с Нижегородским государственным университетом им. Н.И. Лобачевского (Кафедра общей социологии и социальной работы) была разработана и утверждена областная Концепция семейной политики (23 декабря 2003 года). Этот стратегический документ стал базовым для осуществления системных изменений в регионе, направленных на укрепление социального института семьи. В качестве оптимальной модели нижегородской семьи был принят тип социально благополучной, или успешной семьи. Партнерство государства с такой семьей основано на использовании ее важнейшего ресурса — стремления и способности к саморазвитию и самостоятельности. В систему работы с успешными семьями включен комплекс мер, направленных, с одной стороны, на развитие их ресурсности, а с другой — на широкое общественное признание и представление обществу позитивного опыта успешных семей. В рамках Концепции семейной политики Нижегородской области в течение последних лет реализовано около 20 областных целевых программ таких, как:

- Программа «Нижегородская семья», созданная для укрепления семьи, сохранения и развития семейных ценностей и традиций, а также профилактики семейного неблагополучия и социального сиротства;

- Программа «Под защитой семьи», целью которой было создание условий для обеспечения прав детей на воспитание и заботу в семье путем развития института замещающей семьи в Нижегородской области и формирования эффективной системы семейного жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;
- Программа «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Нижегородской области»;
- Программа «Точка возврата», реализованная в целях повышения эффективности региональной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;
- Программа «Бесстрашное детство», разработанная для снижения уровня насилия над детьми в Нижегородской области посредством развития межведомственной системы профилактики насилия и жестокого обращения в отношении детей, реабилитации детей, ставших жертвами насилия и преступных посягательств;
- Программа «Равные возможности», направленная на создание условий для преодоления социальной изолированности детей-инвалидов, их социализации, самореализации и успешного воспитания в семье;
- Программа «Мы как все», в рамках которой организована системная помощь, абилитация и реабилитация детей-инвалидов и детей раннего возраста с ограниченными возможностями здоровья, профилактика инвалидности, социализация и интеграция детей-инвалидов и семей, воспитывающих детей-инвалидов, в общество.

Данные программы направлены на государственную поддержку семьи и детства [2].

Тематика региональных социологических исследований сферы семейно-брачных отношений зависит как от определения основных направлений государственной социальной политики в рамках реализации федерального законодательства, так и от особенностей развития региона. Кроме того, все большее развитие приобретает международный характер подобных исследований. Так, в 2006 году факультетом социальных наук ННГУ им. Лобачевского совместно с техническим университетом г. Хемница (Германия) было проведено социологическое исследование по теме «Ценность детей и межпоколенные отношения» в преддверии «Года семьи» в России. В рамках данного исследования был проведен сравнительный анализ репродуктивного поведения, семейных моделей и форм поддержки родителей, а также эволюции брачно-семейных отношений в России и Германии. Висследования «Ценность семьи и детей», реализованное в сентябре 2007 года, было выявлено соотношение материальных и духовных мотивов в определении ценности детей.

В рамках таких тенденций, как снижение уровня брачности, рост разводимости, падение рождаемости и увеличение доли внебрачных рождений, происходит формирование и развитие новых форм семейно-брачных отношений, например, сожительство. Результаты исследования «Жизнь семейная», проведенного в Нижегородской области в 2007 году, позволяет говорить о постепенной институционализации отношений сожительства, выполняющих функции, традиционно приписываемых семье, однако обладающих особой спецификой внутрисемейных супружеских отношений [3].

Кроме механизма модернизации государственной социальной политики, социологическое исследование может служить инструментом оценки деятельности государственной власти. В этой связи социологическое исследование «Нижегородская семья», осуществленное в два этапа (1997г. и 2007 г.), позволило не только комплексно охарактеризовать портрет семьи и особенности внутрисемейного функционирования, но и дать оценку населением реализации государственной политики в социальной сфере. Исследование показало, что возросло количество респондентов, считающих, что политика правительства способствует внедрению семейного образа жизни и укреплению семьи [4].

Социологические исследования проводятся по заказу и в сотрудничестве с региональными органами власти не только для оценки их деятельности, но и для изучения социальной картины интересующей сферы и дальнейшего определения направлений деятельности. Иллюстрацией данной

ситуации может служить исследование «Многодетные семьи Нижегородской области», которое проводилось в июле-декабре 2004 года по заказу Министерства труда и социальной защите населения Нижегородской области. В рамках Федеральной целевой программы «Комплексное исследование проблемы насилия в современной российской школе, анализ его социокультурных корней, а также разработка системы мер по предотвращению школьного насилия с использованием ресурсов социальной работы», в сотрудничестве с Департаментом образования г. Нижнего Новгорода было проведено исследование «Школа: обыденность насилия», которое выявило роль семьи в преодолении ситуации насилия в подростковой среде, определены основные формы школьного буллинга как нарушения прав детей на безопасную жизнедеятельность [5].

В рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-исследовательские кадры современной России» на 2009-2013 гг.» было проведено исследование «Воспитание, родительство, детство в современной российской семье», по результатам которого были описаны типы современного супружества и их основные характеристики, а также определена ценность родительства.

Особой категорией является замещающая семья, исследование которой помогает определить направление мер государственной поддержки и развития системы сопровождения и помощи в рамках социальных учреждений. Исследование приемного родительства как института семейного законодательства позволило выявить основные этапы подготовки родителей на пути принятия ребенка в семью, определить портрет приемного родителя Нижегородской области, а также мотивы принятия семейными парами ребенка-сироты и ребенка, оставшегося без попечения родителей [6].

Все вышеописанные социологические исследования были проведены творческим коллективом кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Несомненно, можно говорить, что прикладная социальная наука имеет большое значение в решении актуальных региональных вопросов. Применение результатов социологических исследований позволяет совершенствовать государственную семейную политику региона, что влечет за собой распространение позитивного опыта на другие субъекты РФ. Результаты исследований могут не только обосновывать и находить причины существующих в обществе тенденций и составлять их комплексную характеристику, но давать оценку и прогнозировать последствия деятельности государственных органов власти. В свою очередь, это позволит системно решать задачи укрепления семьи и семейных ценностей, обеспечивать ее интересы, защиту социальноуязвимых семей, создавать необходимые условия для реализации семьей своих функций на основе преимущественно самостоятельного жизнеобеспечения.

Список литературы

1. Саралиева З.Х., Блонин В.А., Егорова Н.Ю. и др. Жизненные миры современной российской семьи. Н.Новгород. Изд-во ННГУ, 2015. С. 4.
2. Доклад о положении детей и семей, имеющих детей в Нижегородской области в 2013 году. URL: <https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fgovernment-nnov.ru%2F%3Fid%3D148800&name=%3Fid%3D148800&lang=ru&c=562571d2ba1c> (дата обращения: 6.10.2015)
3. Ценность детей и межпоколенные отношения / Под ред. З.Х. Саралиевой. Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2008.
4. Саралиева З.Х. Нижегородская семья – 2007/ З.Х. Саралиева // Семья и семейные отношения: современное состояние и тенденции развития / Под ред. З.Х. Саралиевой. Н.Новгород: Издательство НИСОЦ, 2008. С. 97.
5. Саралиева З.Х. Насилие в подростковой среде / З.Х. Саралиева, С.С. Балабанов // Социокультурные корни насилия в современном обществе. Н.Новгород: Издательство НИСОЦ, 2013. С. 39-45.
6. Отделкина Т.Н. Развитие института приемной семьи в Нижегородской области как профессиональной замещающей семьи / Т.Н. Отделкина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, Выпуск 6(1). Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2013. С. 452-456.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА КАК КОММУНИКАЦИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Паначёва А.С.

Взаимодействие общества и государства на современном этапе исследуется представителями различных направлений общественных наук: политологами, социологами, юристами и специалистами по рекламе и связям с общественностью. Особой значимостью обладает исследования инструментов изменения и управления общественным мнением.

Изучение коммуникации основывается во многом на теоретических принципах исследования социальной коммуникации. Коммуникация возникла в человеческом обществе как потребность одного индивида передать другому необходимую для совместного действия информацию. В науке имеется значительное количество подходов к определению коммуникации.

Коммуникацией принято считать взаимный обмен информацией между сторонами (коммуникантами). Во взаимодействии (коммуникации) принимают участие отправитель и получатель, создающий и интерпретирующий сообщения.

Коммуникация в системе государственного управления – это социальное взаимодействие органов государственной власти и представителей общественности, направленное на регулирование поведения людей и организованное для достижения общей цели. Коммуникантами могут быть человеческие индивиды и общественные институты (правительства, партии, фирмы и т.п.).

Процесс государственной коммуникации состоит из этапов, типичных для взаимодействия: коммуникатор (органы государственного и муниципального управления) - сообщение (информация) - получатель (общество, институты гражданского общества и отдельный гражданин) - каналы распространения информации (межличностные, институциональные и массовые) - каналы обратной связи (пожелания, обращения, требования граждан, различные формы политического участия и т.п.) - процесс кодирования-декодирования информации (подготовка информационных сообщений, их адекватная интерпретация аудиторией и т.п.) – различного рода барьеры, помехи (технические, семантические, психологические) [1.С. 44].

Государственное управление - это целенаправленное воздействие на общественные процессы, осуществляемое посредством специальных органов и организаций, призванных совершенствовать целостность и структуру социальной системы, ее оптимальное функционирование и развитие. Главная задача управления - регулирование поведения и деятельности людей, отношений между ними.

На федеральном уровне используются различные виды коммуникаций: взаимодействие с прессой, аналитическая и прогностическая деятельность; на региональном и муниципальном уровне реализуются различные формы общения с гражданами. Закрытость органов управления, недостаточное или неэффективное взаимодействие с общественностью приводят к отчуждению людей от власти, что в дальнейшем может привести к социальному противостоянию.

Одной из форм коммуникации государства с общественностью является рекламная или PR-акция.

Социальная реклама - вид коммуникации, ориентированный на привлечение внимания к самым актуальным проблемам общества и к его нравственным ценностям. Предназначение социальной рекламы - гуманизация общества, формирование моральных ценностей. Миссия социальной рекламы - изменение поведенческих моделей в обществе [2.С. 9].

Проанализировав основные темы и проблематику социальной рекламы, созданной по заказу государственных и муниципальных органов, можем отметить наиболее распространенные: проблематика здорового образа жизни – борьба с курением, наркоманией, алкоголизмом; сохранение беременности (против абортов); проблемы, связанные с безопасностью на дороге; усыновление детей, оставшихся без родителей и другие. В последнее время все чаще проявляется проблема формирования патриотизма.

Основным нерешенным вопросом в рамках данной социальной коммуникации остаётся определение эффективности.

Задача любой рекламы - создание определенного эмоционального настроения на восприятие информации (рекламного предложения), что способствует более эффективному донесению этой информации до целевой аудитории.

Чаще всего социальная реклама основывается на шокирующем эффекте негативных последствий неодобряемых поступков (курения, наркомании, непристегнутых ремней безопасности, пьянства за рулем и др.).

По мнению экспертов по коммуникациям с общественностью, сегодня социальная реклама, чтобы повысить свою эффективность и действенность, нуждается в образцах для подражания, популярных в молодежной среде, в лидерах общественного мнения, а также в формировании государственного заказа для ее достойного исполнения. Она вынуждена конкурировать с дорогостоящей и высококачественной коммерческой рекламой [3.С. 90].

Взаимодействие с обществом является приоритетным для органов власти объектом управления, так как это не только процесс обмена информацией, но и отражение происходящего в государстве. Управляя коммуникацией, активно воздействуя на её компоненты, государство реализует свои задачи и программы. Это информационно-коммуникативные задачи: их особенность в том, что информация не просто передается - принимается, но и формируется, что является важным моментом для продуктивного взаимодействия.

Во-вторых, важной задачей коммуникации в системе государственного управления является возможность влияния социальной рекламы на поведение граждан.

Необходимо упомянуть и идеологическую задачу. Налаженная обратная связь с населением формирует доверие к действующей власти.

Большинство исследователей социальной рекламы России отмечают, что результативность социальной рекламы зависит от таких показателей: реклама должна «быть понятной населению; соответствовать духу времени, обществу и его социальной проблематике; не расходиться с реальными механизмами и методами реализации на уровне государства или других субъектов социально-рекламной деятельности идей и целей, заложенных в ней; содержать не только информацию о социальной проблеме, но и пути ее решения; иметь широкую сеть каналов для своей трансляции, а также многообразие форм подачи информации (электронные, печатные и т.д.); обладать самобытностью, метафоричностью, отражая культурную специфику и самобытность самого общества; иметь каналы обратной связи с целевой аудиторией (населением или его отдельными группами, слоями)» [4.С. 181].

Список литературы

1. Громова Т.Н. Государственная коммуникация: теоретическая модель и региональная практика // Вестник российской коммуникативной ассоциации. 2002. - № 2. - С. 43-52.
2. Николайшвили Г. Г. Социальная реклама: теория и практика. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 191с.
3. Сериков А.В., Низумутдинова К.А. Потенциал социальной рекламы в формировании ценностного мира молодежи на юге России // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2010. - № 2. - С. 86-91.
4. Шаповалов Г.В. Социальная реклама в России: оценка эффективности на современном этапе в условиях глобализации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. - № 5. - С. 179-181.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОДЕЛИ РОССИЙСКОГО ЧАСТНОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ

Подгорная Ю.Б.

Прежде чем говорить о социально-психологических аспектах модели частного инвестирования на российском фондовом рынке, следует определить ключевые понятия рассматриваемого явления.

Фондовый рынок, будучи частью сферы финансового рынка, представляет собой многомерное явление, имеющее в историческом контексте нашей страны неоднозначное и противоречивое толкование. Интерпретация событийного фактологического ряда колеблется от активной

государственной поддержки основ фондового рынка до запретительной политики и введения элементов уголовного преследования. Формирование отечественного фондового рынка не всегда проходило в благоприятных экономико-политических условиях, - исторически обнаруживается наличие множества переломных моментов, зачастую затормаживавших развитие фондовых институтов.

На данный момент отечественный фондовый рынок не дошел до точки развития, после которой интеграция его в финансовую сферу позволила бы ему выполнить одну из своих важнейших функций и стать основой для формирования внутренних рынков акционерного капитала. Тенденции торможения: недоверие населения, низкая финансовая грамотность, неразвитость, неясные перспективы в будущем, - все это задерживает вышеупомянутую интеграцию биржевой структуры в отечественную экономическую систему. Одно из главных противоречий взаимодействия российского фондового рынка с экономическими институтами в том, что при озвученной экономикой необходимости в постоянном привлечении капитала и инвестиций – она не использует для этого один из самых оптимальных и эффективных инструментов – привлечение сбережений населения [4].

Историческая реальность обуславливает не только противоречивость российской инвестиционной биржевой модели частного инвестирования, но и подчеркивают иррациональность российской модели, находящей отражение в ее психологических особенностях, о чем будет сказано ниже.

Частные инвесторы являются одним из элементов фондового рынка, акторами, в определенной мере определяющими его движение и направление. Частные инвесторы в этом контексте будут рассматриваться как физические лица, которые инвестируют свои личные средства (сбережения) в инструменты фондового рынка.

Разность и разнообразие интерпретационных подходов к теме инвестиций сопряжена со сложностью механизма поиска и осуществления инвестиционных решений в условиях меняющейся социально-экономической среды, так что изучение процесса инвестирования предоставляет большой объем материала для понимания социально-психологических аспектов инвестирования.

Социально-психологические аспекты модели российского частного инвестирования предполагают понимание особенностей, характерных для отечественной социально-экономической среды, сложившихся в контексте исторического процесса. Следует также принимать во внимание экономический и информационный обмен, объективно происходящий в рамках глобализации. Кроме прочего, на становление модели российского частного инвестирования оказывает влияние национальный менталитет, что делает российскую модель инвестирования по-своему уникальной.

Принимая во внимание сказанное выше, можно выявить ключевые аспекты, определяющие социально-психологическую модель российского частного инвестирования.

Для сферы социальных аспектов важнейшими является среда и коммуникационные возможности частных инвесторов: в нашем случае эту среду определяют информационный обмен и разнообразие в условиях глобализации экономики, что позволяет российскому фондовому рынку быть связанным с мировыми фондовыми системами.

Для рассмотрения области психологических аспектов частного инвестирования необходимо понимать особенности моделей принятия решений различными категориями физических лиц – частных инвесторов, так как от этих категорий зависит обоснование инвестиционных решений в каждом конкретном случае.

В процессе изучения моделей принятия инвестиционных решений российскими частными инвесторами автором было проведено исследование в форме кейс-стади, в рамках которого нашел применение категориальный подход к действующей классификации российских частных инвесторов, среди которых были рассмотрены категории инвесторов (investor) и трейдеров (trader), имеющих три подкатегории: трейдеров малоактивных (inactivetrader), трейдеров внутрисуточных (intradaytrader), трейдеров-скальперов (hyperactivetrader или scalper) [3].

Изучение процесса принятия инвестиционных решений проходило на базе теоретических принципов поведенческой экономики, изучающей психологические особенности экономического поведения. При этом для каждой рассмотренной категории были отмечены свои характеристики.

Сводя психологические особенности, реализующие инвестиционную программу различных категорий российских частных инвесторов, в модельную структуру, можно отметить основные аспекты по выделенным категориям.

- Инвесторы. Самая консервативная категория, выбор ее инвестиционных стратегий обусловлен доверием профессиональным экономическим оценкам, предоставляемым информационными и консалтинговыми агентствами. Инвестирование этой категорией рассматривается как феномен, не зависящий от их знаний или работы над стратегией. Для инвесторов характерно «одушевление» рынка, при неуспешном инвестировании – представление рынка противостоящей силой.

- Трейдеры малоактивные. Менее консервативная категория, чем инвесторы, выбор инвестиционных стратегий осуществляется часто с учетом фундаментального и технического анализа, однако представители этой категории не склонны к углубленному изучению экономических показателей эмитентов, с которыми они работают. Из этой категории большинство склонны к так называемому «голубиному суевию» - чаще всего неверно оценивают степень корреляции между теми инструментами, которые они используют, и результатом инвестирования, при благоприятном исходе сразу делают вывод о качестве средства анализа. Популярная стратегия в этой категории – «следование за рынком».

- Трейдеры внутридневные. Для этой категории характерны стратегии следования за зарубежными биржевыми площадками. Представители этой категории наиболее общительны, чаще посещают и организуют семинары для обсуждения «биржевой кухни». Активно рискуют, используя заемные средства. Также как и инвесторы, склонны к «одушевлению» и мифологизации рынка, и, как малоактивные трейдеры, предпочитают ловить нужное движение рынка. Достаточно глубоко анализируют статистику и специализированную литературу, многие из представителей последовательны.

- Трейдеры-скальперы. Наиболее противоречивая и рисковая категория инвесторов, так как сама стратегия предполагает высокоскоростную торговлю с использованием либо без механических торговых систем. В этой категории часто встречаются любители азартных игр, некоторые из них имеют игровую зависимость. Психологически инвестиционное поведение таких трейдеров и принципы принятия решений отличаются высоким уровнем спонтанности, аффективности, на паттерны поведения накладывается мифологизация рынка, также как поведение игрока в азартные игры основывается на восприятии игры через понятия «удачи», «везения» и т.д.

Кроме категориальных особенностей, для частных инвесторов существуют и некоторые общие психологические паттерны поведения, которые можно свести в единую модельную структуру, демонстрирующую ее иррациональность:

- Грамотность инвестиционной стратегии обнаруживается только в небольшом количестве случаев, как правило, немногие инвесторы последовательно реализуют выбранный путь, редко его корректируют в соответствии поступающими статистическими данными. По большей части, прибыль складывается из случайных успешных сделок. Характерна тенденция «следования за толпой».

- Большое количество убыточных сделок определяется непониманием, в какую сторону направлен основной тренд рынка. Проблема возникает вследствие информационной перегруженности и отсутствия четких рамок или критериев отслеживаемой информации.

- Малая гибкость принимаемых решений во время разворота рынка - на падающем рынке большинство до последнего держат убыточные позиции, надеясь на «разворот», равно на растущем рынке – большинство склонны к продаже ценных бумаг с минимальной прибылью.

- Характерная путаница причинно-следственных связей, подмена понятий, смешение информационных пластов с различными значениями – например, перемена решения вследствие

неверной оценки новостей, не влияющих на основное направление рынка; изучение ценовой истории акций без анализа компании-эмитента (данная частая ошибка инвесторов отмечалась Дж. Соросом) [5].

Таким образом, исследование социально-психологических аспектов модели российского частного инвестирования позволяет отметить основные элементы его структуры: социальные – разнообразие информационного обмена; психологические – спекулятивность торгового процесса, иррациональный характер российской модели инвестиционного поведения, обусловленный специфическими аспектами коммуникативной основы инвестирования, мифологизация фондового рынка, высокий уровень и склонность инвесторов к риску, либо, напротив, консервативность торговых стратегий.

Список литературы

1. Беспарточный Б.Д. Концептуальные основы понятия «социальный капитал» // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4.
2. Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука, 1970. - 708 с.
3. Подгорный Б.Б. Российский фондовый рынок: сообщество инвесторов или игровой клуб? // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. №3, 2014.
4. Подгорный Б.Б. Формирование сообщества частных инвесторов фондового рынка: дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.03 / Б. Б. Подгорный [Место защиты: Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского].- Нижний Новгород, 2012.- 141 с.
5. Сорос Дж. Алхимия финансов. Инфра-М, 2001. - 208 с.
6. Троицкая И.В. Психология предпринимательской деятельности и основы экономической психологии: курс лекций / И. В. Троицкая. – СПб.: СПбГАСУ, 2010. – 176 с.
7. Bikhchandani, S. A theory of fads, fashion, custom, and cultural change as informational cascades / S. Bikhchandani, D. Hirshleifer, I. Welch // Journal of Political Economy. – 1992. – No 5(100). pp. 992-1026.
8. Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: An analysis of decision under risk // Econometrica. - Vol. 47. - 1979.
9. Shefrin H., Statman. M. The Disposition to Sell Winners Too Early and Ride Losers Too Long: Theory and Evidence // Journal of Finance. - Vol. 40. - 1985.
10. Shleifer A. Inefficient Markets. An Introduction to Behavioral Finance. // Oxford University Press. - 2000. 225 p.

МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РФ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ОБОБЩЕНИЯ

Подъячев К.В.

Доклад подготовлен при поддержке РФФИ. Проект 13-06-00314А «Региональное и местное управление: обратная связь власти и общества»

В данном докладе представлены предварительные результаты трёхлетнего исследования социально-политического и социокультурного развития регионов России, проводившихся сотрудниками Центра социологии образования, науки и культуры Института социологии РАН. Исследование состояло в первую очередь из глубинных интервью с представителями органов власти, политических партий, общественных организаций, учреждений образования и культуры, выбранными случайно местными жителями. Кроме того, в рамках проекта проводился анализ нормативно-правовой базы, региональных СМИ, веб-сайтов, также применялись методики «третьей социологии» [8]. Охвачено было до 20 субъектов РФ, в том числе город Москва, Московская, Псковская, Ивановская, Тамбовская, Смоленская, Свердловская области; летом 2015 г. были изучены также Республика Крым и г. Севастополь. По результатам исследования выпущена серия научных статей, планируется издание двух коллективных монографий. В данном же докладе мы попытаемся обобщить эмпирически выявленные формы организации социального управления, осуществляемого властями субъектов РФ и муниципальных образований и представить их в виде теоретически обоснованных моделей [5].

Исследуя систему социального управления регионов РФ, мы выделяем три уровня власти: региональный, муниципальный, локальный. Региональный уровень охватывает власти субъекта РФ, региональные отделения политических партий, региональные общественные организации и т.п. На муниципальном уровне соответственно рассматриваются власти муниципальных образований и действующие в рамках этих образований подразделения политических партий, общероссийских и региональных общественных объединений, а также общественные организации и отдельные активисты, действующие исключительно в данном муниципальном образовании. Наконец локальный уровень охватывает внутримunicipальные административно-территориальные образования (локальности): городские и сельские поселения, даже отдельные населённые пункты.

При этом мы исходим из предположения о сущностном различии «политической системы» и «жизненного мира» (по Ю. Хабермасу), которые, однако, постоянно находятся в коммуникации и взаимодействии [5]. Формы и механизмы этой коммуникации подлежат изучению. Применяя предложенную нами теоретическую схему, можно выделить три типа власти на региональном, муниципальном и локальном уровнях.

Первый тип - власть отчуждённая. Для такой модели характерно параллельное существование власти и общества. Власть в лице губернатора (мэра), чиновников администрации и представленных в местном законодательном собрании политических партий (даже оппозиционных) существует словно бы в своём мире, решает свои вопросы, не обращая внимания на запросы общества и деятельность социальных акторов. Насколько мы можем судить, наиболее характерна такая модель для регионов и муниципальных образований, во главе которых стоит «варяг», человек, не связанный с данной местностью. Есть случаи, когда глава региона даже в публичных выступлениях не скрывал своей «чуждости» возглавляемому региону. Коммуникация с обществом в этой модели происходит либо в рамках института обращений [4], либо через протестные акции. Внешне такая модель кажется более современной, прогрессивной; как правило, в ней и глава (губернатор, мэр) и его сотрудники смотрятся более «модными», они активно пользуются социальными сетями, разнообразными гаджетами, часто говорят о модернизации.

Но построенная таким образом система взаимоотношений может сохранять некоторую стабильность до тех пор, пока в результате реформаторских действий властей не страдает социальная сфера или городская среда. Тогда в обществе это воспринимается как «выход за рамки», что немедленно вызывает активный протест. А поскольку власти в такой модели не имеют опыта общения с социальными акторами вне рамок формальных институтов, то в регионе (городе) возникает напряжённая ситуация. Пока что это приводило к серьёзным эксцессам только в единичных случаях, но вероятность их возникновения высока и становится выше по мере ухудшения социально-экономической ситуации. Отчуждённая власть может быть и достаточно успешной в реализации неких кратковременных проектов, наподобие Олимпиады или строительства моста в Крым, но если эта модель сохраняется в течение длительного времени, то она весьма опасна для социальной стабильности, особенно в условиях социально-экономических кризисов.

Второй тип – статическая власть. Эта модель, по нашим наблюдениям, наиболее характерна для ряда регионов, в 1990х входивших в т.н. «красный пояс». Власть здесь более укоренена в местной системе социальных связей, как правило, состоит из уроженцев данной местности (даже если во главе стоит «варяг»). Но она не обладает стратегическим видением, модель развития региона (района, города) попросту отсутствует. Главной задачей для себя такая власть видит сохранение статус-кво. Будучи гораздо глубже интегрированной в местные сообщества, чем описанная выше отчуждённая власть, администрация охотнее идёт с обществом на контакт, но вместе с тем избегает обсуждения серьёзных тем. Для такой модели характерно создание «сверху» провластных общественных движений, с представителями которых потом и проводятся встречи, консультации, гражданские экспертизы и т.п. Естественно, что на выходе получается картина полного согласия и умиротворения. Это даёт прочную базу для оправдания собственной бездеятельности и отсутствия планов развития. Публичные протесты для такой модели ещё более страшны, так как разрушают благостную картину

всеобщего единения и социального мира, что полностью подрывает имидж местного руководства. Поэтому их пытаются всеми силами предотвратить, но если они уже случаются, власти идут на переговоры с гражданами, чтобы уговорить участников акции разойтись по домам. Решение проблемы как таковой, как правило, не предполагается. Данная модель более устойчива, но, к сожалению, она не может обеспечить социально-экономического развития и потому в долгосрочной перспективе может породить серьёзные проблемы уже политического характера.

Третья выявленная нами модель власти - акторская. Впервые она была выявлена при изучении российских профессиональных сообществ, концептуализирована и теоретически обоснована О. Аксёновой [1], но наши исследования показывают, что она вполне соответствует и реальным примерам организации социального управления в регионах России. Эта модель строится вокруг главы региона (района, города) – яркого лидера, пользующегося поддержкой активной общественности. Этот лидер почти всегда - уроженец данной местности. Он болеет душой за свою землю, и его отношение к работе передаётся многим участникам его команды, от руководства до низовых исполнителей. Такая «персоноцентричная» структура модели может вызывать подозрения в авторитарности, но, по нашему мнению, сама строгая дихотомия авторитаризм/ демократизм неприменима для анализа политической системы российских регионов. Акторская модель организации власти отнюдь не порождает в регионе «рая земного» и не исключает конфликтов. Но конфликты протекают иначе, нежели в других моделях. Как правило, акторская власть не ограничивается формальными коммуникационными каналами, а старается общаться с гражданами больше и чаще неформально. Акторская власть старается конфликты не купировать, а предупреждать, стараясь убедить граждан в том, что вызывающее недовольство решение выгодно региону и будет полезно всем, даже если сейчас кому-то придётся своими интересами поступиться, что соответствует традиционному пониманию политики как поиску общего блага [5, 105]. Теоретически, акторская модель более конфликтногенна, но эмпирически это пока что не подтверждается: среди изученных нами регионов и муниципальных образований именно там, где выявлена акторская модель, уличные протестные акции наиболее редки и малочисленны. Это показывает, что действовать на «упреждение» конфликтов через разъяснительную работу с населением значительно эффективнее, чем блокировать публичное выражение недовольства.

Разумеется, описанные нами три модели власти в регионах России являются теоретическими. Ни одна модель в чистом виде не существует нигде, в реальности на местах они переплетены и в разных ситуациях проявляются черты той или иной. Но всё же в каждом конкретном регионе, муниципальном образовании, населённом пункте доминирует какой-то один тип власти, и его можно выявить эмпирическим путём.

Как показали наши исследования, чем ниже уровень административно-территориального деления, тем чаще встречается акторская модель. На уровне региона она достаточно редка и характерна лишь для субъектов РФ, во главе которых длительное время находятся уважаемые и высокоавторитетные лидеры. Но спускаясь на уровень муниципальный и локальный, можно видеть, что там акторская власть встречается гораздо чаще.

Впрочем, на муниципальном и особенно локальном уровне коммуникация власти с гражданами непосредственная, она мало нуждается в формальных институтах. Там они используются властью, наоборот, в тех случаях, когда она хочет «спрятаться» от требовательных граждан, уклониться от общения с ними. На уровнях муниципальном и локальном акторская власть вообще открыта для инициативы снизу. Мы часто отмечали, что многие интересные социальные инновации на местах возникли именно с подачи инициативных граждан, получивших поддержку у местных властей, поэтому и конфликтногенность акторской модели оказывается наименьшей. Таким образом, связь между вовлечённостью граждан в выработку управленческих решений и конфликтностью местного социума прослеживается достаточно чётко: чем вовлечённость выше, тем конфликтность ниже, и наоборот.

Подводя итоги сказанному, обозначим следующие основные выводы:

- 1) Можно выделить два основных подхода к пониманию коммуникации власти и общества: условно либеральный, в котором власть и общество противопоставляются, а власть рассматривается как субъект определённой функции, и классический, в котором власть рассматривается как оператор управления обществом в целях достижения общего блага.
- 2) На уровне субъекта РФ, муниципального образования, локального сообщества можно выделить три модели организации власти: отчуждённую, статичную, акторскую.
- 3) Можно видеть, что либеральный функциональный подход вполне соответствует только отчуждённой модели власти. Внешне такая модель кажется более современной, но из всех трёх она наиболее конфликтотенна.
- 4) Акторская модель, в большой степени соответствующая традиционной концепции соработничества (часто считающейся архаичной и отжившей), при всей внешней авторитарности обладает наименьшей конфликтотенностью.
- 5) Модель отчуждённой власти может быть весьма успешна для реализации конкретных, ограниченных во времени масштабных проектов, но в долгосрочной перспективе она не способствует развитию регионов. Акторская модель, напротив, не даёт немедленных результатов, но в долгосрочной перспективе может быть наиболее полезной для социально-экономического развития.

Список литературы

1. Аксёнова О.В. Сфера управления как пространство действия актора // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 11 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2012.
2. Гумилёв Л. Н. От Руси до России. М.: АСТ Москва, 2008.
3. Коэн Д.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. Пер. с англ. М.: Весь мир, 2003.
4. Подъячев К.В. Обращения граждан в органы власти и гражданское участие в России: взгляд политолога. Saarbrücken, L.A.P. 2011
5. Подъячев К.В. Политическая наука и политическая власть: к вопросу о предмете современной политологии. Власть. 2012. № 2. С. 103 – 107
6. Тураев Б.А. Древний Египет. Изд-е 6. М: URRS: ЛЕНАНД, 2015.
7. Чернышов А.Г. Власть как ценность. // Власть. 2014. № 9.
8. Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь: новый поворот в социологии // Социологические исследования. 2009. № 8.

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА – ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ НРАВСТВЕННОСТИ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

Пиеничных Е.А.

По данным социологических исследований, уровень коррупции в Российской Федерации надежно высокий, несмотря на проводимую антикоррупционную политику государства. Анализ опыта борьбы с коррупцией, накопленный в России наглядно показывает неэффективность мер по ее искоренению. Поэтому сегодня борьба с коррупцией по-прежнему является чрезвычайно актуальной и определяется нашим государством как один из приоритетов государственной политики.

По мнению К.О. Магомедова, доктора социологических наук, профессора РАНХиГС при Президенте РФ, уровень коррупции – это показатель нравственного состояния государственного аппарата и его способности решать задачи не в своих собственных интересах, а в интересах общества, и чем выше сопротивляемость общества коррупции, что определяется его нравственными требованиями, тем меньше коррупция влияет на функционирование государственного аппарата.

Президент Российской Федерации В.В. Путин также подчеркивает, что моральный (нравственный) авторитет государства - это базовое условие развития России, и потому антикоррупционная политика будет проводиться твердо и последовательно.

Так, в ежегодных посланиях Президента Российской Федерации теме коррупции уделяется всегда особое внимание. Например, в ежегодном послании 2012 года Президент России отмечал: "Всем

очевидны и главные проблемы - низкая эффективность государственной власти и коррупция. Без качественного, современного государственного управления, без высокой персональной ответственности тех, кто этим занимается, мы не решим задач, стоящих перед обществом". Ключевыми для новой модели государственного управления, по мнению Президента РФ, должны стать следующие меры. Первое: ориентация на измеримый, прозрачный и понятный для общества результат работ. Второе: внедрение новых форм и методов контроля, где главным критерием оценки эффективности власти, предоставляющей услуги гражданам, должно стать общественное мнение, мнение самих граждан. Третье: адекватная мотивация государственных муниципальных служащих: система моральных и материальных поощрений, стимулирующих улучшение работы государственного аппарата. Четвертое: особая ответственность для тех, кто берет на себя ряд правовых, этических обязательств и ограничений. Пятое: система контрольно-надзорных органов. Необходимо ввести публичную отчетность контрольно-надзорных органов об итогах проверок, о затраченных на их проведение финансовых ресурсов и т.д. В своем Послании В.В. Путин говорил и о действенном механизме борьбы с коррупцией - активном гражданском участии, эффективном общественном контроле и немалой роли в борьбе с коррупцией средств массовой информации.

За последние три года было многое сделано для создания нравственной модели государственного управления, заявленные в указанном послании ключевые меры находят свое отражение в принимаемых нормативных документах.

Послания Президента России 2013 и 2014 годов также затрагивают тему борьбы с коррупцией, нравственности и морали. Так, при проведении опроса после Послания В.В.Путина Федеральному собранию в период с 19 по 22 декабря 2014 года среди 1600 человек в 134 населенных пунктах 46 регионов страны, на вопрос «Какие из тем, поднятых Президентом в своем Послании имеют, на Ваш взгляд, наибольшую актуальность?» 36% респондентов ответили: «Борьба с коррупцией». Россияне более всего обратили внимание на борьбу с коррупцией. Для сравнения – в декабре 2013 года (предпоследнее Послание В.В.Путина Федеральному собранию) тема борьбы с коррупцией также была самая актуальная, по ответам 59% респондентов.

Волей Президента страны осуществляются институционально-правовые меры (законодательные и нормативные средства и методы противодействия коррупции) в борьбе с коррупцией.

Так, в апреле 2014 года Президент страны подписал Указ о Национальном плане противодействия коррупции на 2014-2015 годы, имеющим ряд нововведений, таких как профессиональное антикоррупционное просвещение, мониторинг деклараций и проч. Выполнение Национального плана по борьбе с коррупцией на 2014-2015 годы было на особом контроле у Президента России. Администрации Президента было дано указание на особый контроль выполнения его положений. Напомним, что это четвертая антикоррупционная инициатива Президента России. Первый План противодействия коррупции был утвержден Президентом Медведевым на 2008-2009 годы, за ним следовали Национальный план противодействия коррупции на 2010-2011 годы и 2012-2013 годы.

Как видим, под руководством Президента страны проводится планомерная масштабная антикоррупционная политика государства.

Так, всероссийский опрос Левада-Центра (опрос проведен 22-25 мая 2015 года среди 800 человек в 134 населенных пунктах 46 регионов страны) показывает, что все больше россиян считают, что Президент Путин активно борется с коррупцией среди чиновников. Как показало исследование, отвечая на вопрос, потворствует ли Путин бюрократии, стремящейся использовать в своих интересах достояние России или ограничивает ее аппетиты, 64% опрошенных выбрали второй вариант (в 2014 году так считали 60% населения страны, в 2013 году – 49%).

В настоящее время продолжается усовершенствование антикоррупционной политики государства, которая включает в себя меры по внедрению новых эффективных антикоррупционных кадровых технологий, обеспечение открытости государственной гражданской службы, расширение общественного участия в борьбе с коррупцией, наличие «работающего» кодекса этики и проч.

Так, в рамках развития государственной гражданской службы обсуждается проект Федеральной программы «Развитие государственной гражданской службы РФ на 2015-2018 годы». Данная инициатива исходит из проекта Указа Президента РФ «О Федеральной программе «Развитие государственной гражданской службы РФ на 2015-2018 годы» и плане мероприятий по развитию государственной службы РФ на 2015-2018 годы.

Проект Федеральной программы разработан Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации и предлагает новые принципы организации работы государственных гражданских служащих, их профессионального развития и оценки деятельности. В частности, обозначенным проектом Программа предлагает установить, что основными направлениями развития государственной гражданской службы помимо прочих будут являться: дальнейшее внедрение антикоррупционных кадровых технологий на государственной гражданской службе, обеспечение открытости государственной гражданской службы и расширение общественного участия.

Задачами Программы являются, в том числе: развитие механизмов предупреждения коррупции, выявление коррупционных рисков и борьбы с коррупционными правонарушениями, определения и разрешения конфликта интересов на государственной службе, обеспечение открытости, в том числе посредством информационно-коммуникационных технологий, расширяющих общедоступность информации, а также внедрения механизмов общественного обсуждения, общественного контроля и оценки.

Ожиданиями реализации обозначенных в Программе задач должны стать: развитие методической базы деятельности подразделений государственных органов по профилактике коррупционных правонарушений, а также комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов, повышение доверия граждан к системе государственного управления посредством развития мер, стимулирующих соблюдение государственными гражданскими служащими норм и стандартов служебной и профессиональной этики, служебного поведения, правил делового поведения, соблюдения интересов граждан, государства и общества в целом.

Проект Программы был представлен на обсуждение в Общественную палату РФ, состоявшееся в марте 2015 года. В обсуждении принимали также участие эксперты Института государственной службы и управления РАНХиГС. Участниками общественного слушания были внесены некоторые предложения по ее доработке, и по итогам общественных слушаний, в целом, проект Программы был поддержан участниками слушаний (примеч. автора: до настоящего времени Указ о Федеральной программе еще не подписан, Программа также находится в стадии проекта).

За последние несколько лет Россия сделала многое в сфере правового регулирования борьбы с коррупцией, задача сегодня – обеспечить применение этих норм на уровне государственных органов.

Для совершенствования антикоррупционной политики государства сделано очень много, останавливаться на достигнутом нельзя, следует настойчиво работать дальше, применяя новые антикоррупционные кадровые технологии, стимулирующие соблюдение государственными гражданскими служащими норм и стандартов служебной и профессиональной этики, служебного поведения для достижения главной цели государства – повышения уровня нравственности на государственной службе и укрепления доверия граждан.

Список литературы

1. Керем Магомедов. «Коррупция в органах государственной власти и управления: социологический анализ и прогноз» //Государственная служба. 4(66) июль-август 2010. С.17.
2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2012 «Послание Президента Владимира Путина Федеральному собранию РФ» //Система КонсультантПлюс: Российское законодательство (Версия Проф).
3. Послание и пресс-конференция Президента // Пресс-выпуск от 25.12.2014 // Левада-Центр. URL:<http://www.levada.ru/2014/12/25/poslanie-i-press-konferetsiya-prezidenta/>

4. Борьба с коррупцией и приговор Е. Васильевой // Пресс-выпуск от 17.06.2015 // Левада-Центр.
URL: [http:// www.levada.ru/2015/06/17/borba-s-korruptsiei-i- prigovor-e-vasilevoi/](http://www.levada.ru/2015/06/17/borba-s-korruptsiei-i-prigovor-e-vasilevoi/)

5. Госслужба. 27 марта 2015 г.// В Общественной палате РФ обсудили проект федеральной программы «Развитие государственной гражданской службы Российской Федерации (2015-2018 годы)»//URL: <http://gosslužhba.gov.ru/News/Details/9dc8b24a-08f8-4315-87c1-3aa2d4943736>

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ – ЭТО СОЗДАННЫЙ ПРИРОДОЙ СТАНДАРТ ВОСПРИЯТИЯ ЛЮДЬМИ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА И ОБЩЕНИЯ МЕЖДУ СОБОЙ

Раков С.Е.

У каждого человека есть своя индивидуальная, выработанная им в течение жизни, система ценностей, которая зависит от возраста, уровня образования, от его культурной, моральной, религиозной, профессиональной, политической, социальной и т. д. принадлежности. С помощью этой системы человек, получая постоянно растущий объем информации, ориентируется в изменяющемся мире, формирует свое отношение к происходящему в словах и поступках. Именно поэтому люди сегодня по-разному воспринимают окружающий их мир и по-разному видят его будущее.

Создать единую систему ценностей либо утвердить на эту роль свою человечество пыталось на протяжении всей своей жизни. В первом случае это помогало обществу развиваться, во втором случае это приводило к войне.

Сегодня лучшим примером формирования общечеловеческого взгляда на решение существующих социальных проблем и развитие всего человеческого общества является итоговый документ саммита ООН, проходившего с 25 по 27 сентября 2015 года в Нью-Йорке. Этот документ одобрили более 150 мировых лидеров, в том числе главы государств и правительств, назвав его планом устойчивого развития всего человеческого сообщества до 2030 года. На сайте ООН говорится, что семнадцать целей в области устойчивого развития и 169 задач – «это поистине судьбоносная программа, которая станет стартовой площадкой для действий международного сообщества и национальных правительств по содействию общему процветанию и благополучию для всех жителей планеты, в течение следующих 15 лет» [1].

Цели в области устойчивого развития:

Цель 1. Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах.

Цель 2. Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания, содействие устойчивому развитию сельского хозяйства.

Цель 3. Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте.

Цель 4. Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех.

Цель 5. Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек.

Цель 6. Обеспечение наличия и рациональное использование водных ресурсов и санитарии для всех.

Цель 7. Обеспечение доступа к недорогостоящим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех.

Цель 8. Содействие неуклонному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех.

Цель 9. Создание прочной инфраструктуры, содействие обеспечению всеохватной и устойчивой индустриализации и внедрению инноваций.

Цель 10. Снижение уровня неравенства внутри стран и между ними.

Цель 11. Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и устойчивости городов и населенных пунктов.

Цель 12. Обеспечение рациональных моделей потребления и производства.

Цель 13. Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями.

Цель 14. Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития.

Цель 15. Защита, восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное управление лесами, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биологического разнообразия.

Цель 16. Содействие построению миролюбивых и открытых обществ в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях.

Цель 17. Укрепление средств достижения устойчивого развития и активизация работы механизмов глобального партнерства в интересах устойчивого развития.

Объединим эти семнадцать целей по схожим признакам (таблица 1).

Таблица 1

Семнадцать целей устойчивого развития	Названия групп
Цель 3. Хорошее здоровье и благополучие. Цель 2. Ликвидация голода. Цель 6. Чистая вода и санитария.	<i>Здоровье</i>
Цель 4. Качественное образование.	<i>Интеллектуальное развитие</i>
Цель 11. Устойчивые города и населенные пункты. Цель 13. Борьба с изменением климата. Цель 14. Сохранение морских экосистем. Цель 15. Сохранение экосистем суши.	<i>Среда проживания</i>
Цель 1. Ликвидация нищеты. Цель 7. Недорогостоящая и чистая энергия. Цель 8. Достойная работа и экономический рост. Цель 9. Индустриализация, инновации и инфраструктура. Цель 12. Ответственное потребление и производство.	<i>Благополучие и деятельность</i>
Цель 16. Мир, правосудие и эффективные институты.	<i>Безопасность</i>
Цель 5. Гендерное равенство. Цель 10. Уменьшение неравенства. Цель 17. Партнерство в интересах устойчивого развития.	<i>Общество</i>

Даже первого взгляда на полученный результат достаточно, чтобы сделать вывод, что рассматриваемый документ недостаточно структурирован, так как целей оказалось не 17, а всего 6. Поэтому он получился более сложным для его восприятия людьми и более трудным и затратным для его исполнения. На первом этапе ясно сформулированные и структурированные цели дают возможность выбрать кратчайшие и оптимальные пути их достижения.

Если более детально рассмотреть результат группирования целей устойчивого развития ООН, то станет очевидным, что они не включают в себя очень важные темы жизнедеятельности человека, развитие которых естественным образом обеспечит, упростит и, безусловно, ускорит решение поставленных ООН задач. Для примера остановимся на более значимых из них.

- В итоговом документе саммита ООН никак не отражена жизненно важная для любого человека ценность - семья, а 169 задач не содержат ни одной из семейных ценностей. Только не нужно думать, что ООН намеренно разрушает институт семьи с целью снижения численности населения планеты. Люди, которые формулировали цели в области устойчивого общечеловеческого развития, прекрасно знают, что именно в семье изначально закладываются первые культурные, моральные и другие ценности, без которых реализовать созданный ими проект невозможно.

• Невозможно представить выполнение любой из 169 поставленных задач без скрупулезной деятельности ученых по их изучению и решению. А в озвученных целях развития до 2030 года наука не отражена.

• Для реализации новой программы ООН необходимо консолидированное мирное человеческое сообщество. Если в цели устойчивого развития включить развитие культуры и спорта, то это будет способствовать укреплению мира, взаимопониманию и сближению народов.

• Для решения таких глобальных задач, какими являются озвученные ООН цели устойчивого развития, необходимо привлечь как можно большее количество людей и признанных ими профессиональных лидеров, включив в цели ООН общественные, религиозные и политические организации. Это позволит подключить к решению озвученных задач миллионы больших и маленьких, но веками отлаженных информационных и агитационных сетей, а значит, привлечь знания, опыт, таланты большинства жителей планеты.

Приведенных примеров достаточно, чтобы понять, что современные темы жизнедеятельности человека взаимосвязаны, гармонично дополняют и поддерживают друг друга. Поэтому решать глобальные проблемы нужно комплексно, чтобы ничего не упустить и не разрушить.

Учитывая все вышесказанное, сгруппируем по схожим признакам сразу все темы жизнедеятельности человека (таблица 2).

Таблица 2

Все темы жизнедеятельности человека	Названия групп
<i>Темы, связанные с физическим здоровьем человека, такие как экология, питание, физическая культура, спорт, медицина и здравоохранение</i>	<i>Здоровье</i>
<i>Темы, интеллектуально формирующие личность, такие как образование, наука, культура, IQ и т. д.</i>	<i>Интеллектуальное развитие</i>
<i>Темы, связанные с природой: природные ресурсы, включающие в себя флору и фауну, а также созданная человеком для проживания инфраструктура</i>	<i>Среда проживания</i>
<i>Темы, которые в современном мире напрямую связаны с деньгами: экономика, доходы населения, социальная поддержка, промышленность, строительство, сельское хозяйство, предпринимательство, безработица и т. д. или физическое и интеллектуальное воздействие человека на среду</i>	<i>Благополучие или деятельность</i>
<i>Природные катаклизмы, техногенные катастрофы, а также криминал, коррупция, рейдерство, наркомания. Сюда же включены правоохранительные органы: полиция, прокуратура, суд, армия...</i>	<i>Безопасность</i>
<i>Семейные темы: любовь, планирование семьи, рождение ребенка, приемные дети, отношения в семье</i>	<i>Семья</i>
<i>Общественная, религиозная, политическая, государственная деятельность</i>	<i>Общество</i>

Темы жизнедеятельности человека закончились, и поэтому больше никаких групп не добавишь. В окончательном варианте у нас получилось семь названий групп, для которых нужно подобрать объединяющее рабочее название.

Первое, на что следует обратить внимание, что наши названия групп не зависят от пола, расы, возраста, этнических традиций, религии, эпохи и места проживания, от социальной, культурной, экономической, политической принадлежности, то есть они – общечеловеческие.

Второе, не менее важное, условие – ни одно из наименований групп нельзя убрать, иначе слова «жизнь человека» потеряют смысл, то есть для любого человека они – жизненно важные ценности.

Оказалось, что наши названия групп – это Общечеловеческие ценности.

Сравнивая полученный результат с опубликованными работами по поиску Общечеловеческих ценностей, видим, что философский разбор понятия «общечеловеческие» все авторы описывают одинаково и по смыслу аналогично нашему первому критерию.

Немного сложнее – с понятием «ценности». Авторы не обременяют себя его разбором и тем самым совершают сразу две ошибки:

1. Не задумываются о единой системе измерения (оценки) ценностей.
2. Популяризируют близкие для себя моральные, религиозные, культурные, даже профессиональные и политические ценности, считая, что по ним должно жить все человечество. А это прямое противоречие первому критерию, с которым все они изначально были согласны.

В нашем втором критерии единицей измерения Общечеловеческих ценностей является жизнь человека. А чтобы избежать споров с авторами, допустившими вторую ошибку, мы добавим третий критерий:

Третье, на что следует обратить внимание, что вместо моральных, религиозных, культурных и т. д. ценностей (которые созданы людьми в разных точках планеты и все, без исключения, противоречат первому критерию), мы использовали сразу темы жизнедеятельности человека.

Общечеловеческие ценности – это система ценностей, выполняющая роль повседневных ориентиров, которые использует человек для полноценной жизни в обществе и жизни общества на Земле, независимо от его пола, возраста, расы, национальности, этнических традиций и религиозных убеждений, эпохи и места проживания, от его политической, экономической и социальной принадлежности.

Потеря любой из этих ценностей ведет к потере смысла человеческой жизни. А угроза потери любой из них заставит любого человека приложить все мыслимые и немыслимые усилия для ее защиты и восстановления [2].

Более подробно с теорией и возможностями Общечеловеческих ценностей можно ознакомиться в одноименной книге [2], а сейчас нам из этой книги понадобится только одно определение высших ценностей, которое звучит так: «Чтобы любой человек на планете жил и был свободен, у него должны быть реализованы все семь Общечеловеческих ценностей, а именно:

- Физическое здоровье.
- Интеллектуальное развитие.
- Благоприятная окружающая среда.
- Деятельность и благополучие.
- Безопасность.
- Семейные ценности.
- Общество, основанное на концепции защиты и устойчивого развития этих же семи Общечеловеческих ценностей»[2].

Создание такого общества – это и есть единственная цель, стратегия развития, модель и механизмы взаимодействия и сотрудничества стран АТР, БРИКС, ЕС, ШОС и других международных организаций, включая ООН, а также межнациональных, межконфессиональных и политических движений.

Настоящая статья ни в коем случае не является критикой итогового документа ООН, так как у этого документа есть более серьезная тема для обсуждения, и она осталась не затронутой. Цель этой статьи – показать, как теория Общечеловеческих ценностей способна структурировать социальную научную мысль, делая из семнадцати целей – одну, а из 169 задач – семь. Причем, следует отметить, что:

- эту цель и эти семь задач нет необходимости корректировать и пересматривать по истечении времени на очередном саммите, так как Общечеловеческие ценности не зависят от периода проживания. Они появились вместе с зарождением человеческого сообщества, не изменились до наших дней и не собираются меняться в дальнейшем;

- их нельзя запретить, изменить, модернизировать. Даже Конституцией... Попробуйте написать в основном законе, что целью страны является большое и необразованное общество или уничтожение окружающей среды и безработица...
- они одинаково воспринимаются и принимаются всеми людьми, независимо от их национальности, религиозной, политической, социальной и культурной принадлежности, возраста, пола и места проживания, так как каждая из Общечеловеческих ценностей жизненно важна для всего человечества, потеря любой из них приведет к гибели всего человеческого сообщества.
- их не нужно никому навязывать, объяснять, доказывать, так как они рождаются, развиваются (насколько может себе позволить и позволяет сам человек) и умирают вместе с человеком. Благодаря этому свойству нет необходимости тратить время и силы на их продвижение. Их достаточно только озвучить, и сразу становится ясно, как хотят и должны жить люди на планете Земля.

Также хотелось показать, что применяя теорию Общечеловеческих ценностей в своей повседневной жизни и профессиональной деятельности, начиная от подготовки вопросов, которые нужно задать человеку при приеме его на работу, до написания окончательного варианта Устава ООН, вы никогда и ничего не упустите, а полученный результат вас приятно удивит.

Список литературы

1. Саммит по устойчивому развитию 2015 года – <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/summit/>
2. Сергей Раков. «Общечеловеческие ценности». – ISBN 978-3-659-33925-7, LAPLAMBERTAcademicPublishing, 2015 г.

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ФРАКТАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Томилов В.А.

Социальное управление, понимаемое в широком смысле слова, представляет собой управление любыми общественными процессами, в отличие от управления в биологических и технических системах; в узком – это управление процессами и явлениями социальной сферы общественной жизни, средство для реализации социальной политики. Оно осуществляется через воздействие на условия жизни людей и их ценностные ориентиры [1, с. 839]. В связи с этим встает вопрос о том, участвуют ли в социальном управлении люди, на которых оно направлено? И насколько они связаны с происходящими в обществе изменениями? Ответ на вопросы – цель представленной работы.

Происходящие в обществе изменения обычно характеризуются в контексте теорий, рисующих сравнительно *статичную* картину активности людей. В том смысле *статичную*, что в ней не учитывается такой фактор, как «...скорость, с которой протекают наши взаимоотношения»; а поскольку не ставится цель «...измерить продолжительность отношений» [2, с. 36-37], то не анализируются и условия достижения их устойчивого (долговременного) характера.

В науках об обществе по-прежнему доминирует аристотелевский метод, а он, с одной стороны, ориентирован на непосредственно воспринимаемые признаки явлений, которые современная биология называет *фенотипом*. Они связаны с «субстанциональными» (описательными) понятиями. Для Аристотеля еще нет и разделения на *фенотип* и *генотип*; нет и возникновения тех «функциональных» понятий, которые на смену дихотомическим классификациям приводят *текущие переходы* [3, с. 57, 61], или *динамику* – точнее, динамику *темпоральную* (от лат. *tempus* время). С другой стороны, Аристотель «...отрицал некоторые единичные вещи – например, боль» [4, с. 49]; и создал тот «научный метод», который признает являющиеся «повторимыми» эксперименты: известно, что логика Аристотеля влияет на восприятие человека и его взаимодействие с окружающим миром на каждом шагу [5]. В контексте аристотелевского метода социальное управление – целенаправленное воздействие на людей в форме *статических* задач, в условия решения которых входит представление об обществе и хозяйственной жизни, связанное с такими понятиями, как «добросовестный» или «недобросовестный» работник,

чувство «хозяина» (предприниматель), склонный к «новаторству» человек и подобные им. Свойства людей «переносятся» на результаты их активности и признается, что «добросовестный» работник и «хозяин» (предприниматель) являются более производительными, а их формирование – условие процветания общества.

От аристотелевского способа мышления отличается галилеевский способ мышления: он предполагает сдвиг акцента с «природы объекта» на анализ его взаимосвязей и взаимоотношений с другими объектами. Признается, что, так как объект проявляет свойства во взаимодействии с другими объектами, то свойства – *характеристика конкретных взаимодействий* между объектами. Например, вес тела – не имманентно присущее его «природе» свойством, а характеристика взаимодействия тела с гравитационным полем Земли [3, с. 7-8]. В контексте этого метода мышления актуален анализ взаимодействия и влияния результатов на сам процесс, особенности его протекания и условий воспроизводства устойчивого (долговременного) характера. Пример – это профессиональный отбор и выбор профессии как элементы организации труда в современном обществе.

Профессиональный отбор предшествует обучению работника и имеет в виду те из его свойств, которые даны индивиду «от природы» (*генотип*). Так как они не изменяются при жизни людей, речь идет о профессиональной пригодности к труду. Кроме того, исследования показывают: при удачном профессиональном отборе производительность труда работника возрастает на 20-40%, не считая его высокие качественные показатели и низкий уровень утомляемости [7, с. 62]. В свою очередь, *производительность* очень напоминает *скорость*: в одном случае нередко говорят о единице расстояния в единицу времени, в другом – о единице результативности в единицу времени. Производительность человеческого труда – *результат*, деленный на *количество времени*, в течение которого он получен: триста деталей в час или три управленческих решения в минуту [8, с. 49]. В силу того, что профессиональный отбор имеет своих субъекта, объекта и цель, он понимается в «узком» смысле слова – на уровне фирмы, тогда как в «широком» – при отсутствии субъекта, или на уровне общества, – уступает место выбору профессии. В целом, в хозяйственной жизни общества взаимодействуют лица, «удачно»/«неудачно» прошедшие свой профессиональный отбор или выбравшие себе профессию. Отсюда состояние общества и его хозяйственной жизни будет описывать закон, на который обращает внимание А.А. Богданов: «... прочность цепи определяется наиболее слабым звеном, скорость эскадры – наиболее тихоходным кораблем» [9, с. 353]. *Скорость* всех действий работника и движения *тихо-/быстроходных* кораблей – физическая величина, которая в коллективных процессах, преобразуясь в *темп* совместной (групповой) деятельности, дает не *единичного*, а *совокупного* субъекта: оценка его внутренней динамика и связана с решением *темпорально-динамических* задач, требует метода, который можно определить как *социально-фрактальный анализ*. В процессе деятельности людей *скорость* их действий трансформируется в *темп* деятельности, а само действие – это уже *операция*, утратившая для каждого человека цель или мотив [10, с. 108]. Регулятором в этом случае становится *фрактальная структура* процесса – $\langle t(p \pm c) = \updownarrow 20-40\% \rangle$, где «*t*» – труд (активность), «*p*» – работник (индивид), « $\pm c$ » – «природные» способности («удачный»/«неудачный» отбор/выбор профессии), « $\updownarrow 20-40\%$ » – колебание (« \updownarrow ») производительности).

Понятие фрактала ввел французский математик Б. Мандельброт, основатель фрактальной геометрии. Фракталы – неправильные, шероховатые, пористые или раздробленные объекты, формы которых воспроизводятся в любом масштабе. В наши дни наиболее активно фрактальный анализ развивается в естественных науках, а в общественных науках дает возможность количественной проверки гипотез о взаимосвязи процессов на разный уровень [11, с. 162, 177, 180]. Если следовать Б. Мандельброту, термин *фрактал* образован от латинского причастия *fractus*, которое должно иметь значение «неправильный по форме», его пример – слово *фрагмент* [12, с. 18]. Таким образом, в фирме или в хозяйственной жизни общества, как и в глобальной экономике, имеет место дискретность: они состоят из *локальных* фрагментов (фрактал) *скорости* действий *единичных* субъектов и *темпа* деятельности *совокупных* субъектов, которые «удачно»/«неудачно» или выбрали профессию, или

прошли отбор, но благодаря которому они отличают себя (идентифицируют) от других. Кроме того, они приобретают целостность (интенсивность) в форме *темпа* (производительность) деятельности, проявляя свое отношение в интересе к его *ускорению/замедлению*, вызывая его *рост/спад*.

Метод фрактального анализа, прежде всего, применяется в экономике, где связан с гипотезой: современный рынок характеризует большая *разнородность* участников (инвесторов); а их разнообразие составляет *структуру* – проявление локальной *случайности* и *глобального детерминизма*. То есть, *фрактальная структура* (от лат. *fractus* дробленный) означает сосуществование *глобального детерминизма* и *локальной случайности*, обеспечивающее функционирование и развитие рынка [13, с. 14, 17, 21]. И здесь *фрактальная структура* отражает не само содержание рыночного процесса, а *скорость* его протекания в зависимости от внешних (информация) условий для активности инвестора.

Глобальный детерминизм и локальная случайность также *сосуществуют* в хозяйственной жизни общества. Аристотелевский способ мышления игнорирует функцию *боли* как регулятора (страдание) активности людей, что вызывает их профессиональное выгорание, а в предельном случае – болевой шок. Напротив, метод *социально-фрактального анализа* учитывает, что формы взаимодействия имеют естественное состояние и связаны с *социально-фрактальными* типами *единичных* и *совокупных* (группа) субъектов, а последние производятся в самом процессе их взаимосвязи («↔»). Иными словами, *единичные* субъекты – это « $A(p+c)=\uparrow 20-40\%$ », « $B(p-c)=\downarrow 20-40\%$ »; *совокупные* субъекты, имея свой состав, являются однородными (симметрия) и неоднородными (асимметрия) по составу – « $C(A\leftrightarrow A)=\uparrow 20-40\%$ », « $C(B\leftrightarrow B)=\downarrow 20-40\%$ », « $C(A\leftrightarrow B)=B\leftarrow A(\downarrow 20-40\%)$ ». Одни из них превосходят других по производительности, или доходности (« $\uparrow 20-40\%$ »), что является производным от «природных» способностей индивида [14]. В этом случае доходность (« $\uparrow 20-40\%$ ») оказывается *рентой*, а не *квазирентой*, так как она связана с человеком-собственником «природных» способностей, а не с теми инструментальными условиями, в которых они становятся умениями и навыками человека, что позволяет предпринимателю как организатору профессионального отбора претендовать на часть (доля) *квазиренты*. В свою очередь, доходность (« $\uparrow 20-40\%$ ») – *рента* «природных» способностей – может инвестироваться в *квазиренту* с целью развития умений и навыков работника, а ее размер зависит от рыночных условий и колебаний полезности в производстве. Иными словами, *квазирента* (фенотип) и *рента* «природных» способностей (генотип) не равны и не тождественны друг другу. Неслучайно А. Маршалл отмечает, что в хозяйстве существует «...излишек, имеющий природы ренты», относящийся к доходу, «...извлекаемому из даров природы» (15, с. 122, 586). Природным «даром» для работника является *рента* «природных» способностей, но только в том случае, если он будет *социально-фрактальным субъектом* типа « $A(p+c)=\uparrow 20-40\%$ », что делает *ренту* и участником воспроизводства социальной неоднородности.

Ренты «природных» способностей, или доходности (« $\uparrow 20-40\%$ »), никогда нет у *социально-фрактального субъекта* типа « $C(A\leftrightarrow B)$ ». Чувство *боли* не даст участнику типа « $B(p-c)=\downarrow 20-40\%$ » повышение производительности на 20-40% – до уровня типа « $A(p+c)=\uparrow 20-40\%$ » (закон «слабого» звена). Поэтому всегда в реальности будет « $C(A\leftrightarrow B)=B\leftarrow A(\downarrow 20-40\%)$ »: всегда происходит *спад* («←») или *скорости* действий, или уровня *производительности* до посильных всем (*темп*) участникам. Отсюда и *повысить* производительность возможно, лишь изменяя состав участников: « $C(A\leftrightarrow B)$ » на « $C(A\leftrightarrow A)$ ».

Итак, каждый из типов *социально-фрактального субъекта* на *локальном* (местном) уровне может возникать *случайным* образом, проявляя себя в форме *высоко-/малопродуктивных единичных/совокупных* субъектов-участников сфер жизнедеятельности общества, что его и сегментирует. Но состояние общества в целом, нередко лишь усиливая имущественное неравенство граждан, определяет *глобальный детерминизм* – « $C(A\leftrightarrow B)=B\leftarrow A(\downarrow 20-40\%)$ ». Проявление *глобального детерминизма* принимает форму *роста/спада* производительности совместной (групповой) деятельности людей на всех уровнях – это предприятие (фирма), хозяйственная жизнь общества, глобальная экономика: « $C(A\leftrightarrow A)=\uparrow 20-40\%$ », « $C(A\leftrightarrow B)=B\leftarrow A(\downarrow 20-40\%)$ ». Если участники совместной

(групповой) активности непрерывно изменяются, она пребывает режиме *самопроизвольного колебания* – « $C(A \leftrightarrow A/B) = \uparrow 20-40\%$ ». Продуктивность процесса взаимодействия между людьми вызывается не человеком, а *фрактальной структурой* в форме « $t(p \pm c) = \uparrow 20-40\%$ »: результат процесса влияет на *темп* (производительность) его осуществления, а *рента* «природных» способностей выступает как «внутренний» ресурс в форме инвестиции в развитие совместной (групповой) активности. Именно участники социального управления определяют его *плодотворность*, которое формируется согласно действию закона «слабого» звена, не исключая и « $C(A \leftrightarrow A) = \uparrow 20-40\%$ ».

Список литературы

1. Энциклопедический социологический словарь / Общая редакция академика РАН ОСИПОВА Г.В. – М.: ИСПИ РАН, 1995. – 939 с.
2. Тоффлер, А. Футурошок / А. Тоффлер. – СПб.: Лань, 1997. – 464 с.
3. Левин, К. Динамическая психология: Избранные труды. – М.: Смысл, 2001. – 572 с.
4. Рорти, Р. Философия и зеркало природы / Р. Рорти. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. 297 с.
5. Вильямс, Б. Торговый хаос. Экспертные методики максимизации прибыли / Б. Вильямс. – М.: ИК Аналитикс, 2000. – 198 с.
6. Мялкин, А.В. Способности и потребности личности: диалектика формирования / А.В. Мялкин. – М.: Мысль, 1983. – 260 с.
7. Архангельский, Г.А. Организация времени / Г.А. Архангельский. – СПб.: Питер, 2005. – 448с.
8. Богданов, А.А. Письмо Луначарскому 19 ноября (2 декабря) 1917 г. / А.А. Богданов // Богданов, А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. – М.: Политиздат, 1990. – С. 352-355.
9. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
10. Сериков, А.Е. Фрактальный анализ временных рядов / А.Е. Сериков // Социология: 4М. – 2006. – №22. – С. 162-183.
11. Мандельброт, Б. Фрактальная геометрия природы / Б. Мандельброт. – М.: Институт компьютерных исследований, 2002. – 656 с.
12. Петерс, Э. Фрактальный анализ финансовых рынков. Применение теории хаоса в экономике / Э. Петерс. – М.: Интернет-трейдинг, 2004. – 304 с.
13. Томилов, В.А. Выбор профессии как фактор социального риска. Монография / В.А. Томилов. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 201 с.
14. Маршалл А. Основы экономической науки / А. Маршалл. – М.: Эксмо, 2007. – 832 с.

ТРУДОУСТРОЙСТВО ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ В УСЛОВИЯХ МОНОГОРОДА КАК ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Тюплина И.А.

Спецификой территориального расселения и размещения производительных сил в России является высокий удельный вес моногородов, функционирование и развитие которых почти полностью зависит от градообразующего предприятия. Это порождает пространственную дифференциацию социально-экономического развития, обуславливает формирование зон социальной напряженности и невозможность удовлетворения жизненно важных потребностей населения. Остановимся на одной из социально-экономических проблем моногородов, которая актуализируется, с одной стороны, влиянием глобального экономического кризиса, а, с другой, - изменением парадигмы высшего профессионального образования, и представляет собой дисбаланс между спросом и предложением на рынке труда специалистов.

Нельзя не согласиться с тем, что «современное российское образование явно проигрывает с экономической точки зрения советской образовательной модели в связи с отсутствием системы трудоустройства выпускников, что значительная часть выпускников всех образовательных ступеней трудоустраиваются не по полученной специальности» [4, с. 13-14]. Вместе с тем, «условия глобальной конкуренции требуют ...усиления практической направленности образования. Сегодня

профессиональное образование не имеет устойчивой связи с рынком труда» [1, с. 22]. Современный рынок труда представляет собой «систему общественных отношений, отражающих уровень развития и достигнутый на данный период баланс интересов между присутствующими на рынке силами: предпринимателями, трудящимися и государством. Однако ситуация на рынке труда в нашей стране ...осложнилась в связи с мировым финансовым кризисом, следовательно, большое значение сегодня придается вопросам регулирования рынка труда. Регулировать рынок труда – значит, прежде всего, поддерживать общественные условия, при которых купля-продажа труда становится необходимой. Под регулированием рынка труда следует понимать поддержание его существования, выживания в различных условиях» [3, с. 27].

Рынок труда города Магнитогорска можно разделить на два сегмента: рынок труда рабочих и рынок труда специалистов. В целом на рынке труда специалистов прослеживается тенденция к трудоизбыточной конъюнктуре:

- предложение специалистов с высшим образованием превышает спрос,
- увеличение доли безработных с высшим образованием,
- спрос на высококвалифицированных специалистов,
- чрезмерное предложение женского труда,
- увеличение тенденции работы не по специальности,
- некоторое увеличение числа вакансий в целом.

Социологическое осмысление вызовов высшей школе со стороны рынка труда позволяет предложить следующие основные рекомендации [2].

1. Мониторинг мнений работодателей, в том числе и потенциальных, изучение их потребностей, требований.

2. Поиск целевой группы работодателей, усиление взаимодействия с ними (привлечение к чтению лекций, проведению мастер-классов, участие в работе ГЭК, выполнение выпускных квалификационных работ на базе и по заявкам организации-базы практики).

3. Корректировка учебных планов в пользу практической подготовки студентов, введение практики на предприятиях и в организациях, начиная с первого курса.

4. Разработка и проведение действенной социальной и кадровой политики в организациях и на предприятиях, направленной на рекрутирование, адаптацию и карьерный рост молодых специалистов.

5. Участие организаций и предприятий в региональных и муниципальных программах адаптации молодежи на рынке труда.

6. Развитие внутривузовской системы трудоустройства выпускников, включение в ее состав подразделений, занимающихся организацией практик.

7. Повышение мотивации выпускников на увеличение качества своей конкурентоспособности на рынке труда. Особенно это касается качества трудоустройства. Менее половины выпускников, обратившихся в Центр занятости населения (ЦЗН), трудоустраиваются по специальности, большая часть - по вакансиям, для которых часто высшее образование не требуется.

Следует обратить внимание на то, что часто выпускник не в состоянии решить проблему трудоустройства самостоятельно, и его нужно этому учить. Для того чтобы достигнуть цели — найти подходящее место работы, выпускнику требуется не только диплом о высшем образовании, но и специальные знания о состоянии рынка труда, об условиях работы по специальности, о правовых сторонах трудоустройства, о планировании карьеры, о психологических навыках поведения при собеседовании, самопрезентации и т. д. Это сегодня необходимо, чтобы стать полноправным субъектом рынка труда. Кроме этого, выпускники вузов должны понять, что Центр занятости населения далеко не всегда помогает при трудоустройстве по специальности, поскольку работает по заявкам предприятий и организаций. Работодатели предпочитают подбирать кадры, не обращаясь в ЦЗН, на основе личных контактов и рекомендаций. Поэтому первое место среди каналов трудоустройства в городе занимают социальные связи.

Моногород целесообразно рассматривать как фактор, не только актуализирующий проблему трудоустройства выпускников вузов, но и определяющий социальное самочувствие населения в целом. Обеспечение достойного качества жизни в монопрофильном городе невозможно без градообразующего предприятия, благополучие и стабильность которого, в свою очередь, зависит от цикличности мирового рынка. При ухудшении конъюнктуры рынка соответственно ухудшается состояние бюджета города и жителей. У монопрофильного города нет возможности диверсифицировать этот риск по определению. Жесткая зависимость моногорода от жизненного цикла градообразующего предприятия, ограниченная профессиональная и территориальная мобильность трудовых ресурсов не только создают естественные пределы в развитии подобных муниципальных образований, но и влияют на их социальную безопасность. Особая уязвимость и зависимость благополучия моноспециализированных городов от внешних факторов обуславливают необходимость поиска новых подходов к формированию государственной социально-экономической политики, основанной на балансе интересов хозяйствующих субъектов и всех заинтересованных сторон.

Список литературы

1. Егоров В.К. РАГС и вызовы времени / В.К. Егоров // Социология власти. - 2006. - № 3.
2. Халиков М.С. Социальное моделирование состояния и развития региональных рынков труда М.С. Халиков// Социология власти. - 2009. - № 6.
3. Якунин В.И. Роль образования как фактора современного экономического развития (часть вторая) / В.И.Якунин, С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян, М.С. Нетесова// Социология образования. - 2009. - № 6.
4. Силласте Г. Модернизация высшего образования как фактор развития рынка труда и профессий в России (социологический анализ) / Г. Силласте// Безопасность Евразии. - 2005. - № 3, №4.

ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ В ТУРБУЛЕНТНОМ СОЦИУМЕ

Щекотин Е.В.

Термин «турбулентный социум» вошел в лексикон представителей гуманитарного знания совсем недавно, в 2010-х гг. (см., например, [3; 5]). Метафора турбулентности подчеркивает ряд важных особенностей, которые выходят на первый план в современном мире: текучесть, подвижность, неустойчивость его реальности.

Одним из первых предпринял попытку раскрыть эти черты современного мира З. Бауман в своей концепции «текущей современности» [2]. З. Бауман пишет о «плавлении» некоторых твердых сущностей, пребывавших в состоянии стабильности: «плавятся» такие институты как семья, труд, государство и т.д. Текучесть рассматривается им как проницаемость границ, размывание стабильных объектов, повышенная изменчивость устойчивых форм.

З. Бауман понимает текучесть, прежде всего, как физическое движение, циркуляцию в пространстве. В подвижности разного рода объектов, их стремительном перемещении через границы он видит главную причину текучести современного мира. В большинстве современных социальных теорий подвижность связывается с увеличением скорости перемещения в физическом (Дж. Урри, А. Аппадурай) или символическом (сетевом) пространствах (М. Кастельс). Однако для более глубокого понимания турбулентного общества недостаточно акцентировать внимание на возрастании скорости перемещения физических объектов, людей, образов, электрических сигналов, на проницаемости и подвижности любых устоявшихся границ. Важно подчеркнуть, что изменяется сама природа объектов, которые циркулируют в пространстве. Так, Дж. Ло вводит понятие «потокowego (fluid) объекта». Такие объекты находятся в состоянии постоянного и постепенного изменения, меняя свою форму и очертания по мере своего перемещения в пространстве, стабилизация или слишком резкое изменение для таких объектов является катастрофой, гибелью [4].

Особое значение в турбулентном обществе имеет управление безопасностью. О. Н. Яницкий подчеркивает, что современный мир «находится в стадии всеобщего риска». Среда, в которой существует общество, крайне насыщена рисками разного происхождения и разного типа. Постоянно

возникают новые источники рисков, одна катастрофа накладывается на другую, приводя к возникновению синергетического эффекта. Сам феномен турбулентности О. Н. Яницкий оценивает крайне негативно: «"Турбулентность" в действительности означает крайнюю степень нестабильности мировой экономической и политической системы, когда вероятность достижения точки ее бифуркации и/или слома очень высока. "Турбулентность" – это всепроникающий риск ее деградации и разрушения вследствие нового этапа передела мира и его ресурсов, непримиримого конфликта культур, отягощенного локальными конфликтами и войнами» [6, с. 158]. Один из крупнейших представителей мир-системного подхода в макросоциологии, Дж. Арриги отождествляет турбулентность с системным хаосом. Состояние турбулентности он связывает с процессами распада системы отношений, сложившейся в рамках определенного этапа развития капиталистической мир-системы, и с воссозданием системы в начале нового этапа, где лидирующее положение займет новый гегемон [1, с. 126-127].

Сложившийся в современной социальной науке взгляд на турбулентность можно охарактеризовать как «озабоченность». Действительно, турбулентность оценивается как некоторый системный вызов, как временное состояние трансграничного перехода к более стабильному состоянию. Однако такой взгляд не кажется очевидным. Возможно, наблюдаемая сегодня нестабильность и неустойчивость – это как раз черты ближайшего будущего, в котором человечеству предстоит жить? Констатация турбулентности современного общества ставит ряд серьезных задач перед существующими теориями управления. В дальнейшем изложении рассмотрим эти вызовы на примере управления безопасностью в современном обществе.

Эффективность управления во многом зависит от того, в какой мере удастся учесть неоднородность, принципиальную гетерогенность управляемых объектов. Р. Агарвал анализирует причины неудачи современных макроэкономических теорий в попытке объяснить мировой финансовый кризис 2008-09 гг. и предложить выход из него. Главной причиной он считает допущение о гомогенности и взаимозаменяемости в экономике факторов производства, фирм и индустрий [8, р. 467-468]. *В макроэкономических моделях все фирмы со всеми разнообразными ресурсами рассматривают как похожие. Данное допущение позволяет использовать для управления экономикой агрегированные индикаторы (такие как ВВП, объем денег в экономике, темпы роста и т.д.). Опираясь на положения стратегического менеджмента, Р. Агарвал показывает, что данная установка неверна, и определяющее значение имеет гетерогенность ресурсов в экономике. Взгляд на макроэкономику с позиции гомогенности ресурсов позволяет найти подлинные причины финансового кризиса и предложить рецепты для скорейшего оздоровления мировой экономики.*

Аналогичные заключения представляются справедливыми и в отношении вопросов безопасности. Так, например, Х. Молотч в работе с характерным названием «Против безопасности» показывает основные недостатки сложившейся «милитаристской» идеологии [9]. Построенные по стандартизированным схемам, эти системы безопасности направлены на унификацию граждан, усиление контроля и неукоснительное подчинение этим абстрактным правилам. На многочисленных примерах Х. Молотч показывает, что такие «милитаристские» системы оказываются неспособными предотвратить теракты и зачастую сами становятся причиной многочисленных неприятностей и даже небезопасности для населения. Американский журналист Т. Аронсон утверждает, что спецслужбы США, такие как ФБР, сами фабрикуют террористические угрозы (например, с помощью тайных агентов, провоцируя психически нездоровых людей, в первую очередь мусульман, на подготовку терактов, при этом расходы на спецслужбы, которые тратятся на предотвращение террористических угроз, превышает оборот всего криминального бизнеса в США [7]).

Таким образом, подводя итоги, можно сделать выводы, что управление безопасностью требует новых подходов в условиях социальной турбулентности. Одним из таких подходов может стать применение концепта гетерогенности. В этом случае акцент в управлении безопасностью должен быть сделан на микроуровне, т.е. на непосредственных практиках взаимодействия, учитывающих локальную специфику и особенности. Сложные закрытые системы базируются на усилении контроля

как главного инструмента в обеспечении безопасности. Их методы – унификация и конструирование абстрактных типов, закрытость и строгое разграничение, универсальность правил и схем и т.д. Такие системы эффективны для стабильных обществ, в которых степень диффузии, подвижности и проницаемости границ невелика.

Сегодня, когда непрерывность изменчивости становится онтологическим признаком современного мира, такие системы демонстрируют неспособность справиться с возникающими вызовами. Примеры последнего времени показывают, что такая логика ведет либо к предельной милитаризации (как в государстве Израиль, хотя здесь необходимо сделать оговорку – Израиль фактически несколько десятилетий находится в состоянии постоянной войны), либо неспособность обеспечить эффективный контроль (наглядный пример – ситуация с беженцами и мигрантами в Европейском Союзе).

Х. Молотч приводит в своей работе примеры, когда террористам удалось обойти все жесткие меры контроля, установленные в аэропортах, и пронести смертоносный груз на борт воздушного судна. Только бдительность других пассажиров и сотрудников экипажа позволила вовремя обнаружить террористов и их обезвредить. Способность действовать в конкретных обстоятельствах простых граждан и сотрудников, непрофессионалов, оказались решающими факторами в предупреждении терактов.

Список литературы

1. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Издательский дом «Территория будущего». 2006. 472 с.
2. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер. 2008. 240 с.
3. Данилова Е. Н. Турбулентное время... в Швейцарии // СОЦИС. 2012. № 3. С. 3-5.
4. Ло Дж. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. Том 5. 2006. № 1. С. 30-42.
5. Ядов В. А. Каким мне видится будущее социологии // СОЦИС. 2012. № 4. С. 3-7.
6. Яницкий О. Н. «Турбулентные времена» как проблема общества риска // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 155-164.
7. Aaronson T. The Terror Factory: Inside the FBI's Manufactured War on Terrorism. New York: Ig Publishing, 2013.
8. Agarwal R., Barney J., Foss N., Klein P. Heterogeneous resources and the financial crisis: implications of strategic management theory//Strategic Organization. November 2009. Vol 7(4), pp. 467-484.
9. Molotch H. Against Security: How We Go Wrong at Airports, Subways, and Other Sites of Ambiguous Danger, Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2014.

РАЗДЕЛ 3. МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В КАЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА МОЛИТВЫ

Ардальянова А.Ю., Кузина И.Г.

Молитва как объект социологического исследования – феномен уникальный и неоднозначный. С одной стороны, молитва является частью духовной жизни человека, носит индивидуальный и творческий характер. Это наиболее распространенное религиозное действие, наличие у человека подобной практики позволяет характеризовать его как «верующего».

С другой стороны, молитва несет за собой «доброделание» в пользу других людей, что характеризует ее как действие социальное; следовательно, открывается возможность для его социологической интерпретации.

По свидетельствам исследователей проблемы [см.1,2,3], молитва выполняет множество личностных и социальных функций. Кроме традиционных – таких как славословие, поклонение, благодарение, прошение, – она способствует выявлению собственного «Я» и духовному росту человека, помогает обогащению мира его переживаний. Так же молитва воздействует на процессы развития социального оптимизма, преодоления социальной тревожности и формирования нравственных ценностей – доброты, милосердия и сострадания к другим людям. В результате она опосредованно влияет на совершение человеком социально полезных действий, развитие самопомощи и оказание помощи и поддержки тем, кто в ней нуждается.

Определенное представление о роли молитвы в повседневности людей можно получить, изучая религиозное поведение населения. С позиции социологии, это возможно в рамках такой теории среднего уровня как социология религии, в основе которой лежит ряд подходов, позволяющих с различных теоретических позиций раскрывать важнейшие аспекты этой научной дисциплины. Основой каждого из них выступает то или иное представление о характере реальности и исходном принципе ее объяснения.

Повседневность определяют как основную предпосылку исследований в социальных науках. Фундаментальным тезисом здесь служит представление о социальной повседневности как о «верховой реальности» [4], связанной с переживанием объективного существования вещей и явлений. Повседневность выступает фоном всех социальных взаимодействий, являясь таким образом неисчерпаемым источником познания. При этом феноменологический способ познания мира делает акцент на постоянной активности и безграничных возможностях людей в «социальном конструировании реальности» [5]. В жизненном мире, мире социальной практики (по А. Шюцу), происходит «наложение» различных «конечных областей значений» друг на друга; это касается и отношений повседневности и религии.

Социология оперирует различными эмпирическими методами исследования молитвы. Здесь применимы как количественные, так и качественные исследования. Количественные исследования применяются в рамках социологических опросов, при этом выявляются такие показатели как частота молитвы, ее цель и форма (индивидуальная и коллективная). Так, например, данные общероссийского опроса, проводимого Фондом общественного мнения в июне 2013 года [6] демонстрируют следующие показатели. Россияне молятся в основном своими молитвами и чаще всего верующие отмечают, что основная цель молитвы для них в том, чтобы попросить помощи для себя (17%), поблагодарить Бога (16%) и получить от него наставление на путь истинный (15%). Значительно меньше тех, кто утверждает, что для них основная цель молитвы в том, чтобы попросить помощи для других (6%). При этом большая часть респондентов чувствует особенно сильную связь с Богом, когда они молятся в одиночестве (29%).

Кроме того, исследование молитвенной практики используется для определения индекса воцерковленности [7]. Определение степени религиозности населения начинается с анализа образа

жизни, для описания которого исследователи выделяют пять переменных: «частота посещения храма», «частота причащения», «регулярность чтения текстов Священного Писания», «форма молитвы» и «пост». Это своеобразные «опорные точки», показательные для религиозного образа жизни: таким образом, если они явно выражены в образе жизни человека, то можно говорить о высокой степени его воцерковленности. Молитва же, по мнению исследователей, «одно из самых трудных деланий», так как молитва всегда требует усилия, особенно каждый раз для своего начала.

При проведении опросов населения шкала выстраивается следующим образом: на вопрос: «Молитесь ли Вы вообще и какими молитвами?» – ответы группируются по таким позициям, которые в совокупности с данными по другим шкалам формируют данные по воцерковленности. Лица с самой слабой по степени воцерковленности (группа О) отвечают на поставленный вопрос отрицательно – «как правило, нет»; слабовоцерковленные (группа С) – «иногда молюсь своими молитвами»; «я молюсь церковными молитвами довольно часто» – такой ответ характерен для начинающих (группа Н); «я молюсь церковными молитвами почти каждый день» – полувоцерковленные (группа П); «я стараюсь читать утреннее и вечернее правило (или правило Серафима Саровского)» или другую какую-либо ежедневную молитву – данный ответ характерен для воцерковленных православных.

Следует обратить внимание на то, что основной индекс включает пять вопросов по пяти переменным, которые диагностируют степень воцерковленности человека. Эти пять вопросов, вместе с шестым, определителем, образуют то, что можно назвать «индексом воцерковленности».

Таким образом, исследование формы индивидуальной молитвы и обобщение количественных показателей может демонстрировать религиозность и воцерковленность населения в целом.

Качественные методы исследования молитвы, на взгляд авторов, более информативны. Основными методами получения информации здесь выступают неформализованное наблюдение и индивидуальное фокусированное интервью, а также нарративное интервью. Опираясь на опыт проведения исследования роли молитвы в повседневности российских женщин в Приморском крае (2014 г.) [8], рассмотрим последние два метода несколько подробнее.

В настоящее время традиционные представления о социологическом интервью меняются, и интервью трактуется не просто как метод сбора данных, а как пространство для формирования и проверки новых гипотез, выявления социальных проблем, подлежащих в дальнейшем более систематическому анализу. Соответственно, возникают новые виды интервью, которые требуют нераздельности метода и теории, «мягкости» методологии и особого развития неформализованной части методического инструментария [9].

Интервью в социологии характеризуют как наиболее гибкий метод сбора информации, основанный на непосредственном, личном контакте социолога и респондента. Исходя из специфики исследовательской задачи, к определению типа интервью следует подходить с особой тщательностью. В исследовании феномена молитвы логичнее всего применение фокусированного интервью, с предварительным ознакомлением респондента с предметом беседы и предположением, что он компетентен в ее смысловой составляющей. Фокусировка осуществляется вокруг проблемы понимания респондентами роли молитвы и переживания молитвенной практики как отдельного аспекта их бытия. Это должно быть интроспективное интервью, с элементами ретроспекции, когда возникает необходимость обратиться к социальным биографиям респондентов; направленное, с неточной формулировкой вопросов; индивидуальное, с обеспечением отсутствия третьих лиц во время его проведения; личное, по способу общения; однократное, по процедуре. Вопросы следует формулировать общие, а частные (конкретные) вопросы могут использоваться для выявления возраста, сферы профессиональной деятельности и т.д. Проводить такого рода интервью следует без обращения к услугам профессиональных интервьюеров, а самим исследователям желательно не применять записывающие устройства, в связи с глубокой интимностью темы интервью. Большое внимание необходимо уделять и стилю проведения интервью: это должен быть «мягкий» стиль, позволяющий установить и поддерживать тесный контакт с респондентом в ходе интервью. Такой стиль предполагает, что вопросы будут заданы в максимально деликатной форме, а слушание ответов

респондента выявит внимание интервьюера к уникальности его личности и к невербальной стороне высказываний. Благодаря частичной формализации, получаемые данные могут сравниваться и подвергаться дальнейшей математической обработке. Вместе с тем, интервьюеру предоставляется большая свобода в постановке и выражении вопросов; возможность изменять их конфигурацию и порядок по ходу беседы; возможность проявить внимание к неожиданно возникающей информации, дающей увидеть проблему по-новому и пр.

Особую роль в исследовании феномена молитвы играет использование метода нарративного интервью, погружающего опрашиваемого «в глубину» исследуемой проблемы. Помимо этого, массив текста по результатам проведения нарративного интервью может быть использован для дальнейшего количественного и качественного контент-анализа.

В этих условиях «качественная» и «количественная» методологии социологического исследования приобретают все больше точек соприкосновения. Исследование феномена молитвы с помощью различных групп методов приводит к разносторонним выводам, прежде всего, о роли молитвы в повседневной жизни людей. Можно заключить, что молитва играет роль некоего «духовного моста», соединяющего повседневное и духовно-мистическое, способствует развитию самосознания, влияет на личностный рост, углубление осмысленности и усиление социально полезного начала в повседневной деятельности. Количественные исследования позволяют определить масштабы феномена, в то время как качественные выявляют целый спектр смыслов, которые могут быть рассмотрены в качестве научных проблем, дающих исследованию феномена молитвы новые перспективы.

Список литературы

1. Синелина Ю. Ю. О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. – 2001. – № 7. – С.89-96.
2. Грановская Р. М. Психология веры. – СПб.: Питер, 2010. – 480 с.
3. Гараджа В.И. Социология религии. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 348 с.
4. Щюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1056 с.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.: Медиум, 1995. – 323с.
6. Кожевина К. Ценности: религиозность. Сколько россиян верят в Бога, посещают храм и молятся своими молитвами? // URL: <http://fom.ru/blogs/10955>
7. Чеснокова В.Ф. Тесным путем. Процесс воцерковления населения России в конце XX века. – М.: Академический проект, 2005. – 297с.
8. Кузина И.Г., Ардальянова А.Ю. Роль молитвы в повседневности российской женщины // Духовно-нравственные основы будущего России: материалы научно-практической конференции. – Владивосток: ДВФУ, – 2014, – 518 с. – С. 104-110.
9. Веселкова Н.В. Полуформализованное интервью // Социологический журнал. – 1994. – №3. – С. 103-110.

МИГРАНТЫ И ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ: ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННО-КАЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА

Ардальянова А.Ю., Винокурова А.В.

Современное глобальное общество подвержено социальной трансформации, что выражается в относительно быстрых, глубоких и качественных преобразованиях во всех областях жизнедеятельности людей. В то же время для нынешнего российского социума в контексте трансформационных процессов можно выделить ряд общих характеристик. Это, во-первых, негативные изменения в уровне и качестве жизни населения; во-вторых, ухудшение состояния социальной инфраструктуры. Далее следует отметить обострение проблем занятости и широкое распространение вторичной занятости как формы адаптации населения к новым условиям, а также усиление дифференциации населения и неблагоприятные изменения в социальной структуре общества.

Но мы хотим акцентировать внимание на том, что все складывающиеся проблемные ситуации напрямую встроены в региональный контекст. Другими словами, имеет место своеобразная регионализация отмеченных нами выше негативных социальных процессов, которые, накладываясь на геополитические, экономические, социокультурные особенности, приобретают своеобразие и региональный колорит.

Выявление приоритетов социально-экономического развития регионов требует, в первую очередь, тщательного анализа и оценки динамики миграционных процессов. Основными факторами социальной макросреды, влияющими на миграционное поведение, являются географическое расположение, определенные особенности экономики региона, уровень урбанизации, состояние инфраструктуры. Если учитывать данные характеристики применительно к Приморскому краю, то следует отметить, что Приморье представляет собой весьма специфическое территориальное образование, это портовая и приграничная зона, имеющая прямой выход на страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Край максимально, по российским масштабам, удален от европейской части страны и федерального центра. В то же время, на Дальнем Востоке, по сравнению с другими регионами, Приморский край является наиболее благоприятным по климатическим, экономическим и транспортным условиям. Поэтому вполне закономерно, что при всех проблемах послесоветской демографической убыли населения, Приморский край остается одним из наиболее заселенных регионов Дальнего Востока. Если сопоставлять его с другими территориями Дальневосточного федерального округа, то здесь самый большой демографический потенциал и наибольшие трудовые ресурсы. На 1 января 2015 года численность постоянного населения Приморского края составила 1,933 млн. чел. В других крупных регионах ДВФО жителей меньше (в Хабаровском крае население на полмиллиона меньше, а в Якутии – меньше на миллион) [1].

Но, несмотря на относительное благополучие на фоне других территориальных образований Дальнего Востока, демографическая ситуация в Приморском крае остается негативной. В настоящее время процесс уменьшения числа жителей Приморского края продолжается. В 2013 году в Приморье численность жителей сократилась на 8,7 тыс. чел. [2]. По прогнозу Приморскстата, к началу 2017 года население сократится до 1,917 млн чел. Численность лиц трудоспособного возраста уменьшится на 40 тыс. чел. [3].

По мнению экспертов, в краткосрочной и среднесрочной перспективе основным источником демографического роста видится миграционный прирост населения. Приморский край обладает определенной привлекательностью для трудовых мигрантов. Это, в первую очередь, связано с осуществлением крупных инвестиционных проектов: трубопроводная система «Восточная Сибирь – Тихий океан», спецморнефтепорт «Козьмино», строительство транспортного узла Находка – Восточный, реализация проекта «Свободный порт Владивосток» и пр.

В то же время, анализируя процессы миграции и особенности поведения трудовых мигрантов, мы, разделяя мнение многих отечественных и зарубежных авторов, отмечаем ряд проблем, связанных с их включенностью в культурную среду принимающего сообщества. К их числу следует отнести трудности взаимодействия с местным населением, сложности профессионального определения, жилищно-бытовую неустроенность, формирование негативных эмоциональных состояний (тревожности, стресса, агрессивности, страхов), трудности некоторой части мигрантов в освоении русского языка, культуры, обычаев российского народа. Для трудовых мигрантов весьма актуальна проблема интеграции в принимающее сообщество, так как новый культурный контекст, в который переселенцы попадают, приводит к изменениям, переживаемым в процессе адаптации. Эффективность и позитивное направление этого процесса зависит от множества внешних и внутренних факторов, в том числе и от отношения общественности к трудовым мигрантам, представления проблем миграции в СМИ.

Именно поэтому нам представилось целесообразным проведение исследования, выявляющего отношение жителей Приморского края к мигрантам и проблемам их культурной интеграции в регионе. Исследование носило разведывательный характер. Оно проводилось в августе 2015 года. Выборочная

совокупность пространственно локализована в пределах муниципальных образований Приморского края, таких как Владивостокский городской округ и Находкинский городской округ. Объем выборки составил 200 человек (репрезентативно по полу, возрасту, уровню образования). Основной метод сбора информации – анкетный опрос, дополненный полуформализованными интервью. Исследование проведено по методике Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (ЕАWARN) в целях реализации социально значимого проекта «Интеграция мигрантов и предупреждение рисков национализма в регионах России. Разработка типовой программы интеграции» (грант РНФ № 14-18-03090).

Основной блок вопросов инструментария позволяет проанализировать уровень доверия к СМИ в вопросах освещения миграционных процессов в Приморском крае. На вопрос «Доверяете ли вы газетам, радио и телепередачам, которые рассказывают о мигрантах?» ответы респондентов распределились следующим образом: «доверяю» – 16%, «иногда/некоторым доверяю» – 54%, «не доверяю» – 21%, «затрудняюсь ответить» – 9%.

Относительно вопроса «Доверяете ли вы сообщениям из Интернета о мигрантах?» были получены такие распределения: «доверяю» – 9%, «иногда/некоторым доверяю» – 59%, «не доверяю» – 22%, «затрудняюсь с ответом» – 10%.

Анализируя возрастной состав респондентов, ответивших положительно на данный вопрос, можно отметить, что молодежь больше доверяет Интернет-источникам, нежели старшее поколение. При этом очень частыми являлись такие комментарии молодых людей, как: «я не смотрю телевизор» или «не читаю газет». Следует отметить, что рост доверия к Интернет-источникам является общероссийской тенденцией, однако, это не особенно выражено в ответах на вопросы о доверии печатным и электронным СМИ в Приморском крае. На наш взгляд, данный факт обусловлен требованиями к выборочной совокупности: доля лиц с высшим образованием не более 30%. Это обстоятельство, соответственно, влияет на форму досуга и способ получения оперативной информации. Для лиц, чья профессиональная деятельность в большей степени связана с физическим трудом, характерны так называемые «диванные» формы досуга, при этом телевидение становится приоритетным источником получения информации.

Сравнительный анализ доверия информации о мигрантах, представленной в традиционных СМИ и Интернет-источниках, позволяет сделать вывод о том, что индекс доверия к этим источникам информации примерно равен, однако традиционные СМИ находятся в несколько большем приоритете. Так, доверяют СМИ 15% опрошенных, Интернет-источникам – 8%; доверяют «иногда и некоторым» СМИ 54% респондентов, Интернет источникам – 60%; не доверяют СМИ и Интернету практически в равных долях 21% и 22% респондентов соответственно; затруднилось ответить на вопрос практически равное количество респондентов – 9% (традиционные СМИ) и 10% (Интернет-источники).

Комментируя свои ответы, респонденты указывают на тот факт, что показанный по телевизору сюжет всегда вызывает больше доверия, чем опубликованный материал в печати или Интернет-источнике. Видеосюжет, по мнению респондентов, наглядно демонстрирует ситуацию: «лучше увидеть, чем прочитать», «по телевизору просто так не покажут», «когда видишь, все и так понятно». Такие комментарии высказывали респонденты при ответах на вопросы о доверии СМИ. Явно выраженное негативное отношение к Интернет-источникам высказывают, по большей части, лица старших возрастных групп. Часто ответы на вопрос о доверии респонденты в возрастной категории от 60 лет и старше сопровождали комментариями о вреде сети Интернет: «все зло из Интернета», «Интернет – развращает» и т.д.

Далее респондентам был предложен вопрос такого характера: «В газетах, на радио и телевидении звучат обидные названия мигрантов. Приходилось ли вам их слышать?». Следует отметить, что данный вопрос разделил респондентов на две условные группы: тех, которые с легкостью отвечали, что такие названия слышали; и тех, кто говорил о том, что, скорее, слышали эти названия в обыденной жизни, но не могут припомнить, что им доводилось слышать таковые в СМИ. Между тем, ответы респондентов распределились следующим образом. Утвердительно на поставленный вопрос, но без

обозначения примеров, ответили 22,5% респондентов; не только согласились с утверждением, но и привели примеры таких названий 54,5% опрошенных; отрицательно ответили на вопрос – 18,5%; затруднились с ответом – 4,5%.

Среди названных вариантов «обидных названий» мигрантов лидирует термин «чурки» (чурики, чуры, чуркменистан, чуркобесье) – 60 упоминаний. Также были названы «гастарбайтер» – 41 упоминание, «хачи» (хачики) – 34, «китаезы» (киты, узкоглазые) – 13 упоминаний, «азеры» (ары, армяшки) – 13 упоминаний. Особое место в лингвистическом описании мигрантов занимают телегерои сериала «Наша Раша», транслируемого каналом ТНТ, Равшан и Джамшут («равшан» – 14 упоминаний, «джамшут» – 9 упоминаний, «молдавашки» – 3 упоминания). Сравнительно новым для Приморского края является такое название мигрантов, как «укропы» (2 упоминания) – так называли украинцев в советский и постсоветский период – и «заробитчане» (1 упоминание) – такое наименование мигрантов характерно, в основном, для самих украинцев. Данное лингвистическое новшество обусловлено появлением в Приморье украинских беженцев и переселенцев.

В целом, можно сделать вывод, что отмеченные респондентами наименования мигрантов соотносятся с этническим составом мигрантов в Приморье, где наибольшее число трудовых мигрантов составляют выходцы из Средней Азии, республик Закавказья, сопредельных с Приморским краем стран АТР. Чтобы избежать распространения общественных предубеждений в отношении мигрантов, следует повышать качество информирования граждан о порядке, объемах, обоснованности привлечения иностранной рабочей силы. При этом необходимо разъяснять задачи миграционной политики, в средствах массовой информации публиковать обзоры о требуемом количестве рабочих рук в конкретных отраслях и сферах занятости. Такая информационная работа будет препятствовать распространению бытовых стереотипов о приезжих как о непрошенных, нежелательных и даже опасных гостях, создающих для местных жителей конкуренцию на рынке труда.

Практика проведения классического социологического опроса в сочетании с полуструктурированным интервью позволяет получить более четкую картину восприятия общественным мнением трудовых мигрантов. Так, например, весьма ценными, на наш взгляд, являются комментарии респондентов относительно выбора источника информации, одобрительные либо отрицательные невербальные реакции на упоминания национальностей мигрантов, приведение собственных примеров и личная оценка миграционной ситуации в регионе. Комплексный анализ количественных и качественных компонентов социологического исследования миграционной ситуации в Приморском крае открывает исследователю возможность моделирования процесса интеграции мигрантов в принимающее региональное сообщество.

Список литературы

1. Оценка численности постоянного населения на 1 января 2015 года // GKS.RU: официальный сайт Федеральной государственной службы статистики. 2015. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 25.09.2015).
2. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2013 году // GKS.RU: официальный сайт Федеральной государственной службы статистики. 2015. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_107/Main.htm (дата обращения: 23.09.2015).
3. Социально-экономическое положение Приморского края // PRIMSTAT.GKS.RU: официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. 2015. URL: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/ru/publications/ (дата обращения: 14.09.2015).

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОЦЕНКИ КАК СЛЕДСТВИЕ ВЫРАЖЕННОСТИ ЛИЧНОСТНЫХ ТИПОВ

Басимов М.М.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 13-06-0525а

В современных условиях линейное мышление, до сих пор доминирующее в некоторых областях науки, становится принципиально недостаточным, и даже опасным, в нелинейной сложной реальности [22]. «Нелинейность» – фундаментальный концептуальный узел новой синергетической парадигмы [13].

Но при этом можно отметить, что большинство социологов крайне далеки от концепции нелинейности в социологии, и это подтверждает европейский конгресс «11th Conference of the European Sociological Association 2013 (Torino)», в тезисах которого «non-linear» или «nonlinear» как слово или часть слова встречается (кроме наших материалов [14, 15, 16, 17] только в 10 тезисах (всего около 3000 тезисов). При этом чаще это общие фразы о нелинейности и авторы далеки от конкретной реализации этой концепции.

Для анализа данных использовался авторский подход к понятию статистической связи (нелинейной, линейной) в социологических исследованиях [3] посредством реализации обобщенного варианта метода множественного сравнения [2] для квантильных разбиений данных по каждому измеряемому параметру с отказом от предварительного выдвижения гипотезы о форме зависимости. Коэффициенты силы связи SV нормируются таким образом, чтобы значение $SV=1$ соответствовало бы единичной линейной корреляции $R=1$, полученной для линейной функции (например, $Y=X$).

Изучение нелинейных связей по авторскому методу [18] ранее апробировалось в различных по содержанию социологических исследованиях: социология молодой семьи [11, 21], демографические планы населения [12, 20], социология профессий [19], политическая социология [1] и т.д.

Кроме того, изучение нелинейных связей по авторскому методу [4] апробировалось также в различных психологических исследованиях, представляющих разноплановые области психологической науки: психология дошкольников и подростков [5, 6], этнопсихология [7, 8], психология профессий [9], психология стресса [10] и т.д.

В рамках проведенного исследования по изучению толерантности в молодежной среде как явно зависимый социологический параметр по отношению к психологическим параметрам, описывающих психологический портрет – тип личности, определилась (5 сильных связей) степень согласия с суждением «Люди одних национальностей от природы лучше других» по шкале: совершенно нельзя согласиться (1 балл) – полностью можно согласиться (5 баллов). Таким образом, межнациональные преимущества в представлениях молодого поколения прогнозируются в рамках синергетических представлений типом личности, являются психологически обусловленными.

Психологический портрет респондентов диагностируется по методике Дж. Олдхема и Л. Морриса определения «Типа личности» и «Вероятностных расстройств» данного типа (14 категорий типов личности). Тест определяет «норму» и «акцентуацию» определенного типа личности. Персональный тип – это неповторимая смесь 14 типов.

Рассмотрим кратко 5 выявленных сильных зависимостей степени согласия с суждением «Люди одних национальностей от природы лучше других» от компонент типа личности. Для первых 4 зависимостей наблюдается общая форма связи – это зависимость с минимумом и значительной общей положительной динамикой при сравнении 1 и 4 кварталы, (1 и 3 триады) независимой переменной, в качестве которой выступает компонента типа личности (в скобках указано соответствующее типу личности наиболее вероятное для него психическое расстройство): авантюрный (антисоциальный); деятельный (активность на грани срыва); чувствительный (уклонение); преданный (зависимый).

В этих зависимостях, прежде всего, следует отметить, что высокий уровень (наибольшая кванта – третья или четвертая часть респондентов) выраженности компоненты личностного типа способствует наибольшему принятию утверждения, что люди одних национальностей от природы лучше других. Но при этом рассматриваемые зависимости – это зависимости с минимумом, т.е. далекие от линейных

(пропорциональных), и минимальные значения, когда респонденты категорически несогласны с утверждением, что люди одних национальностей от природы лучше других, приходится на средний уровень выраженности 4 типов личности.

В представленных ниже зависимостях указаны сравнительные весомости зависимого параметра Y: «Отношение к суждению, что люди одних национальностей от природы лучше других» для кварт (триад) независимых переменных (X: компоненты типа личности); коэффициенты силы связи для двух параметров, в скобках сила связи обратной зависимости, т.е. зависимости X(Y); а также для сравнения приведен коэффициент линейной корреляции, который в рассматриваемых зависимостях интереса не представляет.

1. Зависимость параметра "Отношение к суждению, что люди одних национальностей от природы лучше других" (Y) от параметра "Тип (D) Авантюрный" (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X-1 (-2654); X-2 (-19879); X-3 (+396); X-4 (+31712)

Коэффициент силы связи = 0.86 (0.30)

Коэффициент корреляции = 0.27

2. Зависимость параметра "Отношение к суждению, что люди одних национальностей от природы лучше других" (Y) от параметра "Тип (E) Деятельный" (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X-1 (-8880); X-2 (+2495); X-3 (-11721); X-4 (+10938)

Коэффициент силы связи = 0.60 (0.16)

Коэффициент корреляции = 0.19

3.1. Зависимость параметра "Отношение к суждению, что люди одних национальностей от природы лучше других" (Y) от параметра "Тип (H) Чувствительный" (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для триад по шкале X:

X-1 (-1540); X-2 (-20587); X-3 (+14188)

Коэффициент силы связи = 0.90 (0.07)

Коэффициент корреляции = 0.16

3.2. Зависимость параметра "Отношение к суждению, что люди одних национальностей от природы лучше других" (Y) от параметра "Тип (H) Чувствительный" (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X-1 (+900); X-2 (-17745); X-3 (+398); X-4 (+12787)

Коэффициент силы связи = 0.62 (0.07)

Коэффициент корреляции = 0.16

4.1. Зависимость параметра "Отношение к суждению, что люди одних национальностей от природы лучше других" (Y) от параметра "Тип (I) Преданный" (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для триад по шкале X:

X-1 (-2811); X-2 (-12065); X-3 (+20265)

Коэффициент силы связи = 0.70 (0.39)

Коэффициент корреляции = 0.30

4.2. Зависимость параметра "Отношение к суждению, что люди одних национальностей от природы лучше других" (Y) от параметра "Тип (I) Преданный" (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X-1 (-2353); X-2 (-16052); X-3 (-5478); X-4 (+35003)

Коэффициент силы связи = 0.81 (0.34)

Коэффициент корреляции = 0.30

В последней из рассматриваемых зависимостей для компоненты типа личности «Добросовестный тип» (расстройство: навязчиво-принудительный) картина принципиально другая. Положительное отношение к суждению, что люди одних национальностей от природы лучше других, свойственно, прежде всего, респондентам среднего уровня выраженности компоненты

психологического портрета «Добросовестный тип», а крайне отрицательно к суждению относятся респонденты низкого уровня выраженности компоненты психологического портрета «Добросовестный тип».

5.1. Зависимость параметра "Отношение к суждению, что люди одних национальностей от природы лучше других" (Y) от параметра "Тип (J) Добросовестный" (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для триад по шкале X:

X-1 (-21057); X-2 (+7267); X-3 (+923)

Коэффициент силы связи = 0.58 (0.29)

Коэффициент корреляции = 0.18

5.2. Зависимость параметра "Отношение к суждению, что люди одних национальностей от природы лучше других" (Y) от параметра "Тип (J) Добросовестный" (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X-1 (-19573); X-2 (+87); X-3 (+11510); X-4 (+422)

Коэффициент силы связи = 0.53 (0.25)

Коэффициент корреляции = 0.18

Таким образом, межэтническая толерантность через отношение к суждению, что люди одних национальностей от природы лучше других, в значительной степени определяется психологическим типом личности, причем полученные зависимости нелинейные, а, значит, их интерпретация возможна только на основе постнеклассической методологии и синергетического подхода.

Список литературы

1. Басимов М.М. Социологические и психологические методы изучения политических предпочтений // Коллективная монография Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С. В. Патрушева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 525 с.: ил. (Политология России). С. 474-491.

2. Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. – Курган: Курганский государственный университет, 2012. 224 с.

3. Басимов М.М. Нелинейная социология: Монография. – Курган: Курганский государственный университет, 2012. 120 с.

4. Басимов М.М. Математические методы в психологических исследованиях: Монография. – Курган: Курганский гос. ун-т, 2011. 183 с.

5. Басимов М.М. Учет нелинейных связей при освоении дошкольниками программы "Развитие" // Мир психологии. 2007. №2. С. 83-93.

6. Басимов М.М. Психологическая типологизация старшеклассников (старших подростков и юношей) по фактору успеваемости в школах нового типа // Мир психологии. 2007. №4. С. 142-158.

7. Басимов М.М., Хромов А.Б. Типология зависимостей между параметрами отношений к жизненным трудностям и проблемам в различных этнических группах // Мир психологии. 2009. №2. С. 209-222.

8. Басимов М.М., Хромов А.Б. Актуальные жизненные проблемы в оценках студентов России, Индии и США // Ученые записки РГСУ. 2010. №2. С. 140-155.

9. Басимов М.М. Требования к профессии как объект синергетики // Акмеология, Научно-практический журнал. 2011. №3 (специальный выпуск). С. 54-57.

10. Басимов М.М., Достовалов С.Г. Исследование стресса в нелинейной психологии // Акмеология, Научно-практический журнал. 2011. №3 (специальный выпуск). С. 57-61.

11. Басимов М.М. Семья и демография в нелинейной социологии // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып.5. Ч.1. Пивоваров Ю.С. (отв.ред.) и др. – М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 522-528.

12. Басимов М.М. Демографические планы жителей региона как объект синергетики // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 6. Часть 2. Редкол.: Пивоваров Ю.С. (отв. Ред.) и др. – М.: ИНИОН РАН. 2011. С. 195-203.

13. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Синергетическое мировидение. – М.: КомКнига, 2005. 240 с.
14. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of profession // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 906.
15. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of family // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 684.
16. Basimova P.M., Basimov M.M. Approval of a marriage between representatives of different nationalities in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 1346.
17. Basimov M.M. The analysis of the data in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 988-989.
18. Basimov M.M. Analysis of statistical dependences in sociological research // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013.
19. Basimov M.M. Non-linearity and synergism in sociology of profession // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013.
20. Basimov, Mikhail M. Demographic Plans of Inhabitants of Region as an Object of Synergetics // Russian Sociology in Turbulent Times / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2011. P. 208-223.
21. Basimov M.M. Family as the object of research of non-linear sociology Russian Sociology on the Move / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2010.
22. Mainzer K. Thinking in Complexity. The Complex Dynamics of Matter, Mind, and Mankind. Berlin: Springer-Verlag, 1994. P. 13.

«РЕЛИГИОЗНАЯ ВЕРА» КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН В ЖИЗНИ САРАТОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ФОКУС-ГРУПП

Бегина И.А.

Научных интерпретаций «религиозной веры» великое множество. Каждый исследователь, изучающий различные аспекты духовной жизни общества, предлагает собственное видение данного понятия. Однако в контексте изучения религиозности молодежи следует учитывать и нерелигиозное понимание веры.

По мнению социологов, религиоведов, безрелигиозная и религиозная вера различаются своим предметом. Предмет безрелигиозной веры, также как и религиозной – гипотетические, требующие дальнейшей проверки понятия, образы, суждения или понятия, суждения, относящиеся к будущему. Однако они воспринимаются как нечто естественное, то есть включенное в систему закономерностей материального мира, имеют свои реальные причины, которые могут быть выявлены и изучены. Предметом религиозной веры является сверхъестественное.

Целенаправленно, в качестве интерпретационных вариантов, можно использовать ответы респондентов, полученные в ходе фокус-группового интервью на вопрос «Что для Вас вера?».

В ходе исследования были обозначены положительные стороны религии. Многие из участников отмечали, что само наличие веры в Бога в сознании является положительным моментом: *«Хорошо что есть вера в кого-то, кто может помочь в сложной ситуации»; «Человек может опереться на что-то, что удача просто существует, но в своей жизни мы видим, что довольно часто не всегда осознанно мы просим высшие силы, чтобы именно так произошло. Хотя событие не должно было произойти, но оно происходит. И наоборот когда знаешь что так нельзя и делаешь, и ты не должен был попасть и попадаешься - это еще одно доказательство того, что есть справедливость в этом мире. Это еще одно доказательство того, что вера есть в этом мире, и есть что-то чего мы не можем доказать»; «У людей есть такое понятие как «одиночество» и как говорил Вольтер, «если Бога не было, то его следовало бы придумать». У человека появляется выдуманный друг, с которым можно посоветоваться, помолиться. Это огромный плюс. Человек, не пришедший к вере, одинок».*

Среди других положительных сторон религиозной веры выделяется поддержание традиций и образцов поведения, осуществляющихся из поколения в поколение.

Рассматривая отрицательные стороны религиозной веры, большинство респондентов выделили отсутствие самостоятельности в принятии решений (*«человек теряет самостоятельность и в этот момент он может терять способность осмысливать свои поступки»*), отсутствие творческого развития личности (*«она не дает человеку раскрыться, ставив рамки в жизни, следовательно, тормозит творческие процессы»*, *«не до конца используешь потенциал внутри себя»*, *«принадлежность к какой-либо вере означает потерю объективности восприятия веры, не воспринимается мир многогранно»*). Так же было отмечено, что с помощью рамок, ставящихся религией, происходит манипулирование сознанием и действиями человека, у него вырабатывается стереотипность мышления (*«религиозный человек теряется по жизни, надеясь на Бога»*).

Религиозный фанатизм является отрицательной стороной любой религии, по мнению большинства респондентов в возрасте 18-24 лет. Представители данной возрастной группы также отметили использование религии как средства зарабатывания денег: *«в религии много шарлатанов, пытающихся заработать на ней»*; *«выкачивание денег, создание и усовершенствование религии самой церковью»*; *«служители церкви без чести относятся к своей работе»*.

Работающая молодежь при этом отмечает среди недостатков религиозной веры ее разделительный характер: *«люди верят в то что только их вера правильная и это разделяет религии в глобальном плане»*; *«конфликты между конфессиями»*; *«нежелание посмотреть на других со стороны»*.

Тем не менее, большая часть респондентов убеждены, что *«каждому человеку необходима вера, и в принципе не важно во что - главное верить»*.

Для большинства респондентов «вера» все же носит сакральный характер, то есть основывается на религии, *«вере в Бога»*, *«вере в сверхъестественное»*, *«вере в какую-то высшую силу»*.

Другая часть молодежи определяет веру как *«инструмент, который поддерживает и придает уверенность в себе в момент упадка моральных сил»*, *«заставляет перестать сомневаться и двигаться вперед к намеченной цели, добиваться успеха»*. То есть в данной группе молодежи «вера» синонимична понятию «надежда» (*«надежда на что-то»*, *«Вера помогает, дает уверенность, надежду на будущее»*). При этом молодые люди надеются на *«помощь и поддержку своей семьи, друзей и близких»*, либо верят только *«в себя и свои силы»*, будучи уверенными в завтрашнем дне, своем будущем, отрицая влияние высших сил на свою судьбу.

Причем, атеистические представления о вере больше свойственны для молодежи в младшей возрастной группе (14 -17 лет), в ответах которых «вера» представляется как случайное стечение обстоятельств, внутреннее качество человека. В данной категории среди 14 участников фокус-групповых опросов верующими себя считают только 36 % (пять человек), причем преимущественно девушки (один молодой человек), в то время как остальные 64% участников отрицают наличие религиозной веры в себе. В их речи часто можно наблюдать повторение того, что *«я атеист»*, *«вообще-то я атеист»*, *«я ни во что не верю»*, *«я не верю в Бога»* и т.д. Для них религиозная вера совсем не значима, однако, даже среди них встречаются те, кто, самоидентифицируя себя как «неверующего», определяет свою конфессиональную принадлежность, в основном - это христианство православное (*«Вроде православный. Я-русский. К какой мне еще конфессии принадлежать!?»*), реже - мусульманство (*«Скорее всего принадлежу к исламу. Я еще точно не определился»*).

Таким образом, на сегодняшний день наблюдается ситуация когда принадлежность к той или иной конфессии определяется не в соответствии с внутренними убеждениями и разделением определенных религиозных догматов, а по национальному признаку: если русский, то значит - православный христианин, даже несмотря на то, что не верит в существование в Бога.

В то же время среди школьной молодежи встречаются и убежденные атеисты, которые воспринимают религию только как историческое наследие, либо проявление человеческой слабости: *«Вера-это традиция. Предки верили, их предки-верили...и сейчас верят по инерции (соблюдают*

посты, праздники)»; «Вера-это минус. Она проявляется только у слабого человека». «Религиозная вера-это выдумка человека для собственного утешения. Люди слабые существа и придумывают что-то, что придет извне и поможет. В религию приходят, если недостаточно веры в самого себя, слабость приводит в религию».

Верующие эту же «сторону медали» видят по-своему: «Не всегда получается верить в себя. Когда жизнь постоянно подставляет подножки и человек постоянно катится вниз, то человек перестает верить в себя. Из-за современных частностей жизни может появляться слабость, и в таких условиях нужна другая какая-то точка опоры. Такой точкой может являться церковь. Если бы ее не было, то, наверняка, многие люди из-за систематических неудач в жизни вешались бы, прыгали из окон».

Таким образом, по мнению представителей данной категории, именно слабость человека способствует становлению в нем религиозной веры.

Верующему вера дает умиротворение, спокойствие, удовлетворение, душевное утешение и надежду, что все будет хорошо. Религия всегда у них ассоциируется с добром. «Вера помогает человеку. Веря в Бога, происходит чудо и помогает справиться с проблемами... Есть инерция, то есть отдача, иначе бы вера пропала бы значит все же помогает». «Религия одухотворяет человека. Это культура, общение с людьми, сера в себя, вера в Бога. Людям это нужно». «Человеку нужно во что-то верить». «Религия укрепляет дух, помогает быть сильнее».

Однако, для «самоназванного атеиста» все перечисленные преимущества религии - это всего лишь самовнушение. «Во времена язычества религия была способом объяснить природные явления. Потом появилось христианство, мусульманство, иудаизм, которые стали рычагом для управления народом. Замучили их эти жертвы людей и стали укреплять законы, регулирующие все вокруг. Именно поэтому «религиозный рычаг» постепенно отпадает», но остаются все же те, кто следует религии». «Вера-это фанатизм, лютая вера в свершение того, что будешь просить у некой сущности». «Чудес не бывает-это случайности».

Таким образом, интерпретационные позиции в отношении понятий «вера» и «религиозная вера» у представителей саратовской молодежи носят сакральный характер, то есть ассоциируются с верой в Бога, «святое». Однако часть молодежи помимо этого смысла вкладывают в понятие «вера» внутренние убеждения, которые способствуют движению вперед, вселяют надежду на будущее.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПРОЦЕССА ВОЦЕРКОВЛЕНИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ И ПРОТЕСТАНТОВ

Белова Т.П.

В социологическом анализе социальных процессов в различных регионах России нельзя не учитывать религиозный фактор. В настоящее время в большинстве российских регионов среди христианских религиозных объединений преобладают православные, а вторыми по численности являются протестантские. По данным PewResearchCenter в 2010 г. в России насчитывалось 101,45 млн. православных и 2,56 млн. протестантов [1]. Известный отечественный религиовед Р. Н. Лункин отмечает, что к 2014 году численность верующих различных протестантских церквей и групп составила около 3 млн. человек [2, с. 139].

По результатам исследования в рамках проекта «АРЕНА» (Атлас религий и национальностей Российской Федерации), проведенного в 2012 г. в 79-ти субъектах страны (N = 56 900 чел.), православными, относящими себя к Русской Православной Церкви, являются 41 % россиян, протестантами — менее 0,5 % [3, с. 11]. Этническая структура данных религиозных групп следующая: среди православных 92 % русских, 1,5 % украинцев, 1,4 % чувашей и др.; группу протестантов составляют 79,3 % русских, 4,3 % немцев, 2,5 % удмуртов, 1,7 % башкир, 1,5 % украинцев и др. Следовательно, обе группы являются по преимуществу русскими. Различия в социально-демографических характеристиках в основном следующие: среди православных больше женщин, меньше молодёжи и рабочих, среди протестантов меньше жителей сельской местности [там же, с. 19, 47].

Важную роль религии в своей повседневной жизни отмечают 21 % православных в Церкви и 59 % протестантов. Подобные различия отмечаются в религиозных практиках: ежедневно молятся 17 % православных и 53 % протестантов; исповедуются раз в месяц и чаще соответственно 4 % и 14 %; прочитали Евангелие — 8 % и 47 %. Необходимо также отметить, что считают себя прихожанами, участвующими в жизни общины 5 % православных в Церкви и 41 % протестантов [3, с. 20, 48].

По данным исследования центра «Религия в современном обществе» наибольший процент регулярно посещающих храм наблюдается среди протестантов (81,1%) в то время как среди православных этот процент невысок. На фоне остальных конфессий протестанты меньше всего подвержены идеям, не соответствующим их вероучению, их сообщество очень консолидировано, а сами единоверцы поддерживают постоянные неформальные связи [4, с. 47].

Один из ведущих российских социологов религии И. Г. Каргина на основе сравнительного анализа видов деятельности православных и протестантских объединений делает вывод о значительно большей, по сравнению с православными церквями, ориентированности протестантских церквей на решение социальных проблем, обращение в своей деятельности вовне, за пределы церковной общины: 65% протестантских церквей России одним из основных видов деятельности называют оказание помощи нуждающимся (социальной, материальной), 31% — работу с детьми и молодежью, 16,5% — проведение работы с заключенными, 11,7% — оказание медицинской помощи [5, с. 118].

Таким образом, не только православные, но и протестантские общины обладают значительным социальным и человеческим капиталом и их деятельность заслуживает большего внимания со стороны социологов как на общероссийском, так и на региональном уровнях.

Одним из направлений исследований в области социологии религии в нашей стране в последнее время стало изучение процесса воцерковления. Начало ему было положено В. Ф. Чесноковой. Она не только дала определение термину, но и разработала методику измерения воцерковленности и апробировала ее в количественных социологических опросах. Понятие она сформулировала следующим образом: «Воцерковление — это добровольное признание человеком влияния Церкви через усвоение себе установленного в ней образа жизни и образа мыслей. При этом усвоение образа мыслей происходит параллельно и в тесной связи с усвоением образа жизни. Этот последний именно и является проводником устойчивого влияния Церкви на человека, позволяющего человеку со временем выработать себе новое отношение к миру и к себе самому» [6, с. 18].

Убедительной представляется исходная предпосылка исследовательской концепции Чесноковой: «начинать изучение религиозности населения... следует именно с понятия образа жизни» [там же, с. 19]. Своё внимание она сконцентрировала на изучении исключительно православной религиозности и для описания образа жизни православного христианина наметила пять переменных: «частота посещения храма», «частота причащения», «регулярность чтения текстов Священного Писания», «форма молитвы» и «пост». На основе измерения интенсивности этих показателей Чеснокова выделила пять групп воцерковленности (воцерковленные, полувоцерковленные, начинающие, слабовоцерковленные, невоцерковленные) [там же, с. 30-31].

В дальнейшем на эту методику опиралась Ю. Ю. Синелина и адаптировала её также к изучению религиозного поведения мусульман [7, с. 186-190].

У критиков данной методики одна из главных претензий выражается в том, что она исключает важные смысловые показатели, прежде всего мотивацию верующего, который пришел в храм, т. е. учитывает только частоту хождения в него [8, с. 118-126].

Социолог религии из Саратова Е. И. Уфимцева отмечает, что в церковно-религиозном (православном) дискурсе существует несколько значений понятия воцерковления: «1) в аспекте церковного обряда первого после родов на 40-й день совместного вхождения матери-христианки и ее новорожденного ребенка в христианский храм; 2) в аспекте религиозной и церковной социализации: как приобщение к русской православной духовной и культурной традиции; как процесс интеграции личности в церковную общность; как двусторонний процесс религиозного просвещения и образования: с одной стороны, получение личностью теоретического и опытного знания православной

веры, с другой стороны, просветительскую и образовательную деятельность Русской православной церкви, направленную как к детской, так и ко взрослой аудитории; как деятельность личности, направленная на достижение духовно-нравственного совершенства сообразно евангельскому идеалу — личности Иисуса Христа» [9, с. 41]. Второй аспект понятия релевантен и для изучения воцерковления протестантов.

Процесс воцерковления Е. И. Уфимцева описывает как состоящий из четырёх видов религиозной активности: 1) познавательной (религиозное самообразование; профессиональное образование в церковных институтах (чтение Библии, трудов церковных авторитетов, церковной литературы богословского, воспитательного и образовательного характера, использование интернет-ресурсов: радио, телеканалы и т.п.)); 2) культовой (посещение храма; участие в будничных и праздничных богослужениях; участие в церковных таинствах, обрядах, церемониях); 3) духовной (молитвенная практика; нравственные саморефлексия, самовоспитание (в том числе и физическое); 4) приходской (внебогослужебная деятельность общины/прихода (совместный досуг, праздники, детские лагеря, поездки, тематические беседы)) [10, с. 129].

В этой классификации вызывает сомнение разграничение второго и третьего типа. Но в общем такая модель применима к анализу воцерковления не только православных, но и протестантов.

Е. И. Уфимцева также выделяет две фазы воцерковления: 1) пассивную (с момента крещения до проявления интереса к вероучению) и 2) активную (от когнитивного интереса до получения места в церковной иерархии). Первая фаза отличается неосознанным, пассивным и формальным участием в церковной жизни, характеризуется отсутствием аскетического и приходского направлений религиозной активности и крайне эпизодическими проявлениями познавательной и литургической активности. Первичный институт церковной социализации — семья, агент — родственники; вторичный институт — школа, учреждение дополнительного образования, агент — друзья, знакомые, священнослужители, учителя, воспитатели. Вторая фаза характеризуется повышением уровня/интенсивности всех видов религиозной активности, регулярностью. Институты воцерковления — приход/община, агент — священник [там же].

Применительно к изучению воцерковления протестантов необходимо учитывать специфику институтов Церкви, крещения (обращения) у различных протестантских течений. Если для православных верующих Церковь — институт спасения, то для протестантов она является, прежде всего, сообществом единоверцев, идущих путём спасения через личную веру в мирской деятельности, членом которого нередко становятся после достижения совершеннолетия. Кроме того, институт священства у протестантов либо существенно отличается от православного, либо вовсе отсутствует.

Важнейший аспект изучения воцерковления — «погружение в повседневную жизнь обследуемой общности, выявление степени пропущенности повседневных актов через религиозные ценности» [11, с. 102]. Отсюда — разные пути прихода к вере и Церкви.

На основе анализа биографий православных женщин Л. П. Ипатова выделила несколько типичных путей воцерковления: 1) детский, 2) традиционный, 3) бунтующий, 4) образцово-показательный, 5) ищущий, 6) трагический [12, с. 160]. Собственные социологические опросы доказывают применимость такой типологии к протестантам.

Анализ воцерковления протестантов предполагает учёт ряда дополнительных факторов, а именно то, что они нередко сталкиваются с негативными оценками со стороны окружающих, властных структур, РПЦ. При этом в протестантских общинах новые члены встречают социально-психологическую, моральную и материальную поддержку. Организационное устройство позволяет получить несколько статусов в общине, активно включиться в проведение богослужений, социальных акций.

В целом необходимо подчеркнуть, что социологические исследования процесса воцерковления православных и протестантов содействуют преодолению взаимных негативных стереотипов и раскрывают общность целей и задач их социального служения.

Список литературы

1. Table: Christian Population in Numbers by Country. URL: <http://www.pewforum.org/2011/12/19/table-christian-population-in-numbers-by-country/> (дата обращения: 08.04.2015).
2. Лункин Р. Н. Российский протестантизм: евангельские христиане как новый социальный феномен // Современная Европа. 2014. № 3 (59).
3. АРЕНА: Атлас религий и национальностей Российской Федерации. М.: Среда, 2012.
4. Гаврилов Ю. А., Кофанова Е. Н., Мчедлов М. П., Шевченко А. Г. Конфессиональные особенности религиозной веры и представлений о ее социальных функциях // Социологические исследования. 2005. № 6.
5. Каргина И. Г. О динамике развития христианских конфессий // Социологические исследования. 1998. № 6.
6. Чеснокова В. Ф. Тесным путём: Процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический проект, 2005.
7. Синелина Ю. Ю. Возвращение русских к православию // Русский вопрос / Под ред. Г. В. Осипова, В. В. Локосова, И. Б. Орловой. М.: Экономика, 2007.
8. Лебедев С. Д., Сухоруков В. В. Тесный путь не туда? // Социологические исследования. 2013. № 1.
9. Уфимцева Е. И. Воцерковление православной молодежи в современном российском обществе // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер. Социология. Политология. Вып. 3.
10. Уфимцева Е. И. Особенности воцерковления в оценках православной молодежи // Социологические исследования. 2013. № 1.
11. Алексеева М. С. Воцерковленность как показатель религиозности // Социологические исследования. 2009. № 9.
12. Ипатов Л. П. Православные женщины: пути воцерковления // Устная история и биография: женский взгляд / Ред. и сост. Е. Ю. Мещеркина. М.: ИС РАН; СПб.: Невский Простор, 2004.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА КОНТЕНТ-АНАЛИЗА ТЕМАТИЧЕСКИХ ФОРУМОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ НАСЕЛЕНИЯ

Гудина О.В., Старикова М.М.

В современной России особую актуальность приобретает проблема наличия собственности у граждан как гаранта стабильности и «подушки безопасности» в кризисные периоды, и соответственно актуальна тема улучшения жилищных условий. Наверное, каждый человек в определенный период своей жизни, к примеру, когда приходит время создавать свою семью, задумывается, где ему жить, как приобрести и обустроить свое жилище. Жилье – важный показатель социальной стратификации в обществе, поскольку свидетельствует о доступе к одному из наиболее важных благ в жизни человека. Жилищные условия маркируют различия между людьми и позволяют выделять жилищные классы и страты.

Чтобы исследовать проблемы жилищных условий населения мы применили метод контент-анализа профильных Интернет-форумов, где жители региона могут в свободной форме высказать свое мнение и обсудить проблемы жилья. Контент интерактивного общения позволяет узнать глубинные чувства, мысли респондентов, а также понять мотивы и источники поведения людей.

Для исследования жилищных условий населения был выбран региональный сайт «Кировчанка» (Интернет-ресурс жителей Кировской области Приволжского федерального округа), а именно форумы раздела «Квартирный вопрос» [1]. Целью исследования было выявление проблемного фона жилищной сферы в общественном мнении населения. Перед нами стояли задачи: систематизировать и ранжировать по популярности тематические блоки форума, выявить ключевые проблемы и количественно обчислить сопутствующие характеристики лексики участников форума.

В данном разделе всего 659 тем, обсуждаемых за 2015 год – 168. Исходя из изменчивой и постоянно меняющейся ситуации в стране и мире, мы анализируем данные только за текущий год, т.к. пользовательский спрос на недвижимость имеет прямую зависимость от экономических показателей. Мы выделили наиболее обсуждаемые темы, которые объединили в 13 тематических блоков (таблица 1).

Таблица 1. Протокол анализа форума «Квартирный вопрос» сайта «Кировчанка»

№	Название тематического блока	Количество тем в блоке	Кол-во Онлайн стр. в темах блока	Количество ответов в темах блока	Название и количество онлайн-страниц самой большой темы блока
1	Отзывы о районах и жилых комплексах	55	456	7293	Жилой комплекс «Заречный» Киров, 126 стр.
2	Предпочтения в типе и качестве жилья	25	38	278	Какой этаж выбрать, 4 стр.
3	Отзывы о застройщиках / риэлторах	22	164	2228	Риэлторы Кирова, 98 стр.
4	Покупка / рассрочка / долевое строительство	13	20	188	Соглашение о выделении долей, 5 стр.
5	Возврат процентов (имущественный вычет), платежи	12	89	1205	Возврат 13% от уплаченных процентов по ипотеке, 57 стр.
6	Вопросы ипотеки	11	84	1145	Ипотека. Бесплатные консультации, 51 стр.
7	Материнский капитал	9	194	2815	Материнский капитал Кирова, 171 стр.
8	Жалобы и отзывы	7	9	78	Задай вопрос про включение горячей воды здесь, 2 стр.
9	Строительство, свой дом	4	60	867	Свой дом в Кирове, 48 стр.
10	Ветхое жилье	3	10	125	Аварийный дом под снос, 8 стр.
11	Аренда	3	3	9	Временная регистрация, 1 стр.
12	Программы улучшения жилищных условий	2	375	5611	Программы по улучшению жилищных условий молодым семьям Кирова, 323 стр.
13	Переезд	2	9	117	Переезд на юг, 8 стр.

* анализировались только темы, последние сообщения в которых датировались 2015 годом.

Самыми популярными по количеству онлайн-страниц в блоке стали «Отзывы о районах и жилых комплексах», в который входит 55 тем, что составляет 456 страниц и 7293 ответов, «Программы улучшения жилищных условий» (2 темы, 375 страниц и 5611 ответов), «Материнский капитал» (9 темы, 194 страницы и 2815 ответов). О чем говорят эти цифры? Самым болезненным вопросом для кировчан является выбор района, конечно, это первый вопрос, который возникает у человека, решившего приобрести недвижимость. Также, возможно, это связано с тем, что застройщиков жилья на сегодняшний день достаточно много, каждый предлагает свой продукт, со своими условиями и

акциями, в разнообразии такого предложения форумчанам хочется услышать мнения других людей, стоящих перед аналогичным выбором.

Следующими темами по популярности обсуждения стали «Программы по улучшению жилья», которые направлены в основном на молодые семьи, как и программа «Материнский капитал», которая идет следующей по популярности обсуждений. С нашей точки зрения, такие форумы с данными темами полезны в том плане, что участники делятся нюансами, которые не рассказывают в соответствующих инстанциях, дают советы, которые также могут помочь форумчанам. О чем может говорить такая заинтересованность форумчан в материнском капитале, а именно в использовании его именно на улучшение жилищных условий, а, как известно, данный сертификат можно также потратить на оплату услуг в сфере образования ребенка или на повышение накопительной части трудовой пенсии матери. Активное использование данного сертификата на недвижимость говорит о том, что для жителей города Кирова и Кировской области это слишком дорогая покупка, люди пытаются максимально использовать все средства, которые предоставляет государство в решении жилищного вопроса. Меньше всего на форуме обсуждают темы: «Аренда» (3 темы, 3 страницы и 9 ответов), «Переезд» (2 темы, 9 страниц и 117 ответов) и «Жалобы и отзывы» (7 тем, 9 страниц и 78 ответов). Можно сказать, что по сравнению с темой покупки жилья, эти темы носят более повседневный характер и не нуждаются в обсуждении.

Можно предположить, что самые популярные темы являются «болевыми точками» кировчан, более волнующие вопросы всегда обсуждаются шире и интенсивнее, что и показывает нам форум «Кировчанка». Еще одной особенностью, которую стоит отметить, является то, что некоторые темы по их количеству минимальные, например, «Программы по улучшению жилищных условий», их всего две, но обсуждаются они достаточно обширно (на 375 онлайн-страниц). Далее следует противоположная ситуация: есть темы, которые разделены на 25 крупных тем («Предпочтения в типе и качестве жилья»), но ответы и общение форумчан поместились на 38 онлайн-страницах. То есть количество тем на форуме еще не говорит о незаинтересованности форумчан в данном вопросе, наоборот, на первый взгляд, узкий круг проблем может развернуть обсуждения его участников на множество онлайн-страниц. Сегодня с позиции государства ипотека является наиболее доступным и реальным способом поддержки населения для улучшения жилищных условий. Существенной особенностью данного способа займа является его долгосрочность, обычно такой кредит дается от 5 до 25 лет. Данная тема также присутствует на форуме и, если посмотреть по количественным показателям, находится на среднем уровне интенсивности обсуждения. В этой теме множество подтем, такие как «Ипотека с государственной поддержкой», «Ипотека в различных организациях», «Ипотека без первоначального взноса, без справки о доходах, с серой зарплатой», «Ипотечное страхование», «Переуступка права по ипотеке», «Отказ в ипотеке». Что касается тональности высказываний, то в основном она нейтральная, участники форума спокойно выражают свои мысли и задают вопросы, многие пытаются помочь, немного реже встречается позитивная тональность, и только в теме «Вопросы ипотеки», а именно в двух подтемах мы заметили негативную тональность – это «Ипотека с государственной поддержкой», «Ипотека в различных организациях (как лучше оформить ипотеку)». Мы предполагаем, что негатив встречается именно в данных темах потому, что с государственной стороны иногда не поступает должной поддержки людям, которые так часто надеются на помощь, также возможно эти средства всеобщее афишируются, но не объясняется, какие именно категории населения могут рассчитывать на данную поддержку государства, отсюда возникает непонимание между заемщиками и представителями власти. Тема «Ипотека в различных организациях» тоже является спорной, ведь для каждого человека выбранная им организация является лучше, чем у других, отсюда отстаивание своих прав и выбора конкретной организации часто приводит к выбросу негативных эмоций на других участников форума.

Также интерес представила тема «выплат за ипотеку в месяц», для этого мы проанализировали отдельную тему, где каждый желающий мог высказаться, сколько составляет плата в месяц, некоторые рассказывали свою историю выбора организации, где был взят кредит, и почему именно эта

организация была выбрана. Таким образом, больше всего заемщиков в месяц платят от 12 до 15 тысяч и от 15 до 18 тысяч рублей. Наверное, это самая доступная сумма для респондентов и самая подходящая для программ ипотечного кредитования, ведь ежемесячная сумма высчитывается исходя из общей суммы займа, процентной ставки и заработной платы заемщика. Попросту говоря, если бы заемщик не смог выплачивать такую сумму каждый месяц, то ипотеку бы ему не оформили.

Наиболее типичными комментариями, представленными на форуме, являются вопросы о сборе необходимых документов для участия в определенной программе: «*Подскажите, где взять список документов? И полагается выплата за строящееся жилье, которое на момент подачи документов еще не сдано в эксплуатацию?*», вопросы о сроках реализации какой-либо программы, о месте приема документов: «*А кто-нибудь подавал документы в марте-апреле этого года? Все ли еще в силе? Принимают их? И где, на Воровского 112?*».

Есть и позитивные сообщения, в которых форумчане делятся своим успешным опытом взятия ипотеки: «*Я купила квартиру в ипотеку! Очень быстро и легко! Пробуйте*» или «*А мы наконец-то погасили ипотеку за 3 года, это просто кайф, никому не должны, квартира наша. Больше никаких кредитов. Теперь мы у Сбербанка в очень добросовестных плательщиках*».

В целом кировчане активно делятся личным опытом, задают насущные вопросы, на которые с охотой отвечают другие участники форума, поэтому негативной тональности в сообщениях меньше, чем позитивной и нейтральной, абсолютное большинство форумчан настроены в конструктивном ключе, многие при ответе на вопросы опираются на законодательство РФ, что дает нам право думать о достаточно высокой правовой грамотности жителей, решающих свои жилищные проблемы.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что есть объективные и субъективные факторы улучшения жилищных условий, и именно контент-анализ форумов в среде анонимности и свободы выражения мыслей позволяет раскрыть субъективные мотивы и переживания людей, что позволяет нам более детально и глубоко изучить проблему улучшения жилищных условий населения.

Список литературы

1. Интернет-портал «Кировчанка». Раздел «Квартирный вопрос» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kirovchanka.ru/forum/viewforum.php?f=293> (обращение к документу: 03.10.2015).

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ ДЕТСТВА:

ОПЫТ КОГНИТИВНОГО КАРТИРОВАНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕРТНЫХ ИНТЕРВЬЮ)

Еськова А.В., Филипова А.Г.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ
(проект № МД-3569.2015.6)*

При моделировании социальных систем трудно использовать строгое формализованное описание, так как в большинстве случаев отсутствуют точные количественные оценки параметров, характеристик процессов и явлений. Процесс формализации таких систем основывается на экспертных оценках, на качественных, нечетких характеристиках явлений в системе. Для анализа слабоформализуемых социальных систем используется методология «мягкого» системного анализа.

Такой анализ включает ряд этапов: целеполагание, определение границ исследования, построение концептуальной модели системы, построение субъективной модели системы – когнитивной карты, верификацию модели и проверку ее на адекватность, корректировку модели при необходимости и проведение экспериментов на модели для принятия решений.

Для реализации целей «мягкого» анализа социальная система может быть представлена в виде когнитивной карты. А.А. Кулинич определяет когнитивную карту как субъективную модель, представленную в виде ориентированного знакового графа [5]. Когнитивная карта может рассматриваться как схема, отражающая логические и математические причинно-следственные отношения, или как нормативная модель внешнего представления знаний о системе (проблеме) [1].

Исследователи подчеркивают связь появления когнитивных карт с новым классом проблем – «слабоструктурированных проблем, где построение точных моделей для анализа развития систем затруднено из-за необходимости учета большого числа факторов, часть из которых трудно измеримы» [2].

Общие модели для разных типов карт образуют схемы представления знаний о конкретных ситуациях при формализации. Основой таких моделей (карт) является ориентированный граф, вершины которого – понятия, факторы или переменные, дуги – связи, причинно-следственные отношения между ними. Между факторами, понятиями или переменными указывается знак влияния («-», «+») или сила влияния.

З.К. Авдеева подразделяет когнитивные карты по степени формализации и силе динамических проявлений на слабо формализованные когнитивные карты (СФКК), формальные когнитивные карты (ФКК), динамические когнитивные карты (ДКК) и статические когнитивные карты (СКК) [1]. В СФКК вершины ориентированного графа соответствуют коротким фразам, вес дуги и значения в вершинах интерпретируются как коэффициенты уверенности, характеризующие уверенность эксперта в существовании связи между факторами и в том, что фактор будет иметь место. В ФКК вершины ориентированного графа соответствуют понятиям, факторам или переменным, вес дуги и значения в вершинах интерпретируются как абсолютные значения, выраженные в единицах измерения, соответствующие фактору или лингвистическими оценками, веса дуг – интерпретируются как коэффициент передачи. В ДКК функции агрегирования влияний на фактор и параметры карт могут содержать время в явном виде, в СКК временной фактор отсутствует.

Когнитивные карты широко используются в управленческой практике: при анализе развития региональных систем в кризисных или других сложных условиях (З.К. Авдеева, Е.В. Жертовская), развития транснациональной компании с учетом государственной политики (С.В. Коврига, В.И. Максимов) и пр.

Мы обращаемся к методике когнитивного картирования для выявления факторов институционализации и развития российской социологии детства. За рубежом социология детства получает институциональное закрепление в начале 1980-х гг., в России несколько позже - в конце 1980-х - начале 1990-х. Институционализация отечественной социологии детства начиналась в условиях изоляции от мирового научного сообщества. Это вызвало проблемы запаздывания, "затянувшегося эмпиризма", отсутствия серьезных теоретических разработок [6].

Материалами для пилотажного исследования послужили транскрипты четырех экспертных интервью: Э1 – научный сотрудник Лаборатории мониторинговых исследований Московского городского психолого-педагогического университета; Э2 – лектор Детского лектория Политехнического музея; Э3 – председатель Исследовательского комитета «Социология детства» Российского общества социологов, Э4 - руководитель центра «Исследования современного детства» национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Выявление факторов и связей между ними осуществлялось на основе анализа экспертных представлений.

Первый этап работы по когнитивному картированию включал в себя выделение ключевых факторов, преобразованных впоследствии в вершины графов, и их графическое изображение. Факторы были разделены на две группы – факторы-причины (управляющие факторы) и факторы-следствия (целевые факторы), связи между которыми, в свою очередь, определялись как положительные и отрицательные. Например, выделению фактора «подготовка специалистов в области СД» способствовало объяснение мотивов «прихода» в социологию детства, упоминание учителей, название образовательных программ, специализированных конкурсов и пр. (см. рис. 1).

Благодаря перекрестному прочтению транскриптов интервью, были выделены целевые факторы институционализации и развития социологии детства в России. Обмен мнениями способствовал уточнению формулировок факторов. В ходе обсуждения были отсеяны дублирующиеся факторы, некоторые факторы были укрупнены, какие-то факторы были исключены как несущественные. В

результате были выделены 7 целевых факторов, свидетельствующих в пользу институционального развития отечественной социологии детства:

1. Популяризация социологии детства
2. Разработка методов и методик социологических исследований детства
3. Установление междисциплинарных связей социологии детства
4. Обогащение социологических теорий детства
5. Подготовка специалистов по социологии детства
6. Формирование научного сообщества социологов детства
7. Утверждение позиций социологии детства среди других наук

Рисунок 1 – Целевой фактор «Подготовка специалистов в области СД»

Далее решалась задача выделения из этих семи целевых факторов 3-4 наиболее важных. Значимость факторов определялась, исходя из определения институционализации как «образования стабильных образцов социального взаимодействия, основанного на формализованных правилах, законах, обычаях и ритуалах».

Параллельно осуществлялось выделение управляющих факторов, т.е. факторов, оказывающих положительное или отрицательное влияние на целевые факторы. Они в свою очередь подразделялись на управляющие факторы и наиболее эффективные управляющие факторы. В результате был сформирован набор из четырех групп факторов.

1. Целевые факторы:

- Популяризация социологии детства (9)
- Разработка методов и методик социологических исследований детства(13)
- Установление междисциплинарных связей социологии детства (21)
- Обогащение социологических теорий детства (22)

2. Наиболее важные целевые факторы:

- Подготовка специалистов по социологии детства (1)
- Формирование научного сообщества социологов детства (15)

- Утверждение позиций социологии детства среди других наук (18)
- 3. Управляющие факторы:
 - Издание специальной литературы по социологии детства (2)
 - Ранняя специализация студентов в области социологии детства (6)
 - Вовлечение школьников в социологические исследования детства (10)
 - Закрытость образовательных учреждений(11)
 - Размещение информации о социологических исследованиях детства в сети интернет (12)
 - Проведение конкурса работ по социологии детства (14)
 - Разработка обучающих социологических курсов для детей (24)
 - Отсутствие журналов по социологии детства (25)
 - Закрытие спецкурса по социологии детства (8)
- 4. Наиболее эффективные управляющие факторы:
 - Проведение специализированных конференций/секций по социологии детства (3)
 - Создание исследовательского комитета по социологии детства (4)
 - Отсутствие исследовательской команды социологии детства (5)
 - Формирование научной школы С.Н. Майоровой-Щегловой (7)
 - Слабые профессиональные коммуникации(16)
 - Привлечение молодых исследователей в социологии детства (17)
 - Финансовая поддержка социологических исследований детства (19)
 - Формирование научно-исследовательских центров, лабораторий по социологии детства (20)
 - Включение российских социологов в международные исследовательские сети (23)

Вручную была составлена когнитивная карта, иллюстрирующая связи управляющих и целевых факторов развития российской социологии детства. В процессе составления карты факторы получили порядковые номера, они были указаны ранее в скобках. В качестве примера в программе MicrosoftOfficeVisio была построена когнитивная карта в усеченном виде с выделением факторов первой и третьей групп. (см. рисунок 2).

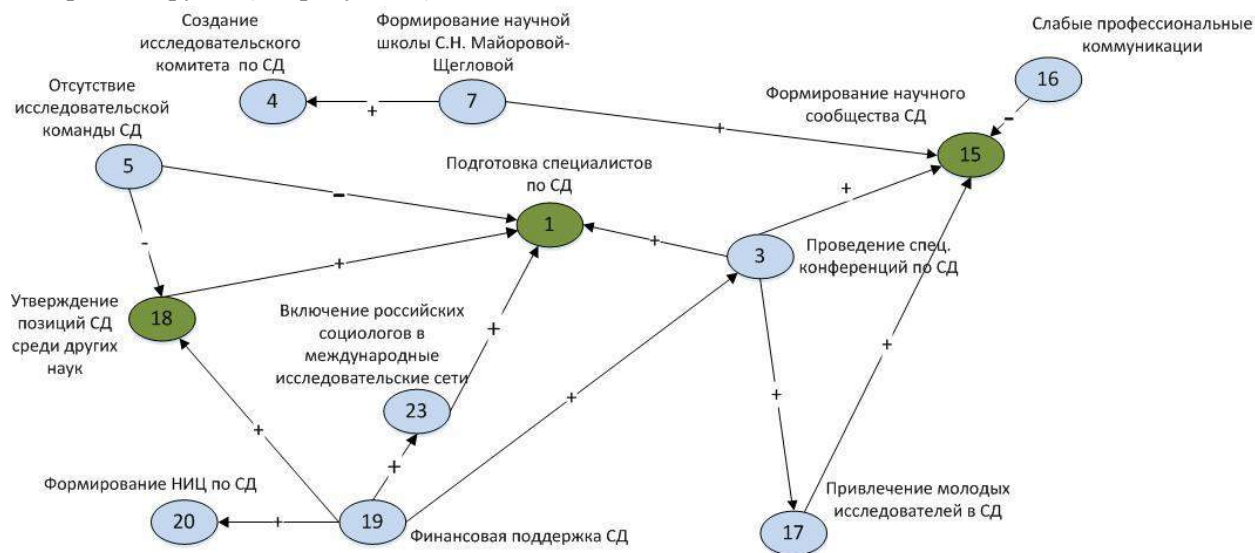

Рисунок 2 – Когнитивная карта развития социологии детства в России

Наглядность представленной на рисунке 2 информации позволяет предварительно оценить степень взаимного влияния факторов.

Итак, на данном подготовительном этапе исследования получена субъективная модель знаний о проблемах развития социологии детства. В ходе структуризации информации установлены причинно-следственные связи между факторами. На следующем этапе будет проведен детальный анализ характера влияний факторов друг на друга с помощью введения шкалы измерений, определения вида функциональной зависимости. Также будут определены возможные состояния качественных переменных-факторов с помощью совокупности значений лингвистических переменных («сильное»,

«среднее», «слабое» влияние) и текущие значения факторов. В результате будет получена когнитивная модель предметной области. Выполнение шагов итерационного процесса верификации и корректировки когнитивной карты позволит построить прогнозы развития ситуации и разработать стратегию перевода ситуации из текущего состояния в целевое.

Список литературы

1. Авдеева З.К. Сравнительный анализ выборочных когнитивных карт по степени формализации // Когнитивный анализ и управление развитием ситуаций: Труды Международной конференции (17-19 ноября 2009 г., Москва). – М.: ИПУ РАН, 2009.
2. Авдеева З.К., Коврига С.В. Формирование стратегии развития социально-экономических объектов на основе когнитивных карт. Saarbrücken: LAPLAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011.
3. Жертвовская Е.В. Разработка комплексной методики выбора и принятия управленческих решений в области развития туристского комплекса в социально-экономической системе: автореферат на соиск. уч.ст. к.э.н. Ростов-н/Д, 2007.
4. Коврига С.В., Максимов В.И. Применение структурно-целевого анализа развития социально-экономических ситуаций // Проблемы управления. 2005. № 3.
5. Кулинич А.А. Компьютерные системы моделирования когнитивных карт: подходы и методы // Проблемы управления. 2010. №3.
6. Филипова А.Г. Детство в отечественной и зарубежной социологии: субъект-объектный и диахронически-синхронический подходы // Социологические исследования. 2013. №6.

ИНТЕРНЕТ-ПРАКТИКИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Килимова Л.В., Федосова И.А.

Наше государство находится в стадии перехода к информационному обществу, данный процесс является неизбежным, поскольку Россия должна войти в мировое информационное сообщество и стать полноценным участником мирового цивилизационного развития, тем самым обеспечить себе экономическое процветание и необходимые условия для свободного развития личности. Характерными чертами информационного общества являются информационно-коммуникационные технологии, в первую очередь сеть Интернет. Интернет как средство хранения, распространения и обмена информацией представляет собой ключевой элемент инфраструктуры информационного общества. В XXI веке Интернет – это неотъемлемая часть в жизни каждого человека. Постепенно Интернет проникает во все сферы человеческой деятельности, открывает ряд новых возможностей перед своими пользователями, в связи с этим, каждый день растет число пользователей сети Интернет. «В мае 2014 года министр связи и массовых коммуникаций Российской Федерации Николай Никифоров заявил, что аудитория российского сегмента Интернета составила 68 млн. человек, а 56 млн. пользователей выходят в сеть ежедневно»[1].

Для ознакомления с данным феноменом и в целях выявления популярных видов интернет-практик, летом 2015 года нами было проведено разведывательное социологическое исследование. В исследовании приняло участие совершеннолетнее население (N=100). Данное исследование показало, что относительное большинство опрошенных (89,5%) являются пользователями сети Интернет. При этом необходимо отметить, что данные респонденты имеют разный уровень навыков пользования сетью Интернет. Почти половина респондентов (51,0%) оценивают себя как «прогрессирующие пользователи сети Интернет», чуть больше четверти (25,5%) относят себя к «неопытным пользователям», в свою очередь около пятой части (19,5%) опрошенных являются «уверенными (профессиональными) пользователями» и лишь 4,0% респондентов отнесли себя к «начинающим пользователям». Для большей части (41,0%) опрошенных респондентов сеть Интернет – это бесценное хранилище человеческого опыта полезной информации, место, где можно самореализоваться. Однако некоторые респонденты, составляющие минимальное количество (4,0%), считают Интернет системой

необходимой для поддержания работы ПК и других устройств, а также различных программ и приложений.

Использование сети Интернет в повседневной жизни человека, в настоящий момент, является больше необходимостью, чем роскошью. Интернет дает свободу человеку, способен сэкономить его время (исключение - люди с интернет-зависимостью). Относительное большинство (67,0%) пользуются сетью Интернет каждый день, практически пятая часть (20,5%) ответивших обращаются к Интернету несколько раз в неделю и лишь 2,0% респондентов используют Интернет раз в месяц. Полученные данные говорят нам о широком использовании сети Интернет.

Каждый человек использует сеть Интернет для выполнения определенных целей. В современных условиях данные технологии становятся одним из важнейших инструментов формирования потребностей, интересов, взглядов, ценностных установок, наконец, инструментом воздействия на мировоззрение человека в целом, механизмом воспитания и обучения [2, с. 163]. В связи с этим, мы считаем актуальным говорить о таком феномене, как интернет-практики. На сегодняшний момент существует огромное количество интернет-практик и со временем их число увеличивается. В данном исследовании среди популярных видов интернет-практик мы выделяем следующие:

- коммуникативные интернет-практики (электронная почта; социальные сети; общение в чатах/форумах сети; общение посредством служб мгновенных сообщений; сайты знакомств; разговор по телефону через Интернет; обмен файлами);
- деловые-рабочие интернет-практики (работа в Интернете, удаленная работа, собрания, ведение делового сайта в Интернете);
- экономические интернет-практики (заказ товаров/услуг через Интернет, оплата товаров/услуг через Интернет);
- познавательные интернет-практики (получение дистанционного образования; дистанционные конференции; поиск информации: поисковики, специализированные сайты, библиотеки, энциклопедии; получение справочной информации; чтение/скачивание книг/аудио книг/ деловых газет/журналов, просмотр деловых телепередач, документальных фильмов, новостей);
- развлекательные интернет-практики (прослушивание/скачивание музыки/фильмов; посещение сайтов без цели (серфинг); игры; просмотр/размещение/скачивание фотографий/фильмов/видеороликов/ развлекательных телепередач; чтение/скачивание желтой прессы/глянцевых журналов; чтение/постинг дневников, блогов; ведение персональной страницы, развлекательного сайта в Интернете);
- технические интернет-практики (скачивание/установка ПО; обновление программ).

Коммуникативную интернет-практику использует абсолютное большинство респондентов (99,0%), из них большая часть респондентов (64,0%) обращается к коммуникативной интернет-практике каждый день, четверть (25,0%) респондентов прибегают к коммуникативной интернет-практике несколько раз в неделю. Самой популярной практикой в данной области является использование социальных сетей (40,0%), почти четверть (24,0%) респондентов используют электронную почту и разговаривают с помощью компьютера (планшета/телефона) через Интернет, остальные практики пользуются незначительным успехом. Данные других, ранее проведенных, исследований подтверждают популярность коммуникативных интернет-практик, объясняя этот факт возможностью быстрой связи с собеседником и формированием навыков взаимодействия между людьми [3; 4].

Относительное большинство респондентов (78,0%) не используют деловую-рабочую интернет-практику, поскольку она имеет определенную специфику. Чаще всего данная интернет-практика пользуется успехом у респондентов, непосредственно работающих в сети Интернет (12,0%), реже работающих удаленно (8,0%). Субъекты данного вида интернет-практики (22,0%) используют ее каждый день, это предсказуемо, поскольку посредством сети Интернет респонденты выполняют свои прямые рабочие обязанности.

Экономическая практика является весьма популярной, ее используют 72,0% пользователей, принявших участие в данном исследовании, однако она не является приоритетной. Всего чуть больше четверти респондентов (28,0%) используют данный вид интернет-практики несколько раз в месяц, пятая часть (20,0%) опрошенных использует ее раз в неделю. Столь незначительное применение экономической интернет-практики является ожидаемым, поскольку она является малоальтернативной. Среди субъектов экономической интернет-практики наиболее популярными действиями являются полное ее использование (29,5%).

Познавательная интернет-практика присуща большинству респондентов (93,0%). Каждый день данной практикой пользуется 38,0% опрошенных, при этом по 18,0% респондентов используют познавательные интернет-практики несколько раз в неделю и раз в неделю. Полученные данные мы можем обосновать тем, что наиболее популярным видом познавательной интернет-практики является получение справочной информации (41,0%), второе место занимает поиск информации (25,0%). Эти виды активности не требуют частого обращения к сети Интернет, в связи с этим данное распределение является весьма оправданным.

Развлекательная интернет-практика так же является весьма востребованной. Ее использует абсолютное большинство (95,0%) опрошенных, из них большая часть респондентов (60,0%) использует развлекательную интернет-практику каждый день, практически пятая часть (19,0%) несколько раз в неделю. Столь частое обращение пользователей к развлекательной интернет-практике предсказуемо, поскольку люди часто используют Интернет для того, чтобы развлечься тем или иным способом. Часто используемыми видами развлекательных интернет-практик являются: прослушивание/ скачивание музыки/фильмов (36,0%), просмотр/размещение/скачивание фотографий/видеороликов/развлекательных телепередач (22,0%), остальные виды развлекательных интернет-практик набрали небольшой процент, и лишь десятая часть (9,0%) респондентов используют развлекательные практики в полном объеме.

Техническую интернет-практику используют чуть больше половины опрошенных респондентов (54,5%), самым популярным видом технической интернет-практики является скачивание и обновление ПО (25,0%). Данная интернет-практика является весьма специфичной, в связи с этим всего пятая часть (20,0%) респондентов обращается к ней каждый день, однако 14,0% респондентов предпочитают обращаться к ней всего несколько раз в год.

Переходя к анализу временных затрат, необходимо отметить, что от 1 часа до 2 – самые популярные временные рамки практически для каждого вида интернет-практик, которые расходуют пользователи, однако необходимо отметить, что более 5 часов в день пользователи сети Интернет тратят на развлекательные (8,0%) и деловые-рабочие (4,0%) практики. В первом случае мы можем говорить, о нерациональном использовании своего свободного времени и даже не исключаем возможность наличия интернет-зависимости, в свою очередь временные затраты во втором случае являются весьма оправданными, поскольку респонденты выполняют свои рабочие обязанности: как правило, в нашей стране 8-часовой рабочий день.

Таким образом, мы можем прийти к выводу о том, что наиболее популярными видами интернет-практик являются коммуникативная и познавательная интернет-практика, а менее востребованной - техническая, на наш взгляд это связано с тем, что немногие пользователи имеют возможность выполнять технические интернет-практики, поскольку для этого требуются определенные знания, умения и навыки. Сеть Интернет используется большинством респондентов, однако не все прибегают к ее применению в полной мере. Интернет-практиками, на которые пользователи тратят больше всего времени являются: развлекательная и деловая-рабочая, однако процент таких пользователей невелик, оптимальными временными затратами, практически для каждого вида интернет-практики, является 1-2 часа. В своем большинстве пользователи Интернет могут использовать сеть в полном объеме, благодаря своим знаниям, умениям и навыкам.

Список литературы

1. Википедия [Электронный ресурс] // Интернет в России. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Интернет_в_России. Дата обращения: 10.10.2015.
2. Килимова Л.В. Роль информационных технологий в системе социокультурных практик студентов // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 4-3 (43). С. 162-167.
3. Килимова Л.В. Влияние информационной среды на систему ценностей личности в модернизирующемся обществе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2012. № 1. С. 85-90.
4. Килимова Л.В. Виртуальная коммуникация как основа социокультурного пространства современного социума // Императивы творчества и гармонии в проектировании человекомерных систем: материалы международной научной конференции. - Минск: Право и экономика, 2013. - С452 - 454.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ОПЫТ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Клишина М.Б., Осмачко Н.В.

Категория языковой личности, кратко и емко определяемая как «личность...отраженная в языке» [1], активно используется в лингвистике. При этом интегративный характер данной категории обуславливает ее применение и в других гуманитарных и социальных науках. Так, социологи, изучающие «людей, действующих в поле взаимоотношений друг с другом...и придающих этому полю динамику постоянного функционирования и формирования...» [2], неизбежно поднимают вопросы роли языка в обществе, процессах социализации людей, анализируют специфику коммуникативного, речевого поведения личности. Эти и другие аспекты глубоко исследуются в социологии коммуникации, социологии языка, нередко – методами социолингвистики. Можно разделить точку зрения отечественного лингвиста Н. Б. Вахтина, что предметы изучения социологии языка и социолингвистики различаются только акцентами. Целью социолингвистики является «пролить свет на вариативность в употреблении языка, глядя на общество», а у социологии языка – «узнать нечто новое об обществе, воспользовавшись языковыми данными» [3]. В частности, можно выявить характеристики той или иной социальной группы, в нашем исследовании – профессиональной – работников органов внутренних дел, определив набор «констант» языковой личности (ЯЛ) представителей данного круга.

Сложный феномен ЯЛ сотрудников ОВД раскрывается на основе классической теоретико-гносеологической модели языковой личности Ю. Н. Караулова [4]. Она включает три уровня и, соответственно им характеристики ЯЛ.

Во-первых, вербально-семантический уровень, измеряемый социолингвистическими параметрами: запасом слов и словосочетаний, используемых сотрудником ОВД в естественной вербальной профессиональной коммуникации. При этом фиксируются как степень владения умением осуществлять коммуникацию, так и нарушения норм.

Во-вторых, когнитивный уровень ЯЛ, репрезентируемый идеями, концептами, отражающие «картину мира», складывающимися в процессе профессиональной деятельности, под влиянием определенного социального опыта.

В-третьих, прагматический уровень, характеризуемый намерениями говорящего, его интересами, особенностями и мотивами речевого поведения (т.н. лингвопрагматические параметры).

Изучение характеристик ЯЛ сотрудника органов внутренних дел осуществлялось поэтапно. На первом этапе была выявлена специфика когнитивного отражения мира респондентов; определено содержание ключевых концептов: «милиционер», «работа», «начальник», «товарищ», «оружие», «семья», «любовь» [5].

На втором этапе анализировались социолингвистические и лингвопрагматические параметры ЯЛ работника ОВД.

Поскольку закрытость этого профессионального сообщества не позволяет проводить долговременные наблюдения, сфокусированные интервью, был использован метод анализа эмпирического материала интернет-ресурсов «Клуб сотрудников милиции» [6] и «Форум сотрудников МВД» [7]. Следует подчеркнуть, что условия общения на форумах, дающие возможность сохранять некоторую анонимность пишущего, влияют на уровень откровенности человека. При этом проблемы, связанные с социологическим анализом комментариев (репрезентативность, надежность и т.д.), не возникали, так как целью являлось получение представления о типичном речевом поведении. Заметим, что в современной социологии и социолингвистике проблема влияния электронных средств на изменения в структуре языковой личности занимает особое место [8].

Тематика интернет-форумов разнообразна, но большинство «тематических веток» связано с профессиональной деятельностью, по нашим подсчетам, 56 %. Были рассмотрены документы за период 2010-2015 гг. Число участников двух сайтов – 140215, количество тем – 61488.

Целевая выборка проводилась на основании релевантности: рассматривались темы, которые на 05.05.2015 были «последними», то есть имели последнее сообщение на эту дату.

Проанализированы семь тем, из них отобраны 124 высказывания. Для определения типа речевой культуры, социолингвистических и лингвопрагматических параметров профессиональной ЯЛ полицейского рассмотрены 52 высказывания.

В результате установлено, что «среднестатистический» работник ОВД является носителем среднелитературного типа (по О. Б. Сиротининой), для которого характерно:

- – владение двумя-тремя функциональными стилями, один из которых связан с областью профессиональной деятельности;
- – систематическое нарушение языковых норм;
- – неуместное использование терминов и сниженной лексики;
- – нарушение этикета, категоричность в высказываниях, проявление неуважения к собеседнику [9].

Как уже отмечалось выше, в ЯЛ сотрудника ОВД доминируют языковые единицы, связанные с профессиональной деятельностью. В рассмотренных высказываниях были выделены следующие группы разрядов: профессиональная терминология, профессиональные жаргонизмы, канцеляризм, общественно-политическая лексика и фразеология, воровское арго, языковые единицы разговорной речи, интержаргон, просторечная лексика.

Весьма показательным является сочетание языковых единиц всех указанных разновидностей в пределах рядом стоящих высказываний, как в приведенном ниже примере (авторский стиль сохранен).

«Да, ситуация знакомая. Много зависит от начальника СО. Важно правильно поставить отношения следственного подразделения с остальным ОВД. Вот я сегодня 15 минут с дежурным пободался, и следак не поехал на ДТП. Дежурный кричит, там баба без сознания на обочине, голова всмятку. Но живая. А есть указания СК, следакам выезжать только на трупы. Вот я и уперся... Следствие не должно делать лишнюю работу! Нужно справедливо требовать с остальных служб, и все ок будет!».

Важно отметить, что подобные примеры демонстрируют общение полицейских как в своей профессиональной среде, так и с представителями других групп.

Некоторые тексты свидетельствуют о низком уровне языковой компетенции работника ОВД, о неумении создавать связный адекватный текст.

Как носителю среднелитературного типа речевой культуры, работнику органов ОВД свойственно систематическое нарушение языковых норм:

- речевые ошибки: «поставить отношения следственного подразделения», «нажал на курок по мотиву досады и злости»;
- орфографические и пунктуационные ошибки: «вообщем нужно включить мозги», «редиска не смотря на предупреждение нажал педаль».

Социолингвистический «портрет» полицейского, основанный на анализе типичных для его речи языковых средств, выводит на описание прагматического уровня ЯЛ. Были выделены следующие специфические черты:

- склонность к метаязыковому комментарию профессиональных понятий: «...я не приемлю негативно окрашенное слово «стучать». А информировать полицию – это долг каждого гражданина...»;
- стремление к языковой игре, шутке: «ты в МВД попал! Добровольно!», «А то "слуги народа" очень дорого этому народу обходятся»;
- характерные способы воздействия на собеседника: агрессивность («Будем меряться своей следаковостью???»), давление («Вам не кажется, что Вас занесло не туда и что писанина Ваша, это полная ахинея»).

Данные примеры иллюстрируют тактику речевого и психологического воздействия, типичную для работников ОВД.

Следует подчеркнуть, что для социологов исследование прагматического уровня как важнейшего в структуре ЯЛ представляет сложную задачу, так как намерения, мотивы говорящего не «лежат на поверхности», к тому же на них влияют многочисленные факторы (логические рассуждения, эмоции индивида, культурные и ситуативные условия общения и др.) [10].

В целом, социолингвистические и лингвопрагматические данные указывают на доминирующую роль профессиональной деятельности в языковой личности работника ОВД. Главным мотивом речевого поведения полицейского является выяснение обстоятельств происшествия, поэтому обычно его речевые действия направлены на получение информации. Вторым ключевым компонентом речевого поведения является самопрезентация работника ОВД как представителя силовых структур, призванных контролировать «общественный порядок», что обуславливает особый характер речевого взаимодействия с адресатом – доминирование (исключение составляет служебная коммуникация со старшим по званию). Нередко эти мотивы выступают в единстве.

Что касается коммуникации внутри профессиональной группы, то она обычно имеет неформальный характер, наблюдаются игровые формы общения, что отражает стремление к консолидации профессионального сообщества.

Языковая личность сотрудника ОВД предстает как носитель профессионального (социального) диалекта. Речь полицейского демонстрирует средний (специальный) уровень образования, тяжелые условия труда, легализацию элементов воровского арго, бранной лексики, а также существенное давление общественного мнения. Следует предположить, что содержание языковых единиц, используемых полицейскими, нарушение языковых норм, поддерживают в обществе негативный образ представителей ОВД.

Список литературы

1. Иванцова, Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования [Электронный ресурс] // Вестник Томского государственного университета, 2010. – № 4(12). – Режим доступа: http://www.mier.edu.ru/uploaded/zvezdova_oreshkin.pdf
2. Штомпка, П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка. – М. : Логос, 2005. – С. 32.
3. Вахтин, Н. Б. Социолингвистика и социология языка [Электронный ресурс] : лекция / Н. Б. Вахтин. – Режим доступа: http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/466/38466/16264?p_page=1
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 262 с.
5. Клишина, М. Б. Языковое сознание работника органов внутренних дел: опыт социолингвистического анализа // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управления: материалы всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 28 февраля 2014 г. – 2014. – Т. 2. – С. 161–165.
6. Сайт Клуба сотрудников милиции [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://police-club.ru/>
7. СайтФорум сотрудников МВД[Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.police-russia.ru/>

8. Лобачева, О. А. Функциональная трансформация языка в современном российском обществе (теоретико-методологический аспект) [Электронный ресурс] : автореферат дис. к. социол. наук / О. А. Лобачева. – Саратов, 2012. – 19 с. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/funktsionalnaya-transformatsiya-yazyka-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve>

9. Сиротинина, О. Б. Хорошая речь / О. Б. Сиротинина, Н. И. Кузнецова, Е. В. Дзякович. – Саратов : изд-во Сарат. ун-та, 2001. – 316 с.

10. Конечкая, В. П. Социология коммуникации [Электронный ресурс] : учебник / В. П. Конечкая. – М. : Междунар. ун-т Бизнеса и Управления, 1997. – 304 с. – Режим доступа: http://polbu.ru/konetskaya_commsociology/

ФАНТОМЫ ЭЛЕКТРОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Кривошеев В.В.

Исключительную эвристическую ценность, по нашему мнению, представляет в настоящее время концепция социальных фантомов. Эта концепция разрабатывается в последнее время, в частности, Ж.Т. Тощенко. Его мысль о том, что "фантомные явления, которые в латентном виде существовали всегда, в любую эпоху и в любом государстве, в период ломки устоев государственной и общественной жизни имеют тенденцию проявлять себя как значительное социальное явление, оказывающее весьма ощутимое влияние на происходящие в обществе процессы" (Тощенко, 2015: 54) видится плодотворной как с точки зрения более глубокого понимания всего происходящего ныне в российском обществе, так и с сугубо практической позиции, позиции успешного определения вектора дальнейшего развития социума, снижения его зависимости от разного рода манипулятивных воздействий, управленческой имитации позитивных процессов.

Утверждение разного рода фантомов в обществе, на наш взгляд, было бы менее успешным, а может быть и невозможным, если бы не происходило утверждение в качестве доминанты социокультурной системы электронной культуры, всех ее элементов. Современный человек, и российский в этом плане не исключение, он живет не только в двух мирах ("мир вещей" и "мир символов") (Кассирер, 1998), а в трех - к двум названным сейчас следует обязательно назвать третий, виртуальный мир. И этот мир все более воспроизводит электронная культура, она все более погружает в себя современного индивида. Люди предпочитают смотреть на происходящее через экраны своих гаджетов, при этом неважно, что происходит - очередной фейерверк или дорожно-транспортное происшествие. Студенты порой искренне не могут понять преподавателя, который зачем-то требует что-то выучить, повторить, если каждый знает, что в любое время и в любом месте достаточно включить хотя бы смартфон, через 4G войти в интернет, "погуглить" немного и можно получить ответ на любой поставленный вопрос. Миллионы подростков во всем мире играют в dota 2. На начало 2015 года одномоментно в эту игру играет до 10 млн. человек (данных по Китаю и некоторым другим странам просто нет). Это онлайн стратегия, в которой игроки разделены на команды по 5 человек. Подростки погружаются в сражения полностью, в ходе игры они общаются друг с другом, хотя разделены на многие сотни километров. Когда на Украине началась гражданская война, фирма Valve, разработчик игры, планировала отключить от нее Россию. Российские участники мгновенно зарегистрировались на украинских серверах. В логике XXI века, века электронных фантомов, они совершили не предательство, а акт рационального отношения к жизни. Многие до сих пор так и играют в одних командах с украинцами, общаются при этом на русском языке (Махлов, 2015).

Все это лишь разрозненные факты. Понятно, что нельзя анализ реальности свести к сумме примеров, пусть даже ярких. Но ведь социологическое мышление как раз и начинается там, где за обыденным, миллион раз на день встречающимся можно рассмотреть проблему, которая важна и для человека, и для групп людей, и для общества в целом (Гидденс, 1999: 28).

К социологии все сказанное выше об электронной культуре имеет самое прямое отношение. Во-первых, для понимания мира электронной культуры, в которой существует человек, мало испытанных, как социологи обычно говорят, инструментов изучения. Даже новомодные простые интернет-опросы

мало что меняют, они являются лишь переделкой, перелицовкой старого в условиях качественно меняющегося социума. Социологии еще предстоит выявить, закрепить новые методы фиксации ускользающей реальности, реальности фантомной, мало понятной людям прежней "гутенберговской версии" культуры. Но это нужно делать, чтобы проникнуть в иную реальность и понять мир людей, для которых общение в социальных сетях, многочасовое пребывание в электронно-игровом состоянии являются подлинной жизнью, жизнью гораздо более привлекательной, чем окружающая действительность с ее требованиями повторения пройденного по учебникам, написания курсовых и контрольных работ, выполнения каких-то обязанностей перед своими близкими и т.п.

Во-вторых, для социологии важно понять, насколько фантомный мир электронной культуры модифицирует, переиначивает сложившиеся социальные институты, насыщает их новым содержанием. Можно в качестве примера привести институт образования. Суетливые реформы последнего времени мало приближают к действительно качественно новому состоянию социума. Можно сколько угодно менять понятия "знания-умения-навыки" на понятие "компетенции", добавлять теперь еще некое РО ("результат обучения"), уточнять государственные стандарты (и главное - требования к написанию на их основе учебных планов и программ), но что реально меняется в стиле мышления обучающегося, в его подходах к освоению какой-либо дисциплины, все равно остается за гранью понимания. Здесь также важно, чтобы социология смогла подсказать чиновникам и управленцам, что является запросами общества к образовательной системе, каков нынешний уровень готовности обучающихся включаться в реальную учебную работу, а не в ее электронную имитацию.

Список литературы

1. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. - 668 с.
2. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке М.: Гардарики, 1998. - 784 с.
3. Гидденс Э. Социология. М.: Едиториал УРСС, 1999. - 704 с.
4. Махлов А. Мир игры // Дворник ' ь, 2015, 13-20 октября.

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНО-СТРУКТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Мальцева А.В., Махныткина О.В., Шилкина Н.Е.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 15-06-02113

Современные условия развития общества приводят к возникновению множества новых феноменов и процессов социальной жизни, одновременно усложняя уже имеющиеся. Задача государственного управления состоит в максимально полном учете всех возможных параметров функционирования социальной системы, что, в свою очередь, требует учета большого количества показателей, характеризующих различные стороны общества. Такие показатели могут содержаться в исследовательских файлах данных (по результатам эмпирических исследований), статистических системах, базах данных различных организаций, архивах данных и проч.

Для комплексного анализа социально-структурных особенностей регионов России возможно использование методов многомерного анализа. При этом объектом можно обозначить социальную структуру территорий РФ. Для каждого региона возможно рассмотрение групп следующих показателей: рынок труда, образование, демография, правонарушения, экономика, власть и нко, здравоохранение. Ввиду большого числа переменных, характеризующих рассматриваемые территории, возможно применение методов снижения размерности на основе экспертного мнения. В качестве источника данных предлагается использование информационного портала Федеральной службы государственной статистики.

На первом этапе возможно использование дискриминантного анализа для расчета коэффициентов дискриминантной функции, формирующей основания для вычисления комплексных показателей различных сторон развития регионов. Получение таких комплексных показателей основывается на вычислении суммы показателей группы с учетом их «веса». Необходимость

использования весовых коэффициентов заключается в том, что различные показатели вносят различный, как положительный, так и отрицательный вклад в комплексный показатель.

Для проведения дискриминантного анализа необходимо определить регионы-лидеры и аутсайдеры путем расчета дескриптивных статистик. Данные типы регионов будут являться обучающей выборкой для дискриминантного анализа. Целью данного анализа является определение весов показателей из рассматриваемой группы, наилучшим образом характеризующих различия между регионами. Дискриминантная функция определяется как сумма показателей, умноженных на их «вес». Построение дискриминантной функции позволит также проранжировать регионы по интересующей группе показателей. Процедуру дискриминантного анализа необходимо применять для каждой группы показателей: рынок труда, образование, демография, правонарушения, экономика, власть и НКО, здравоохранение.

На втором этапе возможно проследить каузальные связи складывающейся обстановки, проведя кластерный анализ с использованием самоорганизующихся карт Кохонена (СКП). Данная процедура позволяет получить неочевидные выводы при обработке данных большого объема и различной размерности (номинальных, порядковых, интервальных), а также наглядно иллюстрировать полученные тенденции. Применение кластерного анализа позволит объединить регионы в однородные группы и обоснованно провести сравнительный анализ регионов.

Для выявления значимых факторов формирования кластеров возможно проведение процедуры построения деревьев решений, где классифицирующей переменной является номер кластера. Эффективно построение деревьев решений на основе алгоритма C4.5. Качество построенных правил определяются их поддержкой и достоверностью. Поддержка правила определяется количеством регионов, описываемых данным правилом, а достоверность определяет количество регионов правильно отнесенных к кластеру на основании выполнения ограничений.

Таким образом, применение математических методов многомерного анализа данных позволяет осуществить всесторонний анализ большого числа социально-экономических показателей регионов, выявив нетривиальные закономерности протекания основных социальных процессов.

ИЗУЧЕНИЕ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА: ВОЗМОЖНОСТИ МЕТОДИКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

Маркова Ю.С., Плотникова Е.Б.

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательских работ ФБГОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», проводимых на основе государственного задания Министерства образования и науки РФ в 2015 г. (проект № 929, рук.Е.Б. Плотникова).

В условиях международной напряженности и конфликтов усиливается зависимость российской экономики от конъюнктуры мировых энерго-сырьевых рынков, усугубляемая фактической деиндустриализацией страны, технологическим отставанием России от стран-лидеров. Доля высокотехнологичных наукоемких отраслей, составляющих основу пятого и шестого технологических укладов, сократилась в России в период с 1990-х гг. по настоящее время примерно в два раза – с 12% до 6% [1].

Задача модернизации экономики на основе инноваций поставлена Правительством РФ в начале 2000-х гг. [1]. Однако, по оценке Минэкономразвития РФ, из запланированных в «Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 года» результатов, на I этапе (2006-2007 гг.) достигнуто менее трети [2, с.8]. Кроме того, согласно данным официальной статистики, в российской промышленности число организаций, осуществляющих технологические инновации, оставалось ниже десятипроцентного уровня на протяжении всех лет экономического роста, характерного для 2000-х годов. Вследствие этого низкой (на уровне 4-5%) сохранялась, и доля инновационных товаров и услуг в общем объеме производимой продукции. Стоит также отметить, что доля России на мировых рынках

высокотехнологичной продукции гражданского назначения сократилась, по сравнению с 2000 г., почти вдвое [1].

Значимым фактором модернизации страны является инновационный потенциал населения: готовность жителей субъектов РФ участвовать в создании новшеств, отвечающих современным потребностям развития экономики и общества в целом. Вследствие чего важным является изучение инновационного потенциала населения на региональном уровне.

Настоящая статья посвящена опыту изучения инновационного потенциала населения на примере Пермского края. С этой целью весной 2014 г. был проведен опрос жителей Прикамья, выборка составила 1000 человек. Данное исследование может дать представление о тенденциях включенности жителей в создание инновационных товаров и услуг в схожих промышленных регионах страны. Для изучения вклада в создание инноваций различными социальными группами был применен кластерный анализ, базирующийся на методике стратификации Л.А. Беляевой [3,4]. Среди занятого населения Пермского края было выделено пять социальных групп: «высокостатусные», «руководители», «богатые», «реалисты» и «низкостатусные». Критериями стратификации выступали: уровень образования, материальное положение и наличие властных функций.

Предложенный стратификационный срез репрезентирует модернизационный потенциал населения региона. Различные социальные группы вносят неравнозначный вклад в создание инноваций. Согласно полученным данным, наиболее активными участниками инноваций являлись «высокостатусные» (9,5%) и «руководители» (5,8%), т.е. те группы населения, которые обладают наибольшими модернизационными ресурсами. При том именно среди «высокостатусных» и «руководителей» есть представители, готовые быть организаторами и одновременно участниками процесса внедрения инноваций наравне с другими. Доля организаторов в указанных группах составляет 3,4% и 2,6% соответственно. В группе «реалистов» данные показатели фактически равнозначны (1,5% – организаторов, 1,9% – участников создания инноваций). Вместе с тем организаторы внедрения новшеств в группах «богатых» и «низкостатусных» не представлены, но есть участвующие в инновациях наравне с другими исполнителями: их доли составляют 2,4% и 0,5% соответственно.

В сравнении с указанными социальными слоями занятого населения, отдельно анализировались студенты. По результатам исследования, в студенческой среде в процесс внедрения инноваций включен всего 1% респондентов, которые выступали в роли организаторов. Ограничения для данной группы во многом связаны с недостаточностью ресурсов: организационных, властных, материальных и других. Однако, как показал анализ, ценностный потенциал студентов с их ориентацией на открытость изменениям и достижениям может выступать значимой предпосылкой к участию в инновациях. Согласно полученным данным опроса, ценностный индекс Риск-новизна у студентов имеет положительное значение в отличие от отрицательных значений таких ценностей, как Традиция и Конформность.

Для изучения включенности жителей края в инновационные процессы в исследовании акцент был сделан на изучении инноваций, связанных с созданием новых видов фирм, продуктов, технологий и услуг. Согласно полученным данным, в качестве участников создания всех представленных видов инноваций выступали «высокостатусные» и «реалисты». В то же время группа «руководителей» не принимала участия в создании новых продуктов, а «богатые» - новых услуг, что отражает их положение в системе социальной стратификации. Группа «низкостатусные» принимала участие только в одном виде инноваций – создании новых технологий.

Сравнительный анализ указанных видов инноваций по степени их приоритетности для выделенных стратифицированных групп позволил сделать следующие заключения. Группа «высокостатусные» внесла наибольший вклад в разработку новых технологий и услуг (что составило по 13,5% соответственно). «Руководители» проявили себя в реализации новых услуг (10,3%), «богатые» – в создании новых фирм (4,9%), «реалисты» - во внедрении новых технологий (4,7%).

В ходе исследования изучалось, какие ресурсы были доступны участникам инноваций, что способствовало, а что противодействовало внедрению новшеств.

Среди всех опрошенных, которые участвовали в инновационных процессах, большинство (76%) обращались к тем или иным формам поддержки. Противодействие во внедрении новшеств указали только 3% респондентов. Пятая часть опрошенных (20%) не встретили ни поддержку, ни противодействия.

Наиболее доступным ресурсом для участников опроса стала помощь друзей и коллег, которую указали 40% респондентов. На втором месте по доступности оказалась поддержка администрации, что составило 29% от ответов, опрошенных. Кредитом (займом) воспользовались всего 8% респондентов. Препятствием инновационной активности стал отказ в получении кредита. Другие барьеры (противодействие чиновников и конкурентов) не были указаны.

Как показывает исследование, различные формы поддержки при внедрении новшеств в большей степени встретили «реалисты» (81%), «руководители» (78%), «высокостатусные» (71%). В то время как среди «богатых» этот показатель составил 50% ответивших. Среди «низкостатусных» наблюдается низкий процент наблюдений по данному вопросу. Это объясняется невысокой степенью участия данной группы в инновационных процессах.

При этом для «высокостатусных» наиболее распространенной формой поддержки оказалась помощь друзей и коллег (50%), для «руководителей» и «реалистов» - административный ресурс (56% и 44% соответственно). «Богатые» в большей степени отметили поддержку в виде кредита, помощи друзей и коллег (что составило по 25% соответственно). Для «низкостатусных» единственной формой поддержки оказался административный ресурс.

Таким образом, представители населения Пермского края, отличающиеся большим инновационным потенциалом, сосредоточены преимущественно в социальных группах, обладающих ресурсами (высоким уровнем образования, материального достатка, властными функциями). Наиболее активно участвуют во внедрении новшеств представители «высокостатусных», «руководителей», «реалистов», выступающие как в роли организаторов, так и исполнителей. Указанные группы населения являются ключевыми акторами, на которых могут быть направлены управленческие решения на уровне региональной и федеральной политики по продвижению инноваций.

Также методически значимым представляется применение стратификационной модели Л.А. Беляевой в изучении инновационного потенциала населения, что позволяет выявить наиболее активных участников инновационных процессов. Данная методика может служить инструментом компаративного анализа состояния инновационной активности населения различных регионов.

Список литературы

1. Аналитический доклад «Двадцать лет российских реформ в оценках экономистов и социологов (двадцать тезисов о главном)». М., 2012.
2. Проект стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года / Минэкономразвития России. М. 2010.
3. Беляева Л.А. Социальные слои в обществе: опыт кластерного анализа // Социологические исследования. - 2005. - №1. - С.57-64.
4. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Институт философии. Центр изучения социокультурных изменений. Научно-координационный совет секции ФСПП ООН РАН «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» / Составление и общая редакция: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М., Academia, 2009. – 808 с.

МЕТОДОЛОГИЯ GROUNDED THEORY ПРИ ОЦЕНКЕ СОЦИАЛЬНОЙ НАГРУЗКИ БЕЖЕНЦАМИ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕГИОНА

Немирова Н.В.

Современные мирополитические процессы свидетельствуют о наличии международного глобального кризиса, одним из результатов которого является миграция беженцев и вынужденных

переселенцев. Самым ярким примером «великого переселения народов» служит Западная Европа. Однако на территорию Российской Федерации с момента начала украинского конфликта прибыло значительное число беженцев с территории Восточной Украины. Прежде всего, возрастание социальной нагрузки беженцами ощутили приграничные территории России. Большие города, являющиеся самостоятельными субъектами Российской Федерации – Москва и Санкт-Петербург, опасались возрастания нагрузки на социальную инфраструктуру ввиду особой привлекательности среди трудовых мигрантов.

Для прогноза и оценки реальной ситуации в данных регионах было проведено социологическое исследование, призванное спрогнозировать развитие текущей ситуации в регионе и сформировать возможные сценария развития событий, которые легли в основу принятия управленческих решений представителями исполнительной и законодательной власти данных субъектов РФ.

Исследуя социальные проблемы беженцев и вынужденных переселенцев с Украины, необходимо рассматривать их как многоуровневую систему, включающую в себя анализ причин и мотивов миграции, планы на будущее, вопросы социального обеспечения, конкуренцию на рынке социальных благ и услуг, вопросы адаптации в новой социальной среде. Изучение столь сложной структуры социальных взаимосвязей при отсутствии общепринятой концепции отношения к вынужденной миграции, как среди экспертов, так и в общественном мнении, определили методологию исследования как groundedtheory (обоснованная теория), базирующуюся на работах А.Страуса, Б.Глезера, Дж.Корбин[1]. Также в пользу выбора данной методологии свидетельствовала сложность описания и определения характера и объема генеральной совокупности, и как следствие, невозможность построения репрезентативной выборочной совокупности. Groundedtheory как качественная методология не предполагает наличие репрезентативной выборки, вместо этого в основу исследования ложится теоретическая выборка, то есть выбор респондентов определяется исходя из задач построения теории, а не на основании статистического соответствия их характеристик генеральной совокупности. Также важной особенностью использования groundedtheory служит возможность одновременного сбора и анализа данных и проведение постоянного сравнения данных и аналитических категорий.

Приведем пример, использования groundedtheory и построения теоретической выборки при проведении мониторинга возрастания социальной нагрузки на инфраструктуру Москвы в условиях массового притока беженцев с Украины, в особенности семей с детьми. В основании НИР положены результаты прикладного социологического исследования, проведенного в Москве в период с 1 по 31 декабря 2014 года.

При попытке определить генеральную совокупность исследования и ее объем, мы столкнулись со следующим представлением статистических данных, так, согласно официальным данным Государственной службы статистики Украины численность наличного населения Украины на 1 декабря 2013 года составляла 45 439 822 человек (с учетом Автономной Республики Крым и г.Севастополь – 2 350 982 человека)[2]. По состоянию на 1 ноября 2014 года численность наличного населения Украины составила 42 965 105 (без учета Автономной Республики Крым и г.Севастополь)[3]. Таким образом, убыль население Украины составила 123 735. При этом для сравнения 2013 г. и 2012 г. (численность наличного населения на 1 декабря 2012 г. 45 560 251[4]) убыль населения составила 120429. Таким образом, согласно данным Государственной службы статистики Украины убыль населения осталась в тех же пределах, что была и до конфликта. По данным на 1 декабря 2013 года число наличного населения Донецкой области составило 4 346 727, Луганской области 2 240 786[5]. На 1 ноября 2014 года (со сноской «Данные могут быть уточнены») наличное население Донецкой области составило 4 308 018, Луганской области 2 226 205[6]. Таким образом, убыль населения Донецкой области составила 38 709, убыль населения Луганской области составила 14 581. Эти данные не отличаются от убыли населения по состоянию на 2013 – 2012 годы. Для Донецкой области это число составило 31 346, для Луганской области 16 900. Если сравнить данные Государственной службы статистики Украины по миграции населения, то количество выбывших за январь-октябрь 2014 года составило 446 017 (с пометкой «Информация сформирована на основе

имеющихся административных данных относительно изменения регистрации постоянного места жительства»)[7]. По Донецкой области число выбывших составляет 33 766 (с пометкой «данные могут быть уточнены»), для Луганской области это число 13 371 (с пометкой «данные могут быть уточнены»)[8]. При этом миграционный прирост по Донецкой области сократился -8364, по Луганской области -1358. Таким образом, можно сделать вывод о том, что Государственная служба статистики Украины не наблюдает массовый отток населения с территории Украины и не фиксирует количество убитых в ходе проведения военных действий на территории Украины.

По данным на 1 октября 2014 г. в РФ находится более 1 млн. украинских беженцев и вынужденных переселенцев. Об этом сообщил начальник управления ФМС по Ростовской области В.Солодовников: «В настоящее время в России находится около 1 млн. временно перемещенных лиц, из них чуть более 880 тыс. обратились за получением различного статуса, в том числе 195 тыс. – за временным убежищем»[9]. По оценке Председателя парламента Новороссии О.Царева с прошлого года (2013 г.) с Украины в Россию выехало 4,3 млн. человек, из них 3 млн. вернулись обратно. Следовательно, в России сейчас (2014 г.) находится более 1 млн. человек. По его мнению, зимой в Россию приедут еще 2-3 млн. граждан Украины, а к концу 2015 года их количество может достичь 5 млн. человек [10]. Эти прогнозы на наш взгляд несколько завышены, так как по данным Государственной службы статистики Украины население ЛНР и ДНР составляет 6 534 223 [11]. Поэтому стоит ориентироваться на данные УФМС РФ, и численность более 1 млн. беженцев и вынужденных переселенцев.

Согласно официальным данным УФМС г. Москвы за 11 месяцев 2014 года в органы ФМС обратилось за предоставлением убежища 4927, в аналогичном периоде предыдущего года данная цифра составила 797. То есть в процентном соотношении эта цифра возросла на 518,2% [12].

Эти данные свидетельствуют о значительном притоке беженцев и временных переселенцев с территории Украины на территорию Российской Федерации. Согласно данным УФМС в России на декабрь 2014 года находится 2 476 199 граждан Украины (въехавших как до начала конфликта, так и после). Основная группа иностранных граждан это мужчины и женщины в возрасте от 18 до 29 лет. Среди них мужчин в 1,5 раза больше, чем женщин. Таким образом, генеральную совокупность исследования составили беженцы и вынужденные переселенцы с территории Украины (как из ДНР/ЛНР/районов боевых действий, так и иных частей Украины), приехавшие на территорию г.Москвы, при этом Москва должна являться местом проживания респондентов, а не транзитным пунктом.

На основании данных характеристик была построена теоретическая совокупность. Так как метод исследования был определен как качественный, а именно глубинное интервью, характеристиками построения теоретической совокупности явились следующие: опыт интеграции в г.Москве; наличие детей проживающих с респондентами в г.Москве; миграционный статус; возраст; пол; источник дохода; уровень образования; семейное положение; состав семьи; обучение детей в образовательных учреждениях г. Москвы; в какой части Украины проживал респондент до миграции. В основу разделения респондентов на смысловые кластеры была положена характеристика – опыт интеграции в г.Москве. Первый кластер – респонденты, имеющие положительный опыт интеграции в г.Москве. Второй кластер – респонденты, имеющие отрицательный опыт интеграции в г.Москве.

Для построения кластеров респондентам было задано несколько вопросов, определяющих успешность интеграции. Вопросы носили как объективный, так и субъективный характер. Респондентов попросили оценить их опыт интеграции по ранговой шкале: «успешный»; «скорее успешный, чем нет»; «скорее не успешный»; «не успешный». Объективными характеристиками успеха интеграции послужили следующие: «наличие постоянного источника дохода в виде работы по найму или занятие предпринимательской деятельности»; для респондентов с детьми: «обучение детей в образовательных учреждениях Москвы».

В качестве референтной группы в данном исследовании выступили эксперты из разных областей деятельности, которые прямо или косвенно определяют жизнь беженцев и вынужденных переселенцев на территории г.Москвы.

Источниковую базу НИР составили источники нескольких типов: научная социологическая литература по заданной тематике (А.А. Алексеенко, Арутюнян Ю.В., Н.В.Прокушева, Н.А.Шульга и др.); новостные и информационные порталы (РИА-новости, Лента.ру, Вести, RT и др.); порталы органов исполнительной власти и правительственных учреждений РФ, Украины, ЛНР, ДНР и г.Москвы; нормативно-правовые документы (федеральные законы, постановления правительства РФ и Москвы); статистические данные (официальная статистическая информация Госкомстата РФ, Службы государственной статистики Украины, статистика министерств и ведомств РФ); ответы на официальные запросы в органы исполнительной власти г. Москвы.

Таким образом, использование groundedtheory позволило сформировать теоретическую совокупность, состоящую из двух групп респондентов и нескольких групп информационных источников. Совокупность использования качественных методов исследования и анализа статистических данных (официальной статистики) дало возможность установить глубинные мотивы действия беженцев и вынужденных переселенцев, спрогнозировать развитие ситуации в регионе и избежать субъективных необоснованных выводов. Следовательно, groundedtheory дает возможность в условиях ограниченных ресурсов и противоречивой информации об объекте исследования, посредством сравнения и интеграции различных анализируемых категорий получить адекватные исследовательские результаты.

Список литературы

1. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники – М.: КомКнига, 2007. – 256 с.
2. Численность населения на 1 декабря 2013 года и средняя численность за январь-ноябрь 2013 года http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2013/ds/kn/kn_r/kn1213_r.html
3. Численность населения (за оценкой) на 1 ноября 2014 года и средняя численность за январь-октябрь 2014 года <http://www.ukrstat.gov.ua/>
4. Численность населения на 1 декабря 2012 года и средняя численность за январь-ноябрь 2012 года <http://www.ukrstat.gov.ua/>
5. Численность населения на 1 декабря 2013 года и средняя численность за январь-ноябрь 2013 года http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2013/ds/kn/kn_r/kn1213_r.html
6. Численность населения (за оценкой) на 1 ноября 2014 года и средняя численность за январь-октябрь 2014 года <http://www.ukrstat.gov.ua/>
7. Миграция населения в январе-октябре 2014 года <http://www.ukrstat.gov.ua/>
8. Миграция населения в январе-октябре 2014 года <http://www.ukrstat.gov.ua/>
9. Число украинских беженцев в России перевалило за миллион http://www.topnews.ru/news_id_71702.html
10. Нургалиев И. В 2015 году количество украинских беженцев в России может составить 5 млн человек. http://proural.info/news_lenta/12364/
11. Численность населения (за оценкой) на 1 ноября 2014 года и средняя численность за январь-октябрь 2014 года <http://www.ukrstat.gov.ua/>
12. Стандартизированная форма представления информации на сайт ФМС России за 11 месяцев 2014 года <http://www.fmsmoscow.ru/files/stat-2014-11m.xls>

СВОБОДА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ФОКУСЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Тавадова А.В.

С момента, когда общество вступило на путь формирования капиталистических отношений, что повлекло кардинальные изменения в его социально-экономической структуре, вопрос о свободе занял

одно из ключевых мест в политических дебатах индустриализирующихся обществ. Его первая острая постановка осуществилась еще в интеллектуальной среде северного ренессанса. Мыслители этой эпохи, начиная от Т.Мора и Эразма, освободили собственный интеллект от методов схоластической философии, господствующей на тот момент в способах осмысления социальной действительности. В народных массах эта тенденция выразилась в лозунгах Реформации и привела к тотальной трансформации всех ранее сложившихся социальных связей в Европе. В этом смысле, именно западноевропейский тип культуры породил понимание свободы в современном смысле слова [10, С. 277], ту свободу, о которой так полемистично сегодня ведутся дебаты среди западных интеллектуалов [7], свободу, об угрозе которой предупреждают современные философы с мировым именем [11].

Результатом тридцатилетней войны, в корне поменявшей ценностные установки европейского общества, стало не только признание автономии формирующихся национальных государств, но расширение прав личности. Сперва эта тенденция затронула религиозный выбор и утвердилась в призывах к свободе совести, но далее борьба сместилась в политическое поле. Присвоение индивидом новых прав на свободу вновь прогремело социальным взрывом, эпицентром которого стала демократическая революция во Франции.

Алексис де Токвиль блестяще показал, что, вопреки сложившемуся мнению, свобода не результат революционных преобразований, но суть произошедших изменений. Население Франции задолго до Революции пользовалось гораздо большими свободами, чем могли ожидать народы иных европейских государств в этот же период. Революция стала возможной именно там, где для нее уже была подготовлена почва, «она как бы сама собой возникла из того общества, которое собиралась разрушить» [9, С. 8]. Революция не была случайным событием, а главной ее целью было «приумножить силу общественного авторитета». Стремление уничтожить средневековые феодальные учреждения характерно было для эпохи конца XVIII века повсеместно, но именно там оно стало носить революционный характер, где бремя от пережитков монархического и аристократического укладов было наименее тяжелым. Именно французский крестьянин не только одним из первых получил свободу от крепостнической зависимости, но сам стал собственником земли. Две эти причины, как считает Токвиль, являются главными в том, что свободный собственник-крестьянин с еще большей силой возненавидел остатки феодализма.

Однако там, где в борьбе поднимается знамя свободы, нередко провозглашается требование равенства. По мнению, Токвиля, «страстное желание» равенства, в сердцах людей способно подавить самую сильную «любовь» к свободе, что угрожает установлением единоличной деспотии. Мало завоевать свободу, нужно научиться ей правильно распоряжаться, иначе она породит множество противоречий и заблуждений.

Иное отношение к свободе сформировалось в Соединенных Штатах Америки. Население этой страны со времен колонизации Америки не знало другого политического устройства, кроме демократии. Политический режим постепенно эволюционировал, но не претерпевал резких революционных изменений. Таким образом, свобода американцев зиждется на культе индивидуализма [8], а не на призывах к равенству.

Именно такую, индивидуальную свободу, отстаивал английский социолог Джон Стюарт Милль. Индивидуальность проявляется в необузданном творческом потенциале, нонконформизме и антагонистическом способе мышления, автономизации и суверенитете, многостороннем разнообразии и личном опыте, инаковости [4]. Только свободное общество может обеспечить научно-технический прогресс, экономическое развитие, динамику культурных и социальных процессов.

Но как сочетаются принципы индивидуальной свободы и общественный интерес? Стоит ли приносить в жертву прогрессу социальный порядок? Не угрожает ли такая свобода целям социального развития? Как установить допустимые границы индивидуальной свободы? Что может дать социология для ответа на эти и другие важные вопросы?

Последний вопрос – это, прежде всего, вопрос о методе. Проблема свободы чаще всего находит свое отражение в философских трактатах, что связано с крайне затруднительной категоризацией этого понятия, не позволяющей вывести его за границы умозрительных конструкций. Милль Дж. С. первым предпринял попытку перевести рассуждения о свободе из чисто философского дискурса в поле социологического анализа. Так начало формироваться позитивистское понимание свободы, получившее эмпирическое обоснование. На заре формирования общества и укрепления социальных уз, подавление индивидуализма, обуздание характера сильных личностей оправдывались стремлением обеспечить стабильность общества. Но в цивилизованном обществе индивидуальность более не может угрожать его целостности.

Вместе с тем, Милль настаивает: «все, что делает для человека ценным его существование, условливается наложением ограничений на свободу действий других людей» [4]. Отсюда вытекает задача установить границу между индивидуальной независимостью и общественным контролем. Ответственность по Миллю означает не делать того, что принесет вред другому. Подобное понимание индивидуальной свободы, по мнению И. Берлина, отвечает принципам «негативной свободы» («свободы от»). В тоже время, Милль не ограничивается лишь рамками этой концепции, он не отрицает абсолютно проявлений «позитивной свободы» («свободы для»). Дело в том, что подлинная индивидуальная свобода возможна только в обществах определенного типа с определенной формой политического устройства, но, чтобы такое общество могло существовать, все его члены, если они, конечно, ценят собственную свободу, должны прилагать все возможные усилия для его поддержания и укрепления [5]. Таким образом, рост ответственности – это не нравственно-ценностные призывы этических теорий, а закономерная реакция на «серьезный вызов, возросший со стороны свободы, брошенный как отдельным индивидам, так и целым сообществам» [1, С. 24].

Ответственность выступает необходимым условием любого эффективного взаимодействия, равно как и свобода. Без должного уровня личной свободы, человек не способен брать на себя обязательства по отношению к другим людям. Отсутствие способности к ответственным действиям ведет к разрушению свободно установившихся связей. Отвечать вызовам современности можно только «став более ответственным и способным к большей свободе» [6, С. 145].

В таком контексте, свобода не означает вседозволенность, а ответственность не лишает человека независимости. Ответственность соразмерна возможностям самой свободы, они взаимообусловлены и предполагают наличие друг друга.

Социолог-эмпирик Морено, проводя эксперименты в конкретно существующих и действующих человеческих группах, пришел к практическому подтверждению теоретических выводов Токвиля, что «стремление к ничем не ограниченной свободе приводит к жесткому упорядочиванию и диктатуре». Вместе с тем, «закручивание гаек» опасно взрывами спонтанности, ведущими к разрушению социальной структуры и общей культуры. Жесткая демаркация границ при взаимодействии всегда означает социальную смерть [3, С 111]

Задача социологии не в том, чтобы заниматься сухой констатацией изученных социальных фактов, но прибегать также к терапевтическому воздействию, для приведения формальной поверхностной структуры в максимальное соответствие с глубинной структурой. Таким образом, гуманитарная наука приобретает деятельностный аспект, заключающийся в решении следующих научно-практических задач: 1) комплексное исследование явления; 2) диагностика состояния исследуемого объекта; 3) превращение объекта исследования в субъект взаимодействия; 4) терапевтическое воздействие на субъект. Работа социолога более сближается с консультированием, а его методы тяготеют к искусству, становясь более ситуативными и менее формализованными.

Можно говорить, о том, что социология стала возможной в обществах, где расширилась индивидуальная свобода. Там, где есть свобода, социальное взаимодействие происходит намного интенсивнее, структура социальных отношений усложняется. Все это порождает многочисленные скрытые и явные конфликты, связанные с ними риски, требующие решений. Потребность в социологии весьма велика в современном обществе. Вместе с тем особая роль состоит в том, чтобы на

базе обширного теоретического материала участвовать в разрешении практических задач, прибегая к качественным, даже творческим методам.

Список литературы

1. Бергер П. Введение. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П.Бергера и С.Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004, стр. 24
2. Золотовицкий Р.А. Социология Я. Л. Морено // Методология и история психологии. 2007. Том 2, Выпуск 2, стр. 107-121
3. Милль Д.С. Утилитаризм. О свободе / пер. с англ. А.Н. Неведомского. СПб., 1900
4. Милль Дж. С. Рассуждения о представительном правлении / пер. с англ. – Челябинск: Социум, 2006, 384 с.
5. Рахманкулова Н.Ф. Свобода, риск, ответственность в контексте глобализации // Информационная эпоха: вызовы человеку / под ред. И.Ю. Алексеевой и А.Ю. Сидорова. – М.: РОССПЭН, 2010
6. Скиннер, Кв. Идея негативной свободы: философские и исторические перспективы (Перевод С.В. Моисеева)// Политическая концептология №3, 2011 г, с. 131-151
7. См:Токвиль Алексис де. Демократия в Америке: Пер. с франц./ Предисл. Гарольда Дж. Ласки. — М.: Прогресс, 1992
8. Токвиль А. Старый порядок и Революция / пер с фр. Л.Н. Ефимова – СПб.: Алетейя – 2008, С. 8
9. Г. П.Федотов, «Судьба и грехи России», том 2, Санкт-Петербург, Издательство «София», 1992, с. 276-303, стр. 277
10. Taylor, C. What's wrong with negative liberty/ A.Ryan. The Idea of Freedom / C, Taylor – Oxford: Oxford University Press. – 1979

РАЗДЕЛ 4. РОЛЬ СОЦИОЛОГИИ В РЕШЕНИИ АКТУАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ РЕГИОНА

ИМИДЖ ГОРОДА ЯКУТСКА КАК ФАКТОР ЕГО ПРОДВИЖЕНИЯ

Аммосова А.К.

Имидж – это образ, целенаправленно создаваемый для того, чтобы произвести наиболее благоприятное впечатление в той или иной сфере, при тех или иных обстоятельствах. Понятие имиджа применимо не только к отдельным личностям, организациям, но и к регионам и отдельным городам, что особенно актуально оказывается в условиях экономического кризиса. Имидж города формируется на базе распространяемой о нем информации и мнении, соответствующих индексов и рейтингов, реально существующих аргументов функционирования и развития городов.

Опыт многих стран доказывает, что формирование собственного имиджа региона экономически обосновано, т.е. привлекательно для развития туризма и вовлечения инвестиций в регион [4, с.55].

В связи с последними глобальными процессами развития общества сильно влияют такие факторы как имидж, бренд и образ. Образ – это собирательное представление, тогда имидж мы можем понять как психологически формулируемый образ, собранный из представления его субъектов с целью его продвижения.

С целью узнать имидж города Якутска, было проведено социологическое исследование среди жителей города. Так как имидж города следует определить, прежде всего, с точки зрения тех, кто в нем живет. Благоприятный имидж города в итоге влияет на формирование среди населения города уверенности в будущем, социального оптимизма, доверия к органам местной власти.

Общее количество опрошенных составило 55 жителей города Якутска. Отбор респондентов проводился случайным образом, путем устного опроса среди случайных прохожих. В выборке соблюдалось следующее сопоставимость числа респондентов по возрастным и половым категориям: от 17 до 25 (18%), от 25 до 35 лет (28%), от 35 до 50 лет (27%), от 50 до 65 лет (27%), 45% мужчин и 55% женщин.

Исследование проводилось в июне - июле 2015 г. среди разных возрастных групп респондентов г.Якутска. Опросный лист включал в себе вопросы, которые характеризуют мнение жителей по городу Якутску и факторы, влияющие на формирование имиджа города.

Исследование показала, что имидж города является одним из важных объектов и инструментов в развитии региона. Степень привлекательности города в условиях рыночных отношений и определённой потребительской ориентированности зависит от нескольких показателей. Это может быть организация и активность делового, культурного и исторического центра, как главного ядра города.

«Сердцем города», то есть ядром для большинства опрошенных являются два типа мест: личные любимые места и массово-народные, но оно - самый живой элемент города. Первый вариант городского сердца наиболее связан с городом как пространством и определяется как его условный центр. В представлении респондентов «сердце города» в основном ассоциируется с местом отдыха.

Историческим местом респонденты указали Федеральный ВУЗ, это можно охарактеризовать тем, что население издревле высоко ценит образование и стремятся к нему. К тому же, историческая среда способна формировать и обогащать мировоззрение человека, воспитывать, культивировать нравственные традиции своего народа.

Имидж города признаётся людьми как место проживания и работы. Это и логично, если роль живой человеческой личности с её желаниями и потребностями стоит на первом месте.

Как любая организация город имеет свои символы, характеризующие его богатство, достоинство и ценности. К наиболее распространённым символам города можно отнести официальные символы, то есть его название, флаг, герб. Но в представлении жителей имеются более другие, такие как вечная мерзлота, холод, алмазы. Это объясняется тем, чем люди ценят, любят, гордятся в своем городе, тем, что заложено у них с детства.

Инвестиционная возможность города это его будущее. В современном развивающемся мире большое внимание уделяется новым технологиям, инвестиционным проектам и многим новым возможностям. И поэтому городу необходимо стать конкурентоспособным в международном рынке путем развития различных проектов. К таким инвестиционным проектам респонденты относят нефтепромышленную и алмазодобывающую промышленность Якутии.

Итак, имидж города Якутска это социальное самочувствие его жителей. Имидж города влияет на различные стороны городского развития, и, прежде всего, на экономику, культуру, миграционные процессы, а также на поведение жителей в городе. Якутск можно считать культурным и образованным центром, историческая среда которого способна формировать и обогащать мировоззрение человека, воспитывать, культивировать нравственные традиции своего народа.

Во-вторых, имидж города это инвестиционная привлекательность города, его конкурентоспособность среди других подобных городов и для привлечения финансовых инвестиций и партнеров. Жители Якутска видят его развивающимся и конкурентоспособным объектом на международном рынке.

Эти и другие обстоятельства актуализируют проблемы разработки и управления имиджем города как стратегическим фактором его конкурентоспособности на внутреннем и международном рынке. Круг описанных проблем должен стать предметом изучения маркетинга города.

Таким образом, город все больше становится неким «товаром», который требует разработку и создания определённого имиджа с целью получения тех или иных выгод. От сформированного образа зависит инвестиционная, социально-культурная и эстетическая привлекательность города среди других подобных городов.

Список литературы

1. Алимова Г.С., Чернышев Б.Н. Имидж региона в системе оценке его конкурентоспособности // Электронный ресурс – Режим доступа. – URL: <http://www.orelgiet.ru/monah/71df.pdf>. – 2010.
2. Василенко И.А. Имиджевая политика российских регионов: актуальность ребрединга // Государственная служба . – 2012. - №1, С 54-58

ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТИ СЕМЕЙНЫХ УСТАНОВОК В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Архинова Л.Ю., Карташова Е.Н.

Современное экономическое развитие общества поставило вопрос обращения к духовным и культурным ценностям человека. Сегодня будущее как отдельных государств, так и всего человечества зависит от развития человеческих ресурсов. Обеспечение достойного качества жизни человека становится целью социально-экономического развития современных государств. Но экономический рост сам по себе не способен решать духовно-нравственные вопросы.

Цель работы сводится к анализу семейно-ориентированной позиции общества на современном этапе. Задачи, отвечающие нынешней социальной ситуации, могут отражать следующий подход: историческая сущность ценности семьи в России; геополитические перспективы семейно-ориентированной позиции в обществе; социально-психологическая сущность демографических проблем на современном этапе.

Поощрение семьи как института в качестве приоритета демографической политики может стать демографически эффективным, если полная семья с детьми будет привлекательна для ее членов, для эксплуатирующих ее ресурсы корпораций, если семья законодательно и социально-экономически окажется способной влиять на те структуры, чье функционирование обеспечено людскими ресурсами, подготовленными семьей [1]. Укрепление семьи как социального института требует специальных усилий со стороны не только государства, но и общества, общественных объединений.

Семья является важнейшим агентом социализации. Она составляет первое и самое близкое социальное окружение, входящее в более обширную социальную среду и несущее на себе ее отпечаток [8]. Но содержание процесса социализации не может быть безотносительно, инвариантно в отношении господствующей в обществе системы норм и ценностей [10].

Нравственно здоровая и духовно крепкая семья – основа полноценного общества [7]. Но общество рассматривает современную семью как кризисную. Кризис современной семьи во многом обусловлен значительными изменениями социальной жизни в целом [8].

Движущей силой современной цивилизации оказался «человеческий ресурс» [3]. Для успеха и процветания страны человеческий фактор имеет даже большую значимость, чем богатые недра или промышленный потенциал [5].

Приоритеты сегодня отдаются не экономической составляющей, а потенциалу личности, интеллекта, образованию. Нематериальный капитал, воплощенный в знаниях, уме, творческих способностях становится решающим фактором общественного развития...[3]. В современном мире человеческий потенциал выступает как наиглавнейший фактор экономического роста, поскольку именно от его состояния зависит использование всех прочих ресурсов развития. Среди всех составляющих национального богатства любого государства именно человеческий потенциал играет ведущую роль [5]. Всякая потеря людских ресурсов России независимо от характера и конкретных причин как в количественном, так и в качественном отношении оказывается не только внутрисполитической, но и геополитической проблемой. Они дестабилизируют и ослабляют страну, а в экстремальной ситуации могут стать угрозой национальной безопасности [6].

В свою очередь, психологи, социологи и представители православной церкви отмечают, что негативные морально-нравственные принципы поведения во всех слоях общества постоянно усиливаются. Это неизбежно сказывается на состоянии населения и внутрисемейных отношениях [6]. Современный человек привык чаще потреблять, чем отдавать, и на жертву ради близкого он оказывается не способным [2]. «Основная причина бегства многих наших современников в царство алкогольных и наркотических иллюзий, — отмечено в «Основах социальной концепции русской православной церкви», — это духовная опустошенность, потеря смысла жизни, размытость нравственных ориентиров. Наркомания и алкоголизм становятся проявлением духовной болезни не только отдельного человека, но всего общества. Это расплата за идеологию потребительства, за культ материального преуспеяния, за бездуховность и утрату подлинных идеалов». Показателем развитости жизненных сил человека в современном обществе становятся потребности людей [3]. Жизнь внутри потребительской модели мира не приносит человеку счастья [2].

А основные ценности ребенка закладываются в семье. Социологическая дефиниция семьи рассматривается [8] как малая группа, основанная на родственных связях и регулирующая отношения между супругами, родителями и детьми, а также ближайшими родственниками. При этом на протяжении 70-80 гг. продолжали действовать факторы обесценивания семейного образа жизни и роста ценности одиночно-холостяцкого существования, что способствовало дальнейшему распространению среди женщин и мужчин установок на добрачную сексуальность и сожительства, на позднее вступление в регистрируемый брак и более позднее рождение детей, на разводы [1]. Перекося умонастроения и науки в сторону губительных для жизни человеческой и человечества в целом изобретений свидетельствуют об опасном смещении и искривлении ценностных приоритетов [1].

Динамика трансформации ценностей молодого поколения является важным показателем происходящих социокультурных перемен. Образцы ценностей напрямую зависят от социокультурных характеристик общества.

Ослабление социального потенциала России, наблюдаемое при рассмотрении населения под разным углом зрения — в плане демографического воспроизводства, человеческого капитала, а также межличностных и общественных отношений — можно сравнить сегодня с процессом истощения природы, которое происходит под антропогенным воздействием при отсутствии условий ее восстановления [6].

Сегодняшнее наполнение отечественного информационного пространства полностью соответствует Западным реалиям 50-60-х годов. Информационные потоки практически частных СМИ транслируют деструктивные установки, моделирующие поведение потребителя наркотиков и одновременно формируют будущий демографический коллапс. Мы говорим обо всех

иллюстрированных молодежных газетах, журналах и других средствах коммуникации, работающих на молодежные целевые секторы [4].

А для укрепления семейно-ориентированной позиции у ребенка, формирования репродуктивных установок на многодетность, нравственных ориентиров, престижа семейного образа жизни необходимо формирование модулирующего поведения с детского возраста, как в семье, так и в дошкольных, школьных учреждениях и системе высшего образования.

В социологии ценности рассматриваются как общепринятые убеждения относительно целей, к которым человек должен стремиться. Они составляют основу нравственных принципов [8].

Ценности индивида в основном формируются в раннем детстве. Их источник - это прежде всего те люди, которые окружают ребенка... По мере взросления ребенок все больше сталкивается с другими ценностными системами, и это неизбежно изменяет некоторые, а иногда и многие из его ценностей [9].

Экспериментально приведены доказательства о том, во-первых, вопреки ходячим представлениям о «необратимости» установок на сожительство, развод и прочие атрибуты малодетного стиля существования, подверженность изменениям индивидуальных ориентаций на семью и брак. Во-вторых, убеждающее воздействие наблюдается не только среди молодых людей с низкими притязаниями, но и с высокими, если в индивидуальную шкалу ценностей включается семья с детьми и, следовательно, семейный образ жизни становится престижным [1].

Таким образом, укрепление семейно-ориентированной позиции и формирование в детском и юношеском возрасте установки на престиж семейного образа жизни, духовно-нравственное развитие в условиях не только семьи, но и в рамках образовательных учреждений сможет изменить не только нравственно-культурную ситуацию в будущем, но и служить ориентиром национальной безопасности страны.

Список литературы

1. Антонов А.И. Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики /А.И. Антонов, В.А. Борисов. – М.: Ключ-С, 2006. 192с. – С. 94.
2. Дудкин Е. Молитесь жены и мужа: В помощь молодой семье/ Евгений Дудкин. – М.: Артос-Медиа, 2011. - 478с.-С.23.
3. Лига М.Б. Качество жизни как основа социальной безопасности: монография/ М.Б. Лига; под ред. Проф.М.В. Константинова. - М.: Гардарики, 2006. - 223с. – С.146.
4. Маркова Н.Е. Ценностные установки молодежи современной России. Электронный ресурс: http://www.r-komitet.ru/s_i_d/molodezh_Markova.htm дата обращения 09.09.2015
5. Поветьев П.В. Народ как национальное богатство. Электронный ресурс: http://www.nirsi.ru/66_ссылка 8.09.2015.
6. Римашевская Н.М. Качество человеческого потенциала в современной России Электронный ресурс: <http://spkurdyumov.ru/forecasting/kachestvo-chelovecheskogo-potenciala-v-sovremennoj-rossii/> дата обращения: 08.09.2015
7. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II
8. Социология: курс лекций: учеб.пособие/Ю.Г. Волков и др. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 509с. – С. 256.
9. Электронный ресурс: <http://psyera.ru/socialnye-cennosti-i-ustanovki-1742.htm> дата обращения 09.09.2015
10. Яковлев Л.С. Инвайронментальные механизмы социализации: структуризация жизненных пространств/ Под ред. В.Н. Ярской. – Саратов: Изд-во Саратов. Ун-та, 1997. – 148с. – С.38.

ОПЫТ ОКАЗАНИЯ МЕР СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЬЯМ С ДЕТЬМИ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

Бадонов А.М.

Главной целью социальной политики органов государственной власти Республики Бурятия является повышение уровня и качества жизни населения, в том числе и семей, имеющих детей.

В Республике Бурятия семьям с детьми оказываются различные меры социальной поддержки: пособия, субсидии, ежемесячные компенсационные выплаты, компенсация родительской платы за присмотр и уход за ребенком в образовательных организациях, денежные выплаты многодетным семьям и другие виды мер социальной поддержки.

Согласно информации Министерства социальной защиты населения Республики Бурятия в 2014 году на предоставление мер социальной поддержки было направлено 4,7 млрд. рублей [1]. За 2014 год ежемесячное пособие назначено на 87256 детей из семей с доходом на каждого члена семьи, размер которого не превышает величину прожиточного минимума в Республике Бурятия. Финансирование выплаты пособий составило 192,3 млн. рублей [1]. Размер прожиточного минимума в среднем на душу населения составил 9571 руб., для трудового населения – 9979 руб., для пенсионеров – 7587 руб., для детей – 9893 руб.

Согласно постановлению Правительства Республики Бурятия от 19 марта 2008 года № 118 «О компенсации платы, взимаемой с родителей (законных представителей) за присмотр и уход за ребёнком в образовательных организациях, реализующих образовательную программу дошкольного образования в Республике Бурятия» [3], родителям выплачивается компенсация части родительской платы за присмотр и уход за ребенком в образовательных организациях, реализующих основную общеобразовательную программу дошкольного образования в Республике Бурятия.

По информации Министерства социальной защиты населения Республики Бурятия компенсационные выплаты части родительской платы за посещение ребенком дошкольного образовательного учреждения в 2014 году предоставлены на 38892 детей [1].

В соответствии с Законом Республики Бурятия от 6 июля 2006 года № 1810-III «О мерах социальной поддержки многодетных семей в Республике Бурятия» [4] и постановлением Правительства Республики Бурятия от 14 декабря 2006 года № 401 «О регистрации многодетной семьи и предоставлении ежемесячных денежных выплат на детей из многодетных семей в Республике Бурятия» [6] многодетным семьям ежемесячно выплачивается денежная сумма на каждого ребенка до достижения им возраста шестнадцати лет (на учащегося общеобразовательного учреждения - до окончания им обучения, но не более чем до достижения им возраста восемнадцати лет) в размере 150 рублей, а с учетом районных коэффициентов – 180 руб. и 195 руб. соответственно. Размер выплаты на троих детей – 540 руб. и 585 руб. соответственно. В 2014 году ежемесячные денежные выплаты предоставлены 17504 многодетным семьям на 54314 детей [1].

В соответствии с постановлением Правительства Республики Бурятия от 8 июня 2011 года № 283 «Об утверждении Порядка предоставления единовременной денежной выплаты на приобретение жилых помещений многодетным семьям, имеющим шесть и более детей» [7] многодетным семьям полагается денежная выплата из средств республиканского бюджета.

В 2014 году единовременная денежная выплата на приобретение жилых помещений за счет средств республиканского бюджета многодетным семьям, имеющим шесть и более несовершеннолетних детей, нуждающимся в улучшении жилищных условий, была получена 54 семьями [1] на общую сумму 119,0 млн. руб.

Согласно постановлению Правительства Республики Бурятия от 14 января 2013 года № 2 «О Порядке предоставления республиканского материнского (семейного) капитала» [5] семьи, имеющие детей, получают республиканский материнский (семейный) капитал. Республиканский материнский (семейный) капитал является дополнительной мерой социальной поддержки семьи, имеющей детей, совокупный доход всех членов семьи был на момент рождения или усыновления третьего и других (по счету) детей ниже полуторной величины прожиточного минимума, который установлен в Республике Бурятия. Республиканский капитал предоставляется за счет средств республиканского бюджета. Многодетным семьям, среднедушевой доход которых ниже 1,5 величины прожиточного минимума, установленного в Республике Бурятия, при рождении (усыновлении) третьего или последующих детей, начиная с 1 января 2013 года, предоставляется республиканский материнский (семейный) капитал в размере 50000 рублей.

Право на республиканский материнский (семейный) капитал возникает у граждан, проживающих на территории Республики Бурятия не менее одного года до рождения (усыновления) ребенка:

1) женщин, родивших (усыновивших) третьего ребенка начиная с 1 января 2013 года (без учета случаев рождения мертвого ребенка);

2) женщин, родивших (усыновивших) четвертого ребенка или последующих детей начиная с 1 января 2013 года (без учета случаев рождения мертвого ребенка), если ранее они не воспользовались правом на республиканский материнский (семейный) капитал;

3) мужчин, являющихся единственными усыновителями третьего ребенка или последующих детей, ранее не воспользовавшихся правом на республиканский материнский (семейный) капитал, если решение суда об усыновлении вступило в законную силу, начиная с 1 января 2013 года.

Средства республиканского материнского (семейного) капитала расходуются в полном объеме либо по частям в соответствии с заявлением по следующим направлениям: приобретение или строительство жилого помещения; проведение ремонта жилого помещения без привлечения организации, выполняющей ремонт жилого помещения, в том числе по договору строительного подряда; уплата первоначального взноса при получении кредита (займа), в том числе ипотечного, на приобретение или строительство жилья и другие.

Распоряжение средствами республиканского материнского (семейного) капитала может осуществляться одновременно по нескольким направлениям, установленным законом.

Таким образом, многодетным семьям (трое и более детей), начиная с 1 января 2013 года, предоставляется республиканский материнский (семейный) капитал в размере 50000 рублей. За 2014 год за республиканским материнским (семейным) капиталом распорядились 3327 семей [1] на сумму 163 млн. руб.

В Республике Бурятия сформирована комплексная система социальной поддержки семей, имеющих детей. Она включает в себя ежемесячные денежные выплаты, федеральный и региональный материнский капитал, единовременную денежную выплату на приобретение жилья семьям с шестью и более детьми, обеспечение земельными участками и другие виды социальной поддержки. Принимаемые меры повлияли на естественный прирост населения. Статистические данные по результатам года свидетельствуют о положительной динамике демографического развития республики. Так, в 2010 г. население республики составляло 969,7 тыс. чел., а на 1 января 2015 г. в республике проживает 978,5 тыс. человек [8].

Таким образом, принимаемые меры повлияли на естественный прирост населения. Статистические данные по результатам года свидетельствуют о положительной динамике демографического развития республики. За период с 2010 года по 2015 год население республики увеличилось на 8,8 тысяч человек. Уровень рождаемости за последние годы в республике вырос. Об этом свидетельствуют большая очередь в дошкольные образовательные учреждения, нехватка площадей в средних общеобразовательных школах для начальных классов. Ряд исследователей связывает бум деторождения с тем, что сейчас в активном репродуктивном возрасте находится многочисленное поколение 80-х годов XX века. Другие исследователи считают, что грамотная политика федеральных и региональных властей по поддержке семьи и детей также оказала существенное влияние на репродуктивное поведение родителей. Введение федерального материнского капитала позволило повысить рождаемость детей. Федеральный материнский капитал был введен с 1 января 2007 года Федеральным законом от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [2]. В настоящее время в 2015 году его размер составляет 453026,0 руб. Меры, принятые федеральными и республиканскими органами государственной власти, оказали существенное влияние на демографическую ситуацию в республике, на повышение качества социальной поддержки семей, имеющих детей.

Список литературы

1. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства социальной защиты населения Республики Бурятия на 2016-2018 гг. [Электронный ресурс] : официальный сайт Министерства социальной защиты населения Республики Бурятия. – Режим доступа: http://minsoc-buryatia.ru/document.php?ELEMENT_ID=10198 (Дата обращения 27 сентября 2015 года).
2. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 29 декабря 2006 года № 256-ФЗ (ред. 23 мая 2015 года № 131-ФЗ). – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902021711> (Дата обращения - 27 сентября 2015 г.).
3. О компенсации платы, взимаемой с родителей (законных представителей) за присмотр и уход за ребёнком в образовательных организациях, реализующих образовательную программу дошкольного образования в Республике Бурятия [Электронный ресурс]: постановление Правительства Республики Бурятия от 19 марта 2008 года № 118 (ред. от 25 августа 2014 года № 403). – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/473806303> (Дата обращения - 17 сентября 2015 г.).
4. О мерах социальной поддержки многодетных семей в Республике Бурятия [Электронный ресурс]: Закон Республики Бурятия от 6 июля 2006 года № 1810-III (ред. от 5 мая 2015 года № 1077-V). – Режим доступа: <http://base.garant.ru/29502549/> (дата обращения – 17 октября 2015 г.).
5. О Порядке предоставления республиканского материнского (семейного) капитала [Электронный ресурс]: постановление Правительства Республики Бурятия от 14 января 2013 года (ред. от 27 февраля 2015 года № 84). – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/473807529> (Дата обращения - 14 октября 2015 г.).
6. О регистрации многодетной семьи и предоставлении ежемесячных денежных выплат на детей из многодетных семей в Республике Бурятия [Электронный ресурс]: постановление Правительства Республики Бурятия от 14 декабря 2006 года № 401 (ред. от 28 мая 2012 года № 305). – Режим доступа: <http://base.garant.ru/29500092/> (Дата обращения – 18 октября 2015 г.).
7. Об утверждении Порядка предоставления единовременной денежной выплаты на приобретение жилых помещений многодетным семьям, имеющим шесть и более детей [Электронный ресурс]: постановление Правительства Республики Бурятия от 8 июня 2011 года № 283 (ред. от 28 декабря 2012 года № 819). – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/473806132> (Дата обращения – 27 сентября 2015 г.).
8. Численность населения Республики Бурятия на 1 января [Электронный ресурс]: официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. – режим доступа: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/statistics/population/ (Дата обращения – 21 сентября 2015 г.).

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ПОДДЕРЖКА МОЛОДЫХ СЕМЕЙ

Васильева М.В.

Важнейшая роль в дальнейшем развитии общества отводится молодой семье. Молодые люди, только что вступившие в брак, сталкиваются с самыми различными проблемами общества, для которого характерна социально-экономическая нестабильность. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что будущее нашей республики и всей страны в целом находится в руках современных молодых семей.

Молодая семья – исключительно важный ресурс репродуктивных и нравственно-эстетических сил общества. Молодая семья – будущее республики, и от стартовых условий их совместной семейной жизни зависит её последующее развитие. Поэтому очень важна поддержка республики, органов местного самоуправления, а также министерства по делам молодежи и семейной политики, ведь они являются тем фундаментом, от которых отталкивается молодая семья в последующем своем развитии.

В российском законодательстве к молодым отнесены семьи первых трех лет после заключения брака (в случае рождения детей - без ограничения продолжительности брака), при условии, что один из супругов не достиг 30-летнего возраста, а также неполные семьи с детьми, в которых мать или отец не достигли 30-летнего возраста.

В своем развитии молодая семья осваивает множество новых социальных ролей: самостоятельно содержать семью, вести семейный бюджет и домашнее хозяйство, осуществлять уход за детьми и их воспитание. Муж и жена выступают в роли агентов социализации по отношению друг к другу, решая вопросы о распределении прав и обязанностей, о лидерстве в семье, отношениях к новой родней и т.д. И только что образовавшаяся семья все равно сталкивается с определенными проблемами при реализации и выполнении своих функций, и чем тщательнее мы изучим современную молодую семью и происходящие в ней перемены, тем более точно сможем прогнозировать вероятные сценарии будущего развития семьи в нашей республике.

1. Республиканская поддержка молодой семьи осуществляется посредством:

- разработки и исполнения целевых республиканских и местных программ по поддержке молодых семей;

- предоставления молодым семьям кредитов и субсидий для компенсации части затрат на строительство или приобретение жилья в соответствии с положением, разрабатываемым уполномоченным государственным органом по государственной молодежной политике и утверждаемым Правительством Республики Саха (Якутия).

- развития системы учреждений независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, осуществляющих помощь молодым семьям по психолого-педагогическим, правовым и другим вопросам;

- предоставления молодым семьям льгот и иных компенсаций в соответствии с законодательством Российской Федерации и Республики Саха (Якутия) для социально незащищенных слоев населения.

2. Для поддержки молодых семей, созданных обучающимися в высших, средних и начальных профессиональных образовательных учреждениях дневной формы обучения (при условии, что оба супруга являются студентами, учащимися), сиротами, инвалидами, для неполных молодых семей органы государственной власти Республики Саха (Якутия) и органы местного самоуправления могут принимать решения по льготному (бесплатному) содержанию детей таких семей в детских дошкольных учреждениях.

3. При рождении детей в молодой семье, имеющей средний совокупный месячный доход на одного члена семьи ниже прожиточного минимума, органы местного самоуправления могут принимать решения о предоставлении семье единовременного пособия за счет средств местных бюджетов.

Еще разрабатывается множество программ по поддержке молодой семьи, которые хоть как-то облегчат их жизнь. Все эти меры направлены только на одно — чтобы молодым семьям жилось легче, ведь молодая семья - это социальная группа общества, которая выступает источником социально-экономического развития и будущего Республики Саха (Якутия).

Список литературы

1. Тихомирова В.В. Социальное самочувствие и ценностные ориентации молодой семьи. 2010.
2. Закон РС(Я) «О ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКЕ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)».

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ: ОПЫТ МОНИТОРИНГОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Голык Н.В., Винокурова А.В.

В настоящее время значимость инновационных технологий в сфере образования возрастает, что напрямую связано с трансформационными процессами в современном российском обществе. Использование инновационных образовательных технологий, в первую очередь, дистанционных, особенно актуально в отношении такой социальной категории, как дети с ограниченными возможностями здоровья. Они относятся к наиболее уязвимой группе населения, остро ощущающей

изменения общественных отношений, нуждающейся в удовлетворении образовательных потребностей.

Развитие дистанционного образования детей с ограниченными возможностями здоровья – сложный во всех отношениях процесс, бесспорно, организационно и экономически затратный. Эффективность внедрения дистанционных технологий зависит от активности различных социальных акторов (представителей власти, неправительственных организаций, родителей детей-инвалидов и самих детей).

Именно поэтому анализ собранных нами данных основывается на использовании мониторингового исследования. Использование метода мониторинга будет способствовать выявлению причин и факторов, способствующих и/или препятствующих реализации и распространению дистанционных образовательных технологий для детей с ограниченными возможностями здоровья.

Мониторинг представляет результаты исследования реализации программы дистанционного образования для детей с ограниченными возможностями здоровья в Приморском крае. Определение данной социальной категории как объекта мониторинга связано с ростом численности детей-инвалидов, несмотря на предпринимаемые меры, сопровождающиеся поиском путей решения проблем этой группы населения, создания для них безбарьерной среды жизнедеятельности, а также форм их трудовой адаптации. В настоящее время здоровье детей с ограниченными возможностями здоровья в Российской Федерации представляет серьезную медико-социальную проблему. Ухудшение состояния здоровья детей характеризуется ростом заболеваемости, изменением возрастной структуры и увеличением частоты хронических заболеваний. Согласно статистической информации, только за последнее пять лет число детей-инвалидов увеличилось почти на 10%, составив к 2014 году 540 тыс. 837 человек, что больше на 3,7%, чем в 2013 году, и на 9,2%, чем в 2010 году [1].

В качестве объектов мониторинга определены социально-профессиональные группы, от деятельности которых максимально зависит ход и успешность образования детей с ограниченными возможностями здоровья, обучающихся на дому с использованием дистанционных образовательных технологий:

- учащиеся (дети с ограниченными возможностями здоровья);
- педагоги общеобразовательных учреждений: сетевые преподаватели и педагоги-кураторы;
- родители (законные представители детей).

В качестве основных индикаторов выделены общие индикаторы (причины инвалидности, включая ограничения возможности здоровья; социальные характеристики, в частности половозрастные особенности); индикаторы социального самочувствия участников (социальные и внутрисемейные взаимоотношения, взаимоотношения с категориями участников, трудности в осуществлении образовательного процесса, удовлетворенность и отношение к учебе).

Инструментарий мониторинга соответствует общим методологическим требованиям: использование взаимодополняющих методов сбора и анализа данных, сочетание в рамках единой системы показателей результатов, полученных с помощью качественных и количественных методов, их вторичный анализ. В качестве основных источников информации при проведении мониторинга были использованы данные государственной статистической отчетности, результаты социологических исследований, проведенных под эгидой Департамента образования и науки Приморского края [см.: 2, 3, 4].

В частности, предпринятый нами вторичный анализ результатов анкетирования, проведенного Департаментом образования и науки Приморского края показал, что большая часть семей детей с ограниченными возможностями здоровья проживает во Владивостоке – 25,5%. В крупных городах Приморского края проживает 11,8%, в средних городах – 13,7%, в малых городах – 21,6%, в сельской местности – 19,6%, в поселках – 7,8%. Большинство родителей детей-инвалидов прошли обучение на специальных курсах, направленных на помощь в организации взаимодействия между родителями, педагогами-кураторами и сетевыми преподавателями проекта. У кураторов практически не возникает никаких трудностей при взаимодействии с родителями детей; некоторые затруднились ответить на

этот вопрос; и лишь у немногих педагогов данной категории общение с родителями вызывает затруднения.

Сравнительный анализ ответов показывает, что учащиеся одинаково часто взаимодействуют и с кураторами, и с сетевыми преподавателями. Большинство родителей взаимодействуют с педагогами-кураторами постоянно, по всем вопросам. Значительной части детей процесс обучения с использованием дистанционной технологии интересен. Школьники удовлетворены оборудованием своего рабочего места, а также скоростью сети Интернет (в разной степени). В то же время практически каждый четвертый ученик (около 25%) испытывает большие трудности в процессе обучения из-за плохой работы оборудования.

Анализ результатов анкетирования показывает, что улучшение результатов обучения наряду с интересом учащихся к дистанционной форме подачи материала обуславливает желание некоторых детей продолжать учиться дистанционно. Но большинство учащихся предпочитают сочетать очное обучение на дому с дистанционным обучением.

При выборе стиля общения с учащимися большинство преподавателей никогда не испытывают затруднений, что говорит о высоком профессиональном уровне участников проекта. При обучении детей с использованием дистанционной образовательной технологии сетевой педагог является также примером правильного общения в сети Интернет. По результатам анкетирования, сетевые преподаватели разделились на 2 категории: более 90% сетевых преподавателей всегда соблюдают нормы и правила действующего в сети Интернет телекоммуникационного этикета; остальные преподаватели не знакомы с правилами Интернет-общения (затруднились с ответом).

Для преодоления трудностей, связанных с использованием дистанционной образовательной технологии, целесообразно проведение просветительских мероприятий, направленных на повышение общей психологической грамотности участников. С этим утверждением полностью согласны более 80% сетевых преподавателей; остальные считают проведение таких мероприятий излишним.

Таким образом, тенденции, выявленные в ходе проведенного нами мониторингового исследования, свидетельствуют об эффективности проводимых мероприятий и принимаемых управленческих решений в процессе организации образования детей с ограниченными возможностями здоровья с использованием дистанционной образовательной технологии. Можно сделать вывод о целесообразности продолжения изучения состояния организации учебного процесса, удовлетворенности результатами обучения, показателей освоения программ с помощью мониторинга.

Список литературы

1. Основные статистические данные по вопросам защиты прав и интересов детей (2009-2014гг.). Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rfdeti.ru/menu/31>
2. Численность инвалидов, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. 2014. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/#
3. Анализ работы ресурсного Центра дистанционного образования в Приморском крае за 2013/2014 учебный год. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.skshiart.ru/content/rcdo/an140830>
4. Программа развития дистанционного образования детей-инвалидов в Приморском крае. [Электронный ресурс]. – URL: www.skshiart.ru/docs/rcdo/prog_razv_do.doc

МОЛОДЕЖЬ НА РЫНКЕ ТРУДА И МОТИВЫ ВЫБОРА ПРОФЕССИИ (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДИ ШКОЛЬНИКОВ Г. ВЛАДИВОСТОКА)

Гончарова С.В., Кожуховская А.А.

Молодежь на рубеже XX-XXI вв. остается предметом внимания власти и постоянно находится в фокусе исследований социологов, поскольку именно она является чутким индикатором происходящих социальных процессов и определяет в целом потенциал развития общества. От того, насколько изучен

мир ценностей современной молодежи, ее установки, жизненные планы, во многом зависит эффективность разрабатываемых мероприятий в области образования, в сфере труда и занятости. Особенно важно понимать каковы перспективы молодежи на рынке труда.

Социально-экономические трансформации общества нашли отражение в ситуации на рынке труда, характеризующейся требованиями непрерывного образования и самообразования, частой сменой места работы, готовности к samozанятости. Недостаток квалифицированных кадров в одних областях и их избыток в других привели к дисбалансу на рынке труда, как регионов, так и страны в целом. Этот дисбаланс обусловлен расхождением между реальными запросами рынка труда и ориентациями и ожиданиями потенциальных работников.

Высокий уровень безработицы среди молодежи сегодня вызывает озабоченность ученых и власти. Профилактика молодежной безработицы, порождающей социальную незащищенность и ощущение отверженности, могла бы способствовать развитию российской экономики. Молодым часто не удается найти работу по специальности, они вынуждены трудиться сверхурочно, на основе краткосрочных или неофициальных контрактов, на условиях минимальной заработной платы и недостаточной социальной защиты. В России увеличивается разрыв между трудовыми притязаниями молодых и возможностями их удовлетворения. Поскольку молодежь, как правило, не имеет практического опыта трудовой деятельности (либо он недостаточен), ее высокие требования к оплате труда делают проблематичным поиск подходящей работы. Отсутствие соответствующего стажа часто становится препятствием при заполнении вакансий, так как руководители предприятий и организаций предпочитают нанимать специалистов, имеющих опыт работы. Неполное использование трудового потенциала молодежи — негативное явление, поскольку замедляется процесс обновления рабочей силы и ротация кадров особенно в тех отраслях, работа в которых для молодых людей непривлекательна. Несбалансированность рынка труда и трудности в профессиональном самоопределении молодежи, а в частности школьников, является одной из острейших проблем современного российского общества.

В связи с этим процесс выбора профессии выпускниками школы нацеленная на это профориентация в период обучения важны не только с позиции определения жизненных планов отдельного человека, но и с точки зрения понимания перспектив развития общества в целом. Профориентация многими исследователями понимается как научно обоснованное управление процессом сознательного самоопределения людей в целях удовлетворения их личных потребностей, самореализации в труде и общественных потребностей в воспроизводстве трудовых ресурсов.

В 2014 году численность жителей Приморья, получивших услуги по профориентации составила 34919 человек, в том числе граждане в возрасте 14-29 лет - 14786 человек. В центрах занятости населения налажена массовая и групповая профориентационная профилактическая работа с молодежью. Основной задачей этого направления является ориентация выпускников общеобразовательных школ на получение базового профессионального образования по специальностям, востребованным на рынке труда. В 2014 году в 25 центрах занятости населения совместно с органами образования организованы ярмарки учебных мест или дни профориентации, в которых приняли участие 5095 школьников. Для выпускников профессиональных учебных заведений организуется акция «Карьера», во время которой молодых специалистов обучают технологии построения карьеры. В 2014 году акции «Карьера» прошли в 10 городах и районах края, в них приняли участие 1144 человека [2].

К изучению профессиональной ориентации с точки зрения возможностей моделирования и прогнозирования спроса на труд, а также проблем труда и занятости, обращались ученые, как за рубежом, так и в России. Комплексные исследования также проводились и в рамках отраслевой дисциплины – социологии профессий.

Проблемы занятости молодежи как отдельной социально-экономической, возрастной и образовательной группы рассматриваются в работах Е.Б. Бреевой, М.Х. Гарсия-Исер, И.К. Золотовой, Р.П. Колосовой, Л.С. Чижовой и др. Исследования интересов, потребностей и мотивов личности в

сфере образования, в связи с переходом к трудовой и профессиональной деятельности, вопросы профессионального самоопределения молодежи анализируются в работах И.С. Кона, Э.Ф.Зеера, Г.Е. Зборовского, Д.Л. Константиновского, А.В. Юпитова, В.А. Якунина.

В целом, анализ научной литературы по исследуемой проблеме позволил установить достаточную степень ее изученности, а также необходимость определить факторы, влияющие на выбор профессии учащимися старших классов общеобразовательных школ в современных социально-экономических условиях.

В июне 2015 года было проведено фокус-групповое исследование на базе ДВФУ. В фокус-группе приняли участие школьники г. Владивостока. Помимо дискуссии при проведении фокус-группы, для выявления ведущего типа мотивации при выборе профессии, была применена методика Р.В. Овчаровой «Мотивы выбора профессии». [3] Данная методика позволяет определить ведущий тип мотивации при выборе профессии. Текст опросника состоял из двадцати утверждений, характеризующих профессию. Респондентам необходимо было оценить, в какой мере каждое из них повлияло на их выбор профессии.

В результате анализа полученных данных было выявлено, что основным типом мотивации выступают внутренние индивидуально и социально значимые мотивы. Преобладание внутренне индивидуально и социально-значимых мотивов при выборе профессии говорит о том, что респондентам важно трудиться с удовольствием, без внешнего давления. Важно чтобы работа приносила удовлетворение, носила социально значимый характер и предоставляла возможность реализации рабочего потенциала человека. Наличие внутренних и внешних отрицательных мотивов говорит о воздействии на личность путем давления, наказаний, критики, осуждения и других санкций негативного характера.

В качестве одного из важных составляющих, влияющего на эффективность проведения данного социологического исследования, необходимо отметить социально-психологический климат группы. Эмоциональное состояние почти всех участников в момент вступительного обращения и знакомства можно охарактеризовать как несколько скованное. После начала беседы можно отметить большее эмоциональное включение в процесс обсуждения, в связи с интересом к изучаемым вопросам.

Кроме того необходимо отметить, что степень вовлеченности респондентов в беседу была различна. Несколько из них (двое молодых людей и две девушки) проявляли наибольшую активность. Их ответы на вопросы были более развернутыми и носили большую эмоциональную окраску, чем у остальных респондентов.

В процессе дискуссии участникам было задано несколько вопросов. Первым обсуждался вопрос: «Кем хочу стать после окончания школы?». У некоторых участников этот вопрос вызвал затруднение: «Ну, на самом деле, это очень тяжелый вопрос для лиц нашего возраста, потому что все колеблется не понимают какую профессию выбрать, на кого пойти, куда поступить, потому что следуют же люди как [э...] с принципа понимания что он знает, какой предмет ему ближе и, опираясь на это, сдает определенные экзамены и после этого поступает. У меня есть на данный момент 2 профессии, они связаны с врачебной деятельностью и с деятельностью экономиста. Ну как бы [кхм...] так». Респонденты назвали ряд специальностей, наиболее для них привлекательных, таких как: лингвист, архитектор, политик, журналист, менеджер, экономист, биолог, врач. Выбор профессии респонденты связывали со своими личными предпочтениями, склонностями. Большинство респондентов не желают связывать свою карьеру с «...сидячей, офисной работой». Один из участников отмечает: «Я хочу заниматься той деятельностью, которая мне будет по душе, я не хочу сидеть в кабинете, это лично мое, я очень люблю работать в обществе, для меня это важно». Так же было выявлено, что помимо личной заинтересованности для школьников важна заработная плата.

Далее обсуждались вопросы «Что повлияло на выбор профессии?» и «Что вы знаете о выбранной специальности / направлении подготовки?». Основным фактором при выборе профессии выступали личные предпочтения (это подтверждается результатами проведенного анкетирования по методике Р.В. Овчаровой) и знания. Так большинство респондентов отталкивались от хобби, интересов, личных

склонностей. А вот о выбранной специальности участники в основном узнавали от родственников и знакомых.

В ответе на вопрос «Чем вы хотите заниматься в ходе учебного процесса во время учебы в ВУЗе?» школьники ответили, что «...помимо учебной деятельности хотят активно участвовать в студенческой жизни (творческие объединения, волонтерство, научная деятельность), заниматься спортом, общаться с друзьями, участвовать в культурной жизни города (посещение выставок, кинопоказов). Как очень важное было отмечено желание быть поскорее финансово независимыми от родителей. С этой целью респонденты собираются работать во время учебы «...но не в ущерб учебному процессу». Так же была отмечена важность личной жизни и то, что семья не является помехой для образования: «...а еще обязательно должна быть потом семейная жизнь и, причем, семейная жизнь выбрана не так «тяп ляп», потому что надо так для галочки, а человек, который будет «идти с тобой в ногу» и помогать тебе, поддерживать, т.е. ты можешь развиваться, доучиваться, работать».

Чтобы определиться с выбранной профессиональной областью, респондентами проводились беседы со знакомыми, специалистами, с родственниками. Участники фокус-группы посещали Малые Академии ДВФУ, «Школу юного журналиста». Школьники отметили необходимость иметь широкий набор компетенций для успешной профессиональной деятельности. Некоторые высказывались в пользу узконаправленной специализации «чтобы быть профессионалом своего дела». Такой ответ, на наш взгляд, обусловлен пониманием трудностей в адаптации к профессии молодых специалистов и желанием быть более конкурентоспособным на рынке труда.

Среди выпускников общеобразовательных школ наблюдалось единство мнений о необходимости хорошо подготовиться к ЕГЭ, посещать репетиторов, специальные курсы, читать дополнительную литературу, заниматься дополнительным образованием. Респондентами была отмечена важность самообразования и необходимости постоянного совершенствования в выбранной профессии.

Так же подчеркивалось, что «...баллы, полученные на ЕГЭ, не показывают знания, кто-то может переволноваться, или просто неправильные ответы поставить в бланке заданий. Самое главное, чтобы человек сам считал, что он это знает лучше, что он уверен в своих знаниях. И если и есть у него какие-то провалы, то их надо устранить, это самое важное, надо быть увереннее в том, что ты знаешь, если не понимаешь - то лучше не соваться».

Итак, на основе результатов фокус-группы можно сказать, что участники понимают цель своего обучения в школе как подготовку к переходу на следующую ступень обучения, получение профессионального образования, хотят осознанно выбрать профессию, поступить в ВУЗ, имеют представление о выбираемой жизненной траектории, большинство сознательно формулирует свои текущие и перспективные задачи. Основным типом мотивации при выборе профессии выступают внутренние индивидуально и социально значимые мотивы. Ответы респондентов позволяют сделать вывод о том, что участники в основном определились с выбором профессии, знают, что нужно, чтобы ею овладеть, но участники еще не представляют, как будут трудоустроены после окончания ВУЗа. Так же в процессе дискуссии в рамках фокус-группы участники не показали знаний о ситуации на рынке труда города и региона. Свой выбор профессии они не соотносят со спросом на рынке труда на различные профессии. Эти вопросы могут потребовать дальнейшего изучения. При выборе профессии школьники все же ориентируются на такие виды деятельности, которые престижны в обществе в данный момент. Профессиональная деятельность для них является одной из главных жизненных ценностей. Для большинства респондентов трудовая деятельность будет способом достижения материального благополучия.

Молодежь стремится сформировать профессиональные компетенции в ВУЗе согласно существующим у работодателей представлениям о квалификации молодого специалиста [1] Такая установка позволит в будущем получать высокую заработную плату и реализовать себя по месту занятости. В силу несовпадения ориентаций выпускников школ и спроса на подготовленных специалистов со стороны потенциальных работодателей, проблема структурной безработицы ставится

еще острее, возникает перепроизводство специалистов, невостребованных на рынке труда, растет безработица и в первую очередь безработица среди молодежи с высшим профессиональным образованием.

Трудовая мотивация молодежи, стремящейся к легальной занятости, в малой степени отражает интерес к содержанию профессиональной деятельности и преимущественно ориентирована на высокий заработок. В силу этого в ожиданиях от работы возникают представления о том, что для них более всего подходят достаточно сложные виды трудовой деятельности, требующие высокой квалификации и предварительного обучения. В итоге формируется диссонанс ожиданий и реальных возможностей молодого человека. Этот диссонанс следует учитывать при организации работы по профессиональной ориентации школьников.

Все это определяет необходимость системного изучения мотивации молодежи, в частности школьников, в процессе выбора ею профессии, ожиданий молодежи от полученных профессиональных компетенций. Такая информация будет способствовать выявлению существующих диспропорций, их социально-экономической оценке и планированию деятельности в рамках профориентационной работы.

Список литературы

1. Гневашева, В.А. Молодежь России: особенности профессионального становления. М., - 2012. 331 с. [Электронный ресурс]: - Режим доступа: http://mosgu.ru/nauchnaya/publications/2012/monographs/Gnevasheva_The-Youth-of-Russia.pdf
2. Департамент труда и социального развития Приморского края. Профессиональная ориентация молодежи. Режим доступа: <http://zanprim.regiontrud.ru/home/trudzan/proforinmol.aspx>
3. Мотивы выбора профессии. (Р.В. Овчарова) [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://testoteka.narod.ru/ms/1/18.html>

ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ СОЦИОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИИ РОЛИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАЛАТЫ РЕГИОНА В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Грабельных Т.И., Кузьмина Е.С.

В последнее десятилетие актуализировалась проблема формирования спроса на специализированное социологическое знание, необходимое для проведения комплексного анализа и оценки состояния и тенденций развития гражданского общества. Опыт общественных палат российских регионов показывает, что выход на новый уровень социологического знания становится возможным благодаря включению социологов как в исследовательские практики, так и в различные структуры и механизмы социального партнёрства. В этой связи, в Иркутской области накоплен большой опыт взаимодействия социологов с общественными и управленческими структурами. Этим объясняется и выбор профиля направления подготовки «Социология» - «Экспертно-аналитическая деятельность в управленческих структурах».

Так, с 2008 г. по заказу Общественной палаты Иркутской области на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций Института социальных наук и НИЧ ФГБОУ ВПО «ИГУ» осуществлялась подготовка аналитических докладов о состоянии и проблемах развития гражданского общества в Иркутской области («О состоянии гражданского общества в Иркутской области» (2009 г.) [1], «Роль Общественной палаты Иркутской области в формировании гражданского общества в регионе. 2008-2014 гг.» (2014 г.) [2]).

В 2014 г. экспертно-аналитическая функция социологии в исследовании проблем регионального сообщества была существенно расширена, в том числе благодаря значению тех работ, которые были выполнены для подготовки вышеназванного доклада (далее – Доклад). Участниками комплексного социологического исследования в Иркутской области выступили: население; представители органов государственной власти; бизнес-структур; главы муниципальных образований; руководители общественных объединений, некоммерческих организаций и другие группы экспертов. Также

социологической лабораторией был проведен сравнительный анализ документальной базы Общественной палаты региона за весь период ее деятельности.

При подготовке Доклада исследовательский коллектив исходил из того обстоятельства, что существует острая потребность в активизации процессов по формированию гражданского общества региона в новых условиях расширения полномочий общественных органов (общественных палат, общественных советов, наблюдательных советов и иных общественных структур: общественных объединений и общественных организаций, некоммерческих организаций, институтов свободной самоорганизации населения) и выхода Иркутской области на новый этап социально-экономического развития. Принималось во внимание, что гражданское общество – это сложная саморегулирующаяся социальная система, характеризующаяся непосредственными практиками включения населения и общественных структур в социально активную деятельность и отличающаяся развитостью механизмов интегративного взаимодействия между ведущими субъектами социального развития. Как исторически сложившийся социальный институт, гражданское общество может эффективно функционировать лишь при условии развитого состояния всего общества в целом, в особенности при сформированности его правового и экономического фундамента. При характеристике современного этапа формирования гражданского общества в России и в Иркутской области, был отмечен закономерный характер этого процесса.

По результатам проведенных исследований выявлено, что в настоящее время в России складываются новые предпосылки для формирования и развития гражданского общества, в том числе, связанные с расширением полномочий общественных органов в связи с принятием нового Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Учитывая, что формирование гражданского общества в Иркутской области отличается неравномерным развитием, в Докладе были определены первоочередные меры по повышению эффективности деятельности Общественной палаты Иркутской области: обеспечить должное информирование населения о деятельности Общественной палаты Иркутской области; поддерживать устойчивый курс на укрепление взаимодействия Общественной палаты Иркутской области с органами местного самоуправления; шире привлекать экспертов к выполнению задач по формированию и развитию гражданского общества в регионе; активизировать участие ведущих социальных институтов в формировании и развитии гражданского общества в регионе (экономических институтов, бизнес сообщества, институтов культуры, СМИ и др.); развивать систему общественных советов в Иркутской области; активнее участвовать в формировании механизмов общественного контроля в регионе; шире вовлекать граждан Иркутской области в решение проблем территорий; повысить качество информационной и экспертной поддержки принимаемых решений на всех уровнях [2].

По результатам сравнительного аналитического исследования документов, предоставленных Аппаратом Общественной палаты Иркутской области за весь период ее деятельности с 2008 по сентябрь 2014 г., в рамках подготовки доклада «Роль Общественной палаты Иркутской области в формировании гражданского общества региона» выявлено:

1. Большая часть принимаемых решений и выдвигаемых инициатив на уровне Общественной палаты Иркутской области имеет социально-ориентированный характер и направлена на решение острых проблем в социальной сфере.

2. В соответствии с классификацией принимаемых решений на уровне Общественной палаты Иркутской области за весь период ее деятельности наиболее активными формами разработки решений (по ключевым субъектам) выступают: 1) решения по результатам круглых столов; 2) решения по результатам комиссий; 3) решения по заседаниям (в том числе, выездным); 4) решения в рамках гражданских форумов.

3. В механизмах и технологиях социального партнерства с населением и различными структурами при принятии решений и продвижении инициатив Общественной палате Иркутской области следует принимать во внимание интересы и позиции ключевых субъектов реализации принятых решений: министерств; Правительства Иркутской области; глав муниципальных

образований Иркутской области; НКО; Законодательного собрания Иркутской области. За весь период деятельности Общественной палаты Иркутской области фактически не прослеживается участие бизнес-структур в реализации принимаемых решений. Проведенный анализ документов показал, что в 2014 году Общественная палата Иркутской области активно сотрудничала с главами муниципальных образований региона.

Проведенный анализ документов в целом позволил сделать заключение о повышении статуса и роли Общественной палаты Иркутской области в формировании гражданского общества региона.

По результатам опросов населения, глав муниципальных образований и экспертов нами были выявлены современные тенденции к формированию гражданского общества в регионе: 1) тенденция к созданию независимых от государства объединений, структур для защиты и продвижения собственных интересов; 2) тенденция к развитию механизмов самоуправления, опосредованных взаимодействием гражданского общества с государством; 3) тенденция к признанию важности воспитания гражданской позиции у населения. Между тем, если первая тенденция заметно выражена, а вторая - в определённой степени, то третья - выражена в меньшей степени. Представляется, что системе гражданского воспитания среди населения следует уделять значительно больше внимания.

Согласно полученным результатам, к основным сферам влияния некоммерческого сектора на принятие решений органов власти относятся: экология и защита природных ресурсов; социальная защита граждан; трудовые отношения; наука и образование; региональная политика; экономическое развитие и предпринимательство. Обнаружились сферы, где необходимо повышение роли Общественной палаты Иркутской области с опорой на НКО: безопасность и оборона; национальная политика; бюджетная политика; информационная политика. Представляется, что в этом случае необходимо говорить о расширении функций Общественной палаты и ее видов деятельности.

Традиционно нами был поставлен вопрос о роли Общественной палаты Иркутской области в формировании экспертного сообщества региона. По данным исследования, на сегодняшний день на ее базе осуществляется совершенствование экспертной деятельности в механизмах принятия решений. Проявилось, что в регионе сформировано информационное поле о способности экспертного сообщества повлиять на принятие решений органов власти. Населением и главами муниципальных образований Иркутской области поддерживается и целесообразность включения экспертов в общественные органы в связи с принятием нового Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Между тем, нами акцентированно внимание на том факте, что для более успешного выполнения экспертным сообществом роли связующего звена между гражданским обществом и властью необходимо, прежде всего, более ответственное, принципиальное отношение экспертов к своей деятельности. В целом же, мы сделали заключение, что экспертный потенциал общественных палат, общественных советов и НКО требует своего развития. Это должно стать одной из первоочередных мер в формировании политики по конструированию гражданского общества в Иркутской области.

Исследование роли Общественной палаты региона в формировании гражданского общества позволило сформировать систему показателей эффективности ее работы в рамках приоритетных направлений (2008 – 2014 гг.), среди которых: 1) обеспечение условий для эффективной реализации программ социально-экономического развития территорий; 2) активизация участия членов общественных палат региона и муниципалитетов в новых общественных структурах; 3) совершенствование механизмов координации в развитии некоммерческого сектора; 4) организация общественного сопровождения принимаемых решений с привлечением СМИ; 5) подготовка независимых общественных экспертиз по актуальным вопросам и их продвижение в органах государственной власти и органах местного самоуправления; 6) повышение роли профессиональных и территориальных инфраструктур в общественной жизни региона и др.

Таким образом, в современных условиях формирования и развития гражданского общества в России экспертно-аналитическая функция социологии заметно повышается и, как следствие, возрастает роль социологии в решении актуальных социальных проблем региона. В этой связи

представленная практика конструктивного взаимодействия общественного института и вузовской социологической структуры демонстрирует позитивный опыт социологического сопровождения принимаемых решений на уровне региона.

Список литературы

1. О состоянии гражданского общества в Иркутской области. 2008 год: Доклад Общественной палаты Иркутской области / Грабельных Т.И., Широбокова А.А.; рабочая группа по подготовке Доклада: Головных И.М. [и др.]; исслед. коллектив: Грабельных Т.И. [и др.]. – Иркутск: Общественная палата Иркутской области, 2009. – 212 с.

2. Роль Общественной палаты Иркутской области в формировании гражданского общества в регионе. 2008-2014 гг.: Доклад Общественной палаты Иркутской области / авт.-сост. Грабельных Т.И.; рабочая группа по подготовке Доклада: Спиринов В.М. [и др.]; исслед. коллектив: Грабельных Т.И. [и др.]. – Иркутск: Общественная палата Иркутской области, 2014. – 40 с.[Электронный ресурс] // Общественная палата Иркутской области [Официальный сайт]. URL: http://www.opirk.ru/_sys/_mod/_getattach.php?id=211

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Дементьева И.Н.

Социально-экономические и общественно-политические преобразования, происходящие в современном российском обществе, требуют повышения эффективности процесса государственного управления, основой которого является взаимодействие власти и общества. Важнейшую роль в формировании систем обратной связи между властью и обществом играют социологические исследования и, в частности, мониторинг общественного мнения по актуальным вопросам экономической и политической ситуации.

Институт социально-экономического развития территорий РАН является одним из немногих субъектов РФ, проводящих социологические исследования в мониторинговом режиме на региональном уровне¹.

Одним из инструментов, необходимых для обобщения данных, полученных с помощью мониторинга, является индексный метод. Сущность индексного метода в социологии состоит в редукции («сжатию») социальной информации и сведении её к единому показателю. При этом не имеет значения количество признаков-индикаторов объекта, подвергшихся «сжатию». Социологический индекс – инструмент классификации, сравнения и измерения, конструируемый путём логического и аналитического комбинирования эмпирических индикаторов посредством математических операций [6].

Для анализа данных мониторинга общественного мнения в Вологодской области ИСЭРТ РАН применяются апробированные методики, пользующиеся широкой известностью и доверием в социологическом научном сообществе. Одной из таких методик является вычисление индекса потребительских настроений (ИПН)². Индексный метод используется ИСЭРТ РАН также для оценки динамики показателей эффективности деятельности действующих в стране общественных структур и институтов власти³.

¹Первые измерения общественного мнения были проведены ИСЭРТ РАН в 1993 г. на территории городов Вологды и Череповца, а также трех муниципальных районов области (Великоустюгского, Вожегодского, Кирилловского). С осени 1995 г. строится областная репрезентативная выборка. Регулярно, один раз в каждые два месяца, опрашивается 1500 человек в городах Вологде и Череповце и восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Никольском, Тарногском, Шекснинском). Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между городским и сельским населением; половозрастной структуры взрослого населения региона. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

² Индекс потребительских настроений – макроэкономический индикатор, разработанный Фондом «Содействие развитию и построению Индекса потребительских настроений». Аналогом ИПН является показатель, известный в США как Consumer Sentiment Index (CSI). CSI рассчитывается Институтом Социальных Исследований при Мичиганском Университете (Энн-Арбор, США) с 1946 г.

³ Величина индекса рассчитывается в пунктах. По каждому вопросу рассчитывается свой индекс: из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, сплошь положительные – 200, равновесие первых и вторых – индекс 100, являющийся, по сути, нейтральной отметкой.

Наряду с использованием известных методик для анализа и обобщения ситуации, складывающейся на определённой территории, в ИСЭРТ РАН был разработан Индекс общественных настроений региона (ИОНР), позволяющий изучить данные об отношении жителей различных территорий к работе федеральных и местных органов исполнительной власти, а также об оценке населением своего материального благополучия и социального настроения [5].

Измерение Индекса общественных настроений было апробировано на данных мониторинга общественного мнения, проводимого ИСЭРТ РАН в 10 регионах Северо-Западного федерального округа в период с 2005 по 2010 гг.⁴

Расчёты показали, что в среднем по СЗФО показатель интегрального индекса в 2010 г. составил 108,2 пункта, что свидетельствует о перевесе позитивных оценок социального настроения над негативными. Выше среднего значения по СЗФО показатели у Псковской (117,9 пункта), Архангельской (113,9 пункта) областей, Санкт-Петербурга (112,1 пункта), Республики Карелия (110,2 пункта). Близки к средней оценке – Ленинградская (109,3 пункта), Вологодская (107,5 пункта) области, Республика Коми (107 пунктов). Заметно ниже средних по Северо-Западу индексы общественных настроений в Новгородской (102,4 пункта), Мурманской (102,2 пункта) и Калининградской областях (99 пунктов).

По сравнению с 2005 г. в среднем по Северо-Западу и на всех территориях округа наблюдалась положительная динамика интегрального индекса. Самое существенное увеличение данного показателя произошло в Архангельской области (на 24 п.п.), Республике Коми (на 20 п.п.), Ленинградской области (на 15 п.п.), Санкт-Петербурге (на 14 п.п.). При этом в Архангельской, Ленинградской областях, Санкт-Петербурге Индекс общественного настроения региона увеличился в основном благодаря улучшению суждений жителей о личном и семейном благополучии, материальном положении и душевном самочувствии, о чём свидетельствует рост Индекса социального самочувствия: в Архангельской области – на 31 п.п., в Ленинградской области и Санкт-Петербурге – на 18 п.п. В Республике Коми рост интегрального индекса был связан в первую очередь с улучшением оценок качества работы органов государственной власти всех уровней: Индекс отношения к властям в данном регионе возрос на 26 п.п.

В целом анализ результатов социологических опросов на территории СЗФО с использованием индексного метода позволил создать картину материального благосостояния и социального самочувствия населения, проследить динамические изменения социально-экономического положения населения различных территорий округа. Результаты расчётов были использованы для анализа и оценки эффективности социального управления, а также при разработке перспективных программ регионального развития.

Научная и практическая значимость расчётов ИОНР на уровне субъектов СЗФО актуализировала проблему использования данного индикатора в разрезе муниципальных образований Вологодской области.

В 2014 г. в среднем по районам Вологодской области Интегральный индекс общественного настроения установился на отметке 103,4 пункта, что несколько ниже общеобластного показателя (109,6 п.). Выше среднего значения показателя у Тарногского (129,4 пункта), Великоустюгского (124,2 пункта), Бабаевского (123,8 пункта), Шекснинского (115,3 пункта) районов. Заметно ниже средних индексы общественных настроений в Кирилловском (90,5 пункта), Грязовецком (88,4 пункта), Вожегодском (79,2 пункта) и Никольском (76,6 пункта) районах.

По сравнению с 2005 г. позитивная динамика интегрального индекса характерна для Тарногского (индекс вырос на 58 пунктов), Бабаевского (на 5,8 пункта), Шекснинского (на 4,8 пункта). На

⁴Исследование проводилось при финансовой поддержке РГНФ (грант № 03-18-013е «Региональные особенности социального восприятия экономических и политических процессов»; грант № 09-03-00857а/Б «Мониторинг экономического положения и социального самочувствия регионов Северо-Западного федерального округа РФ и Беларуси»).

Структура по сбору, обработке и анализу информации включает в себя сеть опросных центров, состоящую из головного центра (непосредственно ИСЭРТ РАН) и представительств в отдельных областях и республиках СЗФО. В функции ИСЭРТ РАН входит общая координация работ, обработка и анализ информации. Всего опрашивается 5100 респондентов в возрасте 18 лет и старше по 400 человек в каждом из девяти регионов Северо-Западного федерального округа, в Вологодской области (контрольный регион) – 1500. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций: между городским и сельским населением; жителями населённых пунктов различных типов (сельские населённые пункты, малые и средние города); в соответствии с половозрастной структурой взрослого населения.

остальных территориях фиксируется негативная динамика, наиболее существенное снижение индекса произошло в Никольском (на 33,5 пункта), Вожегодском (на 29,1 пункта), Грязовецком (на 23,9 пункта) районах. Основными факторами снижения ИОНР на данных территориях было ухудшение отношения жителей к деятельности федеральных и региональных властей: соответствующий Индекс уменьшился в Никольском районе на 62,1 п., в Вожегодском – на 33 п., в Грязовецком – на 49,9 п.

Таким образом, измерение Индекса общественного настроения региона как на территории СЗФО, так и в разрезе районов Вологодской области позволяет дать комплексную оценку эффективности государственного управления, одновременно отражая динамику общественного мнения о деятельности органов власти и конечную результативность этой деятельности в виде самооценки материального положения.

Преимущество применения индексного метода в социологии состоит в выявлении соотношения позитивных и негативных настроений в обществе, что позволяет «зафиксировать некие «критические точки» в общественном мнении, а главное – в реальном положении дел» [1]. При этом интерпретируется не столько само по себе числовое значение индекса, сколько его колебания и изменения во времени, сопоставленные с другими происходящими в обществе – социально-политическими и экономическими – событиями [4].

Список литературы

1. База данных ВЦИОМ: индексы социального самочувствия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/178/>
2. Гулин, К.А. Тенденции общественных настроений населения Северо-Запада России [Текст] / К.А. Гулин, И.Н. Дементьева // Социологические исследования. – 2011. – № 11. – С. 66-70.
3. Гулин, К.А. Экономическое положение и социальное самочувствие населения регионов Северо-Запада России в условиях кризиса [Текст] / К.А. Гулин, И.Н. Дементьева // Экономические и социальные перемены в регионе: Факты, тенденции, прогноз. – 2009. – №4. С. 20.
4. Индекс общественных настроений / Проект Санкт-Петербургского национального исследовательского университета (НИУ ИТМО) «Социодинамика» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://socio.escience.ifmo.ru/wiki/index.php/Индексы_общественных_настроений
5. Кулаков, А.П. Измерение в социологии: учеб. пособие / А.П.Кулаков; Новосиб.гос.архитектур.-строит.ун-т.–Новосибирск:НГАСУ (Сибстрин),2005.– 124с.
6. Методика измерения индекса социальных настроений / Сайт Левада-Центра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/obnovlennaya-metodika-izmereniya-indekса-sotsialnykh-nastroenii-isn>
7. Российская, Г.М. К методологии анализа экономического поведения потребителя [Текст] / Г.М. Российская // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. – 2007. – № 6. – С. 72-80.

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ

Деханова Н.Г.

Неравенство является тем явлением, которое существовало на всех этапах развития человечества. Однако, как известно, когда социальное неравенство достигает определённой критической точки, когда профиль стратификации становится слишком высоким, уровень социальной напряжённости в обществе нарастает, а уровень доверия населения органам власти значительно падает. Более того, как показывают в очередной раз исследования, проведённые Организацией экономического сотрудничества и развития, существует чёткая корреляция между социальной дифференциацией и экономическим ростом. По данным экспертов ОЭСР увеличение социального неравенства за последние двадцать лет стоило развитым странам 8,5% потери ВВП.[1]

Несомненный интерес в данном контексте представляют исследования, проводимые Институтом социологии РАН в 2006 и 2013 гг. под руководством Горшкова М.К.[2] Так, согласно полученным данным, наиболее резкий протест у россиян вызывают чрезмерная глубина неравенства в

распределении собственности и доходов (приемлемым большинством опрошенных считается разрыв в доходах между руководителями и высококвалифицированными специалистами, с одной стороны, и средними доходами по стране, с другой, в 4-5 раз). При этом всё более значимым фактором, особенно в условиях кризиса, становится неравенство возможностей получить работу, обеспечивающую достойный уровень жизни. И, что важно, существующие социальные неравенства в современном российском обществе не сводятся только к неравенству доходов, а проявляются и в принципиально разном качестве жизни, выражающемся в различном социально-психологическом состоянии, здоровье, открывающихся возможностях, степени доступности стратегий адаптации и улучшения своего положения, в качестве трудовой жизни, восприятии жизни в целом.

В данной связи представляется недостаточно изученной отечественными социологами роль региональной составляющей в общей картине изучения неравенства. Наличие большого числа факторов, определяющих социально-территориальное неравенство, приводит к значительной теоретической сложности в интерпретации показателей и определении реального статуса той или иной территории. Одна из наиболее сложных для научного анализа проблем состоит в многомерности и многоуровневости социокультурных и политико-экономических показателей социально-территориального неравенства. Причем эта многомерность носит явно нелинейный характер: одна и та же территория (регион) может по одним показателям занимать ведущее положение в стране или мире, а по другим – существенно отставать. Это касается не только заведомой «периферии», но и «центра». Так, например, применительно к России, регионы могут быть: богатыми и освоенными, богатыми и слабо освоенными, бедными и освоенными, бедными и слабо освоенными. Общеизвестным является и тот факт, что Россия является уникальной страной по региональной дифференциации, по демографическим, территориальным, климатическим, социально-экономическим (ВРП, коэффициентам расслоения, уровню бедности, уровню доступности качественного образования, здравоохранения и пр.) показателям.

Социальное неравенство населения территорий разного уровня – факт эмпирически наблюдаемый и потому бесспорный. Однако сильная дифференциация социально-экономического развития регионов опасна не только как фактор социальной напряжённости, причина перекоса в развитии человеческого капитала, но и тем, что как писали ещё классики теории функционализма, может привести к распаду всей системы. Такое положение дел является реальной базой (питательной средой) сепаратизма как наиболее отсталых, так и наиболее преуспевающих регионов приграничья. Для первых это иллюзии эффективности «самостийности», т.е. самостоятельного определения ведущего партнера внешних для региона экономических и политических контактов как направления и инструмента их более эффективного, нежели в настоящее время развития, а для вторых – регионов-доноров – нежелание делиться с другими субъектами федерации зарабатываемым ими пирогом валового регионального продукта. Отсюда возникает насущная необходимость, во-первых, мониторинга динамики межрегиональной дифференциации уровня социально-экономического развития регионов России; во-вторых, анализа динамики дифференциации социальной структуры в каждом из регионов, в-третьих, приведения социальной структуры регионов к заданному в рамках общенациональной социальной политики общему знаменателю, по крайней мере, преодоления отрицательной динамики углубления межрегиональной дифференциации уровней социально-экономического развития регионов России. Конечно, повлиять на так называемые факторы «первой природы» (природные ресурсы и географическое положение) государство не может. Но воздействие на факторы «второй природы» (агломерационный эффект, человеческий капитал и институты) – основная задача государственной региональной политики.

Необходимо также подчеркнуть, что одних статистических данных (даже если не брать во внимание их некорректность), явно недостаточно для определения степени региональных диспропорций. Как справедливо отмечают ряд исследователей,[3] необходима субъективная оценка самих жителей регионов об уровне их жизни, прежде всего, в связи с различными стандартами потребления, сложившихся в столице и малых городах, сельской местности.

Научно-социологический анализ социально-территориального неравенства и выработка практических рекомендаций, так же как практическая политика центральных и региональных властей должны проводиться с учетом дилеммы «равенства – эффективности». Суть её состоит в том, что достижение устойчивого регионального развития возможно лишь на основании динамического баланса между действиями, направленными на выравнивание социально-экономического положения регионов, с одной стороны, и обеспечение эффективности общественного производства – с другой.[4]

Практика показывает, что когда делается упор на одном из этих двух аспектов, в обществе возникают и усиливаются деструктивные процессы, которые рано или поздно приводят к катастрофической ситуации, чреватой социальным взрывом и/или глубоким экономическим кризисом.

Происходит это потому, что максимальная экономическая эффективность объективно предполагает рост социального неравенства регионов (успешные «ядерные» регионы развиваются за счет «периферийных», перманентно увеличивая дистанцию между их социально-экономическими показателями и, соответственно, уровнем жизни населения; это приводит к обострению межрегиональной напряженности и чревато массовыми беспорядками либо акциями гражданского неповиновения на «периферии»). Наоборот, стремление к максимальному равенству регионов неизбежно оборачивается экономическими потерями, связанными с неэкономическим перераспределением богатства от экономически успешных регионов к депрессивным. Следствием этого становится, с одной стороны, снижение общих социально-экономических показателей, с другой, – нарастание недовольства в «ядерных» регионах, хотя и менее острое, чем в первом случае. В этой связи задача стоит более скромная – создание равных возможностей при сохранении социально-экономической асимметрии регионов.

Список литературы

1. Социальное неравенство: взгляд ОЭСР. Focus on Inequality and Growth/ Embargo: 9 December 2014/ <http://www.oecd.org/els/soc/Focus-Inequality-and-Growth-2014>
2. Бедность и неравенство в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад. Институт социологии РАН. http://www.isras.ru/analytical_report_bednost_i_neravenstva.html
3. Зубаревич Н.В. Мифы и реалии пространственного неравенства// *Общественные науки и современность*, 2009, №1.
4. Васильев В.П., Деханова Н.Г., Лось Н.А., Холоденко Ю.А. Государственное и муниципальное управление. М.: Дело и сервис, 2014.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ермилова А.В.

В ситуации социально-экономического кризиса в стране тяжелее всего приходится пожилым людям, значительная часть которых в силу одиночества, потери социальных связей, низкого уровня материальной обеспеченности не готова самостоятельно решать свои проблемы. Кроме того, несмотря на меры, предпринимаемые Правительством РФ в части индексации пенсий, ее рост не успевает за повышением стоимости предметов первой необходимости и за ростом тарифов на услуги ЖКХ, поэтому, с учетом сложности экономической обстановки в Ивановском регионе, становится актуальным изучение социально-экономического положения лиц пожилого возраста. В связи с этим в настоящее время все большую практическую значимость приобретает проблема социальной защиты пожилых людей, различные аспекты которой были рассмотрены в работах И.Г. Зайнышева, П.Д. Павленка, М.В. Фирсова, З.Х. Саралиевой, А.А. Дыскина, В.Н. Пушиной.

Исследовательский интерес был направлен на изучение социально-экономического положения пожилых людей в Ивановской области, в частности, автора интересовали следующие вопросы: жилищные условия пенсионеров, их уровень занятости, показатель среднемесячного дохода, оценка пенсионерами своего материального положения и др. Для изучения жизнедеятельности пожилых

людей был использован метод анкетного опроса, в ходе которого было опрошено 150 представителей старшего поколения.

В целом по выборке в исследовании приняло участие равное количество мужчин и женщин, которое с точки зрения возрастного критерия имеет аналогично равномерное распределение (55-60 лет 18%; 61-65 лет – 18%; 66-70 лет – 16%; 71-75 лет – 16%; 76-80 лет – 16%; старше 80 лет – 16%). По данным линейного распределения, значительная часть пенсионеров (34%) живет в собственной семье, т.е. с супругом/супругой. Однако для 31% пожилых людей характерно осуществление своей жизнедеятельности в одиночку. Тревожным моментом является то, что с возрастом, увеличивается и количество пенсионеров, которое проживает обособленно: если в возрасте 55-60 лет таких пенсионеров 23%, то в возрасте 71-75 лет – 50%. Тем не менее, для представителей самой старшей возрастной категории (80 лет и старше) характерно в большей степени совместное проживание с детьми, что объясняется, казалось бы, беспомощностью и высоким уровнем деменции стариков.

Жилищные условия участников опроса в целом можно назвать удовлетворительными, так как большинство из них проживают в отдельной квартире с удобствами (73%), имеют собственный дом – 17%. Тем не менее, 10% опрошенных имеют неудовлетворительные условия проживания, а именно проживают в квартирах без удобств, в коммунальных квартирах. Следует указать и на то, что из числа респондентов, проживающих в частном секторе, 47,4% пожилых людей испытывают трудности в обеспечении топливом, не имеют горячего водоснабжения 20%, у 11% опрошенных отсутствует в доме централизованная канализация, что, естественно, затрудняет их жизнедеятельность.

Исследовательский интерес также был направлен на изучение материального положения пенсионеров в современных условиях. Среди социально-экономических показателей одним из самых значимых является такой показатель, как среднемесячный доход пенсионеров. Следует отметить, что для большинства участников опроса (81%) характерен доход выше прожиточного минимума, который в настоящее время составляет 8190 тыс. рублей в данном регионе. Однако нужно помнить, что определяющим источником дохода пожилых является пенсия, средний размер которой в момент исследования составлял 9816,8 руб. Наблюдается высокая степень неудовлетворенности уровнем пенсионных начислений (58%), особенно у пенсионеров в возрасте до 65 лет. Размер пенсии в данной возрастной категории является более низким по сравнению с пенсиями пожилых людей старше 80 лет. Данное обстоятельство подталкивает более молодых пенсионеров к трудовой деятельности. Возраст играет решающую роль – максимальное число работающих пожилых людей приходится на пять лет после выхода на пенсию как у мужчин, так и у женщин. При этом следует отметить, что среди пенсионеров, работающих на постоянной основе, сохраняют прежнее место работы 44,3%, трудятся совершенно в другой сфере – 36,9%. Среди респондентов, иногда подрабатывающих, работают на прежнем месте – 10,0%, в другой сфере деятельности – 53,3%. К тому же постоянно работающие пенсионеры остаются преимущественно в промышленности – 24,3%, в сфере обслуживания, торговли – 14,3%, в образовании, науке – 12,9%, в здравоохранении – 11,4%, в управлении, административных органах – 10,0%, в сельском хозяйстве – 7,1%. Как указывают сами работающие пенсионеры, в первую очередь они живут на доходы от трудовой деятельности, т.е. доступ к рынку труда положительно влияет на уровень их материального благосостояния, что дает возможность даже оказывать материальную поддержку своим детям, внукам. В последующие годы трудовая активность снижается: пожилые люди старшего возраста (после 70 лет) практически перестают работать.

Анализируя трудовую занятость пенсионеров, нельзя не указать на то, что основными мотивами для данной категории населения являются, во-первых, невозможность прожить на одну пенсию (53%), во-вторых, необходимость помощи своим детям, внукам (26%). Полученные данные чрезвычайно показательны: более половины респондентов фактически указывают на размер пенсии, не способной обеспечить достойное существование, и еще около трети респондентов вынуждены работать, чтобы помогать детям, внукам вследствие низкого уровня оплаты труда населения, характерного для области.

Помимо выше обозначенных источников дохода личные подсобные хозяйства являются для определенной части старшей возрастной категории населения ощутимой помощью. В целом по

выборке 64,1% опрошенных имеют земельные участки/дачи, рассматривая их как средство, способствующее улучшению материального положения за счет выращивания сельхозпродуктов; при этом 53,1% из них считают полученную продукцию серьезным подспорьем для жизни семьи. Вместе с тем 27,2% пенсионеров, преимущественно старше 75 лет, имеют участки, но не в силах обрабатывать их. Следовательно, отсутствие дополнительных источников дохода помимо пенсии может повышать вероятность попадания пожилых людей в разряд бедной части населения.

Уровень жизнеобеспечения пожилых проявляется и в возможности осуществлять накопления средств на «чёрный день». Здесь проявляется следующая закономерность: с увеличением возраста респондентов возрастает доля пенсионеров, откладывающих средства на критические моменты (с 39,9% среди 55-60-летних до 49,4% среди 76-80-летних и до 66,3% среди лиц старше 80 лет). В результате можно прийти к выводу, что пенсионеры старше 80 лет являются самыми материально обеспеченными представителями старшей возрастной категории населения, что способствует высокой степени заинтересованности собственных детей в совместном проживании с престарелыми родителями.

Оценивая уровень обеспеченности пенсионеров, была зафиксирована следующая тенденция: обеспеченность пожилых людей во многом обусловлена возможностью занятости трудом (среди работающих пенсионеров удовлетворенность достатком – 77,1%, среди не работающих – 52,1%). Тем не менее, несмотря на достаточно высокую удовлетворенность достатком, 57% участников опроса отнесли себя к бедной категории населения, особенно пожилые люди старше 65 лет. Скорее всего, это связано с тем, что именно в этом возрасте пожилые люди заканчивают свою и так продолжительную трудовую деятельность, в результате чего у них возрастает уровень тревожности в связи потерей заработка.

Представляет интерес оценка пенсионерами своего материального положения в динамике, т.е. по сравнению с тем, что было два-три года тому назад. Следует отметить, что большинство пожилых людей отмечают ухудшение материального благосостояния (46%) в настоящее время, а также 5% опрошенных указали, что практически обнищали. Такое тяжелое материальное положение свойственно в основном одиноким пенсионерам в возрасте 60-70 лет. Однако сохраняется значительная часть опрошенных, считающих, что их материальное положение не изменилось (35%), и это в основном семейные пожилые люди, среди которых также преобладают и оптимистически настроенные участники опроса, отмечающие, что им стало жить гораздо лучше (14%).

Анализ социально-экономического положения пенсионеров выявил неоднозначность ситуации, связанной с жизнедеятельностью пожилых людей. Несмотря на то, что около половины участников опроса отметили, что они стали жить гораздо хуже, одновременно мы можем наблюдать достаточно высокий уровень материальной обеспеченности лиц в возрасте до 65 лет, что объясняется их занятостью, трудовой деятельностью. Достаточно «твердо» стоят на ногах представители самой старшей возрастной группы пенсионеров (80 лет и старше), так как с увеличением возраста повышается и размер пенсий, в чем немаловажную роль играют правительственные меры по регулярной индексации пенсий. «Материальное процветание» стариков позволяет им рассчитывать на поддержку со стороны ближайших родственников и чувствовать себя востребованной категорией населения. Помимо трудовой деятельности, способом улучшения своего материального положения, приобретающим все большую популярность у пенсионеров, является обеспечение себя сельхозпродукцией, полученной с имеющихся земельных участков. Поговорка «Чем тверже на руках мозоли, тем крепче стоишь на ногах» приобретает новую актуальность в условиях экономического кризиса в стране.

СОЦИОЛОГИЯ МОДЫ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МОДНЫХ ПРОГНОЗОВ

Ефимова В.Л.

В современном постиндустриальном обществе мода превращается в социальную норму, предопределяющую характер поведения индивида в разных сферах жизнедеятельности. Структура

моды включает в себя модные объекты и модные стандарты поведения. Модные объекты, по мнению российского социолога А.Б. Гофмана, - это «любые объекты, которые оказываются «в моде». В их числе - одежда, пища, алкогольные напитки, табачные изделия, произведения музыки, живописи, литературы, архитектурные модели, стиль жизни, виды спорта и т.д.». Мода - это «циклическое изменение интересов, установок и ценностных ориентаций определенных социальных слоев и групп, происходящее под влиянием трансформации социальных, физических и психологических условий жизни».

Мода становится индексом, способным молниеносно реагировать на изменяющиеся социокультурные тенденции общества. Модные тенденции в одежде являются индикатором новых форм поведения, иных образов мышления, выражающихся в новых модных стандартах поведения. Мода, по мнению русского культуролога и семиотика Ю. Лотмана, «подразумевает постоянную экспериментальную проверку границ дозволенного». Прогнозирование модных трендов позволяет в какой-то степени предвидеть происходящие общественные изменения и понимать формирующиеся образы поведения.

В настоящее время в моде выделяют три основные категории: роскошная мода, индустриальная мода и уличная мода. Механизм формирования моды «сверху-вниз» (от роскошной моды к уличной моде) рассматривался такими классиками социологии моды как Г. Зиммель, Г. Тард, Т. Веблен, В. Зомбарт и др. Во второй половине 20 века американский социолог и социальный психолог Г. Блумер, благодаря эмпирическим исследованиям, пришел к выводу о ведущей роли улиц в формировании модных трендов. Изменения, происходящие в массовом обществе, формируют моду и воспроизводят восходящую модель движения моды («снизу-вверх»).

Алгоритм изменения модных тенденций как в одежде, так и в других сферах весьма сложен и неоднозначен. Как пишет французский философ и социолог Ж. Липовецкий, «изменения в моде не могут происходить из простого принципа рассеивания. Скорее, новое само по себе является движущей силой, и отсутствует необходимость в каких-либо объяснениях, основывающихся на механизме социальной дифференциации». Однако большинство современных исследователей признает ведущую роль уличной моды в формировании и распространении повседневного стиля, который, в свою очередь, способен формировать моду «снизу-вверх». Понятия «уличная мода» (от англ. street) и «повседневная мода» (от англ. casual) становятся, по сути, новой идеологией моды постиндустриального общества.

Для понимания механизма изменений, происходящих в обществе, и формирующихся образцов поведения необходима разработка модных прогнозов. Выделяют два принципиально различных подхода к прогнозированию моды: прогнозирование отдельных модных объектов и модные прогнозы на основе социологических исследований.

Первый подход связан с прогнозированием отдельных модных объектов и называется «формальным». Основным его недостатком является упрощенная модель понимания модных тенденций – прогноз основывается на экстраполяции закономерностей развития той или иной модной формы в течение определенного промежутка времени на современность.

Второй подход к прогнозированию моды базируется на социологических прогнозах, когда учитываются различные аспекты образа жизни людей – дается демографический прогноз, прогноз занятости и безработицы, уровня образования и т.п. Социологические модные прогнозы делаются на основе массовых опросов, изучения структуры и характера деятельности человека или социальной группы, предметной среды обитания человека, условий его жизни. Именно такая объемная информация дает возможность прогнозировать будущую моду. В западных фирмах, которые занимаются прогнозированием, есть специалисты, которых называют «тренд-скауты». «Они изучают стихийную моду улицы, посещают все модные места (ночные клубы, дискотеки), премьеры, места скопления большого количества людей (рок-концерты, стадионы, торговые центры и т.п.), выявляя новейшие тенденции, например, в нетрадиционных способах ношения одежды, сочетании элементов, предпочтении определенных стилей».

Наряду с таким подходом к модному прогнозированию, который, по мнению итальянского социолога М. Педрони, можно назвать «эндогенным процессом, протекающим в недрах самой модной системы и нацеленным исключительно на определение актуальных расцветок, силуэтов и материалов», развивается такое явление как кулхантинг — это попытка разглядеть и понять некие социальные тенденции, отражающиеся в повседневном «уличном» стиле. Словом «кулхантинг» (coolhunting) называют «исследовательский подход, который постепенно набирал силу на протяжении 1990-х годов, ломая традиционные маркетинговые схемы и претендуя на лучшее понимание мира потребления благодаря периодическому зондированию явлений повседневной жизни, характерных для определенных групп населения (в основном молодежи), с помощью методов, стоящих в одном ряду с методами, используемыми в антропологии и качественной социологии». Кулхантинг представляет собой поиск и отслеживание значимых индикаторов в повседневном стиле, которые символизируют появление новых форм поведения и инновационных схем мышления.

Современные подходы к модным прогнозам выходят далеко за рамки «формального» подхода, используемого в дизайне одежды, и позволяют говорить об изменении механизмов прогнозирования моды в постиндустриальном обществе. Общество моментально реагирует на новые образцы поведения, интерпретируя их в повседневности «уличной моды» и, таким образом, модное движение происходит «снизу-вверх». Кулхантинг как исследовательский подход к пониманию механизмов модного поведения дает возможность предсказывать не только модные, но и социальные тенденции благодаря методам качественной социологии и антропологии.

Список литературы

1. Бушуева С.С. Теории цикличного развития моды [Электронный ресурс]/С.С. Бушуева //Технико-технологические проблемы сервиса. – 2012. - №3. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/teorii-tsiklichnogo-razvitiya-mody> (01.11.2015)
2. Гофман А.Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. – М.: КДУ, 2010. – 228 с.
3. Липовецкий Ж. Империя эфемерного. Мода и ее судьба в современном обществе/Ж. Липовецкий. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 336 с.
4. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2010. – 704 с.
5. Масленцева Н.Ю. Социологический анализ тенденций моды [Электронный ресурс]/Н.Ю. Масленцева //Вестник тюменского государственного университета. – 2011. - №8. –Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskii-analiz-tendentsiy-mody> (01.11.2015)
6. Педрони М. От модного прогноза к кулхантингу [Электронный ресурс]/М. Педрони //Теория моды. –2012. – №24. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/2195> (01.11.2015)
7. Свендсен Л. Философия моды/Л. Свендсен. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – 256 с.

ПРОФИЛАКТИКА НАСИЛИЯ В ШКОЛЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Исакова И.А.

Современные школы подвергаются модернизации наряду с другими социальными институтами российского общества. Кризисные явления, происходящие в России, не могут не сказаться на состоянии духовного, физического, нравственного и психического здоровья подрастающего поколения. Для успешной социализации учеников необходимо внедрение в практику школы новых форм работы, особенно это касается нравственного воспитания, в том числе неконфликтного поведения и толерантности.

Необходимость изменений порождает нужду в точной информации, которая станет отправной точкой для принятия управленческих решений. Социальная политика должна опираться на научные исследования.

Организация и проведение социологического исследования в школе представляют собой систему последовательных процедур сбора, обработки и анализа информации с целью систематизации и представления результатов. Социологические исследования профилактики насилия в школе должны включать, как минимум, два этапа: изучение проблем насилия и рассмотрение реализуемых способов

профилактики конфликтов.

Насилие – это социальное действие, которое может объясняться с различных позиций и которое потенциально вызывается множеством причин. В 2013 г. коллективом авторов ННГУ им. Н.И. Лобачевского под руководством д.и.н., проф. З.Х. Саралиевой по согласованию с Департаментом образования Нижнего Новгорода было проведено исследование «Школа: обыденность насилия (анализ социокультурных корней насилия в современной российской школе)» в форме анкетирования, в котором приняло участие 1465 школьников 5-11 классов 16-ти школ с целью анализа уровня и форм насилия в школе.

Аналитическая часть исследования заключалась в создании матрицы массива данных, проведении статистической обработки в программах Excel и SPSS и интерпретации результатов анкетного опроса. Выборка пропорционально представляла школьное сообщество Нижнего Новгорода. Репрезентативная выборка сформировалась согласно принципу районирования, методом «гнезд».

Осуществленный в рамках анкетного опроса школьников мониторинг уровня насилия в российской школе свидетельствует, что насилие в школе существует во всех исследуемых формах: физическом, вербальном, вандализме и психическом насилии. Наиболее распространенными формами насилия являются физическое и вербальное. Однако в целом наблюдается невысокая активность в проявлении насилия.

Выявляется гендерная специфика насилия в нижегородских школах. Агрессорами почти всегда выступают мальчики. Наиболее активной фазой участия учеников в насилии является возраст 13-16 лет.

Ученики нижегородских школ являются жертвами всех указанных насильственных действий. Особенно часто сталкивались ученики с такими действиями, как крики, ругань, оскорбления. На втором месте – жертвами становятся дети, у которых портят личные вещи, а также те, у которых крадут ценные вещи. Почти так же часто дети становятся жертвами физического насилия. Реже они признают психическое воздействие со стороны других учеников. В целом, большинство детей не являются регулярными жертвами насилия в школе.

В школах нет ни одного ребенка, который бы не участвовал в насильственных действиях или бы не являлся жертвой тех или иных насильственных действий. Такая ситуация частично объясняется тем, что 3,8% школьников назвали свои отношения с учителями – проблемными. В таких условиях педагог не может служить достаточным примером морали или образцом поведения. Причиной такого отношения может быть пассивность учителей в организации внеурочного времени учащихся и нежелание разбираться во внутриклассных отношениях. В более чем 90% случаев учитель так или иначе осведомлен о школьных конфликтах, но при этом занимает позицию стороннего наблюдателя, а не помощника в разрешении спора (49,5%). Детям приходится самим разбираться в своих проблемах, ощущения защищенности и авторитетности взрослых не возникает. 70% отметили, что учитель не разнимает драки в классе, что может свидетельствовать о том, что у педагогов по объективным причинам нет возможности разрешать школьные конфликты. Поэтому профилактика насилия в школе должна быть организована специальными подразделениями, которые не будут вызывать у детей недоверия, как вызывает поведение учителей.

Государство предлагает решать проблему насилия в школе с помощью внедрения школьных служб медиации. В Письме Минобрнауки России от 18.11.2013 № ВК-844/07 «О направлении методических рекомендаций по организации служб школьной медиации» дано следующее определение «школьной медиации» – это инновационный метод, который применяется для разрешения споров и предотвращения конфликтных ситуаций между участниками образовательного процесса в качестве современного альтернативного способа разрешения споров.

Внедрение медиации в школах Нижнего Новгорода предварялось анкетированием школьников, проводившимся с целью детализации особенностей разрешения конфликта учениками и выявления информированности о медиации как одной из технологий альтернативного урегулирования споров с

участием третьей, нейтральной, беспристрастной стороны – медиатора, а также оценки возможностей и уровня нуждаемости школьной среды в медиации и медиативном подходе. Полученные данные сопоставлялись и дополнялись сведениями исследования «Школа: обыденность насилия (анализ социокультурных корней насилия в современной российской школе)».

В сентябре 2014 г. под руководством доцента Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, к.с.н. И.Э. Петровой было проведено пилотное исследование с целью уточнения инструментария опроса среди школьников Московской области. Опрошено 89 человек в возрасте от 14 до 18 лет, что позволило определить основные тенденции отношения школьников к медиации.

В октябре 2014 г. в Нижнем Новгороде коллективом авторов ННГУ им. Н.И. Лобачевского под руководством к.с.н. И.Э. Петровой было проведено основное исследование с использованием апробированной анкеты.

Объектом анкетного опроса «Медиация» выступили молодые люди 14-18-летнего возраста, обучающиеся в школах г. Нижнего Новгорода, поскольку они являются акторами, обладающими определенными компетенциями, способностями и ресурсами, а также убеждениями и ценностями, обуславливающими их поведение, и субъективным образом реагирующими на требования, вызовы, риски и шансы окружающей их социальной действительности (n=172). Данная возрастная группа отличается тем, что уже проявляет свои способности, знания и компетенции для достижения желаемой социальной позиции, но при этом ещё достаточно мобильна и способна легко усваивать новые образцы поведения, если видит их действенность в достижении собственных интересов.

Выявлено, что каждый пятый нижегородский школьник довольно часто встречается с конфликтами. Последний конфликт из заслуживающих их внимания 13% школьников решали силовым путем, то есть каждый восьмой школьник применял силовые методы для отстаивания своих интересов.

Анализируя стратегии разрешения значимого конфликта, произошедшего в последние пять лет, отметим, что мальчики и девочки в выборе отличаются: у мальчиков на первом месте – переговоры с противной стороной; на втором – утих сам собою, на третьем – силовые способы. У девочек на первом месте – утих сам собою, на втором – путем переговоров, разница между выбором других способов незначительна. Таким образом, и мальчики, и девочки в принципе готовы договариваться в ходе разрешения конфликта, но этот способ выхода из конфликтной ситуации для обеих групп не является основным.

Пока же школьники остаются с конфликтами один на один, и даже не задумываются, что им нужна помощь. На вопрос, «Есть ли у Вас сейчас конфликт, где нужна чья-либо помощь при разрешении?»: «да» ответили 6% человек, «нет» – 65%, 30%, или каждый третий – «не думали об этом».

На вопрос, «Знаете ли Вы о таком способе разрешения споров, как медиация?» почти каждый пятый ученик ответил «да» (23%). Однако о правильности этих суждений нельзя судить однозначно, потому что 56% школьников не помнят, из каких источников они узнали о медиации; около 9% узнали от случайных людей, 8% – из материалов в Интернет, и лишь 11% – в образовательном учреждении. Это подтверждает нашу гипотезу о том, что необходимо просвещать школьников о возможностях метода медиации, поскольку представление о нем может быть искажено ненадежными источниками информации.

Знания школьников о медиации касаются, в основном, самого термина, потому что 92% молодых людей не известны организации, которые оказывают услуги медиаторов. Следовательно, у обучающихся нет возможности прибегнуть к помощи медиатора, ведь они не знают, куда обратиться. Дети не понимают, в чем заключается работа профессионального медиатора (77%), и не информированы, пользовался ли кто-то его услугами.

Гипотезу о том, что школьники нуждаются в медиации, подтверждает и то, что 47% школьников хотели бы больше узнать об этом способе разрешения споров, то есть практически половина осознает необходимость владеть несколькими вариантами разрешения конфликтов. Медиация могла быть стать

тем институтом, который гарантирует молодым людям, что их мнение и интересы будут поняты и учтены. Нужны дальнейшие исследования конфликтов и медиации.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННЫХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ РЕШЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

С.М. Калашикова

Трансформационный период в развитии общества неизбежно порождает процесс переосмысления ценностей, что оказывает значительное влияние на нравственный образ жизни молодого поколения. Подростки, с одной стороны, очень быстро адаптируются к новым условиям, но с другой – это та социальная группа, которая наиболее подвержена деструктивному влиянию последствий крупных социальных изменений. Очень важно изучать ценностные ориентации подрастающего поколения, чтобы решать многообразные проблемы.

Методику изучения ценностных ориентаций разработали М. Рокич, Д.А. Леонтьев, М. Лукьянова [1-3]. В нашей стране проблемы ценностных ориентаций школьников изучали Хмелев Е., Дунаевская Э.Б., Попов В.А., Кондратьева О.Ю., Видинеева О.В., Гончарова Т.Н. и др. [4-8].

Для изучения особенностей ценностных ориентаций современных старшеклассников весной 2015 г. было проведено социологическое исследование. Выборочная совокупность составила 600 учащихся старших классов средних общеобразовательных школ, лицеев и гимназий г. Воронежа. Выборка – комбинированная многоступенчатая, включающая простой случайный отбор школ (по 6 каждого типа), неслучайный квотный отбор старших (выпускных) классов и представителей разных полов.

Полученные данные показали, что система и иерархия ценностных ориентаций современных воронежских старшеклассников за последние полтора десятилетия изменилась и представляет собой следующее. Среди терминальных ценностей и у юношей и у девушек доминируют «жизнь» (72%, 78% соответственно) и «здоровье» (50%, 55%). А далее начинаются различия: на третьем месте у юношей «свобода, личная независимость» (30%), у девушек – «семья» (27%). К наименее значимым для себя юноши отнесли «безопасность» (10%), «общение» (12%), «достаток» (18%); девушки – «мир» (9%), «карьера» (12%), «возможность самовыражения» (13%). Важными инструментальными ценностями юноши назвали «широкий кругозор» (93%), «честолюбие» (84%), «интеллигентность» (77%); девушки – «храбрость» (89%), «логика» (83%), «честолюбие» (81%). Доминирующими качествами современного человека, по мнению воронежских старшеклассников, должны быть «воспитанность» (92%, индекс 0,71), «ответственность» и «честность» (по 91%, индекс 0,7), «энергичность» (90%). Но среди опрошенных оказались и такие, кто посчитал необходимыми качествами для жизни «равнодушие» (51%) и «безнравственность» (28%).

Что касается ценностей, к которым необходимо стремиться в жизни, то для старшеклассников это, прежде всего, семейное счастье (65%) и комфортные условия жизни (58,5%). Однако иерархия ценностных ориентиров у юношей и девушек различна: для юношей первичны комфортные условия жизни (73%) и высокооплачиваемая работа (53%), а для девушек – семейное счастье (87%) и полноценная любовь (46%). Основополагающими установками на будущее для воронежских старшеклассников являются: интересная работа (18,1%), хорошие отношения в семье (15,7%), возможность путешествовать по миру (14,0%), наличие хороших, верных друзей (12,9%), материальное благополучие (11,8%). И для меньшего числа опрошенных важны в перспективе свое дело, успех в предпринимательстве (6,1%), признание окружающих, слава (4,3%), нетрудная работа, спокойная жизнь (2,0%).

По мнению старшеклассников, обеспечить успех в жизни возможно через личную активность и целеустремленность (97%), интеллектуальные способности (96%), трудолюбие и самосовершенствование (95%), образование и компетентность (92%), наличие и поддержку друзей

(91%). Это означает, что большинство опрошенных в обеспечении успеха надеются на собственные силы.

В свободное время старшеклассники отдают предпочтение общению с друзьями (23,6%), спорту (15,5%), хобби (14,0%), развлечениям (12,4%), туризму (12,1%), домашнему хозяйству (5,7%), овладению профессией (5,3%), культурной жизни (4,8%), учебным занятиям (3,3%), общественным движениям (3,3%). Это показывает, что досуг респонденты проводят в соответствии со своими ценностными ориентациями.

Ценность образования велика у 92% респондентов. Именно столько собирается продолжить обучение после школы. Одновременно по 4% и юношей и девушек или не собираются дальше учиться, или затруднились ответить. Более основательно нацелены на продолжение образования учащиеся лицеев/гимназий, нежели будущие выпускники общеобразовательных школ, девушки (98%), нежели юноши (79%). Полученные данные позволяют говорить о том, что большинство современных старшеклассников имеют позитивную ценностно-ориентационную установку на получение профессии, приобретение знаний, умений навыков и квалификации как основы для достижения важных жизненных целей.

В жизни людей важную роль играют деньги. Два десятилетия назад воронежские старшеклассники именно деньги называли важнейшей ценностью. Сегодня ситуация несколько изменилась. И хотя большинство опрошенных (юноши и девушки примерно одинаково) отметили, что чувствуют себя свободными, когда у них есть деньги (63%); меньшая часть считают, что деньги единственная вещь, на которую они могут положиться (18,5%). И только 9% считают, что деньги не имеют особого значения в их жизни. Такие данные подтверждают ценностную ориентацию одних старшеклассников на высокооплачиваемую работу и хорошее материальное положение, и других – на духовные ценности.

Важным параметром выявления ценностных ориентаций современных старшеклассников является анализ их отношения к доминирующим ценностям нашей страны, а именно таким, как «гражданин», «отечество», «патриотизм» и в целом «ценностное развитие страны».

Необходимо отметить, что большинство воронежских старшеклассников (87%) ощущают себя гражданами России. Однако есть и такие, кто ответил отрицательно на данный вопрос (4%), и те, у кого возникли трудности с ответом (9%). Выбранная позиция, если ее развивать, в будущем должна способствовать серьезному отношению к таким понятиям, как гражданская ответственность, права и свободы человека и гражданина.

Что касается мнения наших респондентов о возможности смены гражданства и выезде из нашей страны, то только для 40% эти изменения невозможны, а почти каждый третий (35%) отметил, что подобные перемены желательны в будущем. Каждый четвертый (25%) относится безразлично к месту проживания. Такие мнения можно объяснить тем, что новое поколение не устраивает уровень и условия жизни в нашей стране.

В жизни людей значительную роль играют такие понятия как «Отечество» и «Патриотизм». Что эти слова означают для современных воронежских старшеклассников?

Большинство (58%) школьников старших классов понимают под словом «Отечество» всю Россию; 29% – место, где родились; 11% – место, в котором живут и 2% – как свой автономный округ.

Понятие «патриотизм» большинство опрошенных (78%) определяет как вечную ценность, без которой невозможно развитие и процветание государства. И намного меньшая часть опрошенных (12%) считает «патриотизм» устаревшим понятием, не играющим никакой роли в жизни общества на сегодняшний день. И столько же – 12% – затруднились ответить.

При оценке мнений респондентов о ценностном развитии нашей страны были получены следующие результаты: только 11% оценивают уровень развития ценностей в нашей стране как хороший и еще 24% – как скорее хороший. Однако еще больше старшеклассников (26%) выбрали вариант «скорее плохой» и 10% – «плохой». Очень значительный процент опрошенных (29%) вообще затруднились дать оценку уровня развития ценностей в России.

В целом можно отметить, что большинство старшеклассников еще только формируют и переосмысливают свои жизненные ценности. И это понятно, так как процесс социализации еще не завершен. Многие молодые люди только ищут свое место в жизни и еще не поняли своей роли в общественной структуре. Проведенное исследование особенностей ценностных ориентаций современных воронежских старшеклассников позволяет сделать ряд выводов. Современные старшеклассники:

- придают важное значение факторам материального благополучия – высокий уровень материального благосостояния часто оказывается для них основанием для развития чувства собственной значимости и повышенной самооценки в глазах окружающих;
- в большинстве своем ориентированы на благоприятное окружение, общение с друзьями, наличие верных товарищей;
- имеют позитивную ценностно-ориентационную установку на получение профессии, приобретение знаний;
- стремятся к личной свободе и независимости, но еще недопонимают, что свобода неразрывно связана с ответственностью;
- система ценностных ориентаций оказывает влияние на досуг старшеклассников, семейные планы, отношение к деньгам;
- во взглядах на семейную жизнь в основном занимают прагматическую позицию, так как определяют материальную обеспеченность как один из значимых факторов благоприятного семейного климата;
- к сожалению, не считают социально-значимыми такие ценности, как творчество, приобщение к культуре, познание законов природы;
- на формирование личных ценностей современных старшеклассников наибольшее влияние оказывает семья, общество, СМИ.

В целом иерархия ценностных ориентаций современных воронежских школьников носит позитивный характер и дает надежды, что в будущем они реализуют себя как социально-активные личности.

Исходя из результатов проведенного исследования, можно дать следующие рекомендации.

Учителям, родителям, общественным организациям: 1) обратить особое внимание на формирование у подростков таких социально-значимых ценностей, как творчество и приобщение к культуре; 2) оказывать подросткам помощь в преодолении девиантных форм поведения; 3) готовить учащихся к личностному самоопределению.

Старшеклассникам: 1) стремиться вести здоровый образ жизни; 2) уделять больше внимания и сил самообразованию, саморазвитию и реализации своих способностей.

Список литературы

1. См.: Методика Рокича. Ценностные ориентации. – <http://psycabi.net/testy/320-metodika-rokicha>;
2. Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. – М., 1992;
3. Лукьянова М. Ценностные ориентации школьников.– URL: <http://do.gendocs.ru>.
4. Хмелев Е. Исследование ценностных ориентаций учащихся средних и старших классов // Воспитание школьников. – 2001. – № 8. – С. 10-13;
5. Дунаевская Э.Б. Ценностные ориентации старших школьников общеобразовательных и коррекционных школ // Известия российского гос.пед.ун-та им. А.И. Герцена. – 2008. – № 51. – С. 201-205;
6. Попов В.А., Кондратьева О.Ю. Изменение мотивационно-ценностных ориентаций учащейся молодежи // Социол. исслед. М. – 1999. – №6. – С. 96-99;
7. Видинеева О.В. Особенности ценностных ориентаций и условия их формирования в старшем школьном возрасте. – Курск, 2003 – URL: <http://nauka-pedagogika.com>;
8. Гончарова Т.Н. Ценностные ориентации современных старшеклассников // Психология, социология и педагогика. – 2012. – № 6. – URL: <http://psychology.snauka.ru>.

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ВЫСОКОЙ РОЖДАЕМОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА

Кан В.С.

Республика Тыва – своеобразный регион России в составе Сибирского федерального округа (далее, СФО). Отдаленное и труднодоступное положение республики на фоне слаборазвитой транспортной инфраструктуры способствует сохранению природы, самобытной этнической культуры и языка ее народов, в то же время сдерживает социально-экономическое развитие. Несмотря на наличие крупных месторождений полезных ископаемых, уникальных природных и культурных объектов промышленность и бизнес развиваются слабо. Возрождение традиционного скотоводства, оленеводства, яководства, мараловодства и других, привлекательных для местных жителей, занятий в условиях рыночной конкуренции и слабого развития инфраструктуры сбыта идет с большим трудом. Стабильно высокие показатели уровня бедности, безработицы, преступности, социальных заболеваний и смертности заставляют федеральный центр оказывать значительную материальную помощь республике. В данной публикации мы рассмотрим этносоциальные факторы высокой рождаемости в Туве, опираясь преимущественно на материалы Тывастата и Росстата (всероссийские переписи населения, текущая статистика), а также социологического исследования 2010 г.

В отличие от 63 регионов страны, где Всероссийская перепись населения 2010 г. зафиксировала сокращение численности населения, в Туве заметен рост: с 305510 чел. в 2002 г. до 307930 чел. в 2010 г. [2, с. 4]. Положительная динамика естественного движения населения в 2011-2015 гг. сохранялась благодаря высокой рождаемости. В январе-августе 2015 г. родилось 5095 чел., умерло –2197 чел. (прирост 2898 чел.). В аналогичном периоде 2014 г. родилось 5237 чел., умерло –2287 чел. (прирост 2950 чел.) [6, с. 59].

Коэффициент рождаемости в Туве за январь-август 2015 г. по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. немного понизился: 24,3 родившихся на 1000 человек населения (2014 г. – 25,1), тем не менее, он остался высоким по сравнению со средними данными по России (13,1) и Сибири (14,3). В других национальных республиках СФО показатели рождаемости ниже: Республика Алтай – 18,9, Республика Бурятия – 17,1, Республика Хакасия – 15 [6, с. 63].

Перепись 2010 г. показала наибольший рост показателей по числу рожденных третьих (118,8%) и четвертых детей в Туве (110,7%) [4, с. 8]. По данным Тывастата за 2014 г., коэффициент рождаемости у женщин, проживающих в сельской местности, превосходил аналогичный показатель у городских женщин в 2,8 раза (общий по региону – 3,5, город – 2,4, село – 6,8). Особенностью репродуктивного поведения женщин является также ранняя рождаемость: 69% всех рождений в 2014 г. приходилось на женщин от 14 лет и моложе – до 29 лет.

По этническому составу населения региона нетрудно определить, в какой этнической группе доминирует детородная активность. По материалам Всероссийской переписи 2010 г. подавляющую часть населения составляли тувинцы (82% или 249299 чел.). Их численное доминирование за счет высокой рождаемости и оттока русских усилилось. 11 из 17 районов имели моноэтнический состав населения (тувинцы – 99%). Доля русских с 2002 по 2010 гг. сократилась (с 20,1% до 16,3%, с 61442 до 49434 чел.), как и представителей других этнических групп (с 2,1% до 1,7%, с 6513 до 5124 чел.).

Юрта, полная детей, была предметом гордости тувинцев в XIX в. – начале XX в. [1, с. 17,19]. В настоящее время многодетная семья остается в числе ценностных приоритетов тувинцев. По данным социологического опроса 2010 г. 47% тувинцев были намерены родить трое и больше детей (русские – 31%)*. За счет высокой рождаемости идет омоложение населения. По данным Тывастата, средний возраст жителя республики в 2014 г. составил 29,32 года (женщины – 30,97, мужчины – 27,53).

*Приведены данные социологического исследования, в котором была реализована многоступенчатая стратифицированная выборка с пропорциональным распределением по типам населенных пунктов (город, село) и маршрутным способом набора респондентов по квотируемым признакам (пол, возраст, образование). Всего методом стандартизированного интервью по месту жительства в июле 2010 г. было опрошено 1191 человек в 13 районах Тувы.

Благодаря высокой рождаемости средний возраст тувинцев ниже (27,4 года), русских – выше (37,4 года) [3, с. 398].

Немалую роль в воспроизводстве высокой рождаемости играют социально-экономические стимулы: социальные пособия и льготы, материнский капитал при рождении второго ребенка и др. На республиканском уровне действуют различные меры поддержки и льготы для многодетных семей: бесплатное предоставление семьям, имеющим троих и более детей земельных участков и деловой древесины для строительства собственного жилья, региональный материнский капитал при рождении пятого ребенка, награды и единовременные денежные выплаты многодетным матерям, компенсация части родительской платы за содержание ребенка в государственных и муниципальных образовательных учреждениях и т.д.

Ситуация с высокой рождаемостью выглядит не такой благополучной при анализе социального положения рожаящих женщин. Данные Тывастата свидетельствуют о распространенности деторождений среди женщин, не состоявших в зарегистрированном браке и матерей-одиночек (2014 г. – 64,9%).

С чем это связано? Во-первых, влияние традиционных ценностей тувинцев. Для совместного проживания с невестой, жениху достаточно получить устное согласие ее родных. Регистрацию брака, чаще всего, проводят позже вместе со свадьбой. До регистрации брака у пары рождаются дети, которых оформляют на имя отца по его заявлению.

Во-вторых, социальное неблагополучие и патерналистские настроения. Некоторые тувинские женщины сознательно отказываются от регистрации брака, чтобы получать повышенные пособия и льготы, положенные по закону матерям-одиночкам. Можно сказать, что для бедных семей – это своего рода способ выживания. Уровень общей и зарегистрированной безработицы в Туве остается высоким. По оценке Тывастатана, конец июля 2015 г. уровень зарегистрированной безработицы составил 4,4 (средний показатель по РФ – 1,3, СФО – 1,7), а уровень общей безработицы в октябре 2015 г. – 17,3%*.

По показателю денежных доходов на душу населения в июле 2015 г. (15 217,1 руб.) республика заняла последнее 12-е место среди других субъектов Сибири (средний показатель по РФ – 31 121 руб., по СФО – 23 687 руб.). По размеру средней начисленной заработной платы в тот же период Тува (23 790,2 руб.), Республика Алтай (21 276,5 руб.) и Алтайский край (20 238,8 руб.) замкнули рейтинг регионов СФО [6, с. 63].

В-третьих, низкая продолжительность жизни мужчин, прежде всего, тувинской национальности. По данным переписи 2010 г. процентное соотношение полов сложилось в пользу женщин: 161 965 чел. (52,6%), мужчины – 145 965 чел. (47,4%) [2, с. 226]. В 1989 г. на 1000 мужчин приходилось 1037 женщин, в 2002 г. – 1108, в 2010 г. – 1110. Мальчики доминируют при рождении и до 18 лет, с 19 лет ситуация меняется в пользу женщин. Тувинские мужчины больше погибают в трудоспособном возрасте от внешних причин (аварии, случайное отравление алкоголем, несчастные случаи, самоубийства, убийства, утопления и т.д.) и социальных болезней, в том числе туберкулеза. Не случайно ожидаемая продолжительность жизни при рождении мужчин в 2014 г., по сведениям Тывастата, меньше (56,6 лет, женщины – 67,22 лет, общий показатель – 61,8 лет).

В таких условиях тувинки вынуждены снижать планку своих требований, часть из них рожают «для себя». Некоторые соглашаются на совместное проживание в «гражданском» браке, который создает неустойчивую основу семьи. Рожают, рассчитывая таким способом удержать мужчин, но наличие детей не всегда гарант сохранения семьи. Мужчины нередко вступают в новые отношения и при этом уклоняются от уплаты алиментов на своих детей.

Одинокой матери тяжело содержать и воспитывать детей, приходится много работать и надеяться на помощь государства. Однако региональные власти не в состоянии самостоятельно решить проблемы социального обеспечения всех нуждающихся. Показатель численности детей, стоящих на очереди в детские сады, остается высоким: в возрасте от 1 до 3 лет – более 3,5 тыс., от 3 до 7 лет –

*В целях повышения представительности данных об экономической активности населения показатели занятости и безработицы по субъектам РФ приводятся за последние 3 месяца.

более 4 тыс. [7]. Слабо развита сеть частных дошкольных учреждений. Малодоступность начальной ступени образования, нацеленной на усвоение первичных знаний и навыков, пагубно отражается на последующей социализации детей. Еще одна острая проблема, связанная с высокой рождаемостью и миграцией жителей из села в город, –перегруженность школ. К примеру, школы Кызыла работают в две или три смены, что отрицательно сказывается на качестве обучения детей и делает невозможной полноценную воспитательную работу с ними.

Симптомом социального неблагополучия остается высокая младенческая смертность. За январь-август 2015 г. показатель составил 13,3 на 1000 родившихся (2014 г. – 15,4) [6, с. 59]. Он немного улучшился, но на порядок выше среднероссийского. На здоровье женщин и детей плохо отражаются: нестабильность семейных отношений, малодоступность высококвалифицированной медицинской помощи, незапланированные беременности и частые роды, плохое питание, нагрузки на работе и т.д.

Учреждения здравоохранения республики работают с ощутимым напряжением (очереди на прием к врачам и медицинские обследования, перегруженность женских консультаций и стационаров, быстрая выписка рожениц и т.д.). Долгожданным и значимым событием стало открытие в октябре 2013 г. нового здания Перинатального центра Республики Тыва. Его строительство, тянувшееся с начала 2000-х гг., удалось завершить благодаря федеральной поддержке. Центр оснащен современным медицинским оборудованием и квалифицированным медицинским персоналом. В 2014 г. на базе Перинатального центра было принято 2731 из 7865 родов по республике (34%) [5].

О росте неблагополучия в семье говорит также неуклонный рост числа социальных сирот в Туве, детской и подростковой преступности, насилия в отношении несовершеннолетних. Показатель подростковых суицидов – 120 на 100 тыс. подростков на начало 2013 г., что выше среднероссийского в шесть раз. Суициды – ответ детей на невнимание, отчуждение родителей, плохое обращение и подавление их личности, жестокость и насилие, материальную нужду.

В январе-августе 2015 г. было зарегистрировано 1117 браков (2014 г. – 1327), 352 развода (2014 г. – 423), т.е. распадается каждый третий брак. Число разводов уменьшилось, но при этом снизилось число заключенных браков, при высоких показателях рождаемости. Эти негативные тенденции отражают тот факт, что под семьей молодые люди чаще понимают «родительство» и «родство», недооценивая роль «супружества» – первого и неотъемлемого этапа семьи.

Современные тувинки стремятся иметь мужа и нескольких детей, но создав семью, много работают, не могут уделять ей достаточно внимания. Впоследствии дети часто копируют поведение родителей, занятых «зарабатыванием» денег, что порождает замкнутый круг.

Таким образом, высокая рождаемость, в первую очередь, среди тувинцев, является главным фактором демографического развития республики. На воспроизводство высокой рождаемости «работает» комплекс факторов: этнические традиции народа, социально-экономическое неблагополучие, низкий уровень образованности населения, материальные стимулы и др.

Рост численности тувинского этноса можно оценивать однозначно положительно. Однако материальное стимулирование рождаемости без принятия превентивных мер по увеличению продолжительности жизни населения, строительству новых и развитию существующих социальных учреждений, приводит к замедлению экономического развития Тувы, усилению социальной напряженности, ухудшению качества жизни местного населения, в том числе сужению возможностей для развития и реализации потенциала представителей среднего и старшего поколения.

Список литературы

1. Забелина Г.А. Женщины Тувы в семье и обществе в первой половине XX века. – Кызыл, 2010.
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. В 11 т. Т. 2. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2013.
3. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. В 11 т. Т. 4. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2013.
4. Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. – Кызыл, 2011.

5. Перинатальный центр Республики Тыва [Официальный сайт]. URL:<http://pcent-tuva.ru/otsentre/rasshirennaya-statistika> (Дата обращения – 1 ноября 2015 г.).
6. Социально-экономическое положение Республики Тыва за январь-сентябрь 2015 г. – Кызыл, 2015.
7. <http://www.tuvaonline.ru/2015/09/28/>

ТРУДНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНТЕРНАТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ВНУТРИИНТЕРНАТНУЮ СОЦИАЛИЗАЦИЮ ВОСПИТАННИКОВ

Кизим В.В., Костина Е.Ю.

В современном российском государстве, среди множества социальных проблем особенно выделяется феномен сиротства, который не позволяет должным образом пользоваться своими правами детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей. В результате чего, начиная с появления данной социальной проблемы, общество и государство предпринимают усилия для её ликвидации. Одним из способов разрешения является помещение детей-сирот в интернатные учреждения для данной группы детей (согласно сведениям вице-премьера Ольги Голодец, в середине 2015 г. государственный банк данных насчитывал 99949 детей [1], из которых по статистике на 2014 г. 72151 ребёнок находился под надзором в учреждениях для детей, лишившихся родительского попечения [2]).

Современная государственная социальная политика направлена на деинституционализацию сиротства, а значит на ликвидацию или перепрофилирование интернатных учреждений. Но реальность вносит коррективы в данные планы, так выявление ежегодно порядка 100 тыс. детей, оставшихся без попечения родителей, определяет, что потребность устройства в учреждения будет актуальной ещё неопределённое время. Исходя из этого, важно создать в этих учреждениях условия, способствующие быстрой внутриинтернатной и постинтернатной социализации данных категорий детей. Необходимо создать условия внутри детского дома, которые помогут избежать негативного социального опыта, а также не спровоцируют возникновения эффекта некомпетентности у данных детей. Автором было проведено комплексное исследование на базе одного из детских домов г. Владивостока (КГОКУ «Детский дом № 2 г. Владивостока»), на основании чего были рассмотрены отдельные стороны организации деятельности детских домов, существующие на настоящее время, а также выявлены трудности, мешающие социализации воспитанников в интернатных условиях.

Детский дом можно рассматривать как социальный институт, который должен организовать деятельность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в определённую систему ролей и статусов, установить образцы поведения, которые помогут детям легко адаптироваться к жизни в обществе после выхода из него. Поскольку государственные учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, являются элементом социальной защиты нуждающихся детей, наличие трудностей в организации их деятельности позволяет предположить, что они оказывают негативное влияние на социализацию воспитанников в интернатных условиях. Анализируя основные проблемы, с которыми сталкивается детский дом в организации своей деятельности, то в первую очередь в плане социализации воспитанников, стоит отметить отсутствие должности специалиста по социальной работе в штате сотрудников учреждения. На данное время социальным педагогом выполняются как свои непосредственные функции, так и функции специалиста по социальной работе. Вследствие чего, полагаем, перегрузка социального педагога сказывается на качестве его работы и на эффективности социализации воспитанников. Помимо этого необходимо отметить то, что получение администрацией детского дома функций опекуна происходит после судебного решения о лишении родительских прав, а передача полного комплекта документов на каждого воспитанника в интернатное учреждение осуществляется с нарушением сроков. Таким образом, можно предположить, что межведомственное взаимодействие происходит не на должном уровне, что также сказывается на внутриинтернатной социальной адаптации и организации процесса социализации воспитанников.

Помимо структурной части деятельности и межведомственной работы, немаловажное значение уделяется функциональным обязанностям сотрудников, среди которых также можно выделить свои недостатки. Так, к ним следует отнести отсутствие функции информационного оснащения электронного сайта КГОКУ «Детский дом № 2 г. Владивостока». Последняя информация, которая была о деятельности интернатного учреждения в электронном варианте, предоставлена в 2011 году. А, следовательно, представители смежных организаций, тесно взаимодействующих с данным учреждением, не имеют возможности в полном объеме узнать о трудностях воспитанников, связанных с ними потребностях и в должной мере оказывать социальную поддержку детскому дому, которая бы способствовала большей эффективности социализации и адаптации внутри учреждения.

Многочисленные исследования отечественных и зарубежных ученых и практиков в области сиротства показывают наличие трудностей не только у воспитанников государственных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (в большей степени в постинтернатном периоде), но также и в работе сотрудников данных учреждений. Данные трудности в первую очередь связаны с контингентом детей, с которыми ежедневно сотрудничают работники, с нехваткой материальных средств, распределяемых на содержание детей, что непосредственным образом сказывается на эффективности работников данных учреждений и, в конечном счете, на эффективности отдельных задач. Поскольку деятельность организаций в конечном итоге должна быть направлена на поддержание достойного физического, интеллектуального, духовного, нравственного и социального развития детей, оказавшихся в социально-опасном положении, наличие трудностей в их организации приводит и к появлению трудностей в социализации воспитанников.

Детский дом передает своим воспитанникам те социальные качества и свойства, ценности, знания и умения, которые приняты в нем, которые сформировались в результате принятой в данном учреждении педагогической модели воспитания, а также под влиянием социальной и экономической ситуации в стране в целом и в регионе в частности. На детские дома как социальный институт ложится функция семьи, функция социализации ребенка, проводника его во внешний мир, и очень важно, чтобы были созданы все условия и преодолены трудности в данном направлении.

Список литературы

1. Количество сирот в России снизилось на 10 тысяч человек [Электронный ресурс]. RG.RU Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/12/16/deti-site.html>
2. Сведения о выявлении и устройстве детей, оставшихся без попечения родителей, по Российской Федерации [Электронный ресурс]. Усыновление в России. Режим доступа: <http://www.usynovite.ru/statistics/2014/6/>

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ БЕСПРИЗОРНЫХ И БЕЗНАДЗОРНЫХ ДЕТЕЙ В РОССИИ И ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Клепова М.И.

Беспризорные дети – это «лишенные присмотра, бездомные, живущие на улице» [1], не имеющие родительского или государственного попечения и соответствующих возрасту позитивных занятий, а также не обеспеченные необходимым для них уходом дети. Вопрос о профилактике безнадзорности и детях, самовольно ушедших из дома или госучреждений, остается актуальным, поскольку положение в этой области оставляет желать лучшего.

В средствах массовой информации звучат различные цифры, определяющие количество безнадзорных детей. Показатели расходятся во многом потому, что достаточно трудно найти ту грань, которая разделяет непризорных и безнадзорных. Безнадзорность – общественное явление, заключающееся в «отсутствии надлежащего наблюдения за детьми со стороны родителей или лиц, их заменяющих» [2]. В законе Российской Федерации, принятом в июне 1999 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [3] непризорный определяется как безнадзорный, не имеющий места жительства и (или) места пребывания. Это означает, что эти понятия тесно связаны между собой. Но все же важным различием между ними

является то, что безнадзорность во многом составляет основу для возникновения беспризорности. Беспризорность – это уже некий статус ребенка, который он приобрел по собственному желанию или из-за определенных обстоятельств.

Итак, из-за различий между этими понятиями цифры статистики по беспризорным детям достаточно относительны. Исходя из них, число безнадзорных и беспризорных колеблется в пределах 1,5-2 миллионов [4]. Но на самом деле эта цифра в разы больше, чем в данных общей статистики.

В России детская беспризорность – очень важная и актуальная проблема, так как численность детей, живущих на улице, с каждым годом растет. Безнадзорность по-прежнему входит в число наиболее тревожных социальных явлений в регионах РФ. Для решения этой проблемы в апреле 2014 года был принят закон «О внесении изменений в статьи 25 и 251 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»» [5]. И в регионах России были приняты соответствующие законы. Вступил в силу закон «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Воронежской области» от 28 декабря 2007 года N 163-ОЗ (ред. от 05.05.2015) [6]. Также в Воронежской области принята целевая программа «Дети Воронежской области», объем финансирования которой ежегодно увеличивается.

В системе социальной защиты бездомных специализированные учреждения для несовершеннолетних, одна из основных задач которых – целенаправленная работа по социальной реабилитации дезадаптированных детей, занимают едва ли не самое значимое место. Если ребенок или подросток социально адаптирован, значит, что он включен в социальную среду, приспособлен к ней и к действующим в ней правилам, приспособлен к системе норм и ценностей. Однако если у несовершеннолетних нарушен процесс социального развития и социализации, то они являются дезадаптированными. Социальная дезадаптация детей имеет комплексный характер. Она выражается в нарушении физического и психического здоровья ребенка, разрыве его социальных связей с семьей, другими институтами социализации. Но это обратимый процесс, поэтому можно не только предупреждать отклонения в социальном развитии детей и подростков, но и управлять процессом постепенной реабилитации и социализации социально дезадаптированных детей и подростков. Социальная реабилитация – это достаточно сложный и длительный процесс, включающий в себя медико-психологические, психолого-педагогические и социально-правовые меры, которые направлены на социально-психологическое восстановление ребенка, налаживание его психического и физического здоровья. Этим и занимаются специализированные учреждения, входящие в систему социальной защиты населения.

Еще одним важным моментом в системе социальной защиты населения по отношению к беспризорным и безнадзорным детям является то, что после процесса их реабилитации и адаптации к окружающей среде главной задачей органов социальной защиты становится обеспечение ребят основным общим образованием, а в дальнейшем – навыками по востребованной специальности, для получения достойной работы.

Бездомные дети в России – это дети, оказавшиеся не нужными ни собственным родителям, ни государству. Сбежавшие от побоев и издевательств из семей, в которых царит наркомания, алкоголизм и нищета. По этому поводу уполномоченный по правам ребенка Павел Астахов сказал: «Когда находят ребенка, госструктуры должны сначала определить, есть ли у него родители, какова ситуация в семье. Это нужно сделать быстро, чтобы затем отправить ребенка в соответствующее учреждение или обратно к родителям. За последнюю пару лет государство старается забрать всех бездомных детей с улиц» [7].

Во многих региональных отделах социальной защиты организована работа с кровными семьями бездомных.

Об этом говорит и президент благотворительного фонда «Волонтеры в помощь детям-сиротам» Елена Альшанская: «Все зависит от регионов – в одних работа с кровными семьями налажена лучше, в других – хуже, и тут нельзя увидеть целостную картинку по России – потому что никакой единой, общероссийской программы по профилактике сиротства просто не существовало и не существует» [8].

За последние годы благодаря усилиям государственных и благотворительных организаций многие из беспризорных детей оказались в домах и приютах.

При Покровском храме села Отрадное Новоусманского района Воронежской области создан приют для детей, оказавшихся на улице. Кроме того, при Воронежской епархии действует детский лагерь «Кристалл», в котором бесплатно отдыхают дети-инвалиды и воспитанники интернатов. А при Владимирском храме города Воронежа добровольцы ухаживают в больницах за детьми-отказниками. Также оказывает помощь сиротам и Женсовет Воронежской митрополии.

Несмотря на принятые меры, их явно недостаточно. Для того, чтобы бездомные дети снова не оказались на улице, цель социальной защиты, цель государства сохранить как можно больше семей, дать родителям возможность самим воспитывать своих детей. Кроме того, обязателен контроль, надзор за неблагополучными семьями. Нужна продуманная программа по снижению уровня сиротства, которую можно было бы реализовать.

Список литературы

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка./ С.И. Ожегов - М., 1977. - 847 с.
2. Баркер Р. Словарь социальной работы / Р. Баркер. - М.: Институт социальной работы, 2004. - 324 с.
3. Федеральный закон от 24 июня 1999 года N120-ФЗ. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Сборник законов и нормативных актов. - М.: Юрист, 2000. - С. 42-64.
4. Ольга Голодец: в России растет число беспризорных детей / Вести. Экономика. – 2015. – (<http://www.vestifinance.ru/articles/55320>).
5. Федеральный закон от 2 апреля 2014г. N62-ФЗ «О внесении изменений в статьи 25 и 251 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»».
6. Региональный закон от 28 декабря 2007 года N163-ОЗ (ред. от 05.05.2015) «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Воронежской области».
7. Сара Фёрт Бездомные дети – нерешённая проблема России / RT. – 2010. – (<http://www.russian.rt.com/inotv/2010-06-08>).
8. Галямина Ю. Астахановцы. Действительно ли в России сокращается количество сирот / Филантроп. – 2014. – (<http://www.philanthropy.ru/2014/12/26/19672>).

ОЦЕНКА ЗДОРОВЬЯ И ФАКТОРОВ РИСКА ЖИТЕЛЯМИ ГОРОДА ЧЕРЕПОВЦА (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ В РАМКАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРОЕКТА «ЗДОРОВЫЙ ГОРОД»)

Ковалева Г.А.

За последние десятилетия произошел серьезный сдвиг в понимании здоровья и его значения для развития общества. Медицинская модель здоровья, доминировавшая большую часть 20 века, вытесняется социальной моделью, согласно которой здоровье является результатом целого ряда социально-экономических, культурных и внешне средовых факторов, таких как уровень доходов и качество жилья, уровень образования и культуры, благоустройство мест обитания и развитие транспорта, качество и доступность медицинской помощи и т.д. Эти группы факторов влияют на образ жизни людей, вероятность появления у них болезней и риска преждевременной смерти. Сегодня здоровье все более осознается как главная движущая сила и ресурс социального и экономического развития.

Анализ общественного мнения о факторах риска для здоровья нами построили на основе исследований, проведенных в рамках проекта «Здоровый город». Это международный проект, который при поддержке Европейского Регионального Бюро Всемирной Организации Здравоохранения развивается уже более 20 лет. Сегодня он перерос в глобальное движение; более 1000 городов, районов и поселков более чем 30 стран Европейского региона ВОЗ участвуют в развитии проекта «Здоровые города», вовлечены в национальные, региональные и тематические сети. Российские города участвуют

в Проекте с середины 90-х годов. Проект «Здоровые города» содействует внедрению в городах, районах и поселках современных, научно обоснованных и доказавших свою эффективность стратегий улучшения здоровья и качества жизни. На всем протяжении развития Проекта особое внимание уделяется здоровью малообеспеченных и уязвимых групп населения.

Цель программы «Здоровый город» - достижение высокого уровня здоровья настоящих и будущих поколений жителей города, в том числе: формирование ответственного отношения горожан к своему здоровью, создание условий для ведения здорового образа жизни [5]. Череповец стал участником проекта ВОЗ «Здоровые города» в 2001 году. Основные направления городской целевой программы «Здоровый город»: профилактика заболеваний и пропаганда здорового образа жизни, здоровье на рабочем месте, активное долголетие, двигательная активность, сохранение и укрепление здоровья детей и подростков. Программа выполняется на основе сотрудничества между исполнителями и участниками: органами мэрии, территориальными органами федеральных органов государственной власти, депутатами городской Думы, организациями, предприятиями города, городскими общественными объединениями, средствами массовой информации, жителями города. В 1996 году на площадке Череповца была создана российская сеть «Здоровые города, районы и поселки», и на сегодня уже более 100 российских городов познакомились с проектом, получили руководства по внедрению, приняли участие в мероприятиях сети, как в России, так и за рубежом, и начали внедрение. Кафедра социологии и социальных технологий более 10 лет осуществляет социологическое сопровождение проекта.

На основании социологических измерений были изучены факторы риска, негативно воздействующие на здоровье череповчан. Для этого мы проанализируем результаты нескольких исследований, проведенных в рамках проекта «Здоровый город» в течение 2007-2014 г. Анализ был построен по методике Вологодского института социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН) и рекомендациям ВОЗ. Лаборатория изучает социальные аспекты экономического развития на региональном уровне и ведет комплексные научные исследования в сфере качества жизни по следующим направлениям: физическое и духовное здоровье как основа повышения качества жизни населения и устойчивого развития региона, проблемы и перспективы материального благосостояния и социально-экономической стратификации населения, удовлетворенность населения условиями жизнедеятельности, анализ формирования массового рыночного сознания и прогнозирование социально-экономического развития региона на основе измерения индекса потребительских настроений, проблемы формирования и развития образовательного, трудового и научно-технического потенциала региона, общественное мнение как инструмент обратной связи между властью и населением.

Сопоставление данных опроса в динамике показывает, что за последние годы произошли изменения в оценке населением города состояния своего здоровья. С 44 до 58% возросла доля тех, кто ставит своему здоровью положительные оценки. Представительство отрицательных характеристик сократилось с 19 до 14%. Более четверти населения (28%) считает состояние своего физического здоровья удовлетворительным. За период 2007 - 2014 гг. в г. Череповце увеличилась доля позитивно оценивающих собственное здоровье, причем это отмечено во всех возрастных группах с одновременным снижением удельного веса лиц, удовлетворительно оценивающих здоровье. Значительный прирост доли позитивных оценок в течение последнего года характерен для жителей в возрасте от 45 до 54 лет – с 40 до 51 % и до 29 лет – с 62 до 75 %. В этих же группах сократилась доля населения с удовлетворительной оценкой здоровья. Во всех возрастных группах отмечается сокращение удельного веса отрицательных характеристик здоровья. Этому способствовала относительная стабилизация социально-экономического положения в городе.

Имеют место гендерные различия в оценках здоровья. У женщин доля положительных оценок здоровья увеличилась с 36 % в 2007 г. до 51 % в 2014г., у мужчин – с 55 до 66% соответственно. В то же время с 24 до 18% снизилась доля женщин и с 13 до 10% - доля мужчин с негативной оценкой здоровья. Возраст является важным фактором, влияющим на здоровье человека. По данным

проведенного исследования в 2011 году «Оценка влияния факторов риска на здоровье населения Череповца», жители города до 44 лет реже, чем лица от 45 до 54 лет и старше 55 лет страдают от каких-либо хронических или продолжительных заболеваний, травм[3,4]. Несмотря на общее улучшение оценочных характеристик субъективных показателей здоровья, значительной остается доля тех, кто испытывает те или иные заболевания.

В старшем возрасте отмечается рост заболеваний – это требует принятия мер по улучшению социально-экономического положения пожилых людей в городе, укреплению их здоровья, направленных на активное долголетие.

Стоит отметить, что структура ценностей школьников включает значимость для них здорового образа жизни. Эта структура выстроилась следующим образом: семья, родственники (66%); хорошее здоровье (60%); общение с людьми (40%); материальное благополучие (27%); интересный досуг, отдых (26%); труд, учеба (25%) и др.

Среди всех перечисленных факторов, по мнению горожан, наиболее отрицательно влияют на состояние здоровья следующие: вредные привычки (57 %), состояние окружающей среды (44 %), отсутствие внимания к своему здоровью (35 %) и качество медицинского обслуживания (29 %). Следует отметить, что и мужчины, и женщины в качестве основных трех факторов влияющих на состояние здоровья отмечают:

- 1 – вредные привычки: 61 % - мужчины; 53% - женщины
- 2 – состояние окружающей среды: 44 % - мужчины; 44% - женщины
- 3 – отсутствие внимания к своему здоровью: 32 % - мужчины, 37% - женщины.

Среди основных факторов, оказывающих сильное влияние на состояние здоровья, дети школьного возраста назвали: экологию (38%), условия жизни (33%) и усилия самого человека (30%). Таким образом, по мнению школьников, на их здоровье в первую очередь воздействуют внешние факторы, не зависящие от них самих.

За период 2007 – 2014 гг. в городе увеличилась доля позитивных оценок собственного здоровья жителями города, с одновременным снижением удельного веса лиц, удовлетворительно оценивающих здоровье. По нашему мнению, этому способствовала относительная стабилизация социально-экономического положения в городе. По мнению горожан, на их здоровье воздействуют факторы, зависимые и не зависимые от них – это вредные привычки, состояние окружающей среды и отсутствие внимания к своему здоровью[3,4].

Здоровье невозможно оценить в отрыве от социальной экономики [1], от условий и возможностей человеческой жизнедеятельности, той конкретной среды, в которой находится человек. Общественное здоровье как интегральное качество системы общественных отношений, условий и образа жизни всесторонне раскрывается только с помощью системного подхода [2]. Существенное влияние на состояние здоровья людей оказывает уровень их доходов. Разумеется, более высокие доходы не являются автоматически залогом лучшего здоровья, но они позволяют обеспечить определенный набор материальных благ, способствующих сохранению и укреплению потенциала здоровья. Так, в 2009 г. по сравнению с 2007 г. доля положительных оценок собственного физического здоровья людьми, отнесшими себя к группе «между богатыми и средними», возросла на 6 процентных пунктов, «средние» – на 19; людьми отнесшими себя к группе «между средними и бедными» - на 7,8; и «бедные» - на 8. Доля отрицательных оценок здоровья у группы «между богатыми и средними» снизилась до с 9 до 0 процентных пунктов; «средние» - с 12 до 8; «между средними и бедными» - с 26,6 до 19; «бедные» - с 44 до 41 процентных пункта [3,4].

На основании анализа социологических данных было выявлено следующее:

За период 2007 – 2014 гг. в городе увеличилась доля позитивных оценок собственного здоровья жителями города, с одновременным снижением удельного веса лиц, удовлетворительно оценивающих здоровье. По нашему мнению, этому способствовала относительная стабилизация социально-экономического положения в городе. Оптимизирующее влияние на оценки здоровья лиц с более высокими доходами оказывают причины материального порядка, а также присущее им благоприятное

социальное самочувствие. По мнению горожан, на их здоровье воздействуют факторы, зависимые и не зависимые от них – это вредные привычки, состояние окружающей среды и отсутствие внимания к своему здоровью. Мужчины и женщины города на первое место среди факторов, оказывающих негативное влияние на состояние здоровья относят вредные привычки (61% и 53% соответственно), но все же продолжают курить 32% жителей нашего города и употреблять спиртные напитки - 70% жителей нашего города.

Молодежь более склонна к употреблению спиртных напитков и табаку, чем представители старших возрастов, и именно в 14-15 лет проявляется самый большой пик по их первичному употреблению (причем, алкогольные напитки употребляется девушками больше, чем юношами). Большинство молодых юношей и девушек осознают, что риск для здоровья, если человек курит и употребляет спиртные напитки очень высокий - все же не отказываются от пагубных привычек. Уровень физической активности населения при проведении свободного времени остается довольно низким. Даже среди представителей молодого возраста (от 18 до 24 лет) большинство предпочитает пассивные формы досуга.

Итак, образ жизни населения, который характеризуется низкой физической активностью и пристрастием к вредным привычкам, не способствует формированию благоприятной ситуации для укрепления здоровья. Поэтому необходимо хотя бы исключить из сферы воздействия другие факторы риска, которые могут подорвать здоровье горожан.

На основании полученных выводов были предложены направления по снижению влияния рисков здоровью для государственных органов управления образованием и здравоохранением.

Список литературы

1. Ильин В.А. Стратегия развития региона / В.А. Ильин, М.Ф. Сычев, К.А. Гулин [и др.]. – Вологда, 2004. – 228 с.
2. Ильин В.А. Региональная стратегия экономического роста - 2015 / В.А. Ильин, М.Ф. Сычев, К.А. Гулин [и др.]. – Вологда, 2004. – 224 с.
3. Здоровый Череповец. Программа / <http://www.zgorod.ru/program>
4. Профиль здоровья города Череповца / Ковалева Г.А., Мехова А.А., Спирина Д.В..- Череповец, Издательский Дом «Череповець», 2009. –46 с.
5. Профиль здоровья города Череповца / Ковалева Г.А., Мехова А.А., Чернов А.А.- Череповец, ЧГУ, 2011. – 48 с.

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Кузина И.Г., Лободенко А.С.

Интерес к состоянию и положению семьи в обществе носит устойчивый характер, так как именно самочувствие семьи, характер и тенденции ее развития являются главными показателями событий, происходящих в стране, а также отражают перспективы дальнейшего развития данного государства.

В настоящее время институт семьи переживает кризис, вызванный спадом в социальной и экономической сферах общества. Противоречия современного общества сказываются, прежде всего, на состоянии молодых семей в России. Трансформация современного российского общества, его будущее связано с изменениями в институте семьи, модификацией значимости семьи в системе жизненных приоритетов людей. Это находит отражение в брачном поведении молодежи (отложенные браки и рождения), в увеличении числа разводов в первые годы совместной жизни супругов, а также в снижении важности семейных ценностей и традиций для молодых супругов. Так, согласно данным Федеральной службы государственной статистики за период с 2010 по 2015 год наблюдался спад количества заключенных браков среди женихов и невест в возрастном интервале от 18 до 24 лет (положительная динамика к увеличению наблюдается только в 2011 году). Количество разводов также постепенно начинает возрастать, в 2011 году она составляла 669376 единиц, в 2014 году – 693730. Снижение разводимости прослеживается только в 2012 году и составляет 644101 единицу [1].

В научной литературе существует мнение о том, что под влиянием изменений, происходящих в обществе, институт семьи исчерпал себя как таковой и не выполняет своих функций, а сам термин «семья» необходимо заменить термином «домохозяйство» [2].

Однако большинство ученых (С.И. Голод, И.Ф. Дементьева, А.И. Антонов, М.С. Мацковский и др.) считает, что хотя в современных семьях и происходят коренные перемены, а также преобразуются функции семьи, это не означает, что семья как таковая приближается к гибели [3]. На самом деле, на осколках прежнего вида семьи возникают новые варианты семейных структур, потребности и интересы которых должны учитываться государством при реализации семейной политики.

Особое внимание в современный период, как государственным структурам, так и ученым, следует обратить на студенческие семьи в силу того, что они являются самым незащищенным и наименее изученным типом молодых семей и наиболее подвержены влиянию общественного мнения. Студенческую семью определяют как тип семьи, где оба супруга являются студентами дневного (очного) отделения высшего учебного заведения, а также это неполные семьи с детьми, в которой мать или отец является студентом дневного (очного) отделения высшего учебного заведения.

Как один из типов молодой семьи, студенческая семья не имеет особого статуса, хотя по оценкам зарубежных и отечественных ученых существенно повышает результативность и качество обучения и производства населения [4,5,6,7]. Кроме того, в российском обществе сложился стереотип о том, что студенческий брак недолговечен и непрочен, в силу недостаточности опыта супругов. Общественное мнение соотносится с довольно низким уровнем брачности молодежи от 18 до 24 лет, что приводит к старению всего населения. В частности, в последние годы сокращается число студенческих пар, официально зарегистрировавших свой союз. Если в 2011 году число женихов в данной возрастной группе составляло 372782 человека, невест – 554772, то в 2014 году наблюдается тенденция к сокращению, а именно 273994 человека – женихов, 436993 – невест [8].

Чтобы ответить на вопрос о значимости студенческой семьи для молодежи и для общества в целом, авторами статьи весной 2015 г. было предпринято исследование, целью которого являлось выявление отношения студентов к студенческой семье и браку.

Выборка, произведенная на базе Дальневосточного федерального университета, составила 127 студентов очной формы обучения, трех различных специальностей и направлений. Один из вопросов касался влияния студенческой семьи на получение образования. 54% опрошенных ответили, что семья положительно влияет на получение образования, и существует возможность совмещать семейные обязанности и учебу в университете; 46% высказали свое мнение об отрицательном влиянии брака на качество получаемого образования.

В ответе на вопрос о крепости студенческой семьи и брака респондентам предлагалось аргументировать свой ответ. Выяснилось, что около 70% студентов считают такой брак крепким в силу общности интересов и взглядов супругов, а 30% высказали мнение о недостаточной крепости этого брака из-за неподготовленности молодых людей к семейной жизни, отсутствия серьезности у вступающих в такой брак, материальной нестабильности молодой семьи.

Одним из важнейших факторов риска полноценного функционирования студенческих семей является финансово-материальная несостоятельность, что приводит к постоянной материальной зависимости от родителей, которые считают, что в сложившейся ситуации имеют право руководить семейной жизнью своих детей. В результате во взаимодействии поколений и внутри самой студенческой семьи растет конфликтность. На этот фактор указали многие респонденты, считающие студенческий брак нестабильным.

Кроме того, анкета содержала вопрос о готовности студента вступить в брак в студенческие годы. 68% опрошенных девушек готовы связать себя узами брака, будучи студентками вуза, в то время как только 29% юношей поддержали их позицию. На основании полученных ответов на данный вопрос можно сделать вывод о том, что у студенток формируется установка на ранний брак: ведь вследствие роста образованности женщин и связанных с ней высоких требований к супругу, в дальнейшем выйти замуж им будет труднее. Сложности с поиском равного себе по уровню образования и стремлению к

карьерному росту партнера на брачном рынке России часто вынуждает слабый пол выбирать путь матери-одиночки.

Исходя из полученных данных, в целом, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день молодежь поддерживает создание семьи в студенческие годы и считает такой брак достаточно крепким. Проблема заключается лишь в том, что молодые люди не всегда подготовлены к самостоятельной семейной жизни, и им необходима помощь референтных групп. Государственные программы, которые направлены на укрепление молодой семьи, в основном затрагивают только жилищную обеспеченность семей, в то время как студенты остро нуждаются в трудоустройстве, а также испытывают нехватку денежных средств [9]. Важно отметить, что, несмотря на все трудности, студенческая семья характеризуется большей стабильностью, чем любая другая молодая семья, так как супруги объединены общими интересами и взглядами, их совместные действия направлены на учебу. От качества жизни студенческой семьи, уровня приобретенных супругами знаний зависит прогресс всего общества в целом. Обществу и государству стоит осознать всю сложность задач, которые необходимо выполнить для увеличения числа молодых семей, в том числе и студенческих.

Список литературы

1. Браки и разводы / Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
2. Социология/ Под ред. Л.Я. Рубиной. 4-е изд., перераб. и доп. Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2011. с. 253.
3. Волков Ю.Г., Добренков В.И., Нечипуренко В.Н., Попов А.В. Социология/Под ред. проф. Ю.Г. Волкова.– Изд. 2-е, испр. и доп.– М.:Гардарики, 2003.с. 216.
4. Долбик-Воробей Т.А.. Студенческая молодежь о проблемах брака и рождаемости // Социологические исследования, 2003, №11. с.83
5. Каблуков В.А. Проблемы студенческих семей. – К.: О-во «Знание» УССР, 1989. Сер. 7 «Педагогическая», №4. с. 48
6. Аргайл М. Психология счастья. / Пер. с англ. / Общ.ред. М.В. Кларина. – М.: Прогресс, 1990. с.45, 58.
7. Еникеева Д. Несчастливый брак. – М.: «РИПОЛ КЛАССИК», 1998.-224с. с. 216.
8. Браки по возрастам жениха и невесты [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
9. Кузина И.Г., Лободенко А.С. Студенческие семьи и браки в современной России: социологический анализ // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. Сборник научных статей. Труды Международной научной конференции «Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения» (Российская Федерация, г. Липецк, 20 июля 2015 г.). / Под ред. М.Ю. Левина. – Липецк: ООО «Максимал информационные технологии», 2015. с. 155

ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРСОНАЛА В ННГУ ИМ. ЛОБАЧЕВСКОГО

Курносова Л.С.

За последние четверть века изменилась роль университета в подготовке кадров для региона. Если прежде существовал государственный заказ, который вуз выполнял, то в настоящее время образование становится услугой, число потребителей которой весьма значительно: студенты, их родители и работодатели в лице частных, государственных и смешанных структур. Интересы и потребности их могут существенно различаться. При этом существует региональный рынок труда, который более не пополняется присланными в принудительном порядке выпускниками вузов, а работодатели предъявляют значительно более разнообразные требования к квалификации и компетентности кадров.

Университет должен осваивать новые формы деятельности и, прежде всего, работать с собственными кадрами, чтобы удовлетворять потребности региона и всех перечисленных потребителей его услуг. Основная часть выпускников университета выходит на местный рынок труда,

но глобальная конкурентная среда предъявляет новые требования к работе с персоналом вузов и формированию качественно нового корпуса сотрудников. Необходимо выстраивание новых целей и системы мотивации персонала университета.

Некоторые вузы уже давно ведут изучение персонала своего вуза (помимо традиционного ведения статистики), и накопленный материал давно нуждается в социологическом осмыслении. Так, в НИТУ «МИСиС» изучение персонала идет с 1997 г. в форме опросов. Выборочное обследование проводится ежегодно (за учебный год), выборка в целом репрезентативна. Доступен отчет за 2007-2012 гг.[1] В нем отмечено резкое падение удовлетворенности сотрудников практически по всем показателям в сравнении с 2010-2011 учебным годом. Самое большое падение, почти в три раза, дал показатель «отношение к вам со стороны руководства вуза» и в два раза «деятельность администрации вуза» и «управление изменениями в деятельности вуза». Это могло быть вызвано деятельностью администрации, но из отчета невозможно понять, какие изменения претерпел вуз за последний отчетный год. Изменения показателей могут быть также следствием проведения мониторинга впервые в режиме он-лайн на сайте университета, что могло быть воспринято опрашиваемыми как более анонимное. На некоторых позициях существенных изменений не было. Они касались престижности вуза, возможности творческой работы и т.п.

В 2010 г. в Российском государственном социальном университете было проведено исследование по выявлению взаимосвязи особенностей мотивации с социально-психологическим климатом[2]. Целью было повышение удовлетворенности работников материальным и моральным стимулированием, условиями труда и их приверженности организации. По результатам исследования было выявлено, что почти половина ППС желают в ближайшие 5 лет остаться в вузе, а более половины административных работников желали бы уйти из вуза.

Российские вузы уже начали активную деятельность по кадровому развитию и стимулированию мотивации персонала, так как нуждаются в повышении качества своих кадров. Чисто умозрительно задача может быть решена за счет пополнения практиками из реального сектора экономики, привлечения известных ученых других вузов России и исследователей и преподавателей из-за рубежа, а также подготовки специалистов нужного уровня внутри университета с дальнейшим их закреплением. Приглашение зарубежных ученых решает одновременно дополнительные задачи по расширению международных контактов и выхода вузов на международные рынки интеллектуального труда.

Ротация преподавательских кадров на российском рынке интеллектуального труда есть, но для большинства провинциальных вузов пополнение кадров таким способом весьма затруднительно в силу узости местного рынка интеллектуальных специалистов. Есть вузы, которые являются вообще единственными в собственном регионе, если не считать мелкие филиалы столичных вузов, в которых обычно работают совместители. В 90-е годы крупные научные центры и вузы сами страдали от «утечки мозгов». Сейчас этот процесс не столь интенсивен, но вектор движения перспективных кадров направлен на Москву, Санкт-Петербург, столицы крупных республик и федеральные университеты.

Привлечение специалистов-практиков затруднительно для всех, так как заработная плата в вузах отстает от заработков по региону. Имеет место утечка собственных перспективных кадров в коммерческий сектор. Поэтому основным способом вузы выбирают подготовку, отбор и закрепление специалистов, получивших образование в собственном вузе.

В 2013 г. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского стал участником программы Министерства образования и науки РФ под названием «5-100» – Проекта повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров. Одной из целей проекта является продвижение ведущих российских вузов в наиболее влиятельных международных рейтингах университетов мира.

Дорожная карта ННГУ в целях реализации проекта включает в себя стратегическую инициативу, посвященную развитию персонала вуза. Название инициативы «Привлечение и развитие ключевого персонала вуза, рост качества исследовательского и профессорско-преподавательского состава».

Инициатива предполагала работу с молодыми перспективными сотрудниками и формирование кадрового резерва, создание современной системы управления персоналом, отбор и переобучение персонала. В университете действует эффективная система повышения квалификации кадров по современным и актуальнейшим направлениям в целях развития научно-образовательных и коммуникативных компетенций персонала международного образца. Воспользоваться системой могут не только преподаватели и сотрудники, но и аспиранты университета. Есть программы международной и внутрироссийской академической мобильности научно-педагогических работников.

В Нижегородском университете предпринято также масштабное исследование кадрового состояния университета, которое началось в начале 2014 г. и продолжается по настоящее время. Исследование проводится коллективом кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук под руководством профессора З.Х. Саралиевой. Основной целью исследования было изучение трудовой мотивации сотрудников и учебно-вспомогательного персонала по отдельным подразделениям. Так как штат университета насчитывает больше тысячи человек, исследование проводится в несколько этапов, и в настоящее время завершается третий. Кроме основных факторов, мотивирующих сотрудников Университета, рассматриваются социально-психологические детерминанты (лояльность организации, общая удовлетворенность жизнью, предпочтительные формы поощрения и т.д.). С результатами первого этапа можно ознакомиться в материалах тезисов конференции, проведенной в Ульяновске [3].

Исследование проводится по комбинированной технологии. Часть анкет давалась респондентам в бумажном варианте, а часть опрошена по электронному варианту опросника. В настоящее время используется только электронный опросник. Выбровка составляет около 10% анкет. Анкета очень объемна и включает 566 переменных (138 открытых и закрытых вопросов). С переходом на электронную форму опросник был несколько сокращен. В опроснике используются хорошо известные и апробированные отечественными исследователями шкалы: измерения лояльности Л. Портера, Дж. Мейера – Н. Аллен, шкалы измерения мотивационного профиля Ф. Герцберга, Ш. Ричи и П. Мартина и другие. Анкета также содержит шкалы, разработанные и коллективом кафедры общей социологии и социальной работы ФСН ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

В настоящий момент можно подвести только промежуточные итоги данного исследования. Дополнительным усложняющим фактором также является то, что Университет находится в процессе структурной модернизации, что не могло не отразиться на прохождении и результатах опроса, хотя в ходе исследования не опрашивались факультеты и институты непосредственно в момент их структурных изменений. И все же это не могло не отразиться на ответах остальных сотрудников. Степень воздействия этого фактора еще предстоит выяснить.

Результаты ответов о роли материального стимулирования можно считать предсказуемыми: практически никто не назвал свою работу высокооплачиваемой. Многие не сочли ее престижной. Заметная часть сомневалась в своей способности найти более высокооплачиваемую работу. В условиях роста безработицы в стране число таких ответов может увеличиться. Доминировали в факторах, определяющих работу в Университете, «стабильность и уверенность в будущем» (каждый четвертый по первой волне) и возможность «реализовать свой потенциал» (каждый третий). Число респондентов, готовых не раздумывая согласиться на смену места работы, не превысило 2%.

К позитивным факторам работы в Университете сотрудники отнесли наличие коллектива единомышленников, высокую степень творческой независимости, возможность заниматься любимым делом, работать «до последнего», социальную защищенность и продолжительный отпуск.

Амбициозность задач, стоящих перед Университетом, называлась реже, что требует дополнительного изучения в привязке к возможности «реализовать свой потенциал». Необходимо выяснить, что имеют в виду под своим потенциалом сотрудники, и в какой степени это соответствует потребностям и целям университета.

Сотрудниками кафедры общей социологии и социальной работы была предложена также своя шкала оценки материального фактора в структуре мотивации. Были предложены 10 высказываний,

которые предлагалось оценить по 5-ти балльной шкале. Элементы шкалы построены таким образом, чтобы избежать парных сравнений, которые были внедрены в каждый из пунктов. Шкала показала высокий уровень надежности, коэффициент альфа Кронбаха превысил 0,9. В настоящее время завершается третий этап исследования, что даст возможность сделать более достоверные и обоснованные выводы, хотя низкий уровень оплаты в системе высшего образования, безусловно, остается пока ее «узким» местом и основным фактором утечки квалифицированных творческих кадров.

Список литературы

1. Отчет по мониторингу заинтересованных сторон деятельностью НИТУ «МИСиС» за 2007-2012 годы [Дата обращения к документу: 12.01.2012]. Доступ через <<http://misis.ru/Portals/0/Documents/2013/2>>.

2. Арифудина Г. Персонал вузов – фактор мотивации // Справочник по управлению персоналом. 2010 // [Дата обращения к документу: 15.02.2015]. Доступ через <<http://hr-portal.ru/article/personal-vuzov-faktor-motivacii>>.

3. Буреева Н.Н., Петрова И.Э., Судьин С.А. Исследование профиля трудовой мотивации профессорско-преподавательского состава современного университета (на примере ННГУ им. Н.И. Лобачевского) // Социокультурный менеджмент: содержание, проблемы, перспективы. Материалы III международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Ильина Н.А. Ульяновск, 2014. С. 7-11; Саралиева З.Х., Судьин С.А. Материальный фактор в структуре мотивации сотрудников вуза (на примере «Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского») // Социокультурный менеджмент: содержание, проблемы, перспективы. Материалы III международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Ильина Н.А. Ульяновск, 2014. С. 37-41.

ПОДРОСТКОВАЯ БЕРЕМЕННОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Кучерук А.А.

Подростковое материнство стало сложной социальной проблемой и для общества и для государства, обострившейся на фоне острой демографической ситуации. Проблема подростковой беременности и родов актуальна во всем мире. Сегодня по всему земному шару рожают более 15 миллионов подростков, а еще пять миллионов вынуждены прибегать к прерыванию беременности. В связи с этим возникает необходимость изучения и осмысления такого явления как несовершеннолетнее материнство. В нашей стране раннее материнство существует уже более 4-х столетий, так как ранние браки в России были повсеместным явлением. А основным и главным содержанием браков было рождение детей.

С позиции социологического подхода выделяются две принципиально важные характеристики подросткового материнства: оно выступает как социальный феномен, широко распространившийся за последние двадцать лет, с одной стороны, и как сложный социально-психологический процесс адаптации малолетней семьи – с другой [10, с.91]

Беременность девочек-подростков является причиной тяжелых конфликтов в семье. Почти треть родителей отрицательно относятся к подростковой беременности вообще и к беременности своих юных дочерей – в частности. Многие из них настаивали на прерывании беременности, ссылаясь на то, что ребенку в таком возрасте надо получать образование, а не воспитывать детей [8, с. 229]

К настоящему времени в англоязычной литературе накоплен большой массив исследований, согласно которым матери-подростки обладают низкими навыками планирования, заниженной самооценкой, низкой мотивацией к учебе и профессиональному самоопределению, склонны излишне романтично воспринимать действительность, относятся к группе риска по возникновению послеродовой депрессии. Беременность и рождение ребенка часто приводят к изоляции от сверстников. Многие юные матери испытывают чувство вины по отношению к своим матерям за то, что огорчили их появлением ребенка и последующими хлопотами [6, с. 4].

Девочка-подросток почти обречена начинать свою «материнскую карьеру» с низкой самооценкой и слабыми личностными ресурсами для нормальной адаптации к драматическим изменениям в своем физическом и социальном статусе, беременность коренным образом изменяет настоящее и будущее девушки, причем далеко не всегда к лучшему. Она порой ставит крест на ее дальнейшем образовании, ухудшает перспективы трудоустройства, многократно увеличивает шансы оказаться за чертой бедности, попасть в социальную изоляцию и зависимость [6, с.56].

Большая часть несовершеннолетних не имеют даже среднего образования, не говоря уже о профессиональном. Родив ребенка, девочки остаются вне учебы и вне работы. Тем не менее, большинство девушек довольно спокойно относятся к факту своей беременности, не испытывают ни шока, ни страха. Они перекалывают все проблемы, связанные с рождением ребенка, на своих родителей, будучи уверенными, что те будут помогать. Моральная и материальная ответственность за ребенка ложится на родителей девушки. В связи с этим нет ничего удивительного, что в исследовании С.В. Скутневой большинство девушек ответили, что их жизнь складывается удачно, и на данном этапе трудностей они не испытывают [9, с. 45].

Для объяснения причин раннего материнства у девушек из малообеспеченных слоев населения в литературе используются в основном социально-демографические факторы: неполная семья, низкий образовательный уровень, недоступность эффективной контрацепции и др., а применительно к девушкам из среднего класса – интрапсихические: низкая самооценка, конфликтные отношения с матерью и др. Другие исследователи используют социокультурные, а не личностные факторы для объяснения феномена раннего материнства [5, с.93].

По замечанию Т.О. Арчаковой, «можно предположить, что у многих российских специалистов идея о ребенке и материнстве как доминирующих ценностях сосуществует с личным опытом проживания ряда социально-политических и экономических кризисов последнего десятилетия XX в., когда эффективной стратегией было откладывание деторождения или отказ от него, а матери «незапланированных» детей оценивались как те, которые не могут «ничего им дать» или даже как «плодящие нищету» [1, с.10]. В настоящее время внимание к родительским ресурсам, с отношением к юной матери по типу «что она может дать ребенку», сместилось с материальных нужд в сторону успешной социализации и познавательного развития.

Можно утверждать, что само по себе несовершеннолетнее материнство не может исключительно квалифицироваться как проблема. По мнению Т.А.Гурко, не возраст, а маргинальность социальной среды не позволяет молодой маме социально адаптироваться и выработать для себя, а значит, и для будущего ребенка положительный жизненный сценарий [3, с. 23]

«В целом, исследователи признают, что малолетнее материнство – явление неблагоприятное. Кроме медицинских затрат, от государства требуется материальная и социальная поддержка несовершеннолетних матерей, в то время как в большинстве случаев такая категория родителей в дальнейшем не продолжает свое обучение и трудовую деятельность» [4, с.140].

Согласимся с тем, что ученые «в качестве основных проблем малолетних матерей выделяют материальные затруднения, экономическую зависимость от членов семьи, пассивную жизненную позицию, деформацию жизненных ценностей, приобщение к вредным привычкам, низкую медицинскую активность» [2, с.12]. А эта ситуация порождает многие риски, связанные с неготовностью юных мам к материнству в силу их биологической, а также психологической и социальной незрелости.

На решение юной матери сохранить беременность ведущее влияние оказывают такие факторы, как семейное положение, образовательный уровень, наличие работы, жилищно-бытовые условия, психологическая и экономическая поддержка со стороны родителей, а также отношение общества к подростковому материнству.

Эта тема никогда не теряет своей значимости в жизни современного общества, которая до сих пор требует к себе все больше и больше внимания со стороны семьи, общества и государства.

Список литературы

1. Арчакова, Т.О. Раннее материнство: психологическая проблема или социальный конструкт? / Т.О. Арчакова // Психологическая наука и образование. – 2012. – № 1. – С. 1-10.
2. Бердникова, Т.В. Юное материнство в современной семье / Т.В. Бердникова, Н.С. Степашов, Г.А. Сидоров. – Курский гос. мед.ун-т, Курский регион, 2000. – 161 с.
3. Гурко, Т.А. Сексуальные отношения, материнство и супружество несовершеннолетних / Т.А. Гурко // Социс. – 2002. – № 11. – С. 83-91.
4. Красноярова, М.В. Педагогическое сопровождение раннего материнства: теория и практика / М.В. Красноярова // Образование и саморазвитие, 2010. – №3 (19). – С. 135-141.
5. Крысько, А.А. Подростковая беременность и юное материнство: причины, проблемы и пути решения (из опыта работы института прикладных наук, Гамбург, Германия) / А.А. Крысько, М.Е. Ланцбург // Современная зарубежная психология. – 2013. – № 1. – С. 88-99.
6. Материнство в детстве: насущные проблемы подростковой беременности. Доклад Фонда народонаселения Организации Объединенных Наций. – UNFPA, 2013. – 122 с.
7. Материнство в детстве: насущные проблемы подростковой беременности. Доклад Фонда народонаселения Организации Объединенных Наций. – UNFPA, 2013. – 122 с.
8. Сорокина, П.В. Современные проблемы раннего материнства / П.В. Сорокина, С.В. Демидов // Социально-экономические аспекты развития современного общества. Межвузовский сборник научных трудов: Ответственный редактор С.В. Демидов. – Рязань, 2014. – С. 228-231.
9. Скутнева, С.В. Гендерное измерение жизненного самоопределения молодежи: монография / С.В. Скутнева. – Тольятти: Изд-во ТГУС, 2007. – 131 с.
10. Туманова, Н.Н. Подростковая беременность как фактор риска формирования девиантного материнства / Н.Н. Туманова // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. – 2009. – Т. 11. – № 1. – С. 87-91

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Лазарева М.С.

В современных условиях глобальных преобразований и кризисных процессов в обществе меняется социальный облик регионов, включающий социальные институты, социальную политику, социальные проблемы и т.д.

В Алтайском крае, также как и в других регионах России, имеется ряд проблем социального характера. Для решения проблем требуются серьезные изменения в системе социальной политики, которые позволят создать комплексную поддержку граждан, для обеспечения достойного уровня жизни и повышения качества благосостояния населения региона.

В Алтайском крае преобладают следующие социальные проблемы:

1. Негативная демографическая ситуация.

Демографические проблемы связаны со снижением числа населения за счет естественной убыли и миграции дееспособной и детородной доли граждан края, старением населения, превышением смертности над рождаемостью, а также низкой продолжительностью жизни в регионе.

«Алтайский край - регион с демографической ситуацией, отражающей общие закономерности демографического развития России (низкая рождаемость, высокий уровень смертности и, как следствие, снижение численности населения)» [6].

Сокращение численности населения началось в 1995 году. На тот момент в регионе проживало 2694,3 тыс. человек. По данным Федеральной службы государственной статистики, число жителей в крае на 1 января 2015 года 2384,8 тыс. человек. Согласно данным Алтайкрайстата, в начале сентября 2015 г. в Алтайском крае естественная убыль населения составила 3140 человек. В регионе отмечено сокращение смертности: за III квартал 2015 года ушло из жизни 25 754 человек, за аналогичный период прошлого года 26 016 жителей.

Ожидаемая продолжительность жизни населения края увеличивается: если в 2006 году она составляла 66,6 лет, то в 2014 году она достигла 70,01 лет.

«Анализ смертности по причинам показал, что в структуре смертности первое место занимают болезни системы кровообращения, второе - новообразования, третье – внешние причины [6].

Наряду с этим наблюдается и падение рождаемости: за девять месяцев 2015 года в Алтайском крае родилось 22 614 человек, а в 2014 году в тот же период времени, на свет родилось 23857 малышей. Суммарный коэффициент рождаемости в 2014 году составил 1,841 детей на 1 женщину.

Снижение рождаемости в обществе связано с низким качеством жизни молодых семей; с репродуктивными установками на малодетность; потерей семейных ценностей; отсутствием постоянной работы и т.д.

В крае наблюдается сокращение числа браков, за девять месяцев 2014 года с 14 566 зарегистрированных пар до 12563 новых семей в 2015 году. Также прослеживается сокращение разводов, в 2014 году распалось 9927 пар, а за текущий календарный период 2015 года развелось 7846 семей.

Еще одной причиной снижения численности населения является миграция из Алтайского края, как молодежи, так и трудоспособного населения, в 2014 году более 57% граждан покинули регион. За первые девять месяцев 2015 года, в край прибыло почти 25 000 жителей, а покинуло его 27 033 человека.

С целью улучшения демографической ситуации в крае реализуется Концепция демографического развития Алтайского края на период до 2025 года. Основные направления разработанной концепции:

1. Охрана здоровья населения.
2. Сокращение смертности.
3. Увеличение рождаемости.
4. Укрепление института семьи и повышение ее престижа в обществе.
5. Снижение миграционной убыли.

Значимой мерой поддержки является материнский капитал, который предоставляется родителю при рождении второго или последующего ребенка. В текущем году размер федеральной выплаты составил 453 026 рубля [1], [2]. В Алтайском крае установлен еще и региональный материнский капитал, для поддержки семей при рождении третьего ребенка или последующих детей, размер которого в 2015 году составляет 55 387 рублей, направить который можно на улучшение жилищных условий либо на образование ребенка [3].

2. Низкий уровень доходов населения.

Социально-экономическое развитие Алтайского края, характеризуется низким уровнем жизни населения. В первую очередь, это показатель уровня заработной платы в регионе. Согласно статистическим данным, проводимым в Сибирском федеральном округе, уровень заработной платы в Алтайском крае в период с января по ноябрь 2014 года находится на последнем месте.

Лидерами в Сибири по уровню зарплаты стали Красноярский край (33 329 руб.), Томская (31 727 руб.) и Иркутская области (30 688 руб.).

Средняя зарплата по России в июне 2015 г. составляла 35 395 рублей. В Алтайском крае средняя зарплата в июне 2015 года составила 20 781 рубль (58,7% от средней по России). В 2015 году Алтайский край стабильно занимает по средней зарплате либо последнее, либо одно из последних мест.

Низкий уровень заработной платы объясняется тем, что в крае преобладают низкооплачиваемые работы для квалифицированных специалистов, это работники культурных и образовательных учреждений, здравоохранения, ремонт различных изделий, отдельные виды торговли.

Стоит отметить, что часть населения проживает в сельской местности, а как правило, у сельчан уровень заработной платы меньше (часто в деревнях, расчет происходит в натуральной форме), чем у городского населения.

3. Высокий уровень безработицы.

В крае прослеживается высокий уровень безработицы. С января по октябрь 2015 года количество безработных среди населения края составило 32 800 человек, среди которых наибольшая доля приходится на трудящихся в сельском хозяйстве 14%, работники торговли 14%, на производствах обрабатывающего характера приходится 13%. На 1 октября 2015 официально зарегистрировано 18 100 безработных граждан.

«Средне краевой уровень безработицы к трудоспособному населению составил 1,8 %. Самые низкие показатели безработицы в Алтайском крае зарегистрированы в Барнауле (0,37%), ЗАТО Сибирском (0,57%) и Камне-на-Оби (0,66%). Самые высокие - в Новичихинском (6,72%), Немецком (7,32%) и Целинном (8,71%) районах» [7].

Для Алтайского края характерен более высокий уровень занятости в городской местности, где показатель за эти годы увеличился с 59,0 % до 61,7 %, чем в сельской – с 55,2 % до 59,9 %, а также свойственно преобладание занятости мужчин: за период 2009 - 2012 годов среди мужчин уровень занятости вырос с 61,5 % до 67,5 %, среди женщин – с 53,5 % до 55,1 % [7].

4. Низкая социальная ответственность работодателей на рынке труда.

Одной из негативных сторон в крае является низкая социальная ответственность работодателей на рынке труда. В данном вопросе отмечается: низкий уровень заработной платы, несоответствие квалификации занимаемых рабочих мест, нарушения условий и режима труда, отсутствие договоров, наличие задолженности по уплате налогов и т.п.

В связи с этим в регионе принят Указ Губернатора Алтайского края от 12.03.2015 № 22 «О повышении социальной ответственности работодателей Алтайского края», который позволяет отслеживать соблюдение организацией своих обязанностей, а именно:

- уровень заработной платы должен быть не ниже установленной минимальной заработной платы в крае для работников внебюджетного сектора экономики.
- соблюдение норм охраны труда, в частности обеспечение работников средствами индивидуальной защиты, организация медицинских осмотров, оценка уровня профессиональных рисков, расследование несчастных случаев на производстве и профзаболеваний и др.).
- соблюдение законодательства по вопросам налогов и сборов, о пенсионном обеспечении, законодательство об обязательном социальном страховании.
- выполнение установленной квоты приема на работу инвалидов [4].

5. Неудовлетворительное состояние жилищного фонда.

Объем жилищного фонда в Алтайском крае составляет 53721,5 тыс. кв. метров. Большая часть жилищного фонда находится в частной собственности, ее доля за последние 20 лет увеличилась в два раза и составила в 2013 году более 96 % жилищного фонда Алтайского края.

Жилищный фонд Алтайского края, как и многих регионов России, характеризуется большой степенью износа зданий. Более 37% всего жилищного фонда края имеет износ от 31% до 65%. Жилые дома, построенные в 1971 - 1995 годах, составляют 48,2 % от общего жилищного фонда края. Доля площади жилищного фонда, обеспеченного всеми видами благоустройства, составляет 35,6 %. Таким образом, значительная часть жилищного фонда не соответствует современным требованиям по качественным характеристикам, техническому содержанию и уровню благоустройства.

Неудовлетворительное состояние жилищного фонда обусловлено неэффективностью системы управления им, недостаточным объемом финансовых ресурсов, направляемых на его содержание и текущий ремонт, отсутствием средств на проведение капитального ремонта многоквартирных домов, высокой степенью износа оборудования и инженерных сетей и, как следствие, низким качеством предоставляемых жилищно-коммунальных услуг.

В общей доли жителей Алтайского края сельское население составляет 44,2%. Это наиболее высокий показатель среди субъектов Западной Сибири: в Кемеровской области 14,4% жителей живут

в селе, в Новосибирской - 21,8%, в Омской - 28,0%, в Томской области - 28,4%. В целом по Сибирскому Федеральному округу 27,5% населения проживает в сельской местности [5].

Социальные проблемы Алтайского края выражаются, прежде всего, в сокращении численности населения региона, низком уровне жизни населения, безработице, небольших доходах граждан по сравнению с большинством регионов Сибири, плохие условия труда. В связи с этим необходимо принять ряд дополнительных мер к уже имеющимся в регионе: повышать качество жизни населения, создавать условия для развития производства, совершенствовать инфраструктуру, содействовать росту заработной платы и активности занятости населения, улучшать городскую и сельскую инфраструктуру.

Роль социологии в решении вышеуказанных проблем Алтайского края неоспорима. Применение социологических методов и исследований позволяет зафиксировать существование социальной проблемы, выявить ее структуру, охарактеризовать причину возникновения, установить ее участников, выяснить их позиции и роли в данном процессе и получить целостную картину социальной проблемы, что открывает новые теоретические и практические перспективы исследования и решения социальных проблем региона.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. №256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей».
2. Федеральный закон от 01 декабря 2014 № 384-ФЗ «О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов».
3. Закон Алтайского края от 31 августа 2011 года № 100-ЗС «О материнском (семейном) капитале в Алтайском крае».
4. Указ Губернатора Алтайского края от 12.03. 2015 № 22 «О повышении социальной ответственности работодателей Алтайского края»
5. Постановление Администрации Алтайского края от 31 октября 2014 года № 503 «Об утверждении государственной программы Алтайского края «Обеспечение доступным и комфортным жильем населения Алтайского края» на 2014 – 2020 годы.
6. Распоряжение губернатора Алтайского края от 31 июля 2015 года №54-рг «Об утверждении концепции демографического развития Алтайского края на период до 2025 года».
7. Официальный сайт Государственной службы занятости <http://trud22.ru/centres/barnaul/> (дата обращения 30.10.2015).

НЕОБХОДИМОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Ляхов А.В.

Одной из важных черт демократического правового государства является возможность свободного объединения социальных организаций, и, в первую очередь, это касается политических партий, а также общественных объединений. По нашему мнению, наличие свободных, автономных гражданских объединений символизирует не только наличие в государстве свободы слова и действий, но и активный путь к общественному прогрессу.

Большинство социологов, политологов, экспертов (Л.М. Семенюк [9], И.С. Туров [10], Ю.М. Резник [8], К. Гумар [6], С.И. Беленцов [1-2] и др.) под феноменом «гражданская активность» подразумевают самоорганизацию от двух и более индивидов, имеющую цель самостоятельно решить социальные проблемы. Следует заметить, что подобная общественная деятельность носит некоммерческий характер и не направлена на извлечение выгоды. При этом важно выделить, что социальные объединения не всегда являются формальными и зачастую не оформлены юридически. Такие гражданские организации не получают материальной поддержки от государства. Данная активность может существовать автономно от государственных структур, при этом не имея четких ограничений.

По всей видимости, молодежь (как и взрослое население) уделяет больше внимания клубам, шопингу и прочим потребностям, нежели образованию и, как следствие, активности в социальной среде. Такое общество, по нашему мнению, нуждается в порции рационального, критического мышления, которое способствовало бы совершенствованию знаний, навыков через чтение разнообразного характера книг; умение работать с различными базами информации для выбора и принятия различных решений в контексте реальных ситуаций; принятие ответственности за выбор принимаемого решения; формулирование критериев оценки информации, проверку правильности утверждений; идентификацию ошибок, определение логических заблуждений и выявление вариантов их исправления; выработку настойчивости в напряжении ума; умение наблюдать за собой в процессе мыслительной деятельности, отслеживание хода рассуждений, и мотивировало бы молодежь обратить внимание на настоящие проблемы, на величину гражданской активности в их среде.

Во всем мире студенты проявляют социально-политическую активность, тем самым пытаются изменить худшие стороны в своем государстве. В таких странах как Германия, Франция, Англия, США студенческая молодежь является двигателем социального прогресса. В Курске нередко проходят политические собрания, конференции, куда, несомненно, приглашают для активного участия молодежь, но, к сожалению, студенты несильно в этом заинтересованы. В Юго-Западном Государственном Университете 16-17 октября проводился международный марафон культур «Диалог Наций», куда были приглашены дипломаты из стран: Туниса, Египта, Кубы, Индонезии, Эквадора и Нигерии. Выступление заинтриговало немало студентов, но сам диалог, судя по реакции слушателей, получился недостаточно интересным.

Государственный аппарат представляет собой сложную организованную структуру, которая нуждается в образованных, лояльных и критически мыслящих личностях, которые не только способны вести продуктивный диалог с обществом, но и знать демократию как политическую методологию и возможность построения таковой. В данной работе мы рассматриваем феномен «демократии», а также исследуем уровень политической активности на примере студентов очной формы обучения Юго-Западного Государственного Университета. По нашему мнению, социально-активная молодежь и политически-грамотная молодежь будет более заинтригована в поисках решений государственных задач. Образованная молодежь, умеющая объективно оценивать происходящие события, сможет найти выход из сложившихся проблем, которые, видимо, не под силу решить государству.

Среди организованной студенческой молодежи, которая проявляет гражданскую активность, можно выделить движение «Наши» (которых не существует с 2013 года) и «Молодая гвардия». Обе организации придерживаются(лись) «либерально-демократических» ценностей и выступают от партии «Единая Россия», а так же ею спонсируются. Данные прокремлевские движения, как правило, отстаивают интересы политических верхов, зачастую получая от этого доход. К примеру, лидер когда-то существовавшего политического движения «Наши», Василий Григорьевич Якименко в одном из интервью признался: «За каждой идеологией всегда стоят большие деньги»[7]. По всей видимости, многих участников политических объединений интересует лишь жажда наживы, что является негативным явлением для политической системы, в том числе для демократии. Альтернативным движением недемократическим является ЛКСМ РФ (Ленинский коммунистический союз молодежи Российской Федерации). Также существуют еще несколько политических движений, менее выделяющиеся своей активистской деятельностью, и ввиду отсутствия поддержки среди курской студенческой молодежи, и писать их названия мы не видим смысла. «Популярные» политические объединения спланируют не только студенческую молодежь, но и школьников, а также учащихся в профессиональных училищах, колледжах и техникумах. Иногда проходят митинги, акции, всевозможные пикеты, задачей которых является: информирование граждан о различных политических и социальных аспектах; донесение до власти остросоциальных проблем, требующих решения.

Демократические реформы были проведены в конце 1980х- начале 1990х, но общество до сих пор не стремится проявлять политической активности, а слепо следует наказам лидера, а на ситуации

в стране влияют лишь посредством выборов. Тем временем ситуация в стране становится все более и более тоталитарной [3].

Если углубиться в предпосылки развития демократии в Америке, изучить труды Великих людей, таких как Бенджамин Франклин, Томас Джефферсон, Джон Адамс и других, можно с легкостью найти их вывод о том, что демократия – режим образованных и для образованных людей. Томас Джефферсон верил в ум, силу морали и «здравый смысл человечества». По его мнению, людям, управляющим самим собой, свойственно ошибаться, и они достойны исправлять свои ошибки. Люди же, которыми управляют, не имеют альтернативного пути, кроме как страдать и пребывать в перманентном терпении. «Я настолько полагаюсь на здравый ум общности людей и на честность их лидеров, что не боюсь и того, чтобы они предоставляли любым делам идти плохо до любой степени» [4]. Негуманное и обманное управление социумом возможно лишь на небольшой период, но путь для правды все равно будет открыт, и люди смогут отвергнуть то, что фальшиво и вредно. Хорошо проинформированное общество способно управлять собой, отдавать себе отчет в проделанной работе и рационально исправлять свои ошибки [4].

Фундаментальной потребностью демократического общества является образование общества. По словам Джефферсона: «тирания процветает там, где царит невежество». В царстве темноты люди не свободны, и лишь яркий свет образования может избавить народ от предрассудков и открыть способность человеческого рассудка для самоуправления. Таким образом, Томас выступал за всеобщее образование народа не только для удобного построения демократического государства, но и для интеллектуального счастья, который может получить индивид с расширенным кругозором. В образовании собственного населения должна быть заинтересована не только страна, в которой он проживает, но и весь мир в целом, что является счастьем для всей расы человечества.

Необходимо сделать акцент на свободной доступности объективной информации и возможности ее распространения. «Наша свобода зависит от свободы печати, а свобода печати не может быть ограничена без того, чтобы не оказаться утраченной целиком» [5].

Список литературы

1. Беленцов, С.И. Воспитать гражданина: осмысление исторического опыта русской педагогики и школы (конец XIX – начало XX вв.) [Текст] // С.И. Беленцов / Проблемы современного образования. 2014. №1. С. 51-52.
2. Беленцов, С.И. Проблема гражданского воспитания в русской педагогике и школе в конце XIX – начале XX веков. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук [Текст] / С.И. Беленцов - Юго-Западный государственный университет – Курск, 2000.
3. Википедия: Демократия в России [Электронный ресурс] // Свободная энциклопедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Демократия_в_России. Дата обращения 11.10.2015
4. Джефферсон, Т. Демократия [Электронный ресурс] // Т. Джефферсон. – Режим доступа: <http://www.istmira.com/razlichnoe/dzhefferson/page/5>. Дата обращения: 27.10.2015.
5. Джефферсон, Т. Конституция США Билль о правах 1791 года [Электронный ресурс] // Т. Джефферсон. – Режим доступа: http://aleksejev.ru/free_portfolio/1330/28249/?p=4. Дата обращения 28.10.2015.
6. Кумар, К. Гражданское общество [Текст] / К. Кумар - М., 1994.
7. Лошак, А.Б. Босиком по мостовой [Электронный ресурс] // Химки, антифа: взгляд Андрея Лошака. – Режим доступа: <http://nataly-zoo.livejournal.com/236486.html>. Дата обращения: 10.10.2015.
8. Резник, Ю.М. Гражданское общество как феномен цивилизации [Текст] / Ю.М. Резник - М., 1993.
9. Семенюк, Л.М. Психология гражданской активности: особенности, условия развития [Текст] / Л.М. Семенюк - М., Изд-во Московского психолого-социального института, 2006. – С. 352.
10. Туров, И.С. Общество как социальная система [Текст] // И.С. Туров / Социально-политический аспект. – М, 2011.

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ ДВФУ К РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ КОНКРЕТНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Орлова Н.А., Тимченко О.А.

Процесс активного социального становления, получение соответствующего образования, начало трудовой деятельности, служба в Вооруженных Силах РФ, создание семьи, рождение и воспитание детей, интенсивная адаптация к различным формам социальных отношений, т.е. начало активной реализации молодыми гражданами своих прав и обязанностей, жизненного потенциала, приходится на молодых людей в возрасте 14 - 30 лет. По данным городского управления статистики, численность населения г. Владивостока составляет 605388 человек, 173629 человек - молодежь в возрасте от 14 до 30 лет, что составляет 28,6 % от общего числа населения[1].

Молодежь является важным стратегическим ресурсом общественно-политического и социально-экономического развития страны. Поэтому исключительно важна поддержка молодых граждан органами исполнительной власти, создание условий для активного проявления их созидательного потенциала во всех сферах общественной жизни города.

В каждом регионе складывается свой территориальный опыт работы с молодежью, сочетающий в себе как общий подход к решению проблем, так и единичный – отражающий специфику конкретного региона. В Приморском крае деятельность по реализации государственной молодежной политики осуществляет Департамент по делам молодежи Приморского края. В г. Владивостоке на муниципальном уровне за реализацию государственной молодежной политики отвечает Управление по делам молодежи г. Владивостока, совместно с его подведомственным учреждением МКУ «Молодежный ресурсный центр».

В целях наиболее эффективной интеграции молодых людей в современное общество проводились некоторые опросы, которые определили основные проблемы молодежи г. Владивостока, это: проблемы занятости и трудоустройства; проблема обеспечения жильем; отсутствие у молодежи перспектив будущего и социальных гарантий; низкий уровень информированности молодежи; проблема наркомании и алкоголизма в молодежной среде; проблема самореализации молодежи. Но в сложном, постоянно меняющемся современном мире молодежь не стоит на месте – она меняется вместе с обществом, а значит, и возникновение новых проблем неизбежно. Недостаточность информации по поводу современных проблем молодежи, а также узкая направленность ранее проводимых исследований в г. Владивостоке (исследования молодежных субкультур, ценностных ориентаций, наркотизации и алкоголизма молодежи) дает импульс к разработке новых методик изучения проблем жизнедеятельности молодежи г. Владивостока.

В связи с данной ситуацией основой нашего исследования является противоречие между тем, что государственная молодежная политика должна эффективно функционировать и тем, что ее субъекты сталкиваются с рядом проблем, которые препятствуют этому.

Студенчество является наиболее интеллектуальной, творчески развитой и прогрессивной частью молодежи, важнейшим фактором политического, духовного и экономического преобразования российского общества, в связи с этим, объектом исследования выступила студенческая молодежь, а именно молодые люди, обучающиеся в Дальневосточном Федеральном университете.

Цель работы – исследовать отношение студентов Дальневосточного Федерального университета к реализуемой в г. Владивостоке государственной молодежной политики. Выборочная совокупность составила 100 человек.

Результаты исследования показали, что большинство студентов ДВФУ слабо информированы о деятельности учреждений по работе с молодежью в городе Владивостоке. Лишь незначительная часть респондентов считала, что информирована по данному вопросу достаточно хорошо (10%). Как оказалось, молодые люди все-таки интересуются молодежными мероприятиями, но с информацией о них сталкиваются нечасто. Большинство респондентов оказались достаточно активными, указали, что в мероприятиях для молодежи участвуют иногда, сами или в качестве зрителя. Но респондентов,

которые принимают участие в подобных мероприятиях часто, практически не оказалось (5%). По результатам анкетирования, большое количество респондентов не относят себя ни к одной молодежной организации (59%). Некоторые из них имеют принадлежность к общественной организации, спортивной секции, научного общества и творческого кружка. Практически все молодые люди находят источник информации в сети интернет (81%). Для решения проблем они также обращаются к данной сети или к друзьям и родственникам. Молодым людям больше всего интересно было бы получать информацию о государственных программах и мероприятиях для молодежи, реализуемых в г. Владивостоке.

Про существование молодежной политики знает более половины респондентов (51%), но большое количество респондентов (29%) никогда об этом не слышали. Со знанием конкретных программ, реализуемых в рамках молодежной политики, ситуация обстоит намного хуже. Практически никто не смог назвать существующие программы, реализуемые в г. Владивостоке. Достаточную и посредственную удовлетворенность деятельности учреждений по работе с молодежью г. Владивостока высказали половина респондентов, неудовлетворенной осталась незначительная часть молодежи (10%), остальная же часть воздержалась от оценивающего ответа (22%).

Несмотря на преобладающее количество отрицательных ответов относительно проводимой молодежной политики, уровень досуга во Владивостоке респонденты все же оценили положительно (43%). Жилищными условиями удовлетворены большая часть респондентов (34%), однако, все же значительная часть (48%) хотели бы их улучшить. Лишь у небольшой части молодежи имеются серьезные жилищные проблемы (3%). В культурной жизни молодежь хотела бы видеть больше как развлекательных мероприятий, так и больше мероприятий в сфере досуга. Практически все респонденты оценили уровень образовательных услуг на высоком и достаточно высоком уровне (35% и 49% соответственно). А препятствиями для трудоустройства считают: отсутствие опыта, недостаточный уровень образования и низкая заработная плата.

Одним из вопросов анкеты был вопрос о способах повышения эффективности государственной молодежной политики в г. Владивостоке. Многие респонденты отмечали недостаточную информированность о деятельности учреждений в отношении молодых людей, поэтому одним из способов повышения эффективности государственной молодежной политики в г. Владивостоке является улучшение информирования посредством лекций, буклетов и др. Некоторые анкетированные отметили, что молодежная политика недостаточно отвечает требованиям молодежи, поэтому необходимо прислушиваться к мнениям молодых людей для достижения положительных результатов в общем деле. Значительная часть молодых людей осведомлена о низкой заработной плате специалистов социальной сферы, поэтому считают, что в решении некоторых проблем учреждений по работе с молодежью помогла бы материальная стимуляция работников. Часть опрошенных молодых людей считает, что организаций, которые существуют сейчас в городе, недостаточно. Возможно, это все же опять связано с информированностью, вернее ее отсутствием. Также прозвучало мнение, что необходимости в повышении уровня эффективности молодежной политики нет, так как молодые люди вряд ли воспримут социальную помощь всерьез. Действительно, результаты исследования показали, что респонденты, хотя и знают о существовании специализированных центров для молодежи, все же предпочитают обращаться к родственникам и друзьям, а также сети интернет.

Таким образом, на основании проведенного исследования, можно сделать вывод, что положительная тенденция по реализации государственной молодежной политики в г. Владивостоке прослеживается. Об этом свидетельствует степень удовлетворенности молодых людей в отношении различных отраслей жизнедеятельности: жилищной, образовательной, досуговой. Но все же препятствием для эффективного функционирования учреждений по работе с молодежью является низкая информированность об их деятельности, а также низкий престиж данных организаций среди молодых людей.

По мнению авторов, для улучшения деятельности социальных учреждений, реализующих молодежную политику в РФ и повышения уровня их участия в жизнедеятельности молодых людей, необходимо:

- повысить информированность молодых людей о деятельности учреждений по работе с молодежью и проводимых ими мероприятий посредством публикаций в различных печатных изданиях, с помощью наглядных материалов, а также размещение подробной информации в социальных сетях интернета. Наиболее часто встречающиеся проблемы можно отображать в качестве социальных видеороликов для наглядного понимания проблемы и возможных путей ее решения;
- с целью повышения качества предоставляемых услуг молодежи, необходимо ввести систему мотивации, направленную на работников учреждений в сфере молодежи. Заработная плата обычных специалистов государственных учреждений за счет ее невысокого уровня не предполагает достаточного стимулирования. Есть варианты стимулировать работников нематериальными ценностями: доска почета, повышение квалификации, дополнительные выходные часы и др.
- развивать социальное партнерство как способ привлечения новых ресурсов для осуществления взаимовыгодных социально значимых проектов и программ, не забывая про качественное информирование для наиболее эффективного поиска потенциальных партнеров.

Список литературы

1. Население [Электронный ресурс] / Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по ПК. - Режим доступа: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 12.05.2015)

РОЛЬ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Семина Т.А.

В последнее десятилетие вопросы о значении благотворительной деятельности, условиях ее осуществления в нашей стране приобретают новое звучание. Дело в том, что российское государство в результате усиления либеральных тенденций в управлении «избавляется» от многих государственных функций в сфере социальной защиты населения, перекладывая их на институты пока еще формирующегося гражданского общества. К ним, в частности, можно отнести благотворительность.

Понятие благотворительности раскрывается как «безвозмездная добровольная деятельность, направленная на оказание помощи отдельным индивидам и уязвимым группам, а также на поддержку развития различных сфер общественной жизни – образования, науки, культуры, искусства и т.д.» [1].

Важно отметить, что отношение к благотворительности в нашем обществе сложилось неоднозначное, а зачастую и полярное.

Негативное отношение основывается на мнении, что благотворительность развращает человека, отучает его от труда и не приносит никакого блага обществу. При этом приводятся следующие аргументы:

- благотворительность воздействует не на причины социальных проблем, а на их следствия;
- благотворительность сама по себе оскорбительна для человеческого достоинства и заключает в себе глубокую несправедливость – она принуждает одного человека зависеть от другого человека;
- благотворительность развращает и того, кто оказывает благотворительную помощь, и того, кто ее получает.

Позитивное отношение основывается на том, что благотворительная деятельность – это поддержка нуждающихся людей в трудную минуту, что зачастую не способно сделать государство. В качестве доказательств приводятся следующие:

- благотворительность содействовала развитию в России просвещения, а также развитию культуры, восстановлению разрушенных и строительству новых храмов;
- продуманная благотворительность реализует принцип: «не только помоги, но и научи», в результате этого отмечается хотя бы частичное решение социальных проблем;
- благотворительная деятельность способствует развитию добровольческих инициатив, формированию активной гражданской позиции и вовлечению граждан в решение социальных проблем;
- благотворительность является одной из основ деятельности некоммерческих организаций, некоммерческого сектора экономики.

Сегодня наша страна находится в сложных экономических и социальных условиях: радикальные реформы российского общества, ломка традиционных механизмов социального взаимодействия, инфляция, дефицит государственного бюджета, низкая экономическая и политическая культура, нарушение производственно-хозяйственных связей и снижение объема выпускаемой продукции привели к резкому снижению уровня и качества жизни населения России, в первую очередь, социально-уязвимых групп населения. А там, где есть нуждающиеся, есть и объект для благотворительности.

Особенность благотворительности в России состоит в том, что, несмотря на наличие обширной законодательно-нормативной базы, регулирующей данный вид деятельности (Конституция РФ, Гражданский и Налоговый кодексы, ФЗ «О благотворительности», «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» и др.), многие принципиальные вопросы не решены. Нет должной правовой определенности понятий «благотворительность», «добровольчество», «меценатство», «социальная ответственность бизнеса», отсутствуют критерии определения статуса малообеспеченного или социально незащищенного лица, поэтому неясно, помощь какой группе лиц можно считать благотворительностью [2].

Несмотря на «преграды» не только правового, но и организационного, духовно-нравственного характера, благотворительность в нашей стране развивается, закладываются в современной системе ценностных координат ее новые традиции.

Можно выделить основные функции благотворительной деятельности:

- экономическая, направленная на обеспечение достойного существования тех граждан, которые в силу объективных особенностей жизненных ситуаций не способны самостоятельно позаботиться о себе;
- социальная, предполагающая снятие социальной напряженности путем выравнивания уровня жизни, поддержки самых обездоленных слоев населения, которые по объективным обстоятельствам не могут адаптироваться в новых условиях жизни;
- рыночная, подразумевающая восполнение недостатков социальной политики государства и функционирования рыночных механизмов, прежде всего за счет оперативности и адресности доставляемой помощи, то есть повышения ее эффективности;
- общественная, ориентирующаяся на восполнение деформаций общественных отношений, приводящих к маргинализации «не по своей воле» отдельных категорий населения, что ограничивает их возможность потребления общественных благ и самореализации, одновременно – воздействие на общественное мнение;
- политическая, под которой подразумевают реализацию механизмов обратной связи населения и властных структур, формулирование социальных приоритетов от имени тех, кто в социальном плане в силу объективных причин не способен отстаивать свои права;

– маркетинговая, направленная на удовлетворение потребностей филантропов, оказание донорам услуг по осуществлению благотворительных проектов, одновременно – культивацию альтруистических и человеколюбивых настроений в обществе.

Реализуются эти функции субъектами благотворительной деятельности: коммерческими и некоммерческими организациями, физическими лицами.

В качестве примера организаций, занимающихся благотворительностью, имеющих официальные сайты и регулярно предоставляющих отчеты о своей деятельности, можно назвать следующие.

Во-первых, «Союз благотворительных организаций России» – это одна из наиболее крупных благотворительных организаций в РФ, объединяющая больше двухсот различных целевых фондов, волонтерских организаций и общественно-благотворительных программ для помощи различным категориям граждан.

Во-вторых, благотворительный фонд «РОССПАС», оказывающий помощь людям с серьезными заболеваниями, переселенцам, инвалидам, сиротам, а также многодетным и малоимущим семьям.

В-третьих, общероссийский общественный фонд «Благотворительность – Россия», объединивший более 1000000 частных предпринимателей, которые проводят конкурсы стипендий и грантов среди детей и молодежи, помогают собственными средствами дома престарелых, больницам и хосписам, а также оказывают адресную помощь обратившимся гражданам.

В-четвертых, большая группа детских благотворительных фондов («Настенька», «Diema's Dream», «Downsideup», «Дети Марии», «Детские домики», «Счастливые сердца», «Жизнь» и другие), помогающих детям, попавшим в сложные жизненные ситуации.

В-пятых, это благотворительные фонды, учрежденные известными в нашей стране людьми – звездами шоу-бизнеса, бизнесменами, политиками. В их числе такие фонды как «Подари жизнь», «Добро».

Масштаб благотворительной деятельности различен: она может охватывать либо всю страну, либо регион, либо поселение. Заметим, региональная благотворительность представляет собой особый феномен, на который влияют такие факторы, как географические, этнические, деятельность региональной власти, ее взаимодействие в этой сфере с бизнесом и общественностью, уровень экономического развития, культура и традиции, религия и ее роль в общественной жизни.

В связи с тем, что не существует единых показателей, по которым можно было бы сравнивать эффективность благотворительности в решении социальных проблем по регионам, целесообразно рассматривать благотворительную деятельность каждого отдельно взятого региона, учитывая количество реально работающих частных фондов; количество реально работающих корпоративных фондов; количество реально работающих фондов местных сообществ; количество реально работающих фондов целевого капитала; общее количество публичных мероприятий по сбору частных пожертвований благотворительными организациями (в год); количество благотворительных проектов, реализованных благотворительными организациями в регионе за год; доля местных средств в бюджетах НКО региона; уровень профессионализма сотрудников благотворительных организаций региона; уровень доверия населения региона благотворительным организациям; информированность населения о благотворительных организациях; количество организаций – заметных лидеров благотворительного сектора; количество компаний (включая малый и средний бизнес), которые участвуют в деятельности благотворительных организаций пожертвованиями; доля частных пожертвований в бюджете благотворительных организаций; количество традиционных крупных массовых благотворительных мероприятий, проводимых в течение года [3].

На примере Приморского края можно отметить, что благотворительностью активно занимаются некоммерческие организации, деятельность которых в основном направлена на гражданско-патриотическое воспитание, развитие институтов гражданского общества, социальной адаптации инвалидов и их семей, укрепление межнациональных, межэтнических и межконфессиональных отношений, профилактику экстремизма и ксенофобии.

На государственном уровне оказывается социальная помощь за счет средств краевого бюджета малоимущим семьям и малоимущим одиноко проживающим гражданам, реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий и т.д.

В рейтинге регионов по участию физических лиц в денежных пожертвованиях Приморский край занимает 37 место, по участию в волонтерстве – 45, по помощи незнакомым людям – 23[4].

Благотворительность в настоящее время «вписалась» в систему социальной защиты человека, помощи тем, кто не в состоянии сам обеспечить свое существование. Благотворительная деятельность выступает сложным и многоплановым явлением, оказывающим значительное влияние на социальную сферу общества. Развитие благотворительной деятельности в регионе становится своеобразным трендом, который приобретает черты профессионализации, структуризации, появляются благотворительные организации – сильные, независимые от международной помощи, существующие при поддержке государства и российского бизнеса. Во многом благотворительность в регионах безденежная, то есть основанная на личном участии, волонтерстве. В целом, благотворительная деятельность не только способствует смягчению многих противоречий в жизнедеятельности людей, но также реализует крайне важные задачи: развитие социальной активности людей, формирование гражданского общества.

Список литературы

1. Словарь-справочник по геронтологии / Под ред. Арефьева Т.К, Захарова Н.О. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003. – 208 с.

2. Благотворительность в России: вчера, сегодня, завтра [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://rusrand.ru/analytics/blagotvoritelnost-v-rossii-vchera-segodnja-zavtra>

2. Доклад о состоянии и развитии фондов России 2013 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.donorsforum.ru/wp-content/uploads/2014/04/Doklad_2013.pdf

3. Благотворительность в Российских регионах [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fwww.zircon.ru%2Fupload%2Fiblock%2F366%2FBlagotvoritelnost_v_rossijskih_regionah.pdf&name=Blagotvoritelnost_v_rossijskih_regionah.pdf&lang=ru&c=563d751077ad

4. Сайт Русфонд [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rusfond.ru>

ОТНОШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА ВЛАДИВОСТОКА К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА: ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Стекольщикова А.А.

Начиная с 2000-х годов, в России в условиях продолжающейся нестабильности социально-экономической и политической жизни наблюдается устойчивая тенденция роста числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. К основным причинам этого можно отнести падение жизненного уровня большинства российских семей; утрату понимания семьи как основной единицы общества и главной жизненной ценности; рост внебрачной рождаемости; увеличение числа родителей, ведущих асоциальный образ жизни; отказ от новорожденных детей, а также межнациональные конфликты.

Сиротá – это человек, лишившийся единственного или обоих родителей в связи со смертью последних. Феномен сиротства сопровождает человечество всю известную его историю. Однако в современном Российском обществе широкое распространение получило социальное сиротство.

Социальный сирота – это ребенок, который имеет биологических родителей, но они по каким-то причинам не занимаются воспитанием ребенка и не заботятся о нем. Это и дети, родители которых юридически не лишены родительских прав, но фактически не заботятся о своих детях.

По статистическим данным за 2015 год в органах опеки и попечительства Приморья состоит на учете 11 933 детей-сирот. Из них находятся на воспитании в семьях 8 555 детей. В этом году на семейные формы устройства уже передано 902 ребенка, из них 599 человек устроены под опеку, 133 –

в приемную семью, 105 – на усыновление, а в кровные семьи возвращено 65 детей. С начала 2015 года количество детей-сирот снизилось на 175 человек.

Однако, несмотря на некоторые позитивные тенденции, которые стали заметны в последние годы, ситуация с сиротством (в том числе и социальным) продолжает оставаться крайне сложной.

Проблема социального сиротства в нашей стране решается как государственными, так и негосударственными методами. Со стороны государства – это указы, различные социальные программы, материальное стимулирование, решения конференций и круглых столов, заседаний правительства. Со стороны общественных организаций – это посильная практическая и теоретическая помощь детям-сиротам. Однако к решению данной проблемы может привести не только тесное сотрудничество этих двух сторон, но и привлечение к нему третьей стороны: отдельных граждан.

Цель данной статьи состоит в систематизации знаний, полученных в результате социологического исследования, и выявлении на этой основе отношения жителей города Владивостока к проблеме социального сиротства.

Социологическое исследование, посвященное изучению отношения жителей города Владивостока к феномену социального сиротства в условиях современной России, было проведено автором в мае 2014 г. В качестве основных задач исследования были определены следующие:

1. Выявить отношение жителей г.Владивостока к проблеме социального сиротства.
2. Выявить мнение жителей г.Владивостока о причинах возникновения социального сиротства.

Объектом исследования явились граждане России в возрасте от 18 до 60 лет и старше, проживающие на территории г.Владивостока.

Предметом исследования – представления жителей г.Владивостока о проблеме социального сиротства в современном российском обществе.

В качестве метода сбора социологической информации был использован опрос. Вид опроса – анкетирование. В анкету входили вопросы разного вида: открытые, закрытые, полузакрытые, личные, безличные и т.д.

Выборка носила кватный (стратифицированный) характер. Общий объем выборки составил 100 жителей г. Владивостока Приморского края. Стратификация осуществлялась на основе следующих критериев: пол, возраст, уровень образования, семейное положение.

Из 100 респондентов 32 % составили представители мужского пола и 68 % - женского.

По возрастному критерию: 81% составили граждане в возрасте от 18 до 21 лет, 10% - от 22 до 25 лет, 4% - от 26 до 30 лет, 1% - от 31 до 35 лет, 2% - от 41 до 45 лет, 1% - от 46 до 50 лет, 1% - от 51 до 55 лет.

По уровню образования: высшее (14%), неполное высшее (23%), среднее специальное (6%), общее среднее (21%), неполное среднее (35%), два и более высших(1%). Из них учатся в вузе(70%), учатся и работают (15%), работают (14%), не работают (1%).

По семейному положению: не женат/не замужем (86%), вдовец /вдова(3%), разведен/разведена (1%), живут в незарегистрированном браке (1%), женат/замужем, но с женой/мужем не проживаю (2%), женат/замужем, проживаю вместе с семьёй (7%).

Обработка и анализ эмпирических данных производились с использованием возможностей статистико-математического пакета SPSS.

На вопрос о том, кто такие социальные сироты, респонденты ответили следующим образом: 79 % считают, что социальные сироты - это дети, родители которых в силу разных обстоятельств либо отказались от своего ребенка, либо лишены родительских прав, либо находятся в местах заключения; 5% считают, что это дети-беглецы (самовольно уходящие из дома); 10% - что это дети, которые не общаются с собственными семьями, живут во временных убежищах (зброшенных зданиях и т.п.); 5% - что это дети, воспитывающиеся в неполной семье, 1%- затруднились с ответом.

На вопрос о том, что, на их взгляд, представляет собой детский дом, 53% респондентов ответили, что детский дом- это государственно-общественная форма устройства детей-сирот; 26% - воспитательное учреждение; 20% - «общежитие брошенных душ»; 1% затруднились с ответом.

Основные причины отказа от детей респонденты проранжировали по степени значимости (1 -это минимальное значение, 8-это максимальное значение) Результаты сложились следующим образом: 31% - алкоголизм, наркомания; 26% - неспособность прокормить и воспитать детей; 19 % - неустроенность личной жизни; 21% - многодетность семьи; 18% - нет любви к детям; 23% - безответственность родителей; 19% - несовершеннолетие родителей; 18% - отсутствие жилья и работы.

На вопрос о том, что приводит к определению детей в казенные учреждения, респонденты ответили: (32%) лишение родительских прав граждан имеющих детей;(30%) невыполнение родителями обязанностей в отношении своих несовершеннолетних детей; (28%) алкоголизм и наркомания родителей;(30%) отбывание родителями наказания в местах лишения свободы;(25%) жестокое отношение родителей к детям.

Причины роста социального сиротства, по мнению респондентов, состоят в следующем: бедность населения (22%); кризис семьи: рост разводов, неполные семьи (27%); военные конфликты (19%); стихийные бедствия (22%); распространение пьянства, наркомании (28%); падение нравственности в семье, в обществе (21%); экономическое неблагополучие семьи (19%).

К негативным последствиям широкого распространения социального сиротства в обществе, по мнению респондентов, относятся: деградация общества(41%); нарушение общественного порядка (23%); рост необразованности (20%);повышение детской смертности (16%).

Основные пути преодоления проблемы социального сиротства в России респонденты видят в развитии учреждений семейного типа (41%), увеличении количества женщин в органах власти (41%), помощи государства семьям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации (45%).

На вопрос, предпринимает ли администрация г.Владивостока необходимые меры по профилактике социального сиротства, респонденты ответили: «да, делает все, что может»(12%); «отдельные меры предпринимает, но этого не достаточно»(46%);«ничего не делает»(14%), «затрудняюсь ответить»(28%).

К семьям, воспитывающим приемных детей, респонденты относятся по-разному: положительно – эти люди достойны уважения(88%); отрицательно – эти люди руководствуются корыстными целями (3%), нейтрально (6%), затруднились с ответом (3%).

Из 100 респондентов 48% оказывали помощь воспитанникам детских домов; не приходилось оказывать помощи воспитанникам детских домов 52%.

Таким образом, большинство респондентов считают, что социальные сироты – это дети, родители которых в силу разных обстоятельств либо отказались от своего ребенка, либо лишены родительских прав, либо находятся в местах заключения. Детский дом в их понимании – это, прежде всего, государственно-общественная форма устройства детей-сирот. Основными причинами, по которым дети становятся социальными сиротами, большинство респондентов считают отсутствие жилья и работы.

Можно сделать вывод, что население Приморского края относится равнодушно к судьбам детей, оставшимся без попечения родителей. Жители Приморского края серьезно обеспокоены судьбами этих детей. Они доброжелательно относятся к семьям, воспитывающим детей-сирот, и проявляют определенную степень готовности принять ребенка-сироту на воспитание в свою семью, что позволяет нам говорить о положительных перспективах развития системы жизнеустройства, и, в первую очередь, семейных ее форм.

Большинство респондентов полагает, что семьи, воспитывающие детей-сирот, нуждаются в первую очередь в получении материальной помощи и улучшении жилищных условий, что невозможно реализовать без участия органов власти, а преобладающую роль в системе жизнеустройства детей-сирот отдает государственным.

По итогам исследования, было выявлено три вида помощи, которую готовы оказать жители города беспризорникам:

1. Единовременные акции: организация сбора вещей; кормление беспризорного ребенка; общение с ребенком; периодическое посещение приюта; перевод в приюты денежных средств.

2. Постоянная помощь – это либо усыновление ребенка, либо устройство на работу в приют.

3. Добровольная общественная помощь по месту проживания ребенка в профилактических целях – это помощь детям группы риска у себя в подъезде, доме, микрорайоне, а также создание группы добровольных помощников беспризорным детям у себя в районе.

Сегодня во всех субъектах Российской Федерации в рамках региональных целевых, межведомственных и ведомственных программ реализуются мероприятия, направленные на содействие социальной адаптации выпускников, включая социальную поддержку, оказание помощи в получении образования, трудоустройстве, обеспечении жильем, а также психолого-педагогической помощи.

Важным моментом этой работы является сотрудничество государственных учреждений и негосударственных организаций. Именно такая политика может привести к необходимым результатам. Потому что, если стороны будут действовать обособленно, то проблема полностью решена не будет, это будут лишь временные меры.

Профилактика социального сиротства должна включать целый комплекс мероприятий, осуществляемых на разных уровнях государства и общества. Само общество, в целом, должно прилагать усилия к увеличению ответственности людей за самих себя, за свое будущее и за своих детей.

Список литературы

1. Галагузова, М.А. Социальная педагогика / М.А. Галагузова. - М.:Владос, 2000. – 192 с.
2. О дополнительных гарантиях по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: Федеральный закон от 21 декабря 1996 года № 159 – ФЗ: в редакции федерального закона от 22. 08. 2004 г. №122 – ФЗ // СЗ РФ. 23. 12. 1996. №52 Ст.5880; СЗ РФ. 30. 08. 2004. №35. Ст. 3607 / [Электронный ресурс]: Консультант Плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154788/ (дата обращения: 15.04.2014 года).

ФЕНОМЕН ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Федосова И.А.

Создание сети Интернет является одним из величайших современных открытий. Интернет появился в нашей жизни сравнительно недавно, однако он получил огромное распространение за столь небольшой временной промежуток. В настоящее время практически каждый человек не представляет уже своей жизни без сети. Благодаря Интернету перед человечеством открылся огромный перечень новых возможностей. Интернет - это новые виды коммуникации, обучения, работы, развлечений и т. д. Но никто не мог подумать, что распространение данной технологии может повлечь за собой и девиацию в виде интернет-зависимости.

В 1995г. Иван Голдберг ввел термин «интернет-зависимость», подразумевая под ним патологическую, непреодолимую тягу к использованию Интернета, оказывающую негативное воздействие на семейную, бытовую, финансовую, рабочую и социальную сферы деятельности. Он считает, что интернет-зависимость можно выявить посредством следующих признаков [1]:

- количество времени, необходимое для проведения в сети, чтобы достичь удовлетворения, постоянно увеличивается;
- если временные рамки не увеличиваются, то эффект значительно снижается;
- ограничение или прекращение времени, проводимого в сети Интернет, вызывает у пользователя плохое самочувствие, которое прогрессирует в промежутке от нескольких дней до месяца и проявляется двумя или более признаками: эмоциональное и двигательное возбуждение, беспокойство, постоянные размышления о том, что происходит в Интернете, фантазии и мечты о сети, произвольная или непроизвольная подвижность пальцев, напоминающая печатание на клавиатуре.

Также проблема интернет-зависимости была рассмотрена Кимберли Янг, она говорит о четырех признаках, по которым можно судить о наличии интернет-зависимости, среди них оказались следующие [2]:

- назойливое желание проверить e-mail;
- ежеминутное желание очередного выхода в сеть;
- недовольство окружающих тем, что человек проводит много времени в сети;
- недовольство окружающих тем, что человек тратит много денег на Интернет.

Все вышеперечисленные признаки помогут диагностировать наличие или отсутствие интернет-зависимости у пользователей сети Интернет. Также создано огромное количество тестовых методик, которые позволяют определить наличие интернет-зависимости, а также определить, с чем она связана и какой уклон имеет.

Так в общежитиях Техасского университета в Остине и в колледже Бриант, были проведены два исследования [1], посвященные феномену интернет-зависимости, в ходе данных исследований было выявлено, что интернет-зависимость крайне негативно влияет на успеваемость и развитие личных взаимоотношений студентов. Также исследователи выявили, что ролевые интернет-игры способствуют бегству от реальности: погружаясь в ролевую игру, человек реализует в ней свои потребности, в связи с этим у него угасает интерес выполнять их в реальной жизни.

Пользователи с интернет-зависимостью не несут никакой угрозы для общества, они практически полностью отказываются от своего существования в реальной жизни, предпочитая реальному миру - виртуальный. Одной из наиболее подверженных феномену интернет-зависимости социальных групп является студенчество, поскольку практически все студенты используют сеть Интернет ежедневно как для учебы, так и для общения и развлечений, большинство ВУЗов позволяет студентам иметь свободный выход в сеть. Практически в каждом ВУЗе существуют мультимедиа-аудитории, онлайн-библиотеки, открытые сети Wi-Fi. Студенты, которые слишком часто пользуются Интернетом, могут начать чувствовать дискомфорт, находясь не в сети, это может быть первым сигналом о возникновении интернет-зависимости.

Посредством сети Интернет студент может выполнять следующие практики: познавательные, коммуникативные, деловые-рабочие, развлекательные, технические и экономические. На наш взгляд, коммуникативные и развлекательные практики, в большей степени, являются провокаторами интернет-зависимости, поскольку они многоальтернативны и посредством этого позволяют студентам самореализовываться в них [3,4].

Коммуникативная интернет-практика включает в себя следующие виды:

- электронная почта;
- социальные сети;
- общение в чатах/форумах сети;
- общение посредством служб мгновенных сообщений;
- сайты знакомств;
- разговор по телефону через Интернет.

Все вышеперечисленные виды коммуникативной интернет-практики позволяют пользователю экономить время, общаясь при помощи Интернета, создать виртуальный образ, при желании оставаться анонимным. Со временем коммуникативная практика расширяет круг своих возможностей, в настоящее время сеть может передать эмоции, настроение, состояние пользователя. Смайлики заменяют эмоции, музыка передает настроение, большинство пользователей выкладывают в сеть свои фотографии и ждут одобрения, в виде «класса», «лайка» и т. д., в сети можно найти новых друзей. Каждый хочет быть принятым, понятым, популярным, он может создать совершенно другой, не похожий на себя образ, стать тем, кем ему хочется быть в реальном мире, где возможно, у него есть ряд проблем.

В связи со всем вышеизложенным, мы можем говорить о том, что коммуникативная интернет-практика имеет ряд факторов, которые могут вызвать интернет-зависимость у студента. Непонятый и

непринятый в реальном мире индивид может найти себя в сети, возможно, он сменит ряд «страниц», «никнеймов» и т. д., но он сможет создать тот образ, который найдет свою публику. Как правило, студенты, склонные к интернет-зависимости, имеют слабую, подавленную психику, в связи с этим им проще отказаться от «борьбы» в реальном мире и жить в виртуальном под занавесом анонимности.

Развлекательная интернет-практика включает в себя следующие виды:

2. прослушивание/скачивание музыки/фильмов;
3. посещение сайтов без цели (серфинг);
4. онлайн игры;
5. просмотр/размещение/скачивание фотографий/фильмов/видеороликов;
6. чтение/скачивание желтой прессы/глянцевых журналов;
7. чтение/постинг дневников, блогов;
8. ведение персональной страницы, развлекательного сайта в Интернете.

К развлекательным интернет-практикам студенты чаще всего обращаются для того чтобы скоротать время, развлечься. Онлайн игры — один из наиболее предпочтительных видов развлекательных интернет-практик, наблюдаемых у интернет-зависимых, таких пользователей называют «игроманами». На наш взгляд это связано с тем, что игры, с их современной графикой, становятся реалистичными для игрока, часто встречаются такие случаи, что пользователь забывает о том, что находится в игре. Она способна полностью «поглотить» человека, игра вызывает эмоции различного рода. Она поощряет пользователя за правильно выполненные им действия, при проигрыше она провоцирует пользователя, например, тем, что называет его «лузер», тем самым раззадоривает и требует доказать обратное. Если пользователь не находится в игре, то ему приходят оповещения, которые предлагают ему вернуться.

В последнее время серьезную проблему в молодежной среде, в том числе и студенческой, представляет такой феномен, как «селфимания». «Селфи» - это фотографирование самого себя. Ради того что бы выложить кадр в Интернет и получить огромное количество «лайков», молодежь рискует своей жизнью в погоне за славой. Однако многие психиатры не считают «селфиманию» болезнью, а относят ее к разряду модных нововведений.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что студенчество - это одна из групп в молодежной среде, которая подвержена влиянию сети Интернет. Часто студенты в погоне за развлечениями, быстрой коммуникацией, модой, становятся заложниками сети. Интернет-зависимость негативно влияет на образовательный процесс студентов, их включенность в социальную жизнь, приводит к психологическим расстройствам. Безусловно, ни один студент не может отказаться от пользования Интернетом, но это использование должно быть разумным. Каждый студент должен контролировать себя при выходе в сеть. В качестве профилактики интернет-зависимости студентам следует сократить свое пребывание в сети и, по возможности, заменять коммуникативные, развлекательные интернет-практики на реальные.

Список литературы

1. Клиника при кафедре наркологии и психотерапии [Электронный ресурс] // Интернет Зависимость. Подробно. – Режим доступа: <http://www.doctornik.ru/internet-zavisimost-podrobno>. Дата обращения: 14.10.2015
2. Русский народный сервер против наркотиков [Электронный ресурс] // Диагноз – интернет-зависимость. – Режим доступа: <http://www.narcom.ru/ideas/common/15.html>. Дата обращения: 14.10.2015.
3. Беленцов С.И. Воспитать гражданина: осмысление исторического опыта русской педагогики и школы (конец XIX – начало XX вв.) // Проблемы современного образования. 2014. №1. С. 51-52.
4. Беленцов С.И. Проблема гражданского воспитания в русской педагогике и школе в конце XIX – начале XX веков. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Юго-Западный государственный университет. Курск. 2000.

УЧАСТИЕ РОССИЯН В МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Цветкова Г.А.

Барометром общественных трансформаций и средством корректировки действий власти и населения могут служить различные формы и методы их участия в общественных преобразованиях. В России изменения в этой области наглядно проявились в первые годы последнего десятилетия XX в., когда кардинальным образом изменились технологии взаимоотношений власти с населением. Этому способствовала и замена одного рабочего пространства на другое: работа в трудовых коллективах была заменена на работу по месту жительства. Исходя из данных обстоятельств, изменился приоритет основных субъектов. Ведущими стали жители муниципальных образований, по отношению к работникам предприятий. Им был расширен правовой статус (регистрация), предопределяющий политические права и свободы. Что содействовало осознанию людьми своего потенциала, расширению прав и свобод, исчезновению в значительной мере страха перед властью.

Россияне на многое взглянули по-другому в связи с перестройкой, затем с объявленной модернизацией. В условиях экстремальных обстоятельств 1990-х гг., включая распад Советского Союза, шло переосмысление ценностей, трансформировавшее общественное сознание. И как следствие рушились штампы, связанные с авторитетом и доверием к власти. Новые черты, появившиеся в менталитете россиян: переход от позиции ожидания к позиции действия, самостоятельность, в определенной мере исчезновение боязни перед властью – начали играть определенную роль в жизни россиян.

Этому содействовало и то, что в течение последней четверти века со стороны органов государственной власти предпринимались определенные попытки перейти от политики, направленной от подчинения населения, к конструктивному диалогу с ним. Подтверждением служит расширение спектра различных форм участия россиян в решении социальных проблем. В целом объявлено множество основных форм участия: выборы; референдумы (голосование) /интернет порталы/; всенародные обсуждения /социальные сети/; собрания (сходы, конференции); публичные (парламентские) слушания; правотворческая инициатива (расширено количество субъектов); социологические опросы; обращения в органы власти (через интернет, общественные приемные, телефонные звонки, письма в форме: жалоб /обид/ (XI – XII в.), челобитных (XV - XVI в.), прошений, ходатайств (XIX в.), заявлений (жалоб), предложений и пр. /XX -XXI в./; народная инициатива; указы избирателей; отзыв представителей выборных должностей (главы муниципального образования, депутата) и др.

Отсюда, можно прийти к ряду выводов: во-первых, сохраняется преемственность форм участия, что указывает на наличие традиций; во-вторых, присутствует многообразие и увеличение числа субъектов участия; в третьих, с усилением организационной структуры форм расширяется их функциональная составляющая, создающая возможности для повышения самосознания жителей в решении их собственных проблем. В четвертых, происходит сокращение границ влияния государства на общество через делегирование управленческих прав и обязанностей так называемым «низам».

Следует отметить и то, что активность жителей, выражающаяся в различных формах участия на муниципальном уровне, несколько отличается от форм участия граждан в решении вопросов государственного уровня (федерального и регионального). Участие в местном самоуправлении - это свободное совместное действие, предпринимаемое жителями и созданными ими политическими и общественными организациями с целью влияния на органы муниципальной власти или на выбор должностных лиц, воздействия на структуры управления и на процесс принятия локальных решений.

С учетом данного посыла, местное самоуправление наглядно отображается в специфике форм участия в нем жителей. Результаты их анализа и обобщения позволяют условно выделить из них следующие блоки: 1) прямые — референдум, выборы, собрания (сходы), обращения в органы власти, правотворческая инициатива, публичные слушания и др.; 2) опосредованные – опросы, обращение в суд (прокуратуру, СМИ), забастовки, митинги, демонстрации и др.; 3) представительные – участие в

деятельности представительных органов, общественных организаций, политических партий и пр.; 4) на основе собственных и коллективных инициатив: участие граждан в опросах по различным вопросам жизни, собраниях и конференциях (собрания делегатов), публичных слушаниях, правотворческих инициативах, в составлении обращений граждан в органы власти, мирных массовых акциях, территориальном общественном самоуправлении (ТОСы); 5) с учетом уровня активности – наиболее массовые - выборы в органы власти (участие - от 7% до 60%; в последние годы - до 48%); просмотр и обсуждение передач в СМИ (ТВ) /43%/; 6) вклад денежных взносов в решение локальных проблем.

Их дополняют и расширяют другие не менее важные типологии форм участия: 1) в выборах, проведении избирательных кампаний и референдумов; 2) в борьбе за власть, в осуществлении власти или ее противодействии (деятельность избирательных комиссий, наблюдателей, представительных органов, депутатских комиссий, противодействие — гражданское неповиновение, саботаж, вооруженное противодействие); 3) в деятельности общественных и политических организаций: формальных - партий, молодежных политических организаций и т.д.; неформальных организаций и движений, к примеру, народных фронтов и пр.; 4) демонстрация взглядов различными способами: а) выступление на политических собраниях (митингах, демонстрациях), в печати, на радио и телепередачах в политических беседах (дискуссиях, круглых столах); б) написание различных обращений в органы власти (политические и общественные организации); в) через составление наказов избирателей (в форме предложений с целью устранения проблем); г) чтение политической периодики и литературы, а так же прослушивание и просмотр политических радио и телепередач с последующим их обсуждением с родственниками, друзьями и коллегами по работе.

Что же отличает и объединяет представленные выше формы и их различные типы? По сути, каждая форма участия в системе народовластия имеет собственное предназначение, собственный механизм решения задач, соответствующие процедуры функционирования местного сообщества и принципы его взаимоотношений с государством. Реализация ни одной из них не препятствует осуществлению других, необоснованно их не замещает.

В целом все формы сконцентрированы на повышение активности жителей в различных сферах жизнедеятельности местного сообщества. На первый план органично выступает человеческий фактор: как люди понимают ситуацию, так они и действуют. С учетом этого участие в любой из форм предполагает определенный уровень образования, культуры, нравственности (смелости), социальной ответственности, содействия балансу управленческих сил и выполнению контрольных функций. В основе понимания человеком той или иной обстановки лежат мотивы и ценности, которые детерминируют его социальное поведение и смысл деятельности. Значит, центр тяжести реформ объективно смещается на уровень личностных качеств россиян.

Не менее важной особенностью функционирования форм и типов участия в местном самоуправлении является распространение на все население и на все территории прав решать на локальном уровне все без исключения проблемы повседневной жизни. При этом на характер и формы участия населения влияют территориальные основы организации местного самоуправления.

Что касается местного сообщества как субъекта управления, то оно только начинает институционально формироваться. Подтверждением этому служат данные многочисленных социологических опросов. Результаты срезов всероссийских исследований (проведенные за последние двадцать пять лет), при определении уровня ответственности жителей как хозяев населенных пунктов вызвали большие дискуссии. Ибо среди основных субъектов власти (государственные и муниципальные органы власти, общественные и политические организации, население) в решении локальных проблем жителям отводилась последняя роль. Действительно, они «условно» были включены в процесс реального исполнения функций местного самоуправления, сами же в большинстве случаев считаются ответственными за исполнение полномочий местного самоуправления государственные органы власти. Практически получается, что за населением, точнее под его официальным прикрытием как основного субъекта власти постоянно шла борьба не столько за

формирование и развитие различных форм участия жителей в решении местных проблем, сколько за независимость органов власти различных уровней на территории городов (районов, сел).

Отсюда социальные противоречия, присутствующие на протяжении последней четверти века в области взаимоотношений государственных и муниципальных органов власти, выражающиеся в целом ряде нерешенных вопросов (разграничение полномочий, финансовые, кадровые и пр.), которые негативно отражались и отражаются на жизни россиян. Этот вывод подтверждают и участники общероссийского совещания Советов муниципальных образований субъектов Федерации (Москва, 2015), заявившие, что «местное самоуправление наиболее успешно развивается в тех регионах, руководители которых имеют собственный опыт работы в муниципалитетах. Нужна разработка такой организации органов местного самоуправления, которая не зависела бы от личных качеств губернаторов». Несоответствие образа местной власти в представлениях чиновников и населения, которые видят не столько власть муниципальную, сколько власть вообще, власть, по существу, государственную, очевидно.

Да и уровень желаний населения взаимодействовать с органами власти остается низким. Подтверждают этот вывод и данные социологических опросов: почти 70% респондентов ограничивают себя от лишних контактов с властью. Представители различных органов власти, включая и местные, воспринимаются как отделившиеся от народа.

Однако вопреки всем невзгодам постепенно у жителей формируются опыт и практика в решении собственных проблем. В 2014 г. о влиянии на принятие решений городских (районной) органов власти заявили 12,3% респондентов. Это несколько выше по сравнению с их влиянием на решения региональных (на 4,7%) и федеральных органов власти (на 6,3%). Стараются добиваться того, что им причитается, от власти 23% респондентов. На наш взгляд, расширение форм участия жителей в решении локальных проблем, включая использование социальных сетей, создает возможности для изменений общественного сознания и соответственно поведения жителей муниципальных образований. Подталкивает к этому и сложное положение в социально-экономической сфере.

Хотя, справедливости ради необходимо указать, что пока ситуация в обществе достаточно парадоксальная. Предпосылки для кардинальных изменений взаимоотношений общества и власти есть, но еще не сформировалась та критическая масса людей, которая могла бы реализовать их в полной мере на практике.

Список литературы

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект №14-18-02016) «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990-2010-е годы»).
2. Совещание Советов муниципальных образований о развитии местного самоуправления. 07.10.2015. <http://www.municipal-sd.ru/?q=node/621>
3. Данные всероссийского опроса «Жизненный мир», выполненного под руководством Ж.Т. Тощенко в 2014 году. Общее число опрошенных 1750 человек в возрасте 18 лет и старше, в 21 субъекте РФ по репрезентативной всероссийской выборке.
4. Левада-Центр. Опрос проведен 19 – 22 июня 2015 года по репрезентативной всероссийской выборке среди 1600 человек в 134 населенных пунктах 46 регионов страны. <http://www.levada.ru/07-07-2015/protestnyi-potentsial-i-voispriyatie-vlasti>

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СОВЕТЫ КАК ФОРМА НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ВЛАСТИ?

Чернаков А. А.

Разговоры о народовластии часто воспринимаются общим местом предвыборной политической риторики, напоминая известную притчу о «споре яйца и курицы» - кто из них появился первым...: что имеется в виду в очередной раз – «свободное волеизъявление» населения или «законно избранные представители народа»?

Но если говорить о феномене власти без шуток, а как об основополагающей норме жизнедеятельности государства и общества, стоящей в «табели о рангах» под №3 Основного Закона (Ст. 3.п.1,2 Конституции РФ), то можно с уверенностью констатировать, что ответ на этот вопрос ещё далёк от завершения...

Необходимость расширить представления о народовласти и конкретизировать некоторые его аспекты возникла в ходе Форума некоммерческих общественных организаций, прошедшего в Алтайском крае в апреле 2015года.

Форум был посвящён обсуждению нескольких тем, в том числе, подведению первых итогов деятельности Общественных Советов, к созданию которых при исполнительных структурах управленческого аппарата различных уровней приступили в недавнее время на Алтае. В частности, участникам Форума было предложено определить критерий, который следует положить в основу оценки эффективности их деятельности, из чего, соответственно, возникает необходимость ответа на естественный вопрос – какие вызовы современности актуализируют необходимость создания института Общественных Советов?

Отвечая на данный вопрос - и тот, что был задан участникам «круглого стола» одной из секций Форума, автором было предложено оценивать деятельность Общественных Советов максимально эффективным использованием бюджетных средств той управленческой структурой, для взаимодействия с которой данный Общественный Совет создан.

В данном случае, руководствуясь принципом «презумпции невиновности», уместно предположение, что недостаточно эффективное использование бюджетных средств функционерами управленческого аппарата-распорядителя финансовых и иных ресурсов, направляемых на обеспечение жизнедеятельности определённой сферы общества, является следствием недостаточного понимания ими всех тонкостей проблем, решение которых служит содержанием их служебных обязанностей.

Принимая во внимание вышесказанное, уместно сделать вывод, что Общественные Советы следует рассматривать как форму заинтересованного участия в экспертном сопровождении процесса подготовки исполнительным аппаратом управленческих решений и контроля над их реализацией, осуществляемого представителями целевых социальных групп, являющихся знатоками причинно-следственных связей тех проблем, решать которые им предстоит.

Таким образом, характер происходящих в современном российском обществе трансформаций, обусловленных устойчивыми тенденциями формирования институтов гражданского общества, к одному из которых следует отнести институт Общественных Советов, делает очевидной необходимость создания документа, в котором необходимо не только указать на статус данного института как формы власти, непосредственно осуществляемой представителями народа, но и детально «прописать» принципы и механизмы участия членов Общественного Совета в процессе подготовки управленческих решений и контроля над их исполнением. Например, это может быть «Положение о деятельности Общественных Советов», в котором необходимо:

1) Сформулировать методологию - концептуальные основы деятельности Общественного Совета: миссию - цель (образ желаемого будущего), задачи и методы их решения;

2) Определить перечень полномочий членов Общественного Совета и указать на механизмы реализации этих полномочий;

3) Определить механизмы измерения социальной эффективности действующих Законов и нормативных актов, которыми руководствуются в своей деятельности структуры исполнительного аппарата;

4) Сформулировать принципы экспертного сопровождения деятельности Общественного Совета и отбора специалистов – учёных и практиков, привлекаемых в качестве экспертов;

5) Предусмотреть механизм взаимодействия Общественных Советов с региональными СМИ, создания регулярно действующей рубрики, освещающей результаты деятельности этих Общественных Советов; и т.д.

Следует отметить, что представленные в Интернете образцы подобных документов имеют весьма общий характер, что затрудняет их применение в предметной деятельности и достижение конкретного результата.

Вместе с тем, наблюдая наметившиеся на Алтае тенденции к созданию Общественных Советов (как и в России в целом), можно с удовлетворением отметить, что необходимость существования данного социального института как инструмента диалога управленческого аппарата и общества, актуализирована в одной из первых работ автора «Концепция и технологические принципы Открытого Гражданского общества» (2001г.) изданной самиздатом тиражом более 3тыс. экземпляров.

В дальнейшем результаты осмысления процессов формирования гражданского общества, происходившие на Алтае в конце 90-х годов прошедшего столетия и в начале века текущего, были развиты в учебном пособии «Социальное государство и Гражданское общество в современном социокультурном контексте России», наблюдателем и непосредственным участником которых автор является по настоящее время.

Сегодня процессы реформирования общества, реализуемые посредством выстраивания вертикали общественных структур при управленческих аппаратах различных уровней – государственных, муниципальных и их отдельных подразделений, необходимо рассматривать не только с целью эффективного использования бюджетных средств и иных ресурсов, но и как технологию формирования конкурентной среды, стимулирующей мобилизацию интеллектуального потенциала работников управленческого аппарата.

Несложно сделать вывод, что инициатива премьер-министра Д. А. Медведева, озвучившего идею создания «Открытого (расширенного) правительства», также является результатом происходящих в обществе процессов, способствуя, в целом, повышению конкурентоспособности управленческого аппарата и устойчивости государства, в условиях происходящих в Мире тектонических трансформаций.

Подводя итог представленным фактам, уместно высказать мнение, что уровень эффективности мер, предпринимаемых для решения стоящих перед обществом задач, находится в непосредственной зависимости от степени понимания миссии Общественных Советов, принципов формирования их персонального состава и, соответственно, от качества содержательного наполнения «Положения о деятельности Общественных Советов».

РАЗДЕЛ 5. АТР И РОССИЯ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК КОРЕЙСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЖИТЕЛЕЙ ЮЖНОЙ КОРЕИ

Апрелов Е.А., Костина Е.Ю.

Современный мир подвергается трансформациям. Часть стран в силу ряда объективных причин теряет своё положение на мировой арене, другие, в свою очередь, занимают лидирующие позиции. Последние несколько десятков лет центр сосредоточения политических и экономических интересов постепенно сместился из Европы в страны АТР. Одной из ярких представительниц этого региона выступает республика Южная Корея. Так, Южная Корея с начала 60-х годов демонстрирует стабильно высокие темпы экономического роста, роста уровня жизни граждан [1, с.151]. В частности, ВВП Южной Кореи каждый год растет в среднем на 4.03%, при рассмотрении последних 10 лет [2]. Естественно, при оценке таких преобразований в экономике и социальной жизни народа необходимо учитывать не только чисто экономические факторы, но и менталитет тех людей, которые являются источником преобразования в стране – южнокорейского народа. Неотъемлемой частью любого менталитета является отношение к семье, её ценность и важность для индивида. Именно отношение жителей Южной Кореи к семье и семейным ценностям с учетом их менталитета и стало объектом данного исследования.

Эмпирическую базу социологического исследования составил проведенный авторами в июле 2015 года опрос о необходимости использования семейной медиации в Южной Корее. Выборку составили 71 житель г. Сеула в возрасте от 15 до 70 лет, соотношение мужчин и женщин в выборке 34 к 37 человек.

В исследовании ставились следующие задачи:

- выявление основных семейных ценностей, важных для корейцев;
- оценка отношения корейцев к семейным конфликтам;
- изучение основных причин конфликтов в корейских семьях.

Для начала, необходимо по возможности рассмотреть определенные социально-философские предпосылки формирования менталитета у жителей Южной Кореи. К данным предпосылкам стоит относить историю корейского народа, их религиозные верования, географическое положение и этнические особенности, повлиявшие на самосознание корейцев как единой нации.

Отметим, что в регионе Южная Корея занимает с географической точки зрения маргинальное положение, в силу своего расположения на полуострове. В историческом контексте, это сформировало уникальный менталитет, отличный от менталитета стран-соседей – материкового Китая и островной Японии. С другой стороны, относительно небольшая территория Корейского полуострова позволила сформировать идентичную нацию, включающую в себя один основной народ.

Основными религиями Южной Кореи являются Конфуцианство, Буддизм и Христианство. Эти три религии оказали существенное влияние на формирование менталитета нации.

Исследователи выделяют несколько основополагающих черт корейского менталитета [1, с. 151]:

- патриотизм;
- коллективизм;
- гармония Инь и Ян;
- прагматизм;
- сдержанность в словах;
- трудолюбие;
- почтительность.

В рамках нашей работы попробуем рассмотреть те из этих ценностей, которые проявляются именно во взаимодействии в рамках семьи в большей мере. Рассмотрим такие ценности как гармония Инь и Ян, прагматизм и почтительность.

Гармония Инь и Ян, как неотъемлемая часть конфуцианской религии проявляется в стремлении уравновесить противоположности. Одной из главных ассоциаций, которые конфуцианство вкладывает

я эти символы, является отражение в знаках мужского и женского начала, Инь – женщина, Ян – мужчина. Несмотря на полную противоположность этих величин, согласно конфуцианству, их гармония является залогом стабильности в мире, поскольку только существуя наравне и уравновешивая друг друга, они могут быть сами собой. Делая выводы из символизма Инь и Ян для конфуцианской культуры, можно говорить о том, что корейцы стремятся к равновесию в тех его формах, которые только возможны. Сюда можно включить и избегание конфликтов, и стремление улаживать споры диалогом и определенные послы к равноправию мужчин и женщин.

В социологическом опросе, проведенном в рамках исследования, респондентам был задан вопрос касательно их отношения к конфликтам в семье. Ответы на этот вопрос могут прояснить, насколько корейцы следуют принципам гармонии и в целом, какова общая тенденция конфликтности в семьях Южной Кореи. Респондентам предложили высказать свое отношение к конфликтам в семье по шкале, включающей в себя такие варианты как:

- положительно;
- скорее положительно;
- нейтрально;
- скорее негативно;
- негативно.

Ответы респондентов распределились следующим образом:

Таблица 1. Отношение южных корейцев к семейным конфликтам

Отношение респондентов к семейным конфликтам	Процент
Положительно	38,0
Скорее положительно	18,3
Нейтрально	22,5
Скорее негативно	15,5
Негативно	5,6
Итого	100,0

Полученные результаты указывают, что 56.3% опрошенных относятся к возникновению семейных конфликтов положительным образом. Эти данные позволяют заключить, что менталитет корейцев допускает возникновение конфликтных ситуаций в семье и формирует соответствующее отношение к ним. Конфликт не является табу, неким негативным фактором, он скорее служит стимулом развития, в противном случае, отношение к нему было бы более негативным. Необходимо отметить преобладание позитивных мнений о конфликте (56.3%) над негативными (21.1%), оно значительно и показывает общую тенденцию отношения. Также можно говорить о том, что позитивное отношение к семейному конфликту в целом не противоречит религиозным нормам буддизма и конфуцианства, с их стремлением к гармонии, конфликт выступает как средство достижения равновесия.

Рассматривая такую черту корейцев как прагматизм, попробуем обратиться к другому вопросу социологического исследования. Вопрос затрагивает способы разрешения конфликта в семье и подразумевает следующие варианты ответов:

- с помощью диалога;
- с помощью авторитета;
- с помощью третьей стороны;
- не решать, замалчивать;
- другое.

Ответы респондентов разделились следующим образом:

Таблица 2. Способы разрешения семейных конфликтов, принятые в корейских семьях

Ответ на вопрос «Как нужно решать семейные конфликты?»	Процент
С помощью диалога	71,8
С помощью авторитета	16,9
С помощью третьей стороны	1,4
Не решать, замалчивать	8,5
Другое	1,4
Итого	100,0

Как видно из таблицы 2, подавляющее большинство корейцев выступает за разрешение семейных конфликтов с помощью диалога. Отметим, что диалог как форма разрешения конфликта, является одним из наиболее продуктивных и, как правило, быстрых способов урегулирования. Это позволяет сэкономить время и финансы. С другой стороны, нельзя не отметить, что разрешение конфликта силовым способом (с помощью авторитета) тоже происходит довольно быстро и малозатратно, просто именно в этом случае конфликт разрешается лишь на время, в дальнейшем возникая вновь.

Для того чтобы показать роль почтительности и её связь с семьей в Южной Корее, упомянем о том, что в рамках вопроса о наиболее важных семейных ценностях корейцев, наиболее популярными ответами явились «взаимопонимание, духовная близость между супругами, родственниками» - 73.2%; «дружная, сплоченная семья» - 69%; «избавление от одиночества» - 49.3% [3]. Вышеуказанные ответы позволяют нам говорить о том, что в корейском обществе семья является не только формальным способом закрепления отношений, например, по расчету, но и основным фактором, поддерживающим человека на его жизненном пути. К тому же, первые по популярности два ответа подразумевают уважительное отношение между родственниками.

Подводя итоги, отметим, что в процессе исследования были выявлены и проанализированы три ценности южнокорейского народа сквозь призму семейных ценностей. Была показана взаимосвязь между определенными чертами менталитета и тем, как в индивиде проявляются эти черты в рамках семейных взаимоотношений. Следует отметить, что даже в ситуации конфликта корейцы следуют не только эмоциональным порывам, но и духовным ценностям, которые воспитаны в них с детства.

Список литературы

1. Пак Е. Г. Социально-философский анализ истории формирования менталитета корейского народа // Вестник Кемеровского государственного университета №1-2 (61) / 2015 г. [Электронный ресурс] – режим доступа – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-filosofskiy-analiz-istorii-formirovaniya-mentaliteta-koreyskogo-naroda> (дата обращения 22.10.2015 г.)
2. SouthKorea - theworldfactbook [Электронный ресурс] – режим доступа – URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ks.html> (дата обращения 22.08.2015 г.)
3. Костина Е.Ю., Апрелов Е.А. Потенциал применения семейной медиации в Южной Корее // Теория и практика общественного развития №18 (2015) [Электронный ресурс] – режим доступа – URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/18/sociology/kostina-aprelov.pdf (дата обращения 26.10.2015 г.)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИГРАНИЧЬЯ

Бийжанова Э.К.

Исследования, связанные с приграничными территориями, не впервые вызывают интерес ученых, представляющих различных направлений науки. Так среди наиболее известных работ, связанных с приграничьем, можно отметить работы географов, политологов, экономистов, политгеографов, демографов, и в какой-то степени социологов.

Нельзя не отметить работы ученых, живущих непосредственно в приграничных регионах, которые пытались осмыслить особенности социальных процессов в приграничье [см., например: *Образы России и Белоруссии...* 2013; Пастарнакова, 2008; Егоров, Пирожков, 2011], но, к сожалению, в предметное поле их исследований попадали в основном проблемы приграничного сотрудничества, интеграции приграничных регионов, трудовая миграция

К тому же, некоторые приграничные территории, по обе стороны линии границы, объединяет не только непосредственная близость друг другу, но и общее советское прошлое в некоторых регионах, где этих границ и прежде не было. В этой связи нельзя не вспомнить утверждение Г. Зиммеля: «Граница – это не пространственный факт с социологическим действием, но социологический факт, который принимает пространственную форму... Хотя эта линия всего лишь обозначает различие отношения между элементами одной сферы и другой...» [Зиммель, 1996: 592].

В основном в фокусе внимания исследователей находятся аспекты социально-пространственного развития, социально-экономическое сотрудничество, вопросы демаркации границ, миграционные процессы, трансграничное сотрудничество и т.д.

К сожалению, социально-культурные аспекты жизни местных сообществ практически остаются вне этого фокуса, что, наш взгляд, несправедливо, поскольку именно социокультурный потенциал регионов приграничья является наиболее значимым фактором как безопасности этих границ, так и способности к их открытости.

В данной публикации будет рассмотрен именно этот аспект. Анализируемые данные были получены в ходе полевых исследований весной-летом 2014-2015 гг. в Смоленской области, граничащей с Белоруссией, Псковской с Эстонией, Латвией и Белоруссией, Курской с Украиной и Республике Крым, также граничащей с Украиной. Исследования проводились с использованием качественных методов, главным образом в форме глубинных интервью. В число респондентов вошли представители органов региональной и муниципальной властей, руководители и сотрудники общеобразовательных учреждений, учреждений дополнительного образования, музеев, домов культуры и т.д.

Социокультурный потенциал является совокупностью социальной и культурной составляющих. К нему можно отнести уровень и качество жизни населения, уровень образования, духовно-культурное развитие, развитость инфраструктуры региона, органы государственной власти, историческую память и патриотизм.

По данным исследований, основными акторами в формировании социокультурного потенциала приграничья служат, прежде всего: образовательные учреждения, т.е. школы, учреждения дополнительного образования, музыкальные и художественные школы, школы искусств, различного рода кружки, а также культурные учреждения: художественные и краеведческие музеи, дома культуры, библиотеки и т.д. Значимую роль в функционировании данных учреждений играют как региональные, так и местные власти, от которых напрямую зависит социально-экономическое и культурное развитие региона: «Как представляется, такие функции должны бы заключаться в следующем: повышенная забота о социально-экономическом состоянии приграничных районов, морально-психологическом состоянии местных сообществ, их культурном уровне, в связи с чем должно уделяться специальное внимание методам образования и воспитания детей; развитию и охране транспортной инфраструктуры» [Халий, 2014: 27].

Проведенные исследования позволили выявить, что в приграничных регионах «носителями» и «распространителями» такого рода социокультурных маркеров являются именно подобные учреждения, поскольку они активно участвуют в различного рода мероприятиях (конкурсы, фестивали, обмен опытом и т.д.), направленных на создание «мостов» между Россией и ее соседями, поскольку это, в общем-то, процесс неизбежный, поскольку население живет в непосредственной близости от границы с соседними государствами. По нашему мнению, развитие и поддержание социокультурного уровня приграничья практически целиком зависит от учреждений образования и культуры. Воспитание патриотизма, восприятие установки на сохранение собственных традиций и

ценностей, поддержание исторической памяти и т.п. невозможно реализовать без соединения усилий всех акторов местных сообществ. А без этого трудно представить адекватное восприятие управленцами существующей в сознании жителей приграничья позиции «свой–чужой».

Несмотря на изменения, происходящие до сих пор во всех регионах РФ, инфраструктурная составляющая социокультурного потенциала практически осталась неизменной еще со времен СССР. Поскольку, являясь государственной структурой, ее функционирование практически полностью зависит от поддержки как государственных, так и региональных и местных властей [Аксёнова: 2014: 49]. В ходе исследования удалось выявить, что те районы, где осуществляется тесное сотрудничество местных властей с образовательными учреждениями и учреждениями культуры, являются наиболее развитыми, по сравнению с теми, где взаимодействие находится на более низком уровне, что является подтверждением того, что позитивное развитие социокультурного потенциала не может осуществляться без взаимной поддержки друг друга.

Можно отметить, что образовательные и культурные учреждения являются еще и ядром, удерживающим вокруг себя население, не позволяя некоторым районам приграничья обезлюдеть [см. например: Левченко, 2014: 34-46]. Как отмечали респонденты во всех исследованных областях, отсутствие возможности дать своим детям образование и развить творческие навыки, а также наличие культурных и развлекательных центров на локальном уровне делает жизнь местных сообществ более насыщенной и интересной. Также была выявлена положительная тенденция возвращения молодых специалистов в родные места. Это было связано с тем, что местные власти стараются поддерживать и развивать социокультурную инфраструктуру своего района, что обеспечивает потребность в специалистах с высшим и средне-специальным образованием. Также дают возможность молодежи творческого самовыражения, а для этого устраиваются регулярные общегородские и международные мероприятия, поскольку приграничные регионы с обеих сторон находятся в непосредственной близости друг от друга, то возможности их контактности довольно широки.

Подводя итоги, можно сказать, что не все приграничные регионы Российской Федерации можно назвать однородными и похожими. К сожалению, к общему можно отнести отсутствие четкой политики приграничья на федеральном и региональном уровне, вне контекста приграничного сотрудничества, поскольку оно не может решить всех проблем, с которыми сталкивается современное российское приграничье.

Список литературы

1. Аксёнова О.В. Культурная среда приграничья: структуры и акторы // Вестник Института социологии. 2014. № 11. С. 47-58. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2014_11/Aksenova.pdf (дата обращения: 28.10.2015).
2. Егоров А.Г., Пирожников Р.А., Сухова Е.Е. Состояние и перспективы взаимодействия Смоленской области и приграничных регионов Республики Беларусь в оценках экспертов // Социальные трансформации: Российско-белорусское приграничье: состояние и проблемы / Отв. ред. А.Г. Егоров. Вып. 21. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2011. 235 с.
3. Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. 607 с.
4. Левченко Н.В. Образование в приграничных районах // Вестник Института социологии. 2014. № 11. С. 34-46. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2014_11/Levchenko.pdf (дата обращения: 28.10.2015).
5. Пастарнакова О.А. Становление приграничного сотрудничества как социального института (на примере муниципальных образований Северо-Западного федерального округа РФ): диссертация... кандидата социологических наук : 22.00.04. Санкт-Петербург, 2008.
6. Халий И.А. Современное российское приграничье: общие характеристики // Вестник Института социологии. 2014. № 11. С. 23-33. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2014_11/Khalii.pdf (дата обращения: 28.10.2015).

БАЗОВЫЕ ОСНОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ КИТАЯ

Ерохин А.К.

Успехи экономического развития КНР и быстрое выдвижение страны в мировые экономические и политические лидеры тесно связаны с созданием эффективной системы образования, цель которой – подготовка высококлассных специалистов. Конституция КНР, Закон об обязательном образовании, принятый в 1986 году и последующие его редакции, способствовали созданию ступенчатой системы так называемого «классического» образования и быстрому росту профессиональных и технических учебных заведений. Как и во многих странах мира, Китай ввел формы профессиональной переподготовки, повышения квалификации, развитую сеть информационных обучающих программ через СМИ и т.д. Следует обратить внимание и на политику КНР в области получения студентами образования за рубежом. По замечанию исследователей, Китай в течение последних десяти лет занимает первое место в мире по числу обучающихся за рубежом. Более 50% обладателей степени доктора технических наук обучались за границей. Эти усилия со стороны государства привели к быстрому росту числа образованных граждан независимо от пола, возраста, состояния здоровья.

Но для объяснения успехов китайского образования недостаточно опираться только на статистику, правовое и политическое обеспечение достигнутых результатов. Иностранцев всегда поражает прилежность китайских учеников и студентов в освоении иностранных языков, выбранных предметов для изучения. Следовательно, корни успехов следует искать и в других причинах, одной из которых следует признать культурно-психологическую основу всей системы образования Китая.

Во-первых, китайская традиция, берущая свое начало в глубокой древности, наделяет образование высочайшим престижем. Это сказывается и на градации китайских вузов. Существует девять вузов высшей категории, поступить в которые чрезвычайно сложно (Пекинский, Фунданьский Нанкинский и др. университеты). Допуск в них возможен только на основе высших баллов, полученных на выпускных школьных экзаменах. Но и в менее престижные вузы поступить сложно. И не только по причине низких баллов. Образование, с точки зрения китайской традиции, – это не только путь к ликвидации грамотности, возможности занять престижную должность, продвижения по службе, но и путь к социальному и духовному совершенству.

Психологию уважения к образованию обосновал Конфуций, который возвел традицию уважения к образованию едва ли не в статус религиозной святости, включал в него культуру и воспитание как элементы, составляющие основу понятия «вэнь» – т.е. книжность, ученость. «Вэнь» противостоит природе, преобразовывает индивида и делает его новым человеком, способным достичь вершины личностного саморазвития – стать благородным мужем. «Учитель сказал: «Если в человеке естественность превосходит воспитанность, он подобен деревенщине. Если же воспитанность превосходит естественность, он подобен ученому-книжнику. После того, как воспитанность и естественность в человеке уравниваются друг друга, он становится благородным мужем» [1, с. 38]. Понятие благородного мужа имеет в философии Конфуция два смысла: социальный – обозначающий принадлежность к образованной элите и аксиологический – символизирующий человеческое совершенство.

Современный статус преподавателей высшей школы: уважение, заработная плата, социальные льготы есть продолжение традиции создания и сохранения «благородных мужей» как социальной группы, наделенной привилегированностью благодаря знаниям.

Другая особенность китайской системы образования – предпочтение в образовании технических и прикладных специальностей также уходит корнями в традиции. Некоторые исследователи усматривают в таком перекосе набора специальностей идеологическую составляющую, т.е. угрозу социально-политической системе всего государства при наличии значительного числа гуманитариев. Но на самом деле китайское правительство исходит из конфуцианского правила экономии и рациональности. Еще современники высоко оценивали созданную Конфуцием частную школу, как учреждение, гарантирующее не только качественное образование, но и возможность получить в

будущем достойное место, которое может приносить достойный конкретный практический эффект как для самого индивида, так и для общества.

Принципы обучения, используемые Конфуцием, были достаточно просты: слушать многое, выбирать лучшее и следовать ему, наблюдать многое и держать в памяти – «это и есть способ постижения знания» [1, с. 154]. Образование должно быть непрерывным, но успех обучения, считал Конфуций, в огромной степени зависит от добровольного желания слушателей следовать по пути познания. «Того, кто не стремится к достижению знания, не следует направлять на правильный путь. Тому, кто не испытывает трудностей в выражении своих мыслей, не следует помогать. Того, кто не в состоянии по одному углу предмета составить представление об остальных трех, не следует учить» [1, с. 154]. Следует ли после этого удивляться той строгости обучения, свойственной современной китайской системе образования и той внутренней мотивации к прилежности, с которой китайские школьники и студенты осваивают предметы и поддерживают строгую дисциплину.

Стремление китайского государства создать новую интеллектуальную элиту сопровождается осторожным отношением к реформированию самого образования. Хотя новые предметы входят в наборы учебных дисциплин, но при этом как в школьном, так и в послешкольном образовании сохраняются классические модели. И в понимании такого рода консерватизма снова может помочь Конфуций. Реформы, был убежден он, ведут к переменам не всегда лучшего свойства. Поэтому идеалом конфуцианского образования становится классический проверенный образец интеллектуала, руководствующегося состоявшимся прошлым, а не абстрактным будущим знанием. Человеку, твердит Конфуций, следует стремиться не столько к новым знаниям, новым истинам, какими бы ценными они ни были, а к сохранению и приумножению уже полученного знания.

Акцентированное внимание конфуцианцев к поддержанию традиционных моделей, дисциплине, строгости поведения оказало существенное влияние на историю китайского образования. Во-первых, принцип «ученого книжника» был введен в систему китайского образования. Этот принцип и официальное заключение о степени «учености» стали основой государственных экзаменов для должностных лиц, занимающих государственные вакансии. Тем, кто успешно его сдал, присуждалось официальное звание «ученого чиновника». Эта традиция и до сих пор сохраняется при сдаче школьных или вузовских экзаменов, которые требуют невероятного интеллектуального напряжения. Индивидуальная способность к обучению, считал он, создает основу образования и закладывает путь к успеху.

Во-вторых, конфуцианцы создали обширную литературу, на основе которой были сформированы первые учебники, изучавшиеся в течение многих столетий. Ориентация на классические образцы подготовки специалистов, настороженное отношение к переменам и прогрессу в целом, игнорирование практического и научного знания – таков пафос патриархальной аксиологии Конфуция и его последователей.

В-третьих, целью конфуцианского образования стало скорее социальное, чем индивидуальное развитие человека. Моральные ценности, которые он защищал, были, в конечном счете, связаны со служением государству, сановной деятельностью, управлением и регулированием социальных отношений. Конфуций надолго запрограммировал схему развития учеников: собственное самосовершенство – семейная гармония – благополучие провинции/государства – мир в империи. Социальное измерение человека обычно соотносится с инструментальной целью образования, то есть оно не является самоцелью, а используется как средство для достижения других целей. Обучение таланта, лояльного к правительству и государству стало в философии Конфуция фундаментальным принципом образования должностного лица. Содействие этим целям образования остается одной из наиболее серьезных задач современного китайского образования.

Список литературы

1. Конфуций. Лунь Юй // Древнекитайская философия: В 2-х т. – М.: Мысль, 1972. Т.1.

НОВЫЕ МАРШРУТЫ МИГРАЦИИ В ПРИМОРСКОМ РЕГИОНЕ

Ерохина Л.Д., Трифонова Г.А.

Миграция населения в Приморском крае в настоящее время может быть проанализирована на трех уровнях: внутрирегиональном, межрегиональном и межстрановом.

Население края на 1991 г. составляла 2 млн. 312 чел. На долю внутрикраевых перемещений в разные годы приходилось от 48 до 70 % общих объемов миграции. С 1993 по 1999 г. доля внутрикраевой миграции варьировалась от 48 до 57 %, в 2000-2005 гг. наблюдался рост от 60 до 70 %, а в следующие годы произошла стабилизация на уровне 61-62 % [1, с. 3]. Объяснить это можно следующим образом.

У тех, граждан, которые потенциально хотели бы покинуть край или совершить переезд внутри края из населенного пункта с худшим качеством жизни в крупный город (например, во Владивосток, Уссурийск, Находку или Артем), не хватает достаточных финансовых ресурсов для осуществления переезда и адаптации на новом месте. Немаловажную роль играет разница в стоимости жилья на территориях выбытия и прибытия потенциальных мигрантов. Уровень безработицы в регионе прибытия на намерение переехать влияет в меньшей степени.

Межрегиональная миграция по прибытию и выбытию при сохранении общих тенденций имеет качественные различия. Доля прибывших из других регионов России на протяжении всего периода времени достаточно стабильна и составляет в среднем 30,5 % [1, с. 7]. Это говорит о том, что в целом мотивация прибывших в Приморье не менялась со времен существования советской страны. В Приморский край ехали мигранты в надежде заработать хорошие деньги, получить социальные льготы, заработать на квартиру.

Но с изменением государственной региональной политики России не в пользу ДВ региона привело к значительному сокращению государственного заказа предприятиям оборонно-промышленного и рыбохозяйственного комплексов. В свою очередь это вызвало устойчивый отток квалифицированных кадров в центральные и западные районы России. Уже за первые десять лет рыночных реформ общая численность населения Дальнего Востока сократилась почти на треть (с 8,2 млн. чел. (1990г.) до 6,3 млн. чел. в 2000г.), а по Приморскому краю потери составили 157 тыс. чел и общая численность населения снизилась до 2 млн. 155 тыс. чел. Был нарушен баланс региональной системы трудовых ресурсов и выявилась острая нехватка как высококвалифицированных специалистов, так и низкоквалифицированной рабочей силы в сельском хозяйстве, строительстве, торговле, общественном питании и ряде других секторах экономической деятельности [2].

Но сокращение населения продолжается и в настоящее время. Численность населения Приморского края как субъекта Российской Федерации к 1 октября 2015 года составила немногим более 1,9 миллиона человек (1,929,4 тысячи человек) при населении в 3 миллиона в 1993 г. При этом основной причиной сокращения является миграционный отток – 67,8% [3]. Только за 10 месяцев 2015 г. Приморский край покинули 4 тыс. чел.

Центрами притяжения для мигрантов из Приморского края в настоящее время являются регионы Центрального и Сибирского федерального округов (на их долю приходится около 60% всех межрегиональных перемещений) [2]. До 2012 г. ими являлись Украина, Беларусь и Казахстан. Причин для оттока населения много: высокие цены, сопоставимые со столичными, но при низких заработных платах; отдаленность от центральных регионов России и транспортная изоляция; растущая стоимость ЖКХ, обгоняющая все другие регионы России и др. В рейтинге субъектов федерации по условиям жизни Дальневосточный регион находится за 60-й позицией. Даже внутри Дальневосточного региона Приморский край после завершения грандиозных строек саммита АТР перестает быть привлекательным для специалистов (табл. 1).

Таблица 1. Рейтинг регионов Дальневосточного федерального округа по привлекательности для миграции

№	Субъект РФ	Прибыло чел.	Выбыло чел.	Миграционный прирост(+), убыль (-), чел.
1	Амурская область	19655	19129	526
2	Чукотский авт.округ	3192	2954	238
3	Еврейская авт.область	2511	3424	-913
4	Сахалинская область	13061	14027	-966
5	Магаданская область	3964	5180	-1216
6	Камчатский край	8396	10620	-2224
7	Республика Саха (Якутия)	19564	22656	-3092
8	Хабаровский край	33487	36774	-3287
9	Приморский край	47036	51199	-4163
	Дальневосточный федеральный округ	150866	165963	-15097

По данным Росстата за январь – август 2014 года

Уезжают востребованные специалисты, не имеющие должной социальной и материальной поддержки. В основном, это семейные люди с детьми. Так, если говорить об общей численности мигрантов, имеющих высшее образование, то оказывается, что край ежегодно теряет более 1000 квалифицированных специалистов. Только с 2005 по 2009 г. убыль населения с высшим образованием составила 5792 чел. [1, с. 11].

Таким образом, очевидно, что Дальний Восток в целом, и Приморский край, в частности, нуждается в мигрантах. Но прибывающих в Приморский край из других субъектов Российской Федерации немного. Убыль населения частично компенсировалась до 2000 г. за счет регионов с еще более худшими условиями жизни (Сахалинская область, Чукотка).

В 2014 году темпы межрегиональной миграции снизились, а прибытие населения пополняется, в основном, за счет иностранной миграции. С момента объявления либерализации внешнеэкономической деятельности, сформировался масштабный поток мигрантов в дальневосточный регион из сопредельных стран. В первую очередь, в Приморский край стали прибывать представители КНР и КНДР. С 1993 по 2011 г. многократно возросли потоки мигрантов из Таджикистана (12,5 раз), Армении (12,3 раза), Азербайджана (18 раз), Узбекистана (3,8 раза), при практически неизменных потоках из Казахстана, Киргизии и Украины [1, с. 12]. Но замещение выбывающего русскоязычного населения не является равноценным по качеству.

По большей части, это поколение граждан, выросших уже после распада Советского Союза, не имеющих с Россией общего прошлого, не говорящих на русском языке, имеющих низкий уровень образования или вовсе неграмотных, не имеющих профессии. Помимо заработка, они не стремятся ни к какой интеграции и адаптации. Такие мигранты, как правило, заняты в строительстве, оптовой и розничной торговле, рыночной инфраструктуре, сельском хозяйстве, системе ЖКХ, т.е. там, где высока доля неквалифицированного ручного труда. Более 80% иностранных мигрантов привлекаются к работе во Владивостоке, Уссурийске, Находке, где отмечается самый низкий уровень безработицы в крае (Владивосток – 0,3%, Уссурийск – 0,7%, Находка – 0,7%) [6].

При этом мигранты из СНГ и КНДР вытесняют китайских мигрантов. Так за последние 5 лет число граждан КНР, привлекаемых на работу в различные отрасли хозяйства, здесь сократилось более чем в 2 раза (с 24,3 тыс. чел. в 2011 году до 10,8 тыс. чел. в 2015 г.). Доля китайских трудовых мигрантов в общем количестве привлекаемых на работу в Приморский край иностранных граждан также устойчиво снижается и составила в 2015 году лишь 48,7%, что есть на 20% ниже уровня 2011 года [2].

При сохранении сложившихся тенденций с течением времени это может привести к значимому изменению не только качественного, но и национального состава населения Приморья. В отличие от трудовых мигрантов из Китая, КНДР, или Вьетнама мигранты из Средней Азии прибывают в Приморье семьями, оседают, рожают здесь детей. В сфере здравоохранения Приморского края возник даже термин относительно иностранцев – «медицинская миграция».

Пока нет никаких оснований считать, что мигранты из стран СНГ будут задействованы на высокотехнологичном производстве или в науке, в то время как китайская миграция отличается положительно динамикой вхождения в социальную и экономическую структуру Приморского края студентов из КНР и специалистов, занятых в различных отраслях хозяйства.

Ситуацию несколько улучшают мигранты, прибывающие с 2007 г. в Приморский край по программе переселения соотечественников из республик бывшего СССР и дальнего зарубежья. Целью программы была, в первую очередь, компенсация в потерях населения. По информации департамента труда и социального развития Приморского края, с 2007 по 2015 год – в Приморье приехало 9 тыс. квалифицированных специалистов, которые задействованы на высокотехнологичных производствах. Среди них более 70 % – бывшие граждане Украины. Кроме украинцев, в списке участников программы также семьи из Узбекистана, Армении, Таджикистана, Казахстана, Киргизии, Молдовы, Беларуси, Туркменистана. Однако в общей массе мигрантов эта иммиграционная группа составляет всего лишь 1 %.

В течение последних пяти лет наблюдается ежегодное увеличение количества прибывающих иностранных граждан, в том числе в качестве иностранной рабочей силы, а также количества работодателей, оформляющих разрешения на привлечение и использование иностранных работников. За 12 месяцев 2014 г. въехало 409 514 иностранных граждан, что на 5,2% больше чем за аналогичный период прошлого года (389 095), выехало – 402 128 (АППГ – 382593, +5,1%). Из них на миграционный учет поставлено 269576. Основную часть лиц, поставленных на миграционный учет по месту пребывания, составляют граждане КНР (53,5%) и Республики Узбекистан (21,9%). Значительная часть иностранцев, поставленных на миграционный учет, въехала в качестве иностранной рабочей силы (34% от общего количества поставленных на учет) и с туристическими целями (26,2%)[7, с. 7-8]. Это значительное количество для края, население которого не дотягивает до двух миллионов человек.

Но есть еще нелегальные мигранты, точное количество которых трудно определить. По подсчетам начальника управления ФМС по Приморскому краю М. Белобородова, их около 30 тысяч человек [8]. Как правило, нелегальные мигранты осваивают не крупные города, а отправляются в глубинку, где работают на подпольных предприятиях, лесозаготовках и т.п. Проводимые сотрудниками правоохранительных органов плановые операции по выявлению нелегальных мигрантов все чаще выявляют их в местах, ранее им недоступных (Тернейский, Ольгинский и другие районы края). Следовательно, география распространения легальной и нелегальной миграции в крае опровергает мнение о его непривлекательности для мигрантов.

Одной из причин столь стихийного колебания иностранной рабочей силы можно назвать невнятную миграционную политику, вызывающую массу критических замечаний со стороны экспертов. По мнению директора Азиатско-Тихоокеанского института миграционных процессов Ю. Авдеева, «все планы властей о привлечении инвестиций на Дальний Восток и создании тысячи новых рабочих мест кажутся нереальными, потому что занимать эти вакантные места некому... Нужно на Дальнем Востоке максимально открыть границы для притока сюда трудовых мигрантов. Во все сферы труда необходимо приглашать высококвалифицированных специалистов, а для того чтобы их привлечь, нам нужно создать для этой рабочей силы необходимые жизненные условия».

Список литературы

1. Храмова Н.М. Тенденции и динамика демографических процессов в Приморском крае // Вестник ТГЭУ. – 2011. - № 3. – С. 3-16.
2. Латкин А.П., Кузьмина С.В. Трудовая миграция из КНР в российское Приморье: основные предпосылки и новые подходы к регулированию // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2014. – № 12. Электронный ресурс. – Доступно из: <http://uecs.ru/uecs-72-722014/item/3259-2014-12-24-07-29-51?pop=1&tmpl=component&print=1> [Режим доступа 06.07.2015]
3. Регионы России крупным планом: Приморье – забытый край или локомотив развития? Электронный ресурс. – Доступно из: <http://www.gosrf.ru/news/21036/> [Режим доступа 09.11.2015]

4. Ващук А. Демография: риск цивилизационного масштаба // Утро России. Независимая общественно-политическая газета. Электронный ресурс. – Доступно из: <http://www.ytro-grossii.ru/2011/05/31> [Режим доступа 06.11.2015]
5. Мотрич Е.Л. Население Дальнего Востока России. – Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН, 2006. – 224 с.
6. Миграционное Приморье. Данные Департамента труда и социального развития Приморского края. Электронный ресурс. – Доступно из: <http://primamedia.ru/news/society/29.01.2015/417440/migratsionnoe-primore-ishod-dvornikov-stroiteley-i-raznorabochih.html> [Режим доступа 06.11.2015]
7. Доклад Антинаркотической комиссии Приморского края «Онаркоситуации в Приморском крае за 2014 год». – Владивосток, 2015. – 77 с. – Доступно из: <http://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/law.pdf> [Режим доступа 04.11.2015]
8. В гостях как дома. Интервью руководителя УФМС М. Белобородова Российской газете. Электронный ресурс. – Доступно из: <http://www.rg.ru/2013/10/17/reg-dfo/migranty.html> [Режим доступа 03.11.2015]
9. Интервью с Ю. Адеевым директором Азиатско-Тихоокеанского института миграционных процессов. Электронный ресурс. – Доступно из: <http://primamedia.ru/news/society/29.01.2015/417440/migratsionnoe-primore-ishod-dvornikov-stroiteley-i-raznorabochih.html> [Режим доступа 01.11.2015]

КИТАЙСКАЯ КРЕДИТНАЯ МИГРАЦИЯ В БЕЛАРУСИ

Злотников А.Г.

Выполнена по гранту РФФИ-БРФФИ № Г15Р-047

В последние годы для Республики Беларусь характерной становится тенденция роста трудовой миграции из такой крупнейшей страны Азиатско-Тихоокеанского региона, как Китай. Если за 2010-2012 гг. из Китая в Беларусь прибыло 386 чел. или около одного процента всех иммигрантов, то в следующие годы наблюдается их постоянный рост. В 2013 г. удельный вес китайских мигрантов (285 чел.) составил 1,5%, в 2014 г. – общая численность иммигрантов из Китая составила 465 чел. или более 1,8% [1, с. 422]. А за первый квартал 2015 г. из 6857 трудовых мигрантов, прибывших в Беларусь, численность китайских граждан составила 1331 чел. или 19,4% (!). На другие страны (Россия, Узбекистан, Турция, Литва, Казахстан, Грузия, Азербайджан и Молдова), входящих в первую десятку трудовых мигрантов в Беларуси, приходится почти столько гастарбайтеров, сколько из Китая. Больше мигрантов было только из Украины – 3821 чел. Таким образом, в Беларуси китайские мигранты составляют один из самых многочисленных отрядов трудовых мигрантов [2].

Это заставляет осмыслить сущность социальных процессов, вызвавших такой бурный рост в Беларуси китайских трудовых мигрантов. Как они оказались почти в другом конце Планеты, причем в стране не с высоким уровнем жизни (прежде всего – заработной платы)? Кто они такие? Такие вопросы у общественности до середины текущего года не возникали.

Но в начале июля 2015 года в Беларуси произошла необычная акция, вызвавшая более внимательный интерес к китайской миграции. Около 250 китайских рабочих в сопровождении белорусского ОМОНа, ничего не нарушая, но вызывая всеобщее недоумение и кривотолки, прошли почти 30 км пешком в Гомель из районного центра Добруш, где они были заняты на строительстве картонного комбината. Из Гомеля они намеревались пешком дойти до Минска (а это около 300 км), чтобы выразить своему посольству протест по поводу невыплаты за апрель – май заработной платы. До Минска они не дошли, так как в Гомель успел прибыть проинформированный о сложившейся ситуации с соотечественниками Чрезвычайный и полномочный посол КНР в Республике Беларусь Цуй Цумин. После «переговоров» с послом рабочие вернулись к месту жительства и работы. Местные власти предоставили протестующим автобусы для обратного проезда в Добруш «во избежание еще

какого-либо инцидента». Официальная белорусская пресса об этом инциденте ничего не сообщала, хотя претензий у китайских рабочих к белорусским властям не было. Информация появилась только в интернете. Правда, социальные силы, критикующие внешнюю и внутреннюю политики Президента Республики Беларусь, попытались эту акцию связать с празднованием 3 июля Дня Независимости Республики Беларусь.

Это был конфликт между китайскими рабочими и подрядчиком, китайской компанией-застройщиком – XY Group (Xuan Yuan Industrial Development Co., LTD). Белорусские строители, которые также принимают участие в строительстве, претензий по оплате труда, хоть они получали значительно меньше китайских рабочих, не имели. Но этот демарш поставил много проблем, которые белорусской стороне еще предстоит серьезно осмыслить.

В 2012 году правительство Беларуси начало техническое переоснащение филиала «Добрушская бумажная фабрика «Герой труда» ОАО «Управляющая компания холдинга «Белорусские обои» с организацией производства мелованных и немелованных видов картона. Общие затраты по проекту – почти полмиллиарда (509,9 тыс.) дол., из которых почти 70% (348,6млн дол.) в кредит сроком на 13 лет выделил Государственный банк развития Китая с условием («связанный» кредит), что строительство осуществляется в основном китайскими рабочими, которых в Добруше занято немного более тысячи человек.

Не вникая во внутренние китайские проблемы по организации труда, условия договора китайских рабочих со своей компанией, системой штрафов за срыв графика работ, порядком выплаты заработной платы, важно уяснить, что приобретает и что теряет белорусская сторона при использовании зарубежных кредитов и в частности, китайских кредитов и китайских гастарбайтеров. Белорусская сторона эти кредиты рассматривает как своеобразные иностранные инвестиции в национальную экономику. Но на самом деле, этим кредитом в значительной степени инвестируется сама китайская экономика и в случае с использованием в Беларуси на строительстве в основном китайских рабочих не только в Добруше, но и на многих других объектах, строительство которых осуществляется за счет китайских кредитов, мы можем вести речь об особом виде трудовой миграции – кредитной миграции.

В миграционистике есть ряд понятий, отражающих многообразные виды миграций: иммиграция, эмиграция, беженцы, внутренняя, безвозвратная, маятниковая, трудовая, учебная, туристическая, нелегальная и другие виды миграций. Ситуация с трудовыми мигрантами из Китая выявила, что для миграционных процессов Беларуси новым видом стала кредитная миграция. Если в экономическом плане иммигранты (кроме нелегальных мигрантов) вносят разные платежи в бюджет государства, куда они прибыли, а кроме того, если они заняты на рынке труда, то субъекты хозяйствования вносят за них в фонд социальной защиты населения отчисления (в Беларуси 35%). Также и с работников берутся подоходный налог (в Беларуси ныне это составляет 13%) и пенсионные отчисления (в Беларуси это 1%), то в Беларуси появилась группа трудовых мигрантов, которых это не касается. Они даже освобождены от уплаты за визы или за разрешение на работу на рынке труда Беларуси.

Конечно, если бы Беларусь, как Россия, испытывала бы недостаток в трудовых ресурсах, то такой подход можно было оправдать. Но трудовой потенциал Беларуси (по расчетам от миллиона человек – в 2007-2008 гг. до 600 тыс., как ныне) оставляет большой отряд трудовых мигрантов прежде всего на российском рынке труда.

Для сущности характеристики китайской трудовой миграции Беларуси следует учитывать социальное и экономическое содержание трудовой миграции в целом. Обычная трудовая миграция (гастарбайтеры) в финансовом отношении представляет способ перекачки и привлечения иностранной валюты в национальную экономику тех стран, откуда прибыли трудовые мигранты. Ибо, заработав ее в других странах, они привозят (или осуществляя почтовые или банковские переводы) финансы в свою страну. И здесь в своей стране, они меняют валюту, пополняя валютные средства страны, включают ее в оборот на различные производственные и потребительские нужды. Так, только в 2014 г. белорусские гастарбайтеры, занятые в России и других европейских странах, только переводами инвестировали в

национальную экономику 1,05 млрд дол. А с учетом открытости белорусско-российской границы эта величина еще значительно больше.

Профессионально-квалификационный состав китайских мигрантов составляют рабочие массовых строительных профессий, которых и в Беларуси достаточно и не все они находят место приложения труда в Беларуси. В основном, это мужская рабочая сила. Если в 2014 г. среди иммигрантов Беларуси мужчины составляли 53,8%, то среди иммигрантов из Китая удельный вес мужчин составил 83,7% [1, с. 425].

Кредитная миграция, как в данном случае с китайскими строителями в Беларуси, во-первых, сохраняет валюту для своей (китайской) экономики (зарплата китайским строителям выплачивается в юанях, которая у тех, кто работает в Добруше, составила от 6 до 12 тыс. юаней в месяц, что составляет приблизительно от одной до двух тыс. дол.) и, во-вторых, способствует инвестированию кредитора дебитором.

Дело в том, что часть кредита (переменный капитал), которая составляет заработную плату китайским строителям, возвращается в Китай. Но тем не менее белорусская сторона эту часть кредита (уже возвращенную в Китай) будет в течение 13 лет погашать. Получается, что на таких условиях страна дебитор инвестирует экономику страны кредитора. И именно задержка расчетов позарботной платы строителям в Добруше подрядчиком компанией-застройщиком – XY Group выявляет этот аспект. Именно этим, прежде всего, отличается кредитная миграция от других видов трудовой миграции.

Да и образ жизни китайских кредитных мигрантов способствует тому, чтобы они как можно меньше потратились. Живут они без паспортов (их забрали), без местных сим-карт. Живут на территории фабрики более чем 10 человек в комнатах с трехъярусными кроватями. Никуда из Добруша выехать не могут, выходных дней нет, хотя компания обещала 2 выходных в месяц. Работают по 10 часов в день, на обед отводится 15 минут. После демарша для ускорения сдачи фабрики они были переведены на 14 часовую рабочую день. Строители китайцы утверждают, что на фабрике кормят их плохо, один и тот же суп и хлеб ежедневно. За то, чтобы получить работу в Добруше, они заплатили у себя на Родине агентству по трудоустройству до 2000 дол. Свой ежемесячный заработок (от 1000 до 2000 тыс. долларов) они считают небольшими деньгами, не на это рассчитывали. Для жителей же Добруша их заработок – это заоблачный заработок.

Есть и другой аспект этого конфликта – с трехмесячной задержкой выплаты заработной платы. На наш взгляд, те, кто руководит этим строительством, начисленную китайским трудовым мигрантам зарплату, держат их на депозите – это распространенная практика, и тем самым они имеют хороший «заработок». В результате имелся не один случай, когда ряд китайских менеджеров приобретали в Гомеле квартиры. И можно предположить, что депозиты здесь сыграли свою роль. По данным миграционных служб Гомельской области на ее территории работает 3,5 тыс. трудовых мигрантов из Китая. И только с начала 2015 г. их численность выросла на 1,6 тыс. чел. В Гомельской области – пять таких кредитно-инвестиционных объектов: Светлогорский завод по производству сульфатной беленой целлюлозы, Добрушская бумажная фабрика «Герой труда» с организацией производства мелованных и немелованных видов картона, электрификация Гомельского участка железной дороги, часть автодороги Гомель-Минск и планируется реконструкция Гомельской ТЭЦ-1, на котором предполагается приезд около 350 китайских строителей. А в Беларуси есть еще масса объектов, на которых заняты китайские рабочие. Наиболее известный из них комплекс «Великий Камень» (GreatStone) рядом с Национальным Аэропортом. По данным средств массовой информации всего в белорусской экономике в настоящее время занято около 10 тыс. китайских иммигрантов. И большинство из них это кредитные мигранты.

Иностранные инвестиции в белорусскую экономику в последнее время главным образом связаны с кредитами Китая. Он является главным инвестором белорусской экономики. Этот приоритет зафиксирован в ряде нормативных документов Республики Беларусь. Это Закон Республики Беларусь от 15 декабря 2014 года «О ратификации Соглашения между Правительством Республики Беларусь и

Правительством Китайской Народной Республики о механизмах двустороннего сотрудничества по реализации проектов технико-экономической помощи», Указ Президента Республики Беларусь от 30 августа 2012 г. № 391 «О строительстве завода по производству сульфатной беленой целлюлозы» (с изменениями и дополнениями от 28 мая 2015 г. № 219), Декрет Президента Республики Беларусь от 6 августа 2009 г. № 10 «О создании дополнительных условий для инвестиционной деятельности в Республике Беларусь», Директива Президента Республики Беларусь «О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной республикой» от 31 августа 2014 г. № 5, «Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите инвестиций» от 11 января 1993 г.

К сожалению, те, кто озабочен привлечением в Беларусь как можно больше иностранных кредитов, не вникают в условия выделения китайских кредитов, что они осваиваются гражданами Китая. А это в результате одновременно способствуют тому, что кредитный долг увеличивается как минимум в полтора раза по сравнению с обычным выделением кредитов.

Список литературы

1. Демографический ежегодник Республики Беларусь. Статистический сборник. 2015. – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2015. – 449 с.
2. <http://finance.tut.by/print455435.html> [Дата доступа 10.07.2015].

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

Ильченко О.Ю.

Официальный сайт уголовно-правовой системы так характеризует положение женщин: «по состоянию на 1 октября 2015 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержится 52 157 женщины (- 2 545 чел.), в том числе 42 043 осужденных, содержащихся в исправительных колониях, лечебно-исправительных учреждениях, лечебно-профилактических учреждениях и 10 114 чел., содержащихся в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов при колониях» (Федеральная служба исполнения наказания, 2015).

Официальный стиль изложения и сухие статистические цифры не дают представления о реальном положении осужденных женщин и их потребностях. Попадая в сферу уголовного правосудия, женщины особенно уязвимы. В 85 субъектах Российской Федерации только 40 женских колоний и 65 воспитательных, из них для девочек только три. Это означает, что женщины более чем из половины субъектов Российской Федерации вывозятся этапами в другие области (Альперн, 2003). Женских колоний строгого режима в России только две, сюда женщин свезут уже не из 30, а из 45 субъектов Российской Федерации.

Сложившиеся еще в советский период условия отбывания наказания не учитывают психологические и физиологические особенности женщин, иначе говоря, женщины содержатся как мужчины или, точнее, как некий усредненный человек без учета половых, возрастных и прочих индивидуальных особенностей (Альперн, 2003). Реальность такова, что в переполненных пенитенциарных учреждениях с нехваткой обслуживающего персонала женщины в лучшем случае имеют ограниченный доступ к базовым удобствам и услугам, не удовлетворенными остаются даже основные потребности женщин, - такие как наличие гигиенических средств, необходимых во время менструального периода. Положение женщин усугубляется плохими условиями содержания, скудным питанием, несоблюдением гигиены из-за отсутствия горячей воды и некачественным медицинским обслуживанием.

Среди женщин, содержащихся в исправительных колониях России, более 8% заражены ВИЧ. При этом каждый год число таких больных увеличивается примерно на 8 тыс. человек (Воронцова, 2014). Женщины, содержащиеся в учреждениях уголовно-правовой системы, подвержены риску различных заболеваний больше чем мужчины, в том числе, потому что ещё до заключения под стражу многие из них подвергались сексуальному насилию, употребляли инъекционные наркотики. Согласно данным замдиректора ФСИН России Н Колесника, многие заключенные годами не догадываются о

своём ВИЧ-статусе и узнают о нём только в тюремной больнице после обследования по другому диагнозу. После попадания в исправительные учреждения у женщин часто диагностируются и другие, не менее опасные заболевания. Так, 9% всех женщин-заключённых страдают активной формой туберкулеза, столько же – наркоманией, а у 8% диагностированы различные психические нарушения (Воронцова, 2014). Кроме того, широко представлены соматические заболевания, из которых первые места занимают сердечно-сосудистые и гинекологические болезни.

Особые затруднения возникают в случаях необходимости оказания квалифицированной медицинской помощи в стационаре. Это связано с конвоированием в общегражданские больницы, где медперсонал далеко не всегда готов тратить время и медикаменты на пациентов из тюрьмы.

Другая значимая проблема женщин, содержащихся в исправительных учреждениях, связана с выполнением ими материнских обязанностей. Беременные женщины в тюрьме страдают от многочисленных проблем, например, нехватки свежего воздуха, полноценного питания, витаминов, различных болезней, дефицита лекарств и невнимательности медперсонала. Около 1% осуждённых женщин становятся матерями в тюрьме. Слабое здоровье матерей является причиной рождения больных детей. Специалисты отмечают, что более 70% детей, рождённых за решеткой, имеют различные патологии, в том числе туберкулез и ВИЧ-инфекцию (Воронцова, 2014). Более 40% таких детей страдают заболеваниями дыхательных путей. Многие страдают задержкой развития, болезнями нервной системы. Как правило, будущее таких детей предопределено: пока мать содержится в СИЗО, ребенок находится рядом с ней, но стоит матери переместиться в колонию, ребенка передают в Дом матери и ребенка, куда женщину пускают только на несколько часов в день. В настоящее время Дома ребёнка существуют лишь в 13 колониях, в которых проживает 653 ребёнка (Федеральная служба исполнения наказания, 2015). Этапирование (перевод из одного места заключения в другое, в котором есть Дом ребёнка) рожениц дорогостоящее и редко применимое мероприятие. Если при колонии нет Дома ребёнка, то во многих случаях женщин склоняют к отказу от родительских прав, под прикрытием лозунгов «такие женщины недостойны быть матерями». Кроме того женщины сталкиваются с трудностями при получении родовых выплат и детских пособий. Зачастую администрация учреждений не хочет заниматься оформлением документов, т.к. по их мнению, это не входит в круг их профессиональных обязанностей.

В лучшем случае ребенок может оставаться с матерью до трех лет, после чего его отправляют в детский дом, откуда матери после выхода на свободу забирают их очень редко. Физическое разлучение матерей и детей приводит к ослаблению психологической связи между ними и, в конечном счёте, способствует отказам от детей. Дети, рождённые и воспитанные в таких условиях, с более высокой вероятностью, чем дети из благополучных семей, встанут на путь совершения преступлений, они сами попадают в места лишения свободы и тем самым продолжают «цикл насилия».

Не легче приходится женщинам, чьи дети остались «на воле». Среди заключённых-женщин 80% - матери. Средний срок заключения в России - 6 лет. Это длинная разлука, за время которой вырастают даже очень маленькие дети. Потеря материнских прав - один из главных вопросов, возникающих в связи с отбыванием женщинами наказания в тюрьмах и колониях. Мысль о том, что где-то растут дети, которых невозможно увидеть, приласкать, помочь им в трудную минуту, невыносима для матери, даже совершившей уголовное преступление (Альперн, 2003).

Женщины обычно отбывают наказание вдали от дома; расстояние, отделяющее их от детей, семей и друзей, усугубляет чувство одиночества, которое может стать источником дополнительных проблем (финансовые трудности, тревожность) как для женщин, так и для их семей.

После ареста жены и матери, семьи испытывают значительные социально-психологические трудности, а также подвергаются стигматизации, последствия которой особенно негативно сказываются на детях (Murray&Farrington, 2008). Члены семьи часто скрывают правду от своих детей, чтобы защитить их, но рано или поздно дети неизбежно сталкиваются с реальностью. При более длительных сроках тюремного заключения семьи испытывают значительную стрессовую нагрузку и напряжение, наносящие ощутимый удар отношениям. Сохранения семейных связей – важный

социальный вопрос, так как наличие семьи, хорошие внутрисемейные отношения являются значительным фактором для успешной реадaptации бывших заключенных. Как справедливо подчеркивает Браман: «этот вопрос ...не является просто проблемой наказания и сдерживания преступников, но касается укрепления семейных уз, способствует улучшению жизни в общине, и в конечном итоге определяет характер нашего общества в целом» (Braman, 2004).

Результаты криминологических исследований единодушно показывают, что суровое уголовное наказание если и оказывает, то незначительное влияние на уровень преступности, и производит небольшой превентивный эффект (Кури, Ильченко, 2013). В тоже время наказание в виде лишения свободы имеет значительные отрицательные последствия. Их наложение требует оказания дополнительных интенсивных реабилитационных мероприятий для того, чтобы мотивировать людей к изменению поведения. Простая «отсидка» наказания вызывает, как правило, лишь закрепление криминального поведения, привычек и установок, чему способствует мощное воздействие тюремной субкультуры. Современная уголовно-политическая тенденция, направленная на ужесточение наказания, увеличение сроков тюремного заключения и числа арестантов, ведет в ошибочном направлении. Заключенные должны были мотивированы возможностью досрочного освобождения при соответствующем сотрудничестве и изменении поведения. Клиа считает: «Если существует проблема массового лишения свободы, проявляющаяся в большом количестве осужденных на долгие сроки заключения, то решение сводится к меньшему числу заключенных и сокращению сроков лишения свободы» (Clear, 2008).

После освобождения женщины острее ощущают бремя стигматизации, чем мужчины. Женщины часто оказываются не в состоянии выполнить требования для сохранения опеки над детьми и не могут вернуть себе этого права, если оно перешло к другим членам семьи.

Как отмечает Карпов: «женщины попадают в ту же среду, в которой находились до совершения преступления» (Карпов, 2014). Кроме того, женщины испытывают огромные трудности с устройством на работу – в большинстве случаев бывшим заключенным предлагают работу, связанную с тяжелой физической нагрузкой. Отсутствие постоянного заработка препятствует улучшению финансового положения, восстановлению социального статуса бывшей заключённой, усугубляет ситуацию с восстановлением права опеки над детьми.

Процесс переход женщин, осужденных к лишению свободы, от «заключения» к «освобождению» должен происходить при соответствующем внимании и сотрудничестве заинтересованных лиц, быть предварительно подготовлен и контролироваться в течение некоторого времени. Освобождению женщин после длительного тюремного заключения должна сопутствовать совокупность *последующих* мероприятий, таких как интеграция на рынок труда, поиск работы. Значительное число мероприятий должно проводиться для улучшения процесса адаптации и реинтеграции женщин, освободившихся из мест лишения свободы.

Список литературы

1. Альперн Л. Положение женщин в системе уголовного правосудия URL: <http://www.mhg.ru/publications/1CC2979> (дата обращения 05.11.2015)
2. Воронцова В. Невольные жертвы URL: <http://www.newizv.ru/society/2014-02-27/197759-nevolnye-zhertvy.html> (дата обращения 05.11.2015)
3. Карпов В.С. Меры уголовно-правового характера, применяемые к женщинам-преступницам. Практика и проблемы их применения в Российской Федерации // Актуальные проблемы экономики и права. – 2014. – №1(29). – С. 277–282.
4. Кури Х., Ильченко О. Эффективность наказания: результаты международных исследований// Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – №2(26). – С. 240–256.
5. Федеральная служба исполнения наказания URL: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения 05.11.2015)

6. Braman, D. (2004). *Doing Time on the Outside: Incarceration and Family Life in America*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
7. Clear, T.R. (2008). The Effects of High Imprisonment Rates on Communities. In: Tonry, M. (Hrsg.), *Crime and Justice*. Chicago: University of Chicago Press, *A Review of Research*, 37, 97-132.
8. Murray, J., Farrington, D.P. (2008). The Effects of Parental Imprisonment on Children. In: Tonry, M. (Hrsg.), *Crime and Justice*. Chicago: Chicago University Press. *A Review of Research*, 37, 133-206.

ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ В КИТАЕ: СЦЕНАРИИ ОТКАЗА ОТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ БАРЬЕРОВ

Кондратенко Г.В.

В конце октября текущего года в КНР состоялся 5 пленум ЦК КПК 18 созыва. На сессии обсуждался пятилетний план развития страны на 2016—2020 гг. Ключевым вопросом остаётся социальное развитие и достижение средней зажиточности к 2020 г. В частности, в документах пленума говорится о расширении социальных программ и повышении уровня жизни населения (на 10,1%) и т. д. Главный вопрос заключается в том, о каких категориях населения идёт речь. Так как ставка сделана на инновационное развитие страны и дальнейшую урбанизацию, то, скорее всего, речь можно вести о расширении городского среднего класса и повышении качества человеческого капитала. В программных документах говорится и о стимулировании дальнейшего экономического роста деревни с целью сокращения разрыва между городом и деревней [4].

В настоящее время наиболее проблемными группами населения в стране являются городские жители, потерявшие работу и так называемые «рабочие-мигранты», т. е. сельские жители, которые приезжают работать и жить в города, не изменив своего гражданского состояния и не поменяв статус прописки («хукоу»).

Хотя власти признают наличие этой группы населения в структуре общества и даже предпринимают некоторые меры по улучшению их жизни, о мигрантах редко говорят в контексте развития страны и не предлагают радикального решения этой проблемы. Эксперты считают, что эта категория населения внесла ключевой вклад в развитие страны, но при этом находится в состоянии институциональной дискриминации.

Внутренняя миграция в Китае – более сложное явление, чем в большинстве развивающихся обществ, так как является результатом функционирования социалистической системы. В рыночных обществах миграция преимущественно является индивидуальной инициативой, хотя принятие индивидуального решения зависит от структурных факторов. Накануне реформ миграция в Китае происходила по инициативе государства, независимо от индивидуальных интересов. Государство регулировало и напрямую вмешивалось в миграционный процесс посредством сложной сети институтов, наиболее важными из которых являются планирование труда, монополия государства на занятость, контроль за местом жительства, система мобилизации труда и т. д. После 1978 г. большинство из этих институтов продолжало действовать, и хотя в более слабой форме.

До середины 1990-х система миграции была следующей: человек, который хотел официально изменить место жительства внутри административной единицы (город, посёлок, большой город), сначала должен был получить разрешение от его/её подразделения (в основном это рабочие подразделения в городах или деревнях или посёлках в сельской местности) в отпускающих и принимающих районах. Это был, как правило, самый сложный этап, так как государственные подразделения защищали свои собственные трудовые ресурсы и препятствовали каким-либо изменениям в рабочих местах, если это движение не иницируется государством. После получения разрешения с места работы следующим шагом было представление заявки «уполномоченному департаменту», например муниципальному бюро промышленности или министерству общественной безопасности. Итоговое разрешение получали от бюро по труду или кадрам, чтобы те могли убедиться, что это движение соответствует плану гос. политики в области труда. Финальная стадия включает заявку на новый документ о регистрации от Бюро общественной безопасности. Если во время любого

этапа происходит сбой, то дальнейшие действия были бессмысленны. Реформы и экономическое развитие изменили расстановку политических сил и распределение труда в стране и поэтому официальная миграция стала приравняться к изменению статуса прописки, которая определяет гражданское положение и доступ к социальному обеспечению. Статус прописки (городской — сельский, сельскохозяйственный — несельскохозяйственный (отменён в конце 90-х гг.) изменить настолько сложно, что люди предпочитают не мигрировать официально, а просто перемещаться (плавающее население); и этих людей в Китае очень много. Кроме того, что такие мигранты постоянно в движении, они ещё и выключены из общенациональной системы социального обеспечения.

По данным ежегодного опроса работающих мигрантов (из села в город), который проводится Национальным бюро статистики, в 2014 г. в городах Китая работало 274 млн. сельских рабочих, что составляет около 36% общей численности рабочей силы Китая (около 770 млн. человек). Общее число рабочих-мигрантов неуклонно росло на протяжении последнего десятилетия, темпы роста заметно снизились за последние пять лет с 5,5% в 2010 году до 1,9% в 2014 году [1]. Это замедление соответствует общему сокращению трудоспособного населения Китая в последние три года. Политика ограничения рождаемости, проводимая в стране с 1980-х гг., привела к сокращению трудоспособного населения в Китае и вполне вероятно, что и количество мигрантов уже достигло пиковых значений и в дальнейшем должно снижаться.

Подавляющее большинство сельских трудящихся-мигрантов занято на низкооплачиваемых рабочих местах в обрабатывающей промышленности, строительстве и сфере услуг. Уровень заработной платы трудящихся-мигрантов постепенно растёт на протяжении последних пяти лет, достигнув в 2014 г. 2,864 юаней в месяц. Самым высокооплачиваемым сектором были транспорт и логистика (3301 юаней в месяц) и строительство (3,292 юаней в месяц), в то время как те, кто работает в секторах бытовых услуг, торговли, гостиничного обслуживания и общественного питания были самыми низкооплачиваемыми, зарабатывая чуть более 2500 юаней в месяц. Для сравнения, уровень зарплат городских жителей в 2014 г. составлял в среднем 4694 юаней. В то же время уровень доходов в деревне составлял около 1500 юаней [3]. Основной причиной мобильности сами мигранты называют «уровень зарплат» и «разрыв в доходах между городом и деревней» [2].

В дополнение к низкой заработной плате, мигранты, как правило, работают больше горожан и их гарантии занятости очень малы. В среднем, они работают 25,3 дней в месяц и 8,8 часов в день. Доля мигрантов, вовлечённых в пенсионное страхование и другие виды социального обеспечения, остаётся на очень низком уровне, около половины от среднего показателя по стране. Ежегодное исследование мигрантов показало, что в 2014 году только 16,4% мигрантов были включены в пенсионное страхование и 18,2% имели медицинскую страховку.

Как было показано, чтобы решить социально-экономические проблемы «плавающего» населения Китая необходимо провести реформу системы хукоу. Здесь возможны два сценария решения: 1) Консервативный сценарий - сохранение хукоу на неопределённый срок, но с постепенным ослаблением контроля над миграцией населения и вовлечением мигрантов в систему социального обеспечения в стране. 2) Либеральный - одномоментная и общенациональная отмена система хукоу, отмена контроля за перемещением населения и предоставление мигрантам возможности интегрироваться в существующую структуру общества. Безусловно, что вариант с полной заморозкой системы регистрации невозможен, и он не рассматривается.

Первый сценарий консервативный — система хукоу продолжает оставаться основным регулятором мобильности населения в Китае. При таком развитии событий власти могут постепенно ослаблять административные барьеры (такие меры уже действуют) и позволять местным властям на уровне уездов и городов отменять ограничения по прописке. Это не решит социальные проблемы мигрантов, но поможет им в реализации прав на равную занятость и равные доходы с городскими жителями, и поэтому они смогут часть средств расходовать на собственное страхование. Рекомендации экспертов при данном сценарии могут быть следующими:

1. Разорвать связь между статусом хукоу и предоставлением социальных услуг

несовершеннолетним детям мигрантов. Все дети, проживающие в городе, должны пользоваться равными правами на образование, медицинское обслуживание и социальное обеспечение.

2. Переложить ответственность за социальное обеспечение мигрантов, работающих в городах, на городские органы социальной защиты. Так как мигранты работают в городах, платят здесь налоги и улучшают жизнь городов, то нужно снять ответственность с бедных сельских районов, в которых мигранты прописаны, и переложить её на городские органы власти.

3. Способствовать интеграции мигрантов в городскую среду. Создание благоприятной среды поможет мигрантам адаптироваться и закрепиться на новом месте жительства, что, в свою очередь, снизит уровень вынужденной мобильности в Китае и предотвратит размывание городских границ.

4. Увеличить инвестиции в сельскую медицину и образование. Также необходимо строить новые школы и больницы и повышать квалификацию персонала. Заработная плата должна быть увеличена и выплачиваться вовремя (возможно переподчинение сельских социальных учреждений властям уездного уровня для обеспечения финансовых гарантий).

Консервативный сценарий в случае его реализации предполагает сохранение границ между городом и деревней, он будет закреплять существующий разрыв в уровне экономического развития между регионами. Но он требует и повышения финансовых вливаний в китайскую деревню, чтобы избежать социального взрыва и сохранить социальную стабильность, которая необходима для продолжения реформ в стране.

Либеральный сценарий становится всё более возможным. В его пользу говорят два очевидных факта. Во-первых, в этом году было принято решение об отмене политики «одна семья — один ребёнок», политики, которая по своему характеру очень схожа с политикой ограничения миграции в стране. Во-вторых, по оценкам экономистов, пик миграции уже пройден и возможности привлечения свободных трудовых резервов в стране уже ограничены [6] (некоторые даже говорят о переходе точки Льюиса [5]). Это, в свою очередь, позволяет говорить о том, что отмена ограничения миграции не вызовет массового притока людей из села в город, чего так боялись власти на протяжении 50 лет.

Можно прогнозировать некоторые последствия отмены системы прописки:

1. Усилится переток свободных рабочих из депрессивных регионов Центрального Китая в более развитые регионы;

2. Уменьшится разрыв в доходах мигрантов и городского населения;

3. Возрастет стоимость рабочей силы в стране, из-за этого уменьшится экспортная прибыль, но при условии переориентации на внутренний спрос вырастет покупательная способность внутри страны. Негативным последствием этого шага может стать рост инфляции с нынешних 4% до 8—10%.

4. Вырастут инвестиционные вложения в основные производственные фонды деревни — строительство «новой деревни» потребует повышения технологического уровня и повышения квалификации рабочей силы.

5. Ускорится рост городов и возможен рост преступности (по оценкам специалистов, до 30%).

6. Уменьшится критика Китая со стороны западных лидеров, которые обвиняют страну в нарушении прав человека.

Какой бы сценарий не выбрало руководство страны, это потребует достаточно больших затрат на развитие социальной инфраструктуры в стране, увеличения затрат на повышение качества человеческого капитала и значительную либерализацию законодательства страны. Готов ли Китай отказаться от институциональных пережитков плановой экономики сразу или это процесс растянется на долгий период, покажет время.

Список литературы

1. Migrant workers and their children.// ChinaLabourBulletin. 27 June 2014. [Электронный ресурс]. Доступно из URL: <http://www.clb.org.hk/en/content/migrant-workers-and-their-children>ю Дата обращения 21.10.2015.
2. Та Liu and Kam Wing Chan. National statistics on internal migration in China: comparability problems.// ChinaInformation 2001; №15; - Pp. 75 — 113.
3. Wages and employment.// China Labour Bulletin. Resourcecentre. [Электронный ресурс]. Доступно из URL: <http://www.clb.org.hk/en/view-resource-centre-content/100206>.
4. В Пекине открылся пятый пленум ЦК Компартии Китая 18-го созыва. [Электронный ресурс]. Доступно из URL: <http://ria.ru/world/20151026/1308167271.html>. Дата обращения: 30.10.2015.
5. Ван Лэй. Наступил ли поворотный пункт? Дискуссия о дефиците рабочей силы в Китае. // Китай. 2010. - №10. - С. 16 — 17.
6. Фань Ган. Дешёвая рабочая сила. Грозит ли Китаю утрата этого преимущества? // Китай. 2010. - №10. - С. 2.

РАЗВИТИЕ НЕРАЗВИТОСТИ: ДАЛЬНИЙ ВОСТОК И РОССИЯ В МИР-ЭКОНОМИКЕ

Купряшкин И.В.

*Прекрасная вещь - любовь к отечеству,
но есть нечто еще более прекрасное - это
любовь к истине.
(П.Я. Чаадаев, 1837г.)*

*Истина дороже отечества.
(М.К. Мамардашвили, 1990г.)*

В последнее время в СМИ и научной литературе все чаще слышны голоса тех, кто говорит о динамичном развитии современной России, участии ее в мировой политике и экономике в качестве одного из важнейших акторов. В числе достижений называются успешное членство в БРИКС, активизация в АТР, новые акценты в развитии дальневосточных территорий, эффективная борьба с мировым терроризмом на Ближнем Востоке и другие мотивы для национальной гордости. Насколько восторженные оценки соответствуют реальности? Наука, как известно, обязана отличать сущность от видимости. Названием статьи мы отсылаем читателей к концепции зависимого развития и мир-системному анализу, а в рамках отведенного объема текста приведем несколько приглашений к размышлениям.

По поводу места России в клубе БРИКС согласимся с важным замечанием А.В. Готного (озвученным еще до включения ЮАР в состав группы, причем само это расширение количества участников представляется весьма интересным для анализа). В период существования СССР сравнение советской системы с развивающимися экономиками означало бы ее глубокий упадок и отсталость, послужило бы причиной для критики государственной политики. В наши дни членство России в БРИКС выступает поводом для национальной гордости. Указанное различие в оценках представляется весьма симптоматичным само по себе [2, с.22]. Далее А.В. Готного показывает, что типологического сходства между экономиками стран БРИКС нет. Для демонстрации тезиса автор использовал показатели экономической динамики этих стран в период мирового экономического кризиса [2, с.23-25]. Экономика России качественно отличается от экономик Китая, Индии и Бразилии, поскольку развитие в ней направлено на количественный рост, имеет экстенсивный характер, в то время как остальные страны группы ставят акцент на качественный рост, интенсивное экономическое развитие [2, с.26]. Не в пользу отечества будут и данные о структуре экспорта ЮАР, где отмечается значительное уменьшение показателей сырьевого экспорта с 71,8% в 1988 г. до 46,2% в 2002 г., и далее до 40,2% в 2013 году [11]. Россия же продолжает настойчиво пугать соседей неизбежным энергетическим партнерством, игнорируя общеизвестный выход из тупика, который состоит в преодолении сырьевого характера экономики [2, с. 27]. В данной связи, совсем небесполезны слова профессора Нью-Йоркского университета Н. Рубини, что Россия является «самозванцем» в этой группе

стран [6]. Таким образом, успехи, которые прогнозируют эксперты странам БРИКС, вряд ли «светят» России.

Очередная активизация России в АТР в современной исторической ситуации может быть представлена (и, вероятно, представлялась многим) как попытка прицепиться за чужой локомотив. Однако некоторые экспертные оценки и здесь возвращают с небес на землю. Алексей Маслов подсчитал, что за всю современную историю российско-китайских отношений, с 1990-х годов, КНР вложила в развитие России меньше 6 млрд. долларов [7]. Автор подчеркивает, что Китай инвестирует за рубежом только совместные или китайские предприятия, при этом «ставя свою ногу на чужую территорию» [7]. Логично резюмировать, что и другие страны БРИКС, и ведущие участники современных экономических процессов не собираются заниматься решением проблем российской экономики.

В свете мир-системного анализа экономическая отсталость России получает теоретическое подтверждение. Хотя в данном случае отношения складываются не просто по принципу Запад – ядро, а Россия – периферия. С позиции мир-системного подхода Россия в течение последних веков с переменным успехом находится на полупериферии капиталистической мир-системы, то есть частично пользуется преимуществом стран, находящихся в центре мир-системы, а частично является объектом эксплуатации в результате неравного обмена и глобального разделения капитала, технологий, труда и сырья [3, с.8]. То есть Россию можно определять либо как самый слабый сегмент ядра, либо как самую сильную часть периферии мир-системы. Здесь стоит еще раз подчеркнуть, что мир-системный анализ скептически оценивает надежды периферийных экономик избавиться от трудовой и сырьевой эксплуатации посредством реализации различных концепций форсированного и догоняющего развития. Статус полупериферии Россия носит благодаря сильному административно-политическому сектору и наличию мощного военного комплекса, несмотря на очевидно слабую экономическую сферу. Если обратиться к современным отечественным исследованиям, можно заметить, что такое положение дел исторически обусловлено [5]. Геополитическую мощь России действительно сложно поставить под сомнение. Ближайшими примерами этой силы являются недавнее расширение территории государства и эффект от авиаударов в ходе борьбы с мировым терроризмом. Последнее обстоятельство имеет исторические аналогии: в 19 веке именно Россия снискала славу «жандарма Европы». При этом внешнеполитическом величии показателями структурных внутренних проблем могут служить новости о долгах по заработной плате строителям космодрома [8], или несоответствия размеров космического корабля и ангара для него на упомянутом объекте [9]. В разговорах о развитии отечественной экономики, вероятно, опускаются и такие факты как скачок численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума с 13,1 млн. человек в IV квартале 2014г. до 22,9 млн. человек в I квартале 2015 году [10]. Р. Коллинз указывает, что успехи на внешнеполитической арене традиционно обеспечивают легитимность и высокий престиж действующей власти, невзирая на сложности внутри страны [4, с. 153].

В соответствии с теоретическими принципами мир-системного анализа следует, что региональная экономика Дальнего Востока, функционирующая по законам, диктуемым из центра капиталистической мир-системы, нерентабельна даже по российским меркам, не говоря уже о глобальном масштабе. Регион обречен на эксплуатацию в результате неравного обмена и глобального разделения капитала, технологий, труда и сырья. Даже более того, в случае Дальнего Востока можно говорить о сверхэксплуатации, поскольку он является частью полупериферии, которая, при включении в мир-экономику, сохранила логику мир-империи. Это значит (хотя вывод и не нов), что Дальний Восток – не только периферия в рамках глобальной капиталистической мир-экономики, но и внутренняя колония российской мир-империи.

Исследование вариантов перехода от экспортно-сырьевой экономики к такому типу развития нашей страны, который послужил бы большему благосостоянию общества и позволил улучшить положение в рамках мир-экономики, не входило в нашу задачу и требует участия экспертов различных сфер. Дж. Арриги в книге с говорящим названием «Адам Смит в Пекине: что получил в наследство

XXI век» указал на смещение эпицентра мировой политической экономики в Азию во главе с Китаем [1]. Такая трансформация мироустройства ставит выбор пути развития перед всеми государствами. Для России этот выбор можно сформулировать так: Адам Смит или Сергей Уваров.

Список литературы

1. Арриги Дж. Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век / Джованни Арриги; пер. с англ. Т. Б. Менская. – Москва : Институт общественного проектирования, 2009. – 456 с.
2. Готного А. В. БРИК или БЗИК? / Александр Готного // Амурский научный вестник. - 2011. - №1. - С. 22-27.
3. Мартьянов В. Россия в меняющемся мире / Виктор Мартьянов // Свободная Мысль. – 2007. – № 6. – С. 7-22.
4. Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности / Рэндалл Коллинз; Пер. с англ. / Послесл. Н.С. Розова. - М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015. - 504с.
5. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Александр Эткинд; авториз. пер. с англ. В. Макарова. - М.: Новое литературное обозрение, 2013. - 448 с.
6. http://www.ng.ru/economics/2010-01-28/4_brik.html
7. <http://www.hse.ru/news/community/160594507.html>
8. <http://www.rbc.ru/business/22/04/2015/553746f69a79470ac028336a>
9. <http://www.rosbalt.ru/main/2015/10/01/1446500.html>
10. http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d06/179.htm
11. <http://uecs.ru/makroekonomika/item/3659-2015-08-17-07-24-39>

АНАЛИЗ ЦЕННОСТЕЙ РОССИИ И СТРАН СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ (ЯПОНИЯ, КИТАЙ, КОРЕЯ) ПО ДАННЫМ «ВСЕМИРНОГО ОБЗОРА ЦЕННОСТЕЙ»

Левшин С.В.

Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 15-33-11174

Безусловным приоритетом политики России в АТР является развитие всесторонних отношений с окружающими ее в этом регионе странами. Однако, как признается, развитие этих отношений складывается в основном вокруг политических и экономических интересов. При этом становится все более очевидным, что узким местом полноценных отношений являются культурные связи, базирующиеся на общих ценностях. Такие авторы, как С. Хантингтон, Ф. Фукуяма и Р. Инглхарт показали, что в современном мире характер исповедуемых ценностей становится ключевым фактором экономического роста и политической стабильности [5]. В этой связи значительный интерес представляет сравнительный анализ ценностных установок народов США.

Эмпирической базой данного исследования служит «Всемирный обзор ценностей» (WorldValuesSurvey) [1], в рамках которого с 1981 года проводится анкетирование по всему миру. Последней (уже шестой) волной, проведенной в 2010-2014 гг., было охвачено 67 стран и 86274 респондента. В целом же, за все шесть раундов опросом было охвачено 97 стран, представляющих более 90% населения Земли.

Теоретико-методологические основания WVS были разработаны американским социологом Рональдом Инглхартом в рамках его концепции постматериализма [3]. С этой точки зрения, в обществах, достигших достаточно высокого уровня экономического благосостояния, происходит существенный культурный сдвиг, выраженный в ориентации на т. н. постматериалистические ценности. Этот сдвиг, в свою очередь, влечет за собой потребность в демократизации общественных институтов и обеспечивает обществу переход к постмодерну.

Р. Инглхарт в своей классификации выделяет две пары групп ценностей: «выживание»/«самовыражение» и «традиционные»/«секулярно-рациональные». Ценности выживания включают в себя экономическую и физическую безопасность, материальные ценности, различные виды нетерпимости, религиозный или сциентистский конформизм и, как следствие вышеуказанного, готовность принять авторитаризм в надежде на обеспечение и сохранение этих ценностей. Ценности

самовыражения – свобода личности, права человека, качество жизни, нематериальные блага, успех, озабоченность экономией, гендерное равноправие – выходят на первый план преимущественно там, где процессы модернизации в веберовском смысле (рационалистская экономика-политическая связка – индустриализация-бюрократизация) либо завершены, либо снижают свои темпы, обеспечивая населению определенный уровень жизни и политических свобод.

В паре «традиционные»/«секулярно-рациональные» ценности к первым принадлежат религия, семья, почтение к власти, абсолютные стандарты, социальный конформизм, согласие предпочитается открытым политическим конфликтам; вторым – рациональное поведение, достижение успеха, предпочтение светского государства, низкая роль религии.

Результаты анализов опросов всех волн вопросов позволил Р. Инглхарту сделать вывод о том, что ценности обладают достаточной устойчивостью. Это идет вразрез с широко распространенными взглядами о глобальной вестернизации и американизации человечества. Во-первых, экономические успехи Восточной Азии сегодня отменяют абсолютное преимущество Запада в деле индустриальной модернизации. Во-вторых, такое передовое с этой точки зрения государство, как США, сохраняет большую приверженность традиционным и религиозным ценностям, чем другие богатые страны, и, кроме того, не является среди них культурным эталоном [2, с. 77].

Рассмотрим на основе данных шестой волны «Всемирного обзора» (2010-2014 гг.) ценности доверия, интереса к политике и веры в Бога в России, Китае, Японии и Южной Корее.

Межличностное доверие как ценность является ключевым фактором развития постматериалистической культуры (Инглхарт) и социального капитала (Фукуяма). Рост ценности доверия в данных концепциях связан с кризисом бюрократии. Бюрократически обусловленные формальные правила и регламентации, «весь этот юридический аппарат, заменяющий доверие, приводит к росту того, что экономисты называют «операционными издержками» [4, с. 56]. Тем самым бюрократия достигает пределов своей функциональной эффективности и массового притяжения [3].

Общий уровень межличностного доверия измеряется в рамках одного вопроса: «В целом, считаете ли вы, что большинству людей можно доверять, или, напротив, нужно быть осторожными, имея дело с людьми?» (V24), и содержит лишь два противоположных варианта ответов. Данные показывают, что за последние 30 лет во всех странах ярко выраженной динамики не наблюдается, и изменения по волнам опросов составляют не более 5-10% в ту или иную сторону. Единственной страной, где уровень доверия превышает половину, тем самым сохраняя первенство среди остальных стран, является Китай (60% в 2012 г.). В Японии этот показатель также относительно стабилен и в среднем составляет 38%, тогда как в Южной Корее за последние 30 лет заметно плавное снижение с 34 до 26%. В России же показатель колебался: с 1990 по 1995 уровень доверия снизился с 35 до 23%, а с 2000 по 2011 гг. незначительно повысился с 23 до 28%. Таким образом, с учетом динамики, Россия является страной с самым низким уровнем доверия среди населения.

Помимо этого, вопросник позволяет содержательно детализировать рассматриваемый показатель. Вопрос «Насколько вы доверяете: <...>», - включает в себя 6 переменных (V102-107): семья, соседи, лично знакомые, впервые встреченные люди, представители других религий, представители других национальностей. Всем рассматриваемым странам присуще максимальное доверие членам своих семей. Высок этот показатель и касаясь лично знакомых людей. Близок к нему показатель доверия соседям, однако здесь уже видны межстрановые различия: если в Китае он практически совпадает с уровнем доверия знакомым (84%), то в других странах он ниже. Так, своим соседям с доверием относятся 56% опрошенных японцев, 72% корейцев и 67% россиян. Различие между Китаем и Японией в этом вопросе объясняется различием в характере межличностных связей. В Китае последние имеют внутрисемейный и земляческий характер, в то время как в Японии они менее формализованы конфуцианскими традициями, «более субъективны и основаны на глубоком чувстве личной привязанности и долга» [5, с. 230]. Испытавшая культурное и экономическое влияние обеих стран Корея находится посередине, а в России далеко не везде соседи считаются обязательными

участниками личного круга общения. В отношении же «первых встречных» жители всех стран примерно солидарны в своем недоверии (70-80% в пользу отрицательных ответов).

Важным в рамках данной работы является степень доверия к представителям других религий и национальностей. Но здесь есть проблема в имеющихся данных. Примечательно, что процент положительных ответов относительно доверия к указанным группам в Китае и Японии весьма низок («Полностью доверяю» - 0-1%, «В некоторой степени доверяю» - ≈10%). Но не менее примечательно то, что большинство респондентов в этих странах (≈40% в обеих) не знали, как ответить на данный вопрос. Речь идет не о воздержавшихся (их нет), а именно об ответе «Не знаю». С ответами жителей Южной Кореи подобной проблемы нет. Для них характерен уровень доверия ниже 50%, однако по отношению к иноверцам он выше, чем к иностранцам (42% и 27% соответственно). Для России подобное отличие не характерно: и к тем и к другим уровень доверия примерно одинаков (31% для иноверцев, 35% для иностранцев). В то же самое время, среди наших соотечественников, как и в Китае и Японии, есть процент «не знающих» (15% и 13% соответственно).

Что касается заинтересованности жителей рассматриваемых стран в политике (переменная V84), то здесь первенство принадлежит Японии (66%). Это неудивительно, поскольку с точки зрения теории постматериализма Япония ушла вперед по уровню секулярно-рациональных ценностей, а ценности самовыражения вовсю набирают силу, что означает стремление людей к участию в политике и демократизации общественных институтов. В Китае данный показатель составляет 48%, в Южной Корее – 38%, в России – 33%. Если рассматривать другие переменные, связанные с политикой, то для России в целом характерна дистанцированность от власти и склонность к авторитаризму (с необходимостью наличия сильного лидера согласны 67% опрошенных). В других странах также поддерживается идея сильного государства, вмешивающегося в экономику, ответственного за распределение богатств и являющегося гарантом демократических свобод, однако поддержка авторитаризма существенно ниже.

С точки зрения авторов концепции постматериализма, модернизация не подразумевает своим итогом исчезновение религии вообще. Во-первых, обеспечившая модернизацию капиталистическая экономика обязана своему появлению «протестантской этике». Точно также конфуцианство не препятствовало, а наоборот, всячески способствовало экономическому подъему стран СВА. Во-вторых, «хотя в постиндустриальном обществе прежние иерархические церковные институты теряют популярность, духовная жизнь приобретает формы, все более отвечающие целям самовыражения личности» [2, с. 41-42]. Переход к постматериалистическим ценностям означает трансформацию субъективной сущности религии, ее переход от заранее заданного элемента традиции к способу самовыражения, элементу общих духовных поисков эмансипированной личности (авторы используют термин «религиозная ориентация»). С этим связано столь большое на сегодняшний день количество религиозных и квазирелигиозных организаций, в том числе и самых причудливых. В рамках глобального капитализма происходит превращение религии в товар (что в «обществе потребления» также является показателем идентичности), в рамках постмодернистской культуры - в перформанс.

В анкете «Всемирного обзора ценностей» религии посвящен целый блок вопросов (V143-156). Ключевым, по нашему мнению, можно считать вопрос «Верите ли вы в Бога» (V148). Вобравший в себя конфуцианскую этику и коммунистические идеи Китай демонстрирует самый низкий показатель – 17%. В Японии и Южной Корее процент верующих гораздо выше: 41% и 50% соответственно. Это связано с тем, что в этих странах активно действуют различные конфессии, в том числе и основные ветви христианства. В России веруют в Бога 73% опрошенных и почти все они – православные.

Рассмотренные нами ценности – лишь малая часть того, что может быть подвергнуто анализу в рамках предлагаемых «Всемирным обзором» данных. Тем не менее, уже на основании ценностей доверия, интереса к политике и веры в Бога можно сделать важные выводы. Прежде всего, налицо существенные различия ценностных ориентаций жителей России от представителей Китая, Японии и Южной Кореи. Однако при этом между этими странами также наличествует ценностная неоднородность, и Россия по различным показателям может быть близка как минимум к одной из них.

Это подтверждает возможности культурного диалога и необходимость дальнейшего изучения ценностного фундамента культур рассматриваемых стран.

Список литературы

1. World Values Survey. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 10.11.2015)
2. Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство. – 464 с.
3. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. URL: http://www.polisportal.ru/index.php?page_id=51&id=119 (дата обращения: 10.11.2015)
4. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 730 с.
5. Хантингтон С., Гаррисон Л. (ред.). Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Антология. М.: Московская школа политических исследований, 2002. – 320 с.

СОЦИОЛОГИЯ В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Лепин А.П.

В современной российской социологии, развивающейся в русле мировой, преимущественно – американской и европейской социологической мысли, не принято рассматривать сферу социального знания государств Юго-Восточной Азии. Господствующая в социальных, психологических и философских науках объяснительная схема опирается на западное господство, а все азиатское, понимаемое чаще всего как восточное, исходя из сложившейся дихотомии «Запад-Восток», рассматривается в категориях мистического, шокирующего человеческого сознание (например, типичной чертой новой эпохи стала коммерциализация азиатской сексуальности, в том числе вовлечение детей в индустрию секс-туризма, в Таиланде, на Филиппинах и во Вьетнаме) или ассоциируется с отсталостью. Правда, для последней остается все меньше оснований, по крайней мере, у экономистов. XXI век - они называют «азиатским», подразумевая количественные и качественные изменения, происходящие в юго-восточно-азиатском регионе (ЮВА).

Основной проблемой, с которой сталкиваются отечественные исследователи, имеющие научным интересом историю становления и развития социологии в странах Юго-Восточной Азии, является отсутствие удобных и доступных текстов по указанной теме. Российские и переведенные на русский язык европейские и американские учебники по социологии не включают в себя материалов по Азии, за исключением ритуального упоминания о том, что истоки социологической науки можно найти в рассуждениях Конфуция, мудрецов даосской школы Мао-цзы или в индийских текстах «Махабхараты» и даже мифологии. Это, по мнению Б.Ц. Цыбиковой, результат экспансии в XIX-XX вв. западной индустриальной цивилизации, а также доминирования ее идей и образа жизни [7].

В силу многолетнего игнорирования роли и места восточной, а тем более азиатской социальной мысли, российским обществоведам практически ничего не известно об истории, становлении и развитии социологии в странах Юго-Восточной Азии. Высказываются лишь предположения о том, что «социология стран Юго-Восточной Азии сталкивается с рядом трудностей, напоминающих своими некоторыми гранями российскую социологическую повседневность» [6].

Выросшая из мифологических, религиозных и философских учений, сфера социальных знаний государств этого региона оказалась уникальной и многогранной, но недостаточно интегрированной в мировую социологию. Последнее обстоятельство, по мнению Н.Г. Осиповой, не исключает наличия достаточно развитых и специфических региональных социологий, сформированных научными традициями отдельных стран [5].

Главной можно считать неотделимость социального знания от религиозного. Речь идет не о каком-то «небесном» призвании науки как таковой, а о самых практичных вещах, например, «встраивании традиционных азиатских институтов в современную социальную реальность» [3].

Широкий набор демократических институтов и процедур, а также характер их функционирования, обусловлен и опирается на нормы и установки буддизма. Единство религиозных традиций, которые объединяют страны Юго-Восточной Азии (таким примером могут служить Таиланд и Камбоджа и распространение на их территориях буддизма тхеравады), по мнению исследователей, не снижает степени их самобытности и не снимает существующие между ними различия [2].

Научная социология в странах Азии развивается с XIX столетия [5], но тенденция неполного, эпизодического освещения ее достижений, вынесение на задний план ее роли на фоне растущего социально-экономического влияния ведущих стран региона сохраняется. Исследователей не останавливает даже то, что социальная реальность государств Юго-Восточной Азии не вписывается в рамки социологических теорий, их интеллектуальные усилия до сих пор направлены на борьбу «нового со старым», по аналогии с дихотомией «Запад-Восток» (см. выше).

Социология Юго-Восточной Азии как наука опирается на достижения мировых классиков, но представляет из себя сформировавшуюся академическую дисциплину, имеющую в каждой стране свою специфику, которая проявляется в направленности и проблематике социологических исследований, теоретических основах и методологии проблем конкретного общества [5].

В настоящее время мы находимся на пороге переосмысления сложившейся в XX веке ситуации в социологии, до последнего времени утверждавшей дисциплинарную зависимость азиатских стран от западных социологических теорий, ориентированных на доминирование идей о том, что заимствование тех или иных социальных институтов на Западе способно сыграть решающую роль и ускорить общественно-политические процессы. Оказалось, что «западные» социологические теории в Юго-Восточной Азии не более чем застывший каркас, мертвые формы, без живой человеческой активности, а каждая страна имеет не только свою специфику, но и оригинальные идеи собственных обществоведов, которые для их российских коллег представляются лишь «смесью неразборчивых имен вне связи жизни и личности» [4].

Сравнение азиатских обществ с западными выступает важным психологическим ограничением для отечественной науки, поскольку основные интеллектуальные усилия тратятся не на знакомство с азиатской социологией, а на попытки переложить те или иные социологические теории и осмыслить с их помощью процессы успешной трансформации азиатских обществ, главной особенностью которых является отказ от радикальной смены собственных социокультурных основ и изменения своих народов как предпосылки развития.

Изучение истории и развития социологии Юго-Восточной Азии имеет важное политическое значение в условиях всеобщей глобализации, поскольку расположенные в Тихом и части Индийского океанов страны занимают важное стратегическое значение в международных коммуникациях. Они объединены в одну из наиболее успешных региональных организаций в мире – Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) [1], вес и влияние которой в мировой политике и мировой экономике постоянно возрастает. За прошедшие десятилетия АСЕАН стала наиболее успешным примером региональной интеграции за пределами Европы [1] и одним из трех основных центров экономического притяжения в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), наряду с Японией и Южной Кореей, «Большим Китаем», включающим Гонконг и Тайвань.

Согласимся с мнением российского социолога Н.Г. Осиповой, которая пишет, что незнание какого-либо факта не говорит об его отсутствии, а значит отрицать относительно автономное существование социологии в странах «незападного мира» неправомерно [5]. В условиях глобализации возникает необходимость разработки новой парадигмы мироустройства, и не учитывать мнения юго-восточно-азиатского общества с его богатейшей историей, социокультурным опытом и объемами промышленного производства нельзя.

Список литературы

1. АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы / Л.Е. Васильев [и др.]. – М.: ИД ФОРУМ, 2010.

2. Бектимирова Н.Н., Дольникова В.А. Альтернативные пути демократизации: на примере Камбоджи и Таиланда. – М.: Ленанд, 2009.
3. Кенконгкхам Субан Социокультурные особенности развития современного лаосского общества. Автореферат на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Казань, 2000.
4. Крофтс А., Бьюкенен П. История Дальнего Востока. Восточная и Юго-Восточная Азия. - М.: Центрполиграф, 2013.
5. Осипова Н.Г. Социология в странах Азии, Африки и Латинской Америки // Вестник Московского университета, сер.18. 2013, № 4. (начало), 2014, №1 (окончание).
6. Романовский Н.В. «Автономная» социология - идея или гипотеза // Социологические исследования, 2006, №9.
7. Цыбикова Б.Ц. Становление и развитие социологии в Китае. Автореферат на соискание ученой степени кандидата социологических наук. М., 2005

ФЕНОМЕН НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: РОССИЯ И КНР

Меремьянина Е.С.

В эпоху повсеместных трансформаций, когда наука и техника развиваются столь стремительно, что простому обывателю становится сложно уследить за новыми изобретениями и открытиями, вопросы дальнейших перспектив становятся всё актуальнее. Одной из ведущих проблем становится тема социальной интеграции в контексте ускоряющегося процесса глобализации. Создание межгосударственных союзов, установление межличностных контактов между представителями разных культур, ведёт к постепенному нивелированию различий, как на микро, так и на макро уровне. В то же время обостряется проблематика сохранения самобытности стран и поддержания национальной идентичности. Рассмотрим более подробно проблему национальной идентичности, остановившись на двух государствах, традиционно относимых к азиатско-тихоокеанскому региону: Россия и КНР. Данный выбор обусловлен рядом причин, так, все государства обладают значительной территорией, в разные периоды были лидерами в своих регионах. А главное изучение внутренних процессов, происходящих в данных государствах, позволит более эффективно анализировать перспективы дальнейших, заметно улучшившихся в последние годы взаимоотношений.

Национальная идентичность - культурная норма, отражающая эмоциональные реакции индивидов по отношению к своей нации и национальной политической системе [3]. Проблема национальной идентичности подробно исследуется американским социологом и политологом С. Хантингтоном на примере Америки. Идентичность он определяет как самосознание индивида или группы [5]. Значительное влияние на формирование идентичности оказывают такие факторы как территория, климат, историческая память, религия, мифы, язык, политическое устройство государства, культура, общность экономических результатов.

Различают позитивную идентичность, которая даёт ощущение безопасности и стабильности, примером может служить национальная идентичность США или ряда Европейских стран. Негативная идентичность может сопровождаться ощущением неполноценности, ущемленности и даже стыда за представителей своего народа, характерна для развивающихся стран и стран третьего мира, негативно оценивающих себя в сравнении с более развитыми странами. В качестве примера можно привести Китай в период его полуколониального состояния, когда он в большинстве вопросов зависел от ведущих Западных держав.

Сегодня мы можем наблюдать, с одной стороны, процессы повсеместной унификации ценностей, создания единых стандартов, образцом которых выступают нормы стран Запада, транслируемые главным образом США. С другой стороны, многие страны, обеспокоенные вопросами собственной самоидентификации и формирования позитивной национальной идентичности, создают проекты, направленные на её развитие и поддержание.

В России примером второй тенденции является проект формирования национальной идеи страны, который активно разрабатывается многими современными исследователями и обсуждается среди политических деятелей, например, речь Путина В.В. на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» в октябре 2013 года [4]. Однако, несмотря на высокую актуальность, данная проблематика только начинает теоретически и концептуально оформляться.

Аналогичные процессы можно наблюдать и в других странах АТР. Сравнительно недавно, в начале XXI века, осознав проблему влияния глобализации и вестернизации не только на экономику, но и на духовные основания страны Китай обратился к проблеме самоидентификации, осмысления своего места в истории, хотя процессы, способствующие формированию позитивной национальной идентичности, наблюдаются уже на протяжении нескольких десятилетий.

Возрождение идентичности великой державы начинается в Китае в 1970-ых годах. В 1971 году КНР официально стала представителем китайского народа в ООН и членом совета безопасности ООН. Китай включается во все институты мировой системы. С 1978 года начинаются экономические реформы Китая, проводимые новым лидером КНР Дэн Сяопином, способствовавшие открытости и развитию Китая. Переходный период продолжается до настоящего времени и характеризуется высокими темпами экономического развития, возникновением амбиций на лидерство в мировой системе, не подкрепленных технологическими и культурно-образовательными новациями (сохраняется положение догоняющей страны), попытка формирования собственного (без США) геополитического (ШОС, БРИКС) и геоэкономического (зоны свободной торговли КНР с другими странами) пространства.

В рамках данных тенденций актуализируется проблема национальной идеи, объединяющей и мотивирующей население Китая на дальнейшее не только экономическое, но и культурное развитие. Сегодня, общенациональные интересы возрождения Китая, возрождение китайской нации – это то, что объединяет все слои китайского общества. Идея возрождения – это общенациональная идея Китая. Официально проблема национальной идеи оформилась в виде теоретического положения о «китайской мечте», выдвинутого 29 ноября 2012 г., во время посещения Си Цзиньпином и остальными постоянными членами политбюро ЦК КПК Национального музея.

Выдвинутое Си Цзиньпином положение о «китайской мечте» стало предметом оживленного обсуждения в научных изданиях, средствах массовой информации – печатных и электронных.

Ряд исследователей, например, философ ЧжаоТинян [7], выделяют некоторые особенности феномена китайской мечты. Во-первых, её формирование происходило в ходе активной модернизации Китая, соответствовало его стремлениям стать частью клуба великих держав. И, как следствие, китайская мечта, как и китайская культура в целом попала под влияние вестернизации.

В то же время, традиционные ценности не отрицаются как таковые, но адаптируются под современные условия, создавая некий синтез традиций и инноваций, что устраивает китайское общество и соответствует духу времени[2]. Этим во многом объясняется успешность китайской модернизации. Лидер коммунистической партии Китая не раз в своих выступлениях подчеркивал, что опорой национальной идеи Китая являются его традиции, ценности, своеобразие и гибкость мировоззрения.

Однако, как и в России, китайские традиционные ценности попадают под влияние глобализации и претерпевают ряд изменений. В настоящее время под воздействием глобализационных процессов традиционные ценности китайской нации постепенно уступают место новым, по сути, западным ценностям, среди которых особо выделяются прагматизм, индивидуализм, материальное благополучие (обеспечение жильем, ценность потребления). Например, исследования ценностных ориентаций современной молодежи показывают трансформацию традиционных семейных ценностей среди молодёжи, проживающей в крупных городах, появление новых форм брака. Если ранее выбор спутника жизни определялся родителями, интересами рода, то сегодня всё меньше молодых людей зависят от мнения родителей. Согласно опросу, проведенному сайтом www.sojump.com в 2012 г., более половины респондентов (53%) ответили, что при выборе брачного партнёра послушают мнение

родителей, но решение будут принимать сами, и никто не ответил, что будет поступать исключительно так, как скажут родители. Также в Китае, как и в большинстве западных стран, включая Россию, наблюдается тенденция увеличения возраста вхождения в брак. Прежде средний брачный возраст составлял 13–17 лет для девушек и 16–19 лет для юношей. В настоящий момент он составляет 27 лет для девушек и 29 — для молодых людей [6]. При сравнении, мы можем обнаружить сходные тенденции и в современной России, где средний возраст вступления в брак, по разным источникам, составляет примерно от 25 до 27 лет для женщин и 27-29 лет для мужчин [1].

Таким образом, мы видим, что для России и Китая характерно влияние глобальных либеральных ценностей, давление Запада на разные сферы жизни государства: духовную, культурную, экономическую. Данное влияние порождает ряд противоположных тенденций, таких как создание собственного геополитического (ШОС, БРИКС) и геоэкономического (зоны свободной торговли с другими странами) пространства. Рассматривая национальную идентичность в контексте обозначенных процессов, мы можем утверждать, что если с одной стороны межгосударственная социальная интеграция поднимает ряд проблем, например, угроза потери культурного своеобразия, то с другой помогает государствам развиваться и формировать позитивную национальную идентичность. Сегодня, в современном Китае происходит активное становление позитивной идентичности, в то время как Россия пока что находится в переходном состоянии, однако мы также можем наблюдать тенденции восстановления позитивной идентичности, связанные с такими событиями, как вхождение Республики Крым в состав России, успешным проведением Олимпийских Игр.

Список литературы

1. Захаров С. В. Куда движется супружество в России? // Демоскоп Weekly. 2013. №. № 545-546
2. Морозова В.С. Глобализация и ее влияние на ценностные ориентации китайской молодежи // Вестник Бурятского государственного университета. 2007. № 9. С. 56.
3. Мукатаева А. А. Религиозная идентичность в культурной идентичности личности // Педагогическое образование и наука. 2010. С. 44.
4. Путин В.В. Речь на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19243> (дата обращения: 10.03.2014).
5. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. – ООО "Изд-во АСТ", 2004. С. 51.
6. Челнокова-Щейка А. В. Трансформация семейных ценностей в современном Китае // Знание. Понимание. Умение. 2013. №. 4. С. 309.
7. Zhao Tingyang «The “China Dream” in Question» // “Economic and Political Studies” Vol. 2, No. 1, January 2014, pp. 127-142.

ОБУЧЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «РЕКЛАМА» В ВУЗАХ КНР: СИНТЕЗ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Попиль В.А.

Специальность «реклама и связи с общественностью», а также специальности, где производится обучение только одному из направлений: рекламе или PR, по своей сути не является ориентированной исключительно на исследовательскую деятельность. Несмотря на то, что при обучении студентов особенностям рекламирования преподаватели опираются на социологические, психологические, филологические, политологические и в какой-то степени философские теории, научный мир еще не готов принять рекламистов как равных ученых. В первую очередь это связано с уверенностью «традиционных» исследователей в том, что представители данной профессии изучают общество и формулируют теории только для достижения собственных, чаще всего коммерческих целей.

Тем не менее, специалисты в области рекламы и PR во всем мире успешно сочетают в себе качества исследователей и создателей, ориентируя студентов вузов на научно-прикладную работу, результаты которой могут быть продемонстрированы на конференциях, конкурсах, учебных и производственных практиках, в ходе работы во время обучения или после окончания учебного

заведения. В данной статье проводится обзор университетов Китая (их официальных сайтов в сети Интернет), в которых обучают специальностям «реклама и связи с общественностью», «реклама» и/или «связи с общественностью». Основной целью автора статьи явился анализ синтеза научной работы и практикоориентированности школ, отделений или кафедр (в зависимости от их названия) этих институтов.

В КНР реклама получила широкое распространение, как и в остальных азиатских странах. Китайские рекламные агентства в таких крупных городах, как Пекин, Харбин, Далянь, Шанхай, Гуанчжоу на сегодняшний день могут предоставить продукт, сравнимый с предложениями сетевых агентств, поэтому обучение данной специальности производится многими вузами. В данной статье мы рассмотрели пять вузов Китайской народной республики, критерием отбора стало наличие кафедр, на которых обучают будущих специалистов в области рекламы и связей с общественностью: Нанкинский университет (NanjingUniversity), Китайский народный университет (RenminuniversityofChina), Университет Шандон (ShandongUniversity), Цилиньский анимационный институт (JilinAnimationInstitute) и Уханьский университет (WuhanUniversity).

В 2014 году вузы Китая сохранили лидерство в рейтинге по версии QS для стран БРИКС, в топ-100 лучших университетов вошло 39 вузов КНР: Нанкинский университет занял 6 место в 2014 году, Китайский народный университет – 24 место, Уханьский университет – 33 место, Университет Шандон – 55 место, Цилиньский анимационный институт – не вошел в топ-100. Для удобства анализа информации, с последующим сравнением процесса обучения в вузах КНР с обучением специальности «реклама и связи с общественностью» в школе гуманитарных наук ДВФУ, мы рассмотрели обучение по выбранному направлению в пяти китайских университетах по следующему алгоритму: название и положение направления в структуре университета, изучаемые дисциплины, исследовательская деятельность и практика.

В Нанкинском университете отделение рекламы располагается в Школе журналистики и коммуникаций. По изучаемым дисциплинам нет данных, но известно, что при обучении преподаватели обращаются к работам Д. Огилви и Л. Бернетта. Студенты принимают участие в форумах «Эффективность новой медийной рекламы», «Элит», «Учитель и ученик»; традицией является разделение студентов на группы по интересам для исследовательской работы. Практическая деятельность основана на применении метода активного обучения «кейсы»; выводе студентов в «поле» (посещение предприятий); проведении «творческих лагерей», где выполнение заданий осуществляется в виде деловых игр; сотрудничестве с рекламными агентствами и привлечении студентов к работе над проектами; обучении дизайну и проведении выставок.

В Китайском народном университете специальность «реклама» входит в Школу журналистики и коммуникации, где изучаются следующие дисциплины: введение в журналистику, введение в коммуникацию, история китайской журналистики и коммуникации, история мировой журналистики и коммуникации, этика и правовые основы журналистики и издательства, медиаменеджмент, введение в рекламу, рекламный дизайн, медиапланирование, креативный дизайн в рекламе, копирайтинг, рекламная фотография и техника фотодизайна. По исследовательской работе и практике информация отсутствует.

В Университете Шандон специальность «реклама» входит в Школу литературы и журналистики. Студенты изучают введение в коммуникацию, введение в рекламу, история китайской и иностранной рекламы, психология рекламы, рекламные модели, рекламный дизайн, анализ рекламных идей и примеров, написание рекламных документов, компьютерный рекламный дизайн, рекламную фотографию и запись. По исследовательской работе информация отсутствует. Что касается практики, то студенты работают в отделах рекламного менеджмента, средствах массовой информации, рекламных компаниях, на предприятиях, в научных институтах, в организациях по исследованию рынка и консалтинговых компаниях.

В Цилиньском анимационном институте действует школа рекламы, которая придерживается международных образовательных стандартов по обучению рекламной коммуникации. В

исследовательскую деятельность входят семинары экспертов, выставки работ, исследования в области филологии, конкурсы социальной рекламы. Практика сосредоточена на дизайне и визуализации рекламного обращения, разработке печатной, наружной и телевизионной рекламы.

В Уханьском университете действует программа «Профессиональная реклама и СМИ» (аспирантура) на экономическом факультете после окончания школы журналистики и коммуникации на факультете гуманитарных наук. Студенты изучают предметы: китайский марксизм, первый иностранный язык (английский), экономика, экономические исследования в рекламе и СМИ, экономика СМИ, рекламная индустрия и медиаиндустрия, реклама и СМИ: эксплуатация и управление, успехи журналистики и коммуникационных исследований, медиаполитика и регулирование, журналистика и массовые коммуникации: методы исследования. Программа сосредоточена на трех направлениях исследований: экономика рекламы и СМИ, реклама и медиаиндустрия, управление рекламой и СМИ. По практической деятельности информация отсутствует, но указано, что все исследования реализуются на практике.

По результатам проанализированных данных с официальных сайтов вузов КНР мы можем сделать вывод о сходствах и различиях процесса обучения на специальности «реклама» в Китае и на специальности «реклама и связи с общественностью» в Дальневосточном федеральном университете.

Сходства состоят в следующем:

1. изучение теорий классиков рекламы: Д. Огилви, Л. Бернетта и других;
2. изучения таких дисциплин, как: введение в профессию, копирайтинг, исследования в рекламе, компьютерные технологии в рекламе, основы теории коммуникаций, медиапланирование и т.д.;
3. участие в форумах, семинарах, конкурсах, конференциях, мастер-классах;
4. практическое применение теории, полученной в процессе обучения: учебные и производственные практики.

Различия:

1. в Китае специальность «реклама» - это чаще всего вид журналистики, реже в понятие «реклама» вкладывается только графика и дизайн. В ДВФУ кафедра рекламы и связей с общественностью входит в состав школы гуманитарных наук так же, как и кафедра журналистики и издательского бизнеса, причем на этой специальности в ДВФУ обучают созданию целого рекламного обращения: написание текста, дизайна, сценария и оценка эффективности;

2. в Китае на специальности «реклама» изучается большое количество журналистских дисциплин (продолжение предыдущего пункта), в ДВФУ сосредоточены на профильных дисциплинах.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что при обучении студентов вузов на специальности «реклама» или «реклама и связи с общественностью» преподаватели как КНР, так и России следуют международным образовательным стандартам, эффективно синтезируя исследовательскую деятельность и практические разработки.

Список литературы

1. Введение в отрасль [Электронный ресурс] / Цзилиньский анимационный институт. – Электрон.дан. – URL: <http://gg.jlai.edu.cn/index.php?m=content&c=index&a=lists&catid=7>
2. Вузы КНР - лидеры в рейтинге QS для БРИКС, вузы РФ улучшили позиции [Электронный ресурс] / РИА Новости. – Электрон.дан. – URL: <http://ria.ru/society/20140618/1012412360.html#ixzz3KuvqcdUY>
3. Высшее образование [Электронный ресурс] / Уханьский университет. – Электрон.дан. – URL: <http://journal.whu.edu.cn/graduate/culture/program/index>
4. Культурные мероприятия на территории кампуса [Электронный ресурс] / Цзилиньский анимационный институт. – Электрон.дан. – URL: <http://gg.jlai.edu.cn/index.php?m=content&c=index&a=show&catid=26&id=137>
5. Образовательные программы [Электронный ресурс] / Китайский народный университет. – Электрон.дан. – URL: <http://tjc.ruc.edu.cn/en/21624.html>

6. Профессиональная реклама и СМИ: программа обучения экономического факультета [Электронный ресурс] / Уханьский университет. – Электрон.дан. – URL: <http://journal.whu.edu.cn/graduate/culture/program/20140912osqr>

7. Специализация «реклама» [Электронный ресурс] / Университет Шандон. – Электрон.дан. – URL: http://www.lit.sdu.edu.cn/en/major_view.asp?id=3

8. Faculty of advertising and communication [Электронный ресурс] / Nanjing University. – Электрон.дан. – URL: <http://jca.nju.edu.cn/>

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СФЕРЕ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Судьин С.А.

Психическое здоровье – ключевой компонент здоровья нации, обеспечивающий возможность ее социального, культурного и духовного развития. Показатели распространенности ментальных расстройств различного генеза являются чувствительными индикаторами социально-экономического благополучия страны, а сохранение и поддержание психического здоровья нации оказывается одной из приоритетных задач социальной политики и здравоохранения. Государственные меры, направленные на решение данного вопроса, оказываются недостаточными и компенсируются усилиями институтов гражданского общества, которые являются особенно ценными при работе с семьей, вынужденной адаптироваться к новым условиям функционирования, обусловленным наличием психически больного родственника.

Особенности функционирования институтов гражданского общества в сфере психического здоровья в современной России определяются двумя взаимозависимыми и взаимообусловленными группами специфических для нашей страны тенденций. Во-первых, тенденции развития гражданского общества в России, во-вторых – специфика развития психиатрической практики. Остановимся на них подробнее.

Гражданское общество – многогранное понятие, в центре которого находится частная инициатива, содействующая решению специфических проблем различных социальных групп и традиционно увязываемая с политическим контекстом. Одним из ключевых элементов новизны нашего подхода является применение концепции гражданского общества к феномену психического здоровья через анализ деятельности некоммерческих общественных организаций, групп самопомощи и иных объединений, содействующих решению проблем психиатрических пациентов и членов их семей. Авторские исследования показывают наличие различных форм высокоорганизованных российских гражданско-общественных институтов, работающих в этой сфере, чей опыт нуждается в обобщении и анализе.

Говоря о феномене российского гражданского общества, исследователи в первую очередь отмечают относительную молодость и незрелость его институтов. Применительно к психиатрической практике это обстоятельство выражается в том, что большинство форм гражданско-общественной активности реализуется в пределах отделений дневного пребывания и диспансеров психиатрических больниц. В этом случае основными модераторами деятельности общественных объединений являются врачи-психиатры, а формат работы «равный для равного», в случае которого основными носителями информации являются или больные в стадии ремиссии, или члены их семей, не получает должного распространения. Все это формирует несколько маргинальный характер деятельности гражданско-общественных институтов, что негативно подкрепляется отсутствием должной законодательной базы.

Для характеристики данного тезиса целесообразно обратиться к международному опыту регулирования деятельности институтов гражданского общества, работающих в сфере психического здоровья.

Истоки вовлечения общественных организаций в профессиональную среду психиатрии за рубежом обнаруживаются в начале XX века и связаны с именем Клиффорда Уиттингема Бирса, бывшего психиатрического пациента, который после трехлетнего лечения и выздоровления написал

автобиографическую книгу «Ум, который вновь обрел себя». В работе был описан его опыт лечения и сопутствующие ему переживания [1]. Эта работа обрела огромную популярность и заставила обратить внимание широкой общественности на нужды психиатрических пациентов и, самое главное, на нужды лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, провоцирующей развитие психических нарушений. Следующим этапом в повышении внимания к нуждам пациентов и членов их семей стало появление и стремительная популяризация антипсихиатрического движения в конце 50-х – начале 60-х гг. XX века. Проблематизация правового статуса пациентов, их участия в формировании медицинских мер была поднята на уровень социально-культурного контекста, проникла в художественную литературу и кинематограф.

Институты гражданского общества, занимающиеся работой с психически больными и членами их семей, представляют собой многоуровневую структуру, позволяющую содействовать решению всего спектра трудных жизненных ситуаций, в которые попадают их клиенты.

Первичный и базовый уровень – это группы самопомощи, представляющие собой основной рабочий механизм решения проблем психически больных, членов их семей, лиц, осуществляющих уход, их друзей и близких. По сути, методы, используемые в рамках данного института, являются прообразом технологических подходов на всех уровнях организаций, а история становления групп самопомощи является показательным примером эволюции гражданского общества. Главный смысл самопомощи в ее идеально типическом варианте – направленность не сверху вниз, как в случае с государственными учреждениями, а снизу вверх, когда гражданская инициатива оказывается одним из ведущих факторов оптимизации и трансформации системы медицинского или социального обеспечения. Отметим, что такая ситуация оказалась нехарактерной для России. По результатам авторских исследований, в настоящее время распространенность групп самопомощи, например, в Германии, составляет одна группа примерно на 1000 населения, основная часть (до 95%) которых работает именно в сфере психического здоровья.

Стихийный и разрозненный характер деятельности групп самопомощи, лишь отчасти обусловленный потребностью обеспечить повсеместную доступность их услуг, актуализировал потребности в создании зонтичных организаций или платформ, оказывающих содействие гражданской инициативе при создании новых объединений, а также поддерживающих функционирование уже существующих. Объединения групп самопомощи являются следующим уровнем организации гражданской инициативы. Они, как правило, функционируют на межрегиональном уровне или интегрируют группы на территории какого-либо региона.

Самый высокий уровень – крупные альянсы, имеющие многочисленные отделения или аффилированные структуры, действующие на уровне целого государства, входящие в международные организации, объединяющие другие национальные объединения.

Определенные шаги к созданию системы помощи родственникам психиатрических пациентов сделаны и в России. Так, с 1994 года при содействии Московского научно-исследовательского института психиатрии Министерства здравоохранения РФ функционирует первая российская организация членов семей психически больных «Новые возможности», имеющая 50 отделений по всей стране [2].

Другая группа тенденций – это особенности развития самой психиатрии, во многом определяющие развитие общественных объединений в данной сфере.

Основной тенденцией, господствующей в психиатрии на протяжении более двух десятилетий, является перенесение основного акцента психиатрической помощи во внестационарные звенья с целью повышения уровня социальной адаптации значительной части психиатрических пациентов, в том числе за счет снижения сроков госпитализации. Например, в клинической психиатрической больнице №1 г. Н.Новгорода количество госпитализаций в стационар в последние пятнадцать лет постоянно снижалось, а количество коек уменьшилось по сравнению с 1990 годом в два раза уже к 2005 году. Пропорционально росло количество пациентов, пользующихся услугами дневных стационаров. Это позволило продлить сроки госпитализации для самых тяжелых пациентов и усилить немедицинскую

составляющую лечения для больных с более высоким реабилитационным потенциалом [3].

Другая тенденция, напрямую связанная с первой, это внедрение технологий социальной работы в психиатрическую практику. Распространение внестационарной работы с психиатрическими пациентами и членами их семей актуализирует необходимость создания соответствующих технологий, а также принципиально новых форм помощи. Основным актором в этом процессе как раз и становятся общественные организации, обладающие богатым опытом преодоления наиболее сложных жизненных ситуаций, интегрирующие в своей работе передовые практики своих отечественных и зарубежных коллег. Эффективность деятельности общественных объединений основывается на передаче такого опыта его непосредственными носителями: бывшими пациентами психиатрических клиник, членами их семей. Основными аудиториями могут быть не только лица, озабоченные проблемами психического здоровья, но также индивиды и группы, не имеющие к ним непосредственного отношения, как, например, в случаях психообразовательной работы.

Еще одной особенностью функционирования общественных объединений в России является наличие интереса к их деятельности со стороны самой психиатрии. Этот интерес основан, во-первых, на признании важности выполняемой ими миссии, а во-вторых, на возможности использовать их оценки в качестве вневедомственного регулятора качества психиатрического обслуживания [4]. Деятельность общественных организаций в сфере психиатрии заслужила доверие ВОЗ, они стали важными акторами в принятии различных решений, касающихся системы психиатрического обслуживания. В 2015 г. под эгидой Европейской федерации ассоциаций семей лиц с психическими расстройствами EUFAMI было проведено международное исследование, касающееся оценки потребностей членов семей психиатрических пациентов, осуществляющих уход. В этом исследовании приняли участие и российские респонденты.

Преобладание медицинского взгляда и патерналистского подхода в исследовании деятельности подобных объединений является почти традиционным пунктом. Это является следствием закрытости, даже некоторой сакральности психиатрии, выражающемся в осторожном отношении к активности непрофессиональных объединений в этой сфере. В какой-то мере указанные сомнения оказываются правомочными. Например, оценка качества психиатрической помощи ее потребителями и, соответственно, выдвигаемые по ее результатам требования, может быть затруднена вследствие патологического состояния больного, когда сомнение в адекватности его суждений может быть вполне обоснованным. То же нередко можно сказать и о его родственниках. Все это порождает методологические и процедурные проблемы при изучении качества психиатрической помощи. Тем не менее, патерналистская модель взаимодействия между врачами и пациентами изжила себя, и игнорирование ресурсов самих пациентов и их окружения признается контрпродуктивным, а кооперация общественных организаций и профессионального психиатрического сообщества – единственным выходом.

Список литературы

1. Clifford Beers, A Mind That Found Itself, Pittsburgh and London: University of Pittsburgh Press, 1981.
2. Официальный сайт ОООИ «Новые возможности». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://nvm.org.ru/o-nas/> Заглавие с экрана. (Дата обращения: 20.10.2015).
3. Судьин С.А. Институционализация социальной работы в российской психиатрии на примере КПБ №1 г. Н.Новгорода / С.А. Судьин, Ю.А. Сучков. Материалы Международной научно-практической конференции «Специфика профессиональной деятельности социальных работников». Н.Новгород, НИСОЦ, 2015.
4. Лиманкин О.В. Оценка пользователей – вневедомственный регулятор качества психиатрической помощи / О.В. Лиманкин // Обозрение психиатрии и медицинской психологии № 4, 2013. С. 113-121.

СЕМЬЯ: ПРЕОДОЛЕНИЕ «ВЫЗОВА» (С ВКЛЮЧЕНИЕМ МАТЕРИАЛОВ ПО ХАКАССКОЙ СЕМЬЕ)

Трошкина И. Н.

Исходя из теории социальных факторов Э. Дюргейма, институт семьи, как и другие социальные институты, обладает определенными характеристиками – объективной и внешней реальностью объекта, принудительной силой и моральным авторитетом. Они дают возможность существовать институтам независимо от желания общества, регулировать происходящие в нем процессы с помощью общепринятых норм и правил поведения, изменение последних приводит к активным процессам динамики института семьи.

Трансформация общепринятых норм приходится на переходные периоды развития общества. Она сопровождается коренными изменениями в социальном институте – основном носителе культурных образцов предметов, поведений, отношений. Исходя из концепции А. Тойнби, вызовы порождают ответы, порой различные по результативности. Один из вызовов – «давление», иначе «фарпост», привел к системному кризису и ответу – обновлению культурных образцов в стране. Он произошел путем заимствования у наиболее успешного соседа, где целью являлось преодоление вызова, угрожающего стабильному существованию системы¹.

Последствия вызова носили двоякую основу, с одной стороны, это привело к обогащению культуры и семьи новыми образцами, с другой – породило дисбаланс внешнего приобретенного над внутренним, под влиянием которого ядро семьи оказалось подверженным динамике.

Увеличение количества культурных образцов привело к необходимости достижения некоторого консенсуса между традиционными и нетрадиционными моделями семьи, правилами поведения, иерархиями взаимосвязей семейного ядра с родственными компонентами. Он был достигнут, исходя из сформировавшихся приоритетных моделей современной российской семьи. Очевидно, что на сегодняшний день для России характерны переходные модели семьи. Если рассматривать модели, представленные в соответствии с уровнем свободы – либеральная, консервативная, демократическая, имеющих различия в отношении к правам членов семей, то отмечается крен в сторону либерального образца. По результативности моделей семьи можно выделить перспективные, не имеющие перспектив и малоперспективные, характеризующие семью с точки зрения реальных ожидаемых состояний. Здесь доминирующее положение у малоперспективной модели, породившей феномен – «семья пограничного состояния». К данной категории семей мы относим семьи с не сформированным до конца поведением, стратегиями, образцами воспитания новых поколений. К категории стран с аналогичными моделями семьи можно отнести некоторые страны СНГ.

Институт семьи в российских регионах по-разному отреагировал на вызовы цивилизации. Западная и центральная часть страны с явной очевидностью оказалась втянутой в экономические и социокультурные трансформационные процессы, восточная часть, в силу своей удаленности и локализации, особого культурного уклада – в положении «догоняющей периферии». В социокультурном плане отмечается доминирование индивидуалистских основ над коллективистскими, что прямым образом сказывается на ценностных ориентациях членов семьи. В исследованиях Ю. В. Попкова дается характеристика состояния семьи и этносообществ на территории Сибири и Дальнего Востока. Им отмечается, что население является вовлеченным в те процессы, которые характерны для западной части России, т.е. отмечается переход от семьи коллективистского толка к коллективистско-индивидуалистской.

Основными элементами динамики института становятся отношения и иерархия власти внутри института по вертикали – ребенок-родители-прародители, а также степень открытости семейной ячейки. В первом случае мы видим детоцентристскую основу, т.е. «перевернутые песочные часы» предыдущей модели семьи, во втором случае можем наблюдать семью открытого типа, с точки зрения их подверженности влиянию извне, ведущему к распаду или кризису².

Результатом нововведений, повлиявших на поведенческие основы, семьи стали неоднозначно оцененные исследователями последствия, такие как малодетность, нуклеарность, социальное

сиротство, низкая устойчивость брака, влекущие за собой вереницу зависящих от нее переменных. В последнем случае это касается динамики показателей рождаемости, разводимости, брачности, неполных семей, одиночек, старения населения.

Хакасская семья, как и другие семьи восточной части России, были подвержены изменению, временной интервал с семьями западных регионов страны составил 1-2 года, в связи с тяготением национальных регионов к восточным границам страны с иным типом семьи. Последние имеют особую траекторию динамики – плавно восходящий линейный ряд, в отличие от западных – вертикально направленных.

В современный период состояние хакасской семьи охвачено волной изменений, связанных с вхождением страны и института семьи в новый этап развития. Следует сказать о том сложном повороте в динамике семьи, который произошел в к. XX - н. XXI вв., результатом которого стало усложнение взаимосвязей семьи, упрощения ее как системы и одновременно ускорение процесса дифференциации и дезинтеграции социального института. Аналогичные изменения ранее происходили в первой четверти XX в., с разницей в менее явных выделяющихся элементах семьи, устанавливающихся новых связях между обособившимися ее структурами. Семья переходит на новый уровень взаимодействий элементов в результате большего дистанцирования родственных компонентов. Это обстоятельство лишний раз подтверждает утверждение Г. Спенсера о восхождении материи на социальном уровне от простого к сложному, который предполагает выделение элементов в автономии или появление новых взаимосвязей. Внутри самого института отмечается упрощение за счет сужения ее структуры.

Хакасская семья является вовлеченной в сложный процесс динамики. Она на сегодняшний день предстает перед нами как сложное социокультурное образование, в отличие от ранее существовавшей модели семьи с характерной монолитностью, стремящейся к единообразию. Семья является, своего рода миниатюрной копией, отражающей состояние социальной системы, которая представлена как альтернативными формами, типами семьи, так и вариативностью целей и устремлений.

Динамика современного состояния определяется множеством факторов демографического, социокультурного, экономического характера, среди которых особое значение приобретают факторы культурного диалога, внешней миграции и урбанизации семьи. Под влиянием факторов изменяются условия функционирования института, что приводит к некоторому дистанцированию от общепринятых и укорененных правил поведения, семейных норм.

«Фактор межкультурного контакта получил обозначение в научной терминологии как культурный шок³». Он характеризуется резким переходом от одной культурной формы к иной, проявляющейся в кризисных явлениях. Для семьи это означало замещение, обогащение новыми формами организации семьи в кратчайший срок (равный жизни 1 поколения). Преодоление состояния культурного шока зависит от величины культурной дистанции семьи (этнической границы)⁴. У каждой этнической группы дистанция различна. Она является отражением состояния этносообщества, зависящего от условий функционирования семьи. Данную дистанцию определяют при помощи выделяющихся этнических маркеров – язык, обычаи и традиции, фамильный и именной фонд и проч.

Межкультурный контакт предполагает взаимодействие на различном уровне – мировом, межрегиональном, и зависит от внешнемиграционной активности населения, открытости общества. Как внешнее, так и внутреннее механическое движение населения приводит к концентрации этноса в наиболее приемлемых для проживания территориях и зачастую приходится на пригородные территории и районные центры. Данные факторы сыграли решающее значение в динамике хакасской семьи.

На сегодняшний день мы можем говорить о наличии нескольких моделей поведения семьи. Первая модель включает поведенческие основания, присущие усредненной советской семье с ориентацией на типовые коллективистские ценности и идеалы семьи. Среди типовых разновидностей данной модели выделяются восточный и западный, характерные для семей доминирующих этносов – русских и хакасов.

Восточный тип семейного поведения являет собой ориентацию сообщества на воспроизводство культуры семьи за счет внутренних традиционных основ, базирующихся на примате коллективного над индивидуальным, общего над частным, чувственного над рациональным. В западном типе семьи укоренены противоположные основы. Данное деление на двухтипные семьи является весьма условным с нечеткой градацией, в связи с длительным включением коренного населения Хакасии в интеграционные процессы. Следует выделить семью промежуточного типа, которая сочетает в себе некоторые элементы обоих образцов поведения.

В вопросе о преобладающих типах семейного поведения городских и сельских территорий, имеются расхождения – ответ неоднозначен. Здесь следует говорить о сложном ранжировании хакасских городских семей по типу семейного поведения, нежели сельских. В большинстве своем первые оказались более вовлеченными в процессы активной этнической ассимиляции, трансформации форм семьи. Взаимодействие различных культурных основ оказалось решающим в изменении типа поведения хакасских городских семей. Оно привело к формированию западно-ориентированного типа семьи. Сельские семьи хакасов, в особенности ее южная часть, сохранили тягу к традиционным коллективистским основам, что обусловлено явной приближенностью к восточным границам страны.

Промежуточный тип под влиянием фактора территориальной близости к северным границам региона, с западноритической ориентацией, в то же время сохраняющий приверженность восточно-традиционной культурной основе, занял нишу между двумя «полюсами».

Следует отметить, что если территориальное смещение хакасских семей происходило на протяжении позапрошлого века в направлении юго-запада, то на сегодняшний день она меняет вектор, усиливаясь в южной стороне региона. Это обстоятельство, вероятно, больше обусловлено внутренними интеграционными процессами, происходящими среди тюркского населения.

В целом, преодоление «вызова» проходит в рамках отторжения агрессивной культурной экспансии со стороны ряда государств, оказывающих непосредственное влияние на негативную динамику семьи, и имеет слабые положительные результаты. Он считается до конца не завершенным. Семьи небольших этнических групп оказываются более уязвимыми в условиях переходного периода.

Список литературы

1. Макродинамика: Закономерности геополитических, социальных и культурных изменений / Под ред. Н.С. Розова / А.А. Изгарская, Н.С. Розов, Ю.Б. Вертгейм и др. – Новосибирск: Наука, 2002. – (Теоретическая история и макросоциология; Вып. 2).
2. Трошкина И.Н. Семья титульных этносов Южной Сибири. Абакан: «Хакасское книжное издательство», 2014.
3. Шалыгина Н.В. Кризис семьи в эмиграции (США, пуэрториканская модель). М.: ИЭА РАН, 2007.
4. Социальная или культурная дистанция. – М.: ИЭА РАН, 1998. Кн. 1.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И КОНЦЕПЦИЯ ГОРОДСКОГО ПОДЗЕМНОГО ПРОСТРАНСТВА

Чжэн Хайлунь

За время своего существования человечество научилось использовать землю, воздух и подземное пространство. На поверхности Земли наглядно представлены результаты человеческой деятельности, в воздухе наличествуют следы аэрокосмического влияния человека, память человечества сохраняет удивительные «чудеса» материального творчества, такие, например, как Висячие сады Семирамиды. Но, в конце концов, это прошлые события, а в настоящее с развитием городов, люди неизбежно вступают в фазу развития подземного пространства.

История освоения подземного пространства человечеством уходит в глубокое прошлое. Первые люди, использовали для жизни естественные пещеры. В частности, китайские историки нашли стоянки древних людей в пещерах Ванпо (около 4000 г. до н.э.). Древние люди функционально использовали вертикальное и горизонтальное пространство пещер для адаптации к природе.

Позже человечество стало селить в жилищах, в которых создавались подземные хранилища (подвалы) для продуктов и различных предметов. Захоронение умерших – одна из форм использования человеком подземного пространства. Мавзолеи древних императоров Китая, которые должны были свидетельствовать об их власти и могуществе, отличаются масштабностью, но при этом глубоко уходят в подземное пространство. Аналогичным образом сстроились и пирамиды фараонов древнего Египта.

В старинных европейских замках подземное пространство использовалось для строительства туннелей на случай военной осады или непредвиденных опасностей. В Китае периода династии Хань (200 до н.э.), в провинции Синьцзян были найдены подземные оросительные системы, функция которых состояла в уменьшении испарений. В разных регионах мира можно найти свидетельства использования подземного пространства для добычи полезных минералов и руд, используемых в горной металлургии.

Таким образом, на первых этапах истории человечество использовало подземное пространство в конкретных функциональных целях: для захоронений и удовлетворения базовых потребностей. Но в целом, использование этого пространства имело ограниченное влияние на общественную жизнь.

С развитием промышленной революции освоение подземного пространства происходит ускоренными темпами. В 1861 году в Лондоне был построен первый метрополитен с использованием парового поезда. С этого времени город начал входить в стадию использования подземных пространств в технических целях. В дальнейшем человек переходит от паровой эры к эре электричества. На основе использования электроэнергии появилась возможность строить метрополитены иного качества. В настоящее время на шести континентах мира, почти 200 городов имеют системы метро. Причем глубина подземного пространства, по которому движутся люди и транспорт, постоянно увеличивается. Эти города являются политическими, экономическими, культурными и транспортными центрами стран или регионов.

Подземные переходы, подземные пешеходные трафики стали частью практически каждого города и встречаются чаще, чем метро. Подземные коммуникации, в том числе канализация, кабели, волоконно-оптические кабели, нефтяные и газовые трубопроводы и т.п. встречаются в каждом городе. В особые периоды возникают специальные двухуровневые города. Например, в период военных действий в подземном пространстве строятся бомбоубежища, снабженные необходимыми средствами для элементарного выживания.

В крупных городах наряду с метро, развивается подземная система улиц с сетью коммерческих магазинов и торговых рядов. Причем подземный бизнес процветает. В Монреале, Нью-Йорке, Токио, Японии, Канаде и других крупных метрополиях подземные центры отдыха и развлечений входят частью в разработанные городские комплексы. Наряду с метро в него входят подземные торговые улицы, магазины, рестораны, кинотеатры, бассейны, конференц-залы и т. д. далее.

Согласно функциональной классификации подземное пространство можно разделить на: 1) жилую площадь, пригодную для проживания и 2) пространство для похорон. Это наиболее распространенное использование подземного пространства, его старейшая форма. Будь то древние или современные люди, они хранят память и уважение к мертвым, говоря, что умерший получил место «последнего упокоения». Такой подход создает единство, преемственность прошлого и настоящего.

Вторая форма использования пространства – хранение продуктов питания, – используется и в настоящее время. Но, кроме того, подземные хранилища используются и для хранения нефти, ядерных отходов, а также для передвижения подземным транспортом. Это тип использования технологических достижений в человеческом существовании. Он позволяет делить пространство на динамическое и статическое. Так, подземная парковка и метро представляют собою примеры статического и динамического подземного пространства. Коммерческие площади также являются продуктом современной цивилизации. В них входят не только коммерческие центры, но и центры развлечения и отдыха: спортивные залы, плавательные бассейны, библиотеки, кинотеатры, конференц-залы, и т.д. Они встречаются, в основном в деловых районах города и метро, составляя единое целое с наземным

пространством. Горнодобывающая промышленность была и остается частью освоения подземного пространства. В меньшей степени оно используется в промышленном и сельскохозяйственном производстве. Сельское хозяйство зависит от солнечного света, а промышленность в значительной степени зависит от космических ограничений [1, с. 3-4]. И по-прежнему подземное пространство используется для защиты от стихийных бедствий и техногенных катастроф.

С точки зрения соотношения подземного пространства и почвенного покрова, тепловых режимов и производительности труда само подземное пространство может быть разделено на постоянное проживание над землей, полуподземный уровень проживания, уровень проживания под поверхностью земли, подземное пространство и полное подземное пространство.

Но метод функциональной классификации для классификации подземного пространства слишком прост, не способствует проведению анализа с позиций социологии. Если следовать выявлению отношений между пространством и почвой, то оно относится ко всему подземного пространства. В качестве критериев классификации используются взаимодействия людей в использовании и почвы и частота взаимодействия. Подземное пространство разделено на социальное и не-социальное [2]. Социальное подземное пространство (в том числе метро, подземные торговые улицы и подземные комплексы и т.д.) относится к внутренней части подземного пространства города. Пространственные взаимодействия людей происходят регулярно. В сфере объектов подземного пространства (в том числе гробниц, подземной инфраструктура и т.д.), находящихся вне человеческой деятельности, взаимодействие между людьми не возникают.

Итак, в данной статье, определение понятия городского подземного пространства применяется как подземное пространство социального. Оно имеет коннотацию в следующих аспектах. Во-первых, оно может использоваться в диапазоне внутреннего пространства под городом, особенно городов. Потому что только мегаполисы способны производить тип социального подземного пространства. Во-вторых, оно имеет отношение к масштабной человеческой деятельности. Подземный транспорт в городе перевозит пассажиров десятки миллионов или даже миллиардов раз в день; подземные торговые улицы и магазины получают каждый день огромное количество клиентов. В-третьих, подземное пространство есть определенное социальное взаимодействие. В подземных комплексах люди встречаются для занятий спортом и фитнесом, проведения конференции, совместного времяпровождения и для других нужд.

В целом, следовательно, подземное пространство города относится к городскому пространству, регулярно производит деятельность человека или человеческое взаимодействие в подземном пространстве.

Использование подземного пространства в настоящее время достигло высшей ступени. Современный город напоминает космический международный мегаполис. И подземное, и наземное пространство стали частью человеческой активности. Современное использование подземного пространства города, особенно международного мегаполиса, охватывает почти все области человеческой жизни. В обозримом будущем наступит эра развития крупномасштабного использования подземного пространства как части городского пространства.

Список литературы

1. Тон линь сю. Подземное пространство и будущее города. Пространство // Подземное пространство. – Пекин, 1988 (1). – С. 3-4.
2. Gideon S. Goland. Geo-Space Urban Design. – John Willey & Sons, Inc. 1996. – С. 19.

«УСПЕШНЫЙ» ПРОВАЛ ПРОГРАММЫ «ОДНА СЕМЬЯ – ОДИН РЕБЕНОК»

Шаповалова П.В.

Новостная лента интернета долгое время была прикована к процессам, происходящим на юго-востоке Украины. Однако, обвал фондового рынка Китая, который, нужно отметить, начался еще в начале июля 2015 года, а 15 июля индекс Китая Shanghai Composite достиг максимального в этом году значения, капитализация фондового рынка страны сократилась на \$4,5 трлн — это сопоставимо

с размером всего рынка акций Японии [1, 2]. По этой причине во взор исследователя попадает противоположная крайность – Азия.

Однако в данной статье мы не намерены оперировать сложными экономико-политическими терминами. Именно после обвала биржи Китая стали возникать вопросы, на решение которых ранее не отводилось должного внимания.

В 1979 году была принята политика «одна семья – один ребенок» [3]. С 1 по 10 ноября в Китае произошла очередная (а именно шестая) перепись населения. Напомним, что ранее она проводилась в республике в 1955, 1964, 1982, 1990 и 2000 годах. Итоги переписи были объявлены, и в тот момент количество людей, попавших под учет, составило 1 370 536 875. Следует отметить, что в этот раз социальная работа по подсчету населения была проведена как в континентальном, так и не в континентальном Китае, в учёт вошли малые народности. Напомним, что в Китае существуют два специальных административных района: Гонконг и Макао. Количество детей, рожденных одной женщиной, в результате политики, снизилось с 5,8 до 1,8. Суровость первоначальных законов состояла в штрафе – от 4 до 8 среднегодового населения страны, ущемлении прав молодых родителей (моложе 30 лет) в устройстве ребенка в детский сад и школу, и многое другое. Применялись принудительные аборт и стерилизация.

Однако послабления начались с 1984 года в Пекине: супругам, будучи единственными у своих родителей, разрешалось завести второго ребенка. В это же время деревенским семьям разрешалось рожать до того момента, пока на свет не появится мальчик (в данном случае регистрировался только сын, и точное количество деревенских женщин мы не в силах предать подсчетам). Долгое время национальные меньшинства не подходили под влияние системы, однако контроль со стороны государства разрешал иметь таковым 2-3 детей.

В 2013 году был отмечен ощутимый отток рабочего трудоспособного населения. По прогнозам социологов, к 2015 году старики (пожилые люди старше 65 лет) составят более ¼ населения всего Китая.

В чем же система, призванная уменьшить количество населения Китая, потерпела свой крах? 27 октября в последний день работы пятого пленума ЦК было выдвинуто эпохальное утверждение: разрешить каждой семье завести второго ребенка [3]. А теперь вернемся к началу нашей работы: кризис. Экономический спад послужил катализатором в принятии данного решения. Однако, побывав в Китае, каждый из нас смог бы наблюдать следующую картину: сельское население, безграмотное, не умеющее читать и писать, владеющее говором (здесь даже не идет речи о диалекте) своей деревушки. Долгое время Китай скрывал истинное количество сельского населения, неспособного ни на что, кроме черной работы. В это же время был упущен полувековой шанс взрастить умных, талантливых, здоровых людей нового поколения из тех семей, где единственное чадо, став объектом излишней любви многочисленной родни, превратилось в безвольное, избалованное существо.

Список литературы

1. Китайский обвал: почему власти КНР не торопятся спасти фондовый рынок [Электронный ресурс] // РБК: электронная статья. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/economics/26/08/2015/55dc958d9a7947dcaea42a7b>

2. Обвал на биржах КНР: меры сластей и влияние на Россию [Электронный ресурс] Таас. Информационное агентство России: электронная статья. – Режим доступа <http://tass.ru/ekonomika/2103881>

3. Китай разрешил всем семьям иметь двух детей: что дальше? [Электронный ресурс]. BBC Русская служба: электронная статья. – Режим доступа http://www.bbc.com/russian/international/2015/10/151029_china_two_kids_wrap

РАЗДЕЛ 6. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И АТР

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ВУЗА В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Бушкова-Шиклина Э.В., Кириллова Е.П., Старикова М.М.

Статья подготовлена в рамках поддержанного Российским гуманитарным научным фондом и Правительством Кировской области проекта № 15 -13 -43002а(р) «Управление квалификационными ресурсами в контексте устойчивого развития региональных вузов».

За последние годы эксперты в области образования в России и за рубежом отмечают несколько сложившихся мировых тенденций, определяющих состояние системы образования: 1) массовизация образования – в ряде развитых стран, включая Россию, процент людей с высшим образованием превысил 55%; 2) интернационализация образования – включение образовательных учреждений в глобальное образовательное пространство и принятие международных норм в данной области; 3) кризисность мировой экономики, формирование нового технологического уклада в промышленности, что сказывается на снижении объемов финансирования образования в развитых странах и поиске путей повышения эффективности вложенных в образование средств; 4) наблюдается «инфляция квалификаций», на фоне которой привлекательность инвестиций в образование снижается; 5) цифровая революция, развитие ИКТ-технологий способствуют появлению технологий on-line-образования[1]. Более того, усиливаются интеграционные процессы в сфере профессионального образования (Болонский процесс), трансформирующие нормы вузовской среды.

Как следствие, указанные тенденции формируют новую среду, приводят к обострению конкуренции, возникает дискуссия по поводу новых моделей высшего образования.

С 2012 года Министерством образования и науки РФ проводится «Мониторинг деятельности федеральных образовательных учреждений высшего профессионального образования», по результатам которого оценивается эффективность образовательной и финансово-экономической деятельности вузов, а также необходимость реорганизации. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2012 г. №2620 утвержден план мероприятий («дорожная карта») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки в РФ» [2].

В связи с указанными тенденциями и реформами в литературе все чаще актуализируется проблема *устойчивого развития вуза* как способа выживания в постоянно изменяющихся условиях [3, 4], созвучного современным международным договоренностям в области устойчивого развития [5]. Напомним, что в результате серьезных изменений экологических и социально-экономических условий существования, в конце 20 в. усилиями ООН и ряда государств оформилась ориентация на устойчивое развитие, основными направлениями которого выступают социально-ориентированная экономика, необходимость социокультурного развития регионов, социальной гармонии и солидарности, высокого уровня жизни в пределах хозяйственной системы, ресурсно-технологического равновесия, интегрированности в более широкие системы межрегионального и международного сотрудничества, развития и использования уникального инновационного и человеческого потенциала.

Согласно «Национальной доктрине образования в Российской Федерации» [6], одной из целей образования является «создание основы для устойчивого социально-экономического и духовного развития России»; согласно Концепции модернизации российского образования, цель модернизации состоит «в создании механизма устойчивого развития системы образования»[7].

Реализация данной цели предполагается посредством решения следующих задач: доступность населению полноценного образования; достижение нового современного качества образования; формирование механизмов привлечения в образование внебюджетных средств; повышение социального статуса и профессионализма работников образования; повышение ответственности и роли всех субъектов образования – родителей, обучающихся, педагогов, образовательного учреждения;

обеспечение социальной адресности и сбалансированности социальных интересов в образовании [там же].

Устойчивость рассматривается как свойство системы оставаться в состоянии равновесия и тождества своей сущности в условиях изменений. При этом важными условиями устойчивого развития становится «рост возможностей системы в основном за счет повышения эффективности использования внутренних ресурсов, а также за счет повышения качества управления» [8].

Устойчивое развитие вуза рассматривается с двух сторон: как устойчивое социально-экономическое системное развитие и как устойчивое лично-профессиональное развитие студента и преподавателя. В первом случае, в качестве важнейших факторов устойчивого развития вуза рассматриваются вопросы маркетинга (вуз презентуется как активный агент на рынках труда и образовательных услуг) [9], корпоративной культуры [10] и в целом системы управления [11]. Основными признаками устойчивого развития становятся антропологические, социально-экономические и социокультурные [там же]. Вуз, как образовательная система, прежде всего, должен формировать условия для социокультурного устойчивого развития, формируя так называемое образование для устойчивого развития. Это предполагает коренные изменения на трех уровнях: 1) изменение мировоззренческих установок людей, 2) изменение содержания дисциплин в системе общего и профессионального образования, 3) изменение политики образовательных учреждений и хозяйственных организаций в целом (формирование менеджмента устойчивого развития).

Изменение содержания образовательных дисциплин должно ориентировать людей на базовые ценности и проблемы устойчивого развития, т. е. сконцентрироваться вокруг вопросов: взаимосвязи общества, экономики и природы; гражданственности, прав и обязанностей человека, потребностей будущих поколений; качества жизни, равноправия и социальной справедливости; культурного, социального и биологического разнообразия; возможности и необходимости прогнозирования будущего и моделирования изменений разных систем [12].

Изменение менеджмента образовательных учреждений предполагает [13]: включение проблематики устойчивого развития в научно-исследовательские программы вузов; создание местных центров знаний по устойчивому развитию региона; использование принципов устойчивого развития в качестве ведущих в процессах управления; появление специально подготовленных менеджеров в области устойчивого развития.

Вторая группа работ посвящена устойчивому развитию личности [14], специалиста [15, 16]. При этом успешность лично-профессионального развития зависит от создания единого лично-профессионального пространства, базирующего на принципах разумной организации образовательного пространства, опережающего (ориентированного на будущее) и основанного на видении профессиональных перспектив содержания образования, технологичности и пр. Закономерно появляется вопрос о критериях оценки устойчивости развития вуза, эффективности его деятельности в условиях реформ в системе высшего образования [там же]. Предлагается адаптивная модель управления устойчивым развитием образовательного процесса в вузе (на примере Курского государственного университета), обсуждаются задачи и компоненты данной модели [11].

Таковы основные проблемы устойчивого развития вузов в условиях модернизации системы образования в России и интеграции международных усилий в области образования. В целом, указанные научные и практические проблемы управления устойчивым развитием вузов являются актуальными и перспективными для новых теоретико-эмпирических исследований.

Список литературы

1. Эпоха «Гринфилда» в образовании // Центр образовательных технологий Московской школы управления СКОЛКОВО. М., 2013. URL: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/education_10_10_13.pdf (дата обращения: 12.04.2015).
2. Лагерева Р.Ю., Немчинова О.С. Особенности мониторинга эффективности образовательной деятельности российских вузов // Вестник ИрГТУ. 2014. №4 (87). – С. 197-201.

3. Мельникова О.Ю. Образование для устойчивого развития в вузе в современных экономических условиях // Современное научное исследование: теория, методология, практика. 2014. Т. 1. № 5 (5). С. 97-103.
4. Маркова М.В. Маркетинг взаимодействия как инструмент устойчивого взаимодействия вуза // Человеческий капитал и профессиональное образование. 2013. № 1. С. 58-61.
5. Указ Президента РФ от 01.04.1996 № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию».
6. Национальная доктрина образования в Российской Федерации до 2025 года // Специализированный образовательный портал «Инновации в образовании» [Электронный ресурс]. – URL: <http://sinncom.ru/content/reforma/index5.htm> (дата обращения: 03.05.2015).
7. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года // Специализированный образовательный портал «Инновации в образовании» [Электронный ресурс]. – URL: <http://sinncom.ru/content/reforma/index1.htm> (дата обращения: 03.05.2015).
8. Николаева Т.П., Бичева И.Б. Устойчивое личностно-профессиональное развитие студентов вузе // Вестник Минского университета. 2015. №1(9). – С. 20.
9. Неделько С., Осташков А. Маркетинг вуза как инструмент его устойчивого развития // Власть. 2012. №12. С. 88-91.
10. Петерсонс А. Корпоративная культура негосударственного вуза как фактор обеспечения устойчивого развития // Труд и социальные отношения. 2008. №3. С. 79-84.
11. Худин А.Н. Управленческий контекст устойчивого развития образовательного процесса в вузе // Педагогическое образование и наука. 2005. №3. С. 161-169.
12. Скопицкая Т. А. Новые образовательные ориентиры: пути к устойчивому развитию // Академический вестник Института образования взрослых РАО. 2007. № 3–4. С. 126–128. С. 127.
13. Курковский А. П., Манди Т. Г. Имитационный подход к устойчивому развитию инновационного института высшего образования // Educational Technology & Society. 2008. № 11(1). С. 434–448. С. 435.
14. Бугров А.В., Леметти Ю.А. Краудсорсинговая модель трансфера принципов устойчивого развития в механизм организации научно-исследовательской работы студентов аграрного вуза // Современные проблемы науки и образования. 2014. №6. URL: <http://www.science-education.ru/120-16082> (дата обращения: 23.10.2015).
15. Волков И.Е. Устойчивое развитие личности в меняющемся мире // Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. – Н.Новгород, 2006. 22 с.
16. Николаева Т.П., Бичева И.Б. Устойчивое личностно-профессиональное развитие студентов вузе // Вестник Минского университета. 2015. №1(9). – С. 20.

ФАКТОРЫ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ПРОГРАММАМИ МОЛОДЕЖНЫХ ОБМЕНОВ МЕЖДУ СТРАНАМИ ШОС: СУБЪЕКТИВНЫЕ ОЦЕНКИ УЧАСТНИКОВ

Гончарова Н.П., Дергунова И.В., Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А.

Интеграция России в международное сообщество, в том числе в международное образовательное пространство, очевидна: наша страна активно вовлекается в процессы глобализации образования и науки, расширяются ее международные гуманитарные контакты, чему способствуют преобразования, совершившиеся в российском обществе в последнее десятилетие. Россия становится все более открытой для внешних контактов и связей не только на уровне государственных ведомств и учреждений, но и для рядовых граждан, в том числе школьников, студентов, молодых специалистов [1].

Молодежные обмены, будучи одной из важнейших технологий, направленных на распространение ценностей, языка и культуры страны, представляющих основу политики «мягкой силы», играют важную роль в международных отношениях, влияя напрямую, или косвенно, на мировую политику и деловые связи. Для России обменные программы, в том числе программы академической мобильности, межкультурной коммуникации, в области молодежной политики и

международного молодежного сотрудничества являются также ключевым средством интеграции в мировые образовательное и научное пространства, глобальные сетевые молодежные движения, способом наращивания лидерского и инновационного потенциала молодежи.

Участие в программах позволяет участникам всех сторон лучше узнать друг друга и достичь синергетического эффекта в реализации проектов и задач, невозможного без совместного сотрудничества и обмена мнениями. В этой связи принципиально важно, чтобы программы обмена давали реальные знания, умения и навыки и положительные эмоции, в противном случае, эффект от участия может быть противоположный планируемому и способен нанести серьезный ущерб репутации и имиджу организации и стране, которая является организатором программы.

В рамках реализации научного исследования, реализованного при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках базовой части государственного задания ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (Код проекта № 3324: «Исследование перспектив развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС в период председательства России в 2014-2015 годах»), проведен выборочный социологический опрос участников программ международных молодежных обменов (n=449). В исследовании приняли участие граждане России (21,2%), Китая (22,3%), Казахстана (15,6%), Таджикистана (15,6%), Киргизии (14,7%). Граждане других государств, включая Узбекистан, составили 10,7% выборочной совокупности. Средний возраст участников программ международной мобильности – 22 года.

Анализ результатов исследования показал, что более половины опрошенных ранее принимали участие в программах международных молодежных обменов. Наиболее активными в этом плане являются молодые граждане России и Киргизии, продемонстрировавшие свою мобильность несколько раз. Наименьшей мобильностью отличается молодежь, приехавшая из Китая и Казахстана. Однако, несмотря на более низкую активность по сравнению с другими странами, молодые граждане Китая имеют более высокий миграционный потенциал – планируют принять участие в программах международной молодежной мобильности в ближайшем будущем.

Следует отметить, что наибольшей популярностью у молодежи пользуются программы культурных обменов и молодежной политики, реализуемые, как правило, в странах ШОС или других государствах, кроме России. К сожалению, для молодежи Россия и страны ШОС пока не рассматривается как достойная альтернатива международным молодежным программам мирового уровня, молодежь по-прежнему ориентирована на получение опыта участия в программах обмена западного образца. Вместе с тем, дальнейшие намерения у молодежи связаны именно с Россией: пятая часть опрошенных планирует принять участие в молодежных программах, проводимых в нашей стране. А поскольку граждане Китая отличаются более высоким миграционным потенциалом, возможно, они и составят основную целевую аудиторию будущих молодежных обменов с Россией.

Все программы молодежного обмена можно разделить на три основные группы по срокам их реализации: краткосрочные программы продолжительностью до одного месяца, среднесрочные программы продолжительностью до полугода и долговременные программы продолжительностью более полугода. Краткосрочные программы молодежных обменов носят, как правило, культурно-ознакомительный характер. Чаще всего такие программы, реализующиеся в странах ШОС (кроме России), посещают молодые граждане Российской Федерации и других государств. Среднесрочные программы мобильности чаще всего посещались участниками опроса в других странах, не входящих в ШОС. Долговременные программы мобильности, реализующиеся в России, предполагают образовательно-академические обмены, участниками которых чаще становятся молодые граждане Китая, Таджикистана и Киргизии.

Основными трудностями в процессе реализации программы являются языковые проблемы, трудности проживания, информационные перегрузки и трудности, связанные с оформлением документов. Участники образовательно-академических обменов в основном сталкиваются с проблемами длительного характера (язык, проживание, оформление документов, информационные перегрузки), тогда как участники молодежных культурных обменов такие трудности испытывают в

меньшей степени. Более того, молодежь, побывавшая на программах культурных обменов, чаще не испытывала никаких трудностей. Большинство трудностей возникает у слушателей в основном при участии в программах, реализуемых в Российской Федерации. Очевидно, это связано с тем, что в нашу страну иностранные участники приезжают, как правило, на длительный срок для участия в программах образовательно-академических обменов (что неизбежно сопряжено с проблемами адаптации), а в другие страны, в том числе страны ШОС, молодежь выезжает для участия в культурных обменах.

Для оценки уровня удовлетворенности различными аспектами программ молодежных обменов в исследовании применялась совокупность показателей, оцениваемых респондентами по десятибалльной шкале и анализируемых с помощью мер центральной тенденции, статистических инструментов сравнения средних значений (t-критерий Стьюдента, однофакторный дисперсионный анализ), регрессионных моделей. К таким показателям относятся организация и проведение программы обмена (расписание, техническое оснащение, раздаточный материал и прочее); языковая помощь (проведение языковых курсов, помощь переводчика и т.д.); информационное сопровождение (своевременное получение важной информации, возможность получения консультаций и т.д.); документационное сопровождение (помощь в получении визы и прохождение процедур миграционного контроля, своевременное уведомление о необходимости подготовке документов, выдача дипломов и сертификатов и т.д.); система социальной поддержки (льготы, стипендии, материальная помощь); личная (персональная) полезность (для саморазвития и личностного роста, повышения профессионального уровня); польза для организации (если участие в программе молодежного обмена от организации); культурно-просветительская программа (знакомство с культурным наследием, обычаями, традициями народа, историей страны и пр.).

Анализ средних значений по шкалам показал, что большинство респондентов высоко оценивали уровень подготовки и проведения программ, в которых они участвовали, все средние значения находились выше 7,0 баллов, медиана по шести из восьми показателей составила 8,0 баллов, по двум показателям 9,0 баллов. Выше всего оценивалась личная полезность, проявляющаяся в возможностях личностного роста, саморазвития, повышения профессионального уровня (среднее значение 8,15 баллов), а также культурная составляющая, позволяющая познакомиться с культурным наследием, историей, обычаями и традициями принимающей страны, погрузиться в повседневную жизнь ее жителей, наладить межкультурный диалог. Наименьшие оценки были получены по показателю социальной поддержки (7,39 баллов), логическим образом связанному с финансовыми условиями программы.

Обобщая полученные результаты анализа уровня удовлетворенности от участия в программе молодежного обмена, стоит подчеркнуть принципиальные факторы, определяющие направленность и выраженность оценок. На первом месте в ряду критериев, по которым оценивается участие в программе, стоит возможность получения важных личностных и социокультурных компетенций, факторы организационного порядка являются вторичными, оцениваемыми субъективно на основе индивидуального опыта и принадлежности к той или иной социокультурной и демографической группе. Так, резкое снижение оценок характерно для респондентов мужского пола и более молодых участников, а также тех, кто в ходе прохождения программы встречался с определенными трудностями и был вынужден вкладывать собственные средства.

Наиболее востребованными и вызывающими наибольшее удовлетворение среди молодежи являлись краткосрочные программы культурных обменов, подготовка и проведение которых оценивалась наиболее высоко, тогда как среднесрочные и долгосрочные программы академической мобильности оказывались не вполне конкурентоспособными по качеству проведения, личной и организационной эффективности. В отличие от отдельных параметров оценки удовлетворенности, детерминированных индивидуально-личностными факторами, совокупность оценок определялась социоструктурными факторами, опосредующими восприятие программы обмена с позиций определенного государства, ее образовательной системы и инфраструктуры молодежной политики (развитости сетей молодежных организаций и структур).

Оценка личной полезности существенно варьирует в группах участников, выделяемых на основе стран гражданства. Если для стран дальнего зарубежья на первый план выходят образовательные и культурные компоненты и качество организации мероприятий, то для России важную роль играет финансовая поддержка, обусловленная относительно неблагоприятным материальным положением и невозможностью участвовать в программе за собственные средства. Для молодых людей из Казахстана приоритетом является налаживание межкультурного диалога, тогда как образовательный компонент выступает в качестве вторичного и не доминирующего фактора. Молодежь, приезжающая из ближнего зарубежья, в наибольшей степени обеспокоена соблюдением правовых норм, связанных с легальностью пребывания на территории и получением лингвистической поддержки.

Понятие организационной полезности также было связано с различными показателями, показывающими особенности и уязвимые места в данных организациях. Для России одним из важных факторов являлась важность получения языковой подготовки, совместно с Таджикистаном выявилась проблема информационного сопровождения, эффективной коммуникации в процессе проведения программы. Важным фактором для участников из Киргизии являлось документационное обеспечение процедур подтверждения и сопровождения участия в программе. Таким образом, повышение качества различных компонентов обменных программ, реализуемых в России, учет в процессе разработки программ обмена особенностей приглашаемой страны может стать важным шагом на пути к продвижению молодежных обменов в странах-участницах ШОС, активизации молодежной активности и налаживания более тесных связей между нашими странами.

Список литературы

1. Арефьев А.Л. Молодежные обмены между Россией и Германией: статистический и социологический анализ. – М.: Центр социального прогнозирования, 2008.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ РИСКОВ: ОПЫТ «ВОСХОДЯЩИХ СТРАН ЮГА»

Казакова А.А.

В последние десятилетия Китай, Индия и Бразилия вошли в число крупнейших экономик мира, став лидерами т.н. «возвышения Юга», и этот стремительный рост принято связывать с использованием ими возможностей глобализации капитала, труда и технологий. Использование «сравнительных преимуществ» развивающихся стран на глобальном рынке потребовало либерализации и открытия их экономик в конце 80-х – 90-х гг., общими чертами которого стало проведение широких кампаний приватизации, привлечение иностранного капитала и дерегулирование рынка труда. Таким образом, глобализация экономик сопровождалась комплексом социальных процессов, характерных для современного этапа «гибкого» капитализма с высокой мобильностью капитала и флексибилизацией труда, реализующихся в специфических социальных и культурных контекстах развивающихся незападных стран.

Эти процессы порождают ряд специфических проблем, не имевших прецедентов в истории капиталистической модернизации западных стран. К ним относятся, прежде всего, проблемы, связанные с гиперурбанизацией в столь многонаселенных обществах, сочетанием сохраняющейся обширной занятости в сельском хозяйстве на фоне инвестиционного бума в высокоприбыльных промышленном и сервисном секторах и т.д. Результатом становится сложное взаимодействие рисков в сфере занятости и охраны труда, миграции и преступности, общественного здравоохранения и экологии.

Приведем лишь некоторые примеры. Одной из наиболее активно обсуждаемых тем в национальной и международной литературе по пореформенным (с 1991 г.) социальным тенденциям в Индии стала эпидемия самоубийств среди фермеров, принявшая катастрофический размах в конце 90-х - начале 2000-х гг. Взрывной рост инвестиций после вступления Индии в ВТО (главным образом, в информационном секторе Индии, но также и в автомобилестроении, фармацевтике и некоторых других отраслях промышленности) не создал достаточных возможностей занятости для сельского населения. С другой стороны, усиление зависимости сельского хозяйства от конъюнктуры внешних рынков и

приход транснациональных корпораций в аграрный сектор обусловил чрезвычайно высокие риски для мелких сельскохозяйственных производителей. Результатом стали массовые разорения мелких хозяйств, рост неформального рынка микрокредитования, а в специфических социокультурных условиях Индии – всплеск самоубийств. Так, в 1996-1997 г. количество суицидов на 100 000 мужского населения было примерно равным среди фермеров и нефермеров (12,7 и 12,9 соответственно), однако уже к 2004 г. количество самоубийств среди фермеров было на 43% выше, чем среди остальных. Согласно результатам социологических исследований, главными причинами суицидов признается тяжелое долговое бремя в целом ухудшение экономического положения, оставляя далеко позади семейные и личные проблемы [5]. Этот феномен наглядно демонстрирует комплексный характер рисков, связь между экономическими и витальными рисками, транснациональными процессами и социокультурным контекстом.

Специфическим для Латинской Америки аспектом рисков стала волна уличной преступности, захлестнувшая регион в конце 1990-х гг. Ситуацию конца 90-х – начала 2000-х гг. в Бразилии зачастую характеризуют как «пандемию преступности», а число убийств сравнивают со смертностью в условиях гражданской войны. Городская преступность локализуется главным образом в фавелах, и, хотя они имеют долгую историю формирования в предшествующие волны урбанизации в Бразилии, их выраженная криминализация приходится на 90-е гг., когда свехурбанизация в центрах экономического роста сочетается с ростом безработицы и смещением международных потоков торговли наркотиками [1]. В 1992-2003 гг. доля смертей от убийств среди молодых людей 15-29 лет возросла на 27% (вдвое быстрее, чем в других возрастных группах). В 2003 г. она достигла пикового значения у мужчин в возрасте 20-24 лет, в несколько раз превысив смертность от естественных причин (184 и 75 случаев на 100000 человек, соответственно). В начале 1980-х доля этих двух факторов была примерно равна, и даже в сумме они давали меньший уровень смертности. При этом риск стать жертвой убийства был в 1,8 раз выше для афробразильцев, чем для белых. В 2013 г. Президент Д. Руссеф в своей речи по поводу введения национальной программы защиты и инклюзии молодежи охарактеризовала эту ситуацию как «геноцид темнокожей молодежи» [7].

Столь экстраординарные тенденции в области витальных рисков нельзя зафиксировать в процессе экономического подъема в Китае последних десятилетий, однако для него особенно характерен рост экологических рисков. Свехурбанизация в Китае, связанная с исходом сельской рабочей силы главным образом в полюса промышленного роста (по официальным данным, в 2000-2014 гг. численность текущего народонаселения выросла вдвое с 121 до 245 миллионов человек) [3], и постоянный рост потребления энергии, обеспечиваемого преимущественно угольной энергетикой, создают классическую ситуацию, описываемую еще У. Бекком: риски всеобщие, но в наибольшей степени отражаются на уязвимых социальных группах. По последним оценкам, около 1,36 млн смертей ежегодно связано в Китае с загрязнением воздуха, и оно остается одной из наиболее частых причин смерти [4]. К наиболее уязвимым группам по профессиональным заболеваниям относятся сельские мигранты на малых и средних предприятиях в городах и деревенские жители, занятые в поселковых и волостных предприятиях [2].

Это лишь немногие примеры, иллюстрирующие противоречивый характер глобализации: наряду с очевидным экономическим подъемом, позволившем крупнейшим странам Юга существенно сократить размах бедности и повысить уровень жизни, фиксируется возрастание комплексных рисков, неравенство распределения которых обусловлено специфической социальной ситуацией данного общества, с одной стороны, и конъюнктурой глобальных рынков – с другой. Государства вынуждены вырабатывать инновационные компенсаторные механизмы социального регулирования, при существенных ограничениях, накладываемых транснационализацией на возможности контроля социальных процессов.

Список литературы

1. Buechler S. Deciphering the local in a global neoliberal age: three favelas in Sao Paulo, Brazil // Deciphering the global: its scales, spaces and subjects. Ed. by Sassen S. - New York: Routledge, 2007. - pp. 97-116.
2. China Human Development Report 2005, United Nations Development Programme.
3. China Statistical Yearbook 2014 [Электронный ресурс] <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2014/indexeh.htm>
4. Lelieveld J., Evans J.S., Fnais M., Giannadaki D., Pozzer A. The contribution of outdoor air pollution sources to premature mortality on a global scale // Nature. - #525 (7569) – 2015. – p. 367-371.
5. Mishra S. Risks, Farmers' Suicides and Agrarian Crisis in India: Is There A Way Out? Indira Gandhi Institute of Development Research, Mumbai. – 2007. - 20 pp.
6. Sintese de Indicadores Sociais 2005. Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística – IBGE. Rio de Janeiro, 2006.
7. Waiselfisz J. J. Mapa da violência 2014. Osjovens do Brasil. С. 71. [Электронный ресурс] http://www.mapadaviolencia.org.br/pdf2014/Mapa2014_JovensBrasil.pdf

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ СТУДЕНТОВ В МЕЖДУНАРОДНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДВФУ В АТР: ПРАКТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Налунина Д.Е.

В настоящее время в мире происходят радикальные изменения. Это обусловлено процессом глобализации, который сопровождается технологическими сдвигами, изменениями в области транспортных и информационных технологий. С одной стороны, человеческое сообщество становится неделимым, что обязывает государства к сотрудничеству и солидарности, выработке новых принципов мировой политики. С другой стороны, глобализация влечет ряд проблем общепланетарного характера, экономические, политические, социальные кризисы. В современной мировой политике действует огромное количество различных участников. Но до сих пор преобладающим остается взгляд, что основными субъектами мировой политики являются государства и группы (союзы) государств.

На современном этапе мирового развития под влиянием процессов глобализации и в условиях формирования новой «полицентричной системы международных отношений» на передний план в качестве факторов влияния государств на мировую политику, наряду с военно-политическим весом и экономическими ресурсами, выдвигаются факторы «мягкой силы» [4]: достижения государств в области культуры и искусства, науки, технологий, образования и т.д. Курилов В. И. и Дикарев В. П. считают, что «университеты – мощные генераторы интеллектуальных миграций, ставших влиятельной силой в современном мире» [3, С. 91]. Интеллектуальные миграции являются одним из важнейших элементов интернационализации образования.

В данной ситуации представляется важным исследовать некоторые аспекты международных отношений в АТР, в частности участие высших учебных заведений в международных процессах в АТР.

АТР – один из динамично развивающихся районов мира, в котором сосредоточены крупные экономические, финансовые, технологические и человеческие ресурсы.

Россия до середины 1990-х годов была больше ориентирована на сотрудничество со странами Европы. В 1992 году Российская Федерация вошла в Совет Тихоокеанского экономического сотрудничества (СТЭС), в 1994 году в состав Тихоокеанского экономического совета (ТЭС). В 1997 году Россия стала членом АТЭС. С момента вступления России в АТЭС, Владивосток рассматривается как площадка для встраивания России в АТР, а также как центр делового, экономического, политического, гуманитарного сотрудничества.

В ДВФУ на 2014-2015 год учится свыше 1300 иностранных студентов из более 20 стран [1]. Университет является членом престижных университетских ассоциаций.

По состоянию на март 2015 года университет заключил 205 договоров со 151 университетами и организациями в 22 странах мира [1].

Сотрудничество с зарубежными партнерами осуществляется по следующим направлениям: академические обменные программы студентами и преподавателями, профессиональные стажировки, реализация двухдипломных программ и программ включенного обучения, совместные научные исследования, участие в грантовых программах, организация и проведение конференций, семинаров, летних школ.

Приоритетное направление ДВФУ, в настоящее время, - интеграция в образовательную, научную и инновационную среду Азиатско-Тихоокеанского региона. Главная составляющая данного направления – обеспечение интернационализации образовательного процесса и создание конкурентоспособных в мировом масштабе образовательных программ, привлекательных для иностранных студентов [1]. Выяснить, насколько студенты ДВФУ информированы и осознают важность международной деятельности ВУЗа, представляется интересной исследовательской задачей. Отсутствие знаний об информированности студентов и их отношении к международной деятельности университета в АТР не позволяет в полном объеме ответить на вопрос о результатах и перспективах развития интеграционного процесса.

Нами был проведен онлайн - опрос, приняли участие в опросе 102 респондента в возрасте от 18-23 лет. Из них 31,37 % - мужчины, 68,63 % - женщины.

Большая часть респондентов принимали участие в различных мероприятиях, помимо учебного процесса – 80,39 %, не принимали участия – 19,61%. Знают о проведении мероприятий международного уровня на базе ДВФУ – 65,69 %, не знают – 34,31 %. Из них принимали участие в мероприятиях международного уровня на базе вуза – 30,77 %, не принимали участие – 69,23 %.

Студенты активно участвуют в мероприятиях различного характера, организуемых на базе университета: спортивные, научные, творческие, культурные, общественные. Студенты ДВФУ принимают чаще всего участие в мероприятиях, организуемых на уровне вуза (87,8 %).

По частоте участия в мероприятиях международного уровня ответы респондентов распределились таким образом: 2 - 3 раза в месяц – 4,76 %, ежемесячно – 9,52 %, 2-3 раза в год – 66,67 %, редко – 19,05%. Большинство студентов - 53,73 % считают, что на базе ДВФУ проводится достаточно мероприятий международного уровня, 17,91 % считают наоборот и 28,36 % - затруднились ответить.

По мнению студентов ДВФУ, при проведении мероприятий международного уровня ВУЗ преследует такие цели как: интеграция университета в образовательную, инновационную и научную среду АТР – 89,55 %; повышение конкурентоспособности в мире – 76,12 %; вхождение в ТОП - 100 лучших университетов мира – 68,66 %; интернационализация образования – 58,21 %; реклама ВУЗа – 2,48 %; выполнение показателей Программы развития и Программы повышения конкурентоспособности – 2,48 %; «отмывание денег» – 2,48 %.

По мнению большинства респондентов (92,54 %) проведение мероприятий международного уровня способствует формированию условий для межкультурных коммуникаций. За время участия в международных мероприятиях у большинства студентов (59,38 %) сложились дружеские отношения с иностранцами. А также у большинства респондентов (53,73 %) есть друзья иностранные студенты ДВФУ. Из числа респондентов, у которых нет друзей иностранных студентов, хотели бы иметь среди своих друзей иностранных студентов – 80,65 % опрошенных. Это подтверждает первую вспомогательную гипотезу нашего исследования.

Почти все респонденты (98,51 %) считают, что проведение мероприятий международного уровня способствует росту престижа университета, затруднились ответить – 1,49 %. Это подтверждает вторую вспомогательную гипотезу нашего исследования.

Значительное число опрошенных (56,72 %) считают, что проведение мероприятий международного уровня способствует повышению качества образования в университете, 23,88 % так не считают и 19,4 % затруднились ответить.

Большая часть опрошенных студентов (59,70 %) считает, что есть связь между направлениями международной деятельности ДВФУ и внешней политикой России в АТР, 10,45 % - так не считают, 29,85 % - затруднились ответить.

По мнению респондентов, стратегически важно дальнейшее сотрудничество с такими странами как Япония, (74,63%), КНР (71,64%), Республика Корея (65,67%). Это является подтверждением третьей вспомогательной гипотезы.

88,06 % респондентов считают, что ДВФУ является площадкой для встреч стран АТР. По мнению опрошенных студентов, причинами, способствующими этому, являются: ДВФУ был создан, в рамках подготовки к саммиту АТЭС 2012, с целью дальнейшего использования объектов университета для проведения Саммита – 81,36 %; в последнее время часто проводятся различные встречи представителей стран АТЭС и России в ДВФУ – 47,46 %; ДВФУ является одной из достопримечательностей Дальнего Востока – 42,37 %; Инфраструктура позволяет проводить параллельно учебному процессу международные мероприятия – 5,09 %; Ознакомление студентов с мероприятиями выше городского уровня – 1,69 %; Самый лучший университет Дальнего Востока, лицо Приморского края – 1,69 %. Это подтверждает четвертую вспомогательную гипотезу.

Студенты активно участвуют в мероприятиях, организуемых на уровне вуза (87,8 %). Принимают участие в мероприятиях международного уровня на базе ДВФУ - 30,77 %. По частоте участия лидируют ответы: 2-3 раза в год (66,67 %). Таким образом, можно сказать, что студенты ДВФУ включены в международную деятельность вуза, но не активно. Студенты стремятся к дружеской форме общения с иностранными студентами. В целом, респонденты положительно относятся к международной деятельности ВУЗа в АТР. По мнению опрошенных студентов, факторами, влияющими на международную деятельность ДВФУ, являются: внешняя политика России в АТР, история создания ВУЗа, реклама ВУЗа, стремление войти в ТОП-100 лучших ВУЗов мира и повысить конкурентоспособность, выполнение Программы развития и Программы повышения конкурентоспособности, интернационализация образования, выполнение приоритетного направления ВУЗа, инфраструктура ВУЗа. Сегодня ДВФУ, безусловно, является лидером среди ВУЗов Дальнего Востока по количеству заключенных договоров со странами АТР. Университет создает площадки для межкультурной коммуникации российских и иностранных студентов.

Конкурентоспособность ДВФУ может быть повышена за счет эффективной работы с молодежью. Мы считаем, что и в дальнейшем необходимо создавать условия для активного участия российских студентов в мероприятиях международного уровня. Это, в свою очередь, позитивно скажется на престиже университета, его интеграции в образовательную среду АТР. Необходимо проводить мониторинг общественного мнения об отношении студентов к международной деятельности ВУЗа. Важным представляется формирование у молодежи позитивного образа ДВФУ как субъекта международных отношений. Для мониторинга результатов включения ДВФУ в международное образовательное пространство необходимо проведение дополнительных социологических исследований. Исследования подобного рода на базе ВУЗа не проводились. По глубине изучения объекта наше исследование разведывательное. Мы считаем, что информации, опубликованной на сайте ДВФУ о международной деятельности университета, недостаточно. В дальнейшем предполагается проведение экспертного опроса. Экспертные оценки позволят сделать более широкие выводы о перспективах международной деятельности университета в АТР.

Список литературы

1. ДВФУ в мире. О международном сотрудничестве [Электронный ресурс] // Дальневосточный федеральный университет. – Режим доступа: <http://www.dvfu.ru/web/international/news>
2. Осипов, А. М. Социология образования / А. М. Осипов. – М. : Феникс, 2006. – 504 с.
3. Соколова, В. Н. Азиатско-тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век / В. Н. Соколова. - Владивосток.: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. – 448 с.

4. Торкунов, А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России [Электронный ресурс] / Российский совет по международным делам. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1467#top

5. Цыганков, П. А. Международные отношения: социологические подходы / П. А. Цыганков. – М. :Гардарика, 1998. – 352 с.

РАЗВИТИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ СО СТРАНАМИ ВОСТОКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Потапина К.В.

Жизненное значение для Российской Федерации имеет использование капиталов, рынков и интеграционного потенциала стран Востока в интересах подъема российской экономики. Но интерес является обоюдным: Россия предлагает странам Востока не только ресурсные возможности, но и интеллектуальный, а также научно-технический потенциал. Необходимость развития тесного экономического сотрудничества России и стран Востока становится все более актуальной в условиях гармонизации и поиска новых форм сотрудничества в рамках глобальной экономики. Взаимовыгодное партнерство между Россией и странами Востока обусловлено исторической общностью связей, комплексом геоэкономических и геополитических факторов, схожим вектором экономического развития, основу которого составляет ресурсный сектор. Россия — ведущий экспортер энергоресурсов на мировом рынке, крупный поставщик химических удобрений, необработанных лесоматериалов, важный экспортер вооружения.

В последние годы Россия либерализует экспортно-импортные и валютные операции, также тесно сотрудничает с международными экономическими организациями. Однако стартовые условия для интегрирования России в глобальную экономику крайне неблагоприятны. Сложившаяся структура внешнеэкономических связей не создает основы для долговременной экономической кооперации, которую было бы непросто разорвать. В мировой торговле лидирующее место занимают товары, в которых воплощены идеи научно-технического прогресса. В структуре российского экспорта преобладают базовые товары и простейшие виды услуг, в импорте заметное место занимают товары и услуги, связанные с удовлетворением потребительского спроса.

Россия поступательно наращивает темпы сотрудничества с международными организациями и увеличивает разнообразие товарной номенклатуры, что способствует ускорению вливания страны в мировую экономику.

Развитие торгово-экономических отношений Российской Федерации с сопредельными странами Востока на современном этапе является частью общего процесса экономического развития государства и отвечает потребностям и национальным интересам России. Для Российской Федерации Китай, Индия, Япония являются выгодными партнерами, обладающими значительными экономическими потенциалами.

Для России Восточная Азия является важной территорией для развития своего потенциала. Стратегической целью России является сохранение статуса великой державы и во многом это зависит от установления прочных связей с востоком. В настоящее время Азия играет важную роль в экономике и мировой политике, так как именно туда сдвигается центр индустриального роста и геополитических процессов в мире. В списке приоритетов внешней политики России АТР занял в 2014 году четвертую позицию, после СНГ, Европы и США. Регион Восточной Азии представляет большую важность для российской внешней политики. Причиной этого решения является то, что восточноазиатские страны - источники экономического роста.

Развитие Дальнего Востока и Сибири невозможно без тесного сотрудничества с ключевыми регионами Востока, это позволит стать России независимым игроком этого региона. В этой связи интерес вызывают Япония, Южная Корея и страны АСЕАН.

Многие исследователи считают, что более тесное сотрудничество России и АСЕАН усилят российское присутствие в регионе, проявляться они могут через взаимные инвестиции и участие в

совместных проектах. Возможно также концентрировать внимание на ключевых партнерах и продолжать развивать отношения с ними в тех сферах, которые наиболее выгодны:

- усиление взаимодействия с Китаем;
- использование исторических связей с Вьетнамом;
- освоение сферы влияния с Таиландом;
- совместные проекты в сфере высоких технологий с Японией и Южной Кореей;
- развитие военно-технического сотрудничества с Малайзией.

В качестве среднесрочных задач можно выделить разработку особого налогово-инвестиционного режима для Сибири и Дальнего Востока, который учитывал бы такие условия как:

- развитие интегрированной финансовой инфраструктуры Сибири и Дальнего Востока;
- переход к ресурсно-перерабатывающей модели в энергетическом комплексе;
- создание транспортных коридоров;
- выход российского бизнеса на мировые рынки;
- выстраивание отношений по экспорту зерна и продовольственных товаров;
- развитие оборонных предприятий;
- сотрудничество со странами в сфере безопасности;
- расширение гуманитарного сотрудничества.

Перспективным направлением является создание зоны свободной торговли между Таможенным союзом и странами восточноазиатского региона.

Современный этап сотрудничества России со странами Востока характеризуется необходимостью учета новых вызовов, обусловленных влиянием мирового финансово-экономического кризиса. В этой связи необходима координация усилий по развитию интеграционных процессов и торгово-экономического сотрудничества. На пути достижения более высоких параметров внешней торговли России со странами Востока все еще сохраняется ряд препятствий различного характера, однако они постепенно устраняются в процессе становления договорно-правовой базы.

В целом, успешное экономическое сотрудничество России и стран Востока содействует расширению совместной экономической интеграции стран и создает предпосылки для дальнейшего реформирования, направленного на более эффективное вовлечение национальных экономик в международное сообщество и создание основ устойчивого развития экономик России и стран Востока, способных адекватно реагировать на глобальные вызовы современности.

Усиление российского присутствия в регионе проявляется через взаимные инвестиции и участие в совместных проектах. В этой связи необходимо сконцентрировать внимание на следующих ключевых партнерах: усилить взаимодействие с Китаем как одной из ведущих экономик мира; использовать исторические связи с Вьетнамом; освоить сферы влияния с Таиландом; осуществить совместные проекты в сфере высоких технологий с Японией и Южной Кореей; реализовать военно-техническое сотрудничество с Малайзией.

Связи России со странами Востока могут быть плодотворными только тогда, когда наши восточные районы будут успешно развиваться. Присутствие России в восточном регионе должно быть преумножено и усилено. Будущее России теперь во многом зависит от позиций, которые она занимает на Востоке, потому что европейские санкции ограничили доступ на рынки Европы, переориентировав Россию на партнерство со странами Востока. Россия должна занять лидирующую позицию в восточном регионе, участвовать во всех региональных организациях и проводить свою политику, дабы добиться успеха во внешней политике и вывести экономику на уровень мировой.

Список литературы

1. Таможенный кодекс Таможенного союза, принят Решением Комиссии Таможенного союза от 27 ноября 2009 года № 17 URL//<http://pravo.gov.ru>
2. Федеральный закон «О таможенном регулировании в российской федерации» от 27.11.2010 № 311-ФЗ URL//<http://pravo.gov.ru>

3. Федеральный закон «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» от 8 декабря 2003 г. N 164-ФЗ URL//<http://pravo.gov.ru>
4. Азиатско-Тихоокеанские ориентиры России после саммита АТЭС во Владивостоке: к итогам Второго азиатско-тихоокеанского форума / РСМД. М.: Спецкнига, 2013, 32 с.
5. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации: научно-образовательный комплекс / ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО-Университет, 2010, 444 с.
6. Гельбрас В. Россия и Китай в условиях глобального кризиса // Мировая экономика и международные отношения. Ноябрь 2011, № 11, с. 63-71.
7. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации <http://www.ved.gov.ru/>
8. Официальный сайт Федеральной Таможенной Службы <http://www.customs.ru/>
9. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики <http://www.gks.ru>
10. Сайт Полюс Мира Открытый дискуссионный форум <http://forum.polismi.org/>
11. Научная электронная библиотека <http://elibrary.ru>

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РИСКИ И ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА СО СТРАНАМИ АТР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Самойленко П.Ю.

В сентябре 2015 года во Владивостоке состоялся Восточный экономический форум (ВЭФ), проведение которого стало логичным продолжением ранее заданной нашей страной повестки расширения влияния России на Азиатско-тихоокеанский регион и развитие сотрудничества с его странами, в том числе после Саммита АТЭС 2012 года и в рамках декларированного российским правительством в 2014 году «Разворота на Восток». Интеграция России и Дальневосточного федерального округа в АТР ставит на повестку дня и существенно актуализирует вопрос об информационном облике Дальнего Востока России (ныне часто также называемого Тихоокеанской Россией) в глазах азиатских партнеров и инвесторов. При этом предпринимаемые усилия по линии как федеральных, так и региональных властей пока очевидно не достаточны и не могут создать условия для формирования однозначно позитивного российского имиджа в странах Азиатско-тихоокеанского региона и Северо-восточной Азии.

Развивая в начале XXI века отношения со странами АТР, Россия сталкивается с рядом информационных вызовов, без адекватного ответа на которые ей вряд ли удастся достичь поставленных целей, прежде всего – в рамках развития внешнеэкономической деятельности. Главной стратегической задачей на сегодняшний день является развитие сотрудничества в формате как минимум двух параллельных дорожек – внешнеполитической и внешнеэкономической, поскольку только в таком случае будут созданы условия для полноценной интеграции России в АТР, и появится система взаимного усиления политики за счет дополнения политико-экономических и гуманитарно-культурных рычагов.

К очевидным коммуникативным проблемам, которые сохраняются в сфере внешнеэкономической деятельности на Российском Дальнем Востоке, в настоящее время следует отнести следующие:

- Неоднозначное восприятие иностранными инвесторами, в особенности в части опасений нестабильности в вопросах развития и гарантий инвестиций;
- Отсутствие единой стабильной системы информирования стран АТР и СВА и их бизнес-кругов о происходящем на Дальнем Востоке России, подтверждением чему является отсутствие активизации собственных корреспондентов иностранных СМИ в ДФО;
- Отсутствие единой гуманитарной и культурной общности, в том числе за счет низкой туристической активности и медленного развития процессов мультикультурализма.

Соответственно, в рамках внешнеэкономической деятельности первейшей стратегической задачей становится вхождение на рынки Азиатско-тихоокеанского региона, создание сырьевого экспорта, привлечение иностранных инвестиций в экономику российского Дальнего Востока, развитие общегуманитарного сотрудничества. Указанные меры должны также быть дополнены соответствующим информационным сопровождением, которое будет создавать устойчивый положительный имидж России в АТР, а также безусловным использованием прикладного социологического инструментария для изучения процессов, происходящих в обществе в процессе интеграции.

Соответственно, к первоочередным имиджево-коммуникативным задачам, стоящим перед Россией и ее Дальним Востоком как крупным мегарегионом, ориентированным на АТР, в настоящее время необходимо отнести следующие:

- Создание устойчивого позитивного инвестиционного имиджа Дальневосточного федерального округа;
- Создание позитивного туристического образа региона;
- Формирование информационного «пула» уникальных для интегрированного в АТР российского мегарегиона составляющих, таких как туристическо-рекреационные комплексы, памятники истории и культуры и места туристического показа, регулярно проводимые значимые международные мероприятия и мероприятия с международным участием и так далее.
- Создание экономической основы для международного сотрудничества в рамках Дальнего Востока, а также форматов иных «дорожек» сотрудничества, например, культурного, гуманитарного и т.д.
- Сохранение исторических и социальных «маяков», которые направлены на сохранение национальной идентичности.

В экономическом отношении Дальний Восток для России является площадкой для развития отношений с КНР и Республикой Корея, Вьетнамом, Индонезией и другими крупными экономиками АТР. Эти приоритеты несколько шире внешнеполитических устремлений России, которые в АТР де-факто в большей степени связаны с регионом Северо-Восточной Азии. Формат так называемой «второй дорожки», то есть развитие экономического и гуманитарного сотрудничества, является приоритетным для России, поскольку позволяет усилить возможности интеграции в АТР и усилить связи с ключевыми странами региона в формате двухсторонних режимов и инициатив.

Основными препятствиями интеграции регионов ДФО в АТР, которые в том числе получили освещение в средствах массовой информации, остаются сырьевой характер и слабость экономики в регионах федерального округа, отсутствие реальных достижений в развитии туристических проектов. К примеру, на сегодняшний день во Владивостоке до сих пор окончательно не достроены и не введены в строй две пятизвездочные гостиницы Nuatt, которые первоначально должны были быть сданы в эксплуатацию еще в 2012 году и ориентированы на туристов и бизнес-делегации стран АТР. До конца не ясны перспективы окончания строительства игровой зоны в пригороде Владивостока.

Основными причинами, сдерживающими развитие сотрудничества и привлечение инвестиций на Дальний Восток России, на сегодняшний день можно считать следующие:

- высокие транспортные и энергетические затраты
- узкий рынок труда, высокая стоимость рабочей силы
- слабая конкурентоспособность местных производств
- необходимость существенных финансовых вложений и инвестиций (т.н. «длинные деньги») для развития совместных производств

Соответственно, первоочередными задачами являются следующие:

- развитие инфраструктуры в регионах ДФО, прежде всего ориентированной на развитие реального сектора экономики;
- снижение затрат, связанных с организацией и функционированием бизнеса;
- создание налоговых и прочих льгот для инвесторов;

- структурные изменения в региональной экономике с целью повышения ее инновационности.

К типичным информационно-имиджевым проблемам, установленным путем опроса иностранных инвесторов и бизнесменов, можно отнести такие как (данные портала DetailCommunications): максимально оцениваются политические риски, геополитическая напряженность, экономические проблемы, санкции и цены на нефть. Очевидно, что на фоне подобных приоритетов в ментальном восприятии иностранцев Дальний Восток России смотрится намного выигрышней, чем западная ее часть.

Говоря о необходимости усиления информационно-имиджевой политики России в АТР, следует говорить о перспективах регулярного, системного привлечения интереса азиатских партнеров к происходящим на Дальнем Востоке России событиям. Следует отметить, что при этом необходимо учитывать азиатский менталитет, одним из базисов которого является практическая ориентированность проектов и стремление получения перспективных выгод.

Необходимо отметить, что имидж Дальнего Востока России применительно к интеграции в АТР, необходимо рассматривать на трех уровнях.

Во-первых, ДФО является частью России, поэтому для регионов округа характерны определенные общие черты, свойственные современной отечественной экономике.

Во-вторых, Дальний Восток на сегодняшний день является территорией с особыми режимами для бизнеса, в том числе для привлечения инвестиций, прежде всего речь идет о территориях опережающего социально-экономического развития (ТОСЭРах) и режиме порто-франко во Владивостоке. Для данных экономических инструментов создан правовой каркас, проводится работа по созданию условий для их реализации. Соответственно, созданы имиджевые предпосылки позиционирования регионов Дальнего Востока как площадки для привлечения инвестиций с уникальными условиями. Также очевидно, что в рамках постановки руководством страны столь масштабных задач как создание во Владивостоке свободного порта (порто-франко) и развитие территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭРов) необходимо предпринимать усилия по информационному продвижению России в регионе с помощью средств массовой информации, ресурсов сети Интернет, а также путем создания устойчивого положительного имиджа регионов Дальнего Востока как привлекательных с точки зрения инвестиций и туризма.

В-третьих, регионы Дальнего Востока России имеют свои особенности, в том числе в вопросах привлечения инвестиций и внешнеэкономической деятельности. На сегодняшний день Дальний Восток России, включающий 9 субъектов Российской Федерации, интегрирован в международное сотрудничество в основном за счет южных и восточных регионов – Приморского края, Сахалинской области, Хабаровского края, Амурской области. Международное сотрудничество указанных регионов ориентировано на страны Азиатско-тихоокеанского региона (АТР), преимущественно страны Северо-Восточной Азии (СВА). При этом необходимо разделять как стратегические и внешнеполитические аспекты отношений, так и собственно международное экономическое сотрудничество, хотя эти направления на практике оказываются взаимосвязанными.

Анализ инвестиционной привлекательности российских регионов, проводимый путем опросов отечественных респондентов, в том числе представителей бизнеса, показывает, что регионы Дальнего Востока России на фоне других регионов страны занимают не самые высокие категории привлекательности (данные АСИ). Так, национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации показывает, что большинство регионов Дальнего Востока входят в 3 и 4 группу из 5 и находится в нижней части сводного списка российских регионов по данному показателю. Амурская область занимает четвертую позицию с конца списка, Магаданская область – тринадцатую, Хабаровский край – пятнадцатую, Сахалинская область и Приморский край – двадцать пятую и тридцать первую, Якутия – тридцать восьмую, Камчатский край – сорок седьмую, Еврейская автономная область и Чукотский автономный округ в рейтинге не значатся. При этом Амурская и Магаданская области имеют в общих оценках «низшие» показатели «Е» по отдельным категориям и соответственно оказались в группе территорий с низкой привлекательностью. Общими проблемными

показателями, которые «тянут» имидж инвестиционной привлекательности дальневосточных регионов вниз, является слабая регуляторная среда и слабая инфраструктура и ресурсы (отмечены даже у Якутии, имеющей среди регионов ДФО соответственно самый высокий рейтинг). Такие оценочные категории как институты для бизнеса и поддержка малого и среднего предпринимательства в ряде регионов Дальнего Востока также оценены довольно низко. Поэтому, исходя из данных исследований целевых групп, перспективным представляется проработать вопросы единой российской информационной политики, направленной на интеграцию Дальнего Востока страны в АТР. В рамках такой задачи перспективными представляются следующие решения:

- Создание системы постоянного информирования потенциальных инвесторов о развитии Тихоокеанской России и ключевых проектов, ориентированных на АТР, таких как проект свободного порта и ТОСЭРы;
- Распределение информационных задач на четырех уровнях – международном, национальном, окружном и региональном, с соответствующей взаимосвязью и взаимозависимостью между информационным контентом, распространяемым на данных уровнях;
- Создание системы мониторинга сообщений в СМИ и сети Интернет, посвященных проблемам интеграции России и Дальнего Востока в АТР, с целью определения наиболее проблемных тем в повестке деятельности СМИ, которые связаны с указанными вопросами и последующим реагированием органов власти и национального бизнеса на полученную информацию
- Формирование условий для расширения присутствия на Дальнем Востоке России представителей масс-медиа стран АТР с целью более плотного информационного и кросс-культурного сотрудничества, способствующего и развитию внешнеэкономической деятельности.
- Минимизация репутационных рисков путем проведения сбалансированной политики сотрудничества, ориентированной на развитие реального сотрудничества с ключевыми странами АТР в формате как минимум «двух дорожек», подкрепляя развитие инициатив стратегического и политического характера взаимовыгодным экономическим сотрудничеством как в двухстороннем, так и в многостороннем формате.

Список литературы

1. Восточный вектор внешней политики России // Электрон ресурс. Режим доступа http://www.singapore.mid.ru/rus/asia/ros_asia_2.html
2. Ерошенко С.С. Дьяков В.И. Правовое и политическое положение России в АТР. Владивосток, 2011.
3. Опрос инвесторов: Россия в 2015 году // Электрон ресурс. Режим доступа <http://detailcomms.com/ru/inostrannye-investory-vosprijatie-rossii-ekonomika-fondovyj-gynok-v-2015/>
4. "Поворот на Восток" ради будущего России. // Электрон.ресурс <http://www.pravda.ru/districts/fareast/19-07-2015/1267415-levintal-0/>
5. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации на 2015 год. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/47173>
6. Путин о ТОРах на Дальнем Востоке: «Нельзя делать вид, что мы что-то делаем, а на самом деле только пишем планы» Электрон. Ресурс. Режим доступа: <http://sesti.ru/news/2014/08/01/1692.html>.
7. Самойленко П.Ю. Стратегические интересы России в АТР: синергетический и информационно-имиджевый факторы в вопросах военной и экономической политики // Ойкумена – регионоведческие исследования, 2014, №2.
8. Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/
9. Улучшение инвестиционного климата в России. Агентство стратегических инициатив (АСИ). // Электрон.ресурс <http://asi.ru/investclimate/>.

ИЗУЧЕНИЕ ДИНАМИКИ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ДЕЛОВОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ПЕРСПЕКТИВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И СТРАН АТР

Свердликова Е.А.

В последние годы в российском интеллектуальном и медиапространстве много говорится о духовных скрепах русского народа. В одном из последних своих выступлений В.В. Путин также коснулся ценностных ориентиров русского народа. Это было первого сентября 2015 года, когда он выступал перед учениками и педагогами образовательного центра «Сириус», в г.Сочи. Путин приводил примеры из русской истории, особо высоко оценивал советский период, когда страна достигла потрясающих результатов в науке и технике. И это было, по его мнению, благодаря таким ценностям русского характера, как честность, патриотизм, совесть, любовь, доброта, мужество, достоинство, отзывчивость, ответственность и чувство долга. Эти правильные и нужные слова можно рассматривать как руководство к действию в сегодняшнем мире, который обретает новую конфигурацию, сутью чего становится его многополярность.

Одним из таких важных полюсов современного мира становится его Азиатско-Тихоокеанский регион. Любые интеграционные процессы здесь невозможны без чёткого понимания традиций и ценностей культуры тех народов, которые участвуют в подобных взаимодействиях. Одним из активных субъектов, развивающих новые формы всесторонней интеграции на Дальнем Востоке, является и современная Россия.

Исторически так складывалось, что мы часто себе не доверяли, подражали Западу. А сегодня, когда наши партнёры, в очередной раз показали себя, наложив на Россию пакет санкций, сотрудничество со странами Тихоокеанского региона даёт нашей стране сразу несколько важных перспектив. Во-первых, мы можем обрести новый опыт сотрудничества в азиатском регионе, познав наших восточных соседей; во-вторых, лучше узнать самих себя, используя забытый сегодня опыт хозяйственной деятельности предшествующих поколений. Для современной России, поворот на Восток – новый этап развития. Каждый раз, во все переломные эпохи своей истории, Россия начинает заново «обучаться самой себе». И всегда начинается поиск модели. Мы часто искали эти модели в других культурах и системах. Но наступает время, когда необходимо искать эти модели в своей собственной истории.

В данной публикации мы предлагаем опыт изучения ценностей российской деловой культуры методами качественного и качественно-количественного анализа документов. В течение нескольких лет, на социологическом факультете МГУ, в рамках спецкурса «Традиции и ценности российской деловой культуры», мы попытались создать собственную методологию изучения динамики ценностей российской культуры и одного из её микроуровней – хозяйственной культуры. Для этого были использованы такие методы как биографический и метод контент-анализа. На протяжении трёх лет студенты анализировали биографии известных российских промышленников и предпринимателей эпохи первого капитализма, а также биографии представителей советской хозяйственной элиты, выделяя в них наиболее ценные и часто повторяемые идеи и предметы жизненного пути.

Необходимо отметить, что анализ биографий конкретных предпринимателей начинался нами не с чистого листа. Предварительно, мы изучали известные философские произведения, в которых знакомимся с базовыми ценностями русской культуры. И уже на этой основе, на первом этапе исследования, из биографий российских предпринимателей выявляли ценности функциональные, присущие хозяйственной подсистеме российского общества. Были изучены биографии таких промышленников, как Абрикосовы, Алексеевы, Бахрушины, Боткины, Куманины, Мазурины, Мальцовы, Мамонтовы, Морозовы, Найдёновы, Рукавишниковы, Рябушинские, Прохоровы, Солдатенковы, Сытины, Третьяковы, Хлудовы, Шеллапутины, Щукины, Якунины и др.

Следующим этапом нашего исследования был анализ биографий представителей хозяйственной элиты Советского Союза. Здесь также были рассмотрены биографии видных деятелей промышленности, науки, техники, искусства. Были изучены биографии И.В. Курчатова, С.П.Королёва, А. и А.Микоянов, А.Н.Туполева, Ю.Б.Харитона, П.Л.Капицы, В.П.Глушко, М.В.Келдыша,

А.Н.Колмагорова, Н.С.Байбакова, Н.С.Лидоренко, Г.И.Тихонова, Г.С. Непорожного, М.Н.Калашникова, И.А.Пырьева и др.

В результате анализа биографий видных представителей хозяйствующей элиты разных периодов российской истории, мы получили некую подсистему ценностей, характерную для делового поведения российских организаций.

Далее, для проверки достоверности разработанной подсистемы ценностей и для изучения преемственности, апробировали данную подсистему в современных деловых организациях. Применять биографический метод к нынешним предпринимателям мы посчитали некорректным, т.к. пока непонятно, кто именно из них оставит добрую память о себе. Это покажет время. А пока мы пошли по пути использования метода качественно-количественного анализа документов или контент-анализа. С помощью данного метода мы проанализировали публикации деловой российской прессы, с целью изучения представленности в ней тех ценностей деловой культуры, которые были разработаны ранее. Объектом нашего анализа были публикации таких журналов и газет, как «Компания», «Коммерсантъ. Деньги», «Секрет фирмы», «РБК», «Итоги», «Известия», «Ведомости» и др.

В результате применения разработанной методологии анализа получены следующие данные. На основании взглядов русских этнографов и философов, изучающих сущность и своеобразие русского характера[1], можно утверждать, что в нём, в структуре его ценностей и мотиваций видны два уровня: природный и культурный. Так, И.А.Ильин, на природном уровне, рассматривал душу русского народа, выделяя в ней развитость её первичных и неразвитость вторичных сил. К первичным силам души русского народа он относил такие ценности, как чувственность, созерцательность, терпение, страдание, смирение, внеисторичность, апокалиптичность мышления, непривязанность к материальному, жажду праздника и радости, бескорыстное служение идее и людям, самопожертвование. Как видно, все эти ценности или социальные архетипы русского характера обусловлены или нанизаны на духовно-нравственные ценности Православия, т.к. именно Православие помогло русскому народу освоить огромную и сложную территорию своего проживания и создать на ней великую, своеобразную культуру.

Эти базовые ценности русского народа или его социальные архетипы определили подсистему функциональных ценностей, которые связаны с деловым поведением работника в организации. Эту подсистему ценностей мы назвали ценностями российской деловой культуры. Разработана она была, как отмечалось выше, на основе биографического метода. Перечислим эти ценности: вера, семья, трудолюбие, патриотизм – уважение к государству, природная смекалка - любовь к науке, умение поставить и решить сверхзадачу, самобытные формы организации труда, преобладание моральных форм мотивации над материальными.

На основе результатов контент-аналитического исследования, можно утверждать, что данная система ценностей показала свою работоспособность в современной российской деловой прессе. Объём выборочной совокупности представлял собой массовую текстовую совокупность, включающую более 500 статей российской деловой прессы 2010-2014гг. За три года было проанализировано 83820 строк деловой периодики, из них 24911 строк было посвящено ценностям российской деловой культуры, что составляет 27,3% или третью часть общего объёма исследуемой информации. Такая же картина получается при рассмотрении подобных соотношений по периодам исследования: 2012г. – всего 7126 строк, о ценностях деловой культуры – 2653, или 37,2% от общего объёма информации, за первый период исследования; 2013г – всего 29360 строк, о ценностях – 6358 строк или 21,6% от общего объёма информации, за второй период исследования; 2014г. – 47334 строки, о ценностях – 18878 строк или 31,6% от общего объёма информации, за третий период исследования.

Далее остановимся на анализе иерархии конкретных ценностей российской деловой культуры. В целом, за все три периода исследования, внимание коммуникатора к ценностям деловой культуры выглядит следующим образом. Наибольший интерес проявляется к ценности «трудолюбия» – 3977 строк (15,9%), далее следуют ценности «умение поставить и решить сверхзадачу – 3539 строк (14,2%) и ценности «преобладания моральных форм мотивации над материальными» - 3530 строк (14,1%). Все

оставшиеся ценности распределяются в следующем порядке: «вера» - 3439 строк (13,8%), «патриотизм» - 3123 строки (12,5%), «любовь к науке» - 2709 строк (10,8%), «семья» - 2481 строка (9,9%), «самобытные формы организации труда» - 2113 строк (8,4%).

Если составить иерархию ценностей российской деловой культуры по отдельным периодам, можно заметить следующие тенденции. Такие ценности, как «трудолюбие» (29,2% , 20,5%, 13%) и «преобладание моральных форм мотивации над материальными» (13,7%, 27,3%, 10%), в течение всех трёх периодов занимали, в целом, первые позиции. Исключение составляет ценность «преобладания моральных форм мотивации», в 2014 году. В скобках указаны объёмы информации о конкретных ценностях, в общем объёме исследуемой информации. А ценность «веры», занимающая первые позиции в исследованиях 2012 и 2013гг, в 2014 году утрачивает лидирующие позиции: 31,5%; 22,6; 9,7%. На первые позиции в исследованиях 2014 года выходят ценности «умение ставить и решать сверхзадачу» - 18,7% и «любовь к науке» - 14,3%.

Подводя общие итоги исследования, можно утверждать, что к наиболее востребованным ценностям российской деловой культуры можно отнести ценности: «трудолюбие», «умение ставить и решать сверхзадачу» и «преобладание моральной мотивации над материальной». Эти выводы говорят о стабильности и преемственности традиций российской деловой культуры в медиапространстве современной России, а также в структуре общественного мнения деловой сферы общественной жизни. Особо подчеркнём такую характеристику динамики ценностей, как сохранение духовно-нравственного содержания приоритетных ценностей. Как видим, духовно-нравственные ценности, в чистом виде, такие, как вера и всё, что связано с ней, постепенно перемещаются с первой на более низкие позиции. Однако, обратим внимание на то, что такая ценность, как «умение ставить и решать сверхзадачу», которую мы включили в систему, в ходе анализа биографий советских хозяйственников, вышла на первое место на третьем этапе исследования и на второе место, в конечной иерархии, только потому, что она более конкретно и понятно выражает религиозность русской души, её жертвенность, самоотдачу, веру в идеальное. А первую позицию в иерархии ценностей российской деловой культуры занимает ценность «трудолюбия». И это не случайное совпадение. Труд в нашей стране всегда рассматривался как важная добродетель, а не только как совокупность навыков. Трудовой процесс связывался с именами святых, религиозными праздниками и обрядами. Поэтому он носил целостный нравственный характер. Для русских людей всегда было твёрдым правило: труд – источник благополучия и богатства. «Труд – отец богатства, земля – его мать». Таким образом, приятно осознавать, что и в нашей иерархии ценностей делового поведения российских организаций начала 21 века, эта ценность является приоритетной. Это свидетельствует о преемственной связи ценностей современной русской культуры с традиционными ценностями российской культуры.

Список литературы

1. Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. М., 2007;
2. Лосский Н.О. Характер русского народа. М., 2005.;
3. Платонов О.А. Экономика русской цивилизации. М., 2008;
4. Русский мир: о нашей национальной идее. М., 2014;
5. Юдина Т.Н. Новый Домострой. М., 2014.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ СТРАН АТР: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Соколова М.М.

Процессы интеграции, которые происходят во всех сферах человеческой деятельности мирового общества, затронули и систему высшего профессионального образования. Как известно, Российская Федерация (РФ) является евроазиатской страной, именно поэтому взаимодействие с Азиатско-Тихоокеанским регионом (АТР), включая и такую область как образование, является немаловажным аспектом деятельности.

Одним из главных факторов в налаживании межвузовского сотрудничества стран является развитие академической мобильности студентов. Академическая (студенческая) мобильность представляет собой возможность обучения студента в течение длительного срока – от семестра до полного учебного года – как в своей стране, так и за её пределами. Она традиционно носит многосторонний характер – университет не только направляет своих студентов на обучение за рубеж, но и принимает у себя иностранных студентов и других университетов мира. Именно поэтому подобную программу принято называть еще и студенческим обменом. Основным отличием подобного образования от традиционных стажировок является прохождение полноценного курса дисциплин, который засчитывается студенту по возвращении в базовый ВУЗ. Под «базовым» ВУЗом понимается то место, куда студент изначально пришел учиться для получения диплома о высшем образовании. Используя возможность академической мобильности, обучающийся при этом не прерывает процесс обучения в своём ВУЗе, а продолжает его по прибытию. Основной задачей такой программы выступает интернационализация высшего профессионального образования и культурная интеграция молодежи разных стран.

При получении образования студентам за рубежом предоставляется не только возможность изучения иностранного языка в естественной среде, но и культуры «принимающей» страны, что в дальнейшем способствует развитию межкультурной адаптации. Обучающийся, находясь в зарубежном ВУЗе, приобретает бесценный международный опыт в научно-образовательной сфере, имеет возможность расширения профессиональных знаний и практических навыков. Помимо этого, после окончания курса студенту, как правило, выдается сертификат или диплом.

На данный момент представители азиатских стран занимают большой процент (45%) от всех студентов стран мира, зачисленных в высшие учреждения за рубежом. Странам АТР довольно проблематично создать общую систему высшего образования, так как присутствуют существенные различия в традициях, культуре, нормах и обычаях. Именно поэтому в настоящее время проблемы академической мобильности представителей стран АТР заключаются в отсутствии материально-финансового обеспечения, в неразработанности специальных методов и механизмов работы для осуществления студенческого обмена, нехватке специалистов в данной области.

Таким образом, для дальнейшего развития студенческого обмена необходимо изучать и усовершенствовать уже имеющиеся знания, явления, технологии и механизмы реализации. Также требуется и разработка нормативно-правовой базы, что позволит данному процессу легче развиваться. Особого внимания заслуживают комфортные условия для проживания и обучения иностранных студентов. Возникновение необходимости изучения и анализа всех сторон данного сложного, многопланового процесса возникло с целью дальнейшего использования полученных знаний для совершенствования и улучшения системы высшего образования в целом.

Список литературы

1. Зновенко Л. В., Макареня А. А. Академическая мобильность студента как фактор успешного становления профессиональной компетентности будущего педагога // Образование в эпоху перемен. Сборник научных трудов. СПб.: ГНУ ИОВ РАО, 2005. - С. 105-109.

Судакова Г.Г. Роль и место академической мобильности международной деятельности вуза психолого-социального профиля // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного университета психологии и социальной работы. – 2010. Выпуск 2 (4). – С.51-70.

ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КНДР КАК ФАКТОР ПОСТРОЕНИЯ ДОБРОСОСЕДСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Сорокина П.А., Костина Е.Ю.

Значительная площадь и наибольшее число стран-соседей делает актуальной тему приграничного сотрудничества для Российской Федерации. К тому же все нарастающий процесс глобализации вынуждает страны задействовать как можно большее число продуктивных связей.

Одним из наиболее интересных и специфичных соседей России является Коре́йская Народно-Демократическая Республика (КНДР). Это страна, которая значительное время проводит политику самоизоляции. С одной стороны, «закрытость» КНДР делает ее изгоем на международной арене, с другой стороны, вызывает интерес к себе. Россия является одной из немногих стран, с кем граничит Северная Корея. Ежедневно меняющаяся ситуация на международной арене вынуждает страны по-новому взглянуть на сложившиеся между ними отношения и прощупывать появившиеся возможности сотрудничества.

«Развитие регионального и приграничного сотрудничества является важным резервом двусторонних связей с соответствующими странами и регионами в торгово-экономической, гуманитарной и иных областях» [8]. Однако если научную литературу по теме межгосударственных отношений между Россией и КНДР можно найти, то информации о российско-северокорейском приграничном сотрудничестве нет. Можно с уверенностью говорить о том, что тема является неизученной, хотя и государственно важной. Кроме того, актуальность исследования данной темы обусловлена также и заинтересованностью России в развитии отношений с КНДР, в том числе и посредством приграничного сотрудничества.

Таким образом, было принято решение о проведении социологического исследования по данной теме. Мы преследовали следующую цель: определить состояние российско-северокорейской системы приграничного сотрудничества на сегодняшний день.

Нам необходимо было решить задачи:

- выяснить, является ли перспективным для России развитие приграничного сотрудничества с КНДР;
- узнать, какие сферы сотрудничества являются активными;
- узнать, какие сферы не задействованы в сотрудничестве;
- выявить факторы, осложняющие развитие приграничного сотрудничества между данными странами;
- определить, какими мерами можно стимулировать развитие приграничного сотрудничества;
- определить, оказывает ли ситуация на международной арене влияние на систему российско-северокорейского приграничного сотрудничества.

Методом сбора эмпирических данных выступил экспертный опрос, типом выборки – метод снежного кома. Как показала практика, специалистов, разбирающихся в данной области не так много, поэтому было принято решение опросить 10 экспертов: по 5 экспертов с г. Владивостока (административный центр Приморского края) и п. Хасан (поселок, граничащий с КНДР).

Проведя исследование, мы пришли к выводам:

70% экспертов считают развитие приграничного сотрудничества с КНДР перспективным направлением для России;

Сферами, задействованными на данный момент в российско-северокорейском приграничном сотрудничестве, являются: торговля (80%), строительство (70%), перевозки (60%), налаживание сельскохозяйственного производства (50%), упрощение взаимного общения заинтересованных лиц (40%);

Сферами, не задействованными на данный момент в приграничном сотрудничестве между Россией и Северной Кореей, являются: переработка давальческого сырья (70%), торговля лицензиями (70%), лизинг (70%), использование природных ресурсов (70%), информационное сотрудничество (70%), экология (70%), кооперационное производство (60%), образование (60%), создание совместных предприятий (50%), услуги в области связи, модернизация средств коммуникации (50%), культура (50%), организация совместных предприятий пищевой промышленности (50%), поддержка соотечественников за рубежом (50%);

Основными факторами, тормозящими развитие приграничного сотрудничества между Россией и КНДР, являются: специфика политического режима КНДР (40%), отсутствие автомобильной дороги

между Россией и КНДР (30%), «закрытость» КНДР (30%), визовые отношения между странами (20%), менталитет другого государства (20%);

Чтобы стимулировать развитие российско-северокорейского приграничного сотрудничества, необходимо принять следующие меры: построить автомобильный мост через р. Туманган (20%), упростить прямые контакты между заинтересованными лицами (со стороны КНДР) (10%), поддерживать образовательные и культурные контакты (со стороны КНДР) (10%), установить дружественные отношения между п. Туманган и п. Хасан, привлекать вложение инвестиций в различные отрасли (10%), создать совместные предприятия (10%), сотрудничать в области культуры и спорта (10%), снять международные санкции в отношении КНДР (10%).

80% экспертов утверждают, что ситуация на международной арене оказывает влияние на развитие приграничного сотрудничества между Россией и КНДР.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что приграничное сотрудничество с КНДР – это перспективное направление для России. Однако российско-северокорейское приграничное сотрудничество развивается очень медленно в связи с большим количеством осложняющих его факторов. Важным является то обстоятельство, что развитие приграничного сотрудничества в России напрямую зависит от решения федерального центра.

Рекомендуется:

- органам государственной статистики – провести глубокий анализ системы приграничного сотрудничества между Россией и КНДР с привлечением экспертов в данной области;
- администрации Приморского края – организовать Всероссийский форум на тему «Российско-северокорейское приграничное сотрудничество: перспективы и реалии»;
- главе администрации п. Хасан – выступить с инициативой к губернатору Приморского края по реализации культурного сотрудничества между п. Туманган и п. Хасан.

Результаты социологического исследования говорят о том, что перспективы сотрудничества есть, об этом свидетельствуют не только сферы, не задействованные в приграничном сотрудничестве на данный момент, но и сферы, задействованные не в достаточной степени. Развитие приграничного сотрудничества с такой специфичной страной, как КНДР, действительно может выступить залогом стабильных добрососедских отношений. Однако на сегодняшний день стоит задача найти такой вариант сотрудничества, который соответствовал бы возможностям КНДР, но был бы интересен России.

Список литературы

1. Вагин, В. Д. К вопросу об исследовании проблем и перспектив развития приграничного сотрудничества в России // Труды Псковского политехнического института. Рубрика : Экономика. – 2011. – № 15.2. – С. 147-148
2. Вагин, В. Д. Основа приграничного сотрудничества // Проблемы и перспективы европеизации образования в приграничных территориях: сборник материалов международной конференции. – Псков : Псковский государственный университет, 2013. – С. 24-27
3. Вагин, В. Д. Правовые основы приграничного сотрудничества в российской федерации // Труды Псковского политехнического института. Рубрика: Экономика. – 2011. – № 14.2. – С. 164-167
4. Дергачев, В. А. Регионоведение : учеб.пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Регионоведение», «Международные отношения» / В. А. Дергачев, Л. Б. Вардомский. – 2-е изд., переработ. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 519 с.
5. Жундубаев, М. К. Приграничное сотрудничество между Республикой Казахстан и Российской Федерацией на современном этапе: характер развития, проблемы и перспективы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / М. К. Жундубаев. – М. : 2014. – 241 с.
6. Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс] / Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDED7DA644257B160051BF7F

7. Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации от 9 февраля 2001 г. № 196-р / Совет безопасности Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/16/29.html>

8. Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс] / Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDED7DA644257B160051BF7F(дата обращения: 14.01.2015)

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ И ШАНХАЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Хижнякова А.С.

В общем комплексе отношений и двустороннего взаимодействия между Россией и КНР значимую роль играет гуманитарное сотрудничество. В Докладе Российского совета по международным делам №13 от 2013 года образование выделено как приоритет российско-китайского Плана действий по сотрудничеству в гуманитарной сфере до 2020 года. Большое внимание уделяется программам интернационализации образования, академической мобильности, молодежных обменов. В ходе реализации этих программ необходимо учитывать проблемы социальной адаптации иностранных студентов в среде вуза.

В статье мы рассмотрим социальную адаптацию иностранных студентов в российском вузе на примере Дальневосточного федерального университета (ДВФУ) и в вузе КНР на примере Шанхайского университета иностранных языков (ШУИЯ). При этом мы сосредоточимся на анализе рассматриваемого понятия применительно, прежде всего, в ДВФУ – к гражданам КНР, в ШУИЯ – студентам из России. Используя методы анализа и сравнения, мы выявим основные проблемы и перспективы социальной адаптации студентов в этих вузах.

Исследователи рассматривают социальную адаптацию иностранных студентов как интеграцию личности в новый социокультурный контекст. При этом выделяют несколько уровней этого процесса: 1) академическая адаптация; 2) культурная адаптация; 3) психологическая адаптация; 4) иные виды адаптации. Академическая адаптация связана с трудностями привыкания к новым формам подачи знаний, организации учебного процесса, способностью воспринимать информацию на другом языке. Проблемы, возникающие в процессе культурной адаптации – это национальные особенности, несхожесть традиций, обычаев. Психологическая адаптация связана с индивидуальными особенностями каждого студента и спецификой культурного окружения, в котором он вырос, а также с новыми условиями жизни индивида. Под другими видами адаптации понимают климатическую, социально-бытовую, социально-экономическую и т.д.

ДВФУ – ведущий центр международного сотрудничества в АТР, единственный российский вуз, представленный в Ассоциации Университетов Тихоокеанского региона (АПРУ). На базе ДВФУ ведется поэтапное формирование Международного ресурсного центра по вопросам интернационализации высшего образования и науки. В 2015 году в университет поступило 1832 иностранных студента из 47 стран, что составляет 13% от общего контингента обучающихся, а общее число иностранных студентов в вузе достигло 2505 человек. При этом граждане КНР составляют 60% от всего числа поступивших иностранных студентов.

ШУИЯ входит в число вузов – иностранных партнеров ДВФУ. Университет находится под непосредственным управлением Министерства просвещения Китая, он внесён в «Программу-211» создания ведущих университетов. ШУИЯ имеет наибольший процент иностранных студентов среди учащихся, сравнительно с другими вузами Китая. В университете обучается около тысячи иностранных студентов, примерно 25% из них – граждане России.

Академическая адаптация. В процессе академической адаптации иностранные студенты в ДВФУ и ШУИЯ сталкиваются с типичными сложностями, в первую очередь связанными с языковым барьером: оформление необходимых документов, поселение в общежитии, освоение системы

общественного транспорта. Возникают проблемы с расписанием, изучением специализированных предметов. В ДВФУ у китайских студентов дополнительно вызывает трудности непонятная им система «числитель-знаменатель». В ШУИЯ русских студентов смущает отличный от российского распорядок дня, «двухсменность» занятий.

Для помощи студентам в преодолении этих сложностей в ДВФУ создан Центр русского языка и культуры. В Центре реализуются краткосрочные программы по изучению русского языка как иностранного на базе отделения курсового обучения, а также программы подготовки по русскому языку и профильным дисциплинам для иностранных граждан, которые планируют получать высшее профессиональное образование в ДВФУ или других вузах России – на базе подготовительного отделения.

В ШУИЯ для всех иностранных студентов, прибывших в Китай, организован единый подготовительный факультет со схожими функциями. Студенты изучают китайский язык, китайскую культуру, получают базовые специальные знания и проходят языковую практику. Главная цель в том, чтобы иностранные студенты были в достаточной степени способны общаться на китайском языке и обладали базовыми знаниями по специальности, которую предстоит углубленно осваивать.

Отметим, что в учебных лабораториях китайского университета имеется оборудование для синхронного перевода и обучения языку, в то время как в ДВФУ такое оборудование встречается редко и используется преимущественно только для ведения переговоров на высоком уровне.

Культурная адаптация. При культурной адаптации многих студентов-иностранцев в обоих университетах возникает «культурный шок». Он связан с тем, что зачастую иностранные студенты недостаточно осведомлены об особенностях русской культуры, а наши соотечественники не всегда учитывают культурные особенности граждан КНР.

Для изучения русского языка и культуры в ДВФУ организовано проведение летних школ «Россия-Дальний Восток!», реализующих программы «Русский язык и культура» и «Внешняя и внутренняя политика России. Северо-восточная Азия». В университете проводятся культурные мероприятия, направленные на становление межнационального единства. В частности традиционно проводятся празднование Восточного Нового года, интернациональные пикники и мастер-классы.

Для сопровождения культурной адаптации в ШУИЯ также регулярно проводятся различные культурно-развлекательные программы для иностранных студентов. Факультет русского языка регулярно проводит бал-маскарад «Волга». Каждый год в октябре проходит Международный Карнавал ШУИЯ, в котором принимают участие студенты из разных стран мира с выставкой национальных традиций и художественными выступлениями.

Психологическая адаптация. Общей социально-психологической проблемой иностранных студентов практически в любой стране мира являются трудности в поиске новых друзей. Утрата и нехватка привычных социальных связей приводят к снижению результатов успеваемости, нервным расстройствам и депрессии. Исследователи ДВФУ отмечают, что, несмотря на углубленное изучение русского языка, у многих студентов из КНР слабо развиты коммуникативные навыки. Они не стремятся к общению с русскоязычными студентами, предпочитают проводить время с соотечественниками, в новой компании или коллективе чувствуют себя скованно.

Для решения этого спектра проблем в адаптации представителями кафедры психологии ДВФУ проводятся коммуникативные и адаптационные тренинги. Цель тренингов – помочь иностранным студентам войти в нашу культуру, уменьшить их страхи и тревоги, развить этническую терпимость между русскими студентами и приехавшими учиться к нам из других стран.

По отзывам русских студентов, обучающихся в ШУИЯ, у них нет таких сложностей в психологической адаптации. Они окружены заботой и вниманием, профессорско-преподавательский состав относится к студентам, «как к собственным детям». В отличие от ДВФУ, в китайском вузе не развита в такой мере система психологических и адаптационных тренингов. В то же время, для студентов-бакалавров в ШУИЯ организована система кураторства. В ДВФУ такой системы нет.

Другие виды адаптации. Для обеспечения социально-бытовой адаптации студентов в обоих

университетах создана комплексная система для комфортного проживания, питания и организации досуга студентов. Отметим большой масштаб данной системы в ШУИЯ. В китайском университете 2 кампуса, большее количество спортивных комплексов (2 стадиона, 50-метровые бассейны, корты не только под открытым небом, но и в зданиях).

В ДВФУ и ШУИЯ много внимания уделяется организации внеучебной деятельности студентов, развитию их талантов и интересов. В ДВФУ данное направление курирует департамент молодежной политики и творческий центр. На их базе действует несколько клубных формирований. В ШУИЯ функционируют четыре типа студенческих клубов и обществ, включающие клубы волонтерства, искусств и культуры, спортивные и академические. В общей сложности 71 клуб.

Для помощи в социально-экономической адаптации иностранных студентов ШУИЯ предоставляет разные виды стипендий, займов и финансовой поддержки. Студентам предлагают работу на неполный день, чтобы они могли закончить обучение. В ДВФУ для иностранных студентов сопровождение в данном виде социальной адаптации не развито.

Важным инструментом в социальной адаптации иностранных студентов является сайт университета. В ДВФУ для абитуриентов и студентов из КНР создана версия сайта на китайском языке. В данной версии студенты могут ознакомиться с краткой историей университета, основными правилами поступления и проживания, программами и стоимостью обучения. Размещена информация о довузовской подготовке, организации студенческой жизни, можно познакомиться с календарем мероприятий. Размещены контакты, по которым можно уточнить всю интересующую информацию. Однако отметим, что данная версия работает в старом формате сайта ДВФУ. В новом учебном году университет перешел на другую платформу, – на ней при попытке перейти на китайскую версию сайта открывается лишь англоязычный вариант. Кроме того, не развит блок новостей.

У сайта ШУИЯ есть подробная русскоязычная версия. В общем, здесь представлен тот же тип информации, что и на сайте ДВФУ для студентов из КНР. В то же время отметим, что на русскоязычной версии сайта ШУИЯ разработан подробный блок новостей, раздел о науке, размещены инструкции по организации перемещения по городу и кампусу, что, несомненно, облегчает адаптацию студента из России.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что оба вуза ведут активную деятельность по обеспечению и сопровождению социально-психологической адаптации иностранцев в своей среде. Однако ШУИЯ уделяет больше внимания проблемам социально-экономической и социально-бытовой адаптации иностранцев, тогда как в ДВФУ активнее разрабатывают программы психологической поддержки студентов. На наш взгляд, в ДВФУ нужно уделить внимание развитию системы кураторства для студентов-бакалавров из КНР, а также совершенствованию версии сайта на китайском языке. Решение проблем, связанных с социальной адаптацией студентов-иностранцев, будет способствовать развитию гуманитарного сотрудничества и укреплению двустороннего взаимодействия между Россией и КНР.

Список литературы

1. Долгова, М.В. Психологическая адаптация студентов в новой социокультурной среде / М.В. Долгова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – №6. – С. 71-75.
2. Интернационализация российских вузов: китайский вектор / Российский совет по междунар. делам (РСМД). – М.: Спецкнига, 2013. – 72 с.
3. Сайт Дальневосточного федерального университета. – Электрон.дан. – URL: <http://www.dvfu.ru/>
4. Сайт Шанхайского университета иностранных языков (русскоязычная версия). – Электрон.дан. – URL: <http://ru.shisu.edu.cn/>
5. Степанова Б.Б. Социальная адаптация иностранных студентов в современной России / Б.Б. Степанова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – №6(2). – С. 62-64.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И СТРАНАМИ АТР

Хомченко Т.Э.

Российскую Федерацию и страны Азиатско-Тихоокеанского региона (далее АТР) связывают давние экономические отношения. В последнее время наблюдается расширение и укрепление данного сотрудничества. Причиной укрепления взаимоотношений являются санкции, введенные Западом. Санкции послужили стимулом для более активного взаимодействия России со странами АТР. Россия стала наращивать свое присутствие на рынках АТР, решительно работать по приоритетным направлениям сотрудничества, уделять внимание расширению экспорта, привлечению инвестиций. В настоящее время торгово-экономическое сотрудничество России со странами АТР относительно общего объема внешнеторгового сотрудничества невелико, однако имеет значительный потенциал для дальнейшего роста. Ведь этот регион открывает существенные возможности для стран-экспортеров. Доказательством этого может послужить данные статистики внешней торговли России. За последние два года доля стран данного региона в торговом обороте нашей страны увеличилась на 3,5% и в январе-августе 2015 года составила 29,3% внешнеторгового оборота России [4].

Товарная структура российского экспорта в страны АТР имеет отличия от структуры общероссийского экспорта. В этом экспорте гораздо ниже доля топливных товаров и выше доля машин и оборудования. В нашем экспорте в страны АТР присутствуют также химические товары, черные, цветные, редкие и драгоценные металлы, лесные товары, морепродукты. В то же время большая часть российского импорта из стран региона составляет промышленная продукция производственного и потребительского назначения, продовольствия и сельскохозяйственное сырье (чай, кофе, натуральный каучук, специи, пальмовое масло, сахар-песок, кожевенное сырье). Структура ввоза из этих стран мало отличается от общего импорта России: машины и оборудование, одежда, обувь, текстиль, бытовая электроника, продовольствие[1].

Основными торговыми партнерами России в АТР являются Китай, США, Япония, Южная Корея и Индия. Затем следуют страны, доля во внешней торговле которых значительно уступает лидерам – это Вьетнам, Индонезия, Сингапур, Таиланд, Малайзия, Мексика, Монголия, Канада и Австралия.

Самым значимым партнером для России среди стран АТР является Китай. В январе-августе 2015 года Китай занимал первое место по товарообороту среди внешнеторговых партнеров России в мире. В свою очередь, Россия в этот период занимала девятое место среди торговых партнеров Китая. Экономические отношения двух стран проявляются в разных формах: это и совместные предприятия, разносторонние торговые отношения, сотрудничество в области вооружения, техническое содействие Китаю в строительстве крупных энергетических объектов, совместные инвестиционные проекты [2].

По данным Федеральной таможенной службы России (далее ФТС), в январе-августе 2015 года внешнеторговый оборот составил 41418,9 млн. долл., что на 29,9% меньше по сравнению с аналогичным периодом 2014 года, в том числе экспорт составил 19063,2 млн. долл. (уменьшился на 25,9%), а импорт 22355,7 млн. долл. (снизился на 32,8%). Отрицательное сальдо торгового баланса в этот период составило 3292,5 млн. долл. На замедление динамики взаимной торговли в январе-августе 2015 года повлиял ряд факторов. К этим факторам относятся: геополитическая напряженность в мире, введение западными странами экономических санкций в отношении России, замедление темпов экономического роста, как в России, так и в Китае. Кроме того, на товарооборот повлияли падение мировых цен на энергоносители и снижение покупательской способности российских потребителей китайской продукции в силу резких курсовых колебаний российского рубля к основным мировым валютам [5].

В структуре российского экспорта в январе-августе 2015 года основная доля поставок приходится на минеральное топливо, нефть и нефтепродукты – 61,4%. На втором месте в российском экспорте в Китай находится древесина и изделий из нее – 9,1%, на третьем месте цветные металлы – 6,7%. Также структуру российского экспорта в Китай формируют поставки рыбы, моллюсков,

ракообразных (4,26%), химической продукции (3,1%), руд (2,62%), бумажной массы и целлюлозы(2,5%), удобрений» (2,43%).

Основными статьями импорта из Китая в Россию являются промышленные товары народного потребления (50%), сельскохозяйственная продукция (25%), поставки ядерных реакторов, котлов, оборудования и механических устройств (21%). Таким образом, характер российских и китайских закупок товаров прямо противоположен. Экспорт России в Китай, состоящий из сырья, промышленной продукции, носит производственный характер. В отличие от этого импорт Китая в Россию его структуру определяют товары потребительского назначения.

Второй страной в регионе по объему внешней торговли с Россией является США. Интересно, что, несмотря на санкции и кризис, по итогам 2014 года США оказались одной из немногих стран, с кем у России выросли объемы торговли. По данным ФТС, товарооборот между двумя странами увеличился на 5,6%. Но в период с января по август 2015 года внешнеторговый оборот российско-американской торговли уменьшился на 29,2% и составил 14478,7 млн. долл., при этом российский экспорт снизился на 7,4% (6607,4 млн. долл.), а импорт на 40,8% (7871,3 млн. долл.) [4]. Причиной снижения показателей служит ухудшение отношений между Россией и США. Россия стала меньше тратить на приобретение некоторых товаров, импортируемых из США: транспортное оборудование (самолеты, автомобили, тракторы и т.д.), книги, изделия из дерева, продукты, минеральные удобрения и другие товары. Но при этом Россия увеличила затраты на закупку американской техники на 1 млн. долл..

В товарной структуре российского экспорта в США по-прежнему основу составляют нефть, нефтепродукты и металлы – 62,2%, продукция химической промышленности – 9%. По сравнению с аналогичным периодом прошлого года доля нефти и нефтепродуктов сократились на 11%, металла на 2%. Структуру импорта из США в Россию формируют машины, оборудование и транспортные средства – 33%, продукция химической промышленности – 9%.

Не менее значимым партнером для России по торгово-экономическому сотрудничеству среди стран АТР является Япония. Внешнеторговый оборот в январе-августе 2015 года составил 14265,2 млн. долл., что на 31,4% меньше по сравнению с аналогичным периодом 2014 года. Экспорт равен 9834,2 млн. долл. (-25,9%), а импорт 4431 млн. долларов (-40,9%).

Основными товарами российского экспорта в Японию являются сырая нефть, природный сжиженный газ, нефтепродукты, алюминий необработанный, уголь каменный, палладий и платина необработанные, пиломатериалы, ферросплавы. Наибольшая доля экспорта приходится на минеральное топливо [1]. Основные импортируемые товары – это машины, оборудование и транспортные средства, продукция химической промышленности, каучук, резина и изделия из них, металлы и изделия из них.

Перспективным партнером России по сотрудничеству в АТР является республика Корея (Южная Корея). Она занимает 4 место среди внешнеэкономических партнеров нашей страны в данном регионе. Россия же занимает 12 место среди торговых партнеров Кореи. Внешнеторговый оборот составил 11941,5 млн. долл., что на 35,2% ниже, по сравнению с аналогичным периодом 2014 года. Экспорт в Южную Корею составил 8934,1 млн. долл. (-25,6%), а импорт 3007,5 (-53,2%).

Из России экспортируются в Южную Корею такие товары, как полезные ископаемые (природный газ, сырая нефть, каменный уголь) и продукция металлургической промышленности. В Россию из Кореи поступают в основном бытовая электроника, продукция текстильной и машиностроительной промышленности.

В целях активизации отношений намечены приоритетные сферы экономического сотрудничества между Россией и Южной Кореей: машиностроение, электроника, химия, судостроение, авиакосмическая промышленность и другие. Южная Корея может также стать одним из наиболее перспективных среди стран партнеров по научно-технологическому обмену [1].

Следующим важным партнером России во внешней торговле является Индия. Торговый оборот за 8 месяцев 2015 года составил 5130,5 млн. долл. (снизился на 7,8%), при этом экспорт составил 3637,1 млн. долларов (+1,3%), а импорт – 1493,4 млн. долларов (–24,3%).

В структуре российского экспорта в Индию в 2015 году основная доля поставок приходится на машины, оборудование и транспортные средства (36,7%), драгоценные камни, металлы (17,6%), продукцию химической промышленности (11,7%), минеральные продукты (5,4%), металлы и изделия из них (5,1%). В импорте России из Индии преобладает продукция химической промышленности (30,7%), продовольственные товары и сельхозсырье (20,0%), машины, оборудование и транспортные средства (18,8%), текстиль, изделия из него и обувь (13,7%).

В сфере инвестиционного сотрудничества отношения между Россией и АТР сложились неоднозначно. Первое место по объему прямых иностранных инвестиций в РФ занимает США, затем следуют Китай, Япония, Корея и Вьетнам. По инвестициям из России ситуация иная: Сингапур занимает второе место после США, Индия — третье место, затем следуют Канада и Вьетнам. Монголия находится на седьмом месте по инвестициям из России, при этом значения монгольского импорта и инвестиций в РФ одни из самых низких [3].

Связь между импортом и объемом ПИИ в Россию отмечается для всех стран. Также необходимо отметить, что для Южной Кореи, Японии и Малайзии тоже наблюдается значительно более низкий объем ПИИ из России относительно других показателей. Австралия и Новая Зеландия имеют относительно низкие уровни инвестиций в Россию. Потенциально важной страной для увеличения инвестиционного потока в Россию является Малайзия.

В целом Россия обладает существенным потенциалом расширения торговых и инвестиционных связей со странами АТР. Страна занимает ведущие позиции в первой десятке экономик АТР по ряду фундаментальных показателей. Учитывая особенности региона, наибольший потенциал для экономического сотрудничества с Россией, не считая Китая, США и Южной Кореи, проявляется у Индии, Вьетнама и Малайзии. Кроме того, Россия будет обсуждать с рядом стран АТР вопросы сотрудничества по линии Евразийского экономического союза (далее ЕАЭС). В частности, изучается целесообразность заключения Соглашения о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Индией [3]. А между Вьетнамом и государствами-членами ЕАЭС недавно было подписано Соглашение о свободной торговле. Оно должно способствовать значительному росту взаимного товарооборота, укреплению торгово-экономических связей, а также позволит решить задачу подключения ЕАЭС к динамично развивающимся интеграционным процессам на территории АТР.

Таким образом, углубление торгового и инвестиционного сотрудничества для обеспечения его качественного прироста в интересах экономического роста России остается приоритетной задачей на среднесрочную перспективу.

Список литературы

1. Ершова Т.Б. Экономическое сотрудничество России и стран АТР на современном этапе // Социальное и экономическое развитие АТР: опыт, проблемы, перспективы № 2 (2014). – Комсомольск-на-Амуре: Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, 2014. – 86-96 с.

2. Сидоров А.С. Современное состояние и потенциал интеграционного взаимодействия в АТР как факторы интенсификации экономического сотрудничества Дальнего Востока России со странами АТР// Наука и современность № 35 (2015). – Новосибирск: ООО «Центр развития научного сотрудничества», 2015. – 110-117 с.

3. Публикация Национального координационного центра по развитию экономического сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона // Новости АТР второй выпуск. – Москва: НКЦ РЭО АТР, 2015. – 50-52 с.

4. Официальный сайт Федеральной таможенной службы // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.customs.ru>

5. Портал внешнеэкономической информации // [Электронный ресурс]. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/th/about_th/ved_th/

РАЗДЕЛ 7. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РЕГИОНАХ РОССИИ

СОЦИАЛЬНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ОТДАЧА СОЦИОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ В РЕГИОНАХ

Андрощук В.А.

Подобно другим социальным институтам, институт образования призван обеспечивать социальную стабильность и интеграцию общества, а его функционирование связано с удовлетворением двух типов взаимосвязанных фундаментальных потребностей общества - социализации его членов и подготовки их к различным социальным ролям, занятию определенных социальных позиций в обществе.

Можно выделить следующие тенденции развития института образования. Во-первых, это превращение современных информационных технологий в неотъемлемый элемент образовательного процесса. Во-вторых, превращение образования в непрерывный процесс, происходящий на протяжении всей жизни человека. В-третьих, глобализация образования, превращение его в международный институт.

Важное место в системе образования занимает социологическое образование. Тенденции развития современного российского социологического образования в первую очередь связаны с вхождением страны в систему современной рыночной экономики.

Громадное воздействие образование оказывает на человеческую личность. Оно является, по сути дела, основным фактором ее социализации, духовного и интеллектуального развития. Полученное человеком образование в значительной степени определяет возможности дальнейшей карьеры, достигаемое социальное положение. Социальный статус человека в современном обществе в первую очередь определяется престижем его профессии, который зависит от полученного образования.

Значимая роль в социологическом знании отведена социологии образования. Даже в сложной теоретической ситуации социология образования сегодня должна стремиться к социально-практической отдаче. Она зависит от тематической направленности исследований. В качестве возможного пути интеграции усилий социологов образования из разных регионов страны следует практиковать заблаговременное создание временных экспертных групп по конкретным ключевым проблемам модернизации российского образования в рамках профессиональных социологических сообществ.

Практическая актуальность социологии образования несомненна уже в понятиях образовательной политики, в ее языке, ставшем слишком привычным даже для теоретиков. Этот язык перетекает в стандарты образования и законодательные нормы, в законные и подзаконные акты государственной и местной образовательной политики. На каких смысловых основаниях выделены основное, общее и дополнительное образование - термины, отразившиеся на образовательных правах и возможностях десятков миллионов людей. Они заслуживают первоочередного социально-научного осмысления.

Например, при анализе понятия «дополнительное образование» возникает вопрос: дополнительное к чему? К основному, формально установленному кем-то стандарту? Но это основное само находится в постоянной динамике, и нельзя не видеть, что узаконение категории «дополнительное образование» ограничивает возможности человека в важнейших сторонах личностного развития, расчленяет это развитие, нарушает общепризнанный принцип непрерывности образования.

Внимания социологов заслуживают социальные аспекты модернизации российского образования, конкретные социальные механизмы и программы преобразований в жизни всех ступеней российской школы, особенно в регионах. В документах о модернизации провозглашаются здоровые социальные ценности: качество, эффективность и доступность образования. Но насколько мероприятия образовательной политики в регионах отвечают этим ценностям, какова социальная цена их осуществления – вот самые актуальные вопросы исследований. В противном случае отечественная

система образования, в роли догоняющего, станет заложницей кабинетных реформаторов, будет платить по счетам собственных бюрократических и корпоративных интересов, на которых и строятся кабинетные проекты в русле радикально-рыночной трансформации национальной системы образования. А социология образования останется безгласным свидетелем происходящего.

Нельзя не заметить углубления социальной дифференциации общеобразовательных школ в регионах. Оно выражается в расслоении типов школ по уровням концентрации в них бедноты и элиты, в снижении доступности качественного общего образования для ущемленных в экономическом отношении слоев. При этом все больше утрачивается институциональный смысл школы, состоящий в развитии у молодежи необходимых социальных качеств. Эти качества подменяются узким набором школьных предметов. «Профилизация», охватившая школы в регионах и практически насильно замыкающая учащегося в каком-либо специализированном потоке, превращает учебный процесс – в гонку, учителя – в руководителя, управление школой – в контроль над поступаемостью в вузы, а саму школу – в ступеньку на подступах к вузу. Социологам предстоит изучить эти процессы и выяснить, насколько они отвечают целям отечественного образования.

Один из плацдармов нового эксперимента – система высшего образования, которая в последнее десятилетие развивается в регионах в условиях фетишизации вузовского диплома и которой навязывается виртуальный конкурс по итогам ЕГЭ в масштабе страны. С социологической точки зрения представляют первостепенный интерес вопросы:

- каково социальное качество предметного и творческого содержания текстов, являющихся основой виртуального конкурса?
- каковы долгосрочные социально-экономические и политические последствия и общественная цена этого эксперимента?
- улучшит ли виртуальный конкурс ситуацию в главных направлениях и приоритетах модернизации образования?

Социологический анализ позволяет отрицательно ответить на последний вопрос. Виртуальный конкурс в вузы лишь ухудшит ситуацию в регионах в области профессиональной ориентации старшеклассников, абитуриентов и студентов, не сделает престижные виды подготовки более доступными для большинства молодежи, не приведет к повышению качества подготовки и общей эффективности системы образования.

Стремясь к сокращению бюджетных расходов государства, Правительство России наметило деление государственных вузов на две категории по источнику финансирования (федеральному и региональному). Если такое деление осуществится, то подавляющее большинство государственных вузов, действующих на благо далеко не самых платежеспособных слоев населения, окажется перед лицом организационного распада. Но социологические исследования образования так и не создали системы аргументов, способной убедительно противостоять такой перспективе – этим не занимались ни в академических центрах, ни в регионах, что вновь указывает на слабость координации и выбора исследовательских приоритетов в научной отрасли.

Таким образом, отечественная социология образования в регионах сталкивается с серьезными трудностями, и они не могут быть преодолены быстро, без кропотливой теоретической и научно-организационной работы. Но глобальные вызовы времени и потребности общества и регионов нашей страны не оставляют иной альтернативы, кроме настойчивого поиска в области теории и социально-практической отдачи, на пользу отечественной системы образования, науки и общества.

Список литературы

1. Батурин В.К. Социология образования: учебное пособие. / ЮНИТИ-ДАНА. - 2011 г.-191 с.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИЧИННОГО АНАЛИЗА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Асадуллина Г.Р.

Американские ученые Томас Сарджент и Кристофер Симс были удостоены Нобелевской премии по экономике «За эмпирические исследования причинно-следственных связей в макроэкономике». Это свидетельствует о том, какую важную роль в социальных науках играет метод причинно-следственного объяснения явлений и процессов. В данной статье мы попытаемся в общих чертах охарактеризовать взгляды Э. Дюркгейма и М. Вебера на причинный анализ в социологии, предварительно описав суть этого метода

В любой науке, включая и экономическую социологию, первостепенное значение имеют вопросы о том, как наиболее эффективно изучать предметные явления и процессы, какой подход следует использовать при изучении соответствующих процессов (в случае экономической социологии - социально-экономических процессов в обществе). Одним из испытанных методов изучения социально-экономических процессов является каузальный (причинный) анализ. Причинность - одна из важнейших методологических категорий. Она является базовой и в социальных науках, в том числе и в экономической социологии.

Причинный анализ есть совокупность методологических и методических приемов, используемых для изучения обусловленности одних явлений действительности другими. И в экономической социологии объектом исследований выступает социально-экономическая реальность, представленная как сеть причинно-следственных связей [1].

Следующие высказывания могли бы послужить примерами важных и релевантных для экономической социологии причинно-следственных связей:

- предпринимательская деятельность *есть причина* возникновения организационных структур (примерами таких структур, которые воспринимаются как социально-экономические проблемы, являются: сговор предпринимателей с целью получения максимальной прибыли, монополизация экономических отношений внутри государства, глобальная монополия и т. д.);
- осознание предпринимателем выгоды каких-то хозяйственных форм *причиняет* образование новых экономических институтов;
- изменение доходов *есть причина* изменения поведения;
- стремление всех участников рынка к удовлетворению своих индивидуальных интересов *есть причина* худших последствий для каждого из них;
- характер вложений, степень неопределенности, частота трансакций *есть причина* многообразия контрактных отношений [2].

Эти высказывания показывают, что причинный анализ является главным инструментом объяснения и предсказания социально-экономических явлений. Причинный анализ может применяться для выявления как количественных, так и качественных характеристик явлений и взаимосвязей между ними [1].

Причинный анализ считается валидным, если удовлетворяет следующим критериям:

- причина во времени предшествует следствию;
- причина и следствие не зависят от внешнего (третьего) фактора;
- скоординированность пары «причина и следствие» и отсутствие ложного причинения;
- повторяемость одной и той же причинной связи [3].

Каузальное объяснение является ключевым методом в научном творчестве таких классиков, как Э. Дюркгейм и М. Вебер, которые последовательно применяют его в своих знаменитых произведениях «О разделении общественного труда» и «Протестантская этика и дух капитализма» соответственно.

Э. Дюркгейм в своей работе показывает, что разделение труда является основной причиной, вызывающей изменения экономических отношений в обществе. Новый уровень экономических отношений возникает как следствие разделения труда, то есть специализация и распределение людей по видам трудовой влечет за собой создание новых и изменение существующих социальных и

экономических институтов. Разделение труда вносит в социальную жизнь разнообразия, и чем шире эти разнообразия, тем сильнее у социальных групп стремление к производству, то есть к изменению экономических отношений. Основываясь на паре «причина и следствие», можно выделить разделение общественного труда как причину и развитие социальных и экономических институтов как следствие [4].

То, что для М. Вебера причинный анализ - важная опора при научном познании окружающего мира, следует из его определения социологии: «Социология... есть наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым *каузально объяснить* его процесс и воздействие» [5]. М. Вебер говорит о структурной важности последовательного применения причинного анализа. М. Вебер использует каузальное объяснение следующим образом: экономическое поведение есть следствие традиционной или современной (модернизированной) организации социальной жизни. Традиционный тип организации существует с древности, современный (модернизированный) развивается в Новое время. Переход от первого ко второму связан с изменением типа организации социальной жизни, который в свою очередь обусловлен, согласно М. Веберу, доминирующей в данную эпоху «картиной мира». Какая же «картина мира» является причиной изменения типа организации социальной жизни и – транзитивно - возникновения нового типа хозяйственного уклада?

В работе «Протестантская этика и дух капитализма» в качестве такой «картины мира» М. Вебер выделяет этический кодекс протестантских вероисповеданий. Он рассматривается как причина возникновения духа капиталистической экономики, основанной на идеале предпринимателя-рационалиста. Другими словами, протестантизм стал одним из тех факторов, который простимулировал возникновение определенных для капитализма форм поведения в экономико-хозяйственной сфере деятельности индивидов [6].

Первичность социокультурных факторов (в частности, религии) М. Вебер положил в основу всех своих каузальных объяснений, но при этом никогда не отвергал вероятностно-статистические методы исследования [7]. Он понимал, что статистическая связь повторяющихся явлений сама по себе мало что значит, ведь она может быть случайной. Обнаружение с помощью количественных методов статистических связей лишь первый шаг. Второй шаг предполагает установление внутренней обусловленности связи между явлениями или поступками, т.е. поиск логики мотивов, содержания поступков или того социального смысла, который люди придают своим действиям, ориентируясь на других. Только в этом случае вероятность связи получит логическое доказательство. Таким образом, социологическое объяснение является не только фактуально вероятностным, но и субъективно значимым. Подобный синтез и дает причинное объяснение в социологии вообще, в экономической социологии – в частности.

Список литературы

1. История теоретической социологии. В 4-х т. Т.3; Ответ.ред. сост. Ю.Н.Давыдов. – М.: Канон+, 2002. – 448с.
2. Радаев В.В. Экономическая социология. Курс лекций. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 368с.
3. Козьмина А.В. Общие вопросы методологии и методики социологических исследований // Социология: 4М - №21, 2005 г.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда; Ред. коллег.: И.А.Голосенко, А.Б.Гофман, Ю.Н.Давыдов, А.Д.Ковалев, М.С.Ковалева, И.С.Кон, Ю.А.Левада, А.Ф.Филлипов / пер. с фр. А.Б.Гофмана. – М.: Наука, 1991. – 575с.
5. Вебер М. Основные социологические понятия. Западно-европейская социология XIX-начала XX веков; Под ред. В.И. Добренкова. – М.: Международный Университет Бизнеса и Управления, 1996. - с. 455-491.
6. Вебер М. Избранные произведения; Сост., общ.ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова / пер. с нем. М.И. Левиной, А.Ф. Филлипова, П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808с.
7. Социология труда. Под ред. Н.И. Дряхлова, А.И.Кравченко, В.В.Щербины. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 368с.

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ В АСПЕКТЕ ФУНКЦИЙ ВОСПИТАНИЯ

Бадалянц О.В.

В 80-90-годы XX века в отечественное научное и образовательное пространство входит социология и связанные с ней отрасли знания. Социальное знание в системе образования связано как минимум с тремя аспектами: оно коррелирует с теоретическими подходами, парадигмами, дискуссиями в науке; претендует на отражение социальных реалий, часто противоречивых и неоднозначных; несёт в себе не только обучающие, но и воспитательные цели.

Социология представляет собой знание, характерное для динамичных индустриальных обществ, хотя формирующаяся в XIX веке наука актуализируется в несколько различных социальных реальностях, например, в Европе и дореволюционной России. Динамизм социальных новаций требует особого синтеза спекулятивных теоретических схем и конкретных прикладных исследований социальных процессов, феноменов, трансформаций. Прикладной характер социологии тесно связывает ее с социальной реальностью «здесь-и-сейчас», что отражается на социологическом образовании, на статусе социологии в системе дисциплин непрофильных направлений, на особенностях воспитательной функции.

Социология на рубеже XX-XXI веков встречается с принципиально новыми социальными явлениями и для их анализа имеет большой арсенал методов и технологий исследования. В то же время, в аспекте образования потенциал социологии, наряду с гуманитарным знанием, связан с воспитанием и функцией трансляции культурных ценностей. Говоря об образовании, мы понимаем его в широком антропологическом смысле как становление человека. Антропологические и институциональные процессы образования имеют общее пространство – культуру – пространство символов, значений, смыслов; традиций, ценностей, норм. Культура и образование связаны между собой передачей культурных кодов как особым способом (рациональным и иррациональным) организованной системы понимания, осмысления, интерпретации мира. В системе передачи ценностных кодов значительная роль принадлежит социально-гуманитарному знанию, которое фокусирует важнейшие составляющие кодирования, отражающие специфику мировоззрения, миропонимания, общественного сознания того или иного народа. Культурные коды интегрированы в содержание образования[1]. Исходя из данной точки зрения, социология как социальное знание также отражает ценностные коды, которые и связаны с воспитательной функцией. При этом традиционный философский вопрос о ценностном или нейтральном поле науки не только остается открытым, но и актуализируется: является ли социология знанием инструментальным, или/и знанием мировоззренческим, в этом случае, каким ценностным «кодом» может наполняться содержание социологического образования и функция воспитания?

Ответить на вопросы непросто, поскольку неоднозначен социальный статус социологии как науки, а содержание образования и его воспитательная составляющая в системе социального знания соотносятся с научной системой. Глобальное пространство социологии расширяется, в него активно включаются социологи не западных стран, привносящие новые взгляды, трактовки, ценности. Отечественная социология в лице известных ученых и школ также имеет существенные успехи в этом пространстве. В тоже время социальное знание все больше наполняется противоречивыми характеристиками. Мы наблюдаем научные и общественные дискуссии по проблемам истории, политологии. Дискуссии о принципах, целях, задачах социологии характеризуют принципиальные взгляды ученых на её функции, которые неизбежно отражаются на функциях социологии в образовательном процессе. Чтобы выполнять социокультурную роль, социальное знание должно отвечать современным «вызовам». Вызовы принимает как западная, так и отечественная социология, хотя они несколько различного характера. Приведем примеры. Американский социолог Майкл Буравой указывает, что в социологии актуализируются тенденции в сторону критики, сами социологи стали более чувствительны к проблемам и более сосредоточены на негативе, указывающем на регресс в огромном количестве областей. При этом режим, управляющий нами, считает Буравой, является глубоко анти-социологическим по своему духу и враждебным к самой идее «общества». Можно

принимать или нет точку зрения ученого, но сам факт наличия таких взглядов говорит о поисках социологов. М. Буравой предлагает развивать публичную социологию, что выводит социологию за академические рамки и вовлекает в социологию широкую аудиторию. Он противопоставляет социологию публичной сферы профессиональной, академической, социологии, адресованной только профессиональным социологам, и указывает на разделение социологического труда и антагонистическую взаимосвязь четырех типов знаний: профессионального, критического, прикладного и публичного [2]. На XVIII Всемирном социологическом конгрессе (Япония, Иокогама, 13–19 июля 2014 г.) Пётр Шпомпка высказывается против тенденций публичной социологии, видя в ней «революционный проект, направленный на массовую мобилизацию во имя улучшения условий жизни людей. ...Социология как наука против социологии как действия, социология как универсальное знание против социологии как привязанного к контексту опыта – вот основные линии раздела в споре, если не в прямом конфликте. Я решительно на стороне первых, что принесло мне ярлык “последнего позитивиста” от Майкла Буравого. ...Мне кажется, что социологи не годятся для делания революций... Убежден, что самая большая служба, которую могут оказать социологи беднякам, эксплуатируемым, маргиналам и подвергнутым эксклюзии этого мира – понять путем глубокого изучения социальные механизмы и регулярности, ответственные за их судьбу. Если действительно хочешь изменить неравное и несправедливое общество, первая обязанность – понять его»[3, с.40].

В отечественной социологии также идут дискуссии о роли и целях социологии. Можно встретить почти диаметрально противоположные точки зрения: социология видится как узко-прикладная наука, или как наука, возвращающая нас к временам идеологий, или как рыночная практика, обслуживающая «заказчика».

О.Н. Яницкий считает, что сформировалась «представительная социология» – социология «заказа» и «социология совместного анализа и действия» – «потому что вопросы ставятся, структурируются и разрешаются учеными совместно с населением и/или представляющими его территориальными группами или виртуальными сообществами. Огрубляя, можно сказать, что в первом случае это "государственническая социология", во втором – социология гражданского общества» [4, с. 24-25].

Приведенные примеры указывают на то, что социология, получившая новые импульсы к развитию в 80-90 гг. XX века, в начале XXI века вновь оказалась на своеобразном перепутье и присутствие ценностно-смыслового дискурса в размышлениях о роли социологии в обществе и её характере как науки вполне оправдано.

Дискуссионные аспекты социального знания и социологической науки транслируются в социологическое образование, как профессиональное, так и общее. Социология функционирует и как глобальная и как национальная наука, поэтому содержание образования социологии направляется на сложный, многоаспектный, но необходимый синтез глобального, национального и регионального пространств, ориентируется на современную и актуальную проблематику. Учитывая все богатство мировой социологии, отечественная социология в тоже время опирается на научные достижения и ценностные основания национальной культуры. Такие примеры имеются в отечественной социологии периода классики. Кроме того, содержание социологического знания экстраполируется на региональное пространство. Региональная составляющая содержит научный аспект – методологию и научные исследования социологов того или иного региона и социально-территориальный аспект – особенности социального пространства и социальных феноменов региона. Региональный контекст, который присутствует в содержании образования, выступает как особенное, раскрывающее общее. Большой потенциал в рамках воспитательной функции содержит история мировой и отечественной социологии. В ней не даются готовые ответы на вопросы о ценностных смыслах социальной реальности, она подчас может содержать идеи, «не совсем соответствующие настоящему моменту». Но в истории науки присутствует ценностно-окрашенное поле идей социологов, которое заставляет искать смыслы современных социальных процессов.

Теоретизирование по поводу целей и задач социологии тесно связано с проблемами современных обществ и мировой цивилизации, и «наложение пространств теории и практики» частично примиряет дискутирующие стороны, что помогает воспитательным целям и актуализирует тесную связь вузовской социологии с актуальными исследованиями в регионах. Например, последний Всемирный социологический конгресс показал обострение и возникновение новых форм социального неравенства. Тема не нова, но уже сам факт обсуждения ее еще раз, и, может быть не последний, говорит о культуре социологов: ученые не революционеры, но они и не «безразличные» наблюдатели. Отметим, что тема неравенства очень актуальна и для регионов Дальнего Востока России [5. с. 41-48].

Воспитательный потенциал социологии направлен на становление личности социолога-исследователя, который приобретает культуру мышления, объяснения, понимания, и статус которого соответствует научным нормам и ценностям поиска истины.

Список литературы

1. См.: Бадалянц О.В. Социокультурный статус социально-гуманитарного знания / О.В. Бадалянц // Взаимодействие науки и практики в гуманитарных и социальных науках: Материалы всероссийской науч.-практ. конф., 26-30 ноября 2013, г.Магадан. Магадан: СВГУ, 2014.

2. Майкл Буравой. За публичную социологию. [Электронный ресурс]. URL: http://jpsjournal.blogspot.ru/2008/01/blog-post_8634.html(дата обращения: 7.11.2013)

3. Штомпка П. Позитивистский манифест // Социологические исследования. – 2015. – №2. [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/socis_2015_02.html(дата обращения: 8.10.2015)

4. Яницкий О.Н. Социальные ограничения модернизации России // Социологические исследования. – 2010. – №7. [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/01/28/1214883647/Yanitsky.pdf>. (дата обращения: 10.11.2013)

5. См.: Немировская А.В. Ожидаемая модернизация регионов Дальневосточного федерального округа // Социологические исследования. – 2015. – № 2. [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/socis_2015_02.html. (дата обращения: 18.10.2015)

ПРОГРАММА STS КАК ЧАСТЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Васильева Е.В.

Видимо, следует уточнить название, поскольку Программа STS в России еще не стала частью социологического образования и речь пойдет только о такой возможности или, как хотелось бы, - о ее необходимости. Поводом обращения к данной теме послужило следующее: в настоящее время мировая наука переживает новый этап глобализации. Если ранее, признавая, что научная работа не может не носить глобального характера, имели в виду глобализацию знаний, затем глобализацию инвестиций в науку, то в настоящее время помимо этого речь идет о глобальном научном сотрудничестве. Такое сотрудничество явилось своеобразным ответом на усилившееся в свое время на Западе антисциентистские настроения в обществе и прагматизм в отношении результатов научных исследований[1, с.5; 17, с.25].

Иными словами, новый этап был вызван реакцией ученых на изменение взаимоотношений науки и общества, произошедшего не в ее пользу. В плане возникновения глобального научного сотрудничества это привело к циркуляции интеллектуальных потоков в мировом научном пространстве, когда страны стали представлять собой «локусы в динамической системе человеческого капитала», а «республика ученых» - признаваться фактом социальной реальности [1, с.7; 2, с.9]. Подобная глобализация не исключает конкурентных отношений, поскольку одновременно наука еще в большей степени оказалась втянута в экономический процесс, явившись частью глобального рынка и сформировав особую отрасль экономики - экономику знаний [17, с.24.]. Последнее обрело возможность с появлением такого феномена, как технаука – еще одного ответа ученых на прагматический вызов общества. И данный ответ в настоящее время обеспечивает совершенствование технологий и технологического процесса [10].

Термин технонаука возник в 60-е гг. XX века, но его активное употребление отмечается с 90-х, когда исчезли сомнения в том, что именно стык фундаментальной и прикладной науки привел к возникновению новых технологий и вследствие этого – к усилению на мировой арене конкурентной борьбы за технологическое превосходство. Это заставляет с осторожностью отнестись к имеющим место в отечественном науковедении утверждениям, что коммерциализация фундаментального знания невозможна, поскольку они отрывают фундаментальную науку от прикладной и не предполагают связать специфику современного научного знания с понятием технонауки, как раз манифестирующей коммерциализацию науки [1, с. 25; 15, с. 5], и что свершившееся единение фундаментальной и прикладной науки – явление скорее негативное, чем положительное [14, с. 117-119].

На Западе факт коммерциализации науки признали уже в 80-е годы, и ученые, изначально тоже увидев в ней источник «качественной деградации в характере накопленных знаний», обратились к активному изучению феномена технонауки, объединив социологию знания и науки, историю науки, философию науки, историю и философии технологии в единый комплекс – «исследования науки и технологии» (science and technology studies, STS). История становления и развития программы обстоятельно и глубоко исследована О.С.Столяровой [20-22].

По признанию отечественного социолога В.С. Вахштайна, очень скоро оказалось, что предложенные основателями STS языки описания оказались востребованы в экономической социологии, теории искусственного интеллекта, социологии права, социальной географии, социальной экологии, эпистемологии... Но мало кто из ведущих исследователей науки и техники сегодня занимается собственно изучением науки и техники [18]. Иначе говоря, современными исследователями признается, что сегодня STS, сохраняя интерес к сложным вопросам производства науки, ставит внутри программы новые задачи, начиная от исследования экспертного знания в версии третьей волны и заканчивая программой акторно-сетевой теории по реконцептуализации переплетения людей и вещей в современном мире [4-6; 16].

На последнее обстоятельство обращено особое внимание, поскольку в настоящее время речь идет об иной онтологии, снимающей конфликт между «природным как устойчивым и неизменным» и «культурным как целенаправленным и изменчивым», где STS создает исследовательские модели, в которых «природное» и «культурное» мыслятся по принципу дополнительности. В то же время STS демонстрирует свою зависимость от актуальной естественнонаучной онтологии [12; 20, с. 41].

Но в зарубежном науковедении у аббревиатуры есть двойник, то есть STS обозначает еще одну программу – «наука, технология и общество» (science, technology and society). Данная программа оформилась в университетских кругах США в 60-е гг. XX в. на волне социальных движений за демократизацию общества и «демистификацию» науки. Основной задачей данной программы, уже непосредственное отношение имеющей к социологии, состоит в изучении того как наука и технологии «участвуют в социальном мире, формируются им и одновременно формируют его» [8, с. 34]. При расхождении в названии программ допускается, что исследование в рамках «наука-технология – общество» можно включить в ранее рассмотренную программу на правах формообразующего элемента [20, с. 36].

Что касается России, то термин технонаука, действительно, активно не используется здесь, а привычно фиксируется аббревиатура НИОКР. Но именно ориентация на совершающийся стык фундаментальной и прикладной науки детерминирует научную политику государства последнего десятилетия, в частности формируя очередную Государственную программу развития науки и технологий и инспирируя коммерциализацию результатов научной деятельности [3, с. 234-290; 7; 13]. На что ученые откликнулись по-разному.

В академическом секторе – упреком авторам проекта в том, что в программе, определяющей стратегию инновационного развития, практически нет места фундаментальной науке, сосредоточенной главным образом в академическом секторе [9, с. 3]. Часть вузов, не дожидаясь помощи государства, в 2011 году объединилась с рядом научных (включая международные) и финансовых организаций и создала негосударственный образовательно-исследовательский институт последипломного обучения

по инновационным программам, где особое внимание уделяется научно-исследовательским разработкам и коммерциализации технологий: Сколковский институт науки и технологий (Сколтех). Кроме того, в системе онлайн создан и активно работает Национальный информационный центр по науке и технологии России (STRF) [11]. Так или иначе, разговор идет о взаимодействии естественнонаучного и технического направлений, представляющих то, что на Западе именуется технаукой, исследуемой в рамках программы STS.

Оснований полагать, что российское науковедение, включая социологию науки, готово признать образование технауки в России и с методологических позиций оценить ее характер, пока недостаточно. Так, О.Е. Столярова констатирует, что это направление мысли сравнительно молодое и поэтому малоизвестное отечественным специалистам [20, с. 29]. С этим нельзя не согласиться, поскольку тренд исследований последних лет сосредоточен главным образом на выяснении отношений между наукой и властью.

Недостаточное освоение социальными науками методик и методологических достижений, достигнутых в рамках программы STS, отмечается и на Западе [8, с.35]. В отечественном науковедении данное освоение проходит пока в рамках философии науки, в частности О.Е. Столярова анализирует всю проблематику программы STS с позиции философии познания, отмечая, что STS можно рассматривать как само-рефлексию постпозитивизма и даже... общественных наук в целом [20, с. 33]. К чести философов, они, сознавая, что программой STS открываются новые горизонты методологических исследований, не ограничиваются ее научным анализом, а вводят ее изучение в вузы в качестве спецкурсов для бакалавров, обучающихся по специальности философия [16; 18]. То же ожидается и от социологов науки, поскольку признано, что программа STS зародилась как именно социологическое направление, которое поначалу практически ничем не отличалось от социологии семьи, религии или любой другой институциональной социологии, но поставила принципиальные эпистемологические вопросы, которые касаются социального конструирования научного знания [18]. Обращению к ее методологии и результатам ее исследований российская социология будет обязана признанием совершающегося в отечественной науке стыка фундаментального и прикладного знания, реакции на это государства, участия наших ученых в новом этапе глобализации и, что немаловажно, осознанием необходимости применения программы STS к анализу современного состояния отечественной науки, находящейся в иной ситуации, чем западная, и ее связи с обществом, без чего, как очевидно, на современном этапе успешное развитие ни науки, ни общества невозможно [1, с.30, 35-36].

Реализация потребует специально подготовленных профессионалов не просто в области социологии науки и социологии знания, чего, кстати, тоже не наблюдается в российских учебных программах подготовки социологов, а в области STS, раскрывающей новые методологические принципы познания как феномена технаука и ее российской модификации, так и вызовов со стороны российского общества. К выявлению последнего аспекта отечественные социологи тоже пока не приступили, а он, на наш взгляд, настоятельно нуждается в изучении хотя бы в силу падения в России престижа профессии ученого. Подготовка специалистов может проходить на обеих ступенях образования в качестве одной из возможных специализаций, не исключая, а предполагая локальный срез при наличии, как на Дальнем Востоке, крупных научных центров всех трех секторов науки и образования исследовательских центров, подчиненных изучению данной проблематики.

Список литературы

1. Аблажей, А.М., Головкин Н.В. Академическая наука в современном обществе: кадровое воспроизводство, адаптационные процессы и нелиберальные ценности. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2012.
2. Ащеулова, Н.А., Душина С.А. Мобильная наука в глобальном мире/ ред. В.М. Ломовицкая. - СПб: Нестор-История, 2014.
3. Дежина, И.Г. Государственное регулирование науки/ под ред. Н.И. Ивановой. - М. : Магистр, 2008.

4. Латур, Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Вестник МГУ. Сер. «Философия». 2003. № 3.
5. Латур, Бруно. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. / Пер. с англ. К. Федоровой; научн. ред. С. Миляева. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
6. Латур, Б. Переборка социального: введение в акторно-сетевую теорию [Текст] / пер. с англ. И Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
7. Лекторский, В.А. Философия. Познание. Культура. – М.: Изд-во Канон +, 2012. – 383 с.
8. Ло, Джон. После метода: беспорядок и социальная наука. / пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева и П. Хановой. Научн. ред. перевода С. Гавриленко. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
9. Миндели, Л.Э., Чистякова, В.Е. Академический сектор в структуре научного потенциала. – М.: ИПРАН РАН, 2013.
10. Моисеева, А.П. К вопросу об исследованиях сущности технонауки // Современные проблемы образования и науки. №1, 2015. [электронный ресурс] режим доступа: www.science-education.ru/121-19428 / дата обращения 12.10.2015
11. «Наука и технологии России» [электронный ресурс] режим доступа :[http://www. STRF.ru](http://www.STRF.ru)/ дата обращения 20.10. 2015
12. Онтология артефактов: взаимодействие «естественных и искусственных» компонентов жизненного мира/ под ред. О.Е. Столяровой. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012.
13. Программа Российской федерации развитие науки и технологий на 2013-2020 гг. [электронный ресурс] режим доступа :[http://www. government.ru/programs/211/](http://www.government.ru/programs/211/) дата обращения 14 .10.2015.
14. Пружинин, Б.И. Прикладное и фундаментальное в этосе современной науки // Философия науки. Вып.11: этос науки на рубеже веков. М.: Институт философии РАН, 2005. – С. 109-120
15. Развитие фундаментальных исследований в Российской федерации/ Л.Э. Миндели, Т.Н. Варганова, В.А. Васин, И.А. Зиновьева, Т.Ю. Медведева, О.А. Соломенцева, М.А. Солопова. – М.: Ин-т проблем развития науки РАН, 2013.
16. Сайт Национального исследовательского Томского государственного университета. [электронный ресурс] режим доступа : http://ido.tsu.ru/education/edu2/ochnoe/ppk/pps/_programma.php?n=1948/ дата обращения 12.10.2015
17. Семенова, Н.Н. Наука как фактор глобализации // Наука в условиях глобализации: сб. ст./под ред. А.Г. Алахвердяна, Н.Н. Семеновой, А.В. Юревича. – М.: Логос, 2009.
18. «Создать исследовательский центр». [электронный ресурс] режим доступа:<http://www.hse.ru/news/25932944.html> / дата обращения 12.10.2015
19. Столярова, О.Е. Введение в Исследования науки и технологии (STS). Программа курса для бакалавров философии ВШ ГЭУ // <http://pandina.ru/text/77/32093/php> [электронный ресурс] режим доступа: www.science-education.ru/121-19428 / дата обращения 12.10.2015
20. Столярова, О.Е. «Исследования науки и технологии» (STS): к истории формирования дисциплины // Социально-гуманитарное знание в современном мире. М.: МЭСИ. 2009.
21. Столярова, О. Е. Исследования науки в перспективе онтологического поворота: Русайнс, 2015.
22. Столярова, О.С. Социальный конструктивизм: онтологический поворот // Вестник МГУ. Сер. «Философия». 2003. № 3.

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ КАЧЕСТВА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ

Воробьева И.В.

Система подготовки дипломированных социологов получила динамичное развитие в начале 1990-х годов. Именно тогда социология стала активно использоваться в политических технологиях, в изучении рынков, что сделало ее одной из самых востребованных профессий на рынке труда. На сегодняшний момент социологическое образование – одно из популярных направлений высшего гуманитарного образования в России, и мы можем наблюдать его стремительное распространение. Если в 1998 году было всего 53 высших учебных заведения, имеющих социологическую кафедру, факультет или отделение, то в 2009 году социологов профессионально готовили уже 148 российских вузов [Буланова, Медведева, 2011: 134]. За прошедшие годы в стране сложились условия профессионализации социологов. Разработаны стандарты подготовки специалистов, бакалавров и магистров, улучшена учебно-методическая база преподавания. В рамках направления «Социология» появилось множество специализаций и профилей подготовки на разных уровнях обучения, сформировалась система послевузовской подготовки кадров высшей квалификации.

Несмотря на динамичное развитие социологии как сферы профессиональной деятельности, проблемы оценки качества подготовки социологов и развития всей социологической отрасли остаются актуальным и острым вопросом. В ситуации, когда множество учебных заведений разного типа готовят выпускников одного направления подготовки, между ними возрастает конкуренция. В ответ на запрос рынка труда появляются новые системы профессиональной подготовки (корпоративные университеты, профессиональные объединения, системы внутрифирменной подготовки кадров). В современных условиях конкуренция существует и между смежными с социологией междисциплинарными образовательными направлениями, причем как на этапе «борьбы за абитуриента» между вузами и факультетами, так и на этапе трудоустройства выпускников. В сложившихся условиях проблемы повышения качества социологического образования и дальнейшей профессиональной деятельности выпускников-социологов становятся объектом пристального внимания со стороны государства, общества, СМИ.

Современное информационное пространство предъявляет особые требования к качеству профессионального образования, имиджу вузов, специальностей, направлений подготовки. По данным, полученным в 2011 году исследовательской компанией «Ромир-мониторинг», значительная часть россиян недовольна качеством своего образования. Как показывают результаты исследования, 88,4% опрошенных считают, что после окончания института получить желаемую работу нелегко, так как для этого требуются опыт работы и усовершенствованные профессиональные навыки, 89,8% принявших участие в опросе согласны с тем, что знаний, полученных в высшем учебном заведении, недостаточно для эффективной работы [Исследование «Ромир»: Жители России..., 2011]. Такая тенденция сохраняется и в последние годы. Так, например, говоря о качестве социологического образования в стране, директор Института социологии РАН М. Горшков отмечает, что *«экстенсивный рост высшего социологического образования не снимает проблем престижа социологической деятельности и социологической культуры в целом. Отдавая должное количественным характеристикам роста отечественного социологического образования, следует отметить явное отставание его качественного уровня, что, конечно же, отражается на состоянии отечественной социологии в целом»* [Горшков М., 2014: 4]. По мнению эксперта, подчас за цифрами экстенсивного роста скрывается отсутствие столь же убедительных показателей качественного развития социологического образования. М. Горшков также подчеркивает, что *«нарушилась преемственность в формировании и развитии научных социологических школ, которые существовали с 1960-х годов (научные школы в Ленинграде, Свердловске и других городах страны)»* [Горшков М., 2014: 4].

Довольно часто проблемы качества социологического образования освещаются в СМИ в контексте несовершенства учебного процесса, отсутствия адекватного контроля за знаниями студентов и результатами представляемых ими работ. Так, на федеральном портале «Российское образование»

были опубликованы данные социологического исследования ГУ-ВШЭ, согласно которым значительное число студентов при подготовке курсовых работ и рефератов скачивают их в Интернете или покупают готовые [Ивойлова И., 2009]. Такая ситуация весьма типична для всех вузов, и перед образовательными учреждениями стоят серьезные задачи контроля за самостоятельной работой студентов и уровнем выполнения творческих научных работ.

Ключевыми проблемами современного социологического образования остаются недостаток практических навыков и отставание консервативной академической среды от реальных требований профессионального рынка. Студенты-социологи указывают на низкий уровень подготовки по методике и технике социологических исследований, анализу данных в социологии, социальной статистике, SPSS, информатике и профессиональному иностранному языку. Актуальность этих вопросов отмечают и выпускники, работающие по специальности, по мнению которых, социологическое образование во многом оторвано от требований работодателей.

Качество образования находится в тесной взаимосвязи с рынком труда, где формируется запрос на определенных специалистов, набор компетенций, определяются востребованность выпускников и уровень их зарплат. Однако в отношении взаимосвязи социологического образования и рынка труда существуют определенные противоречия. Безусловно, многие выпускники идут работать по специальности в социологические исследовательские центры, или иные структуры, выполняющие социологические работы, занимаются научной и педагогической деятельностью. Однако большинство социологов востребованы коммерческими структурами смежных сфер профессиональной деятельности (СМИ, консалтинг, маркетинг, реклама, политика, PR, кадровые агентства и пр.) В ряде случаев в этих структурах социологи не занимаются прямыми социологическими исследованиями, однако определенные социологические компетенции (например, поиск и анализ информации, умение работать с данными) оказываются очень востребованными.

Качество профессионального образования социологов напрямую связано с качеством и уровнем развития всей социологической сферы (профессионализмом социологических кадров, востребованностью социологических знаний, доверием общества к социологической информации и пр.). Отчасти, широкий интерес к социологии в обществе обусловлен появлением в СМИ различной социологической информации, в том числе данных опросов общественного мнения, электоральных прогнозов и т.п. Журналисты при освещении каких-либо социальных, политических, экономических проблем очень часто обращаются к социологическим данным, что, в свою очередь, придает публичность социологической сфере и повышает интерес к данному виду профессиональной деятельности в широких слоях населения. Однако, наряду с достаточно большим количеством статей, где журналисты приводят какие-либо данные социологических опросов общественного мнения в качестве авторитетных и значимых источников информации, все чаще встречаются публикации, связанные с недоверием к результатам социологических исследований. Это, в свою очередь, негативно сказывается на профессиональном престиже социологов и снижает привлекательность социологического образования.

Например, прогнозы, сделанные многими социологическими службами в период избирательных кампаний последних нескольких лет, привели к появлению в прессе целого ряда негативных статей [Добрынина Е., 2013; Костиков В., 2014; Логинов В., 2013; Подосенов С., 2013], где социологов фактически обвиняли в недобросовестности, политической ангажированности и непрофессионализме.

Однако, признавая то, что социологические опросы не всегда проводятся корректно, а их качество не всегда находится на должном уровне, такого рода претензии являются не вполне объективными. Чаще всего, речь идет не только о социологических ошибках, некорректности инструментария и технологии, но и о культуре использования социологических данных в рамках проведения политических кампаний. К тому же электоральные намерения и итоговый выбор населения находятся в зависимости от целого ряда как объективных, так и субъективных обстоятельств, влияющих на окончательное решение людей, а в отношении социологических прогнозов часто происходят «завышенные ожидания». При этом, безусловно, неудачное построение прогнозов,

претензии к качеству, уровню и достоверности социологической информации негативно сказываются на имидже профессии и подрывают доверие к самой отрасли, а «любой новый скандал вокруг результатов опросов общественного мнения уменьшает доверие к социологии, которая является одним из немногих существующих инструментов познания социальной действительности» [Волков Д., 2013].

Стоит отметить, что и внутри профессионального сообщества существует определенное недовольство качеством социологических исследований. Об этом, в частности, говорят результаты опроса ВЦИОМ, проведенного среди участников IV Международной социологической конференции «Продолжая Грушина», проходившей в Москве 27-28 февраля 2014 г., где выяснилось, что менее половины представителей социологического сообщества доверяют результатам исследований, публикуемым их коллегами [Подосенов С., 2014].

Таким образом, определенный критический взгляд в отношении как профессиональной подготовки социологов, так и всей социологической отрасли, существует и в академических кругах, и в вузовской среде, и в профессиональном сообществе. Студенты, получающие образование сегодня, придут работать в эту сферу завтра, а от полученных ими в вузе знаний, умений и навыков будет зависеть достоверность и надежность результатов проводимых исследований и репутация всей социологической отрасли. Все это в очередной раз подчеркивает тесную взаимосвязь между образовательной сферой и рынком труда социологов. Однако, без консолидации усилий всех субъектов (сторон), ответственных за воспроизводство и подготовку успешных квалифицированных кадров, успешное развитие социологической отрасли невозможно.

Список литературы

1. Буланова М. Б., Медведева Д. М. Социологическое образование в региональных вузах России // Социол. исслед. 2011. № 10. С. 133-138.
2. Волков Д. Партизаны в городе. Чем опасна «партизанская» социология // // Российская газета. Столичный выпуск №6161(185). 22.08.2013. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2013/08/22/partizan.html> (Дата обращения – 22.10.2015)
3. Горшков М. Общество и социология в современной России // Правда. №133 (30195). 2-3 декабря 2014 года. С. 4.
4. Добрынина Е. Россияне стали меньше доверять социологам // Российская газета. 26.01.2013. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2013/01/26/sociologi-site.html> (Дата обращения – 21.10.2015)
5. Ивойлова И. Украденные мысли. Половина студенческих рефератов и курсовых скачивается из Интернета // Российская газета. Федеральный выпуск. №4830. 20.01.2009. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2009/01/20/referaty.html> (Дата обращения – 20.10.2015)
6. Исследование «Ромир»: Жители России готовы учиться больше, чтобы работать лучше // Центр гуманитарных технологий. [Электронный ресурс] URL: <http://gtmarket.ru/news/corporate/2011/05/16/2886> (Дата обращения – 23.10.2015)
7. Костиков В. О чем поют птицы счастья? Кто и зачем сочиняет сомнительные прогнозы // Аргументы и Факты. № 51. 17.12.2014. [Электронный ресурс] URL: <http://www.aif.ru/society/opinion/1407883> (Дата обращения – 21.10.2015)
8. Логинов В. Политики пытаются шить «дело социологов», чтобы прикрыть свои ошибки // Известия. 10.09.2013. [Электронный ресурс] URL: <http://izvestia.ru/news/556787> (Дата обращения – 21.10.2015)
9. Подосенов С. «Эсеры» обвинили социологов в ангажированности // Известия. 29.06.13. [Электронный ресурс] URL: <http://izvestia.ru/news/554391> (Дата обращения – 21.10.2015)
10. Подосенов С. Социологи не верят собственным исследованиям // Известия. 04.03.14. [Электронный ресурс] URL: <http://izvestia.ru/news/566797> (Дата обращения – 22.10.2015)

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Восканян Э.С.

Социологическое образование в современной России явилось результатом процесса институционализации социологического знания, достижения наукой зрелого состояния. Судьба социологии как науки и судьба социологического образования оказываются неразрывно связанными на протяжении всего жизненного пути. Трудности и успехи процесса институционализации социологии оказали непосредственное влияние на характер процесса формирования социологического образования, и наоборот: сформированная система воспроизводства и передачи знаний не может не способствовать развитию социологической науки.

Вопросы социологического образования в настоящее время очень актуальны. Так, несмотря на успешную институционализацию социологического образования за последнее десятилетие, перед ним стоит ряд проблем методологического, организационно-методического и кадрового характера. В методологическом плане выдвигаются задачи более четкого определения предмета социологии и увязывание его с принципами построения курсов, эффективного сочетания предметного и проблемного подходов в преподавании социологии, уяснение методологической функции социологии по отношению к другим социально-гуманитарным дисциплинам и т. д. Необходимо продолжить создание современных качественных учебников, программ, методических пособий по социологии. Новые социально-экономические условия требуют разрешения противоречия между запросами общественной практики и существующими моделями подготовки социологических кадров, а также социологической подготовки специалистов различного профиля. Следует отметить, что организация отвечающего современным требованиям систематического социологического образования возможна лишь при полновесной поддержке государственной власти.

Так, профессия социолога – востребованная профессия, несмотря на то, что в России свою значимость она приобрела лишь во времена перестройки. Политическая элита начала интересоваться общественным мнением, мнением народа. По мнению некоторых исследователей, социология не являлась профессией в силу своей междисциплинарности, многогранности, близости ее предмета предмету философии, политологии. Несмотря на данные доводы, социология в современном российском обществе является весьма востребованной профессией. Социология становится мощнейшим инструментом управления нарождающимся рынком. В тот период Заславская Т.И. совместно с коллегами организовала Всероссийский центр по изучению общественного мнения. Большую часть заказов ВЦИОМ получал из-за границы, но после кризиса российские социологические центры заметно потеснили зарубежные фирмы и стали работать на отечественные организации.

Важно отметить, что поначалу социологи в небольших количествах выходили из стен философских, исторических и экономических факультетов. Более массовое профессиональное социологическое образование началось в нашей стране с открытия в 1989 г. социологических факультетов в МГУ им. М.В. Ломоносова и ЛГУ. С этого времени достаточно много сделано для развития профессиональной подготовки социологов, ныне более 150 вузов ведут обучение социологов, во многих из них социологические факультеты, отделения и кафедры дают подготовку студентов на достаточно высоком уровне. Однако специалисты отмечают и недостатки в профессиональной подготовке многих выпускников. В основном это относится к низкому уровню мотивации к выполнению профессиональной деятельности, слабой практической подготовке выпускников, неумению проводить собственные исследования, недостаточной компетенцией в методах работы с социальной и экономической статистикой, недостаточным владением иностранными языками. В России на подготовку и дальнейшую карьеру социологов-профессионалов влияет целый ряд факторов. К наиболее существенным относятся:

- во-первых, запросы рынка труда в отношении специалистов с социологическим образованием;
- во-вторых, переход университетского социологического образования на двухуровневую систему.

Рыночный контекст подготовки будущих социологов достаточно противоречив. С одной стороны, можно утверждать, что социологи недостаточно востребованы. По данным рекрутерских агентств спрос на социологов в России находится на уровне 3,5 балла по 10-балльной шкале. Более трети российских социологов полагают, что трудоустроиться по данной специальности возможно, но с невысоким окладом труда:

Критерием полезности социологического образования для российского общества сегодня является спрос на социологов-профессионалов на рынке труда. Однако агентства по подбору персонала указывают, что спрос крайне низкий: на протяжении последних 15 лет он оценивался на уровне 3,0-3,5 баллов (при 10-балльной оценке интенсивности спроса). Этот факт подтверждается опросом работников системы высшего образования, ведущих подготовку социологов, который показал, что 58,7% респондентов считают профессию социолога невостребованной.

Изучение рынка труда организаторами образования позволит развивать предложение образовательных услуг, соответствующих спросу. Социология как специальность переживает достаточно сложный период. По-видимому, пик популярности она уже пережила, что показал набор 2005–2006 учебного года по всем формам обучения. Безусловно, некоторое снижение численности студентов можно объяснить и началом демографического спада, давно и многократно предсказанного социологами. Но возросшее число абитуриентов, поступающих на специальности «Реклама», «Связи с общественностью» и студентов старших курсов, выбравших такие специализации, указывают на востребованность этих направлений и сложившуюся моду. В связи с этим чрезвычайно актуальным становится вопрос о том, что наиболее целесообразно преподавать в высшей школе, чтобы дипломированные социологи могли оставаться востребованными на рынке труда.

Список литературы

1. Буланова М.Б. Социологическое образование в России (1960-е годы – настоящее время) // Социологические исследования. 2008. № 2.
2. Мамедов А.К., Темнова Л.В., Социологическое образование: опыт институционализации в новом политическом поле // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. №6.(121).
3. Озерова М. Вставай, молва народная// <http://www.kariera.orc.ru/05-00/Profe060.html>
4. Федулова А.В. Социологическое образование в высшей школе: проблемы и перспективы// Интернет-ресурс: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2005_4/Fedulova/17.pdf
5. Шишкин С.В. Социальная дифференциация высшего образования. Независимый институт социальной политики. М., 2005. С. 154.
6. Штапова О.В. Социологическое образование в России. Автореф. Дис...канд. соц.наук. – Саратов: 1999. – С.10-12.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ: ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ

Григорьев С.И., Гусякова Л.Г., Говорухина Г.В.

В России проделана огромная работа по развертыванию профессионального и "общего" социологического образования. Уже к середине 1990-х годов в вузах было открыто более 50 отделений и факультетов социологии, около 200 кафедр социологического профиля, открыто более 30 специализированных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций, издано два десятка переводных (зарубежных) и отечественных учебных пособий и учебников по социологии. К концу XX века эти показатели возросли втрое, изменились качественно. Появились первые электронные учебники по социологическим дисциплинам, пособия по организации контроля качества знаний студентов социологических факультетов, учебно-методические комплекты, включающие учебники и учебные пособия, хрестоматии, сборники контрольно-обучающих заданий.

Массовыми тиражами стала выходить научная социологическая литература. Расширился до полутора десятков перечень регулярно выходящих журналов по социологии. Возникла новая система рабочих мест, на которые ориентированы выпускники социологических отделений и факультетов. Были изданы крупные работы по истории мировой и отечественной социологии, ее современному

развитию, модернизации. Особенно заметны в этом плане работы ИС РАН, труды ученых факультетов социологии Московского и Санкт-петербургского университетов. В регионах был заметен вклад социологов Алтайского, Воронежского, Иркутского, Красноярского, Новосибирского, Томского, Ярославского госуниверситетов.

В ближнем зарубежье России наиболее активно развивалась социология и социологическое образование на Украине и в Белоруссии. Сохранились и умножились силы социологов Казахстана, Киргизии, Узбекистана.

Важнейшим событием в развитии социологического образования стало его масштабное распространение, организация в вузах России, начиная с 1989/1990 учебного года. В начале 1990-х годов формирование содержания социологического образования преимущественно определялось составом новых кафедр социологии, возможностями чтения их сотрудниками различных социологических курсов. Большое значение имели первые публикации учебной литературы (отечественной и зарубежной) по социологии, которая стала все более сильно воздействовать на содержание базовых курсов и спецкурсов по социологии (см. публикации Г. Осипова, В. Ядова, И. Слепенкова, Э. Гидденса, Н. Смелзера и др.).

С середины 1990-х годов Научно-методическим советом по социологии (а ныне – еще и по социальной антропологии) УМО университетов России, Министерством образования проделана масштабная работа по разработке и утверждению образовательных стандартов для всех уровней социологического образования (бакалавр, специалист, магистр социологии). Это позволило более или менее определенно ориентировать многочисленные отделения и факультеты социологии, кафедры на тот объем и специфику социологической подготовки кадров различного уровня квалификации (при всей условности различий программ подготовки бакалавров и специалистов). Были опубликованы не только программы, требования к обучению социологов различного уровня, но и созданы учебные пособия, ориентирующие преподавателей содержательно, методически, технологически. Особенно полезными оказались публикации сборников задач и упражнений по социологии, а также практикумов по социологическим дисциплинам, базовых учебников и пособий.

Министерство образования России осуществило и поддержало ряд издательских программ, в том числе тех, что финансировались Фондом Сороса, которые во многом ликвидировали острый дефицит учебно-методической литературы. Свой вклад в решение данной проблемы внес НМС по социологии и социальной антропологии УМО университетов России, также поддержав ряд научно-издательских и учебно-методических программ. Так, с 1998 года осуществляется специальная программа "Основы качества национального социального образования России для XXI века", большая часть публикаций которой осуществлена по социологии.

Время поставило новые задачи. Они оказались во многом связаны с необходимостью модернизации содержания социологического образования, оценки качества знаний студентов. В связи с этим особые требования стали предъявляться к методике преподавания социологии, образовательным технологиям, технической оснащенности социологического образования (аудиовизуальные обучающие комплексы, информационно-методические центры, использование глобальной сети Интернет и пр.).

В настоящее время актуальна постановка вопроса о модернизации социологического образования в современной России, что обусловлено рядом причин: во-первых, данная проблема пока не решена в плане поиска оптимального сочетания традиций и новаций как в содержании социологического образования, так и в формах, технологиях его осуществления, не создана культуроцентрично ориентированная стратегия эволюции и функционирования всех элементов такой подсистемы в российском обществе как социологическое образование;

Во-вторых, проблемы сочетания в России в социологическом образовании поликультурности, глобальной проблематики и относительной самостоятельности социологического анализа национально-специфического, национально-регионального.;

В-третьих, проблема сохранения социокультурных основ развития российской социологии;

В-четвертых, проблема трансформации системы оценки качества социологического образования;

В-пятых, к концу 1990-х годов проблемы социологического образования в России обострились в связи с разработкой новых образовательных госстандартов. В соответствии с ними социология оказалась «невключенной» в число обязательных дисциплин, изучаемых в высшей школе;

В-шестых, проблемы использования в социологическом образовании в России различных социологических парадигм, ориентированных на различные научные картины мира и способы познания, осмысление социальной реальности.

Можно было бы отметить еще несколько менее значимых, но вполне актуальных проблем. Однако, как нам представляется, отмеченные проблемы вполне презентуют основную группу причин, определяющих сегодня актуальность и специфику развития отечественного социологического образования, его модернизации, генезиса в контексте социально-исторического развития России, ее системы образования, судеб социологии и социологов.

Вполне правомерен и вопрос о том, насколько глубоко, адекватно современной реальности и тенденциям общественного развития осмыслены сегодня проблемы социологического образования в России, развития его традиционной и новаторской практики. В соответствии с этим необходим поиск оптимальных объемов содержания социологического образования и методов его осуществления, технологий контроля качества знаний. В условиях информатизации, становления непрерывности социального образования, освоения новых технологий его осуществления ключевое значение приобретает, во-первых, поиск гармонии содержания и форм организации образовательной деятельности вообще и социологического образования в силу его особой значимости.

Во-вторых, проблемы организации социологического образования, решение которых во многом определяют и его качество, и содержание, и технологии осуществления. Сегодня в организационном плане стратегически встал вопрос о том, как развиваться отделениям и факультетам социологии дальше. Предпочтительным, как нам видится, является комплексный подход. На его основе возможна специализация по широкому спектру профилей. Именно он более всего соответствует задачам фундаментализации социального образования, его культуроцентричности, растущей значимости и роли в обществе. Именно в этом направлении, очевидно, следует преимущественно ориентировать подготовку кадров социологов в России сегодня и в будущем, а конъюнктура специализаций возьмет свое сама в соответствии с жесткими требованиями рынка труда. При этом мы прогнозируем серьезное усиление роли российского социологического образования, российской социологии в общественной жизни страны.

ЗНАЧЕНИЕ РОЛЕВОЙ ИГРЫ В ФОРМИРОВАНИИ У ИНОСТРАННЫХ И РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ ИНТЕРЕСА К ИЗУЧЕНИЮ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Ерохин А.К., Ерохина Л.Д., Трифонова Г.А.

Современная система российского образования характеризуется внедрением в учебный процесс инновационных технологий, применением различных форм и методов обучения, одним из которых является игра. Игровые педагогические технологии – это технологии обучения, ставящие своей целью обеспечение личностно-деятельного характера усвоения знаний, приобретения умений и навыков; активизирующие самостоятельную познавательную деятельность, направленную на поиск, обработку и усвоение учебной информации с помощью игровых методов вовлечения обучаемых в творческую деятельность.

Игровые педагогические технологии включают достаточно обширную группу методов и приемов организации учебного процесса в форме различных учебных игр. Особенно важно использование подобных приемов для обучения иностранных студентов, которым легче в такой форме осваивать гуманитарные и социальные дисциплины, познавать специфику национальной истории и культуры.

Учебная игра обладает существенным признаком – четко поставленной целью обучения и соответствующим ей педагогическим результатам, которые могут быть обоснованы, выделены в явном виде и характеризуются учебно-познавательной направленностью.

Актуальность и уникальность игры состоит в следующем. Во-первых, это мощный стимул обучения. Во-вторых, игра позволяет расширить границы собственной жизни студента, вообразить то, чего он не видел. В игровой деятельности активизируются психические процессы ее участников: внимание, запоминание, интерес, восприятие и мышление. В-третьих, возможность вовлечения каждого студента в активную деятельность, в противовес пассивному слушанию или чтению. Игра эмоциональна по своей природе и потому способна оживить даже самую сухую информацию, сделать ее яркой и запоминающейся. В-четвертых, в процессе игры раскрываются скрытые таланты, проявляются незаурядные способности. В-пятых, игра положительно влияет на формирование познавательных интересов, содействует развитию самостоятельности, инициативности.

Рольевые игры могут представлены разными методами.

1. *Викторина «Что? Где? Когда?»*. Получив определенную информацию, студенты обсуждают между собой, что следует предпринять в данной ситуации и необходимы ли дополнительные сведения. Приняв согласованное решение, они сообщают его ведущему. После этого, пользуясь эталоном решения, ведущий выдает требуемые сведения.

2. *Методика последовательной или разорванной цепочки*: на каждом этапе такой игры в последовательном или произвольном порядке роль поручается разным студентам.

3. *Проигрывание ситуации в микрогруппах с последующим обсуждением*. Ведущими в микрогруппах могут быть наиболее подготовленные студенты.

4. *Игра «Консенсус»* – распределение ролей между студентами производится в зависимости от числа участников, вместе с тем в каждой роли могут последовательно выступать несколько студентов. В ходе ролевой игры ее участники должны прийти к единому мнению[1].

Рольевые игры без жесткого сценария не имеют четких эталонов действий и представляют собой адаптированный к условиям обучения в вузе вариант «психодрамы» Дж. Морено. Эта методика рассчитана не столько на формирование конкретных профессиональных знаний, сколько на приобретение коммуникативных умений и навыков, эмоционального опыта. Участникам игры предоставляется возможность без строгого сценария сыграть роль, выбранную из реальной жизни.

Приведем ряд примеров ролевых игр по гуманитарным дисциплинам и определим их дидактическую, воспитательную и игровую цели.

Дидактическая цель: закрепление лекционного материала; контроль приобретенных знаний; знакомство с различными формами представления учебного материала.

Воспитательная цель: формирование индивидуального стиля поведения в процессе взаимодействия с людьми в команде; порождение творческого мышления; преодоление психологических барьеров по отношению к формам и методам активного обучения.

Игровая цель: выиграть соревнование команд; продемонстрировать лучшие знания учебного материала, смекалку и артистизм.

Методическое обеспечение игры: опережающее задание в виде создания презентаций с использованием дополнительного материала; тест.

Техническое обеспечение игры: компьютер и проектор; бейджи с именами исторических и политических деятелей и т.п.; учебники и учебные пособия, хрестоматии, в зависимости от того, по какому предмету проходит игра.

Рефлексия игры: заполнить анкету, указав положительные и отрицательные моменты в ходе проведения ролевой игры по тому или иному предмету [2].

При изучении «Отечественной истории» притягательными для студентов-первокурсников являются рольевые игры, проводимые в форме дискуссии. Участники вместе с преподавателем заранее готовят сценарий игры, привлекая точки зрения известных отечественных историков, стоящих на различных научных позициях, пытаясь повторить и, если возможно, дополнить их аргументацию.

Наибольший интерес у студенческой аудитории вызывают импровизированные «судебные заседания», во время которых разыгрывается исторически реальный или воображаемый судебный процесс над известной и спорной исторической фигурой. Чаще всего вымышленный «Суд истории» проводится над тремя историческими личностями – Иваном Грозным, Петром Первым и И.В. Сталиным. Осужденным личностям в ту или иную историческую в современное время студенческий «суд» может вынести оправдательный приговор. Например, по «Истории России» тема: «Модернизация Петра Великого: Запад или Восток», была подготовлена в игровой форме «Суд истории». Действующие лица – судья, адвокат, прокурор, свидетели, 12 присяжных заседателей, секретарь, репортер газеты и зрители-еще долго дискутировали о роли личности Петра Первого в истории, критиковали или поддерживали взгляды «западников» и «славянофилов» [3].

Однако при этом, на наш взгляд, необходимо рассматривать и реальные судебные процессы в истории российской цивилизации, такие как военные суды над декабристами, петрашевцами и революционером С.Г. Нечаевым, а также суд присяжных над народоволкой В.И. Засулич, которая стреляла в градоначальника С-Петербурга Ф.Ф.Трепова и была оправдана присяжными заседателям в ходе судебного разбирательства. Это необходимо для того чтобы студенты могли на реальных примерах понять, как и почему менялась судебная система России.

Разберем более подробно пример ролевой игры по политологии по теме: «Идейно-политические ориентации российских партий».

Цель учебной игры: привить студентам навыки самостоятельного анализа политических целей партий, подготовить к жизни в постоянно изменяющемся мире и определиться в своих электоральных предпочтениях.

При подготовке игры следует попросить нескольких студентов познакомиться с программными документами партий, представляющих в России различные идейно-политические течения (например, КПРФ, ЛДПР и «Единая Россия») и сопоставить их трактовку следующих вопросов:

а) форма правления; б) национально-государственное устройство; в) формы собственности и механизмы хозяйствования; г) права и свободы граждан; д) социальная защита; е) решение национальных проблем.

В ходе учебной игры лидеры – «представители» конкретной партии кратко излагают ее платформу. Затем проводится анализ и обсуждение этих платформ. Студентам предлагается выяснить: что объединяет и разъединяет платформы этих партий? Какие возможны союзы и коалиции между ними?

Материал о партиях представляется в форме презентации, в которой отражены краткая история эволюции партии, характеристика ее деятельности, сведения о лидерах, электорате и т.д.

При организации учебной игры необходимо использовать как материалы периодической печати, так и литературу справочного характера. Учебная игра завершается заполнением студентами таблицы «Программные установки российских политических партий», которая поможет студентам сравнить программные установки современных и дореволюционных российских партий в переломные периоды истории.

Аналогичную игру можно провести и по предмету «Отечественная история».

Предмет «Культурология» создает большие возможности и многообразные варианты для проведения игр различных форм – это и викторины, и ролевые игры, и КВН и т.п. [2]. Здесь студенты сами проявляют креативность, расширяют свой познавательный интерес, предлагают интересные и неординарные задания – головоломки, чайнворды, криптограммы, кроссворды – дают им привлекательные названия.

Анализ игры – один из ключевых моментов занятия, определяющих его эффективность. И здесь важно оценивать не с позиции «хорошо – плохо», «прав – нет», а научиться всем видеть альтернативность решений в зависимости от развития ситуации, доказывая свою точку зрения, соблюдать корректность, использовать имеющиеся знания психологии и педагогики, уметь слушать других и принимать точку зрения партнера.

В настоящее время интерес к игровой форме проведения учебных занятий быстро растет, это естественным образом приводит к увеличению числа игр, а также к их разнообразию, что создает возможность активного вовлечения студентов в учебный процесс.

Список литературы

1. Трифонова Г.А. Отечественная история. Рабочая тетрадь. Владивосток: ТГМУ, 2014. – 125 с.
2. Трифонова Г.А. Методические игры по культурологии. Владивосток, Дальрыбвтуз, 1996.– 85с.
3. Черная Е.В. Реализация инновационных методов в преподавании предмета «История России» (на примере ролевой игры «Суд истории») // актуальные проблемы освоения биологических ресурсов Мирового океана: материалы III. Междунар. науч.-техн. кон. в 2 ч. –Владивосток: Дальрыбвтуз, 2014. – Ч.П. –С.446-449.
4. Ерохин А.К. Политология. Учебно-методическое пособие. – Владивосток: ДВФУ, 2015. – С. 227-228.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТРАЕКТОРИИ СТУДЕНТОВ

Ждан А.Б.

В законе «Об образовании в Российской Федерации» отмечается, что образование призвано обеспечивать подготовку кадров высшей квалификации по всем направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, удовлетворять потребности личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, углублении и расширении образования, научно-педагогической квалификации [1, с. 77]. При достижении поставленной цели важно учитывать роль социальных факторов в становлении образовательной траектории студентов.

Система образования может рассматриваться как микросреда, в которой протекает жизнедеятельность студента. Она является частью социальной среды наряду с такими ее структурными элементами, как социально-политический, социально-культурный (духовный), социально-профессиональный, социально-экономический и социально-демографический. Взаимодействуя друг с другом, они составляют для студента как бы макросреду и, воздействуя на образование как микросреду, формируют отношение студента к его учебной деятельности и мотивы получения высшего образования [2]. Поэтому важно изучать состояние именно микросреды, то есть образования как структурного элемента социальной среды, чтобы влиять на становление образовательной траектории студентов через отношение студента к учебной деятельности.

Влияние образования как структуры социальной среды на отношение к учебной деятельности, которое у студента может изменяться, возможно изучать через анализ воздействия на формирование учебных компетенций следующих компонентов: *когнитивного* компонента, связанного со знаниями и способами их получения; *деятельностного* компонента, определяющего становление умений на основе получения знаний и способов реализации умений; иными словами, его готовности профессионально действовать в новых условиях; *личностного* компонента, который представляет собой мотивы и ценностные установки личности, проявляющиеся в процессе реализации студентом профессиональных компетенций [3, с. 366]. Поскольку в совокупности компоненты компетенции составляют тот профессиональный портрет, который в дальнейшем проявится в деятельности специалиста, важно постоянно выявлять социальные факторы, оказывающие основное влияние на отношение студента к учебной деятельности как средству выработки и закрепления профессиональных умений и навыков. Поэтому выявление социальных изменений, отражающих текущее состояние *деятельностного* и *личностного* компонентов учебных компетенций студентов, позволяет фиксировать характер мотивации обучения студентов и процесс ее изменения за время обучения в вузе.

Необходимо обращать внимание и на то, что социальные факторы влияют как на выбор вуза и будущей профессии, так в дальнейшем – на стремление не только работать по избранной профессии, но и на причины, которые благодаря возникающим и происходящим в социальной среде процессам могут вызывать желание получить новую специальность. Преподавателю, который работает со студентами, и вузу важно иметь представление о социальных факторах, влияющих на мотивацию

студентов, чтобы совершенствуя качество их обучения, успешно решать задачу, поставленную в законе «Об образовании в Российской Федерации».

Реальным условием для получения информации об отношении студентов к учебной деятельности и собственной образовательной траектории, а возможно и причинах ее изменения является социологический мониторинг текущих и выпускных курсов.

Список литературы

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». – Новосибирск: Норматика, 2015. – 143 с.
2. Продиблех Н.Е. Социокультурная мотивация обучения студентов: региональный срез // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2008. – № 8. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnye-motivatsii-obucheniya-studentov-regionalnyy-srez>.
3. Мамонова, Л.И. Факторы, влияющие на формирование общепрофессиональных компетенций студентов вуза // Фундаментальные исследования. – 2012. – №6. – С. 365-368.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Злотников А.А.

За два десятилетия на социологическом отделении БГУ подготовлено более 2000 высококвалифицированных социологов, которые успешно работают как в нашей стране, так и в странах ближнего и дальнего зарубежья. Большинство из них реализовалось в профессии, в том числе и на nive преподавания социологии и социально-политических дисциплин. Есть повод для гордости, и в то же время, для обеспокоенности: каковы перспективы сегодняшних и завтрашних выпускников? И что более актуально: а каковы перспективы социологического образования? С позиций сегодняшнего дня, используя терминологию Н.Д. Кондратьева, можно предположить, что мы находимся на «понижательной волне». Что вызвало эту волну? По нашему мнению, это в первую очередь связано с практической реализацией «*Концепции оптимизации содержания, структуры и объема социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования*», первые результаты которой мы уже можем наблюдать. Это – и ликвидация кафедр, обеспечивающих преподавание социологии, и сокращение ставок профессорско-преподавательского состава, а самое главное – снижение уровня социально-гуманитарного и социологического образования. Современность вносит коррективы и кардинальные трансформации в глобальные процессы, которые затрагивают, в том числе, и Республику Беларусь. При этом все более явным становится умножившееся значение социальных последствий этих процессов и все чаще слышны голоса о том, что именно социальные проблемы будут определять облик нового мира. Поэтому сейчас, как никогда, с учетом глобальных и геополитических вызовов, актуальна проблема подготовленности молодых людей, выпускников вузов к адекватному восприятию и осмыслению социальных изменений и их последствий. Ведь одна из задач социологии и социологического образования – осмысление социальных перемен. Способно ли сегодняшнее социологическое (и в целом социально-гуманитарное) образование решить эту задачу? Очевидно, что реформа, свидетелями и творцами, которой мы являемся, и исходила из необходимости ее решения. Также несомненно, что авторы концепции руководствовались самыми благими намерениями и стремились реализовать поручения Главы государства, однако, здесь уместно вспомнить крылатое изречение председателя Правительства Российской Федерации В.С. Черномырдина: «хотели как лучше, а получилось как всегда».

На наш взгляд, есть три принципиальных момента, которые требуют обсуждения и разрешения. **Первый** – это *недостатки и недоработки* самой концепции «оптимизации». Наибольшую критику вызывает методологически необоснованное интегрирование экономической теории и социологии. Причем эта критика возникла практически сразу же после утверждения концепции в марте 2012 г. Так уже через месяц во втором номере журнала «Социология» профессор Е.К. Новик писал: «...объединять экономическую теорию и социологию в один цикл нецелесообразно и антинаучно: это совершенно

разные науки» [1]. Какие критерии для подобной гибридизации? Может, целесообразнее объединить социологию и философию, или социологию и право? Какие еще есть варианты? А.А. Давыдов, ссылаясь на статью сотрудников Национальной лаборатории Лос-Аламос, которые впервые проанализировали около 1 млрд. онлайн обращений пользователей в онлайн базах полнотекстовых научных публикаций (WebofScience, Scopus, JSTOR, Ingenta и т.д.) и эмпирически обнаружили взаимоотношение между научными дисциплинами в информационном обществе, убедительно демонстрирует основные связи социологии [2]. Полученные данные свидетельствуют, что социология наиболее активно взаимодействует с антропологией, географией, маркетингом, правом, психологией, политологией, экономикой и рядом других социальных и естественнонаучных дисциплин в информационном обществе. И таким образом, всякие попытки интеграции-гибридизации социологии с другими дисциплинами будут носить односторонний и односторонний характер, а также приводить к созданию неких кентавров, которые, как известно из мифологии, были очень необузданные и к тому же смертные существа. Что дает на практике такая интеграция? Студент (как правило, первого или второго курса) изучая интегрированный модуль «Экономика», во-первых, не полностью отдает себе отчет, а что за предмет он изучает, и почему «довеском» (из-за дискриминационного распределения учебных часов) идет социология; во-вторых, испытывает проблемы с подготовкой к экзамену, суть которых заключается в том, что существует большой объем информации, разная терминология и т.д. Как показал пилотажный авторский мини-опрос среди двухсот студентов, которые сдавали «интегрированный» экзамен, то 95% респондентов считают целесообразным и более эффективным раздельный итоговый контроль знаний. Кроме того, следует отметить, что из-за небольшого объема часов занятия по социологии заканчиваются за 2,5-3 месяца до экзамена, и поэтому как считают даже успевающие студенты, значительная часть информации элементарно забывается!

Второй важный момент – *неполная и односторонняя реализация* тех идей, которые декларировала концепция. Это, прежде всего, касается самостоятельной работы студентов и введения специализированных модулей, благодаря которым можно реализовать принцип практикоориентированности (как сформулировано в концепции) и не уменьшить нагрузку ППС. Однако в действительности мы сталкиваемся с особой формой «закона социального иллюзионизма» П.А. Сорокина, который очевидно можно применять не только к анализу революций, но и к анализу реформ. Так, в большинстве гомельских вузов (и думается не только) нагрузка по социологии претерпела значительные сокращения. Самым радикальным является пример БТЭУПК, где с февраля 2014 года кафедра теории кооперации и социологии прекратила свое существование! В ГГТУ им. П.О. Сухого был введен только один специализированный модуль (социология управления), причем лишь на одном из пяти факультетов.

Третий аспект обсуждаемой темы заключается в том, что можно условно обозначить как «*особый путь*», т.е. некий локальный способ реализации концепции, который продиктован объективными факторами и субъективными обстоятельствами. Из известных автору примеров наиболее показателен опыт ГГТУ им. П.О. Сухого, где социология из обязательной учебной дисциплины (пусть и составе модуля «Экономика») превращается в «полу-факультатив» на всех технических факультетах. Разница в том, что факультатив есть в учебном расписании, а социологии как «полу-факультатива» – нет. Соответственно, и при проведении экзамена по модулю в целом, контроль знаний по социологии отсутствует, что очевидно сказывается на мотивации студентов посещать занятия и изучать предмет.

Список литературы

1. Новик Е. Проблемы совершенствования качества социально-гуманитарного образования в негуманитарных высших учебных заведениях (по поводу статьи профессора М. И. Вишневого) // Социология. 2012. №2. С. 97.
2. Давыдов А. Социология среди научных дисциплин в информационном обществе // http://www.isras.ru/index.php?page_id=1050.

АСПИРАНТУРА КАК УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ: ГОТОВНОСТЬ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Зырянов В.В.

Реализация аспирантуры как уровня образования – совершенно новая практика для российской науки и образования. Внедряя её, в Минобрнауки РФ вполне логично предполагали возможность возникновения рисков, которые будут сопровождать этот процесс. В этой связи был инициирован проект «Экспертно-аналитическое обеспечение повышения качества программ подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре на основе мониторинга эффективности внедрения федеральных государственных образовательных стандартов по направлениям подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре в организациях, осуществляющих образовательную деятельность», который был реализован Ассоциацией классических университетов России (АКУР) [1].

Как известно, российские образовательные организации высшего образования начали обучение студентов по ОПОП на основе ФГОС ВО только осенью 2014 года и на сегодня имеют лишь годичный опыт их реализации, поэтому задачей проекта была оценка, главным образом, готовности образовательных организаций к реализации программ аспирантуры как уровня высшего образования, отраженная в:

- открытости и доступности ОПОП (путем размещения в открытом доступе в сети Интернет на официальном сайте образовательной организации),
- полноте (комплектности), логике выстраивания и правильности оформления ОПОП, взаимосвязанности ее отдельных компонентов, соответствии всех структурных элементов ОПОП заявленным целям (общей характеристике) программы и результатам обучения;
- востребованности рынком, заложенной в ОПОП компетентностной модели обучения,
- отражении в ОПОП специфики ее направленности (профиля),
- соответствии направленности (профиля) ОПОП приоритетным научным направлениям образовательной / научной организации,
- соотносительности результатов освоения ОПОП квалификационным требованиям соответствующего уровня Европейской рамки квалификаций и Национальной рамки квалификаций РФ;
- наличии в ОПОП профессиональных компетенций, установленных организацией самостоятельно с учетом направленности (профиля) программы аспирантуры,
- соотносении компетенций ОПОП с требованиями профессиональных стандартов,
- соотносении компетенций ОПОП с паспортом научной специальности,
- наличии в ОПОП алгоритмов формирования компетенций (карты, паспорта компетенций),
- эффективном использовании модульного подхода (если заявлен) и принципов учета трудоемкости обучения в зачетных единицах,
- отражении компетентностного подхода в программах учебных дисциплин (модулей) и практик,
- наличии в программах учебных дисциплин (модулей) и практик:
 - a. результатов обучения по дисциплине (модулю), соотношенных с компетенциями;
 - b. образовательных технологий (в том числе инновационных) и форм обучения;
 - c. средств и способов оценки достижения результатов обучения, соответствующих заявленным компетенциям.
 - d. наличии индивидуальных образовательных траекторий обучающихся.

Задачей данного анализа было предоставление информации не столько в целом по образовательной системе, т.е. по всем 918 университетам и академиям, имеющим аспирантуру, сколько по ООВО сгруппированных по образовательным областям: Математические и естественные науки; Инженерное дело, технологии и технические науки; Здравоохранение и медицинские науки; Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки, Науки об обществе; Образование и педагогические науки; Гуманитарные науки; Искусство и культура. Вне анализа, по понятным причинам была оставлена лишь

образовательная область «Оборона и безопасность государства. Военные науки». Таким образом, по запросу АКУР и Департамента гос. политики в сфере ВО Минобрнауки России для проведения экспертно-аналитических работ было получено и проанализировано 68 ОПОП, реализуемых в 14 образовательных организациях ВО и 2 научных организациях.

Основную информацию при таком подходе можно получить из анализа ОПОП, который показал, что ООВО достаточно успешно выполняют требования, которые носят важный, но формальный характер - от 70 до 90 процентов выполнения обеспечено по таким индикаторам, как:

«наличие в образовательной/научной организации локальных нормативно-правовых документов, обеспечивающих реализацию программ аспирантуры, их доступность для общественности»,

«наличие на официальном сайте образовательной/научной организации утвержденной ООП аспирантуры»,

«наличие в ООП профессиональных компетенций, сформулированных организацией самостоятельно»,

«соответствие программы НИР в рамках ООП компетенциям выпускника по программе аспирантуры»,

«соответствие программы практик (педагогической, исследовательской (при наличии) в рамках ООП компетенциям выпускника по программе аспирантуры»,

«соответствие состава научно-педагогических работников образовательной/научной организации, осуществляющих научное руководство аспирантом требованиям ФГОС к научному руководителю аспиранта»,

«соответствие проблематики научно-исследовательской работы и дисциплин (модулей) учебного плана ООП аспирантуры научной специальности (направленности программы)»,

«соответствие процедур (содержание и технологии) промежуточной аттестации по освоению дисциплин (модулей) ООП требованиям к выпускникам программы аспирантуры»,

«соответствие утвержденного учебного плана требованиям ФГОС в части сроков освоения программы аспирантуры по очной, очно-заочной, заочной формам обучения и объема программ аспирантуры»,

«соответствие объемов блоков ООП требованиям ФГОС ВО аспирантуры».

В то же время критически недостаточно (в среднем на 50% и менее) выполняются индикаторы, связанные с качественным изменением подхода к аспирантуре, которая теперь должна быть организована как учебный процесс:

«наличие в ООП соотнесения профессиональных компетенций с требованиями профессиональных стандартов»,

«наличие в ООП соотнесения профессиональных компетенций с паспортом научной специальности»,

«информация в ООП о наличии условий для организации образовательного процесса по программам аспирантуры для лиц с ограниченными возможностями здоровья»,

«практика сотрудничества организации с работодателями при разработке и реализации ООП на основе ФГОС ВО аспирантуры»,

«реализация программ аспирантуры в сетевой форме»,

«применение электронного обучения и дистанционных образовательных технологий при реализации программ аспирантуры»,

«применение модульного принципа построения программ аспирантуры».

Одним из основных результатов проекта стала оценка степени эффективности внедрения ФГОС по направлениям подготовки аспирантуры, что предполагало выявление препятствий, рисков и проблемы внедрения образовательных стандартов в аспирантуре. Проблемы и риски были структурированы по следующим аспектам реализации образовательного процесса: нормативные, методические, организационные и ресурсные.

Среди обнаруженных проблем особого внимания заслуживают следующие:

1. Значительная часть рисков при проектировании программ аспирантуры связана с противоречием, заложенным в современную модель аспирантуры, которое заключается в том, что защита научно-квалификационной работы (диссертации на соискание ученой степени) не входит в программу аспирантуры и регулируется требованиями, устанавливаемыми ВАК, а не ФГОС аспирантуры. Частично проблему попытались решить изменениями во ФГОС аспирантуры, утвержденными приказом Минобрнауки России от 30 апреля 2015 г. № 464, которые вводят в качестве одного из обязательных мероприятий ГИА (наряду с государственным экзаменом) «Представление научного доклада об основных результатах подготовленной научно-квалификационной работы (диссертации)». Тем самым, требования к результатам освоения программ аспирантуры в части подготовки к защите диссертации значительно повысились, а сроки освоения остались прежними.

2. Необходимость обеспечивать готовность к преподавательской деятельности по программам ВО всем без исключения аспирантам серьезно затрудняет проектирование и реализацию образовательных программ не только в научных организациях, но и в ООВО. При этом возникает риск недостаточного формирования у аспиранта научно-исследовательской компетенции, т.к. формирование преподавательской компетенции предполагает значительные организационные, временные, методические и материальные затраты.

3. Не все положения ФГОС аспирантуры трактуются однозначно, так, неясно принципиальное отличие разделов ОПОП "Научные исследования" и "Исследовательская практика".

4. В основе модели «новой» аспирантуры лежит преемственность программ аспирантуры с программами ВО других уровней (в первую очередь – с программами магистратуры). Однако нынешний «переходник соответствия» от специальностей научных работников к направлениям подготовки в аспирантуре далек от простоты и однозначности. Так в рамках одного направления подготовки могут быть реализованы программы аспирантуры, направленные на защиту степеней по разным отраслям наук, а одна и та же научная специальность может быть отнесена к нескольким направлениям подготовки в аспирантуре.

5. Концептуального осмысления требует необходимость обеспечения преемственности программ аспирантуры с программами магистратуры разного типа, поскольку согласно ФГОС ВО программы магистратуры могут быть академическими или прикладными.

6. Профессиональные стандарты не позволяют различить выпускника программы аспирантуры, имеющего и не имеющего степень кандидата наук, с точки зрения возможности занятия тех или иных должностей и выполнения соответствующих этим должностям трудовых функций.

7. Преемственность формирования научно-исследовательских компетенций на всех уровнях ВО «бакалавриат - магистратура – аспирантура», не обеспечена согласованностью компетенций в рамках одного направления.

8. Проектирование программ аспирантуры осложнено отсутствием примерных ООП или других систематизированных методических материалов, что увеличивает риски размывания единого образовательного пространства и снижения качества экспертной оценки ООП в рамках аккредитации.

9. При формировании вариативной части разработчики сталкиваются с рядом проблем, связанных с наличием утвержденных паспортов научных специальностей и программ кандидатских экзаменов. Во-первых, эти программы были утверждены почти 10 лет назад и не соответствуют требованиям к разработке рабочих программ дисциплин, и тут возникают препятствия в реализации компетентностного подхода. Во-вторых, объединение в рамках одной специальности достаточно разных предметных областей также затрудняют разработку соответствующих рабочих программ.

10. Для образовательных, и тем более научных организаций сложной задачей является сам процесс проектирования программ аспирантуры как третьего уровня высшего образования. Организационные структуры, занимающиеся реализацией программ аспирантуры в университетах, традиционно были отделены от учебно-методических и учебно-организационных подразделений, а

потому отделы аспирантуры и подобные структуры не имели никакого опыта учебно-организационной и методической работы по программам ВО.

Очевидно, что только в случае оперативного и концептуально взаимоувязанного решения обозначенных проблем и снижения соответствующих рисков, можно рассчитывать на то, что внедряемая модель аспирантуры как образовательного уровня обеспечит выполнение поставленных перед нею задач генерации поколения учёных и преподавателей высшей школы, отвечающих требованиям развития современного общества. Поэтому продуктивной видится работа по осмыслению этого процесса и дискуссий, развернувшихся на страницах журналов [2].

Список литературы

1. Государственный контракт № 05.043.11.0040 от 11 ноября 2014 г.
2. Караваева Е.В., Маландин В.В., Пилипенко С.А., Телешова И.Г. Первый опыт разработки и реализации программ подготовки научно-педагогических кадров как программ третьего уровня высшего образования: выявленные проблемы и возможные решения// Высшее образование в России, № 8-9, 2015, с. 5-15.

ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ФИЛИАЛЕ

Измоденова Н.Н.

Кольский филиал Петрозаводского Государственного университета был создан приказом Государственного комитета Российской Федерации по высшему образованию 26 октября 1994г. Важнейшим аргументом создания вуза в г. Апатиты было наличие старейшего в России Кольского научного центра Российской академии наук (КНЦ РАН), который был образован в 1930 г., так как именно КНЦ РАН стал региональной научно-методической базой вуза, а его научные сотрудники составили основу профессорско-преподавательского состава. В настоящее время в КФ ПетрГУ на шести факультетах (информатики и прикладной математики, экономическом, экологическом, физико-энергетическом, горном и гуманитарном) ведется подготовка по направлениям и специальностям, структура и объемы которых отвечают потребностям практически всех отраслей экономики и производства Мурманской области. (Более подробную информацию о вузе можно посмотреть на сайте <http://www.arcticsu.ru/content/kolskii-filial-petr-gu-segodnya>)

Организация высшего учебного заведения в г. Апатиты Мурманской области было актуальным и рациональным в 1994 г. по нескольким причинам:

1. Образование. Дети могли получить высшее образование, не покидая своих родителей в тот тяжелый период становления рыночных буржуазных отношений. Была создана «Математическая школа» для школьников при филиале, позже, в 2012г., появилась «Гуманитарная школа». Кроме того, есть курсы для подготовки к ЕГЭ. Довузовская подготовка - не только подготовка к школьным экзаменам, но и профориентационная работа со школьниками. Математическая и Гуманитарная школа проводят занятия, конкурсы, руководят исследовательской работой школьников, работают с учителями школ. В работе Гуманитарной школы принимают активное участие преподаватели и студенты кафедры философии и социологии, а руководителем этой школы является к.псих.н., доцент кафедры философии и социологии Балымов И.Л. Это будущие абитуриенты, но, к сожалению, многие из них уезжают поступать в вузы других городов, часто в связи с отъездом родителей из региона.

2. Наука. Решалась проблема подготовки кадров для институтов КНЦ РАН, т.к. инициаторами создания ВУЗа были научные работники Академии, они же составили и составляют основную группу преподавателей. В Академии есть аспирантура, что позволяет воспроизводить научный потенциал не только институтов Академии, но и региона в целом.

3. Воспроизводство трудовых ресурсов. Появилась возможность готовить профессиональные кадры для предприятий, находящихся на Кольском полуострове и, тем самым, сохранить и предприятия и население региона. Все эти причины связаны с выживанием промышленного и научного потенциалов региона, с сохранением населения и городов региона, созданием привлекательной среды для жизнедеятельности не только для молодежи, но и всего населения. Таким образом решалась

комплексная проблема: производство и воспроизводство жизнедеятельности региона, в частности и г.Апатиты. Происходит и воспроизводство преподавательского состава. Ядро профессорско-преподавательского состава – доктора и кандидаты наук из научных институтов КНЦ РАН. В настоящее время часть преподавательского состава - бывшие студенты филиала. На кафедре философии и социологии, выпускающей социологов, из КНЦРАН работают 2 доктора наук и 1 кандидат наук – выпускник кафедры; 3 штатных старших преподавателя - тоже выпускники кафедры.

Востребованность социологического образования в КФ ПетрГУ.

С 1999г. начинается прием студентов на специальность «социология», с 2011г. - на бакалавриат по направлению «социология». За это время (1999-2014г.г.) было подготовлено более 300 выпускников.

1. Наборы студентов на специалитет были большими: как правило, две группы (по 20-25 человек). Сегодня, с введением бакалавриата и с уменьшением бюджетных мест, количество студентов значительно меньше, т.к. бюджетных мест Петрозаводский государственный университет выделяет кафедре филиала немного(9-12мест в разные годы). Уменьшение студентов в последние 5 лет связано не только с уменьшением бюджетных мест, но и с сокращением населения в регионе.

2. Трудоустройство. Часть выпускников продолжила и продолжает образование в аспирантуре по специальности (уже закончили и защитили кандидатские диссертации 3 человека), учились и учатся в аспирантуре КНЦ, НИУ ВШЭ, учились в магистратуре Европейского Университета в Санкт-Петербурге и в Будапеште, продолжали обучение за рубежом (Германия), работают в международных компаниях (В России и за рубежом), работают на кафедрах социологии в вузах, социологами на предприятиях Мурманской области и в других регионах России (в социологических, маркетинговых, государственных организациях), работают в школах. Не все, естественно, работают по специальности, но полученные знания и собственные способности позволяют бывшим студентам адаптироваться в современном мире. Студенты за время учебы могут получить второе высшее образование на другом факультете филиала на заочной форме обучения (получают в основном экономическое и юридическое), а также получить образование за рубежом (Норвегия).

3. Интересы студентов-социологов можно проанализировать по темам курсовых, дипломных и выпускных квалификационных работ; по их эссе, которые они пишут; по результатам социологических опросов, в которых они участвуют и как респонденты и как исследователи. Темы курсовых и дипломных работ предлагается студентам сформулировать самим или выбирать из предложенных кафедрой. Но они сами должны сформулировать проблему исследования, цели и задачи, выбрать методологию и методы, создать инструментарий (естественно, вся работа контролируется и консультируется научным руководителем). Темы исследований утверждаются на кафедре. В выпускной работе обязательно присутствуют анализ статистических данных, контент-анализ литературы, с которой работает студент (это и обзор литературы по теме, и обзор текстов СМИ), несколько интервью и анкетирование. Так студент демонстрирует степень освоения своих знаний, умений и навыков и освоенных компетенций.

4. Проблемы социологического образования и трудности понимания и освоения современными выпускниками школ социологического знания связаны с современными реформами как в сфере школьного так высшего образования. Современные школьники, становясь студентами, являют собою не очень образованных и грамотных индивидов. Они не готовы к чтению и пониманию научных текстов, не умеют искать литературу, связно и логически рассуждать, анализировать, имеют отрывочные и идеологически фундированные представления об истории не только зарубежных стран, но и России, о современных процессах в российском обществе, не читали или «не проходили» русскую классику. Поэтому анализ некоторых тем предлагается сделать на примере русской литературы. Например, по таким темам как тип общества и социальная структура, культура, тип личности, классы в России и т.д. они пишут эссе по таким произведениям как «Евгений Онегин», «Обломов», «Мать», «Толстый и тонкий» и др. Эти качества современного студента-бакалавра (особенно бакалавров) создают множество проблем в образовательном процессе для преподавателя: восполнять недостающие

знания для дальнейшего понимания социологического языка и социологической проблематики, приводить множество примеров для упрощения, учить их логике суждений и т.д. Сия проблема усугубляется и тем, что большая часть учебного времени отводится на самостоятельную работу студентов, а в расчет нагрузки, по которой и оплачивается работа преподавателя, идут только аудиторная нагрузка и руководство курсовыми и ВКР. Это означает, что часть работы преподавателя со студентами должна осуществляться либо бесплатно, либо он должен следовать правилам, т.е. нагрузке. Минимизированы часы на руководство курсовыми и выпускными квалификационными работами. Таким образом, ФГОСы для бакалавров, в отличие от ГОСов специалитета, не только минимизируют количество часов для плохо подготовленных для самостоятельного обучения студентов, но и минимизируют оплачиваемую нагрузку преподавателей, увеличивая ее посредством написания УМКД, РПД, ФОС и т.д. (без оплаты). В неоплачиваемую часть входит также воспитательная и научная работа.

Связь образования и социально-экономической ситуации в регионе

1. Большинство студентов не хотят уезжать из региона, и большинство выпускников остается здесь. Но в современной России нет соответствия между потребностью различных отраслей экономики в образованных специалистах, количеством вузов и потребностями населения в их реальной повседневной жизнедеятельности, интересами и мотивами получающих образование студентов. МОН пытается разрешить проблемы в образовании постоянными реформами в организации учебного процесса: минимизацией бюджетных средств и увеличением платного образования; слияниями вузов и их закрытиями, но вряд ли эти реформы изменят ситуацию. Образование - часть экономической жизни, но большая часть экономики существует автономно от образования, т.к. собственники и менеджеры предприятий принимают решения ситуативно, ориентируясь на эффективность, т.е., на прибыль. Эти решения выливаются в сокращения рабочей силы, в безработицу, падение покупательной способности, отток населения из региона, что ведет к уменьшению количества абитуриентов и студентов, к слияниям и поглощениям в системе образования, отъезду специалистов и преподавателей. Отток населения связан и с реформами в медицине и в системе РАН. На ситуацию в образовании в регионе влияют не только принимаемые федеральные законы, но и решения местной региональной власти и личные интересы некоторых руководителей образовательных и научных учреждений.

2. Отказ от преподавания социологии и политологии как обязательных дисциплин для естественных и технических факультетов влияет на эффективность манипулирования сознанием и социальных действий этих специалистов со стороны СМИ, церковью разных конфессий, сект, суеверий и т.д., т.к. отсутствие научного знания о методологии понимания и анализа общественных проблем неизбежно приводит к господству доксы.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Истомина А.П.

Мы живем в условиях самых радикальных, самых глубоких институциональных изменений в высшем образовании. Экономические и политические изменения, которые имели место на рубеже 80-90-х годов, затронули экономическую и политическую сферу, прежде всего, и, отчасти, другие институты общества, которые реагируют на базовые институциональные изменения не мгновенно, а постепенно. Долгие годы высшее образование оставалось в определенном смысле в тени этих изменений. То есть формально оно реагировало, было много нового в институте, но базовые ценности оставались прежними. Сейчас происходит трансформация базовых ценностей, и это революция – радикальное изменение ценностных ориентаций всех элементов вуза.

Трансформация высшего образования выражается в изменении базовых ценностей высшего образования. Первый вопрос, которого это касается, – о статусе науки, и для чего осваивать весь объем научных знаний? До начала этой революции ответ был достаточно ясен – наука обладает

самостоятельной ценностью в значительной степени. Это есть мир природы и мир общества, который требует экспертных знаний для того, чтобы его изучать. Объем полученных данных может быть использован для практических целей в определенное время. А остальной объем, пока не использованный, все равно обладает ценностью, поскольку исследуется объективная реальность. Наука сама по себе имеет ценность, ценность как предмет изучения, вне зависимости от практических применений. Это так называемая «просветительская парадигма», уходящая своими корнями в XVIII век во всех европейских университетах. Позже она раскрылась в гумбольдтовскую концепцию университета, основу которой составляют следующие принципы:

- знание ценно само по себе, а не только из-за его практической пользы;
- фундаментальное теоретическое познание является приоритетным;
- гуманитарные дисциплины обязательны для университетского образования, поскольку без них невозможно формирование образованной личности;
- государственная поддержка университета при сохранении статуса относительной автономии;
- академическая свобода в исследованиях и обучении;
- обучение посредством исследования, представленного научной деятельностью профессоров, и вовлечение в исследовательский процесс студентов;
- активность в общественной жизни, поскольку университет ответственен за формирование гражданской позиции;
- выведение теологического факультета за пределы университета;
- непрерывное научно-ориентированное образование – от гимназии до университета.

Таким образом, университет – это своего рода культ, культ знания как самодовлеющей ценности. Сейчас по этому принципу нанесен самый сокрушительный удар и абсолютный удар, поскольку он нанесен не только организационными структурами, не только менеджментом, но он нанесен обществом, самими студентами. Он нанесен и сверху, и снизу. Эффективные менеджеры и студенчество фактически смыкаются, образуют единый фронт, в центре которого оказались университеты и их профессорско-преподавательский состав. Общество отказалось от того взгляда, что базовая ценность – знание. Университеты не есть самодовлеющие институты, они не занимаются самодовлеющей деятельностью, самообеспечивающей себя и свою ценность, а они занимаются продуцированием так называемого полезного знания – «usefulknowledge». Эта американская концепция 30-х годов XX века, подчеркивающая ключевую роль техники и технологий в истории мировой экономики, к полезным знаниям относит преимущественно инженерные, технические и естественнонаучные – т. е. главным образом те, которые позволяют «манипулировать природой ради получения материальной выгоды». Дж. Мокир (профессор экономики и истории экономического факультета, Северо-Западный университет, Иллинойс, США) дополнительно подразделяет все полезные знания на две группы: пропозициональные, которые представляют собой теоретический каркас технологического развития; прескриптивные – собственно технологические знания. Проходя своеобразный естественный отбор, полезные знания постепенно «очищаются» от ложных и опровергнутых теоретических построений или технологических моделей, которые перестают быть эффективными [1, с.19-21]. Во многом благодаря проникновению идеи «usefulknowledge», благодаря увеличению числа вузов и их филиалов 90-е годы XX века, количественно удовлетворивших спрос на высшее образование, сделавших его общедоступным, современное высшее образование для общества имеет формальный характер: вузы продуцируют так называемый «офисный планктон», у трети россиян специальность не соответствует образованию [2], половина нетрудоустроенных граждан получили специальность экономиста и юриста [3] и т.д. Парадокс состоит в том, что глобальное общество, насыщенное инфокоммуникациями, очень хорошо справляется с тем, что ставит человека с минимумом знаний в систему определенных технологий, и он вполне удовлетворяет потребности этой системы. И чем больше готовят таких универсальных работников в системе высшего образования – тем она более эффективна.

Наука финансируется, формируется и институционально поддерживается по остаточному принципу. Она поддерживается по отдельным направлениям, которые могут дать полезные знания, которые быстро продаются, оборачиваются, приносят дивиденды, и тогда может быть профинансирована. Если речь идет о фундаментальных знаниях в социальных и гуманитарных науках, то в отдельных случаях создаются «оранжереи эксклюзивного знания» – какие-то лаборатории, центры, школы и другие формы, сформированные вокруг выдающего гуманитария, который выгоден университету, поскольку он повышает его символическую капитализацию.

Переход на рыночные отношения в системе образования привело к тому, что образование стало носить сервисный характер, по существу предоставление высшего образования стало сервисной деятельностью. На современном этапе вуз производит образовательный продукт с заданными качествами, готовый к употреблению. Изменения, вытекающие из трансформации ценности науки и знания, – это снижение ценности преподавателя в общественном сознании. Ценность преподавателя снижена, они из священнослужителей на алтаре знаний превратились в обслуживающий персонал.

Современный вуз постепенно становится особым типом организации – корпорацией, специфика которой заключается в том, что и сотрудники, и некоторые клиенты (студенты) находятся внутри нее самой [4, с.52]. В корпоративном университете загерметизированы уровни ответственности, уровни информированности, полностью снята традиционная внутриуниверситетская демократия. Профессорско-преподавательский состав не влияет на принятие решений, его мнение не учитывается, ему остаются функция выполнения приказов и распоряжения ближайшего менеджера. Т.е. идея внутренней самоорганизации профессионального сообщества утрачена.

Трансформировалась система отбора в управление вузом. Раньше управленцы в основном рекрутировались из числа профессорско-преподавательского состава и брали на себя функцию управления. То есть, управление вузом осуществлялось самими выходцами из вуза, теми, кто был причастен к вузовским ценностям. Таким образом, осуществлялась внутриуниверситетская, внутрикорпоративная циркуляция ценностей. Стараниями министерства большинство вузов управляются эффективными менеджерами, людьми, которые абсолютно не понимают, чем они управляют, но обладают менеджерскими качествами по отслеживанию определенных показателей эффективности деятельности образовательного учреждения. Этот процесс касается не только вузов, но и системы Академии наук, касается других институтов, в которых генерируется и транслируется знание. В системе почти не осталось внутренних управленцев, все управляющие – внешние.

Студенчество тоже совершенно трансформировалось, сейчас студенты – это активные потребители. Это посетители ресторанов быстрого питания, их задача – быстро, эффективно, не вдаваясь в детали, потребить образовательный продукт. Что выступает предметом потребления? Списочные навыки и компетенции по знаменитому «принципу меню». Университеты превращаются в некий кафетерий быстрого потребления. Поэтому и рушится связь университета с выпускниками, утрачивается некое сообщество выпускников вузов, которые помнят свой *alumni*, которая ценят то, чем он их напитал.

Этот процесс описан американским социологом Джорджем Ритцером в книге «Макдональдизация общества», где выделены следующие элементы формальной рациональности, являющиеся основой процесса макдональдизации:

- эффективность. Появление этого принципа связано с резким ускорением темпа жизни. Он подразумевает производство «точно в срок», ускоренное обслуживание, упорядоченные операции, жесткое расписание. Каждый процесс организации подчинен минимизации времени.
- предсказуемость. С точки зрения потребителя, предсказуемость обеспечивает спокойствие в повседневных делах. В рационализованном обществе человек предпочитает знать, что его ждет в любом месте и в любое время.
- упор на количественные показатели. Данный показатель напрямую связан с показателем «эффективность», так как количество облегчает оценку эффективности. В современном

общественном сознании сформирован признак «больше = лучше» – основной постулат культуры потребления.

- контроль. Достигается за счет замены технологий, связанных с человеком, унифицированными технологиями, не требующими участия людей. Эти технологии шаг за шагом сводят человеческое поведение к последовательным автоматизированным операциям.

Описанные выше проблемы – это только очевидные последствия трансформации высшего образования. Институциональные разрывы, характеризующие состояние современного образования, могут привести к разрывам межинституциональным, более ощутимым и значимым для общества.

Список литературы

1. Чупин Р.А. Классификация, распространение и производство знаний в мировой экономике: теоретическое обобщение // Образование и наука. – 2013. – № 6 (105). – с. 17-31.
2. У трети россиян специальность не соответствует образованию / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/management/articles/2015/03/26/u-treti-rossiyan-spetsialnost-ne-sootvetstvuet-obrazovaniyu>
3. Минобрнауки: половина нетрудоустроенных граждан РФ учились на экономистов и юристов / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://tass.ru/obschestvo/2328041>
4. Ханевич А.П. Организационная культура высшего учебного заведения в современной России: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.06. – Ставрополь, 2009. – 173 с.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕТОД ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОЦИОЛОГОВ

Квиткина Л.Г.

В современных условиях развития системного кризиса, динамичных социальных преобразований, активной смены социальных ценностей и ломки признанных стереотипов, формируется настоятельная необходимость повышения качества профессиональной подготовки социологов, которые, обладая фундаментальными теоретическими и прикладными научными знаниями, исследовательскими навыками и творческими возможностями, были подготовлены уже на студенческой скамье к профессиональному проведению исследований социально-значимых проблем, возникающих на различных уровнях жизнедеятельности российского общества.

В учебном процессе Социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова на протяжении уже более чем 40 лет в качестве обязательной учебной дисциплины для студентов II курса дневного и вечернего отделений введен социологический практикум, который является главным связующим звеном в процессе обучения студентов между вузовской и профессиональной деятельностью выпускников и отражает органическую связь теоретического уровня социологического научного знания и его практического воплощения в процессе самостоятельной разработки социологических исследовательских проектов, осуществляемых в рамках социологического практикума.

В настоящее время социологический практикум представляет собой комплексную, методологически, методически и структурно обоснованную систему, органически связанную с учебным процессом и выполняющую ряд основополагающих функций: образовательную, познавательную, коммуникативную, информационную и организационную. Однако эффективность процесса творческого и профессионального становления социолога-исследователя предопределило формирование в рамках реального осуществления социологического практикума ряд качественно новых функциональных ориентаций этой системы, и прежде всего это:

- функция социально-психологического взаимодействия исследовательской команды студентов, осуществляющих организационно-технологические, теоретико-методологические, методические и аналитические процедуры, успешность реализации которых предопределяет профессиональный уровень разработки студенческих исследовательских проектов;

- функция коллективного творчества, которая обеспечивает процесс творческого общения студентов, обретение ими умений, опыта и навыков командной работы исследователей и формирование в этом процессе чувства коллективной ответственности за результаты проведенного социологического исследования;

- прикладная функция, отражающая успешность освоения и практическое познание командой принципов, норм и правил организации, планирования и осуществления социологического исследования, лежащего в основе любого студенческого проекта;

- функция научной компетентности, которая за период прохождения студентами социологического практикума проявляется в освоении различных видов творческой и исследовательской деятельности и концентрируется в создании каждой исследовательской командой научно обоснованного отчетного документа, обладающего статусом научного отчета, который по своему содержанию и структуре максимально приближается к признанным аналогам, существующим в практике социологических исследований.

Процесс проведения социологического практикума свидетельствует о необходимости четкой согласованности и синхронности его проведения с основным теоретическим курсом обязательной дисциплины «методологии и методики социологического исследования», что позволяет перенести акцент с обучения как процесса пассивного репродуктивного усвоения знаний на обучение активного и продуктивного познания, что способствует формированию уже в стенах ВУЗа специалиста-исследователя. Именно социологический практикум по своему содержанию и структуре обосновывает правомерность введения в процесс обучения основных процедур конкретного социологического исследования, максимально приближающих его к реальной профессиональной деятельности социолога и обеспечивает возможность получить навыки исследовательской работы каждому студенту.

В рамках социологического практикума основной эффективной формой, способствующей интенсивности учебного процесса, выступает разработка программы студенческого исследовательского проекта, который всегда предваряет все последующие процедуры исследования и составляет его теоретико-методологическую, методическую и организационную основу.

Как показывает практика, эффективность реализации студенческих исследовательских проектов в значительной степени предопределяется профессиональным уровнем разработки программы, которая является признанной гарантией точности, достоверности и надежности результатов исследования.

Многолетняя традиция реализации социологического практикума на Социологическом факультете МГУ им.М.В. Ломоносова свидетельствует о целесообразности существования четкой и научно-обоснованной системы его проведения в течение всего учебного года, включающей пять взаимосвязанных между собой этапов:

- подготовительно-организационного;
- теоретико-прикладного;
- оперативно-исследовательского;
- аналитического;
- результирующего.

Каждый из этих этапов обладает своей внутренней структурой, включающей разработку студентами определенной совокупности исследовательских процедур, характерной особенностью которых является неизменность последовательности их осуществления, органическая взаимосвязь и взаимодействие и теоретическая преемственность. На наш взгляд, следует всемерно поощрять активную форму развития творческих способностей каждого студента, которая является необходимым условием подготовки специалистов университетского профиля.

Список литературы

1. Аверин Ю.П. Теоретическое построение количественного социологического исследования. М.,2009, 2014.
2. Практикум по прикладной социологии. Издательство Московский университет. М., 1987.
3. Практикум по социологии. М., 1992.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТАНДАРТ СОЦИОЛОГА: ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ И ПРИМЕНЕНИЯ

Козлова Л.В.

Проблема подготовки квалифицированных кадров является одной из насущных проблем современной системы образования и обучения и охватывает практически все направления подготовки (специальности) среднего профессионального и высшего образования. Данное утверждение в равной степени относится и к выпускникам социологических факультетов и кафедр, чьи профессиональные навыки нередко становятся предметом критики со стороны работодателей, а процесс подготовки и содержание образовательных программ вызывают повышенное внимание у руководства государства. Так, еще в 2012 г. вышел Указ Президента Российской Федерации «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» № 599, где социология была указана качестве приоритетного направления подготовки (специальности), в котором необходимо отработать и внедрить процедуры профессионально-общественной аккредитации образовательных программ.

Проблема подготовки социологов включает в себя два взаимосвязанных аспекта. Первый касается непосредственно качества преподавания и профессиональных качеств сотрудников конкретных образовательных учреждений, второй – содержания федеральных государственных образовательных стандартов профессионального образования и профессиональных образовательных программ. Следует отметить, что первый аспект сопряжен со вторым, что позволяет говорить о необходимости комплексного и целостного решения данного вопроса.

Одним из системных инструментов, который предлагается в настоящее время для преодоления противоречий между запросами российского рынка труда и квалификацией выпускников, является профессиональный стандарт. Данный документ позиционируется как нормативно-правовой акт, утверждаемый Министерством труда и социального развития РФ, а впоследствии Министерством юстиции РФ, в котором закрепляется «характеристика квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности» [1]. Основными сферами его применения предполагаются:

- использование в системе подготовки кадров (при разработке федеральных государственных образовательных стандартов профессионального образования и профессиональных образовательных программ);
- в системах оценки (оценка качества профессиональных образовательных программ в рамках процедур профессионально-общественной аккредитации, и оценка профессиональных знаний и навыков персонала в рамках независимой оценки квалификаций);
- применения в кадровой политике предприятий и в управлении персоналом (утверждение локальной документации и должностных инструкций).

Разработка профессионального стандарта социолога начинает свою историю с 2013 г., когда Ассоциация региональных исследовательских центров 7/89 подала в Министерство труда и социального развития РФ уведомление о разработке указанного профессионального стандарта и установила срок выполнения данной работы – декабрь 2013 г. Однако внесения проекта профессионального стандарта в установленном порядке в Минтруд России и его общественного обсуждения не последовало. В марте 2015 г. дискуссия о необходимости разработки профессионального стандарта прошла в рамках V Грушинской конференции – 2015, результатом которой стало решение о необходимости завершения работы над проектом документа к концу 2015 г. и вынесения его на обсуждение и доработку на VI Грушинской конференции в марте 2016 г. [2].

В октябре 2015 г. Ассоциация региональных социологических центров "Группа 7/89" повторно подала уведомление о разработке проекта профессионального стандарта «Специалист по организации и проведению социологических исследований» [3]. В прилагаемых к уведомлению документах обозначен срок профессионально-общественного обсуждения проекта документа – ноябрь-декабрь 2015 г., а внесение в Минтруд России – в феврале 2016 г. Таким образом, в ближайшее время мы можем

ожидать информацию о проекте данного профессионального стандарта, а также его обсуждение с представителями работодателей, профессиональных сообществ, профессиональных союзов (их объединений) и других заинтересованных организаций, что является неотъемлемой частью работы над документом. В настоящее время сведения о ходе разработки проекта профессионального стандарта «Специалист по организации и проведению социологических исследований» отсутствуют как на сайте организации, ответственной за разработку [4], так и на странице проекта в рамках официального портала Минтруда России [5].

Следует отметить, что важной частью работы над проектом профессионального стандарта является проведение различных организационных процедур. Наиболее значимой из них является рассмотрение документа рабочей группой по профессиональным стандартам Национального совета при Президенте Российской Федерации по профессиональным квалификациям (далее - НСПК) и, в случае положительной экспертизы, его закрепление за советом по профессиональным квалификациям. Последняя организационная структура представляет собой орган, деятельность которого направлена на формирование и поддержку на федеральном уровне функционирования системы профессиональных квалификаций в определенной области профессиональной деятельности.

Формирование советов по профессиональным квалификациям началось относительно недавно, и с полным перечнем его возможных задач и функций можно ознакомиться в Порядке создания и наделения полномочиями, приостановления и прекращения полномочий советов по профессиональным квалификациям, утвержденном решением НСПК.

Одной из ключевых функций данного совета по профессиональным квалификациям является разработка, актуализация и, главное, применение профессиональных стандартов. Профессиональный стандарт социолога / специалиста по организации и проведению социологических исследований должен быть не только разработан и утвержден, но и успешно применяться в практической деятельности. Следовательно, немаловажной задачей сегодняшнего дня является создание подобного органа, либо «закрепление» данного профессионального стандарта за одним из существующих советов по профессиональным квалификациям (в настоящее время полномочиями наделено 19 организаций).

Безусловно, использование профессионального стандарта как нормативно-правового акта не может быть ограничено и регламентировано деятельностью лишь одной организации, отвечающей за его актуализацию и применение. Однако появление совета по профессиональным квалификациям, курирующего социологическую деятельность, позволит в дальнейшем не только осуществлять применение разработанного профессионального стандарта, но и сформировать систему профессиональных квалификаций данного вида профессиональной деятельности в соответствии с методологией, предлагаемой консультативным органом при Президенте Российской Федерации.

В настоящее время в рамках НСПК формируются предложения по совершенствованию проектов федеральных государственных образовательных стандартов профессионального образования, примерных и основных образовательных программ; разрабатываются проекты отраслевых рамок квалификаций, происходит апробация проектов профессиональных стандартов в рамках процедур профессионально-общественной аккредитации образовательных программ и процедур независимой оценки квалификаций в соответствии с организационно-методическими документами, утвержденными данным органом. Перечисленные направления применения профессиональных стандартов деятельности могут реализовываться и вне данного консультативного органа, однако в настоящее время деятельность, осуществляемая в рамках НСПК, пользуется доверием как со стороны органов исполнительной власти, прежде всего, Минобрнауки России, Минтруда России, так и со стороны конечных «потребителей» - работодателей.

Обобщая изложенное, представляется обоснованным заключить, что на повестке дня стоит не только разработка проекта профессионального стандарта социолога, но и создание организационных структур, отвечающих за его актуализацию и использование. Формирование данных структур необходимо осуществлять параллельно с процессом разработки проекта стандарта, что позволит ускорить процедуры его внедрения и применения.

Список литературы

1. Федеральный закон «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и статью 1 Федерального закона “О техническом регулировании” от 3 декабря 2012 года N 236-ФЗ
2. Сайт ВЦИОМ. Профессиональный стандарт социолога [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://wciom.ru/nauka_i_obrazovanie/professionalnyi_standart_sociologa/
3. Уведомление о разработке проекта профессионального стандарта «Специалист по проведению и организации социологических исследований» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://profstandart.rosmintrud.ru/reestr-zaavok-na-razrabotku/-peresmotr-professionalnyh-standartov/-notification/1809479>
4. Сайт Ассоциация региональных социологических центров "Группа 7/89» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://789.ru/>
5. Страница проекта профессионального стандарта «Специалист по проведению и организации социологических исследований» на программно-аппаратном комплексе «Профессиональные стандарты» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://profstandart.rosmintrud.ru/web/ps1864610>

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ СУЖЕНИЯ ГРАНИЦ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Козырев Г.И.

Объективным условием возникновения и развития социологии является гражданское общество, которое, по мнению многих ученых-социологов, является основным объектом социологии [1]. Если проследить историческую ретроспективу развития и становления гражданского общества и социологии как науки и учебной дисциплины, то можно сказать, что этапы и уровни развития двух этих феноменов, в основном, совпадают. Так, например, в странах Западной Европы и США существенное развитие и гражданского общества, и социологии наблюдается с середины XIX-го века и до, примерно, конца XX-го века.

На рубеже XX-XXI веков часть социологов заговорила о методологическом кризисе в социологии, в том числе о сокращении «социального мира» и расширении «мира виртуального», об атомизации социальных общностей и хаотизации социальной структуры. Из этого делается вывод о том, что **гражданское общество** «размывается» и «сужается», а вчерашние граждане превращаются в атомизированных и зомбированных рекламными технологиями потребителей. Следовательно, **основной** предмет социологии трансформируется и «ускользает» от социологического анализа, а сами социологи становятся менее востребованными.

О том, что гражданское общество теряет свои позиции в мировом масштабе, свидетельствует наметившийся с конца XX-го века рост неравенства как между наиболее экономически развитыми странами мира и так называемыми развивающимися странами, так и между «бедными» и «богатыми» слоями населения внутри каждой из стран. Так, профессор парижской Школы экономики Томас Пикетти в своей книге «Капитал в XXI веке», на примере Европы и США рассмотрел историю распределения богатства на протяжении XIX–XX веков. В результате он приходит к следующему выводу: за исключением периода с 1914 по 1980 год, всегда наблюдался огромный разрыв между богатыми и остальными гражданами. Статистические данные США показывают, что с 1970-х по 2010-е годы доходы богатейшего 1% населения выросли с 9% до 20% в национальном доходе страны. Так же значительно за это время выросла доля дохода оставшихся 9% из богатых 10%. В то время как рост остального населения США составлял менее 0,5% [2].

Следовательно, один из принципов «капиталистической демократии», который предполагает, что гражданское общество неуклонно развивается и способствует сокращению разрыва в доходах между наиболее «бедными» и «богатыми» слоями общества, оказался несостоятельным. А этот принцип на протяжении всего XX века всесторонне «развивали» многие видные ученые-социологи.

В своем выступлении на XVIII Всемирном конгрессе социологов, прошедшем в 2014 году в Йокогаме (Япония), Майкл Буровой делает вывод о том, что «Во всем мире рабочее движение отстает, его не слышат правительства, помогающие крупному капиталу. Забастовки все чаще оборачиваются против самих бастующих и превращаются в инструмент, который использует капитал» [3].

Что же касается России, то здесь ситуация и с гражданским обществом, и с социальным государством, «гарантирующим» относительное социально-экономическое равенство граждан, весьма плачевная. Так, по данным Росстата, с 2002 по 2014 годы разрыв в доходах между 10% наиболее богатой части общества и 10% беднейших ее членов (децильный коэффициент), вырос с 14,0 до 16,8. Но по неофициальной оценке этот разрыв может достигать 40-50 раз. С одной стороны мы наблюдаем вызывающую роскошь незначительной части общества, с другой – удручающую бедность подавляющего большинства.

Распределительная система страны не только несправедливая, но она и весьма циничная. Так, в ноябре 2013 г., накануне возникновения проблем в российской экономике и обвала рубля, депутаты Государственной Думы подняли свои зарплаты до 450 тыс. рублей, одновременно увеличив их в два раза. Аналогичным образом поступили и депутаты Совета Федерации. И это в то время когда зарплата профессора вуза составляла 20 тыс. рублей, а зарплата шахтера в забое не превышала 14-15 тыс. рублей [5]. Следовательно, управленческая «элита» заранее компенсировала себе «потери» от предстоящего обесценивания в два раза по отношению к доллару рубля, а основная масса населения, в результате обвала рубля, стала бедней примерно в два раза.

С 2013 года, еще до введения против России санкций и обвала цен на нефть, наметилась тенденция снижения ядра среднего класса с 18% в 2013 до 16% в 2014 годах [6].

Целенаправленно ущемляя неотъемлемые социально-экономические права граждан, правящий класс не встречает должного отпора со стороны гражданского общества. Это обусловлено тем, что уровень политической активности граждан еще недостаточен, чтобы решительно бороться за свои права. Так, по данным опроса, проведенного «Левада-центром» 16 сентября 2015 г., 79% респондентов считают, что в настоящее время в России политические протесты маловероятными. Допускают возможность протеста 15% опрошенных, но выйти на улицу готов только каждый десятый из тех, кто допускает протесты. 84% опрошенных заявили, что, скорее всего, останутся дома. Если выступления все же состоятся, принять в них участие готовы 13%, не готовы – 80%, 6% с ответом затруднились [7].

Наступление правящего класса на социологию, которая, по сути, является идейно-теоретической основой гражданского общества, началось уже в 2000-х годах. Так, если с начала 90-х годов социология активно внедряется в систему преподавания общественных наук, то с принятием второго поколения образовательных стандартов высшего профессионального образования, социология была выведена из статуса обязательной дисциплины и, как следствие, во многих вузах она была исключена из учебных планов. Многие кафедры социологии в непрофильных вузах были закрыты, а преподаватели социологии остались не у дел [8].

Сложившаяся в настоящее время ситуация с социологическим образованием отдаленно напоминает начало 1920-х в СССР, когда социология оказалась вне закона. Тогда пришедшие к власти большевики стремились, в том числе и через запрет социологии, уничтожить зарождавшиеся в нашей стране ростки гражданского общества. А правящий класс современной России, представляющий, прежде всего, интересы бюрократической «элиты» и олигархического капитала, всячески стремится замедлить развитие гражданского общества. И это проявляется не только в ограничении социологического образования, но и в сокращении вузовского образования в целом, когда вполне успешные вузы объявляются «неэффективными» и поглощаются другими. Кроме того, идет планомерная коммерциализация образования, которая ограничивает доступ к нему малоимущих слоев населения.

Следующей проблемой является «размывание» самой социологии. Так, по мнению профессора социологии из Великобритании Ричарда Дженкинса, в последние 30 лет развитие бизнес-школ стало

одной из причин упадка социологии организаций в США и Великобритании. На предмет социологии стали претендовать и такие дисциплины как социальная антропология, маркетинговые исследования, социальная политика, политология и некоторые другие. Все это приводит к недостаточной востребованности самой социологии в ее классическом понимании [9].

В качестве внутренней проблемы социологического образования можно назвать наметившийся в последние годы разрыв между теоретическими и эмпирическими исследованиями, между социологической теорией и реальной действительностью. Так, Ю.Г. Волков по этому поводу пишет: «Современная парадигма социологического знания часто оторвана от действительности, от возможности эмпирической верификации» [10].

Более резко по этому поводу высказывается Ричарда Дженкинс. Он считает, что в условиях отсутствия значительных открытий, социологи-теоретики целенаправленно «создают» так называемую «серьезную социальную теорию», язык которой «не доступен ни большинству налогоплательщиков, ни тем, кто отвечает за расходование налогов». Таким образом, они скрывают свою никчемность: «Чем плотнее и труднее текст, тем лучше; непроницаемость стала знаком серьезности намерений автора; фарисейство обязательно для тех, кто хочет прослыть политическим или социальным радикалом; если бедные, глупые читатели не понимают его, то от своей неспособности и некомпетентности. Вопреки, а вернее, благодаря языковому барьеру, социальная теория стала ареной, где *parexcellence* делаются большие социологические репутации» [11].

Итак, в сложившейся ситуации можно выделить две глобальные взаимообусловленные проблемы, оказывающие негативное влияние на социологическое образование. Первая – сращивание неолиберального капитала с государством и их консолидированное наступление на гражданское общество – объект социологии. Вторая – кризисные явления в самой социологии, о которых говорилось выше.

Возможными вариантами выхода из этой ситуации являются: 1) возврат социологии на изначальные позиции изучения социальной реальности; 2) социологическое просвещение граждан. Для чего, в частности, необходимо добиваться возврата социологии в учебный процесс в качестве обязательной дисциплины и в непрофильных вузах; 3) всемерная защита гражданского общества в целях дальнейшего его развития.

Список литературы

1. См., например: Тощенко Ж.Т. Социология: учебник / Ж.Т. Тощенко. 3-е изд. – М., 2007. С. 48.
2. Шаинян К. «Капитал» Пикетти за 10 минут. <https://slon.ru/biz/1155836/> (дата обращения: 30.10.2015).
3. Буравой М. Социология неравенства // СОЦИС. 2015. № 7. С. 9.
4. В России растет пропасть между богатыми и бедными <http://www.newizv.ru/economics/2015-02-16/215017-srednego-ne-dano.html> (дата обращения: 26.10.2015).
5. Депутаты ГосДумы подняли свои зарплаты до 450 000 рублей. <http://tvernews.ru/blog/2619/161738/> (дата обращения 13.10.2015).
6. Численность и состав среднего класса в современной России http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_Sredny_klass/part1.pdf (дата обращения: 20.10.2015).
7. Россияне готовы протестовать только за компанию http://www.ng.ru/politics/2015-09-16/3_protest.html (дата обращения: 16.10.2015).
8. Аминов С. Р. Социологическое образование в России <http://pandia.ru/text/77/419/6189.php> (27.10.2015).
9. Дженкинс Р. Что ждет социологию: вымирание, застой или эволюция? // СОЦИС. 2015. № 3. С. 12-13.
10. Волков Ю.Г. Социологический диагноз как аналитический конструкт // СОЦИС. 2015. № 3. С. 7.
11. Дженкинс Р. Что ждет социологию: вымирание, застой или эволюция? // СОЦИС. 2015. № 3. С. 16-17.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ОЦЕНКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ

Кривоносова Л.А.

Современное социологическое образование в многоуровневой системе подготовки сталкивается с рядом проблем и противоречий, которые объективно оказывают влияние на дальнейшую интеграцию профессии в современное российское общество. В подготовке бакалавров и магистров по направлению «Социология» значительную роль играет практическое отсутствие региональных рынков труда. Так, в Хабаровском крае выявлено только 002% рабочих мест с обязательным требованием специального социологического образования, также практически отсутствует территориальное профессиональное сообщество. Моделируемые образовательные программы не могут не учитывать данные выводы. В плане достижения своей миссии образовательные программы по направлениям подготовки «Социология» призваны обеспечить ряд предлагаемых методических, дидактических и организационных требований.

Реализуемые в настоящее время кардинальные требования к образовательным программам предлагают инновационные формы оценки конкурентоспособности и востребованности образовательных услуг по данному направлению подготовки. В практике подобных видов контроля существуют хорошо известные; это лицензирование, аккредитация, оценка эффективности вузов и др. Процедуры всех перечисленных видов контроля уже достаточно разработаны как нормативно, так и процедурно. Но они слабо коррелируют с индивидуальными уровнями потребностей личности в получении профессионального образования, так как учеба даже в высокоэффективном вузе, который имеет все лицензионные документы и высокие показатели аккредитации, еще не гарантирует получения высокого социального статуса в обществе и не является гарантом индивидуального успеха. При этом роль вуза для обучающегося становится важным фактором карьерного роста и профессионального самоутверждения. В данной связи востребованность образовательных услуг, предлагаемая конкретным учебным заведением, становится одним из показателей оценки качества получаемого образования и, как следствие, выступает одним из показателей социально-экономического развития страны и ее отдельных территорий.

Каждый вуз, при наличии требуемых возможностей, имеет право открывать и лицензировать любое количество образовательных программ на всех уровнях профессиональной подготовки. Но, вместе с тем, существует такая очевидность, что даже в самом престижном вузе может быть достаточно слабая образовательная программа по конкретному направлению профессиональной подготовки. Поэтому потребителям образовательных услуг необходимо владеть всей информацией об ОП, на которую они планируют поступать учиться.

Приоритетное значение оценки образовательной программы мы отводим понятию «конкурентоспособность», когда каждая программа может вступить в конкурентную борьбу на рынке труда, в связи с тем, что обладает совокупностью определенных значимых характеристик. Конкурентоспособность конкретной образовательной программы может быть обоснована нормативными правовыми показателями, потребностью рынка труда, заработной платой, а может акцентироваться на совершенно противоположных аспектах «легко учиться», «близко от дома», «престижно», «семейная династия», «выбор друзей» и так далее. Задача повышения конкурентоспособности программ заключается в поиске всех возможных совокупностей показателей состояния её свойств, которые обеспечивают потребителя полной информацией в сравнении с другими образовательными программами, что позволяет ему сделать осознанный выбор в конкретных условиях.

Конкурентоспособность часто употребляется в одном ряду с понятием «качество», которое в нашем исследовании определяется как совокупность существенных свойств и особенностей образовательной программы, позволяющих выявить специфические свойства, значимые для одного или группы потребителей. Задача субъектов образовательной программы обеспечить заданное качество и создать информационные каналы, транслирующие значения реализуемого качества.

Качество, в отличие от конкурентоспособности, может быть выявлено в абсолютно разных значениях отдельных потребителей образовательной услуги или целых групп. Здесь важно понимать то, что являющееся качественным для одного может не являться таковым для другого. Но, чтобы образовательная программа была способна быть не только устойчивой, но и превзойти конкурентов, ей просто необходимо быть ориентированной на качественное обеспечение конечного результата, в различных контекстах и уровнях данного понятия.

Здесь, по мнению автора, необходимо создать механизм постоянно взаимодействующих субъектов, то есть тех, кто формирует и реализует программы, и объектов – потребителей, работодателей, органов власти, которые постоянно будут оценивать конкурентоспособность данной образовательной услуги и определять значимые показатели данной оценки.

Сложность разработки методов оценивания образовательной программы связана с многомерностью субъекта оценивания и оценивающих его объектов. Важно определиться с показателями и критериальными шкалами оценки.

Предполагается, что многомерная концептуальная модель объекта оценивания будет состоять из нескольких блоков, первый из них составляет «официальный», который используется министерством образования и науки РФ при определении эффективности вузов или при проведении процедуры аккредитации. Здесь акцент делается на сравнении данных о показателях вступительного конкурса, оплаты за обучение, а также данные о востребованности выпускников.

Оценка конкурентоспособности образовательных программ ВО, в какой-то мере, является и разновидностью общественной экспертизы, что позволит построить оценочный комплекс показателей. В предлагаемой модели акцент делается на два вида оценки конкурентоспособности образовательной программы: качество результатов обучения, и второй – эффективность и достаточность условий реализации программы.

Первый блок «Качество результатов обучения» включают три показателя: востребованность выпускников программы на федеральном и региональном рынках труда, уровень сформированности итоговых компетенций выпускника, уровень удовлетворенности результатами обучения.

Результатом оценки первого показателя из этого блока должен стать анализ следующих позиций: выявления потребности регионального и местного рынка труда в выпускниках данного направления (по результатам анализа статистических данных, данных исследовательских и кадровых агентств, региональных органов власти и др.); в течение какого времени выпускники программы смогли трудоустроиться на работу по специальности (в размере доли трудоустройства в регионе и вне региона); средняя зарплата выпускника сразу после выпуска и в динамике; анализ занятости выпускников программы в соответствии с индивидуальными карьерными ожиданиями; доля студентов, получивших приглашения на работу по итогам прохождения практики; наличие службы мониторинга востребованности выпускников программы.

По второму показателю оценивается информация о качестве усвоения выпускниками программы значимых компетенций, которые в федеральном государственном образовательном стандарте определяются как общекультурные и профессиональные (уровень бакалавриата).

Третий показатель – уровень удовлетворенности результатами обучения предлагает удовлетворенность работодателями результатами обучения (достаточность, актуальность, полнота сформированных компетенций), удовлетворенность результатами обучения выпускников программы (достаточность для начала карьеры и последующего её выстраивания).

Наиболее значимыми показателями второго блока, определяющими эффективность условий реализации программы, можно назвать следующие. Прежде всего, это характеристика программы как документа: здесь весьма важным является наличие информации, описывающей стратегию развития программы на ближайшие 4-6 лет, её согласованность с перспективами регионального (федерального, местного) рынка труда, отраслевыми тенденциями в рамках направления подготовки выпускников.

Конкурентоспособность программы в определенной мере определяется профилями подготовки, сформированными по согласованию с работодателями, которые присутствуют в учебном плане и в

учебных программах дисциплин (модулей), где обязательно представлены конечные результаты обучения в увязке с формируемыми компетенциями.

Также нами при моделировании данной методики учитывались фонды оценочных средств, используемые при текущем контроле успеваемости и проведении промежуточной аттестации, которые должны содержать материалы, разработанные на основе реальных практических (производственных) ситуаций, система управления программой (перечень и состав подразделений, функций, должностные обязанности и распределений зон ответственности различных структурных подразделений), учебно-методические материалы (УММ), которые в конкурентоспособной образовательной программе должны быть разработаны по всем дисциплинам, практикам, видам занятий и т.д. в соответствии со структурой и содержанием программы.

Технологии и методики, применяемые в образовательной программе, призваны способствовать более полному раскрытию содержания учебных дисциплин и формированию заявленных компетенций.

Доля учебных дисциплин (модулей), проводимых работодателями, должна быть высока, к образовательному процессу в успешной программе привлекаются кадры, квалификация которых позволяет реализовать учебный процесс с использованием утвержденных технологий и методик образовательной деятельности.

Таким образом, обязательными условиями оценки качества и конкурентоспособности программы являются эффективно смоделированные: система управления программой, учебно-методическое обеспечение, привлечение работодателей к разработке и реализации, использование современных образовательных технологий, соответствующее материально-техническое и ресурсное обеспечение.

В рамках данной модели могут присутствовать и дополнительные показатели оценки, которые используются для более содержательного анализа конкурентоспособности образовательной программы.

Итоги данной методики экспертизы также могут быть оформлены с известной долей формализации, которая понятна потребителями. Результаты экспертизы могут использоваться в качестве информационного ресурса приемной компании вуза.

Список литературы

1. Ефимов, В. Потребительские ценности и продукции / В. Ефимов. – Стандарты и качество, 2002. – 68 с.
2. Качалов, В. А. Стандарты ИСО 9000 и проблемы управления качеством в вузах (записки менеджера качества) / В. А. Качалов. – Монография, М, 2001. – 261 с.
3. Коротков, Э. М. Качество образования: формирование, факторы и оценка, управление: для работников высшего образования / Э. М. Коротков. – М, 2002. – 198 с.
4. Кривоносова, Л. А. Качество жизни населения: технологии оценки. – Хабаровск : ДВАГС, 2003. – 148 с.
5. Савельев, Б. А., Масленников, А. С. Оценка уровня обученности студентов в целях аттестации образовательного учреждения профессионального образования / Б. А. Савельев, А. С. Масленников. – учебное пособие Йошкар-Ола, 2004. – 217 с.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ УНИВЕРСИТЕТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ТИПА

Лазаричева С.Г.

Российская система высшего образования переживает в последние годы период интенсивного реформирования и реорганизации, ключевой целью которого утверждено повышение её эффективности и конкурентоспособности. Степень достижения данных целей в полной мере может быть оценена лишь в долгосрочной перспективе.

Университет как любой социальный институт должен трансформироваться сообразно изменениям в социальной системе в целом. В то же время, любое нововведение должно быть всесторонне оценено с точки зрения потенциальных рисков для института, а, следовательно, и всей социальной системы. В настоящее время перед социологическим сообществом стоит задача выработки возможных подходов к максимально эффективному реформированию институтов образования в контексте современных потребностей российского общества.

В связи с этим значимым представляется анализ зарубежного опыта трансформации систем высшего образования и всесторонняя оценка возможности его применения к отечественной действительности с учетом сохранения культурной специфики.

Одной из наиболее, на наш взгляд, интересных и заслуживающих внимания теоретико-методологических разработок является концепция американского исследователя высшего образования Бертона Кларка, предложившего и обосновавшего концепцию предпринимательского университета.

В своих работах (в частности, «Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации» и «Поддержание изменений в университетах») Кларк анализирует процесс и результат структурных изменений в университетах развитых и развивающихся стран: опыт университета Уорика (Англия), Стратклайда (Шотландия), Твенте (Нидерланды), Йонсуу (Финляндия), Чалмерса (Швеция), Макерере (Уганда), Католического университета Чили, университета Монаша (Австралия), ряда американских университетов и т.д.

Хотелось бы особенно подчеркнуть, что помимо собственно организационных изменений в конкретных институтах высшего образования, Бертон Кларк представляет в своих работах социально-экономический контекст и причины, повлекшие и оказавшие влияние на ход описываемых трансформаций, что повышает эвристическую ценность его разработок.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению особенностей организационной структуры университетов такого типа, кратко остановимся на более детальном содержании термина «предпринимательский университет».

Заранее отметим, что понятие предпринимательского университета не является прямым синонимом коммерческого частного университета в привычном смысле (главная цель которого – получение прибыли от образовательных процессов всех уровней) и гораздо шире его [1, 292]. В контексте теоретического подхода Кларка «предпринимательский» является синонимом «проактивного», «действующего» университета.

Бертон Кларк рассматривает предпринимательский университет как самоорганизующееся, внутренне консолидированное объединение, направленное на изменения и провоцирующее их, но сохраняющее «академический дух» и не перестающее оставаться, в первую очередь, образовательным учреждением.

Университет становится предпринимательским, когда он встает перед необходимостью преодоления внутренних и внешних кризисных явлений, негативно отражающихся на эффективности его функционирования.

Таковыми кризисными явлениями, исходя из описанных Кларком случаев, могут выступать: сокращение общего финансирования образовательных организаций со стороны государства и спонсорских организаций, отток студентов и изменение предпочтений абитуриентов в силу изменения структуры общественного производства, а, следовательно, необходимость переориентации и сокращения ряда программ и исследовательских направлений. Несмотря на то, что Кларк в своих работах детально не анализировал российский опыт, стоит отметить, что данные ситуации типичны для любого российского университета.

При этом возникающая потребность в поиске дополнительных источников поступления средств в университетский бюджет, не становится для университетов предпринимательского типа самоцелью, а лишь выступает гарантом стабильности, опорой автономии и ресурсом для расширения исследовательской деятельности.

В описанных выше кризисных ситуациях, неизбежно возникающих в любых социальных системах, университет должен претерпеть ряд организационных изменений для сохранения своего статуса и дальнейшего продуктивного функционирования.

Кларк исходит из следующего положения: «Чтобы университет стал предпринимательским, он должен принять такую форму организации, которая позволила бы институту изменяться и эффективно адаптироваться к меняющемуся обществу, в котором индивиды и группы могут становиться более эффективными, чем раньше» [1, 291].

Традиционные иерархические системы управления, выстроенные на отношениях субординации, оказываются недостаточно эффективными и гибкими в условиях постоянной трансформации внешней среды университетов и необходимости адаптироваться. Следовательно, возникает необходимость изменения перехода к горизонтальной модели коллегиального управления, основанной на принципах координации между различными структурными элементами.

В качестве яркого примера успешного университета, осуществившего достаточно радикальный переход к организационной структуре, основанной на принципах координации, Кларк приводит университет в Уорике (Великобритания): «Одноуровневая структура Уорика лишена факультетов и деканов, традиционного среднего уровня для большинства европейских и американских университетов. В ней есть только управленческий центр и отделения. Которые напрямую взаимодействуют. Минимизация вертикальной организации накладывает огромную ответственность на отделения и особенно на центр, в котором администрирование должно быть на высшем уровне» [1, 30].

Проактивные предпринимательские университеты требуют скоординированного управления со стороны академического сообщества (профессоров) и эффективных менеджеров-управленцев. Задачей последних является развитие инфраструктуры и поиск дополнительных ресурсов для развития, но не определение академической политики. В связи с этим в университетах такого типа в организационную структуру включаются наблюдательные советы, вынесенные за рамки традиционной академической иерархии во избежание возникновения конфликта интересов.

Отличительной особенностью проактивных университетов является комплексность образовательной и научно-исследовательской работы. Все подразделения и структурные элементы синергетически работают на формирование и повышение престижа университета, при этом менее финансово успешные (например, классические гуманитарные факультеты) поддерживаются более рентабельными (как правило, техническими и естественнонаучными).

В то же время, Кларк отмечает, что необходимость подобного перераспределения ресурсов для сохранения престижа и статуса всего университета, на практике подчас сопровождается непониманием, вызывает кризисы и даже желание избавиться от «неэффективных» подразделений [1, 51]. В этой связи он подчеркивает важность развития единой университетской культуры, определяющей «общий дух» и коллегиальные ценности, поддерживающие существование обновленной организационной структуры.

Таким образом, Бертон Кларк указывает на необходимость последовательного реформирования организационной структуры современных университетов в сторону смещения акцента с жесткой субординации на отношения координации внутренних элементов для общего повышения конкурентоспособности и эффективности образовательных учреждений в целом.

Список литературы

1. Кларк Бертон Р. Поддержание изменений в университетах: Преемственность кейс-стадии концепций/ Издательский дом ВШЭ, М., 2011.
2. Кларк Бертон Р. Система высшего образования/Издательский дом ВШЭ, М., 2011.

РОЛЬ СОЦИОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Логутова М.А., Логутова Е.В.

Образование, в качестве одного из важнейших социальных институтов, призвано выполнять ряд социальных функций и, прежде всего, социального контроля за распределением индивидов по социальным слоям, стратам в соответствии с уровнем и качеством полученного образования. [28, с.56]

Эти функции должны обеспечивать стабильность и устойчивость социума. С другой стороны, образование призвано (и это особенно становится заметно в период трансформации современного российского общества, характеризующегося все большим проникновением рыночных отношений во все сферы жизнедеятельности) удовлетворять запросы индивидов. Такие функции, как сервисная, социокультурная, прагматическая, и др. способствуют адаптации индивидов к быстроизменяющимся условиям жизни, социальной защите от возможных неудач на жизненном пути.

В настоящее время происходит реформирование, которое призвано повысить эффективность современной системы образования, а также, что немаловажно, выступать основой стимулирования преподавательского труда. Тем не менее, все проводимые реформы не в достаточной степени способствуют повышению престижа профессии «преподаватель».

С конца 1990-х годов к числу традиционных вопросов педагогической работы прибавился ещё один, приобретающий с каждым годом все большую остроту. Речь идет об обеспечении вузов молодыми специалистами. С каждым годом институты и университеты увеличивают выпуск молодых специалистов, но мало кто из них, закончив учебное заведение, собирается пойти работать в сферу образования.

Изучение сферы образования стало одной из традиционных тем в социологии образования, ведь именно с ним связаны многие проблемы современной высшей школы: низкий престиж профессии преподавателя, трудности создания и поддержания духа творчества и сотрудничества, низкая закрепляемость молодых преподавателей в вузе.

Следует отметить, что соотнесение динамики изменения объективных показателей, которые определяют статус преподавателя, с социальными субъективными оценками престижа этой профессии показывает, что субъективный статус гораздо более устойчив, по сравнению с динамикой изменения объективных показателей. Иными словами, если общественная значимость профессии преподавателя оценивается достаточно высоко, то экономический статус (уровень заработной платы) данной профессиональной группы сегодня явно занижен в сравнении с тем статусом, который она занимала в предыдущие годы.

Подчеркнем, что подобное снижение экономического статуса ведет не только к социальной, но и культурной маргинализации данной профессиональной группы. Следствием этого является деформация социокультурных функций высшего образования. Можно предположить, что сохранение социальных ожиданий и требований к данному образованию, с одной стороны, и культурная маргинализация преподавателя, с другой, приведут к усилению неудовлетворенности общества современным высшим образованием. В этом контексте особый интерес представляет анализ социологических особенностей формирования преподавательского корпуса на этапе первичной профессиональной подготовки в вузе.

Социология образования – один из крупных разделов современной социологии, получивший стремительный взлет в середине XX в. прежде всего в таких странах, как США, Великобритания, Франция, Германия, Италия.

Характеристика роли социальных факторов при формировании профессиональных групп – традиционный сюжет социологических исследований. Важным аспектом изучения здесь выступают вопросы, касающиеся социального воспроизводства и демократичности профессии. В качестве примера сошлемся на классическую работу Э. Дюркгейма «История педагогических систем во Франции», где дан анализ социальной динамики формирования учительства как профессиональной группы на разных исторических этапах становления массового образования во Франции. Подчеркнем, что логика проведенного им анализа предполагает не только динамику отношения образования с

другими социальными институтами (в первую очередь, с религией и семьей), но и анализ особенностей приобщения различных социальных групп к профессиональной образовательной деятельности. При этом социологический анализ включает в круг рассматриваемых проблем изучение особенностей социальных механизмов регуляции профессиональной деятельности (ритуалы посвящения, нормы социального контроля, профессиональные ценности и др.) [24, с.58].

Из современных зарубежных работ следует специально выделить исследование Т. Попкевица, связанное с социологическим анализом истории формирования учительства в США, где, в частности, показано, как демократизация системы образования отражалась не только на содержании обучения, но и на формирующейся профессиональной группе педагогов: «...демократизация также привела к парадоксу, когда преподавание было организовано в особую «профессию». К середине 20-го века большинство преподавателей уже составляли женщины, происходившие из низших классов, и в то же время само определение статуса профессии, ее миссии и привилегий было связано с более ранними концепциями о характере этой профессии и карьере педагога, которые были исходно ориентированы на мужчин из среднего класса. Подобное представление о профессии в то же время стало неадекватно применяться и к тем, кто стоял на вершине профессиональной иерархии – управляющим и академическим ученым, связанным с планированием образования. Таким образом, выделился слой управленцев и тех, кто работал непосредственно с обучающимися (большинство из них составляли женщины), т.е. тех, к кому должны были применяться организующие принципы, директивы и оценка профессиональных знаний. Практика образования преподавателей была лишь одним компонентом изменяющейся социально-профессиональной сферы, которая определяла особый тип профессионализации. В результате концептуальные представления о личностных особенностях педагога, его карьере и профессиональной подготовке переплетались с изменяющимися паттернами практической работы и тех знаний, которые были связаны с преподаванием. В силу этого исходное моральное и социальное значение педагогической деятельности в ходе последующей социализации претерпели кардинальные переформулировки как в социальных нормах, так и в регуляции профессиональных паттернов преподавания [20, с.112].

Среди отечественных работ, близких по своим исследовательским установкам к вышеперечисленным, отметим выполненное в ЦСО РАО исследование И.Г. Столяра, где на материале анализа партийно-правительственных документов вскрыты особенности «социальной инженерии» по формированию учительства как социально-профессиональной группы: «свыше задавались нормативы социально-классового состава педагогических работников. В 20-е гг. удельный вес рабочей прослойки был одним из важнейших показателей оценки деятельности учебных заведений со стороны руководителей народного образования, партийных и советских органов. Разумеется, это приводило к уродливым явлениям, снижению педагогического профессионализма» [30, с.34].

Помимо социологических работ, ориентированных на изучение педагогической профессии в историко-культурном контексте и опирающихся на анализ различного рода документов (историко-архивные материалы, правительственные постановления и указы, учебные программы по подготовке кадров и др.), важно выделить и другой пласт исследований, использующих в качестве основной эмпирической базы материалы конкретных социологических опросов. Вначале 1960-х гг. в Академгородке (Новосибирск) под руководством В.Н. Шубкина были начаты крупные исследования социологических проблем образования. Изучались объективные и субъективные факторы, влияющие на систему образования в целом, профессиональные склонности выпускников средних и неполных средних школ, выбор профессии, трудоустройство, жизненные пути молодежи; престиж различных занятий и видов труда; социальная, профессиональная и территориальная мобильность; эффективность производственного обучения в школах, проблемы профессиональной ориентации [16, с.54].

Научный интерес отечественных ученых к этой области был обусловлен тем, что в советском обществе важным фактором социального расслоения стало образование. Его уровень и качество начали играть большую роль в социальной мобильности, в процессах формирования элитных групп, в силу чего дискуссии в советской социологии образования часто имели острый политический подтекст

[3, с.345]. Социологи касались таких явлений, как трудоустройство, занятость, безработица, различия в шансах молодых людей различных демографических когорт на получение образования и успешную профессиональную карьеру. В последнее время социологи все чаще обращают внимание на противоречия в реально складывающейся организации и содержании образовательного процесса. Как писал ещё Дюркгейм, цель образования – вызвать и развить в ребенке некоторое число физических, интеллектуальных и моральных качеств, требуемых от него в конкретном социальном окружении и обществе.

Несмотря на достаточно большое количество эмпирических исследований по данной проблематике, нельзя говорить о завершенности изысканий в данной области. Многие проблемы, несмотря на серьезный научный резонанс, требуют должного теоретического и, прежде всего социологического раскрытия и интерпретации.

Список литературы

1. Астафьев Я.У., Шубкин В.Н. Социология образования в СССР и России// Социология в России/ под ред. В.А. Ядова.М.: На Воробьевых, 1996. - 420 с.
2. Количественные методы в социологических исследованиях проблем трудоустройства и выбора профессии/ В.Н. Шубкин и др.// Количественные методы в социологических исследованиях/ под ред. А.Г. Аганбегяна, В.Н. Шубкина. – Новосибирск: НГУ, 1964. – 368с.
3. Попкевиц Т. Политическая социология образовательных реформ. пер.с англ. / Общ. ред. Собкин В.С. — М.: Центр социологии образования РАО, 1998. — 366 с.
4. Собкин В.С., Ткаченко О.В. Студент педагогического вуза: жизненные и профессиональные перспективы. Труды по социологии образования. т. XI — XII. вып. XXI. — М.: Центр социологии образования РАО, 2007. — 200 с.
5. Сорокина Н.Д. Перемены в образовании и динамика жизненных стратегий студентов//Социс. – 2003. - №10. – с. 55-61.
6. Столяр И.Г. Социологический анализ советской политики в области народного образования (по материалам партийно-правительственных документов 1917–1930-е годы) // Труды по социологии образования. — М., 1994. — т. II., вып. III. — С. 21–48.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПЛАГИАТЕ В НАУЧНЫХ РАБОТАХ: РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА СТУДЕНТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

Малахов Ф.В.

Проблема распространения плагиата в научных работах давно перестала быть темой обсуждения лишь академической общественности. Волна громких скандалов, прокатившаяся в последние годы в СМИ, хорошо продемонстрировала впечатляющий масштаб распространения плагиата в научных работах. Однако и перемены, произошедшие в последнее время в борьбе с ним, являются весьма обнадеживающими. Если в нулевые годы симптоматичным было отношение научных работников к плагиату как неизбежному злу и неизлечимой болезни [1], то в наши дни имеются важные прецеденты (от лишения научной степени до обращения правообладателя в суд), которые показывают, что лед в борьбе с данной проблемой все же тронулся [2].

В данной работе раскрывается, как студенты Московского университета относятся к распространению плагиата и что они думают по этому поводу. Таким образом, предметом исследования является отношение студенческой аудитории одного из факультетов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова к плагиату. При этом стоит заметить, что подобные эмпирические исследования ранее в университете не проводились.

Ранее сотрудниками Высшей школы экономики, а также Финансового университета уже проводились сравнительные исследования, отслеживающие отношение студентов и преподавателей к плагиату, однако только в рамках собственных институтов. Полученные ими данные показывают, что преподаватели больше озабочены проблемой плагиата в учебных работах, чем студенты [3].

Разработано большое число технических решений, позволяющих отследить плагиат в текстовых работах, уже даже сформирован рынок систем, которые позиционируют свои преимущества, и многие из этих систем стали платными. Сотрудники Современной гуманитарной академии, используя данные технологии, провели исследование 1 275 работ, которые в сети Интернет выложены для скачивания в качестве курсовых или дипломных работ по различным отраслям научного знания. Результаты этого оригинального исследования демонстрируют полную несостоятельность данных «научных» работ, а также заказных работ через сеть Интернет, и доказывают их появление на свет как компиляцию и перегруппировку текстов из небольшого числа научных работ, которые были актуальны более 15 лет назад [4].

Группой социологов Научно-исследовательской лаборатории Информационно-образовательных технологий социологического факультета был проведен опрос студентов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Выборку составили студенты 5-ти курсов (все курсы, за исключением выпускных), обучающиеся на платной и бесплатной основе на дневном и вечернем отделении. В общей сложности было опрошено 323 человека. Опрос был проведен в 2014-2015 учебном году. В ходе проведения исследования студентов социологического факультета просили самих дать определение плагиата, вопрос звучал следующим образом: «Что такое плагиат в студенческих работах? /Напишите/». Опрос проводился методом самозаполнения анкет. Опрос проведен после проведения лекционных занятий, студентам были даны инструкции о том, как заполнять анкету, также их просили не пользоваться сетью интернет для поиска «правильных ответов» на вопросы анкеты.

Наряду с множеством вопросов опроса исследователей интересовал вопрос, как студенты сами понимают и, соответственно, определяют термин «плагиат». Дело в том, что даже беглый анализ российских работ и материалов различных дискуссий, посвященных разработке данной темы, показывает, что в академическом мире сложилось как минимум несколько подходов к определению «плагиата» [5].

Полученные эмпирические данные показывают, что среди студентов бытуют различные представления о «плагиате», и нет одного доминирующего подхода к его определению. Например, если одни обучающиеся считают, что «плагиат» - это «заимствование» или «копирование» материала без указания автора, то другие, наоборот, предполагают, что лишь масштабное (по их оценкам) «заимствование» чужого текста можно считать плагиатом.

На основании эмпирических данных нам удалось выделить семь основных подходов к определению студентами термина «плагиат». Наиболее распространенным является представление, что «плагиат - это заимствование или копирование материала из других работ, а также источников», при этом, по мнению некоторых обучающихся, подобные действия часто совершаются без упоминания автора. Такое представление наиболее популярно среди студентов и встречается в трети высказываний (32,5 %).

Предположение, что плагиат - это «представление чужих мыслей/ идей/ информации/ данных под своим именем разделяют пятая часть опрошенных (19,2 %). Важно, что в понимании данной группы «плагиат» - это не простое «копирование» или «заимствование» материала, а присвоение себе чужих «идей», «мыслей» или «данных». Такое представление более сложное в сравнении с первым, потому что предполагает понимание того, что плагиат - это не простое копирование чужой информации, но и заимствование чужих мыслей, а также идей, что в академическом мире является серьезнейшим нарушением. Напротив, в юридической практике кража чужих идей на уровне научных гуманитарных исследований сложно доказуема и почти не заслуживает внимания.

Третье по популярности представление: плагиат - это «масштабное заимствование материала», отличается от первых двух тем, что в нем рассматриваются не нюансы, касающиеся того что именно «заимствуется»/«копируется», а делается акцент на объем совершаемого копирования. Грубо говоря, студенты считают, что «плагиат» - это лишь масштабное «заимствование» чужого материала. Кроме того, в некоторых случаях даже приводятся процентные уточнения, например, что заимствование

должно быть больше 15 %, 20 % и т.д. Впрочем, на формирование такого подхода к "плагиату" может оказывать влияние распространение программы "Антиплагиат", которая на первый взгляд как раз демонстрирует лишь процентное отношение оригинального и заимствованного текста. Возможно, что ее использование, которое сейчас введено в МГУ, приводит к тому, что часть студентов начинают полагать, что наличие определенного процента плагиата в тексте вполне допустимо, оценивая лишь важность итоговой цифры, показанной программой. Например, если процент плагиата низкий, то преподаватель не будет учинять дополнительную проверку текста, которая потребует от него приложения дополнительных усилий.

Следующим подходом к определению "плагиата" является представление, близкое к юридическому и морально-этическому. 13,0 % студентов мыслят почти в правовых категориях, понимая под плагиатом нарушение "авторского права" и "кражу чужой интеллектуальной собственности", временами дополняя, что это "преступление", "обман" или же "нарушение закона". Однако понять точно, что студенты имеют в виду под "кражей" или "обманом", в рамках проводимого опроса сложно. Из открытых ответов следует, что данный подход включает как представление, что "плагиат" - это нарушение закона, так и нарушение морально-этических норм. В любом случае, как мы видим, распространенное в западной практике и в работах российских экспертов мнение, что "плагиат" - это и морально-этическое нарушение академических принципов работы, почти не представлено как таковое в дискурсе российского студенчества. Скорее восприятие "плагиата" столь размыто, что суждение такого рода похоже на гибрид, соединяющий в себе как юридическое понимание, так академическое морально-этическое.

При этом, если самостоятельно определяя термин "плагиат", студенты редко руководствуются этическими принципами, однако отвечая на схожий закрытый вопрос (Вопрос анкеты: "Согласны ли вы с утверждением, что использование плагиата – это обман преподавателя и своих сокурсников?"), большинство (71,3 %) соглашаются, что такая практика является как минимум обманом преподавателя и своих коллег: 29,6 % полностью согласны с высказыванием, что «Использование плагиата – это обман преподавателя и своих сокурсников», и еще 41,7 % скорее согласны с таким утверждением.

Следующим предположением студентов является мнение, что плагиат - это исключительно тексты, взятые из интернета (5,3 %), или неумелое копирование материала (5,0 %) без его последующего изменения или переработки. Второе суждение обильно дополняется уточнениями, например "без ума", "слово в слово", "без изменения" и т.д. То есть компиляция на основе нескольких источников без соответствующих сносок далеко не всегда воспринимается студентами как плагиат, потому что, на их взгляд, это творческая переработка.

И, наконец, почти 3 % видят в "плагиате" несоблюдение академических правил, например, цитирования.

Необходимо уточнить, что хотя под плагиатом всего 5,6 % понимают скачанную информацию из интернета, все же подавляющее большинство (86 %) видят в информационной сети важный источник опасности и полагают, что интернет способствует распространению копирования чужих идей, а порой дословному цитированию без соответствующих ссылок. Так с высказыванием, что «развитие сети интернет является фактором распространения плагиата в студенческой и научной среде», полностью согласны 49,2 % опрошенных, и еще 36,8 % скорее согласны с данным утверждением.

Важно отметить, что в представленных семи подходах определения "плагиата" две трети студентов не сомневаются в собственном предложенном определении плагиата (65,4 %) и считают данные определения верными. Сомнения же по поводу правильности определения "плагиата" имеются у трети студентов, которые лишь отчасти уверены в своих суждениях (22,5 %) или полностью не уверены (7,5 %). При этом можно отметить, что больше остальных уверены в своем определении те студенты, которые говорят о плагиате как о нарушении правил цитирования: среди них почти 90 % отмечают, что они знают правильное определение плагиата.

Таким образом, нам удалось получить весьма интересные данные, которые, с одной стороны, демонстрируют плюрализм в студенческом восприятии термина «плагиат», а с другой - свидетельствуют о том, что большинство студентов уверены в данных ими определениях. Впрочем, треть опрошенных все же сомневаются или вовсе не уверены в том, что верно понимают данный термин.

Подводя итог анализа, можно уверенно говорить о том, что у студентов нет единого представления о том, какие практики в академическом мире признаются плагиатом. Низкая информированность и плюрализм восприятия плагиата свидетельствуют о том, что студенты недополучают соответствующую информацию от преподавателей и академического сообщества в целом. Более того, половина студентов хотела бы больше узнавать о правилах оформления учебных текстов из дополнительных образовательных курсов.

Среди трети студентов доминирующим является подход, предполагающий, что плагиат - это лишь копирование чужой информации, и это заставляет насторожиться. Дело в том, что данное понимание игнорирует представление о плагиате как заимствовании в первую очередь чужих результатов интеллектуального труда. Более того, подобная точка зрения укрепляется и другими представлениями студентов: «плагиат - это масштабное копирование», "неумелое копирование" или "копирование без ума", «это взятые из интернета тексты».

Плагиат – нарушение и морально-этических принципов, но такое понимание среди студентов встречается редко: в их представлении есть огромная разница в том, где используется плагиат. Различия, которые мы получили между отношением к плагиату в курсовой и дипломной работах, являются яркой иллюстрацией подобных трактовок. В связи с этим целесообразно полнее информировать студентов о возможных нарушениях академических принципов, развивать их научную культуру, проводить с ними специальные занятия, разъяснять принципы научной и образовательной деятельности в вузе.

Список литературы

1. Ушакин С.А. Плагиат? Об этике в науке.// ОНС, общественные науки и современность. М. 2001.№4.
2. Корбут А. Плагиат и конститутивный порядок диссертационного текста // Социологические исследования. 2013. Т. 12.№ 2.
3. Радаев В. В., Чириков И. С. Отношение студентов и преподавателей к наказаниям за плагиат и списывание // Университетское управление: практика и анализ. 2006. № 4. С. 77-82.
4. Карпенко М. П., Фокина В. Н., Широкова М. Е., Лукьянова А. В., Воспитание интеллектуального иммунитета к академической недобросовестности, журнал Социология образования. 2015. №10
5. Круглый стол в НИУ ВШЭ. Плагиат в научных исследованиях в области социальных наук. Вопросы Экономики. 2011. №5

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ БАКАЛАВРИАТА ПО СОЦИОЛОГИИ В ФЕДЕРАЛЬНОМ ВУЗЕ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. М.К. АММОСОВА)

Михайлова А.В.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» - многоотраслевой вуз, располагающий широкими возможностями для проведения учебной, воспитательной и научно- исследовательской работы. В состав университета входят 6 научно-исследовательских институтов, 12 институтов, 6 факультетов, 3 филиала - Политехнический институт в г. Мирный, Технический институт в г. Нерюнгри и Чукотский филиал, который был открыт в конце 2010 года в г. Анадырь.

В 2015 г. количество студентов составляет более 20 000 из 40 иностранных государств и 37 субъектов РФ. По состоянию на 01.10.2015 профессорско-преподавательский состав образовательного учреждения «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» насчитывает 1592 чел. (с внешними совместителями), из них 1360 основных сотрудников. Всего в университете работает 191 доктор и 873 кандидата наук.

По результатам Национального рейтинга университетов 2014-2015 учебного года Северо-Восточный федеральный университет занимает 32-ую позицию. Национальный рейтинг университетов составляется информационной группой «Интерфакс» в партнерстве с радио «Эхо Москвы». Главная цель этого проекта – развитие механизмов и процедур независимой системы оценки российских вузов и их образовательных программ, повышение конкурентоспособности российских университетов в мировом образовательном и исследовательском пространствах.

В 2011 году кафедра социологии и управления персоналом Финансово-экономического института открыла новую образовательную программу по направлению подготовки 39.03.01 (040100.62) Социология (квалификация «академический бакалавр»), очной формы обучения. Нормативный срок обучения составляет 4 года. В июне 2015 года состоялся первый выпуск студентов данной программы. Многие выпускники продолжили свое обучение, поступив на программы магистратур ФЭИ СВФУ им. М.К. Аммосова.

Миссия основной образовательной программы кафедры социологии и управления персоналом ФЭИ СВФУ им. М.К. Аммосова - подготовка конкурентоспособных специалистов в области социологии, способных применять знания, умения и навыки в своей профессиональной деятельности и работать в организациях и предприятиях как в Республике Саха (Якутия), так и за ее пределами. Цель основной образовательной программы кафедры социологии и управления персоналом ФЭИ СВФУ им. М.К. Аммосова - методическое обеспечение реализации ФГОС ВОО по данному направлению подготовки и на этой основе развитие у студентов личностных качеств, а также формирование общекультурных (универсальных), общепрофессиональных и профессиональных компетенций в соответствии с требованиями ФГОС ВПО и ФГОС ВО по данному направлению подготовки.

Актуальность подготовки бакалавров по направлению подготовки 39.03.01 (040100.62) социология (квалификация «академический бакалавр») в ФЭИ СВФУ им. М.К. Аммосова определяется тем, что постоянно ощущается потребность в высококвалифицированных специалистах в сфере научно-исследовательской, проектной, организационно-управленческой и производственно-прикладной деятельности как в Республике Саха (Якутия), так и за ее пределами.

Социология как наука и практика очень востребована в современном обществе для выявления и решения наиболее актуальных проблем во всех сферах: экономике, политике, культуре, образовании и т.д. В Республике Саха (Якутия) подготовка бакалавров по программе социология ведется только на кафедре социологии и управления персоналом ФЭИ СВФУ им. М.К. Аммосова.

Выпускники кафедры социологии и управления персоналом ФЭИ СВФУ им. М.К. Аммосова востребованы в сфере государственного и муниципального управления для диагностики и анализа состояния общественной жизни региона, ценностей населения. Социологические исследования применяются и в сфере маркетинга — для изучения спроса на товары и услуги, эффективности рекламных кампаний и т.д. В сфере управления персоналом любой организации при помощи социологических методов оцениваются различные аспекты отношений в коллективе, рынок труда и востребованность специалистов различного уровня.

Студенты кафедры социологии и управления персоналом по направлению подготовки «Социология» принимают участие в региональных, всероссийских и международных конференциях. В апреле 2015 года студенты приняли участие в международном workshop «Аргуновские чтения», приуроченному к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Организаторами чтений выступили Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Арктический государственный институт культуры и искусств, Институт гуманитарных исследований и проблем

малочисленных народов Севера СО РАН, кафедра антропологии Университета Абердин (Великобритания) и Таттинский улус Республики Саха (Якутия).

В 2015 г. студенты также приняли участие в Федеральном Интернет-экзамене для выпускников бакалавриата (ФИЭБ) по социологии. ФИЭБ реализуется как добровольная сертификация выпускников бакалавриата на соответствии с требованиями ФГОС. ФИЭБ позволяет вузам и выпускникам одновременно решить несколько задач.

- участие в Интернет-экзамене дает возможность выпускнику вуза получить именной сертификат ФИЭБ, который может быть:
- засчитан выпускающей кафедрой как часть выпускного государственного экзамена;
- учтен при приеме в магистратуру вузами РФ;
- включен в портфолио выпускника как приложение к резюме для работодателя;
- оформлен как приложение с указанием достигнутого результата и соответствия европейской рамке квалификаций.

Все выпускники получили именные сертификаты.

Таким образом, особенностями бакалаврской образовательной программы по социологии в Северо-Восточном федеральном университете им. М.К. Аммосова являются: ориентированность на потребности работодателей, интегрированность в научную среду, обязательная апробация научных исследований, высокий кадровый потенциал преподавателей и специалистов, ведущих занятия в рамках образовательной программы. А самое главное, на кафедре социологии и управления персоналом реализуется непрерывная образовательная среда. Образовательная программа составлена с учетом многоступенчатой подготовки специалистов. Действительно, высшее социологическое образование служит выработке научного социологического мировоззрения как основы социального развития общества, научному обоснованию социальных потребностей человека, созданию моделей социологических процессов и структур, социальных общностей и социальных отношений.

ОБРАЗОВАНИЕ: ХОЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

Никитенко В.Н.

Принято считать, что образование есть социальный или педагогический феномен. В первом случае подразумевается, что это процесс и уровень идентификации личности с социальной средой. Во втором – что это «целенаправленный процесс воспитания и обучения», а также его результат [17]. Однако уже лингвистический анализ этого понятия показывает его полисемическую сущность. Корень слова «образ» и производное от него «образование» в существующих толковых словарях трактуются как имеющие много смыслов [16]. А это побуждает к иному пониманию сущности образования - как явления, выражающегося в изменении образа чего-нибудь или кого-нибудь, а также как их состояния в каждый данный момент или период времени. Такое понимание меняет суть дела и позволяет иначе оценивать миссию образования в социальной, и не только, среде. В мире образуется всё, начиная от элементарных частиц, атомов и молекул, до Вселенной. Иначе говоря, образование – явление всеохватное. А если это так, то естественно и логично подходить к его пониманию с точки зрения философии холизма (от греч. ὅλος – целый, весь), или холистической, что уже имеет место в научном мировоззрении [5; 9; 11].

Появление холистической парадигмы образования открывает новые возможности для переосмысления социального бытия и других явлений за его пределами.

Прежде всего, следует различать понятия «образование» и «народное образование», которые в Федеральном законе РФ «Об образовании в Российской Федерации» неоправданно отождествляются [17]. В то же время эти понятия обозначают явления разной онтологической сущности.

Образование, с точки зрения онтологии, есть явление более широкое, чем народное образование. Если первое проявляется в том, что системы разной природы и сложности имеют и непрерывно изменяют во времени и пространстве свои образы – образуются, то второе имеет отношение только к социальным и педагогическим системам. Народное образование – часть всеохватного

образовательного процесса. Но оно способно непосредственно влиять сначала на состояние ноосферы (сферы разума и духа), и как следствие – на изменения гетерогенной системы «природа-общество-человек». Ноосфера, по определению основоположника учения об этой не материальной субстанции академика В.И.Вернадского (1863-1945), обладает не меньшей преобразовательной силой, чем сила геологическая [4].

Материалистическое мировоззрение и апологеты капитализма навязали мировому сообществу идею о ведущей роли экономики в мировом развитии. В результате человечество, как замечает А.В. Пугачёв со ссылкой на русского философа, писателя и публициста И.А. Ильина (1883-1954), пошло по не правильному пути в своём духовном развитии, и в обществе доминируют материальные ценности [14]. Такой способ развития систематически порождает локальные и глобальные кризисы в самой экономике, экологии, образовании. Глобальный кризис в образовании официально признан на уровне ЮНЕСКО, ибо предназначенное «сеять разумное, доброе, вечное», оно с этой миссией не справляется. В мире не прекращаются непримиримые конфликты, войны, насилие и другие антигуманные проявления. Основные причины этого кроются в неудовлетворительных результатах воспитания, сциентистской парадигме образования, основанной на приобщении людей к знаниям основ наук, но мало затрагивающей духовно-нравственную сферу [10; 12; 13; 15].

Прогрессивные идеи философов древнегреческих пайдейя-полисов, эпохи Возрождения и Нового времени о преобразовательной силе воспитания и обучения стали считаться утопией и практически отвергнуты. В обществе укоренилась потребительская цивилизация со всеми её пороками бездуховности и безнравственности. Искоренение этих пороков возможно не столько путём наращивания производства материальных благ и удовлетворения непомерных материальных потребностей людей, сколько путём прямого воздействия на их сознание и состояние человеческих душ через народное образование.

Народное образование тогда народное, когда оно создаётся самим народом, для народа и осуществляется народными усилиями через семью, другие социальные группы, средства массовой информации и культуру.

Холистическая парадигма образования предполагает единение человека со всем миром, его идентификацию с близким и далёким окружением по образцу, предложенному русским поэтом Ф.И.Тютчевым: «Всё во мне и я во всём».

В содержании опубликованных работ по теме холистического образования одни авторы решают частные задачи, например, объединение различных учебных предметов путём проведения интегрированных уроков. Другие делают акцент на целостности обучения и воспитания, на интегрировании физического, интеллектуального и духовного развития личности и т.п. Всё это необходимо в практическом плане, но является только первым подступом к холизму. Подлинно холистическим образование может считаться тогда, когда оно способствует поэтапному вхождению личности в мир: «Я в непосредственно воспринимаемом чувствами и разумом предметном, социальном и природном окружении» – «Я в физически достижимом мне мире» - «Я в глобальном мире» - «Я в Солнечной системе» - «Я в Нашей Галактике» - «Я обитатель Вселенной». Соединяясь разумом и душою посредством своего образования с целостным миром, человек осознаёт свою причастность к нему и свои возможности изменять мир посредством своих творений.

Таким образом, холистическая парадигма образования есть шаг вперёд, по сравнению с другими парадигмами [6; 7], и открывает новые возможности для народного образования. Эта парадигма обращена не только на образование личности человека или отдельных социальных групп, а на их развитие, сопряжённое с единым и целостным миром. Для этого необходима включённость в систему народного образования не только институциональных форм его организации, но и неинституциональных влияний различных факторов природы и культуры.

Современным чешским философом Й. Шмайсом предложен символический «Договор с планетой Земля». Автор рассматривает человека, творимую им культуру и природу с точки зрения коэволюции. В этом процессе решающую роль он отводит системе народного образования и отмечает:

«Сегодня мы впервые испытываем потребность воспитывать, образовывать и давать квалификацию школьникам и студентам не только для того, чтобы они, став взрослыми, оказались настоящими гражданами сегодняшнего глобально интегрирующегося общества, но также и для того, чтобы они осознали суть конфликта культуры с природой и были способны его решить» [18, с. 222].

Народное образование есть важнейшая часть хозяйственной деятельности людей (экономики), и его решающую роль в прогрессивном преобразовании мира как единой гетерогенной системы неоднократно отмечали активный российский деятель общественного движения «Образование ради жизни» Т.Ф. Акбашев [1], советский писатель Д.Л. Андреев [2], психолог А.Г. Асмолов [3], культуролог А.С. Запесоцкий [8] и многие другие. Пора бы политикам и хозяйственникам из этих оценок делать практические выводы, а не просто декларировать, что эта отрасль является приоритетной.

Список литературы

1. Акбашев Т.Ф. Третий путь. – М.: Общественное движение «Образование ради жизни», 1996. – 80 с.
2. Андреев Д.Л. Роза Мира. – М.: Иной Мир, 1992. – 576 с.
3. Асмолов, А.Г. Психоаналитические заметки чиновника. – М.: Начала-пресс, 1995. – 47 с.
4. Вернадский В.И. Начало и вечность жизни / Сост.: М.С.Бастракова, И.И.Мочалов, В.С.Неаполитанская. –М.: Сов. Россия, 1989. – 704 с.
5. Вознюк А.В. К вопросу об обосновании холистической парадигмы образования // Вектор науки ТГУ. –2010. № 3(3). –С. 34-41.
6. Громько Ю.В. Проектирование и программирование развития образования- М.: Московская академия развития образования, 1996. –545 с.
7. Денисенко П. А. Историческое многообразие парадигм образования российского общества // Армия и общество. –2008. –№4. –С. 46-52.
8. Запесоцкий А.С. Образование и культура: проблемы российской модернизации // Социология образования. –2010. –№7. –С. 4-17.
9. Криппнер С. Холистическая парадигма // М., Журнал «Урания». 1992. № 1. [Электронный ресурс] <http://www.aquarun.ru/psih/probl/probl8.html>
10. Майер Б.О. Образование в условиях глобальных изменений: Методологическая функция философии образования. // Философия образования. –2012. –№.6 (45). – С. 117-124.
11. Миллер Д. Холистическое образование. Педагогика предчувствия // [Электронный ресурс] <http://ps.september.ru/articlef.php?|D=200205007>
12. Наливайко Н.В. Глобализация и изменение ценностных ориентиров российского образования // Философия образования. –2012. –№ 6 (45). –С. 27-32.
13. Наливайко Н.В., Ушакова Е.В. Образование и наука в обществе XXI века // Философия образования. – 2013. –№.6 (51). –С. 42-52.
14. Пугачёв А.В. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и правосознание в образовании // Философия образования. – 2014. № 5 (56). –С. 86-94.
15. Пфаненштиль И.А., Пфаненштиль Л.Н., Яценко М.П. Образование и будущее развитие России в контексте современных процессов глобализации // Философия образования. –2012. –№.6 (45). –С. 20-27.
16. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 / Под ред. проф. Д.Н.Ушакова. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2007. – 1039 с.
17. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" // "Российская Газета" от 30 декабря 2012 г.
18. Шмайс Й. Культура под угрозой: от эволюционной онтологии к экологической политике: монография [пер. с чешского О.Бергер] - Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. – 260 с.

СТАНДАРТИЗАЦИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Носкова А.В., Титова М.А.

Общественный запрос на социологическое образование имеет волнообразный характер и обусловлен текущим состоянием общества. Интерес к учебным курсам по социологии заметно возрастает в переломные моменты развития социума, в периоды общественных перемен и нарушения устоявшегося социального порядка. Социология стала обязательным предметом преподавания в средней школе во Франции периода Третьей республики, когда страна переживала кризисную эпоху [Гофман, 2015:23]. В середине 1960-ых годов европейские университеты столкнулись с массовым притоком молодых людей, желающих изучать социологию. Только в 1968 г. более 2000 студентов учились на факультете социологии Гетеборгского университета [Богданов, 1992:5]. Тогда социология «стала символом массовых волнений студентов против общества потребления и контроля со стороны средств массовой информации».

Всплеск образовательного интереса к научной социологии пришёлся в России на начало 1990-ых гг. В это время открываются социологические факультеты в российских университетах. Курсы по социологии начинают читать для студентов различных специальностей.

В настоящий момент совершается переход к новому этапу - социологическое образование становится не только научным, но и приобретает характер массовых образовательных практик. С процессами «массовизации» социологии связаны усилия по стандартизации социологических курсов.

Какие функции в нашем обществе выполняет «массовая» социология и какую роль в общественной жизни играет социология научная? Задавая себе подобные вопросы, нельзя не вспомнить о тех задачах, которые ставили перед собой деятели народного просвещения в России конца XIX – начала XX века. В эту пору не только открываются школы для детей крестьян и рабочих, но и организуются «культурпросвет»-мероприятия для народных масс, проводятся лекции с «волшебными фонарями» - под неусыпным вниманием представителей официальной власти. Основная задача подобных мероприятий проста: отвлечь народные массы от пьянства. За этой простой задачей скрываются серьезные социальные проблемы, остающиеся актуальными и по сей день: массовый человек, попавший в город, оказывается в разрушенной социальной среде, вне плотных социальных связей, питающих его социальную жизнь. В лучшем случае, его окружает небольшая группа близких родственников и некоторое количество близких товарищей. Более того, массовый городской житель оказывается вырванным из природных циклов, задающих ритм социальной жизни в традиционном обществе.

Народное просвещение по сути призвано заполнить создавшийся вакуум. И с этой целью оно становится *серийным* и *стандартизированным*.

Массовые серийные практики носят характер ритуалов. Жизнь массового человека (человека как части коллективного социального тела) ритуализирована. В традиционном обществе в основе коллективных ритуалов – природные циклы. В индустриальном – производственные. В постиндустриальном обществе основой массовых ритуалов все больше становятся регулярные учебные занятия.

«Серийное» образование распространяется прежде всего на «гуманитарную» сферу (курсы социологической, социально-экономической, психологической, культурологической направленности). Понятно, что обучение лингвистике, высшей математике, теоретической физике, химии, биологии, геологии, а также фундаментальной социологии не может быть массовым. Это трудно, дорого и не нужно в массовом объеме.

Какому запросу общества отвечает сегодня социологическое образование? Какие практические задачи может и должна решать современная научная социология? Какие цели преследует массовое социологическое образование?

Один из несомненных новаторов в социологии, Дж.Г. Мид считал, что социальная наука должна играть роль «социальной медицины». То есть социология должна радовать о здоровье общества – и не

только «лечить» уже образовавшиеся язвы, но заботиться о том, чтобы социальный организм не болел. Определение условий благополучия живого организма, социального организма – предмет коллективного диалога между представителями различных дисциплин. В социологической теории несомненно одно: изучение условий человеческого благополучия, личного и общественного здоровья проходит бок о бок с исследованием общественной солидарности. Среди ключевых вопросов социологии для понимания специфики современного общества важны следующие: каковы формы общественной солидарности в современном индивидуалистическом обществе; в чем особенности коллективного (массового) формата коммуникации в современной индивидуалистической культуре; как изменяются субъективные жизненные установки при изменении социальных характеристик культурного контекста; почему социальная солидарность избавляет людей от необходимости заботиться об индивидуальной безопасности; почему индивидуалистические культурные установки усиливают восприятие «рисков» и «неопределенностей»; почему массовые образовательные практики в социуме развиваются вместе с ростом индивидуализма в культуре.

Процессы стандартизации массовых образовательных практик ставят перед научной социологией и другую проблему - очерчивания границ «немассового» образования и, соответственно, уточнения принципов «немассового» образования.

Говоря о социологическом образовании, нельзя забывать о социальной миссии образования в целом. Социальные задачи образования в разных странах, в разных культурных традициях, в разных цивилизациях, в разных этиках могут быть разными (это отдельная тема интересных сравнительных исследований). Тем не менее, в любой культурной логике образовательные практики приводят к формированию «сознательного меньшинства» - определенных социальных групп, которые являются носителями общественного сознания. Как в жизни отдельного человека, так и в жизни общества сознание является «рефлексией» индивидуальной и социальной действительности. Многие отечественные и зарубежные исследователи отмечают ту особую роль, которую в общественной жизни может играть позиция «сознательного меньшинства» - позиция наиболее образованных групп населения. Значимость позиции «сознательного меньшинства» связана с понятием «грамотности».

Говоря о качестве преподавания социальных дисциплин, нужно отметить, что понятие «социологическая грамотность» в современном образовательном процессе становится сложной составной категорией, включающей многие разноплановые умения и навыки. Речь идет не только об умении собирать социологическую информацию. Важно уметь «читать», анализировать данные, собранные не только социологами. Огромное значение имеет, например, анализ статистической информации, в том числе, международной статистики. Кроме того, нужно уметь социологически грамотно излагать результаты исследований не только на русском языке, но и на иностранных языках. Учебный курс практической научной грамотности – обучение навыкам письма научных работ, в том числе коллективных работ – стоит включить в университетскую программу. Наконец, у социологического образования есть и внешнеполитическая миссия: расширить диалог культур, диалог цивилизаций. Импорт-экспорт социологического знания, международное сотрудничество в сфере социологического образования и науки имеют огромное значение не только для развития социологии, но и для разрядки международной напряженности.

Какие недочеты в существующих ФГОСах (по направлению «социология») могут быть выделены с этих позиций?

В целом, социологическая «компетенция» (в международном понимании данного термина) [3,4] – это «служение обществу». Переход от социального государства к государству социального участия обуславливает новую потребность в социологическом образовании как инструменте формирования социального мировоззрения и альтруистических социальных установок.

В рамках данной компетенции могут быть выделены определенные профили. К сфере серийных (стандартизируемых) профилей могут относиться, например: социальная работа, менеджмент, государственное управление, муниципальное управление, HR, PR, маркетинг.

Фундаментальная социология, проведение научных исследований, подготовка профессорско-преподавательских и научных кадров к разряду массовых образовательных практик относиться не могут. Поэтому всякого рода «нестандартные задачи» не могут быть включены в массовые стандарты. Таким образом, можно говорить о «государственных» стандартах массового образования и «университетских» стандартах элитного (немассового) образования. В частности, к университетским стандартам гуманитарного образования традиционно относится владение несколькими иностранными языками.

Список литературы

1. Богданов О. Предисловие к русскому изданию / П. Монсон «Современная западная социология: теория, традиции, перспективы». – СПб: издательство «Нотабене», 1992.
2. Гофман А.Б. Традиция, солидарность и социологическая теория. Избранные тексты. – Москва: Новых Хронограф, 2015.
3. Fundamentals of a ‘Common Quality Assurance Framework (CQAF) for vet in Europe / European Commission “Education and Culture”. Lifelong learning: education and training policies Vocational training and adult education. 29/05/2005; Standards and Guidelines for Quality Assurance in the European Higher Education Area / ENQA, Helsinki. 2005. European Network on quality assurance in Vet / European Commission “Education and Culture”. Lifelong learning: education and training policies Vocational training and adult education. Work program 2006-2007. February 2006. «From London to Bergen»/Report European Commission “Education and Culture”. 2006; Tuning Educational Structures in Europe. 2006.
4. Tuning Educational Structures in Europe/ EC. Education and Culture. Socrates-Tempus. 2006.

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СОЦИОЛОГОВ

Обрывалина О.А.

Новые требования к квалификации профессионалов, технологический прогресс вместе с ожидаемым ростом числа обучающихся по всему миру задали импульс изменениям содержания и форм образования. Компьютерные технологии и сетевая коммуникация посредством Интернет открыли качественно новые формы освоения знаний, умений, навыков, а также взаимодействия учащихся и обучающихся. Один из актуальных в настоящее время вопросов – возможности и пределы использования дистанционного и электронного обучения (e-Learning).

В рамках научного и публичного дискурсов до сих пор нет консенсуса в отношении определения понятий «дистанционное обучение» и «электронное обучение». Очевидно, на данном этапе развитие практик стремительно опережает их научное осмысление. Поэтому, говоря о перспективах профессионального образования в нашей стране, остановимся на дефинициях, предлагаемых Федеральным Законом об Образовании. В новом законе «Об Образовании в Российской Федерации», принятом в 2012 г., в статье 16 указана возможность использования образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. При этом под **электронным обучением** понимается организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников. **Дистанционные образовательные технологии** определяются как образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников. На наш взгляд, представленные определения достаточно полно отражают сущность дистанционного и электронного обучения и могут быть использованы в качестве концептуальных понятий при разработке эмпирических исследований.

Распространение дистанционных образовательных технологий и электронного обучения сегодня поддерживается различными международными организациями (ЮНЭСКО, Европейская комиссия), образовательными организациями (Испанский национальный университет дистанционного обучения (UNED), Французский национальный центр дистанционного обучения (CEND), Массачусетский технологический институт (MIT)), популяризаторами науки, новаторами в сфере интернет- и образовательных технологий, экспертными и профессиональными сообществами (проблема электронного обучения регулярно обсуждается на различных конференциях) и просто активными пользователями. Сегодня более 400 университетов и колледжей по всему миру предлагают свои электронные курсы. Более половины из них располагаются в США, но положительная динамика наблюдается во всем мире. Только в Европе на сегодняшний день насчитывается более 3000 компаний, предоставляющих услуги по электронному обучению. Данный сегмент рынка (а большинство электронных курсов платные) активно развивается, число пользователей неуклонно растет.

Маловероятно, что массовые открытые онлайн-курсы приведут к упразднению системы высшего профессионального образования (по крайней мере, в обозримом будущем). Однако игнорировать их присутствие в образовательном пространстве нельзя. Что это означает для образовательного учреждения? Во-первых, его традиционные учебные курсы теперь вынуждены конкурировать с множеством открытых онлайн-курсов, предлагаемых другим организациями. А во-вторых, для укрепления своих позиций на рынке образовательных услуг ему необходимо открывать собственные электронные курсы. Эти изменения неминуемо затрагивают и социологическое образование в России.

Для того, чтобы проанализировать перспективы использования электронного обучения в профессиональном образовании социологов, целесообразно рассмотреть возможности и ограничения электронного обучения в целом, специфику организации электронных курсов, используемые технологии и материалы, востребованность тех или иных курсов среди целевой аудитории. Комплексное исследование этих вопросов будет отражено в наших будущих работах.

Предварительная оценка выявила следующие перспективы использования электронного обучения в профессиональном образовании социологов, связанные как с «внутренними» аспектами функционирования образовательного учреждения, так и с его «внешними» связями. (В данном случае мы ограничились указанием некоторых преимуществ использования электронных форм обучения.)

Для организации учебного процесса внутри образовательного учреждения разработка электронных курсов позволит:

- добиться не формальной, а качественной структурированности материала учебных курсов и обеспечить контроль их содержания;
- однозначно определять результаты освоения учебных курсов;
- увеличить долю самостоятельной работы студентов в ходе освоения учебной дисциплины;
- часть занятий в рамках бакалавриата и магистратуры перевести в дистанционную форму;
- привлекать внешних экспертов со всего мира для подготовки отдельных элементов учебных курсов (видео-лекции, вебинары, дистанционная оценка самостоятельной работы студентов).

Во взаимодействии же образовательного учреждения с внешней общественностью внедрение электронных курсов может положительно сказаться на популяризации социологических знаний, повышении осведомленности о профессии социолога и социологии как науке (в том числе среди абитуриентов, которые еще будучи школьниками смогут получить представление об отдельных аспектах будущей профессии). Что в конечном итоге будет способствовать формированию позитивного общественного мнения о социологии как науке и повышению престижа профессии.

Представленные заключения носят предварительный характер и требуют дальнейшего совместного обсуждения профессиональными сообществами социологов, педагогов, психологов, специалистов по современным компьютерным технологиям.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ЛИЧНОСТИ В РУКОПИСИ СТРОНИНА А.И.

Оганян К.К.

В современных условиях глобализации, когда институт образования подвергается масштабным трансформациям, снижается качество образования, его роль в обществе, значение духовно-нравственного воспитания, приобретает особое положение проблема социализации личности. В этой связи возрастает роль подготовки высококвалифицированных специалистов, где решающее место занимает формирование гармонично развитой личности. Социально-психологические и социально-педагогические проблемы развития личности были затронуты еще классиками российской социологии конца XIX начала XX вв., в частности, Строниним А.И. в его рукописи «Теория личности»¹. В современной социологии необходима актуализация его социологических идей.

В отделе рукописей Российской национальной библиотеки в фонде А.И. Стронина хранится оригинал рукописи «Теории личности». Работники архива датируют рукопись 1870 годом. Вместе с тем, в дневниковых записях упоминание об этой работе Стронин А.И. дает значительно позже – в 1883 году. Он отмечает: «Для моей теории личности, которую я имею начать не раньше, как через год отдыха, необходимо перечесть около одной тысячи биографий. Чем больше прочел бы их за меня кто-нибудь, тем меньше оказалось бы читать их мне самому» [1, Л. 711].

«Теория личности» - историко-философская и социологическая работа, в которой четко видны взгляды Стронина А.И. как позитивиста. Оригинал рукописи представлен пятью тетрадями. В данной работе Стронин раскрывает свою «программу теории личности», представленную «философией прошедшего», «философией настоящего» и «философией прошедшего» [3, С. 50-51].

Знакомство с рукописью Стронина А.И. позволяет увидеть, что в его наблюдениях присутствуют угаданные уже более века назад ключевые проблемы социологического знания, разработка которых получила продолжение в отечественной и зарубежной социологии XX и XXI века. Это обстоятельство обнаруживает актуальность мыслей Стронина А.И., изложенных в рукописи, для современных исследователей [9].

Нами были выявлены и проанализированы следующие социологические проблемы, представленные в рукописи Стронина А.И.: социология личности, методология науки, содержание и виды прогресса общества, значение нравственности в развитии общества и другие. Однако, кроме перечисленных проблем, за рамками нашего исследования остаются следующие вопросы, затронутые Строниним в рукописи: классификация религии, эволюция религии, философии и науки, проблема преемственности религии и науки, проблема свободы и необходимости в развитии истории, классификация философии, классификация видов искусства. Данные вопросы подробно анализируются автором в работе «История общественности», в том числе, достаточно подробно рассмотрены в четвертой тетради рукописи.

Анализируя представления Стронина А.И. о личности, можно выделить следующие аспекты ее изучения: этический, социологический [2, с.134-137; 4], психологический [5, С. 143-152], социально-педагогический и социально-психологический.

¹ Александр Иванович Стронин (1826-1889) - один из первых русских социологов, трудами которых открывается эра отечественной истории научной социологии. Свое исследование Стронин задумал как серию книг, первоначально названных им: «Знание и метод», «Политика», «Философия», «Биография». Он планировал написание четвертой книги, которую хотел назвать «Биография», а получил в итоге «Теорию личности», представляющую собой монографическое исследование. Итогом анализа рукописи Стронина А.И. стала монография: Стронин А.И. Теория личности (по материалам рукописи)/Авт.-сост. научного исследования К.К. Оганян. – 2-е изд., доп. и перераб. - М.: ИНФРА-М., 2013. – 188 с. — (Серия: Научная мысль). За эту работу автор награждена специальным дипломом экспертного совета конкурса публикаций Российского общества социологов за 2012 год; дипломом лауреата VII ежегодного всероссийского конкурса достижений талантливой молодежи «НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ РОССИИ» 2013 года за работу «Социологический анализ теории личности Стронина А.И. (по материалам рукописи)». Анализ теории личности в российской социологии См.: Оганян К.К. Анализ теории личности в российской социологии: история и современность. М.: ИНФРА-М, 2015. – 360 с.; Оганян К.К. Концепция личности в трудах С. Н. Южакова// Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 12. 2012. Вып. 3. С. 198-204; Оганян К.К. Анализ некоторых аспектов личности в социологическом творчестве П.А. Сорокина// Научный журнал «Вестник НГУЭУ», №2, 2014. С.331-346.

Социально-психологический аспект изучения личности автор раскрывает посредством анализа: а) взаимозависимости невербальных признаков поведения и характера личности (с. 21-22, Т. 2); (с. 33, Т. 3); (с. 31, Т. 3).

А) Анализ взаимозависимости невербальных признаков поведения и характера личности. Стронин обращает внимание на проблему взаимосвязи мимики и черт характера личности. Постоянная практика определенного настроения духа личности соответственно производит постоянное физиологическое последствие, проявляющееся в невербальных признаках поведения. «Раскрытый рот и глаза – удивление, озадаченность. Насмешливость, ироничность – и улыбка. Тщеславие, высокомерие - и отдутые губы» [8, Л.46, №66].

Развивая данный тезис, социолог, подчеркивает значение поз и жестов в выражении определенных качеств личности. «Человек, который беспрестанно переминается с ноги на ногу, который не может двух минут пробыть в одном положении, который то и дело меняет позу, непременно предполагает такую же неустойчивость и душевную, душа его также волнуется туда, куда ветер дует» [8, Л.83, №202].

Среди параметров невербального поведения личности Стронин выделяет голос, особенности интонации при характеристике личности. «За стеной, не видя субъекта, можно уже по этому признаку определить некоторые свойства личности, напр., мягкость или грубость натуры, подчиненность и униженность или повелительность и властительность, вялость и энергичность, антипатичность и симпатичность, старость и молодость» [8, Л.80, №198].

Идеи Стронина получили дальнейшее развитие в зарубежной и отечественной социальной психологии. Интерес тот факт, что в произведениях такого тонкого психолога, каким является Лев Толстой, запечатлено множество самых различных оттенков чувств, отразившихся так или иначе на лице его героев. В романе «Война и мир» исследователями найдено 85 оттенков выражения глаз и 97 оттенков человеческой улыбки, раскрывающих особенности состояния и эмоционального отношения человека к окружающему его миру [6, С.386].

В работах известного австралийского исследователя Алана Пиза [См.:7] такого невербальное средство общения как язык телодвижения является отдельным предметом специального психологического изучения.

Велики и психотерапевтические возможности невербальных средств общения. На основе использования психологических эффектов телесного контакта между людьми и их выразительных телодвижений в ситуации совместного действия в американской социальной психологии получили развитие различные виды терапевтического, группового тренинга: группы телесной и танцевальной терапии и др.

Специфика социально-психологического аспекта изучения личности, по Стронину А.И., заключается в выявлении взаимосвязи внутренней и внешней (поведенческой) сторон деятельности личности.

Социально-педагогический аспект изучения личности рассматривается автором в рукописи следующим образом: а) в раскрытии личностно-ориентированных технологий в образовании и необходимости их применения (с. 12-13, Т. 1); б) в постановке проблемы качества образования (с. 32, Т. 1).

А) Раскрытие личностно-ориентированных технологий в образовании и необходимости их применения. Стронин утверждает, что процесс индивидуализации в системе образования открывает перед личностью возможности оригинального, самобытного развития, а это и является целью обучения. Социолог считает, что нет надобности в экзаменах и переводах: «пусть каждый сам себя переводит в тот класс, какой следует, иначе школа предпочитает ученику себя самое и идеалам жертвует действительности» [8, Л. 10, №28].

Анализ этой проблемы приводит Стронина, на наш взгляд, к достаточно нелепым и неоправданным рассуждениям: «Экзамены нужны там и такие, где и какие требуются познания практикой, жизнью. Когда вам нужен известный специалист, тогда и экзаменуйте его, когда вам нужен

вообще образованный человек – тогда и экзаменуйте его; а зачем экзаменовать того, кто не будет у вас просить никаких прав специальности или общего образования? зачем вам экзаменовать человека, который имеет быть купцом, ремесленником, литератором, ученым?» [8, Л. 10, №28].

Процесс обучения представляет собой систему, в которой значимое место занимает контроль знаний учащихся посредством зачетов, экзаменов. Данная форма проверки способствует выявлению обратной связи между учеником и учителем, позволяет оценить качество преподавания и уровень подготовки учащихся. Таким образом, процедуре проверки знаний должны подвергаться все, независимо от степени одаренности, склонности к тому или иному виду деятельности.

Б) Постановка проблемы качества образования. Автор рукописи обращает наше внимание на то, что в педагогике постоянно рассматривается вопрос содержания обучения: специфика предметов, количество преподаваемых часов. При этом проблеме применения различных педагогических технологий и нехватки педагогических кадров, что составляет качество образования, – не уделяется должного внимания. По мнению Стронина, последняя проблема - «как учить и кому учить?» - является наиболее важной.

Таким образом, педагогический аспект изучения личности рассмотрен в ключе гуманистической парадигмы, где главная цель педагогического процесса - способствовать развитию способностей человека, развитию его личности, его духовного роста, нравственности, самореализации.

С этой точки зрения, личность для Стронина А.И., с педагогической точки зрения, это духовно развитый нравственный человек, способный к саморазвитию и самосовершенствованию.

Список литературы

1. Дневник А.И. Стронина//ОР РНБ. –Ф.752. –Д.9, -Л.711.
2. Оганян К.К. Анализ факторов успешной социализации личности в рукописи Стронина А.И. «Теория личности» и современность// Шестые Ковалевские чтения/Материалы научно-практической конференции 11-12 ноября 2011 года/Отв. ред. Ю.В. Асочаков. СПб., 2011. С. 134-137.
3. Оганян К.К. Рукопись Стронина А.И. «Теория личности» как социокультурная ценность для развития отечественной социологии// IV Всероссийский социологический конгресс «Социология в системе научного управления обществом». М.: МГУ, 2012.
4. Оганян К.К. Социологический анализ личности в рукописи Стронина А.И. «Теория личности» и современность// Журнал «Современные проблемы науки и образования». №5, 2011.
5. Оганян К.К. Теория личности Стронина А.И.: психологический подход// Актуальные проблемы социально-экономического развития современной России: коллективная монография/ отв. ред. С.В. Бойко. – Череповец: ИНЖЭКОН-Череповец 2012. 191 С. С. 143-152.
6. Парыгин Б.Г. Социальная психология. СПб. СПбГУП, 2003. С. 386.
7. Пиз А. Язык телодвижений. М.: Эксмо, 2006.
8. Стронин А.И. Теория личности. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки г. Санкт-Петербурга, Ф. 752, Д. 13, Л. 9. №26.
9. Стронин А.И. Теория личности (по материалам рукописи). Монография /Авт.-сост. научного исследования К.К. Оганян. – 2-е изд., доп. и перераб. - М.: ИНФРА-М., 2013. – 188 с. — (Серия: Научная мысль).

ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ «СОЦИОЛОГИЯ»

Осмачко Н.В.

Понятие компетентностного подхода в последние годы стало привычным для руководителей, педагогов, исследователей высшей школы. В целом, компетентностный подход представляет собой современную идеальную модель ориентиров развития системы высшего образования. Достоинства этого подхода аргументируются чаще всего в противопоставлении традиционной, «ЗУНовской», парадигме обучения [1]. В частности, подчеркивается, что перечень знаний, умений и навыков ограничивал цели обучения и воспитания узким предметным полем и недостаточно учитывал

сущность и значение компетентности современного человека в условиях конкуренции свободного рынка. В компетентностном же подходе на первое место ставится не информированность учащегося, а умения разрешать проблемы, возникающие в самых разнообразных ситуациях и, таким образом, основной целью процесса обучения становится владение различного рода компетенциями [2], [3]. При этом подчеркивается, что компетенции специалиста определяются в соответствии с запросами работодателей, требованиями со стороны академического сообщества и широкого общественного обсуждения на основе серьезных социологических исследований. Последнее утверждение выглядит довольно спорным: многие авторитетные представители научного сообщества (например, А. А. Вербицкий, Г. Е. Зборовский и др.) критически рассматривают компетентностный подход, отмечая не только его достоинства, но и недостатки, риски, связанные с его реализацией.

Переход к компетентностной концепции высшего образования был осуществлен посредством административных инструментов управления [4]. Такой путь модернизации социальных институтов является приемлемым в условиях быстрого изменения среды, когда необходимо адекватно отвечать на вызовы ситуации и выполнять новые задачи [5]. Вслед за административно-организационными инновациями в высшем образовании «подтягиваются» психолого-педагогическая теория, аргументирующая уместность, структуру именно этой концепции образования, изменяется и деятельность преподавателей. В настоящее время трансформировались формы образовательной системы, однако содержательно учебная деятельность в вузах меняется не столь кардинально. В процессе внедрения компетентностного подхода в высшее образование возникает ряд проблем, которые можно дифференцировать на противоречия управленческого, концептуального и учебного характера. Достаточно полный список этих проблем, их глубокий анализ представлен в публикациях современных социологов [5], [6].

Для преподавателей высшей школы актуальными являются проблемы формирования учебной мотивации студентов, создания такой ситуации, в которой учащиеся будут активно развивать компетенции, необходимые для их будущей профессиональной деятельности.

В целом, учебная мотивация представляет собой систему побуждений, вызывающих активность учащегося и определяющих направленность и характер учебной деятельности. На основании анализа научной литературы можно заключить, что мотивация учебной деятельности – это соотнесение целей, которые студент стремится достичь, и внутренней активности его личности. Высокий уровень учебной мотивации выражается в принятии студентом целей и задач обучения как лично значимых и необходимых.

Как показывают исследования, на формирование учебной мотивации студента вуза влияют различные факторы: общесоциальные, региональные, микросредовые (семья, вуз); психологические. Формирование позитивной мотивации затруднено тем, что в настоящее время для многих студентов ценностью становятся не знания, образование в целом, а сам факт наличия диплома (Е. П. Ильин, А. М. Василькова, С. С. Иванова и др.). Как отмечает Г. Е. Зборовский, реально стремящихся к получению знаний и способных к этому сегодня не более 15-20 % от общего количества студентов [7, с. 16].

Факторы мотивации учебной деятельности делятся и по критерию управляемости. Это, во-первых, характеристики, с которыми студент пришел в вуз: уровень подготовки, система ценностей, отношение к обучению, информированность о вузовских реалиях, представления о профессиональном будущем. На факторы этой группы влиять можно лишь косвенно, фиксируя и используя их как отправную точку для воздействий на студентов.

Во-вторых, группа факторов мотивации, которые появляются в процессе обучения и постепенно начинают играть решающую роль. К ним можно отнести: специфику учебной дисциплины, организацию учебного процесса, уровень преподавания, тип взаимоотношений преподавателя и студента и т.п. Это - управляемая группа условий. Можно утверждать, что успех в формировании учебной мотивации большей части студентов зависит от преподавателя, который «строит мосты»: между субъектами знания, теми, кто его создает (учеными, педагогами) и теми, кто его приобретает

(учащимися); между абстрактной теорией и конкретной ситуацией; между языками научного и повседневного знания [7, с. 17].

В рамках компетентного подхода педагог не должен выступать в роли обладателя знания, передающегося студентам; преподавателю необходимо выполнять (менять) роли консультанта, посредника, тренера, контролера и т.д. В целом, педагог должен помочь учащемуся обрести опыт принятия решений, подвести его к самостоятельному открытию, поощряя поисковую деятельность, активность и инициативность. Справедливости ради следует отметить, что многие педагоги «со стажем» и до введения компетентного подхода не являлись приверженцами экстенсивной модели образования; использовали активные методы обучения, стимулировали познавательную, исследовательскую и профессиональную виды учебной деятельности студентов. Поэтому в нынешних условиях опытные преподаватели могут разрабатывать выполнимые учебно-методические комплексы дисциплин, целенаправленно осуществлять обратную связь со студентами, предметно осмысливать свой педагогический опыт, преодолевать в определенной степени противоречия между «сущим» и «должным».

Обратимся к конкретному опыту обучения бакалавров направления «Социология», в частности, изучения студентами дисциплины «Методология и методы социологического исследования». Этот курс является одним из основных в профессиональной подготовке бакалавров: ведь социология представляет собой не только научный взгляд на общество, социальные отношения, процессы, но и подходы, и способы изучения вышеперечисленного. Цель данной дисциплины заключается в формировании у студентов способности проведения эмпирического социологического исследования, умений самостоятельно формулировать цели, задачи исследования и решать их с помощью определенных методологических, методических и организационных процедур.

Логика изучения дисциплины основана на поэтапной модели: сначала у студентов формируется общее представление о методологии и методах социологического исследования, затем осваиваются опросные и неопросные методы сбора данных, и, в заключение, на основе синтеза сформированных ранее компетенций, у студентов формируется четкое представление о методологии, методах и методике социологического исследования.

Особенность курса состоит в акценте на практическом применении полученных знаний. На семинарских занятиях постоянно анализируются кейсы реальных исследовательских задач, для решения которых студенты подбирают наиболее адекватный методический инструментарий (самостоятельно, в малых группах или с преподавателем) и учатся его применять. Например, студенты самостоятельно разрабатывают инструментарий анкетирования, интервьюирования, в рамках семинарского занятия проводят несколько учебных интервью и готовят по их итогам краткий аналитический отчет.

Казалось бы, при таком подходе достигаются цель и задачи дисциплины, студентами приобретаются необходимые компетенции. Однако в процессе преподавания данного курса обнаружилось, что, несмотря на заинтересованное отношение учащихся к выполнению практических заданий, целостного представления о технологии, методологии и методике социологического исследования у них не складывается. В различных методах они ориентируются неплохо, могут использовать их в изучении проблем, предложенных преподавателем, но самостоятельно и ответственно эту работу студенты осуществить не могут. Поэтому вместо выполнения отдельных практических (исследовательских) заданий преподавателем была предложена модель интеграции практических занятий в научно-исследовательский проект, длящийся целый семестр, и включающий ряд последовательных этапов исследования: подготовку, проведение, обработку и анализ данных, оформление и представление результатов.

Значительный вклад в процесс мотивации студентов вносит организация работы на семинарских занятиях. На них используются социологические методы исследования («Длинного стола», онлайн-конференции) в качестве способов осуществления учебной деятельности. Под руководством преподавателя студенты на каждом этапе научно-исследовательского проекта решают не только

познавательные, но и организационные, методические, коммуникативные задачи. Большинство учащихся с первых же занятий включаются в работу, остальные постепенно вовлекаются в исследование благодаря усилиям преподавателя и студентов-лидеров. При этом многие студенты делают самостоятельно, консультируясь с преподавателем, предлагают что-то новое, почерпнутое из других источников. По завершении работы обучающиеся оформляют не только результаты исследования, плановую, полевую документацию, смету и др., но и организуют итоговую конференцию, на которую приглашают студентов-бакалавров первого курса, только приступивших к изучению данной дисциплины. Продуманные выступления студентов на конференции, их энтузиазм, творческий настрой отмечают все слушатели. Так, первокурсники в своих отзывах написали, что по-другому представили себе социологическое исследование, не просто как «систему логически последовательных процедур..., связанных целью...», а как интересный познавательный процесс, в котором хочется участвовать.

Таким образом, в настоящее время проблема мотивации учебной деятельности студентов направления «Социология» решается преподавателями более или менее успешно, но при этом — в рамках «своих» дисциплин. Поэтому возникает вопрос: как мотивировать студентов не только на изучение конкретного предмета, но и на целостное овладение общекультурными, профессиональными компетенциями? Ведь компетентностный подход предполагает не простое оперирование многочисленными компетенциями, но их формирование в рамках пока традиционно организованного учебного процесса при резком уменьшении количества часов на консультации и увеличении объема часов на самостоятельную работу студентов.

Список литературы

1. Игнатенко, А. А. Компетентностный подход в системе высшего профессионального образования [Электронный ресурс] / А. А. Игнатенко. –Режим доступа: <http://do.teleclinica.ru/375047>
2. Звездова, А. Б. Компетентностный подход в высшем профессиональном образовании [Электронный ресурс] / А. Б. Звездова, В. Г. Орешкин. –Режим доступа: http://www.mier.edu.ru/uploaded/zvezdova_oreshkin.pdf
3. Авво, Б. В. Методология компетентностного подхода в высшем образовании [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <http://www.emissia.org/offline/2005/978.htm>
4. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года: Приказ Министерства образования РФ от 11.02.2002 № 393 // Учительская газета, 2002. – № 31.
5. Вербицкий, А. А. Компетентностный подход и теория контекстного обучения. [Электронный ресурс] // А. А. Вербицкий. –М.: ИЦ ПКПС. – 2004. –84 с. –Режим доступа http://oot-kaf.ru/files/oot/competence_approach_learning_context.pdf
6. Бермус, А. Г. Проблемы и перспективы реализации компетентностного подхода в образовании [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Эйдос». – 2005. – 10 сентября. – Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-12.htm>.
7. Зборовский, Г. Е. Образовательное знание как проблема социологии // Социологические исследования, 2012. – № 2. – С. 12-20.

ОБЩЕСТВЕННАЯ РОЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Проказина Н. В.

Востребованность социологического подхода обусловлена тем, что современное общество порождает новые социальные угрозы и риски. Они непосредственно связаны с социальным поведением людей, преследующих индивидуальные интересы и цели. В результате, проблема человека и его социальной деятельности в современных условиях выдвигается на передний план [14,16].

Сложившиеся социальные реалии – это результат действия не каких-то мистических или фатальных сил, а социальных действий самого человека. Именно человек выступает не только как объект, но и субъект социальных практик, действующих в обществе и регулируемых государством [9;550].

Социологический подход при анализе происходящих явлений и процессов в обществе «позволяет обострить чувства»: сделать людей более «чуткими», что обеспечит внимание к ситуациям, остававшимся до сих пор незаметными. Поможет помочь понять «другие формы жизни, недоступные нашему непосредственному опыту и зачастую внедренные в наше обыденное знание в качестве стереотипов» [1;27].

Сегодня актуальным является вопрос об общественной роли социологии в современном российском обществе. Одна из функций социологии – участие ее творцов и исполнителей в управленческом процессе: социологическая информация используется в процессе управления, вписана в механизм регулирования социальной жизни общества [15;6]. Адекватность и комплексность принимаемых решений во многом определяется тем, насколько широко, полно используется социологическое знание. К. Вейс [10;34] утверждает, что социологи могут научить политиков искусству социологического мышления, чтобы они могли лучше «понимать силы и течения, которые предопределяют события в обществе. Социологические теории помогают лицам, принимающим решения, быть более искушенными в вопросах социальной структуры и групповых процессов, и они постепенно обогащают их политическое сознание такими сложными и утонченными категориями, как конфликт, социальная дезорганизация, социальные нормы, социальные движения, другими социологическими конструктами».

С. А. Заглубский, анализируя потребности общества в социологическом знании, утверждает, что «явно и требовательно звучит в сообществе социологическом и в обществе человеческом заказ на создание социологии еще одного уровня – третьего, проясняющей причины и направления изменений и общества в целом, и каждой составляющей его части в отдельности» [5;134]. Исследователь настаивает на том, что именно социология третьего уровня способна удовлетворять требования, сформулированные обществом в середине XIX века, и предъявляемые к ней сегодня [5;138].

М. К. Горшков констатирует: «Социология является тем ресурсом изменений в общественной жизни и общественных институтов, который сосредотачивает на себе способы рационального осмысления социальных проблем. А это означает, что социология есть не что иное, как форма самопознания общества» [3].

Представления А. Г. Здравомыслова пересекаются с определением, данным М. К. Горшковым. Но в определении А. Г. Здравомыслова есть существенное дополнение: «социология есть форма самопознания общества, и, следовательно, она представляет собой тот ресурс изменений общественной жизни и общественных институтов, который сосредотачивает в себе способы рационального осмысления социальных проблем» [7;249].

Мы солидарны с позицией Г. В. Осипова, считающего, что основная задача социологической науки – исследовать отношения между социальной деятельностью людей, включенных в различные социальные общности и принимающих социально - значимые решения, и той социальной реальностью, которая является результатом этой деятельности, с одной стороны, и обратным воздействием данной социальной реальности на человека и его социальные отношения – с другой [9;550].

Д. Г. Подвойский отмечает, что миссия социолога, вторгающегося в публичную сферу, не в практических действиях как таковых, а, скорее, в адекватной научной экспертизе их многочисленных вариаций, шансов, перспектив и последствий [11;15].

Поддерживаем позицию Ж. Т. Тощенко и Н. В. Романовского в том, что «общество и государство сужают свою базу, обедняют себя при принятии любых решений, если не заказывают, не используют данные социологических исследований, а социологи не учат и не просвещают тех, кто претендует на руководство людьми, на управление социальными процессами» [16;28-29].

О. Н. Яницкий уточняет, что главная задача социологии – рефлексия, критическое осмысление происходящего и «возвращение» этого осмысления обществу.

Одной из функций социологии является выявление и тщательное изучение социальных проблем. На основании анализа определений и подходов, представленных в работе Н. Г. Осиповой, можно сформулировать ряд параметров, которые позволяют идентифицировать социальную проблему.

Первое – социальная проблема всегда является результатом действия определенных социальных факторов. Второе – социальная проблема характеризуется определенными объективными признаками или является доказанной эмпирически. Третье – социальная проблема осознается всем обществом или какой-либо его частью. Четвертое – социальная проблема наносит моральный или физический ущерб членам общества. Пятое – социальная проблема существует довольно продолжительное время [10;300]. Ключевым для определения социальной проблемы является наличие определенных социальных условий и ее осознание значительной частью общества.

В результате, одной из важных задач социологии является выявление и тщательное изучение социальных проблем. Не менее важным и приоритетным направлением выступает и понимание причин, их вызывающих.

Следовательно, речь идет о реализации двух первоочередных функций – диагностировании и прогнозировании социальных проблем.

Осуществив на практике процесс диагностирования и прогнозирования социальных проблем, выделив наиболее острые, необходимо наметить пути их решения. Таким образом, целесообразной является реализация организационно-технологической функции, осуществление которой и обеспечит содействие решению проблем. Этот этап деятельности связан с определением границ «вмешательства» социологов в определенную социальную проблему.

Тем самым затрагивается проблема возможности вмешательства социологии в естественный процесс развития.

Несмотря на дискуссионность вопроса о степени вмешательства социологов в естественный процесс общественного развития, следует учитывать одно важное обстоятельство. Социологический анализ позволяет сформулировать представления о различных вариантах решения проблем. Обсуждение этих вариантов может помочь в выборе того варианта, который является наиболее перспективным для развития общества [10; 302-306].

Проведенный анализ теоретических подходов к общественной роли социологии в целом позволяет выделить ряд ее существенных функций. Первая группа - мировоззренчески-ориентационные функции. Они включает в себя:

- Рефлексивную функцию, обеспечивающую в процессе постижения социальной жизни "объективную фиксацию реальных фактов".
- Теоретическую функцию, обуславливающую наличие соответствующих знаний, ценностей, ориентаций, убеждений, которые обеспечивают понимание закономерностей и определение сложившихся тенденций.
- Аналитическую, связанную с определением причин и механизмов осуществления складывающейся ситуации.
- Критическую, обеспечивающую максимально полное и критическое отображение жизненных процессов с учетом позиций их участников, в т.ч. позиции самого социолога как познающего или преобразующего субъекта;
- Реляционистскую [13;12], позволяющую рассматривать социальный мир не как содержащий изначально данную субстанцию, а как постоянно меняющуюся конфигурацию (взаимное расположение) определенных жизненных процессов, форм и связей между людьми.
- Гуманистическую функцию, направленную на реализацию человеческих ценностей и гуманизацию общественных отношений. Позволяет связывать любой факт социальной жизни с делами и жизненным опытом конкретных людей. В результате возникает определенная ситуация, в которой исследователь (управленец) приобретает особенную позицию, становясь в положение этих людей. В результате, появляется необходимость видеть человека с его потребностями, ценностями, интересами и проблемами за всеми событиями. Такой подход расширяет возможности понимания окружающей действительности, поскольку заставляет увидеть особенности ситуации не только с позиции экономического, юридического или технократического подходов, но и с позиции гуманистической перспективы.

Вторая группа - практически-преобразовательные функции, связанные с нахождением рациональных способов существующих проблем, с поиском методов и технологий изменения и преобразования сложившейся ситуации. Практически-преобразовательные функции реализуются посредством достижения подфункций. Основными из них, на наш взгляд, являются:

- Коммуникативная функция, обеспечивающая процесс передачи информации от одной социальной группы к другой, а также способствующая циркуляции определенных идей в обществе.
- Социально-технологическая функция, *связанная* с подбором адекватных сложившейся ситуации способов, методов и технологий разрешения существующих проблем, с изменением и преобразованием сложившейся ситуации.
- Прогностическая функция, направленная на определение особенностей и тенденций развития ситуации в будущем [12; 142-144].
- Функция обеспечения «обратной связи», позволяющая определить отправителю - источнику информации, воспринята ли отправленная им информация, с одной стороны. С другой, выявить основные проблемы, с которыми сталкивается потребитель информации – ее получатель. Реализация этой функции обеспечивает достижение диалога и нахождение общих точек зрения между участниками процесса.
- Информационно-аналитическая, представляющая собой синтез некоторых мировоззренчески-ориентированных и практико-преобразовательных функций.
- Контрольно-аналитическая функция, обеспечивающая возможность проверить, как будет работать то или иное решение, нововведение; как его воспримут люди и какие могут быть ближайшие и отдаленные последствия от реализации этого решения.
- Диагностическая функция, позволяющая описать любую социальную систему определенным набором показателей. Это создает предпосылки для сравнения ее с нормативной или «идеальной» моделью. Определение отклонений и обуславливает принятие тех или иных управленческих решений.

Таким образом, общественная роль социологии состоит в выявлении социальных проблем и определении направлений, способствующих их разрешению. Это позволяет обеспечить связь глубокого научного анализа и практических мероприятий. И чтобы не получилось «как всегда», а получилось намного лучше, целесообразно опираться на социологическую экспертизу, прогноз социологии о возможном результате принимаемого решения [8; 12-13].

Следовательно, социология может поделиться с обществом ясностью видения тех или иных актуальных социальных проблем. Это позволяет объективно диагностировать сложившуюся ситуацию и выработать предпочтительную стратегию политических действий. Но, что особенно подчеркивает Д. Г. Подвойский, она не способна сделать за людей экзистенциальный выбор, решить за них, к каким целям им следует стремиться за какие ценности бороться [11;17].

Общественное значение социологии состоит в том, что она анализирует различные аспекты социальной реальности, социальные действия творцов этой реальности и последствия этих действий в человеческом измерении [9;551].

Социологический подход обеспечивает возможность каждое экономически и политически значимое решение «переводить на язык его социальной и экологической цены» [17;6].

Следует особенно подчеркнуть, что вопрос о том, способна ли социология влиять на общество, участвовать в жизни социальных групп, инициировать социальные изменения также является дискуссионным. Но центральная линия обсуждения укладывается в представления о том, что социологи, так или иначе, участвуют в выработке знания, влияющего на социальные изменения.

Однако крайне важно избегать ситуации, когда социологию пытаются сделать инструментом манипулирования массовым сознанием, каналом идеологического воздействия и обоснования или оправдания действий тех или иных структур.

Само по себе социологическое знание пассивно, востребовано не в полной мере. Его использование – дело не столько социологов, сколько общества в лице соответствующих организаций. Возникает вопрос об активной роли социологии и социологов. Как, какими средствами они могут наращивать свое влияние в конкретных ситуациях [16;22]. Уместным становится и вопрос о том, какова роль социологии в реальной жизни общества и государства, в деятельности тех, кто принимает и внедряет управленческие решения.

Список литературы

1. Бауман, З. Мыслить социологически / Пер. с англ. под ред. А. Ф. Филиппова / З. Бауман. – М., 1996.
2. Вебер, М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке; Наука как призвание и профессия / М. Вебер // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
3. Горшков, М. К. Российское общество в социологическом измерении [Электронный ресурс] / М. Горшков // Всероссийский социологический конгресс. М., ИС РАН, РОС, 2008. Электронный ресурс. Компакт-диск.
4. Дарендорф, Р. Социальная наука и оценочные суждения. Послесловие к дискуссии об оценках / Р. Дарендорф. Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии. М.: Праксис, 2002.
5. Заглубский, С. А. Какая социология нужна обществу? В продолжение темы / С. А. Заглубский // Социс. 2009. № 6.
6. Здравомыслов, А. Г. Ожидание будущего и его прогноз (социологические аспекты) / А. Г. Здравомыслов // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Выпуск 6. М.: Институт социологии РАН, 2007. – 408 с. С. 40 – 54.
7. Здравомыслов, А. Г. Поле социологии в современном мире / А. Г. Здравомыслов; под общ. ред. Н. И. Лапина. М.: Логос, 2010. С. 17.
8. Осипов, Г. В. Российская социология в XXI веке / Г. В. Осипов. М., 2003.
9. Осипов, Г. В. Социология и общество. Социологический анализ российской смуты / Г. В. Осипов. М.: Норма, 2007.
10. Осипова, Н. Г. Профессия – социолог / Н. Г. Осипова. М.: КДУ, 2009.
11. Подвойский, Д. Г. «Публичная социология» в прошлом и настоящем: уточнение координат / Д. Г. Подвойский // Социс. 2009. № 5.
12. Проказина, Н. В. Феномен социологической культуры в современной России: монография / Н. В. Проказина. Орел: Издательство ОРАГС, 2010.
13. Резник, Ю. М. «Социология жизни» как новое направление междисциплинарных исследований / Ю. М. Резник // Социс. 2000. № 9.
14. Социальное знание на службе российского общества / Научный совет Программы фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук «Экономика и социология знания». М.: Наука, Вече, 2010.
15. Тезаурус социологии: тематический словарь-справочник / под ред. Ж. Т. Тощенко. – М. ЮНИТИ-Дана, 2009.
16. Тощенко, Ж. Т., Романовский Н. В. Публичная или профессиональная публичная социология / Ж. Т. Тощенко, Н. В. Романовский // Социс. 2009. № 4.
17. Яницкий, О. Н. Кризис и социология / О. Н. Яницкий // Социс. 2009. № 5.

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КВАЛИФИКАЦИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Прянишникова О.Д.

Усилия по решению задач экономического развития в нашей стране достаточно быстро «натываются» на ряд традиционных проблем-преград, одна из которых носит название «КАДРЫ».

Попытки государства, бизнеса, профессиональных сообществ, системы профессионального образования и обучения провести реорганизацию, переформатирование и обновление в сфере

подготовки и использования такого ресурса, как профессиональные кадры, пока не дают желаемого результата. Обсуждение причин неудач и поиск ответа на вопрос: «Кто виноват?» хотелось бы отложить «на потом» и сосредоточиться на том, какие инструменты формируются и действуют в настоящее время для обеспечения баланса «кадрового спроса и предложения».

Формирование устойчивой и эффективной национальной системы квалификаций в последние три года идет особенно активно. Отсчет ведется от даты выхода Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». Именно с выходом этого документа к работе по формированию обновленной национальной системы квалификаций были подключены государственные институты, что явилось четким мотивационным сигналом для бизнеса и профессиональных сообществ по активизации деятельности в этом направлении. К настоящему времени сформирован «фундамент и возведены стены в трех кварталах» национальной системы квалификаций:

содержательном (создана национальная рамка квалификаций, разрабатываются профессиональные стандарты, количество которых к концу 2015 г. достигнет более 800, созданы документы, определяющие использование профессиональных стандартов в системе профессионального образования, при независимой оценке профессиональных квалификаций и профессионально-общественной аккредитации образовательных программ, формируются прототипы отраслевых рамок квалификаций и т.д.);

организационном (формируется организационная структура, включающая Национальный совет при Президенте Российской Федерации по профессиональным квалификациям, сеть отраслевых советов по профессиональным квалификациям, определяются и отбираются организации-партнеры отраслевого и регионального уровня, а также формируется экспертное сообщество, специализирующееся на вопросах развития системы профессиональных квалификаций);

процессном (отрабатываются механизмы взаимодействия всех сторон, вовлеченных в развитие обновленной национальной системы квалификаций, причем это отработка проходит посредством практической апробации тех документов, регламентов и методик, которые составляют нормативное и организационно-методическое обеспечение национальной системы квалификаций).

Опыт трех лет по формированию национальной системы квалификаций показывает, что эта работа должна вестись профессионалами «на постоянной основе» (а не в свободное от основной работы время) и сразу по нескольким направлениям, итерационно, а не из «одной точки». Итерационность предполагает параллельное формирование проектов документов и процессов, относящихся к разным направлениям (секторам) национальной системы профессиональных квалификаций, и их «перекрестную» проверку и апробацию, для того, чтобы уже на этапе проектирования выявить «нестыковки» и постараться устранить их. Например, разработку профессиональных стандартов, по мнению ряда экспертов, надо было начинать только после формирования отраслевых рамок квалификаций, которые позволили бы обосновать перечень и содержание профессиональных стандартов в конкретных отраслях и (или) секторах экономики. Но, в основе и разработки профессиональных стандартов, и отраслевых рамок квалификаций лежат исследования деятельности реализуемой в отраслях и (или) секторах экономики. И там, где к настоящему времени создан значительный пул профессиональных стандартов, формирование отраслевых рамок квалификаций проходит эффективнее и быстрее, так как есть объективная информация не только о перечне основных производств, реализуемых в отрасли, но и о содержании деятельности, обеспечивающей данные производства, о возможных пересечениях деятельности со смежными отраслями (секторами). Созданная на основе профессиональных стандартов отраслевая рамка квалификаций, в свою очередь, позволит провести коррекцию перечня, а при необходимости и содержания профессиональных стандартов. Широкая апробация профессиональных стандартов в процедурах независимой оценки квалификаций и профессионально-общественной аккредитации образовательных программ, как ожидается, должна дать дополнительные материалы по корректировке и актуализации профессиональных стандартов. Для проведения независимой оценки квалификаций и

профессионально-общественной аккредитации программ наличие профессиональных стандартов (или других согласованных с работодателями квалификационных характеристик) является необходимым, но не достаточным условием. Успешная работа всех сегментов национальной системы квалификаций требует: а) формирования организационно-методических документов, обеспечивающих проведение процедур; б) создания организаций, способных должным образом осуществлять процедуры в соответствии с организационно-методическим обеспечением и в) подготовки экспертов по вопросам функционирования национальной системы квалификаций. Но, для того, чтобы начать апробацию любого из элементов национальной системы квалификаций, необходимо иметь профессиональный стандарт – документ, содержащий характеристику соответствующего вида профессиональной деятельности – опираясь на который можно развивать систему независимой оценки квалификаций, а результаты работы этой системы использовать при проведении профессионально-общественной аккредитации образовательных программ.

Если профессиональный стандарт создан, то как перейти к проведению независимой оценки профессиональных квалификаций?

Эксперты НИИ ТСС совместно с партнерами разработали некоторые подходы к формированию профессиональных квалификаций на основе профессиональных стандартов, которые могут пройти практическую апробацию уже в ближайший год. Предполагается, что определение и систематизацию перечня профессиональных квалификаций, относящихся к конкретной области профессиональной деятельности, и формирование характеристики профессиональных квалификаций в соответствии с видом(-ами) профессиональной деятельности (профессиональным (ыми) стандартом (ами)) будет обеспечивать отраслевая рамка квалификаций, точнее, ее основной раздел - «Реестр профессиональных квалификаций области профессиональной деятельности».

В Реестре профессиональных квалификаций области профессиональной деятельности для каждой квалификации необходимо указывать три характеристики:

1) Наименование: формируется на основе профессионального стандарта (наименования профессионального стандарта и (или) информации графы «Возможные наименования должностей, профессий») и отражает специфику и уровень квалификации.

2) Общая характеристика профессиональной квалификации на основе профессионального стандарта включает обязательные и факультативные параметры. Факультативные параметры устанавливаются по решению советов по профессиональным квалификациям для отдельных областей профессиональной деятельности и (или) отдельных профессиональных квалификаций в конкретной области профессиональной деятельности. К обязательным параметрам следует отнести уровень\подуровень квалификации; вид профессиональной деятельности; наименования и коды обобщенных трудовых функций (одна или несколько) и перечень трудовых функций (одна или несколько), отражающих содержание трудовой деятельности обладателя профессиональной квалификации. Факультативные параметры могут включать основные пути достижения профессиональной квалификации; типовые должности и другие дополнительные параметры.

3) Порядок подтверждения профессиональной квалификации включает: условия допуска к профессиональному экзамену, формы организации оценки профессиональной квалификации, срок действия свидетельства о профессиональной квалификации. Перечень параметров, характеризующих порядок подтверждения профессиональной квалификации, по решению советов по профессиональным квалификациям может быть расширен как для всех профессиональных квалификаций конкретной области профессиональной деятельности, так и для отдельных профессиональных квалификаций.

Предполагается, что помимо «Реестра профессиональных квалификаций области профессиональной деятельности», в отраслевые рамки квалификаций будут входить такие разделы, как «Профессионально-квалификационная структура области профессиональной деятельности» и «Описание уровней (подуровней) квалификации области профессиональной деятельности».

Раздел «Профессионально-квалификационная структура области профессиональной деятельности» содержит профессионально-квалификационную структуру области профессиональной

деятельности: перечень основных производств и (или) основных технологических процессов и (или) видов труда, представленных в области профессиональной деятельности, сопряженный с перечнем видов профессиональной деятельности (профессиональных стандартов при наличии) и перечнем профессиональных квалификаций.

Раздел «Описание уровней (подуровней) квалификации области профессиональной деятельности» представляет обобщенное описание уровней (подуровней) квалификации конкретной отрасли/области профессиональной деятельности. Описание формируется с использованием показателей уровней квалификации в целях разработки проектов профессиональных стандартов (далее – базовые показатели). При необходимости могут быть введены дополнительные показатели, позволяющие более точно описать уровни (подуровни) квалификации с учетом специфики отрасли/области профессиональной деятельности.

Таким образом, для развития (нормативного и методического оформления/закрепления) системы квалификаций определенной отрасли или области профессиональной деятельности необходимо пройти несколько этапов. Во-первых, разработать пакет профессиональных стандартов, содержащих характеристику некоторой части отрасли или области профессиональной деятельности. В тех сегментах/секторах профессиональной деятельности, в которых пакет профессиональных стандартов включает один или два документа, состоящих в совокупности из 4-5 обобщенных трудовых функций, прежде всего, необходимо найти партнеров - «родственные» виды деятельности, объединившись с представителями которых развивать нормативное и методическое оформление системы квалификаций. Далее, на основе информации, представленной в профессиональных стандартах, начать формирование отраслевой рамки квалификаций (прежде всего «Профессионально-квалификационной структуры области профессиональной деятельности» и «Описания уровней (подуровней) квалификации области профессиональной деятельности»). И затем, перейти к формированию реестра профессиональных квалификаций. И здесь важно понимать, что переход к разработке очередного этапа не означает полное завершение предыдущего, каждый из этапов продолжает формироваться и актуализироваться по мере «подключения» в работу следующего этапа.

ПОДГОТОВКА БАКАЛАВРОВ В РАКУРСЕ ПРОФЕССИОГРАММЫ СОЦИОЛОГА

Щукина Н.П., Мачнев В.Я.

Толчком к написанию данного текста послужил ряд обстоятельств. Обозначим некоторые из них. Язык социологии становится все более метафоричным: при описании сложных процессов, происходящих в современном мире, ученые говорят о «текучей современности», «ускользающем мире» и т.п. Наряду с этим, появляются друг за другом все новые и новые образовательные стандарты. Несмотря на то, что стандарт – некий образец того, как надо действовать, тем не менее, и его освоение осуществляется с помощью интерпретации. Но что такое интерпретация? Сама дефиниция интерпретации может трактоваться самым разным образом: от буквально понимания, раскрытия авторского намерения, до любого акта создания текста заново [1]. Иными словами, один и тот же текст - даже стандарт - прочитывается разными специалистами по-разному.

В силу сказанного выше воспользуемся метафорой М. Догана, согласно которой *«территория современной социологии похожа на позднюю Римскую Империю, когда большинство солдат далеко на границах, а в столице армии нет»* [2, с.4]. Отсутствует консенсус как в отношении доминирующей, интегрирующей, общепринятой парадигмы, как и относительно ролевого репертуара социолога. Так, высказывается точка зрения, согласно которой социологу важно четко выдерживать позиции ученого, а также диагноста и поставщика информации, *«но никак не переходя за грань, в уже следующую профессиональную позицию - социального технолога»* [3]. Как постулируют приверженцы данной точки зрения, категорически недопустимо смешение позиций измерения и изменения социальной действительности, если первая – это позиция социолога, то вторая - профессиональная позиция социальных технологов, социальных инженеров. *«Отделение прикладной социологии от социальной инженерии - это очень важный... просто принципиальный вопрос для профессионального*

сообщества» [3]. Наряду с такой точкой зрения, в профессиональном сообществе представлены и иные позиции по обсуждаемому вопросу: *«социолог – это социальный технолог: исследователь, проектировщик и менеджер взаимоотношений и массовых процессов, который разрабатывает программы социального развития, проводит опросы, берет интервью, читает лекции, пишет статьи, выступает по телевидению и организует труд других людей»* [4]. Остается открытым по сути и вопрос о связи профессиональной и публичной социологии, что нашло достаточно яркое отражение в самом названии целого ряда работ, например, «Еще одна социологическая утопия», «Пациент отказался от госпитализации», или в защиту социологии» [5]. В этой связи как не вспомнить одно из положений Этического кодекса Международной социологической ассоциации о важности умения предупреждать претензионные ситуации проведения экспертизы в сферах, касательно которых отсутствуют *«глубокие знания, особенно в случаях, когда это оказывает влияние на публичную дискуссию или политические дебаты»* [6, ч.4.2.].

Отсутствие в профессиональном сообществе консенсуса в отношении доминирующей, интегрирующей, общепринятой парадигмы находит свое отражение и в разнообразных практиках подготовки социологов. В частности, наше включение в разговор о связи социологии с социальной технологией нашло отражение в практике подготовки социологов социальной сферы в Самарском государственном университете, когда будущие социологи занимаются и *«измерением»*, и *«изменением»*. Так сложилось, что преподаватели кафедры на протяжении 2009-2015 гг. активно включены в процесс общественной экспертизы регионального бюджета, ежегодно участвуя в публичных слушаниях по бюджету социальных министерств, фактически проигрывая при этом роли органических публичных социологов. При этом, в силу специфики направлений работы кафедры, в фокусе их внимания на этих слушаниях - реализуемые в регионе социальные программы. С 2009 г. в процесс общественной экспертизы включены студенты одного из профилей кафедры - «Социологии социальной сферы». Именно на этом профиле читается целый цикл дисциплин, связанных с необходимостью оценки студентами социальных программ на всех этапах их осуществления, включая такие курсы, как «Социальная политика», «Конструирование социальных реформ в трансформирующемся российском обществе», «Социологическое обеспечение управления социальной сферой», «Маркетинговые исследования в социальной сфере». Участие студентов в общественной экспертизе реализуемых в регионе социальных программ дает им возможность напрямую взаимодействовать с руководителями министерств, а также исполнителями и заказчиками социальных программ, в форме дискуссий, как на подготовительном этапе, так и в ходе общественных слушаний по соответствующим официальным, административным текстам. Публичные слушания – это взаимодействие власти и общественности, коммуникация разных акторов, состав которых весьма пестр, особенно со стороны общественности. В этой связи такие слушания – хорошая площадка для отработки умений будущих социологов, включая умение устанавливать контакты с разными людьми; привлечь внимание и заинтересовать большое количество людей; говорить ясно, четко, выразительно; гибкость и динамичность мышления.

Публичные слушания – это порой и столкновение полярных оценок расходования бюджетных средств и социальной политики. Задавая вопрос, например, о том, как министерству удалось – судя по выступлениям его сотрудников - повысить удовлетворенность потребителей качеством получаемых услуг почти в два раза за два года, важно быть уравновешенным, сосредоточенным на обсуждаемой проблеме, демонстрируя при этом профессиональное знание как социального программирования, так и самих программ, реализуемых в регионе, а также сложившихся практик их экспертизы. Иными словами, участвуя даже единожды в публичных слушаниях, студент получает не только обилие информации о региональной социальной политике, ее акторах, исследованиях разного типа по соответствующей тематике, но и получает уникальную возможность включиться в данный процесс в самых разных ролях, рефлексируя так или иначе по поводу своей коммуникабельности, эрудированности, толерантности, а также других акторов на названном выше поле. Тем самым участие в публичных слушаниях способствует и предупреждению факторов, препятствующих эффективности

будущей профессиональной деятельности, включая неумение общаться с людьми; застенчивость; нерешительность, грубость и т.п. [7, с. 299].

Если изучая современные модели функционирования и развития социальной сферы, студенты лишь знакомятся с региональными практиками публичных слушаний, проигрывая прежде всего роль наблюдателя-участника, то итоговая работа студентов по курсу «Социальная политика» — социологическая экспертиза той или иной социальной программы, отобранной самим студентом для непосредственного анализа из тех программ, которые заявлены в документах, вынесенных на общественную экспертизу. По завершении обучения на профиле студенты пишут выпускные квалификационные работы по соответствующей тематике, активно участвуя при этом в исследовательских проектах кафедры, например, в проектах «Инновационный потенциал публичной социологии в региональном социальном программировании», «Работе учреждений социального обслуживания – объективную, независимую оценку», других. Словом, привлечение студентов к участию в публичных слушаниях - не так сложно, тем более, к экспертной деятельности, поскольку само название этой деятельности не просто носит позитивный характер, но и закрепляет за студентом высокий статус. Студенты получают, таким образом, возможность реального взаимодействия с ключевыми фигурами потенциальных работодателей, включая и профильные исследовательские центры [8]. Лучшие из студентов становятся сотрудниками данных организаций по завершении обучения в университете.

На основе сказанного выше представляется весьма актуальным вынесение на специальное обсуждение в профессиональном сообществе вопроса о ролевом репертуаре социолога. В любом случае, не удивительна ли ситуация, когда не социологи переиздают - уже трижды - в качестве учебного пособия работу с изложением в ней профессиограммы социолога? [7]. Профессиограмма как обобщенная эталонная модель успешного специалиста в изучаемой области *включает в себя в качестве наиважнейшей составляющей* ролевой репертуар специалиста. Подчеркнем, что данный репертуар – далеко не безобидная вещь в том плане, что ролям свойственно вступать в конфликт друг с другом. Более того, они могут предъявлять по сути противоположные требования, что и нашло отражение, на наш взгляд, в обозначенных выше как полярных позициях социологии и социальной технологии, профессиональной и публичной социологии. Сказанное представляется значимым и в аспекте обсуждения и разработки профессиограммы социолога социологами.

Толчком к разработке данной профессиограммы с учетом реалий сегодняшнего дня могло бы стать завершение обсуждения проекта Этического кодекса Российского общества социологов, разработанного задолго до сегодняшнего дня и размещенного на сайте РОС [9]. Такой разговор, думается, – и уникальная возможность приостановиться в повседневной гонке жизни и призадуматься над собственными практиками профессиональной деятельности и ее контекстами.

Наконец, представляется важным и вопрос о том, а сколько в принципе может быть этических кодексов у российских социологов. Такая постановка вопроса обусловлена уже тем фактом (не будем говорить о других), что в профессиональном сообществе уже действует этический кодекс, разработанный ИСПИ РАН.

Список литературы

1. Лоранд Р. Портрет интерпретации//Социальные и гуманитарные науки в России и за рубежом. Реферативный журнал. Серия «Социология», 2001, № 4. С 55-58.
2. Доган М. Социология среди социальных наук//Социологические исследования, 2010, № 1. С.3-13.
3. Задорин И.В. Три профессиональных позиции социолога и репутация профессии. – Режим доступа: http://www.sociologos.ru/cennosti_i_standarty/tri_professionalnyh_pozicii
4. Материалы приемной комиссии СПбГУ. – Режим доступа: http://abiturient.spbu.ru/data/programs_b/040100_42.pdf
5. См., например, Буравой М. Последний позитивист//Социологический ежегодник, 2011. Сб. науч. тр./Ред. и сост. Покровский Н.Е., Ефременко Д.В. М.: РАН ИНИОН, 2011. С.27- 40; Покровский

Н.Е. «Пациент отказался от госпитализации», или в защиту социологии// Социологический ежегодник, 2011...С. 40-45; Штомпка П. Еще одна социологическая утопия//Социологический ежегодник, 2011...С. 11-26.

6. Code of Ethics. Approved by the ISA Executive Committee, Fall 2001. International Sociological Association. - Режим доступа: http://www.isa-sociology.org/about/isa_code_of_ethics.htm

7. Романова Е. С. 147 популярных профессий: Психологический анализ и профессиограммы. 3-е изд, перераб. и доп. / Е. С. Романова. — М.: Аспект Пресс, 2011. — 416 с.

8. Щукина Н.П. Общественная экспертиза программ регионального развития как поле профессиональной деятельности будущего социолога//Социологические методы в современной исследовательской практике / отв. ред. О.А. Оберемко. М.: НИУ ВШЭ, 2011. — VIII, 2011. С. 554- 557.

9. Этический кодекс Российского общества социологов. Проект. – Режим доступа: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id

Сведения об авторах

1. Аммосова Айталына Кирилловна, Северо-Восточный Федеральный университет им.М.К.Аммосова, a-ayta@mail.ru
2. Амозова Лариса Николаевна, Российская открытая академия транспорта Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ), amozova.larisa@yandex.ru
3. Андрощук Владимир Антонович, Череповецкий государственный университет, V.androshuk@yandex.ru
4. Априлов Егор Андреевич, Дальневосточный федеральный университет, www.aprelov@mail.ru
5. Ардалянова Анна Юрьевна, Дальневосточный федеральный университет, ardy2004@mail.ru
2. Арутюнян Армен Сергеевич, Институт социологии Российской академии наук, armenaru@gmail.com
3. Архипова Людмила Юрьевна, Институт Социального Образования филиал Российского государственного Университета в г. Саратов, milarchstef@yandex.ru
4. Асадуллина Гузелия Рауфовна, Башкирский государственный университет», Asadullina-guzeliya@yandex.ru
5. Бадалянц Ольга Владимировна, Северо-Восточный государственный университет, afonado@rambler.ru
6. Бадонов Алексей Маланович, Бурятский государственный университет, badonov@mail.ru
7. Байков Николай Михайлович, Дальневосточный институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, nmbaikov@rambler.ru
8. Барков Сергей Александрович, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, socorgmen@yandex.ru
9. Басимов Михаил Михайлович, Российский государственный социальный университет, Basimov_@mail.ru
10. Бегинина Ирина Александровна, Саратовский государственный университет имени Г.Н. Чернышевского, begininaia@ya.ru
11. Белова Екатерина Викторовна, Юго-Западный государственный университет, belovacat@mail.ru
12. Белова Татьяна Павловна, Ивановский государственный университет, tpb_ivgu@mail.ru
13. Березутский Юрий Владимирович, Дальневосточный институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, berezutskiy@dviu.ranepa.ru
14. Бийжанова Элиза Камчыбековна, Институт социологии Российской академии наук, eliza2306@mail.ru
15. Бондаренко Мария Николаевна, Национальный исследовательский Саратовский государственный университет им.Н.Г. Чернышевского, mariabmn@yandex.ru
16. Бурмыкина Ирина Викторовна, Липецкий государственный педагогический университет, ivburn@yandex.ru
17. Бутуева Зинаида Арсентьевна, Бурятский государственный университет, butueva_z@mail.ru
18. Бушкова-Шиклина Эльвира, Вятский государственный университет, elvira_bsh@mail.ru
19. Васильев Владимир Петрович, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, vasvp15@gmail.com
20. Васильева Елена Владимировна, Дальневосточный федеральный университет, evasileva12@yandex.ru
21. Васильева Марианна Валерьевна, Северо-восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, iloverl@yandex.ru
22. Винокурова Анна Викторовна, Дальневосточный федеральный университет, vinokurova77@mail.ru

23. Винокурова Ульяна Алексеевна, Арктический государственный институт, Uottaah1707@gmail.com
24. Волосков Игорь Владимирович, Национальный гуманитарный институт социального управления, Igorvol72@mail.ru
25. Воробьева Ирина Владимировна, Российский государственный гуманитарный университет, vorobyova.irina@list.ru
26. Восканян Эвелина Самсоновна, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова Evelina.voskanyan@mail.ru
27. Гавриленко Ольга Владимировна, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, o-s@proc.ru
28. Говорухина Галина Владимировна, Алтайский государственный институт культуры, govorgv@gmail.com
29. Голик Наталья Викторовна, Дальневосточный федеральный университет, natucichka@yandex.ru
30. Гончарова Наталья Петровна, Алтайский государственный университет, g-natalia@mail.ru
31. Гончарова Светлана Владимировна, Дальневосточный федеральный университет, goncharova.sv@dvfu.ru
32. Грабельных Татьяна Ивановна, Иркутский государственный университет, tagr@bk.ru
33. Григорьев Святослав Иванович, АНО «Учебно-консультационный центр «Труд», guslyakova@mail.ru
34. Гудина Ольга Владимировна, Вятский государственный университет, olgut93@mail.ru
35. Гусякова Людмила Герасимовна, Алтайский государственный институт культуры, guslyakova@mail.ru
36. Давыдов Сергей Анатольевич, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, licurg@inbox.ru
37. Дементьева Ирина Николаевна, Институт социально-экономического развития территорий РАН, irinika_74@mail.ru
38. Дергунова Ирина Вячеславовна, Алтайский государственный университет, miss.dergunowa2015@yandex.ru
39. Деханова Наталья Геннадьевна, Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова, ndehanova@mail.ru
40. Долгоруков Александр Михайлович, Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова, dolgorukov.am@gmail.com
41. Егорова Надежда Юрьевна, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, nadegorova@yandex.ru
42. Ермилова Анна Вячеславовна, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, ermilova.75@bk.ru
43. Ерохин Алексей Константинович, Дальневосточный федеральный университет, alker@list.ru
44. Ерохина Людмила Дмитриевна, Дальневосточный федеральный университет, logos31@rambler.ru
45. Еськова Анна Владимировна, Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, eskann@yandex.ru
46. Ефимова Виктория Леонидовна, Дальневосточный федеральный университет, Lt-v@mail.ru
47. Ждан Александр Борисович, Дальневосточный федеральный университет, ab-jhdan@mail.ru
48. Желнина Евгения Валерьевна, Тольяттинский государственный университет, ezhelnina@yandex.ru
49. Злотников Анатолий Геннадьевич, Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, zlot@tut.by
50. Злотников Андрей Анатольевич, Гомельский государственный университет имени Франциска

Скорины, azoloto@tut.by

51. Зырянов Владимир Викторович, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, vvzyryanov@gmail.com
52. Извеков Игорь Николаевич, Международный инновационный университет, Izvekov37@mail.ru
53. Измоденова Нина Николаевна, Кольский филиал Петрозаводского государственного университета, nina_izmodenova@mail.ru
54. Изосина Елена Викторовна, Российский экономический Университет имени Г.В. Плеханова, lu4ik555@mail.ru
55. Ильченко Оксана Юрьевна, Дальневосточный федеральный университет, Ilchenko.oyu@dvfu.ru
56. Исакова Инна Александровна, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, inna_isakova@mail.ru
57. Истомина Анна Петровна, СевероКавказский федеральный университет, annaistom@yandex.ru
58. Казакова Александра Андреевна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, kazakovaz@mail.ru
59. Калашникова Светлана Михайловна, Воронежский государственный университет, smkalashnikova@rambler.ru
60. Кан Валерия Сергеевна, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, kan-tuva@mail.ru
61. Карташова Елена Николаевна, Саратовский государственный технический университет, karvae@yandex.ru
62. Катаев Дмитрий Валентинович, Липецкий государственный педагогический университет, dmitrikataev@rambler.ru
63. Квиткина Людмила Григорьевна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Kvitk.linda@gmail.com
64. Кизим Вероника Владимировна, Дальневосточный федеральный университет, vkizim@inbox.ru
65. Килимова Людмила Викторовна, Юго-Западный государственный университет, lyuda-klv@yandex.ru
66. Кириллова Екатерина Павловна, Вятский государственный университет, ekaterina_pk@mail.ru
67. Клепова Марина Игоревна, Воронежский государственный университет, marina.klyorowa@yandex.ru
68. Клишина Марина Борисовна, Дальневосточный федеральный университет
69. Ковалева Галина Александровна, Череповецкий государственный университет, galoka1960@yandex.ru
70. Ковтун Галина Степановна, Дальневосточный федеральный университет, kogala@yandex.ru
71. Кожуховская Анна Алексеевна, Дальневосточный федеральный университет, anna-kozhuhovskaya@mail.ru
72. Козлова Лидия Викторовна, Научно-исследовательский институт труда и социального страхования Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, lidiyakozlova@yandex.ru
73. Козырев Геннадий Иванович, Российский химико-технологический университет (РХТУ) им. Д.И. Менделеева, genkozyr@mail.ru
74. Кондратенко Галина Викторовна, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Gala103@yandex.ru
75. Костина Елена Юрьевна, Дальневосточный федеральный университет, Kostina.eyu@dvfu.ru
76. Кривоносова Людмила Александровна, Дальневосточный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, cla60@mail.ru
77. Кривошеев Владимир Вениаминович, Балтийский федеральный университет им. И.Канта, Kvivs48@rambler.ru

78. Кузина Ирина Геннадьевна, Дальневосточный федеральный университет, Kuzina.ig@dvfu.ru
79. Кузьмина Елена Сергеевна, Иркутский государственный университет, lenchik-irk@yandex.ru
80. Кукса Лариса Петровна, Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет, kspip@sibstrin.ru
81. Курпяшкин Илья Владимирович, Дальневосточный федеральный университет, kurpyashkin.iv@dvfu.ru
82. Кутявина Елена Евгеньевна, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, kutyavina@gmail.com
83. Кучерук Алёна Алексеевна, Дальневосточный федеральный университет, alenka_kucheruk@mail.ru
84. Лазарева Маргарита Сергеевна, Алтайский государственный университет, gita2887@mail.ru
85. Лазаричева Светлана Геннадьевна, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, lazaricheva@gmail.com
86. Левшин Сергей Вячеславович, Дальневосточный федеральный университет, levshin.sv@students.dvfu.ru
87. Лепин Александр Петрович, Южный федеральный университет, alexlepin@bk.ru
88. Лободенко Александра Сергеевна, Дальневосточный федеральный университет, Lobodenko.as@dvfu.ru
89. Логутова Екатерина Викторовна, Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, 17647805k@mail.ru
90. Логутова Марина Алексеевна, Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, loguter@inbox.ru
91. Лонцов Виталий Викторович, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, vit129611@rambler.ru
92. Ляхов Андрей Валерьевич, Юго-Западный Государственный Университет, matuz2013@yandex.ru
93. Макаров Сергей Николаевич, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, snmak75@mail.ru
94. Максимова Светлана Геннадьевна, Алтайский государственный университет, svet-maximova@yandex.ru
95. Малахов Филипп Владимирович, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 5048320@gmail.com
96. Мальцева Анна Васильевна, Алтайский государственный университет, annamaltsva@rambler.ru
97. Маревцева Наталья Александровна, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, marevna1@gmail.com
98. Маркеева Анна Валерьевна, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Anna_markeeva@mail.ru
99. Маркова Юлия Сергеевна, Пермский государственный национальный исследовательский университет,
100. Махныткина Олеся Владимировна, Алтайский государственный университет, olesyamahnitkina@yandex.ru
101. Меремьянина Елена Сергеевна, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, pinochan@mail.ru
102. Михайлов Александр Петрович, Институт Прикладной Математики им. М.В. Келдыша РАН, Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, armikhailov@yandex.ru
103. Михайлова Анна Викторовна, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Mikanya23@mail.ru
104. Могильчак Елена Львовна, Уральский федеральный университет имени первого президента РФ

- Б.Н. Ельцина, elenamog@yandex.ru
105. Налунина Дарья Евгеньевна, Дальневосточный федеральный университет, filosofiya93@mail.ru
106. Немирова Наталья Викторовна, Российский Государственный Педагогический университет им. А.И.Герцена, nnemirova@yandex.ru
107. Никитенко Виктор Николаевич, Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, rsgilab@rambler.ru
108. Новичкова Валерия Александровна, Белгородский Государственный Национальный Исследовательский Университет, novichkova94@bk.ru
109. Носкова Антонина Вячеславовна, Московский государственный университет международных отношений
110. Ноянзина Оксана Евгеньевна, Алтайский государственный университет, noe@list.ru
111. Обрывалина Ольга Андреевна, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, olgaobryvalina@gmail.com
112. Оганян Карина Каджиковна, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, karina_oganyan@mail.ru
113. Омельченко Дарья Алексеевна, Алтайский государственный университет, daria.omelchenko@mail.ru
114. Омуралиев Нурбек Ашимканович, Центр методологии науки и социальных исследований Национальной Академии наук Киргизской Республики
115. Орлова Надежда Александровна, Дальневосточный федеральный университет, Orlova.na@dvfu.ru
116. Осмачко Надежда Владимировна, Дальневосточный федеральный университет, osmachko.nv@dvfu.ru
117. Паначева Анна Сергеевна, Дальневосточный федеральный университет, panacheva.as@dvfu.ru
118. Петров Александр Пхоун Чжо, Институт Прикладной Математики им. М.В. Келдыша РАН, petrov.alexander.p@yandex.ru
119. Плотникова Елена Борисовна, Пермский государственный национальный исследовательский университет
120. Подгорная Юлия Борисовна, Юго-Западный государственный университет, isyo144@gmail.com
121. Подъячев Кирилл Викторович, Институт социологии Российской академии наук, kirvik@bk.ru
122. Попиль Василина Андреевна, Дальневосточный федеральный университет, popil.va@dvfu.ru
123. Потапнина Карина Васильевна, Московский гуманитарный институт им. Е.Р.Дашковой, karishka7171@mail.ru
124. Проказина Наталья Васильевна, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Орловский филиал, nvprokazina@mail.ru
125. Прончев Геннадий Борисович, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, pronchev@rambler.ru
126. Прончева Ольга Геннадьевна, Институт Прикладной Математики им. М.В. Келдыша РАН, Московский Физико-Технический Институт (государственный университет), olga.proncheva@gmail.com
127. Прошкина Ксения Владиславовна, Российский экономический Университет имени Г.В. Плеханова, kseniyaproshkina94@mail.ru
128. Прянишникова Ольга Дмитриевна, ФГБУ «Научно-исследовательский институт труда и социального страхования» Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, pryanichnikovaod@rspp.ru
129. Пшеничных Евгения Анатольевна, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, zheni88@mail.ru
130. Раков Сергей Евгеньевич, rakovse@yandex.ru

131. Савельев Анатолий Николаевич, Дальневосточный федеральный университет, savelannik1881@mail.ru
132. Самойлов Петр Юрьевич, Дальневосточный федеральный университет, petersam@mail.ru
133. Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, zara@fsn.unn.ru
134. Сverdlikova Елена Альбертовна, Московский Государственный университет им. М.В.Ломоносова, Elena.sverdlikova@gmail.com
135. Семьянов Святослав Алексеевич, Алтайский государственный университет, semyanov11@yandex.ru
136. Семина Татьяна Александровна, Дальневосточный федеральный университет
137. Соколова Маргарита Михайловна, Дальневосточный федеральный университет, Marsok18@mail.ru
138. Сорокина Полина Аркадьевна, Дальневосточный федеральный университет, oduvanchik001@mail.ru
139. Старикова Мария Михайловна, Вятский государственный университет, maria_kuzmina82@mail.ru
140. Стеколыщикова Анастасия Александровна, Дальневосточный федеральный университет, anas-yast@mail.ru
141. Судьин Сергей Александрович, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, sudjin@mail.ru
142. Тавадова Анжелика Вячеславовна, Московский Государственный университет им. М.В.Ломоносова, avtav@list.ru
143. Тимченко Ольга Александровна, Дальневосточный федеральный университет, olechka24_04@mail.ru
144. Титова Мария Александровна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, aviamaria@yandex.ru
145. Трифонова Галина Александровна, Тихоокеанский государственный медицинский университет
146. Томилов Владимир Анатольевич, Дальневосточный федеральный университет, tomilov05@vfil.ru
147. Томских Мария Сергеевна, Забайкальский государственный университет, m-liga@inbox.ru
148. Третьякова Ирина Владиславна, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, silvervessel@mail.ru
149. Трошкина Ирина Николаевна, Хакасский научный институт языка литературы и истории, i.troschkina2012@yandex.ru
150. Тюплина Ирина Анатольевна, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, sociology@masu.ru
151. Федосова Ирина Андреевна, Юго-Западный государственный университет, irina.iriksss@yandex.ru
152. Филипова Александра Геннадьевна, Дальневосточный федеральный университет, alexgen77@list.ru
153. Хижнякова Анна Сергеевна, Дальневосточный федеральный университет, Khizhnyakova.as@dvfu.ru
154. Хомченко Татьяна Эдуардовна, Московский гуманитарный институт имени Е.Р. Дашковой, z-tanya-z@mail.ru
155. Цветкова Галина Александровна, Российский государственный гуманитарный университет, Qaltsvet@mail.ru
156. Цэцэнбилэг Цэвэний, Институт философии, социологии и права Монгольской академии наук
157. Чернаков Александр Александрович, Совет Алтайской краевой общественной организации

«Клуб Краеведения», kg-ved@yandex.ru

158. Чжэн Хайлунь, Дальневосточный федеральный университет

159. Шаповалова Полина Валериевна, Дальневосточный федеральный университет,
polina.shap@mail.ru

160. Шилкина Наталья Егоровна, Алтайский государственный университет,
natali.shilkina@rambler.ru

161. Щекотин Евгений Викторович, Томский государственный университет, evgvik1978@mail.ru

162. Щукина Нина Петровна, Самарский государственный университет, nina_shukina@mail.ru,
socsfera2007@yandex.ru

Научное издание

**Проблемы моделирования социальных процессов:
Россия и страны АТР**

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием

*Владивосток
11–13 ноября 2015 г.*

В авторской редакции

Подписано в печать 01.12.2015.
Формат 60×84 / 16. Усл. печ. л. 21,39. Уч.-изд. л. 34,31.
Тираж 100 экз. Заказ **xxx**.

Дальневосточный федеральный университет
690950, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Отпечатано в типографии
Дирекции публикационной деятельности ДВФУ
690990, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10